ГЛЕБ СТРУВЕ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИЗГНАНИИ

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЗОРА ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк · 1956

ГЛЕБ СТРУВЕ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИЗГНАНИИ

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Р.И.Вильданова
В.Б.Кудрявцев
К.Ю.Лаппо-Данилевский

КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

YMCA-Press · РУССКИЙ ПУТЬ
Париж — Москва · 1996

ББК 83.3Р
С87

ISBN 5-85887-012-0

ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ

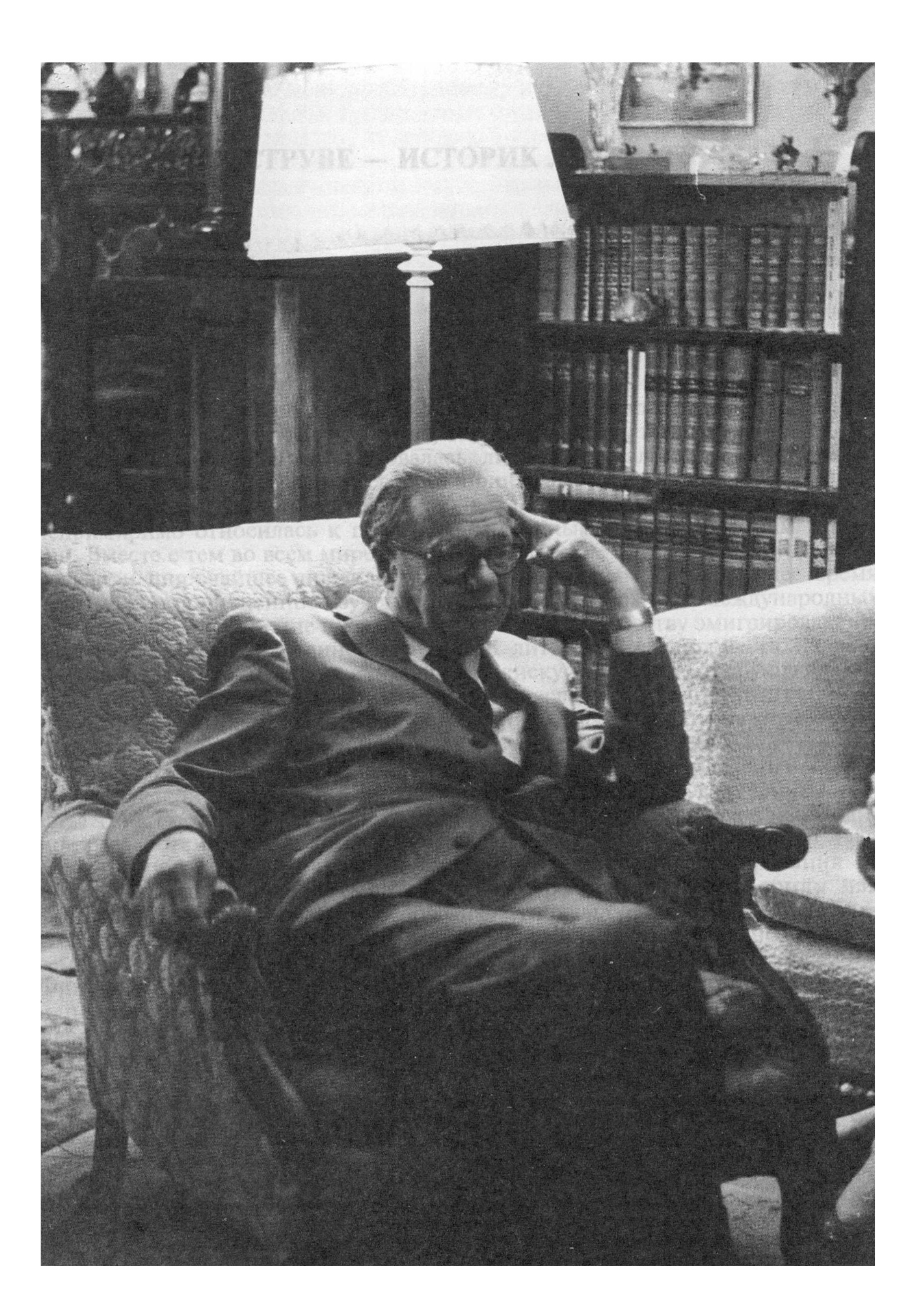
В.Б.Кудрявцева и
К.Ю.Лаппо-Данилевского

СОСТАВЛЕНИЕ И ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

К.Ю.Лаппо-Данилевского

ХУДОЖНИК

Г.К.Самойлов

ГЛЕБ СТРУВЕ — ИСТОРИК ЛИТЕРАТУРЫ

Мы не в изгнании,
Мы в послании.
З.Гиппиус

4 июня 1985 года в Беркли (Калифорния) скончался выдающийся русский ученый Глеб Петрович Струве; его деятельность в течение многих лет советской наукой либо игнорировалась, либо подвергалась острой критике[1], что было вызвано прежде всего его принадлежностью к так называемой «первой волне» русской эмиграции XX века, которая, как известно, в целом непримиримо относилась к послереволюционным преобразованиям в России. Вместе с тем во всем мире литературоведческие труды Г.П.Струве давно получили широчайшее признание; без учета его работ в настоящее время невозможно полноценное изучение русской литературы и ее международных взаимосвязей. Изменение в России отношения к творчеству эмигрировавших писателей, признание единства русского литературного процесса на всех континентах, еще недавно считавшееся дискуссионным[2], требуют от нас более пристального внимания к научному наследию русской эмиграции, в особенности «первой волны», чьи издания (обычно малотиражные) реже других проникали на территорию бывшего Советского Союза.

Хотя уже предпринимались попытки осуществить комплексный анализ вклада русской эмиграции в мировую науку[3], не будет преувеличением сказать, что в России данный аспект ее деятельности не получил еще необходимой разработки: это и побуждает нас уделить ему некоторое внимание. Русская диаспора по своей численности и интенсивности формирования не может быть даже сопоставлена с историей рассеяния евреев, армян или французских гугенотов. Эта своеобразная этнокультурная общность, насчитывавшая более двух миллионов человек, сложилась стремительно, всего за семь лет (1918-1925 годы). Она включала русское население Бессарабии, Финляндии, Эстонии, Литвы, Польши, Угорской и Прешовской Руси, Китая и полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги и Западной Европы (50000, живших здесь до 1917 года); сюда нужно прибавить число беженцев, зафиксированных Лигой Наций (к сент. 1926 года — 1160000), а

---

[1] См., например, дважды опубликованную статью А.А.Беляева «Глеб Струве — апостол антикоммунизма», полную резких и несостоятельных выпадов (Москва, 1971, № 5. С.193-204; Русская литература и ее зарубежные критики: Сб. статей. М., 1974. С. 343-388), и его книгу «Идеологическая борьба и литература» (М., 1977; 2-е изд., М., 1988).

[2] См. об этом: Одна или две русских литературы? Сб. статей. Лозанна, 1981.

[3] *Адамович Г.В.* Вклад русской эмиграции в мировую культуру. Париж, 1961; *Ковалевский П.Е.* 1) Русское рассеяние. [Б.м., б.г.]; 2) La dispersion russe. Chauny, 1954; 3) Наши достижения. [Б.м.], 1960; 4) Зарубежная Россия. Париж, 1971. Ч.1; 1973. Ч.2.; *Raeff M.* Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919-1939. New York, 1990. P. 202-203. Из публикаций в России пока можно отметить лишь одну как введение в данную проблематику: *Костиков В.В.* Не будем проклинать изгнанье... (Пути и судьбы русской эмиграции). М., 1990.

также значительное число военнопленных Первой мировой войны[4]. Пожалуй, только правительства двух стран — Югославии и Чехословакии (соответственно 70000 и 50000 русского населения) — создали программу целенаправленной поддержки русских беженцев, в результате чего именно здесь стали возможны русские образовательные учреждения и крупные научные центры. Нужно отметить высокий образовательный ценз русской диаспоры — 3/4 со средним, весьма значительное количество лиц с высшим образованием; в социальном отношении наименьшим было число рабочих и духовенства. Несмотря на это русским беженцам было трудно интегрироваться в странах проживания, получить работу, на каждом шагу они встречали пренебрежение со стороны обывательского большинства. Как всякие изгнанники, они не представляли ни для кого угрозы, были беззащитны, существовали обособленно, жили бедно...

Интеллектуальный потенциал эмиграции значительно вырос за счет высылки творческой интеллигенции из Советской России осенью 1922 года (Н.А.Бердяев, Н.О.Лосский, Ф.А.Степун, Л.П.Карсавин и др.)[5]; выходцы из России стали более интенсивно включаться в жизнь Западной Европы, формировалась оригинальная культурная общность, переживали расцвет литература, журналистика, наука.. Постепенно Берлин — благодаря относительно дешевой жизни — становится столицей русского Зарубежья, здесь концентрируется свыше 30 издательств («Петрополис», «Скифы», «Издательство З.И.Гржебина», «Мысль», «Знание», «Грани», «Кооперативное издательство», «Литература», «Геликон», «Манфред», «Возрождение», «Огоньки», «Нева» и т.д.)[6], множество мелких редакций журналов и газет[7]. Создаются и научные организации: парижская, югославская, германская, болгарская, английская, итальянская, эстонская, чехословацкая, харбинская и через некоторое время североамериканская академические группы. С 1921 года регулярно проводятся их съезды, выходят научные труды[8].

Активная научная деятельность способствовала тому, что ученые первой русской волны внесли значительный вклад фактически во все области знания. Перечислим хотя бы некоторых из тех, кто добился мирового признания: А.П.Ольденбург, С.Н.Виноградский, В.Н.Анри (медицина и биология), В.В.Стратонов, Н.М.Стойко-Радишевский, О.Л.Струве, И.И.Ковалевский (астрономия), В.Г.Демченко, С.Н.Владимирский, И.И.Сикорский (авиаконструирование и аэродинамика), П.А.Сорокин, Н.С.Тимашев, П.Б.Струве, Е.В.Спекгорский, М.А.Таубе, В.И.Синайский, И.А.Курганов,

---

[4] *Raeff M.* Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration. P. 202-203; *Стефан Дж.* Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции. М., 1992. С. 19-35.

[5] См. об этом: *Геллер М.* «Первое предупреждение» — удар хлыстом (К истории высылки из Советского Союза деятелей культуры в 1922 г.) // Вестник РХД. 1978. № 124. С. 187-232; *Лосский Б.Н.* К изгнанию людей мысли // Русский альманах. Париж, 1981. С. 351-362; *Хоружий С.* Философский корабль // Литературная газета. 1990, № 19 (5293), 9 мая; *Колодный Л.* Изгнание философов // Московский комсомолец. 1990, №№ 133-134, 12-13 июня; *Костиков В.* Изгнание из рая // Огонек. 1990, № 24, июнь. С. 14-16; *Рещикова В.А.* Высылка из РСФСР // Минувшее. Т. 11. М.; СПб., 1992. С. 199-208.

[6] *Гуль Р.Б.* Я унес Россию. Нью-Йорк, 1981. Т. 1. С. 117-133 (глава «Книжное дело»). См. также соответствующие разделы книги Г.П.Струве "Русская литература в изгнании".

[7] *Schatoff M.* Half a Century of Russian Serials: 1917-1968: Cumulative Index of Serials Published outside the USSR. New York, 1970-1972. Vol. 1-3; *Ossorguine-Bakounine T.* L'émigration russe en Europe: Catalogue collectif des periodiques en langue russe. 1885-1940. Paris, 1976; *Katchaki I.N.* Bibliography of Russian Refugees in the Kingdom of S.H.S. (Yugoslavia) 1920-1945. Arnhem, 1990. См. подробнее обзор: *Аранс Д.* Русская библиография за рубежом // Сов. библиография. 1990. № 1. С. 141-148.

[8] Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920-1930). Белград, 1931. Вып. 1; 1941. Вып. 2; Записки Русского научного института в Белграде. 1930-1940. Вып. 1-17; Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1967. Т. 1 —.

В.В.Леонтьев (юриспруденция, социология), Б.Г.Унбегаун, Н.С.Трубецкой, Ю.С.Коловрат-Червинский, Ю.В.Шевелев, Р.О.Якобсон, А.Л.Бем, А.В.Соловьев, Д.И.Чижевский, Г.Б.Бобринский (лингвистика и литературоведение), М.И.Ростовцев, М.А.Миллер, М.М.Карпович, С.Г.Пушкарев, Е.Ф.Шмурло, С.П.Мельгунов, С.С.Ольденбург, Д.Д.Оболенский (история, археология), Н.И.Андрусов, А.Ф.Мейендорф, Н.Н.Меньшиков (геология), В.К.Агафонов, В.С.Малышева, А.Н.Федоров (почвоведение), К.Н.Давыдов, М.М.Новиков, Л.В.Черносвитов, Б.П.Уваров (зоология), В.С.Ильин, Н.С.Шостенко (ботаника), В.Н.Ипатьев, А.Е.Чичибабин, Н.А.Пушин (химия), И.Р.Пригожин, А.А.Эйхенвальд, В.Ф.Горшков, С.Д.Болтовский, С.Г.Никитин, В.К.Миронович (физика), С.П.Тимошенко, А.П.Фан дер Флит (математика) и многие другие. Подлинный ренессанс пережили в 1920-1940-е годы русская философская мысль и история церкви (Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, Г.В.Флоровский, Г.П.Федотов, С.Л.Франк, Б.П.Вышеславцев, А.В.Ельчанинов, Л.Шестов и др.)[9].

Именно в атмосфере поисков, споров о дальнейшей судьбе России, с одной стороны (достаточно вспомнить евразийцев, сменовеховцев, младороссов, непредрешенцев и т.д.), и напряженной научной деятельности, с другой, происходило становление Г.П.Струве, принадлежавшего по своему рождению к одной из семей, внесших наибольший вклад в развитие культуры русской эмиграции (Зёрновы, Игнатьевы, Ковалевские, Елисеевы, Лосские, Рязановские и др.). Однако картина будет неполна, если мы обойдем вниманием его предреволюционную биографию.

Глеб Петрович Струве родился в Петербурге 19 апреля (ст.стиль) 1898 года, он был старшим сыном социолога и политического деятеля Петра Бернгардовича Струве, чья идейная эволюция от «легального» марксизма все более вправо представляет довольно типичное явление для людей его круга и образа мыслей. Несмотря на неудовольствие отца, предпочитавшего традиционное классическое образование, стараниями матери мальчик был определен в Выборгское восьмиклассное коммерческое училище в Петербурге, которое окончил в 1916 году. В стенах училища формируются литературные вкусы Г.П.Струве, вспоминавшего более полувека спустя: «...мне было лет 14-15, когда я зачитывался Блоком и Белым и не пропускал ни одного номера “Аполлона”»[10]. Он пишет стихи и статьи, которые появляются в газете, составлявшейся учащимися[11]. Осенью 1915 года через Ю.А.Никольского, брата своего соученика С.А.Никольского, молодой человек знакомится с кружком поэтов, связанных с венгеровским семинарием и Пушкинским обществом при Петроградском университете: в кружок входили В.А.Злобин, Н.А.Оцуп, В.А.Рождественский, Д.Л.Майзельс, Л.М.Рейснер, Н.А.Авдеев, Г.В.Маслов, Е.М.Тагер и др. В кружке был подлинный культ А.С.Пушкина, что наложило сильный отпечаток на творчество его участников, подчеркнуто классичных в своей ориентации. Дружба с юными литераторами была прервана сначала поездкой с отцом в Англию, затем — недолгосрочным участием в Первой мировой войне.

---

[9] См. подробную библиографию: *Zander L.* (*ed.*) List of the Writings of Professors of the Russian Orthodox Theological Institute in Paris. Paris, 1932, 1937, 1947, 1954, 1965; *Зёрнов Н.М.* 1) Русские писатели эмиграции: Библиографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре (1912-1972). Бостон, 1973; 2) Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1974. С. 333-368.

[10] *Струве Г.П.* К истории русской поэзии 1910-х — начала 1920-х годов. Беркли, 1979. С. 15.

[11] Дебют Г.П.Струве в рукописной газете «Светлый луч» (1915), посвященный авангардистской выставке, был перепечатан к его 80-летию крупнейшими газетами Зарубежья (Новое русское слово. 1978, 2 мая; Русская мысль. 1978, 4 мая).

Стихи Г.П.Струве появляются в газетах и журналах уже после его эмиграции (1918), мы встречаем их на страницах «Руля», «Возрождения», «Русской мысли», «России и славянства», «Дней», «Звена», «Современных записок», «Сегодня» и др. Позже лучшие из них были объединены в книге «Утлое жилье», выдержавшей два издания (1965[12] и 1978); общая эволюция лирики поэта и ученого представляет движение от стихов, написанных под несомненным влиянием символистов («Тени», «Город великих соблазнов», «Мы живем в туманном ожиданьи...» и др.), к произведениям, в которых преобладают трагические ноты, «тютчевская тональность» («Дерев неубранного сада...», «Я вдруг почую облегченье...», «Знай: мир лишь утлое жилье...», «Я на снегу писал любимой имя...» и т.д.). Все чаще в его стихах звучит тема смерти — загадочного освобождения человеческой души, ее воссоединения с Богом:

... А я услышу тот, упрямый,
Невероятный, легкий звук:
Дрожанье звезд вот тут, над самой
Дугой твоих склоненных рук.
И я увижу, у придела,
Два белых ангельских крыла:
Душа опередила тело
И, легкая, осиротела,
И, легкая, изнемогла.

(*«Ты легким поцелуем тронешь...», 1925)*

В целом поэтическое наследие Г.П.Струве демонстрирует ту высокую поэтическую культуру и мастерство, которыми обладали писатели-эмигранты второго и третьего рядов, и несомненно заслуживает внимания современного читателя.

Вместе с тем литературная деятельность Г.П.Струве, его участие в журналистике 1920-1930-х годов, помощь отцу в издательских предприятиях (данью сыновней привязанности стала подготовленная через много лет совместно с Н.А.Струве книга литературно-критических статей: *Струве П.Б.* Дух и слово. Париж, 1981) позволили в дальнейшем ученому использовать в трудах по истории эмигрантской литературы опыт общения с редакциями, сделали его обладателем бесценных документов (письма И.А.Бунина, В.Ф.Ходасевича, Б.В.Анрепа, Г.В.Иванова, М.И.Цветаевой, М.А.Алданова, Д.С.Мережковского и многих других). После окончания Balliol College в Оксфорде весной 1922 года Г.П.Струве переехал в Прагу, затем в Берлин, где до весны 1924 года ведал печатанием «Русской мысли», редактировавшейся его отцом. Затем он переселяется в Париж и становится секретарем Комитета содействия образованию русского юношества за границей, а также секретарем Русского национального комитета. Летом 1925 года Г.П.Струве получил место в редакции хроники газеты «Возрождение», основанной А.О.Гукасовым. В августе 1927 года вместе с отцом он принял участие в создании парижской газеты «Россия» (с 1928 года выходила под названием «Россия и славянство»). В 1932 году Г.П.Струве получил место лектора в Лондонском университете вместо возвратившегося в СССР Д.П.Святополка-Мирского.

В 1946 году русский ученый был приглашен прочесть лекции в нескольких американских университетах, а в следующем, 1947 году стал преподавателем русской литературы в Калифорнийском университете (Беркли), где работал до 1967 года. С 1960 года он редактировал созданный по его иници-

[12] См. неоправданно резкую рецензию автора, скрывшегося за прозрачными инициалами «Р.Г.» (не Роман ли Гуль?): Новый журнал. 1966. Т. 83. С. 303-304.

ативе славистический сборник «California Slavic Studies», один из наиболее авторитетных и содержательных; на протяжении десятилетия он принимал также активное участие в деятельности издательства «Международное литературное содружество». В 1971 году русский ученый был удостоен степени почетного доктора прав университета в Торонто, в 1973-м — награжден премией за исключительные научные заслуги Американской ассоциацией поощрения славистических исследований, в 1977-м — избран почетным председателем Русской академической группы в США, в 1978-м — награжден почетной грамотой Калифорнийского университета, высшим знаком отличия этого учебного заведения. Библиография Г.П.Струве, насчитывающая более девятисот названий, свидетельствует о колоссальном трудолюбии ученого и широте его научных интересов[13]. Несомненна также его заслуга как воспитателя плеяды американских славистов (Герман Ермолаев, Ольга Раевская-Хьюз, Роберт Хьюз, Семен Карлинский, Владимир Марков, Алекс Шейн, Эрвин Тутыник и др.); он стал для них воплощением лучшего в русской культуре, а смерть ученого заставила многих из них ощутить невосполнимость этой утраты[14].

Классическая русская литература XVIII-XIX веков была объектом напряженного внимания Г.П.Струве в течение всей жизни, хотя его статьи, посвященные этой тематике, сравнительно немногочисленны. Особой его симпатией пользовался русский дипломат С.Р.Воронцов, чью биографию ученый даже хотел одно время написать[15]. В 1920-х годах он рецензировал все наиболее заслуживающие внимания публикации, посвященные классической литературе (как в СССР, так и за его пределами). С именем Г.П.Струве связаны также поиски и выявление за границей биографических документов русских писателей — так, им впервые были описаны пушкинские материалы из архива С.А.Соболевского в Британском музее (неизвестные списки «Гавриилиады», стихотворения «Ура! В Россию скачет кочующий деспот...» и некоторых других)[16], сделан ряд наблюдений над переводами произведений А.С.Пушкина на иностранные языки.

В 1950 году в Сан-Франциско была опубликована монография Г.П.Струве «Русский европеец», посвященная интереснейшей фигуре начала XIX века, литератору и дипломату князю П.Б.Козловскому, сотруднику пушкинского «Современника», корреспонденту Ж. де Сталь, Ж. де Местра, приятелю А.И.Тургенева и П.А.Вяземского. Ученому принадлежит также сформулированная позднее гипотеза о П.Б.Козловском как адресате пушкинского послания «Ты просвещением свой разум просветил...»[17], это предположение в свое время вызвало горячее одобрение Ю.Г.Оксмана, поддерживавшего переписку с коллегой. В зарубежной печати Г.П.Струве часто выступал с обзорными статьями, посвященными русским писателям — В.К.Кюхельбекеру, В.А.Жуковскому и др.; он подверг резкой критике «Полное собрание сочинений А.П.Чехова», выходившее в Москве с 1944 по 1951 год под редак-

---

[13] *Hughes R.P.* Gleb Struve: A Bibliography // California Slavic Studies, 1980. Vol. XI. P. 269-317.

[14] См., например, некролог Г.П.Струве, написанный Н.В.Рязановским: Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1985. Т. XVIII. С. 350. Сходное чувство выразили в некрологах Г.П.Струве Б.Филиппов (Новое русское слово. 1985, 16 июня; Новый журнал. 1985. Кн. 160. С. 278-282), Г.С. и Т.С.Ермолаевы (Рус. жизнь. 1985, 29 июня), Дж.Смит (The Slavonic and East European Review. 1986. Vol. 64. № 4. Oct. P. 569-570).

[15] *Струве Г.П.* Эпизод из жизни П.А.Яковлева, «сенатора, дяди А.И.Герцена» // Возрождение. 1971. № 229. С. 52-68; *Struve G.* An Englo-Russian Medley: Woronzows, Pembrokes, Nicolays and Others: Unpublished Letters and Historical Notes // California Slavic Studies, 1970. Vol. 5. P. 93-135.

[16] *Струве Г.П.* Новые пушкинские материалы из Британского музея // Белградский пушкинский сборник. Белград, 1937. С. 343-357.

[17] *Струве Г.П.* Кто был пушкинский «полонофил»? // Новый журнал. 1971. Кн. 103. С. 92-106.

цией С.Д.Балухатого, Н.С.Тихонова, В.П.Потемкина. В нем вопреки всем принципам академических изданий были выпущены фразы из путевых заметок писателя об успехах английской администрации в колониях, исключено, откуда возможно, имя В.Э.Мейерхольда[18].

Почти личным было отношение Г.П.Струве к старшим современникам — писателям русского Серебряного века[19], популяризации их творчества, спасению автографов от гибели и распыления были посвящены его усилия на протяжении четырех послевоенных десятилетий. В 1950-х годах начинается издательская деятельность Г.П.Струве. Это публикации отдельных стихотворных циклов, произведений, эпистолярных подборок:

Гумилев Н. Отравленная туника и другие неизданные произведения / Ред., вступ. статья и примеч. Г.Струве. Нью-Йорк, 1952.

Мандельштам О. Собрание сочинений / Ред., вступ. статья и примеч. Г.Струве и Б.Филиппова. Нью-Йорк, 1955.

Цветаева М. Лебединый стан. Стихи 1917-1921 / Ред., вступ. статья Г.Струве. Мюнхен, 1957.

Ахматова А. Реквием / Ред. Г.Струве. Мюнхен, 1963.

Ахматова А. Реквием / Ред., послесл. Г.Струве. 2-е изд. Нью-Йорк, 1969.

Цветаева М. Лебединый стан. Перекоп / Ред., вступ. статья Г.Струве. Париж, 1971.

Цветаева М. Неизданные письма / Ред. Г. и Н.Струве. Париж, 1972.

Ахматова А. Реквием / Ред., послесл. Г.Струве. 3-е изд. Мюнхен, 1974.

В дальнейшем на их основе Г.П.Струве (главным образом совместно с Б.Филипповым) подготовил многотомные собрания сочинений русских классиков XX столетия. Дополнительную сложность составляло то, что фактически весь труд был проделан по переписке, сказывался и отрыв от отечественных архивов, в силу чего колоссальную работу все же нельзя считать окончательной. Тем не менее высокий текстологический уровень этих изданий стал залогом их широкого научного признания (в дальнейшем отдельные тома были дополнены, в настоящее время почти все они репринтированы). По утверждению О.Раевской-Хьюз, эти издания составили эпоху в славяноведении XX века[20]; перечислим их[21]:

Пастернак Б. Сочинения / Ред. Г.Струве и Б.Филиппов. Ann Arbor, 1961. Т. 1-3.

Гумилев Н. Собрание сочинений / Ред. Г.Струве и Б.Филиппов. Вашингтон, 1962-1968. Т. 1-4. (Фактически как т. 5 можно рассматривать кн.: *Гумилев Н.* Неизданные стихи и письма / Ред. и примеч. Г.Струве. Париж, 1980).

Мандельштам О. Собрание сочинений / Ред. Г.Струве и Б.Филиппов. Вашингтон, 1964-1969. Т. 1-3. (Т. 4, дополнительный, также под ред. Н.Струве — Париж, 1981).

---

[18] *Струве Г.П.* 1) Чехов в советской цензуре // Новый журнал. 1954. Т. 37. С. 210-212; 2) Чехов, Мейерхольд и фальсификаторы // Грани. 1954. № 2. С. 121-125.

[19] Ученый начал свою журналистскую деятельность с некролога А.А.Блока (Русская мысль. 1921. Кн. VIII-IX. С. 273-281), рецензирования сборников А.А.Ахматовой (*Там же.* 1921. Кн. XI-XII. С. 349-353).

[20] Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1985. Т. XVIII. С. 347.

[21] См. рецензии на них в «Новом журнале», принадлежащие перу В.Завалишина, Р.Гуля, Ю.Иваска, И.Одоевцевой (1952-1967. Кн. 32, 38, 43, 48, 67, 77, 82, 84, 87, 88).

Заболоцкий Н. Стихотворения / Ред. Г.Струве и Б.Филиппов. Вашингтон, 1965.

Ахматова А. Собрание сочинений / Ред. Г.Струве и Б.Филиппов. Вашингтон; Париж, 1965-1983. Т. 1-3 (Т. 3 также под ред. Н.Струве).

Клюев Н. Собрание сочинений / Ред. Г.Струве и Б.Филиппов. Мюнхен, 1969. Т. 1-2.

Волошин М. Стихотворения и поэмы / Ред. Г.Струве, Н.Струве и Б.Филиппов. Париж, 1982-1984. Т. 1-2.

Особенно нужно отметить заслуги Г.П.Струве перед памятью Н.С.Гумилева, Н.А.Клюева и О.Э.Мандельштама, чьи трагические судьбы общеизвестны. По крохам собирая просачивавшуюся из Советского Союза информацию, фиксируя ее в статьях и газетных заметках, ученый способствовал поддержанию памяти о них и в конечном счете возвращению их творчества к читателю России.

Органически связанной с темой Серебряного века в научном наследии Г.П.Струве была тема литературы русской эмиграции, продолжающая до сих пор волновать ученых[22]. Особенную ценность его итоговой работе в данной области, книге «Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы» (1-е изд. — Нью-Йорк, 1956; 2-е — Париж, 1984), придает многолетняя литературно-критическая деятельность ее автора. В 1920-х — 1930-х годах на страницах «Русской мысли», «Возрождения», «России», «России и славянства» регулярно появлялись рецензии Г.П.Струве на книги В.Ходасевича, В.Сирина (Набокова), М.Цветаевой, К.Бальмонта, И.Одоевцевой, Г.Иванова, В.Диксона, Д.Шаховского, Ю.Терапиано, Б.Божнева, Р.Блох, Г.Раевского, Б.Лазаревского, Ю.Мандельштама, В.Третьякова, А.Ладинского и многих других. Можно даже утверждать, что книга «Русская литература в изгнании» в определенной степени «выросла» из многолетней обозревательской деятельности Г.П.Струве. Его рецензии обычно немногословны, и хотя сам он с большим интересом относился к поискам формальной школы в Советском Союзе, при анализе вновь появлявшихся поэтических произведений главное внимание уделял традиции, которой следовал автор, рассмотрению тематики, особенностям версификации. Лишь в своей монографии 1956 года на основе огромного фактического материала Г.П.Струве со свойственной ему осторожностью делает концептуальные обобщения.

«Русская литература в изгнании» посвящена главным образом довоенному периоду, в двух центральных частях рассматривается становление литературы русского Зарубежья (1920-1924) и ее самоопределение (1925-1939). В заключении характеризуется послевоенная ситуация, освещается встреча двух волн эмиграции, возникновение новых литературных центров. Однако общий вывод ученого содержит печальные нотки: завершая в начале 1950-х годов книгу, он писал: «Зарубежная литература как особая глава в истории русской литературы идет к своему неизбежному концу. Лучшие страницы ею несомненно в эту историю уже вписаны»[23].

Оторванность от Родины, отсутствие связей с родственниками и близ-

---

[22] См.: Русская литература в эмиграции: Сборник статей / Под ред. Н.Полторацкого. Питтсбург, 1972; *Моозер И.Р.* Русская литература в изгнании // Отклики: Сборник статей памяти Н.И.Ульянова. Нью-Хэвен, 1986. С. 155-169; ср. также шквал советских публикаций, зафиксированных в справочнике: Литература русского Зарубежья возвращается на Родину: Выборочный указатель публикаций: 1986-1990. М., 1993. Вып. 1-2.

[23] *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. Париж, 1984. С. 394. См. также с. 138-140 настоящего издания.

кими, оставшимися в Советской России, постепенная утрата языка молодым поколением, трагические коллизии Второй мировой войны, вызвавшие миграцию русскоязычного населения за океан, гибель многих писателей — все это привело к падению числа журналов и газет, снижению и без того невысокой коммерческой отдачи. Существующие по сей день зарубежные русские издательства и периодические органы продолжают свою деятельность по большей части благодаря субсидиям политических и религиозных фондов западных государств, поддержке меценатов.

Значение книги Г.П.Струве для современного читателя велико также потому, что помимо обзора журналистики и творчества отдельных писателей она содержит массу дополнительной информации — о формировании русской диаспоры, об основных направлениях общественно-политической мысли Зарубежья, о литературной критике, литературоведении, публицистике, философской прозе, мемуаристике. В первой части монографии подробно рассмотрено продолжение творческого пути в эмиграции писателей, получивших известность еще до революции, причем в центре внимания ученого находятся произведения писателей-реалистов: И.А.Бунина, И.С.Шмелева, Б.К.Зайцева, А.Н.Толстого, А.И.Куприна и др. Еще весьма незначительно было свершенное писателями молодого поколения, однако и среди них появились новые имена: поэты Г.Евангулов, В.Набоков, Н.Оцуп, Н.Берберова, А.Несмелов, прозаики А.Дроздов, Г.Алексеев, Р.Гуль и другие.

Во второй части проблема двух поколений эмиграции, их споров занимает уже центральное место; молодежь подчас критически относилась к своим отцам: возникали новые политические объединения, учащались случаи возвращения в Россию. Со второй половины 1920-х годов на страницах эмигрантских изданий («Последние новости», «Воля России», «Современные записки» и др.) вспыхивают споры о значении зарубежной литературы, ее задачах, часть журналов пытается ограничить свою деятельность чисто литературными задачами («Встречи», «Числа»). Помимо прозаиков старшего поколения все больший резонанс имеют произведения В.Набокова, Н.Берберовой, Г.Газданова, В.Яновского, Ю.Фельзена, С.Шаршуна, Г.Пескова, Л.Зурова и др. Предвоенное время можно, по убеждению Г.П.Струве, назвать периодом расцвета эмигрантской поэзии — кроме К.Бальмонта, З.Гиппиус, М.Цветаевой, Вяч. Иванова, с первоклассными произведениями выступили литераторы, биографически связанные с гумилевским «Цехом поэтов» (Г.Адамович, Г.Иванов, И.Одоевцева, Н.Оцуп). Возникла также оригинальная парижская поэтическая школа, которой принадлежат вершинные достижения литературы молодого поколения (Ю.Терапиано, В.Смоленский, Г.Раевский, Д.Кнут, Ю.Мандельштам, А.Присманова, Б.Поплавский и некоторые другие). Благодаря личному общению, сотрудничеству в тех же журналах с Г.Адамовичем, Г.Ивановым, В.Ходасевичем представителям парижской школы удалось унаследовать высокую поэтическую культуру Серебряного века, чего порой не хватало их сверстникам, рассеянным по всему миру.

Общие мировоззренческие установки Г.П.Струве невозможно оценить без его отношения к В.В.Набокову, набоковская тема проходит через всю книгу о русской литературе в эмиграции. Заметим, что наиболее часто печатавшимися в «России и славянстве» в конце 1920-х — начале 1930-х годов поэтами были К.Д.Бальмонт и Набоков, несомненно их личное знакомство с Г.П.Струве, входившим в редакцию газеты. Свои размышления на этом этапе знакомства с В.В.Набоковым Г.П.Струве суммировал в статье «Творчество Сирина», где утверждалось, что «Сирин — самый большой подарок

Зарубежья русской литературе»[24], опровергались резко отрицательные суждения Б.К.Зайцева о его романах. Однако с одним замечанием оппонентов рецензент все-таки вынужден был согласиться — в творчестве Набокова нет столь характерной для русской литературы любви к своим героям, любви к человеку. Тем не менее этот упрек, весьма существенный для Г.П.Струве, снимается опубликованной незадолго до того «Защитой Лужина». В судьбе главного героя романа, по мнению рецензента, есть что-то «подлинно и патетически человечное». Но ожидания Г.П.Струве так и не оправдались — в «Русской литературе в изгнании», отдавая должное мастерству, виртуозному владению словом, ученый все-таки пишет о «каком-то коренном неблагополучии» творчества Набокова: со временем, по-видимому, стали более явны общие расхождения писателя и его критика в понимании мира и человека. Дело в том, что Г.П.Струве был затронут столь важным явлением духовной жизни, как русский религиозный ренессанс XX века, недаром Ольга Раевская-Хьюз назвала его одним из последних представителей этого движения[25]. Поэтому гуманизм в изображении человека, любовь к нему (основная черта русской литературы, согласно Н.А.Бердяеву) были для Г.П.Струве необходимым условием всякого незаурядного произведения литературы; в конце концов он присоединился к мнению тех, кто считал, что у героев Набокова «просто нет души»; это, впрочем, не препятствовало высокой оценке мастерства, виртуозной техники писателя, сущность которой была так интерпретирована ученым: «В основе этого поразительно блестящего, чуть что не ослепительного таланта лежит комбинация виртуозного владения словом с болезненно-острым зрительным восприятием и необыкновенно цепкой памятью, в результате чего получается какое-то таинственное, почти жуткое слияние процесса восприятия с процессом запечатления»[26].

Завершая обзор книги «Русская литература в изгнании», хотелось бы возразить одному из первых ее рецензентов М.М.Карповичу[27], считавшему главным недостатком книги расширенное понимание автором термина «литература». Наоборот, вкус Г.П.Струве сказался в первую очередь в том, что он уделил внимание только наиболее значительным в художественном отношении произведениям: вне поля его зрения (к большому сожалению современных ее читателей) оказались столь интересные явления, как развлекательно-бульварная, авантюрная и фантастическая беллетристика, произведения писателей меньших по калибру дарований. Однако уже сейчас вряд ли можно оспаривать классический характер этого исследования, положившего почти сорок лет назад начало комплексному изучению литературы русского Зарубежья.

Одним из немногочисленных недостатков книги можно признать ее европоцентризм, в силу чего, например, не было уделено должного внимания кружку поэтов, возникшему в 1935 году при Пушкинском обществе в Нью-Йорке (Д.А.Могула, Е.А.Кристиани, В.С.Ильяшенко и др.), а имя блистательного гения русской литературы XX века, поэта Георгия Владимировича Голохвастова (1882-1963), этот кружок возглавлявшего, оказалось в книге даже не упомянутым. Более подробного освещения заслуживала литература русского Китая, русской Сербии и т.д., однако нелепо было бы столько лет спустя предъявлять подобные упреки к первопроходцу, ибо именно книга

---

[24] Россия и славянство. 1930. 17 мая. С. 3.

[25] Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1985. T.VIII. С. 348; См. также специальный раздел «Памяти Г.П.Струве»: Вестник РХД. № 145. 1986. С. 198-226.

[26] *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. С. 289.

[27] Новый журнал. 1957. Кн. 46. С. 251-254. См. также: *Гуль Р.* О книге Глеба Струве // Новое рус. слово. 1956, 23 сент.; *Андреев Н.* Литература в изгнании // Грани. 1957. № 33. С. 164-176.

Г.П.Струве дала толчок к появлению более детальных исследований и справочников[28].

Общая концепция «Русской литературы в изгнании» тесно связана с работами Г.П.Струве по истории советской литературы — ее общие курсы на английском языке с соответствующими авторскими добавлениями выдержали четыре издания (1936, 1944, 1951, 1971). Несмотря на то, что в заслугу ученому нельзя не поставить защиту таких писателей, как А.Ахматова, М.Булгаков, А.Платонов, Е.Замятин, Б.Пильняк и др., следует сказать, что при оценке произведений советской литературы порой ощутимы его политические симпатии, порой сказывается отчужденность от литературного процесса в СССР; многие явления уже переосмыслены (так, свойственная Г.П.Струве идеализация Ю.Олеши и его круга, думаю, уже невозможна после книг А.Белинкова). Публикации последних лет в отечественной печати по своей информативности, документальной насыщенности значительно перекрывают труды зарубежных ученых; в области отечественной литературы все более заметным становится отсутствие ее комплексной истории — надеемся, что этот труд все же появится.

Нельзя не выделить из большого числа рецензий Г.П.Струве его статьи, содержащие полемику с теми, кто желал видеть причину размаха сталинского террора в свойствах русского характера, исконной склонности русских к деспотизму и сильной власти[29]. Этот взгляд весьма распространен и до сего дня — достаточно вспомнить книгу Р.Пайпса «Россия при старом режиме» (1974). Наоборот, сочувствие, просвещенный интерес к прошлому нашей страны вызывали неизменную поддержку ученого.

Представление о Г.П.Струве было бы неполным без знаний о его переводческой деятельности: это стихи Р.М.Рильке, «Экономические последствия мира» Д.М.Кейнса (1921), «Принципы демократии» Т.Вильсона (1924), «Скотский двор» Д.Оруэлла (совместно с Марией Кригер; 3 издания — 1950, 1967, 1971). Он подготовил к печати столь интересные книги, как «Социальная и экономическая история России с древнейших времен» П.Б.Струве (совместно с Ал.П. и Арк.П.Струве; Париж, 1952), мемуары Н.Валентинова «Два года с символистами» (Стэнфорд, 1969). Г.П.Струве — инициатор появления в Соединенных Штатах первого по времени сборника И.Бродского «Стихотворения и поэмы» (Вашингтон — Нью-Йорк, 1969), автор предисловия к нему.

В течение всех лет Г.П.Струве было свойственно в высшей степени заинтересованное отношение ко всему происходившему на родине[30], он с

---

[28] *Böss O.* Die Lehre der Eurasier: Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1961; *Volkmann H.E.* Die Russische Emigration in Deutschland: 1919-1924. Wiesbaden, 1966; *Riasanovsky N.V.* The Emergence of Eurasianism // California Slavic Studies, 1967. Vol. IV. P. 39-72; *Williams R.S.* Culture in Exile: Russian Emigrés in Germany: 1881-1941. Ithaca; London, 1972; *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин: 1921-1923: По материалам архива Б.И.Николаевского в Гуверовском институте. Париж, 1983; Russian Literature in the Baltic between the World Wars / Ed. by T.Pachmuss. Columbus, Ohio, 1988; *Mierau F.* Russen in Berlin: 1918-1933: Eine kulturelle Begegnung. Weinheim, 1988; *Ponfilly de R.* Guide des Russes en France. Paris, 1990. См. также предисловие «От авторов» в Словаре настоящего издания (с. 265).

[29] *Струве Г.П.* 1) Две книги о судьбах России // Новый журнал. 1952. Кн. 28. С. 290-298. 2) О Кюстине и «кюстинствующих иностранцах» // Возрождение. 1952. Кн. 20. С. 161-168.

[30] Несмотря на все препоны ученый в течение многих лет поддерживал переписку со своими коллегами, жившими в России. В первую очередь следует назвать интереснейшие письма Ю.Г.Оксмана и Г.П.Струве 1962-1963 годов (курьерами в этой переписке были известные впоследствии американские историки М.Малия и Т.Эмменс), хранящиеся ныне в составе собрания Г.П.Струве, поступившего осенью 1985 года в архив Гуверовского института в Стэнфорде: Письма Ю.Г.Оксмана и Г.П.Струве / Публикация Л.Флейшмана // Stanford Slavic Studies. Vol. 1. 1987. P. 15-69. Сведения о переписке Г.П.Струве с другими учеными, работавшими на родине, см. в следующих некрологах: *Струве Г.П.* Да будет ему легка земля // Поэт-переводчик Константин Богатырев. Друг немецкой литературы. München. 1982. S. 277-280; *Эльзон М.Д.* Прощай, честный человек (Памяти А.Д.Алексеева) // Рус. мысль. 1990. 2 ноября. № 3852. Лит. приложение № 11. С. XV.

волнением следил за посмертной судьбой дорогих ему поэтов в России. Литература немыслима без горячей, наперекор всем запретам привязанности к творчеству любимых писателей, поэтому неожиданное на первый взгляд введение следующего рассказа в академически строгое предисловие к первому тому «Собрания сочинений» Н.Гумилева глубоко оправдано: «В 1956 году один мой знакомый, оказавшийся в Москве, бродя среди лотков букинистов, спрашивал, нет ли у них на продажу стихов Гумилева. Один букинист предложил ему единственный сборник, который у него был — "Фарфоровый павильон". На вопрос моего знакомого о цене ответ был: "70 рублей" (то есть около семи долларов). Мой знакомый заметил, что это дороговато именно за этот сборник. В это время над ухом его, "из публики", раздался басовитый голос: "За Гумилева ничто не дорого!"»[31].

С неослабевающим интересом Г.П.Струве следил за творчеством русских писателей, выдвинувшихся на первый план в конце 1950-х — начале 1960-х годов; наиболее высоко он оценивал произведения В.Т.Шаламова и А.И.Солженицына, поведавших миру страшную правду о советском ГУЛАГе.

Свершенное Г.П.Струве в науке о русской литературе давно по достоинству оценено учеными всех стран, однако интерес к его наследию не падает — репринтируются подготовленные им собрания сочинений классиков, переиздаются статьи и книги[32]. Многолетнее служение Г.П.Струве, отторгнутого, казалось бы, от родной почвы, традиционным ценностям России и ее литературе, по праву можно назвать подвижническим. Жизненный путь ученого, его самоотверженный труд во многом типичны для представителей первой русской волны, мучительно размышлявших о своем месте в мире: «Какой же смысл в существовании русской эмиграции? Смысл ее в служении. И раз "все проходит", то ее смысл в служении как раз тому, что "не проходит"»[33].

В заключение статьи нам хотелось бы выразить благодарность вдове ученого Марии Семеновне Струве и возглавляющему издательство YMCA-Press Никите Алексеевичу Струве, благодаря любезному разрешению которых подготовлено третье по счету издание монографии Г.П.Струве «Русская литература в изгнании». В его основе — второе, доработанное автором издание (Париж, 1984). В личном экземпляре книги ученый сделал ряд помет, которые до сих пор не учитывались, — при содействии Марии Семеновны Струве они внесены в предлагаемый вниманию читателей текст. Вероятно, работа над настоящим изданием не была бы начата, если бы американская научная ассоциация АЙРЕКС не предоставила автору этих строк возможность сбора необходимой информации в США в октябре 1990 — январе 1991 года. Работавшие над третьим изданием сочли возможным посвятить свой труд светлой памяти Анатолия Дмитриевича Алексеева, одного из корреспондентов Г.П.Струве, создателя уникальной картотеки статей и рецензий эмигрантской периодики (ныне хранится в Пушкинском Доме в Санкт-Петербурге).

К.Ю.Лаппо-Данилевский

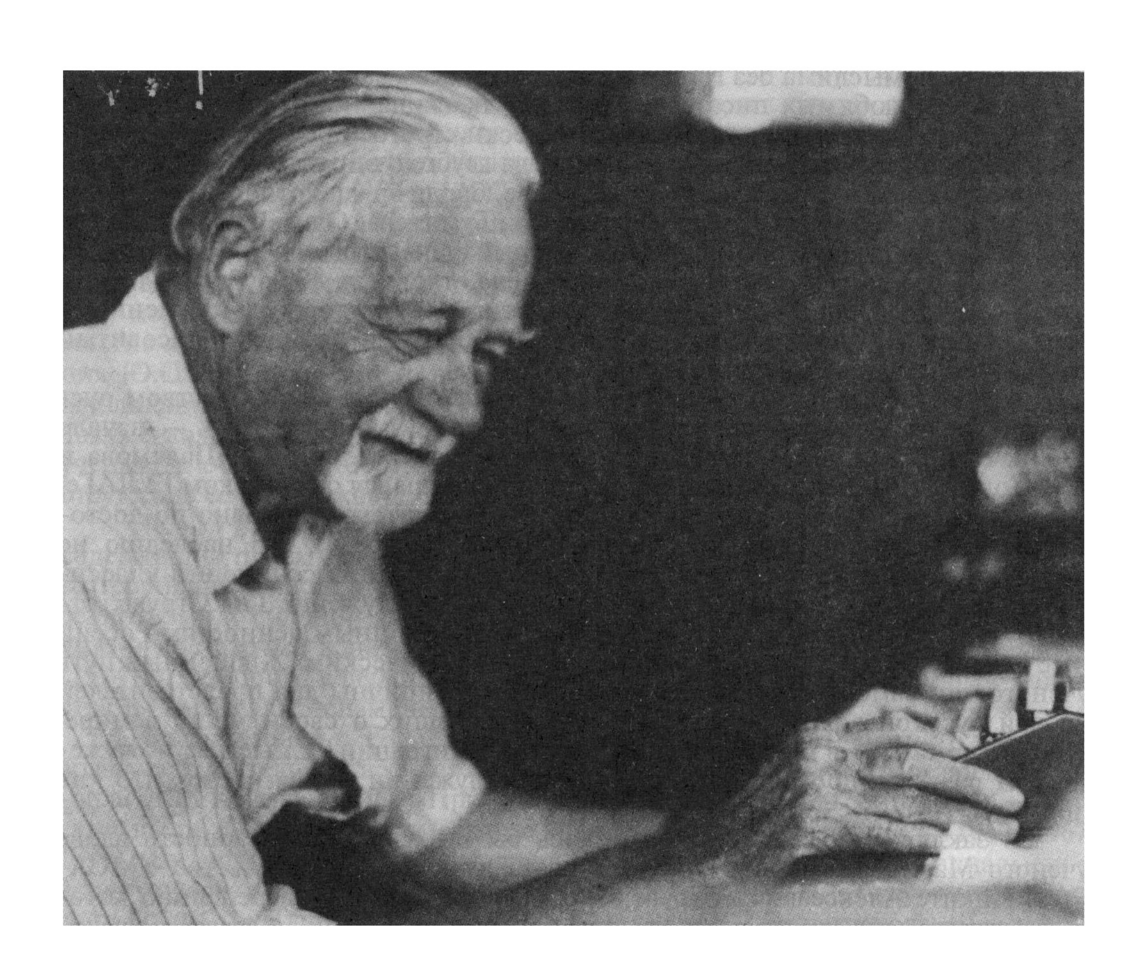
---

[31] *Гумилев Н.* Собр. соч. Вашингтон, 1962. Т. 1. С. XLIII.

[32] *Струве Г.* 1) О четырех поэтах. Лондон, 1981. 2) Русская литература в изгнании. 2-е изд. Париж, 1984.

[33] *Арсеньев Н.С.* Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне, 1974. С. 188.

2-994

ГЛЕБ СТРУВЕ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИЗГНАНИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Почти 25 лет тому назад в одной статье в «Современных записках» Г.В.Адамович писал, что для составления истории эмигрантской литературы время еще не настало. Тогда, конечно, даже странно было об этом думать — такое время могло наступить только в том случае, если бы самому факту эмиграции был положен конец или если бы вымерло хотя бы старшее поколение эмигрантских писателей. Такое время не наступило еще и сейчас — среди нас еще живут и продолжают творить такие старшие представители зарубежной русской литературы, как А.М.Ремизов, Б.К.Зайцев, М.А.Алданов, не говоря о более молодых, о так называемом «незамеченном поколении». Мы еще не знаем, что́ они нам дадут. Совсем недавно ушел от нас И.А.Бунин, главная гордость зарубежной литературы. Уже на седьмом десятке лет, во время войны, он написал ряд замечательных рассказов, вошедших в книгу «Темные аллеи». Смерть Бунина была воспринята символически, как конец зарубежной литературы. Появился ряд откликов на общую тему «после Бунина», в которых доминировали пессимистические оценки настоящего и столь же пессимистические прогнозы насчет будущего зарубежной русской литературы. Здесь не место давать оценку этим прогнозам. Но даже если считать, что с объявлением войны в 1939 году в истории зарубежной русской литературы завершился какой-то определенный период, открылась в ней новая глава, — даже и тогда писать историю ее первого, довоенного, периода еще не время. Можно лишь подвести какие-то предварительные итоги, составить, так сказать, приблизительный инвентарь этого первого периода. Это будет полезно и как материал для будущего историка, и для осведомления той «новой эмиграции», приток которой изменил лицо русского Зарубежья и которая ничего или почти ничего о раннем периоде эмиграции не знает. Это и является целью предлагаемой вниманию читателя книги. Она не притязает быть ни полной и окончательной историей русской зарубежной литературы в период между 1920 и 1939 годами, ни критическим подведением итогов. Это лишь первый опыт исторического обзора. Не воздерживаясь от собственных критических оценок в тех или иных случаях, я старался быть беспристрастным, ссылаясь и на мнения, расходящиеся с моим. Моей главной задачей было дать максимально объективную картину развития русской зарубежной литературы на общем фоне бытия эмиграции, трактуя при этом литературу в широком смысле слова, то есть включая в нее и философскую прозу, и публицистику.

Задача эта была нелегкая и по самой своей сути и вследствие ряда чисто внешних причин (сравнительно небольшого срока, в течение которого книга должна была быть написана, недоступности многих материалов и т.д.).

История русской эмиграции довоенного периода, которая должна служить фоном для истории эмигрантской литературы, до сих пор еще не написана[1]. Самая эта эмиграция есть явление огромное, в мировой истории беспримерное. Слово «эмиграция» в обычном понимании не подходит к нему и стало подходить еще меньше с тех пор, как в прежнюю эмиграцию влилась новая волна военных и послевоенных выходцев из Советского Союза. Если я употребляю его, то лишь потому, что оно прочно укоренилось. Но я предпочитаю ему такие термины, как «русское Зарубежье» или «Зарубежная Россия», более отвечающие смыслу вещей. В большинстве случаев я говорю поэтому не об эмигрантской, а о русской зарубежной (или просто зарубежной) литературе. (Оговариваю это здесь, потому что в советском русском языке, к которому привыкли новые эмигранты, слово «зарубежный» прочно вошло в обиход в смысле «иностранный, заграничный».) Эта зарубежная русская литература есть временно отведенный в сторону поток общерусской литературы, который — придет время — вольется в общее русло этой литературы. И воды этого отдельного, текущего за рубежами России потока, пожалуй, больше будут содействовать обогащению этого общего русла, чем воды внутрироссийские. Много ли может советская русская литература противопоставить «Жизни Арсеньева» Бунина, зарубежному творчеству Ремизова, лучшим вещам Шмелева, историко-философским романам Алданова, поэзии Ходасевича и Цветаевой, да и многих из молодых поэтов, и оригинальнейшим романам Набокова? Эту нашу теорию «единого потока» мы смело можем противопоставить советской, которая там к тому же не в чести.

Специального обзора русской зарубежной литературы до сих пор не существует ни по-русски, ни на иностранных языках, если не считать небольшой брошюры А.В.Амфитеатрова, вышедшей в Белграде в 1929 году, которой я не имел под рукой, когда писал книгу. В общей истории русской литературы покойного И.И.Тхоржевского[2], человека весьма талантливого, но крайне импрессионистичного, зарубежной литературе уделено немногим более двадцати страниц из почти трехсот во втором томе. Книга эта вообще очень неровная, субъективно окрашенная, полная фактических погрешностей и пропусков. Из младших писателей Зарубежья Тхоржевский никого

---

[1] Из общей литературы о русской антибольшевицкой эмиграции можно назвать раннюю книгу немца Ганса фон Римши (Hans von Rimscha. *Russland jenseits der Grenzen*: 1921-1926. Jena, 1927), немного более позднюю книгу американца В.Чапин Хантингтона (W. Chapin Huntington. *The Homesick Millions Russia-out-of-Russia*. Boston, 1933) и коллективный труд, явившийся результатом обследования всей проблемы эмиграции в целом, предпринятого по поручению великобританского Королевского Института Международных Дел (Sir John Hope Simpson. *The Refugee Problem: Report of a Survey*. Royal Institute of International Affairs. London & New York, 1939). Книга Хантингтона проникнута большой симпатией к русской эмиграции. Автор побывал в России в начале революции, состоя при американской миссии в качестве коммерческого атташе (бывал он и потом в СССР). Перед тем как написать свою книгу, он посетил главные центры русского рассеяния в Европе, беседовал с зарубежными общественными и политическими деятелями и ознакомился на месте с бытом и настроениями эмигрантской массы и отдельными проявлениями ее культурной жизни. В предисловии своем он писал: «Эта книга является попыткой изобразить Зарубежную Россию — сообщество русских изгнанников во всем мире, попыткой войти в ее повседневную жизнь, разделить ее образ мыслей, нарисовать трагедию ее нищеты и пафос ее тоски по родине. Зарубежная Россия уходит на наших глазах, организм ее слишком хрупок, чтобы долго сопротивляться ассимиляции с другими народами. Главы, которые следуют, стремятся запечатлеть ее в ее расцвете, прежде чем исчезнут ее своеобразные нравы и поглотится ее богатая культурная жизнь...» Книга, не свободная от пробелов и неточностей, давала живую и сочувственную картину повседневной, политической и культурной жизни русского Зарубежья. Совсем иной характер, гораздо более деловой и сухой, но и более обстоятельный и точный, носил отчет об обследовании, произведенном английским Королевским Институтом. Обзоры отдельных сторон эмигрантской жизни и деятельности были составлены для него, по заказу Института, русскими специалистами. Можно еще упомянуть довольно легковесную, чисто журналистическую книжку французского журналиста Делажа (Jean Delage. La Russie en exil. Paris, 1930), тоже написанную с большим сочувствием к эмиграции.

[2] «Русская литература», т. II. Изд-во «Возрождение», Париж, 1946.

почти даже не называет, кроме В.В.Набокова. Еще меньше повезло зарубежной литературе в написанной для иностранцев книге М.Л.Слонима о современной русской литературе[3], где зарубежной литературе как таковой посвящено всего одиннадцать страничек, к тому же кишащих ошибками в именах, инициалах, фактах — ошибками, непростительными для деятеля самой зарубежной литературы[4]. Английская история русской литературы кн. Д.П.Святополк-Мирского[5], второй том которой охватывает период после смерти Достоевского, сама по себе прекрасная, вышла слишком рано, чтобы отдать должное зарубежной литературе, но то немногое, что Мирский говорит о ней, более объективно и справедливо (если не считать его весьма резкого отзыва о Мережковском), чем у Слонима. Хотя Мирский в основном относился уже в то время отрицательно к эмиграции, он сумел в общем соблюсти беспристрастность. Неприкрытой враждебностью к эмиграции дышит книга другого эмигранта-ренегата — Владимира Познера[6]. Сочувственные, хотя и разные в своем подходе, но очень уж общие очерки раннего периода зарубежной литературы читатель найдет в немецких книгах Н.С.Арсеньева и Н.А.Оцупа[7]. Имеются также краткие очерки зарубежной литературы и ее положения в уже упомянутых книгах Хантингтона и английского Королевского Института. Можно назвать еще общий обзор зарубежной литературы в сопоставлении с советской в несколько искусственных хронологических рамках (1927-1952), определявшихся специальным заданием, принадлежащий автору настоящей книги[8]. Только одному из зарубежных критиков удалось выпустить книгу статей, целиком посвященную зарубежной литературе[9]. Посмертная книга В.Ф.Ходасевича («Литературные статьи и воспоминания», Нью-Йорк, 1953) лишь частью посвящена литературе зарубежной.

Очень плохо обстоит дело с библиографией русской зарубежной литературы. Единственная попытка общего характера была сделана еще в 1924 году, когда существовавший в то время в Праге Комитет русской книги выпустил труд, озаглавленный «Русская зарубежная книга». Первую часть этого труда составляли «библиографические обзоры» по разным отраслям. Для художественной литературы обзор был составлен М.Л.Слонимом. Во второй части был дан перечень зарубежных изданий, разбитых по отделам. Труд этот при всех отмеченных составителями пробелах был весьма ценен (в нем мы находим, например, ценные, хотя и неполные, данные о зарубежных периодических изданиях и т.п.). Ничего сколько-нибудь приближающегося к нему по полноте с тех пор не появлялось[10]. Для самого раннего периода зарубежной литературы ценный биобиблиографический материал содержит-

---

[3] Slonim M. *Modern Russian Literature: From Chekhov to the Present.* Oxford Univeısity Press. New York, 1953.

[4] См. мою рецензию на книгу Слонима в журнале «Опыты» (Нью-Йорк), 1954, III, стр. 189-195.

[5] Prince D.Mirsky. *Contemporary Russian Literature:* 1881-1925. Routledge & Sons. London, 1926.

[6] Vladimir Pozner. *Panorama de la littérature contemporaine russe.* Paris, 1929.

[7] N. von Arseniew. *Die russische Literatur der Neuzeit und Gegenwart in ihren geistigen Zusammenhängen.* Dioskuren-Verlag, Mainz, 1929; N.Otzup. *Die neueste russische Literatur*. Ost-Europa Institut. Breslau, 1930.

[8] Gleb Struve. «The Double Life of Russian Literature», *Books Abroad*, vol.28, №.4 (Autumn, 1954), pp. 389-406.

[9] Георгий Адамович, «Одиночество и свобода». Изд-во имени Чехова, Нью-Йорк, 1955.

[10] Надо приветствовать почин мюнхенского Института по изучению истории и культуры СССР, издавшего недавно «Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР за 1919-1952 гг.» (Мюнхен, 1953). К сожалению, указатель этот был издан слишком поспешно: он полон пробелов и ошибок. Даже для такого центрального эмигрантского журнала, как «Современные записки», даны неверные годы (1920-1937 вместо 1920-1940). В список под видом русских изданий попали иностранные журналы: например, английский журнал «The Slavonic Review» дан под № 1387 как «Славянское обозрение» — очевидно, на основании отзыва в каком-нибудь эмигрантском журнале, где не было указано английское название. «Указатель» нуждается в коренном пересмотре и переиздании, прежде чем им можно будет пользоваться как надежным справочником.

ся в издававшемся в Берлине журнале «Новая русская книга». Этим материалом я воспользовался. Для зарубежной поэзии некоторые необходимые биобиблиографические данные можно найти в двух антологиях этой поэзии: «Якорь» и «На Западе»[11]. Третья такая антология («Эстафета». Сборник стихов русских зарубежных поэтов. Под редакцией Ирины Яссен, В.Андреева, Ю.Терапиано, Париж — Нью-Йорк, б.г. [1948]) биобиблиографических данных не содержит. Отсутствие общей библиографии художественной литературы, конечно, очень мешает работе летописца или историка зарубежной литературы. В частности, отсутствие надлежащих справочных изданий сильно затрудняло датировку тех или иных произведений, и ошибки в этом отношении совершенно неизбежны в моей книге. По всей вероятности, не свободна она и от других неточностей, отчасти по крайней мере объясняемых неблагоприятными условиями работы.

Моим первоначальным замыслом было охватить в книге в одинаковой полноте всю русскую зарубежную литературу от ее начатков в 1920 году до сегодняшнего дня, но по соображениям и внешнего и внутреннего порядка от этого замысла пришлось отказаться. Основная часть книги посвящена развитию зарубежной литературы между 1920 и 1939 годами. Война, несомненно, провела какую-то историческую грань в этом развитии, и к довоенному периоду можно уже подходить более или менее исторически. Такой подход к послевоенному периоду, к текущей современности был бы невозможен. Лишь главные моменты литературного развития в Зарубежье во время и после войны намечены в «Послесловии».

Придерживаясь в книге в общем хронологического принципа, я отступал от него, когда казалось нежелательным разбивать и без того краткую характеристику того или иного писателя, особенно поэта, цельного в своем развитии. Читатель сам заметит — и, надеюсь, простит — эти отступления от хронологического принципа. Все они представлялись мне оправданными. Но с другой стороны, представлялось оправданным и деление всего довоенного периода зарубежной литературы на два основных раздела.

В конце книги читатель найдет именной указатель. В интересах экономии места я не давал в тексте книги имен и отчеств писателей, ограничиваясь их инициалами. Во всех тех случаях, когда это оказалось возможно, инициалы эти раскрыты в указателе. Когда это удавалось установить (а это было дело нелегкое — я все время ощущал острую потребность в эмигрантском биографическом словаре или литературной энциклопедии), после имени писателя в скобках дан год его рождения (а где надо, и смерти).

В заключение хочу выразить искреннюю благодарность всем лицам, оказавшим мне то или иное содействие в моей нелегкой задаче, и в том числе особенно Г.А.Алексееву, Н.Е.Андрееву, М.В.Вишняку, Ю.П.Иваску, А.М.Ремизову, М.Л.Слониму, А.П.Струве и Ю.К.Терапиано, а также всем авторам, сообщившим мне биобиблиографические сведения о себе. Моих студентов В.С.Кузубову и И.Р.Титюника благодарю за помощь, оказанную ими с библиографическими справками и составлением указателя.

[11] «Якорь». Антология зарубежной поэзии. Составили Г.В.Адамович и М.Л.Кантор. Петрополис, Берлин, 1936; «На Западе». Антология русской зарубежной поэзии. Составил Ю.П.Иваск. Издательство имени Чехова. Нью-Йорк, 1953.

ЧАСТЬ I

СТАНОВЛЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1920-1924 годы

Глава I

ИСХОД НА ЗАПАД

Отдельные русские писатели очутились за пределами России еще в первые годы революции. Некоторых революция застала за границей, другие последовали за немцами, когда те в 1918 году очистили занятую ими территорию России, и либо осели в лимитрофных государствах — Польше, Прибалтике, либо проследовали дальше на запад и оказались в самой Германии, третьи эвакуировались с французами из Одессы в 1919 году или отступили с армией Юденича из-под Петрограда. Но историю зарубежной литературы, равно как и историю самой эмиграции как массового явления, надлежит начинать с 1920 года, когда рядом последовательных эвакуационных волн множество русских было выброшено за пределы родины и пришла к концу более или менее организованная вооруженная борьба против большевиков. Весной 1920 года, после поражения армии ген. Деникина, произошла массовая эвакуация из Новороссийска. Тогда же закончилась белая эпопея в Сибири и последовало отступление остатков войск адмирала Колчака и рассеяние русских по Дальнему Востоку, с центрами в Харбине и Шанхае, откуда многие потом попали в Соединенные Штаты. Правда, уголок русской земли на крайней оконечности азиатского материка, в Приморье со столицей во Владивостоке, оставался еще под некоммунистической властью до осени 1922 года, но имел он уже скорее символическое, чем реальное значение. Девятым валом эвакуации была врангелевская эвакуация из Крыма в ноябре 1920 года. Это был массовый исход в Константинополь и армии, и гражданского населения. Константинополь оказался только первым этапом, на котором многим, правда, пришлось задержаться надолго, — двинуться дальше было нелегко. До 1924 года русское беженское население Константинополя и прилегающих островов исчислялось в 10000 (первоначальная цифра эвакуированных достигала почти 150000). Но постепенно оно рассосалось — во Францию, на Балканы, в Чехословакию и в страны более отдаленные, до Южной Америки и Абиссинии включительно. В двадцатых годах, вероятно, не было почти уголка на земле, где бы не было русских беженцев-эмигрантов, и эта тема вездесущности дала пищу не одному эмигрантскому писателю-юмористу.

С 1921 года можно уже говорить о нескольких центрах русского рассеяния в Европе со своей собственной культурной жизнью — газетами, журналами, книгоиздательствами, лекциями, собраниями, школами, даже университетами и научными институтами. Главными такими центрами явились Париж, Берлин, Прага, Белград, София и (первое время) Константинополь (но последний был, скорее, пересыльным этапом, без пустивших прочные

корни учреждений), не говоря о государствах, пограничных с Россией и прежде составлявших часть Российской Империи, где положение было несколько особое в силу наличия исконного русского населения — русского национального меньшинства, с которым эмиграция в каком-то смысле сливалась, что усиливало ее в правовом и отчасти культурном отношении, но и ослабляло политически. Так было в Польше, Литве, Латвии и Эстонии, не говоря об отошедшей к Румынии Бессарабии (Финляндия была в несколько обособленном положении, и совсем особняком стоял Харбин, остававшийся по существу русским городом).

К 1921 году из известных до революции писателей за пределами России оказались: А.Т.Аверченко, М.А.Алданов, кн. В.В.Барятинский, Н.В.Калишевич, А.А.Поляков, Н.Н.Чебышев, К.Д.Бальмонт, П.Д.Боборыкин, Н.Н.Брешко-Брешковский, И.А.Бунин, Давид Бурлюк, З.Н.Гиппиус, Г.Д.Гребенщиков, Л.М.Добронравов, Дон-Аминадо, А.А.Деренталь, О.И.Дымов, Е.А.Зноско-Боровский, Анатолий Каменский, А.А.Койранский, ген. П.Н.Краснов, В.П.Крымов, А.И.Куприн, Б.А.Лазаревский, Г.А.Ландау, Н.А.Лаппо-Данилевская, А.Я.Левинсон, С.К.Маковский, Д.С.Мережковский, Н.М.Минский, С.Р.Минцлов, Е.А.Нагродская, И.Ф.Наживин, С.Л.Поляков-Литовцев, П.П.Потемкин, П.Я.Рысс, Б.В.Савинков, Игорь Северянин, С.А.Соколов-Кречетов, Л.Н.Столица, Б.А.Суворин, И.Д.Сургучев, гр. А.Н.Толстой, А.В.Тыркова-Вильямс, Н.А.Тэффи, А.М.Федоров, Д.В.Философов, М.О.Цетлин, Саша Черный, Е.Н.Чириков, Л.И.Шестов (Шварцман), С.С.Юшкевич, А.А.Яблоновский, С.В.Яблоновский.

К этому списку, в который вошли как писатели-художники (независимо от их места в литературе), так и видные журналисты, можно добавить еще несколько известных журналистов, ко времени революции проживавших за границей в качестве иностранных корреспондентов русских газет, а именно И.В.Шкловского (Дионео), Г.Л.Кирдецова, М.Ф.Ликиардопуло, М.К.Первухина, С.И.Раппопорта. Список лиц, причастных к литературе и публицистике, может быть пополнен такими видными политическими деятелями или учеными, как Н.Д.Авксентьев, В.Л.Бурцев, М.М.Винавер, М.В.Вишняк, И.В.Гессен, А.В.Карташев, А.Ф.Керенский, В.А.Маклаков, П.Н.Милюков, В.Д.Набоков, бар. Б.Э.Нольде, М.И.Ростовцев, В.В.Руднев, П.Б.Струве, И.И.Фондаминский (Бунаков), В.В.Шульгин и др. Всем им предстояло играть большую роль в зарубежной литературе в широком смысле этого слова.

Большинство перечисленных писателей еще в первые годы революции, годы гражданской войны, оказались вне Советской России, попав за границу в порядке эвакуации в результате крушения того или иного фронта или участка противобольшевицкой борьбы. Но кое-кому — например, Д.С.Мережковскому, З.Н.Гиппиус и Д.В.Философову — удалось во время гражданской войны бежать за границу в одиночном порядке. Некоторые (например, К.Д.Бальмонт) получили возможность уехать из России легально. В таком же одиночном порядке происходило пополнение литературных рядов эмиграции в ближайшие за тем годы, причем бывали случаи, когда те или иные писатели приезжали за границу по советской командировке и не возвращались. Таким образом за 1921-1923 годы в эмигрантах оказались попавшие за границу в различном порядке Г.В.Адамович, М.П.Арцыбашев, А.В.Амфитеатров, кн. С.М.Волконский, Б.К.Зайцев, Г.В.Иванов, Вас.И.Немирович-Данченко, Н.А.Оцуп, А.М.Ремизов, В.Ф.Ходасевич, М.И.Цветаева и И.С.Шмелев. Кроме того, осенью 1922 года советское правительство в порядке акта, не имевшего прецедентов и впоследствии уже не повторенного, сделало эмиграции неожиданный и весьма ценный подарок, выслав за гра-

ницу («бессрочно», но с советскими паспортами!) свыше 160 представителей интеллигенции — ученых, писателей, журналистов, общественных деятелей — деятельность которых была сочтена «оппозиционной» и нежелательной для советского режима. Основная группа была выслана из Москвы и Петрограда и прибыла в Берлин. Другая группа, численно меньшая, была выслана с юга России в Константинополь. В первую группу входили философы Н.А.Бердяев, Б.П.Вышеславцев, И.А.Ильин, Н.О.Лосский, Ф.А.Степун и С.Л.Франк (эти философы религиозно-идеалистического направления составляли среди высланных едва ли не главное ядро), историки Л.П.Карсавин и А.А.Кизеветтер, писатели, журналисты и критики Ю.И.Айхенвальд, А.С.Изгоев, И.А.Матусевич, М.А.Осоргин и многие другие. В числе высланных были также связанные с Общественным Комитетом помощи голодающим С.Н.Прокопович и его жена Е.Д.Кускова, известная публицистка. В числе высланных с юга был о. Сергий Булгаков.

После 1923 года и до Второй мировой войны ряды эмиграции пополнялись почти исключительно т.н. «невозвращенцами», среди которых лиц, причастных к дореволюционной литературе, не было. Были и отдельные случаи бегства из СССР — например, проф. В.В.Чернавина и его семьи и журналиста И.Л.Солоневича, которые бежали с Соловков. Особняком стоят случаи Вячеслава Иванова и Евгения Замятина. Первый выехал за границу — по-видимому, легально — в 1924 году (перед тем он был профессором Азербайджанского университета в Баку) и поселился в Италии, где вскоре перешел в католичество. До 1936 года он оставался в стороне от русской зарубежной литературы, сотрудничая исключительно в иностранных (немецких, швейцарских и итальянских) изданиях, но в 1936 году стал сотрудником «Современных записок». Замятину с женой разрешено было эмигрировать в 1931 году. Он держался еще больше в стороне от эмигрантской литературы, ни в одном эмигрантском издании не сотрудничал, но поскольку некоторые его произведения только и могли быть напечатаны вне России (в том числе впервые изданный по-русски целиком посмертно роман «Мы»), а сам он прожил последние шесть лет и умер как изгнанник, имя его по праву может быть внесено в списки эмигрантских писателей, хотя основной своей литературной продукцией он принадлежит литературе советской (не забудем к тому же, что в Советской России от него теперь открещиваются и что там он задолго до своего отъезда слыл «внутренним эмигрантом»).

Приведенный выше список дореволюционных русских писателей, влившихся в зарубежную литературу, достаточно внушителен и количественно и качественно[1]. Правда, входящие в него поэты не перевешивают оставшихся в России Блока, Ахматовой, Гумилева, Сологуба, Кузмина, Пастернака, Мандельштама. Но почти все лучшее в русской дореволюционной прозе оказалось за рубежом: Бунин, Ремизов, Зайцев, Шмелев, Мережковской. О немногочисленных писателях, которые «дезертировали» из зарубежной литературы, речь будет ниже — существенного урона ей эти дезертиры не нанесли.

1. Париж — столица Зарубежья

В силу различных причин политическим центром русской эмиграции с самого начала стал Париж. Здесь еще в 1919 году во время Версальской

[1] К нему еще можно прибавить Леонида Андреева, который скончался в Финляндии в 1919 году, т.е. еще до оформления эмигрантской литературы, но успел занять недвусмысленную духовно-эмигрантскую позицию. Посмертные произведения его были напечатаны в зарубежных журналах. Не приняты здесь во внимание и причастные к литературе художники и музыканты (например, А.Н.Бенуа, К.А.Коровин, Н.К.Метнер), а также некоторые художественные, театральные и музыкальные критики.

мирной конференции было организовано т.н. Русское политическое совещание, здесь нашло себе приют большинство дореволюционных политических деятелей, здесь произошел в 1921 году Национальный съезд и сформировался объединивший умеренные непредрешенческие круги эмиграции Национальный комитет под председательством А.В.Карташева, здесь же было создано — отчасти в противовес ему — возглавленное П.Н.Милюковым Республиканско-демократическое объединение, здесь обосновался Торгово-промышленный и финансовый союз, в руках членов которого имелись довольно крупные средства. Здесь возникли первые серьезные эмигрантские газеты — «Последние новости» и «Общее дело» — в которых с самого начала приняли участие все сколько-нибудь известные писатели, уже находившиеся к этому времени за границей (Бунин, Тэффи, Алексей Толстой, Дон-Аминадо и др.), а также и первый толстый журнал — «Грядущая Россия» — созданный группой писателей и редактировавшийся совместно гр. А.Н.Толстым, М.А.Алдановым, Н.В.Чайковским и В.А.Анри. «Общее дело», основанное и редактировавшееся В.Л.Бурцевым, как ежедневная газета просуществовало недолго (правда, потом оно возобновлялось несколько раз — то как русская, то как французская газета — но каждый раз существование его было недолговременным). «Последние новости», напротив, оказались самой долговечной из эмигрантских газет и скоро заняли в эмигрантской печати бесспорно первенствующее место. Начав выходить 27 апреля 1920 года как скромный информационный и беспартийный орган под редакцией б. киевского присяжного поверенного М.Л.Гольдштейна, они с марта 1921 года перешли в руки П.Н.Милюкова и его политических друзей и стали органом Республиканско-демократического объединения. Будучи прекрасно поставлены как газета, сумев привлечь крупные литературные и журналистические силы, «Последние новости», несмотря на то, что политическая линия их проходила значительно левее политической равнодействующей эмиграции в целом, быстро стали не только самой читаемой русской газетой во Франции, но и завоевали себе подписчиков и читателей в других странах Европы и даже в Новом Свете и на Дальнем Востоке — везде, где были русские эмигранты. Газета просуществовала до самой оккупации Парижа немцами в 1940 году. При этом в первые годы у нее не было во Франции конкуренции, и только с лета 1925 года в Париже стала выходить вторая ежедневная газета — основанное богатым нефтепромышленником А.О.Гукасовым «Возрождение», первым редактором которого был приглашен П.Б.Струве, замененный, однако, через два с небольшим года Ю.Ф.Семеновым. Появление «Возрождения», не подорвав положения «Последних новостей», доказало емкость эмигрантского читательского рынка и показало, что была потребность во второй газете, более «правого» направления и более близкой к бывшим участникам Белого движения и его заграничному руководству в лице Российского общевоинского союза: «Возрождение» в первый же год достигло внушительного тиража и стало популярной газетой и во Франции, и вне ее. Из писателей в ней принимали близкое участие И.А.Бунин, И.С.Шмелев, Б.К.Зайцев, А.В.Амфитеатров, Н.А.Тэффи, А.А.Яблоновский и др. Перемена редакции в 1927 году повлекла за собой уход ряда видных сотрудников и переход некоторых из них (в том числе И.А.Бунина) в «Последние новости», но вместе с тем и появление новых (В.Ф.Ходасевича, П.П.Муратова). Газета просуществовала как ежедневная до 1936 года, после чего до июня 1940 года выходила как еженедельная.

В 1920-1922 годах русские газеты вырастали повсюду как грибы. Но и жизнь их была грибная, короткая. В одном 1920 году, по данным, по всей

вероятности, не полным, возникло 138 новых русских газет, в 1921 году — 112, в 1922-м — 109. К концу 1923 года из ранее возникших прекратилось 180, но свыше 100 продолжало выходить[2]. В одном Берлине разновременно возникло 58 русских газет и журналов. В Харбине их насчитывалось еще больше. Самыми крупными из выходивших вне Франции ежедневных газет были «Руль» в Берлине и «Сегодня» в Риге. «Руль» начал выходить в ноябре 1920 года под редакцией И.В.Гессена, В.Д.Набокова (который в марте 1922 года был убит покушавшимся на жизнь П.Н.Милюкова изувером-монархистом) и А.И.Каминки. В 20-е годы «Руль» занимал позицию направо от «Последних новостей», от которых его отличало благожелательное отношение к остаткам Белой армии и уважение к традиции Белого движения. С появлением «Возрождения» он оказался несколько налево от этого последнего, но у них было довольно много общих сотрудников. «Руль» просуществовал до 1932 года, но последнее время не выходил уже регулярно как ежедневная газета. Главной причиной его прекращения была конкуренция «Возрождения» на Западе и «Сегодня» на Востоке и резкое уменьшение численности русской колонии в Германии. Рижское «Сегодня» было и газетой эмигрантской по составу сотрудников, и органом русского меньшинства в Латвии. Близкое участие в его редактировании принимал бывший редактор петербургского «Современного слова» М.И.Ганфман. «Сегодня» было газетой антисоветской, но беспартийной и среди своих сотрудников числило всех сколько-нибудь известных зарубежных писателей: на его страницах объединялись многие сотрудники «Последних новостей» и «Возрождения», то есть двух газет, которые были между собой в состоянии открытой вражды. Из других газет на периферии русского Зарубежья можно упомянуть варшавскую «За свободу», которую редактировал Д.В.Философов (первое время при ближайшем участии Б.В.Савинкова, а также Д.С.Мережковского и З.Н.Гиппиус) и которая по направлению была ближе к «Возрождению», чем к «Последним новостям», белградское «Новое время», основанное сыном А.С.Суворина, М.А.Сувориным, и софийскую «Русь». В Праге, несмотря на ее значительное и высококультурное русское население, в котором преобладал академический элемент, профессора и студенты, ежедневной русской газеты, выходившей сколько-нибудь длительно, не было, зато здесь большое распространение имели и парижские газеты, и берлинский «Руль», и даже «Сегодня», которое держало постоянного пражского корреспондента и в котором сотрудничало много русских пражан. Перечисление всех газет, выходивших в 20-е годы в разных местах русского рассеяния в Европе, заняло бы много страниц. Множество газет самого разнообразного направления и характера (включая чисто бульварные) выходило на Дальнем Востоке, особенно в Харбине и Шанхае. Все они носили, скорее, местный характер, но печатали и «столичный» литературный материал. Много газет выходило и в Соединенных Штатах. Многие из них никакого отношения к пореволюционной эмиграции не имели и еще с дореволюционного времени обслуживали американцев русского происхождения. Старейшей и наиболее долговечной из них было «Новое русское слово», основанное еще в 1910 году, сменившее много редакторов и не раз менявшее направление. Во время и после Второй мировой войны «Новое русское слово», редактируемое последние годы М.Е.Вейнбаумом, волей судьбы приобрело значение общеэмигрантского органа, хотя формально и продолжает оставаться русско-американской газетой. Более определенный эмигрантски-политический характер носит другая ежедневная

[2] См. В.А.Розенберг, «Русская зарубежная периодическая печать», в книге «Русская зарубежная книга» (Прага, 1924).

(с 1935 года) нью-йоркская газета «Россия», по направлению близкая парижскому «Возрождению».

Из еженедельных газет конца 20-х — начала 30-х годов надлежит отметить выходившие в Париже эсеровские «Дни», где литературным отделом заведовал М.А.Осоргин и где принимал участие как критик В.Ф.Ходасевич, а также «Россию» и «Россию и славянство», издававшиеся П.Б.Струве после того, как он вынужден был покинуть «Возрождение». «Россия» выходила в 1927-1928 годах под редакцией самого П.Б.Струве. Потом ее заменил еженедельник «Россия и славянство», редактируемый группой ближайших единомышленников и друзей Струве, покинувших вместе с ним «Возрождение», при его ближайшем участии (он проживал в это время в Белграде, а газета выходила в Париже). И парижские газеты, как ежедневные, так и еженедельные, и «Руль», и «Сегодня», и «За свободу» (а позднее «Меч») имели хорошо поставленный и разнообразный литературно-критический отдел. В ежедневных парижских газетах литературе и критике обычно уделялся средний лист газеты по четвергам. Кроме того, литературный материал (рассказы, стихи и т.д.) печатался часто по воскресеньям. Но и по адресу «Последних новостей» и «Возрождения» раздавались упреки в недостаточном внимании к литературе, а также в том, что ежедневный фельетон на последней странице отводился под переводные полицейские романы. При этом не принималось во внимание, что для перевода часто выбирались хорошие образцы этого рода литературы, особенно английской, к которой на Западе отношение совершенно иное, чем у традиционной русской интеллигенции. Не учитывалось при этом и то, что подавляющее большинство читателей зарубежных газет составляли люди, занятые целые дни тяжелым физическим трудом (шоферы, рабочие автомобильных заводов и пр.) и нуждавшиеся в легком чтении. Переводные романы, печатавшиеся в «Последних новостях» и «Возрождении», пользовались большим успехом, и одно время даже строго-пуританский берлинский «Руль» последовал их примеру. Надо при этом сказать, что литературное качество многих из этих романов было выше многих произведений доморощенной литературы.

2. Берлин: на стыке двух литератур

Если Париж с самого начала стал политическим центром русского Зарубежья, его неофициальной столицей, то его второй и как бы литературной столицей с конца 1920 по начало 1924 года был Берлин (интенсивной культурной жизнью жила также в 20-е годы русская Прага, ставшая благодаря чехословацкому правительству, широко открывшему двери для русской учащейся молодежи и профессуры, главным университетским городом русского Зарубежья). Условия послевоенной инфляции и относительной дешевизны в Германии создали в Берлине благоприятную атмосферу для издательского предпринимательства. Сыграло тут роль и то, что, тогда как во Франции и вообще в Западной Европе советское правительство не было еще признано и советские люди не имели туда доступа, в Германию с концом гражданской войны в России, введением нэпа и установлением дружественных отношений между Советской Россией и Веймарской Республикой потянулись и советские люди. Возник целый ряд издательских предприятий, которые, печатая книги в Германии, готовы были обслуживать и советский, и эмигрантский рынок и печатать авторов, проживающих как внутри, так и вне России. Крупнейшим из таких предприятий было издательство З.И.Гржебина, который в конце 1920 года перенес свою деятельность из Петрограда за границу, сначала в Стокгольм, а затем в Берлин, и развернул ее в крупном масштабе.

Часть книг печаталась Гржебиным только для советского рынка, другие находили себе сбыт и за границей, и в России, третьи до России, может быть, и не доходили. Количество русских издательств в Берлине в 1921-1923 годах было очень велико. Помимо Гржебина, главнейшие из них — «Слово», Ладыжникова, «Эпоха», «Геликон», «Грани», Дьяковой, «Русское творчество», «Универсальное издательство», «Мысль». Наряду с этими берлинскими издательствами энергичную деятельность развивали в эти годы издательство Поволоцкого и «Русская земля» в Париже, «Пламя» в Праге, «Северные огни» в Стокгольме, «Российско-болгарское книгоиздательство» в Софии, «Библиофил» в Ревеле, не говоря о многочисленных дальневосточных и американских. О том, что́ именно они издавали, будет сказано дальше.

В Берлине выходило в эти годы несколько русских газет, причем наряду с эмигрантскими (ежедневные «Руль», «Голос России», «Дни», еженедельное «Время», монархическая «Грядущая Россия») выходил и откровенно советский «Новый мир», а позднее сменовеховское «Накануне» (о сменовеховстве речь будет ниже). Русское население Берлина, особенно в его западных кварталах, было в эти годы так велико, что, согласно одному популярному в то время анекдоту, какой-то бедный немец повесился с тоски по родине, слыша вокруг себя на Курфюрстендамме только русскую речь. Русские рестораны, русские книжные магазины, явное преобладание русских и русской речи в длинных очередях перед меняльными конторами, где чуть не каждый час менялся курс катастрофически падавшей марки и счет шел на миллионы. На жизни русской колонии отражалась общая нездоровая, лихорадочная атмосфера неустойчивости и спекуляции. Особенностью жизни русского литературного Берлина в этот период было не повторявшееся уже после общение между писателями эмигрантскими и советскими, своего рода осмос между эмигрантской и советской литературой. В Берлине был создан, по образцу петроградского, свой Дом искусств, собрания которого происходили в одном из больших берлинских кафе. Здесь встречались свободно эмигрантские и советские писатели. Читали свои произведения Ремизов, Ходасевич, Виктор Шкловский, Маяковский. Дом искусств подчеркивал свою аполитичность, находился в сношениях с петроградским Домом литераторов. Последний однажды обратился к своему берлинскому собрату с письмом, в котором, между прочим, писал: «Между нами и нашими заграничными товарищами воздвиглась почти неприступная стена. Немедленное устранение ее не зависит от нашей воли. Но мы можем и должны стремиться, чтобы полное взаимное непонимание и отчуждение не стали следствием этого». В письме указывалось, что берлинский Дом искусств и петроградский Дом литераторов могут быть нужны и полезны друг другу: «Так, мы очень плохо осведомлены о новейшей культурной жизни европейского Запада; вы, со своей стороны, вероятно, не вполне представляете себе начинающееся всестороннее возрождение умственной жизни в России». Письмо было подписано председателем комитета Дома литераторов академиком Н.А.Котляревским и членами комитета, известными журналистами Б.Харитоном и Н.Волковыским[3]. Собрания Дома искусств, совет которого возглавлял одно время Н.М.Минский, широко посещались публикой. Более закрытый характер носил учрежденный в 1922 году в Берлине Клуб писателей, где тоже встречались писатели разного толка. Так, 28 марта 1923 года в прениях по докладу Н.А.Бердяева «Проблема любви у Достоевского» приняли участие с самого начала занявший резко антисоветскую позицию М.А.Алданов, недавно вы-

[3] См. «Новая русская книга» (Берлин), 1922, № 2, стр. 32.

сланный из России Ф.А.Степун и советский писатель Виктор Шкловский. В течение следующих двух месяцев читали свои произведения или доклады В.Ф.Ходасевич, П.П.Муратов, А.М.Ремизов, Леонид Галич (Л.Е.Габрилович), бывший в это время сотрудником бурцевского «Общего дела», советский режиссер Александр Таиров, высланный из России философ Б.П.Вышеславцев и Илья Эренбург. А в прениях принимали участие Андрей Белый, Виктор Шкловский, Ю.И.Айхенвальд, Ф.А.Степун, Н.А.Бердяев и др.[4]. Эта кажущаяся сейчас странной рядовому зарубежнику обстановка советско-эмигрантского сожительства и общения отчасти объяснялась тем, что в Советской России в это время еще существовала относительная свобода мысли и печати (существование таких организаций, как Дом литераторов, и таких изданий, как его «Литературные записки», вскоре стало невозможным), отчасти тем, что многие писатели, как из того, так и из другого лагеря, в это время окончательно еще не самоопределились, а отчасти, наконец, тем, что советская власть, думавшая извлечь свои выгоды из сменовеховства и разложения эмиграции, на такое общение смотрела сквозь пальцы, если даже ему не потворствовала. Последний фактор не нужно, однако, преувеличивать, и не забудем, что в это время, как это ни кажется сейчас невероятно, «Литературные записки», орган петербургского Дома литераторов, не только печатали сведения об эмигрантской литературе и списки выходивших за границей русских книг, включая произведения таких «контрреволюционеров», как П.Б.Струве и даже митрополит Антоний Волынский, но и устами одного из своих постоянных сотрудников, известного критика А.Г.Горнфельда, в прошлом постоянного сотрудника народнического «Русского богатства», позволяли себе говорить довольно смелые вещи об эмиграции. Рецензируя один советский альманах и говоря о напечатанном в нем обзоре современной русской художественной литературы, автор которого приходил к убеждению, что «на этом берегу, а не на том создаются кадры будущей русской литературы», Горнфельд писал:

> *«Это, конечно, верно: было бы противоестественно, если бы кадры будущей русской литературы создавались не там, где по-русски говорят многие миллионы, осевшие плотной массой, а там, где, рассеянные в иноязычной среде, блуждают разрозненные группы русских людей. Но это культурная среда и это культурные люди; их соприкосновение может оказаться богатым самыми неожиданными возможностями. Мы имеем слишком мало данных для предсказаний и должны помнить, что критика не раз рассматривала Шатобриана и Сенанкура, Нодье и Бенжамена Констана как "литературу эмиграции", что в изгнании написаны "Les Contemplations" и "Les Misérables", "Былое и думы" и "Городок Окуров"»*[5].

С другой стороны, в отличие от парижан, пражан, белградцев, о некоторых проживающих в это время в Берлине русских писателях трудно было сказать, советские они или эмигрантские. В таком промежуточном положении были, с одной стороны, недавно приехавшие из России писатели — такие, как Белый, Шкловский, Ходасевич, Эренбург, с другой стороны, «сменившие вехи» и ставшие сотрудничать в «Накануне» эмигранты, вроде Алексея Толстого, Александра Дроздова и Романа Гуля. Судьбы их сложились по-разному, пути разошлись. Андрей Белый, основавший в Берлине

---

[4] См. «Новая русская книга», 1923, № 3/4, стр. 45, и № 5/6, стр. 43.

[5] См. «Литературные записки» (Петербург), № 2 (23 июня 1922 г.), стр. 13. Рецензия (на альманах «Северное утро») подписана «А.Г-д», но в авторстве ее не может быть сомнений.

журнал «Эпопея», где наново напечатал свои «Воспоминания о Блоке», и напечатавший в эмигрантских «Современных записках» «Преступление Николая Летаева», часть своих воспоминаний о Москве (остальная рукопись этой первой версии мемуаров Белого позднее пропала) и длинную статью о поэзии Ходасевича по поводу его «Тяжелой лиры», был явно на пути к тому, чтобы стать эмигрантским писателем. Еще в октябре 1923 года он подумывал о переезде из Берлина в гораздо более эмигрантскую Прагу, но вместо того тогда же неожиданно уехал назад в Москву[6]. В.Ф.Ходасевич, вместе с Горьким и Белым редактировавший журнал «Беседа», который печатался в Берлине, но предназначался для России (куда он, однако, советским правительством допущен не был), уже в 1924 году самоопределился как эмигрант и вскоре стал постоянным сотрудником разных зарубежных изданий и виднейшим эмигрантским критиком. Виктор Шкловский, как и Белый, вернулся в Россию, очевидно убедившись, что ему не грозят больше репрессии за его старые эсеровские грехи. Эренбург, метавший громы против большевиков в начале революции и сочувствовавший Белой армии, попал в Москву после разгрома Врангеля, но был оттуда выпущен весной 1921 года и уехал в Париж. Оттуда французская полиция его вскоре выслала, и он переехал в Бельгию, где написал «Необычайные похождения Хулио Хуренито». Потом поселился в Берлине, где им был написан и издан ряд вещей (в том числе «Хулио Хуренито») и где он издавал вместе с Э.Лисицким журнал «Вещь», проповедовавший конструктивизм в искусстве, и принимал близкое участие в журнале «Новая русская книга». Если вначале Эренбург и предполагал стать эмигрантом, то в Берлине он уже не скрывал своих советских симпатий, занимая позицию, близкую к сменовеховцам. К сменовеховцам принадлежали и Алексей Толстой и Александр Дроздов. Они первые от слов перешли к делу и вернулись в Советскую Россию. В отличие от них обоих, Роман Гуль не уехал в Россию и, хотя ряд его произведений и был издан (или переиздан) там, сам он вернулся в лоно эмиграции. В 1938 году он напечатал в «Современных записках» интересную статью о функционировании цензуры в Советском Союзе. Им были выпущены также «романсированные» биографии Дзержинского, Ворошилова и других советских вождей, переведенные на иностранные языки. После Второй мировой войны он стал играть довольно видную политическую роль в антибольшевицком лагере, редактировал «Народную правду», а теперь состоит секретарем редакции нью-йоркского «Нового журнала»[7].

Характерно для Берлина, как стыка двух литератур, было возникновение в нем задуманного Горьким журнала «Беседа», который предназначался для Советской России, но туда не допускался. Все же почитаться эмигрантским этот журнал, выходивший с 1923 по 1925 год при участии Андрея Белого, В.Ф.Ходасевича, проф. Ф.А.Брауна и проф. Б.Ф.Адлера, не может.

[6] О берлинском периоде Белого см. прекрасные воспоминания Марины Цветаевой «Пленный дух (Моя встреча с Андреем Белым)» в ее книге «Проза», Изд-во имени Чехова, Нью-Йорк, 1953 (первоначально в «Современных записках»), а также В.Ходасевича в «Некрополе» (Брюссель, 1939).

[7] В эмиграции многие склонны были в 20-х годах рассматривать Гуля как советского писателя. См., например, рецензию М.Алданова на «Петра I» Алексея Толстого («Совр. записки», 1930, XLIII), где Гуль назван рядом с Замятиным, Эренбургом, Зощенко, Булгаковым, Шкловским, Пильняком, Мариенгофом, Савичем и Фединым в числе талантливых советских писателей.

Глава II

СМЕНОВЕХОВСТВО: ПУТЬ В КАНОССУ, ИЛИ AU-DESSUS DE LA MELEE*

1. «Смена вех»

В июле 1921 года в Праге вышел сборник статей под названием «Смена вех». В сборник вошли статьи шести эмигрантских публицистов: Ю.В.Ключникова, Н.В.Устрялова, С.С.Лукьянова, А.В.Бобрищева-Пушкина, С.С.Чахотина и Ю.Н.Потехина. Ни один из них не играл перворазрядной политической роли, а некоторые были даже малоизвестны. Наиболее известно было имя Устрялова, который был одним из руководителей Бюро печати при правительстве адмирала Колчака. Все принадлежали к правому или умеренно-правому лагерю (Ключников и Устрялов были в прошлом кадетами, Бобрищев-Пушкин и Лукьянов стояли правее кадетов). Все, кроме Лукьянова, недавно выехавшего из Советской России, были связаны в недавнем прошлом с Белым движением. Устрялов проживал в то время на Дальнем Востоке, в Харбине, и вошедшие в сборник статьи его представляли перепечатку из вышедшей еще в 1920 году в Харбине книги «В борьбе за Россию» и из статей, печатавшихся после того в харбинской газете «Новости жизни». Остальные проживали в Европе — в Париже, Праге, Белграде.

Как и у авторов московских «Вех» 1909 года, на которые участники пражского сборника, особенно Ключников и Устрялов, много ссылались, у участников «Смены вех» полного единомыслия не было (некоторые из них достаточно противоречили и самим себе), но было известное единство настроения, которое и получило свое обозначение в кличке «сменовеховство». Это настроение наиболее заостренно и лапидарно было выражено в заглавии статьи С.Чахотина в сборнике — «В Каноссу!», ибо в основном сборник явился приглашением к эмигрантам пойти в Каноссу к советской власти. Спрашивая: «Что же нам, интеллигентам, признавшим свои политические ошибки, делать, идя в Каноссу? Что ожидает нас в Сов. России?», Чахотин намечал две основные задачи для таких «кающихся» эмигрантов: 1) «всеми силами способствовать просвещению народных масс, поддерживать всеми способами все то, что новая Россия предпринимает в этом отношении; самим проявлять самую интенсивную, самую широкую инициативу» и 2) «самое активное участие в экономическом восстановлении нашей Родины». При этом задачу идущей в Каноссу интеллигенции Чахотин и некоторые другие участники сборника формулировали не как поддержку «большевизма», а как его преодоление. В своем «приятии» большевицкой революции участники «Смены вех» останавливались на различных ступенях. Дальше всех в таком приятии пошел бывший октябрист Бобрищев-Пушкин, вся длинная статья которого под громким названием «Новая вера» была проникнута откровенным фактопоклонством. Ему казалось, что революция уже дошла до своего термидора, что кризис уже благополучно завершился, что температура у больной России упала почти до нормальной: «Врачи-отравители решительно выставлены за дверь, как ни клянутся, что в шприцах не яд, а лекарство. Теперь больному нужен покой и хорошее питание. Это, конечно, пока нелегко, но достижимо, если никто не ворвется и не помешает. Главное — не надо больше кровопускания». Под врачами-отравителями, очевидно, подразумевались те, кто вел вооруженную борьбу с большевизмом.

* Над схваткой (*франц.*) — *Ред.*

Конечно, даже и Бобрищев-Пушкин отказывался принять все в революции: террор он называл «липкой кровавой лужей, покрывшей Россию». Но тут же возлагал главную вину за террор на непримиримость интеллигенции и начавшуюся гражданскую войну. По его мнению, в революции «долго шло колебание между террором и идиллией», но непримиримость интеллигенции и начавшаяся гражданская война положили конец идиллии.

Наиболее умный из сменовеховцев, Н.В.Устрялов тоже исходил из того, что то преодоление большевизма, которого чаял Чахотин, уже началось и будет неотвратимо продолжаться[8]. В нэпе и в воссоединении отторгнутых русских территорий под советской властью Устрялов видел торжество буржуазного и национального начала над коммунистическим. В сущности, Устрялов мыслил сменовеховство не столько как поход в Каноссу, сколько как своеобразный вариант тактики троянского коня. Но и он видел факты в ином свете, чем большинство эмиграции. Говоря об уступках советской власти, т.е. имея в виду нэп, Устрялов писал: «Ленин, конечно, остается самим собою, идя на все эти уступки. Но, оставаясь самим собой, он вместе с тем несомненно "эволюционирует", т.е. по тактическим соображениям совершает шаги, которые неизбежно совершила бы власть, враждебная большевизму. Чтобы спасти советы, Москва жертвует коммунизмом. Жертвует, со своей точки зрения, лишь на время, лишь "тактически", — но факт остается фактом». Для него «*Революция уже не та*, хотя во главе ее все те же знакомые лица, которых ВЦИК отнюдь не собирается отправлять на эшафот». Для него большевицкие лидеры сами вступили на путь термидора, подсказанный им кронштадтским восстанием, а потому им, может быть, и удастся «избежать драмы 9 числа». Устрялову импонировала красная Россия, вновь обретшая великодержавное лицо. Он писал:

«Над Зимним Дворцом, вновь обретшим гордый облик подлинно великодержавного величия, дерзко развивается красное знамя, а над Спасскими Воротами, по-прежнему являющими собою глубочайшую исторически-национальную святыню, древние куранты играют "Интернационал"...»

О конце революции писал и Ключников:

«...отныне надолго или навсегда покончено со всяким революционным экстремизмом, со всяким большевизмом и в "широком" и в "узком" смысле. За отсутствием почвы для него. За ненадобностью. Завершился длиннейший революционный период русской истории. В дальнейшем открывается период быстрого и мощного эволюционного прогресса. Ненавидящие революцию могут радоваться; но, радуясь, они должны все же отдать должное революции: только она сама сумела сделать себя ненужной».

Сборник «Смена вех» привлек к себе внимание и вызвал много откликов. Ответственные политические круги эмиграции были единодушны в своем отвержении сменовеховства, или национал-большевизма, как предпочитал именовать свою идеологию Устрялов. П.Б.Струве в «Русской мысли» писал о «несообразности» национал-большевизма, которая «заключается в

---

[8] Устрялов, которому удалось бежать из красного Иркутска в Харбин, сменил вехи еще до крушения белого фронта. Его книга «В борьбе за Россию» вышла ко времени этого крушения. А еще до ее выхода, в письме от 15 октября 1920 года, Устрялов писал П.Б.Струве, что он занял «весьма одиозную для правых групп позицию национал-большевизма (использование большевизма в национальных целях)» и что ему «представляется, что путь нашей революции мог бы привести к преодолению большевизма эволюционно и изнутри». Письмо это цитировалось П.Б.Струве в одной из его статей в берлинской газете «Руль», перепечатанной потом в «Русской мысли» (май-июнь 1921 г., «Историко-политические заметки о современности»).

том, что он идеализирует большевизм с точки зрения тех начал, которые тот отрицает». Характеризуя национал-большевизм как contradictio in adjecto*, поскольку большевизм сам по себе «объективно антинационален», Струве видел в национал-большевизме лишь идеологию национального отчаяния, желающую распространения большевицкой заразы на весь мир, ибо «только такое обобщение устранит пагубную для русского народа монополию на отравление большевизмом». Гораздо более резко заклеймил «устряловщину» и в рецензии на книгу самого Устрялова, и в отзыве о «Смене вех» эсер М.В.Вишняк в «Современных записках», назвав ее продуктом той психологии, «которая заставляет тех же самых людей... то тянуться к чужим физиономиям, то подобострастно припадать к их же “ручке”». При этом слева охотно пользовались ссылками самих участников «Смены вех» на «Вехи», чтобы этим кольнуть Струве и его единомышленников. Но надлежит отметить, что в самой России, где «Смена вех» тоже привлекла внимание и где нашлись люди, объявившие себя сменовеховцами и призывавшие тоже идти в Каноссу, бывший участник «Вех» А.С.Изгоев нашел нужным резко отмежеваться от Ключникова и К°.

Но если в самых широких политических кругах эмиграции «сменовеховство» не встретило сочувствия, то этого нельзя сказать об эмиграции в целом и о литературной среде в частности, где нашли резонанс не столько идеологические домыслы Ключникова и К°, сколько их призывы идти в Каноссу. Через несколько месяцев после выхода их сборника начал выходить в Париже под тем же названием еженедельный журнал. Редактировал его Ключников, главными сотрудниками были те же Устрялов, Бобрищев-Пушкин, Лукьянов и Потехин (Чахотин куда-то стушевался). К ним прибавились новые сменовеховцы: ген. А.А.Носков и бывший незадачливый обер-прокурор Св. Синода во Временном правительстве В.Н.Львов. Последний, правда, в № 5 журнала опубликовал письмо в редакцию о своем выходе, который он мотивировал тем, что его политические убеждения «значительно левее»! Появился у «Смены вех» и свой собственный московский сменовеховец, некий С.Б.Членов, которого редакция отрекомендовала как «молодого и талантливого русского юриста и экономиста» и «представителя “старой” русской интеллигенции — всегда бывшего левым, но никогда коммунистом, зараженного притом “пафосом созидания новой России”». Очевидно, в «правом» окружении Ключникова левый некоммунист считался особенно ценным новобранцем. В своих статьях, присылаемых из Москвы, Членов шел гораздо дальше харбинских и парижских сменовеховцев в приятии революции. Появились и другие, но как будто довольно случайные сотрудники из России: журналист и критик Николай Ашешов, художественный критик, друг Розанова Э.Голлербах, небезызвестный марксистский историк литературы П.С.Коган, в дальнейшем постоянный сотрудник советских журналов и пропагандист пролетарской литературы. Литературе журнал уделял сравнительно мало внимания. Он перепечатал одну статью и одно стихотворение А.Блока, статью В.Дорошевича, напечатал стихи М.Кузмина и С.Городецкого (может быть, и они были перепечаткой?) и стихотворение Голлербаха о Кузмине. Из сколько-нибудь известных эмигрантских писателей в «Смене вех» никто не принял участия, если не считать двух статей о памятниках искусства в Советской России известного художника и критика Г.К.Лукомского. Но на страницах ключниковской «Смены вех» дебютировал в качестве сменовеховца

* Противоречие в определении (*латин.*) — *Ред.*

небольшой, лирически написанной в «скифском» духе статьей Роман Гуль (№ 9 от 24 декабря 1921 года).

Довольно много внимания журнал уделил откликам в Советской России на сменовеховское движение, как официальным (перепечатав длинную сочувственную статью «Известий» по поводу сборника «Смена вех»), так и «общественным» — таким, как доклады в Петрограде о «Смене вех» С.А.Адрианова, В.Г.Тана и А.С.Изгоева и прения по ним.

«Смена вех» прекратилась на № 20, вышедшем 25 марта 1922 года, и на ее месте стала выходить под редакцией Ю.В.Ключникова и Г.Л.Кирдецова (до революции иностранного корреспондента петербургских «Биржевых ведомостей») и при ближайшем участии С.С.Лукьянова, Б.В.Дюшена и Ю.Н.Потехина ежедневная газета «Накануне». Газета выходила в Берлине и просуществовала до лета 1924 года. В нее перекочевало несколько эмигрантских писателей, в том числе Алексей Толстой. «Накануне» выпускало еженедельно литературное приложение, где печатались и советские писатели, и сменившие вехи эмигранты. Для некоторых из последних (Алексея Толстого, Александра Дроздова, Глеба Алексеева и др.) «Накануне» послужило промежуточным этапом на обратном пути в Россию. Идеи сменовеховства проповедовались и в некоторых других газетах на периферии: в «Новой России» (София), где близкое участие принимал нашумевший своей «сменой вех» известный историк и бывший ректор Петербургского университета проф. Э.Д.Гримм, в «Пути» (Гельсингфорс), в «Новом пути» (Рига) и др.

2. «Новая русская книга»

Близкую к сменовеховству, хотя и не менее определенную, позицию занимал издававшийся в Берлине с 1921 года критико-библиографический журнал «Русская книга», с 1922 года переименованный в «Новую русскую книгу». Выходил он, если не ошибаюсь, до середины 1923 года. Редактором этого журнала был профессор Пермского университета по международному праву А.С.Ященко, в 1918 году выехавший за границу в научную командировку и обосновавшийся в Берлине (судьба Ященко после 1923 года мне неизвестна). Журнал состоял главным образом из рецензий на вновь выходящие книги, библиографии и обширной литературной хроники, благодаря чему и сейчас является ценнейшим биобиблиграфическим пособием для истории как зарубежной, так и советской литературы начала 20-х годов. Но печатались в журнале и отдельные статьи общего характера, характеристики отдельных писателей и статьи писателей о себе и своей работе (в том числе целого ряда советских: Маяковского, Пильняка и др.). Журнал в одинаковой мере интересовался и зарубежной и советской литературой, и в нем сотрудничали и эмигрантские писатели, и писатели, остававшиеся в России, и такие, которые в то время как бы сидели между двух стульев, находясь географически в эмиграции и в то же время не порывая связей с Советской Россией. Свою аполитическую позицию Ященко формулировал в первом же номере «Русской книги» во вступительной заметке от редакции: «Для нас нет, в области книги, разделения на Советскую Россию и на Эмиграцию. Русская книга, русская литература едины на обоих берегах. И мы будем стремиться к тому, чтобы наш журнал получил доступ и в Россию. Для того, чтобы наилучшим образом достигнуть этой цели, мы будем оставаться вне всякой политической борьбы и вне каких бы то ни было политических партий». Эта нейтральная позиция была заново формулирована Ященко в первом номере «Новой русской книги» (январь 1922 года), где он писал:

«По мере сил своих мы стремились создать из “Русской книги” мост, соединяющий зарубежную и русскую печать. Оставаясь в стороне от какой бы то ни было политической борьбы, мы смотрели на русскую литературу, где бы она ни создавалась, ***здесь** или **там**, как на единую, и не противопоставляли Эмиграцию Советской России... Служить объединению, сближению и восстановлению русской литературы ставит себе задачей и “Новая русская книга”».*

Еще ранее, в «Русской книге» (№ 7/8, июль-август 1921 года), на ту же тему писал Илья Эренбург в статье под характерным названием «Au-dessus de la mêlée». Говоря о критике эмигрантами оставшихся в России писателей, Эренбург писал:

«От гимна коммуне, к которой пришел Брюсов, давний любовник математики, до темного отчаяния “последнего поэта деревни” Есенина весьма далеко... Страшно и больно, что и в Москве и в Париже с равной безнадежностью приходится доказывать, что нельзя не только цевницу Пушкина, но и трубу Маяковского рассматривать как военный материал, подлежащий использованию или уничтожению. Я жду от читателей не беспристрастия потомства, но простой любви к художественному русскому слову; я вполне понимаю, что иным близок Бунин и чужд Белый, но, любя в Бунине не публициста, а художника, они тем самым приобщаются к цельному неделимому сокровищу русской литературы и должны дорожить пусть далеким им, но великим писателем Белым. Ибо нельзя, любя Толстого, жечь книги Достоевского или, будучи крайним поклонником Некрасова, поносить Тютчева...»

Как бы ни относиться к Эренбургу, как бы ни расценивать его искренность, надо признать, что эта его статья, как и некоторые другие, напечатанные в том же журнале, относится к эмигрантской литературе, ибо в Москве она появиться бы не могла, даже в то время.

Ближайшими сотрудниками критического отдела ященковского журнала были: молодой писатель Александр Дроздов, одновременно редактировавший журнал «Сполохи», вскоре ставший сотрудником «Накануне» и вслед за Толстым уехавший в Москву; Роман Гуль, состоявший также сотрудником «Накануне», написавший в эти же годы роман из жизни эмиграции «В рассеяньи сущие» и книгу о Белом движении разоблачительного характера — «Ледяной поход»; Глеб Алексеев, тоже автор романа из эмигрантской жизни («Мертвый бег») и тоже вскоре ставший возвращенцем; Юрий Офросимов (писавший стихи под псевдонимом «Г.Росимов»), сотрудник «Руля», к сменовеховству никак не причастный; Федор Иванов, автор книги очерков о советской литературе под названием «Красный Парнас»; Вера Лурье, молодая поэтесса, до своего переселения в Берлин принимавшая участие в кружке «Звучащая раковина», которым руководил Гумилев; и Александр Бахрах, который, после Второй мировой войны, вместе с Г.Адамовичем, «сменил вехи» и стал сотрудником просоветской газеты «Русские новости». Позднее он, резко переменив позицию, стал работать на радиостанции «Свобода», а затем сотрудничать в «Русской мысли» и в «Новом русском слове», причем показал себя прекрасным критиком.

Отдельные статьи в обоих журналах Ященко в разное время напечатали такие разные писатели, как Ю.И.Айхенвальд (вскоре после своей высылки из России), Андрей Белый, Давид Бурлюк, А.Ветлугин, С.И.Гусев-Оренбургский, А.Ф.Даманская, Б.К.Зайцев, Е.А.Зноско-Боровский, М.Ф.Ликиардо-

пуло, Н.М.Минский, С.Р.Минцлов, И.Ф.Наживин, Вас.И.Немирович-Данченко, М.А.Осоргин, Н.А.Оцуп, А.М.Ремизов, И.Соколов-Микитов, А.Н.Толстой, В.Ф.Ходасевич и др. Лишь немногие из них были связаны со сменовеховством и возвращенством (то и другое, как мы видели, не всегда совпадало: не все сменившие вехи проделали физический «путь в Каноссу»). Целый ряд рецензий на философские книги был напечатан в журнале Ященко таким далеким от всякого сменовеховства человеком, как С.И.Гессен (под его обычным псевдонимом «Sergius»).

Независимо от своего желания рассматривать советскую и эмигрантскую литературу как два русла одного потока и содействовать их слиянию, журнал Ященко отражал то фактическое положение вещей в Берлине в начале 20-х годов, о котором уже была речь выше, когда между советскими и эмигрантскими писателями не во всех случаях можно было провести строгую грань. Справедливость требует также сказать, что при всей своей аполитичности Ященко не был просто проводником советских взглядов. Он позволял себе критически отзываться и о советской литературе, и о царивших в Советской России литературных порядках. В № 1 «Русской книги», характеризуя картину литературы в Советской России как «безотрадную», Ященко писал:

> *«Кто знает, может быть, и в России какой-нибудь новый Гегель записал среди безумств гражданской войны мысли, которые когда-нибудь поразят мир своим величием и дадут новое направление истории человеческого мышления. Все может быть в нашей несчастной родине неограниченных возможностей! Но мы говорим о настоящем. А оно безотрадно. Книги почти перестали печататься. Появляется почти исключительно официальный материал, по достоинствам своим, конечно, нисколько не выше всякого казенного творчества, в особенности если при этом преследуются тенденциозные цели пропаганды».*

А более чем два года спустя («Новая русская книга», 1923 г., № 5/6) Ященко за своей подписью напечатал довольно резкий протест против цензуры в Советской России.

Что касается «доступа» «Русской книги» и «Новой русской книги» в Россию, то судить о размерах проникновения их туда трудно. На получение их в России есть указания в тогдашней советской прессе и в статьях Эренбурга в самой «Русской книге». Но едва ли они проникали туда в больших количествах, особенно после 1922 года. О трудностях проникновения в Россию выходящего за рубежом на русском языке издания можно судить по препятствиям, которые встретил в этом направлении Горький со своим берлинским журналом «Беседа», который в конце концов фактически оказался в парадоксальном положении эмигрантского журнала, редактируемого неэмигрантом Горьким[9].

Вообще иллюзии единства советской и зарубежной литературы были в ближайшие же год-два разрушены. Со стороны советской власти эти иллюзии перестали встречать поощрение, как только она убедилась, что сменовеховское движение выдыхается и больших практических результатов не принесет. «Накануне» и другие сменовеховские газеты позакрывались. Сменовеховцы разных толков уехали в Россию, где одни, как Алексей Толстой, вышли в люди и даже в баре, а другие, как Глеб Алексеев, вскоре попали в немилость и куда-то сгинули. Были вскоре сданы в архив — очевидно, за полной ненужностью — и вожди и подстрекатели сменовеховства — Ключ-

---

[9] Об этом см. переписку Горького с Ходасевичем: «Письма Максима Горького к В.Ф.Ходасевичу» («Новый журнал», 1952, кн. XXX, стр. 195).

ников, Бобрищев-Пушкин, Потехин, о судьбе которых как будто ничего неизвестно (во всяком случае роли, которую они себе прочили в культурном и хозяйственном восстановлении страны, им играть не пришлось). Дольше удалось продержаться на виду и выступать в роли «национал-большевицкого» публициста Устрялову, который находился в Харбине, вне прямой досягаемости для советской власти, и служил на Восточно-Китайской железной дороге. Вскоре после перехода последней в советские руки Устрялов в середине 30-х годов оказался в Москве. В советской печати появилось несколько его статей, в том числе в «Известиях» — статья о Герцене в связи с 125-летием со дня его рождения. Дальнейшая судьба Устрялова тоже неизвестна.

С другой стороны, та часть эмиграции, которая не соблазнилась призывами и посулами сменовеховцев, по мере укрепления советского режима все более осознавала свое эмигрантское призвание как носительницы национального духа и хранительницы традиций культуры и свободы и, пережив первый шок вынужденного отрыва от родины, возвращалась к творческой деятельности. Те же, кто в первые годы литературного сосуществования в Берлине находил возможным сидеть между двух стульев или выжидать у моря погоды, должны были теперь выбирать между возвращением в Россию и переходом на эмигрантское положение. О том, как наиболее видные из этих писателей произвели свой выбор, было сказано выше. Дольше других продолжал сидеть между двух стульев Горький, очевидно могший себе это позволить, но к 1925 году состоялось и его духовное возвращение на советскую родину (физическое последовало несколько лет спустя). В официальной биографии Горького это сидение между двух стульев, конечно, замазывается, но о нем достаточно красноречиво говорит уже упоминавшаяся переписка Горького с Ходасевичем, в Советской России утаиваемая (несмотря на то, что там якобы ценится каждая строчка Горького), а потому тоже принадлежащая к эмигрантскому литературному наследию. Последним крупным индивидуальным актом сменовеховства в 20-х годах было загадочное возвращение в Россию одного из наиболее активных антибольшевиков — Б.В.Савинкова, известного в литературе под псевдонимом «В.Ропшин», незадолго до того выпустившего роман о своей противобольшевицкой деятельности под названием «Конь вороной». Возвращение Савинкова состоялось в августе 1924 года. Он был арестован после тайного перехода границы, принес полное покаяние во всех своих антибольшевицких деяниях, был судим и приговорен к десяти годам тюрьмы. В следующем году, якобы при попытке побега, Савинков был пристрелен. Были разговоры о его самоубийстве, но вся история остается невыясненной.

В 30-х годах было еще несколько отдельных случаев возвращения видных деятелей зарубежной литературы, о которых будет речь ниже.

Глава III

ЕВРАЗИЙСТВО: ИСХОД К ВОСТОКУ

Почти одновременно со «Сменой вех» в Софии вышел другой, не менее нашумевший и во многих отношениях более интересный сборник статей. В оранжевой, немного футуристической обложке работы молодого, но вскоре прославившегося на весь мир художника Павла Челищева сборник этот носил несколько замысловатое тройное название «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» и содержал статьи четырех

мало кому известных или совсем неизвестных авторов: П.Н.Савицкого, П.П.Сувчинского, кн. Н.С.Трубецкого и Г.В.Флоровского (двое из них в дальнейшем приобрели широкую известность, не имевшую никакого отношения к сборнику: Трубецкой — как блестящий лингвист, профессор Венского университета и основоположник фонологии в лингвистике; Флоровский, принявший священство, — как богослов и видный деятель экуменического движения). Сборник содержал неподписанное вступление и десять статей (по три Савицкого и Флоровского и по две двух других авторов). В анонимном вступлении, написанном, по всей вероятности, П.Н.Савицким, были даны нарочито заостренные формулировки того движения, которое наименовало себя *евразийством* и вызвало много толков и распрей в Зарубежье. «Русские люди и люди "Российского мира" не суть ни европейцы, ни азиаты», — заявляли авторы сборника. «Сливаясь с родною и окружающей нас стихией культуры и языка, мы не стыдимся признать себя евразийцами», — говорили они. Новоявленные евразийцы провозглашали, что они чтят прошлое и настоящее западноевропейской культуры, но не ее видят в будущем: вместе с Герценом они чувствуют, что «ныне "история толкается именно в наши ворота"... для того, чтобы в великом подвиге труда и свершения Россия так же раскрыла миру некую общечеловеческую правду, как раскрывали ее величайшие народы прошлого и настоящего...» Упреждая естественные указания на слишком уж явный плагиат у славянофилов, евразийцы заявляли, что в отличие от славянофилов они не народники, что исторического индивидуализма они не сочетают с экономическим коллективизмом, как это делал Герцен, а утверждают творческое значение самодержавной личности также и в области хозяйственной, становясь таким образом на точку зрения последовательного индивидуализма. Как и сменовеховцы, евразийцы «принимали» революцию, или, по их выражению, «смирялись» перед ней, «как перед стихийной катастрофой, прощая все бедствия разгула ее неудержимых сил» и проклиная «лишь сознательно злую волю, дерзновенно и кощунственно восставшую на Бога и церковь». «Правда», «раскрываемая» революцией, преподносилась евразийцами в двойном аспекте: отрицательном — «отвержении социализма» и положительном — «утверждении Церкви». Большевизм евразийцы характеризовали как «бесчеловечный» и «мерзостный», но заслугу революции они видели в том, что она выяснила «материальное и духовное убожество, отвратность социализма и спасающую силу Религии». Формулируя свое настроение в делах мирских как «настроение национализма», евразийцы отвергали узкие рамки национального шовинизма и в этом отношении опять примыкали к славянофилам, но поскольку, по их словам, понятие славянства перед судом действительности не оправдало возлагавшихся на него надежд, они свой национализм обращали «к целому кругу народов "евразийского" мира», апеллируя при этом и к «сокровенному сродству душ» и к «общности экономического интереса». В одной из статей П.Н.Савицкого одна из основных мыслей евразийского сборника была выражена в следующей высокопарно-поэтичной формуле: «Не уходит ли к Востоку богиня Культуры, чья палатка столько веков была раскинута среди долин и холмов европейского Запада?» В остальных статьях сборника развивались и варьировались некоторые основные положения вступительной статьи, причем Трубецкой занимался всей проблемой главным образом в ее лингвистически-антропологическом аспекте (отсюда — то, что потом стало известно как *туранская* сущность России), Савицкий как экономист (он был одним из самых блестящих учеников П.Б.Струве, обратившим на себя внимание своими статьями еще до революции) — в экономическом и геополи-

тическом аспекте, Флоровский — с точки зрения религиозно-философской, а Сувчинский — под углом зрения эстетики (в одной из его статей в первом сборнике евразийцев было много речи о революции и музыке, в дальнейшем он писал о Блоке, о Лескове).

Авторы «Исхода к Востоку» обнаружили и остроту мысли, и незаурядное литературно-публицистическое дарование (это особенно относится к Савицкому и Флоровскому; Сувчинский писал темно и напыщенно). Их идеи упали на благодатную почву и нашли неожиданный отголосок в довольно широких кругах эмиграции, в частности среди участников недавней активной борьбы с большевизмом. Было у них кое-что общее со сменовеховцами: ударение на «преодолении» революции, скорее чем на борьбе с ней, заимствованность некоторых общих идей от «Вех» (а у Савицкого его экономических построений — от П.Б.Струве). Но в отличие от сменовеховцев евразийцы не призывали — поначалу, по крайней мере — в Каноссу. И они гораздо большее ударение делали на Церкви, видя в православии один из устоев будущей России (как сочетать это с *евразийской* — а тем более *туранской* — природой «Российского мира», было секретом евразийцев). Но еще больше, пожалуй, чем сами идеи евразийцев, говорило многим в Зарубежье их общее настроение: их антиевропеизм (который они подкрепляли ссылками на эмигранта Герцена), их антисоциализм и их «катастрофическое мироощущение». Интересно, что евразийские идеи в эти годы нашли себе выражение и в Советской России, например, в писаниях Бориса Пильняка, а несколько позже евразийцы, в лице Савицкого, заговорили о наличии даже «евразийской струи» в советской литературе. На эту тему Савицкий в 1926 году читал в Праге доклад. К литературе, «вращающейся в кругу евразийских идей», он отнес Л.Леонова, А.Яковлева и К.Федина, но не Пильняка.

В ближайшие после выпуска своего первого сборника годы евразийцы развили в Зарубежье кипучую деятельность. Им в большой мере был присущ дух прозелитизма, и деятельность их в 20-е годы имела немалый успех. Она шла по двум линиям: литературно-публицистической и организационно-идеологической. За десять лет евразийцами было выпущено еще шесть сборников статей: один вышел под названием «На путях. Утверждение евразийцев» в 1922 году в берлинском издательстве «Геликон» с пометкой «Москва-Берлин», остальные под маркой собственного «Евразийского издательства» в 1923, 1925, 1927, 1929 и 1931 годах: четыре под названием «Евразийский временник», а один — к десятилетнему юбилею евразийства — под названием «Тридцатые годы». Литературная база этих сборников была значительно расширена. Основное ядро по-прежнему составляли П.Н.Савицкий, П.П.Сувчинский и кн. Н.С.Трубецкой, которые с третьего до пятого сборника фигурировали в качестве редакторов[10], но к ним прибавилось еще несколько единомышленников и несколько более или менее случайных гастролеров. К единомышленникам можно отнести историков Г.В.Вернадского (в его трудах по русской истории, включая и более поздние, евразийская концепция играла большую роль) и М.В.Шахматова (он напечатал в третьем и четвертом сборниках два «опыта по истории государственных идеалов России», но позже отошел от евразийства), философа и богослова В.Н.Ильина (в шестом сборнике он связал с евразийством философию Н.Ф.Федорова),

[10] Редакторами шестого сборника значились, кроме П.Н.Савицкого, Н.Н.Алексеев, В.Н.Ильин, Н.А.Клепинин и К.А.Чхеидзе. К этому времени Н.Н.Алексеев, молодой еще философ права, играл в евразийстве видную роль. Клепинин (Париж) и Чхеидзе (Прага) представляли молодое поколение. На седьмом сборнике редакторы не были обозначены. Г.В.Флоровский порвал с евразийцами после второго сборника.

экономиста Я.Д.Садовского (в четвертом сборнике появились его наивные, но явно искренние выдержки «Из дневника евразийца»), философа и историка Л.П.Карсавина, игравшего одно время виднейшую роль в движении, но и способствовавшего расколу внутри его, философа права Н.Н.Алексеева, литературного критика кн. Д.П.Святополк-Мирского и ориенталиста В.П.Никитина. В шестом и седьмом сборниках у евразийцев появился и свой еврей Я.А.Бромберг, проповедовавший еврейское «восточничество», а также собственный «туранец», Эренжен Хара-Даван, автор нашумевшей книги «Чингисхан как полководец и его наследие» (1929). Случайно было участие в евразийских сборниках философов С.Л.Франка и Н.С.Арсеньева (первому совершенно чуждо было евразийское умонастроение, и статья его в пятом сборнике — «Социализм и собственность» — ничего специфически евразийского в себе не заключала), а также П.М.Бицилли и А.В.Карташева, раннюю работу которого евразийцы перепечатали во втором сборнике с предисловием П.Н.Савицкого. Евразийцами был также выпущен в 1922 году сборник статей о православии и католичестве с довольно резко выраженным антикатолическим уклоном, под названием «Россия и латинство». В сборнике этом приняли участие и неевразийцы (например, А.В.Карташев и П.М.Бицилли), и он был принят сочувственно даже враждебными к евразийству людьми (например, И.А.Ильиным, к сочувственной статье которого в «Русской мысли» П.Б.Струве счел себя вынужденным сделать оговорки). Близким к евразийцам литературным предприятием был журнал «Версты», выходивший в Париже (1926-1928) под редакцией кн. Д.П.Святополк-Мирского, П.П.Сувчинского и С.Я.Эфрона. «Версты» были встречены в зарубежной печати более или менее единодушным хором отрицательных отзывов. В «Современных записках» им посвятил большую статью В.Ф.Ходасевич, главные свои стрелы направивший против Святополк-Мирского и его литературно-критических статей. В «Русской мысли» П.Б.Струве назвал «Версты» «отвратной ненужностью» и охарактеризовал «дух», которым «несло» от них, как «гниль и распад, выверты и приплясывания», как «какие-то гаденькие и подленькие пирушки по поводу чумы», признавая, впрочем, что в «Верстах» «есть содержание, не лишенное интереса для историка культуры и любителя литературы» и что «даже в том, что пишет сам кн. Святополк-Мирский — если зажать нос — можно распознать интересные мысли и сопоставления». (О «Верстах» как литературном издании и о роли Святополк-Мирского в зарубежной литературе см. ниже.)

Евразийство вообще вызвало много откликов, не только русских, но и иностранных. В последнем сборнике евразийцев («Тридцатые годы») напечатан интересный, написанный П.Н.Савицким обзор полемики вокруг евразийства в 20-х годах («В борьбе за евразийство», стр. 1-52). В одних только "Современных записках" появилось больше десяти статей и рецензий на евразийскую тему, в том числе П.М.Бицилли, С.И.Гессена, Л.П.Карсавина, П.Н.Милюкова, В.В.Руднева, Ф.А.Степуна, Г.В.Флоровского, Б.Ф.Шлёцера и др. Это внимание было естественно, поскольку евразийство перешло на пути идеологически-организационные, из течения мысли захотев стать политической партией и притом притязая на роль *единой* партии в будущей России, наследницы ВКП(б). Вербуя усиленно сторонников в Зарубежье, евразийцы вместе с тем утверждали наличие у себя последователей внутри России, где они культивировали «связи», которые потом оказались ведущими — по крайней мере отчасти — по линии провокационной в ГПУ. Одна из программных деклараций евразийцев (1927) была, по их собственному ут-

верждению, выработана в Москве (см. составленную С.Лубенским «Евразийскую библиографию: 1921-1931» в сборнике «Тридцатые годы»).

В эмиграции евразийцы повели усиленную печатную и устную пропаганду. Помимо уже упомянутых сборников и ряда книг и брошюр (в том числе неевразийцев, например С.Л.Франка о марксизме, о науке и религии и т.д.), они выпускали «Евразийскую хронику» (1925-1928 и снова в 1935 году) и еженедельник «Евразия». Последний печатал и литературный материал. В Париже и в Праге функционировали т.н. «Евразийские семинары» (в Париже таким семинаром руководил Л.П.Карсавин, ставший к 1926 году одним из главных идеологов евразийства). В разных центрах русского рассеяния — в Чехословакии, во Франции, в Бельгии, на Балканах, в Англии и даже в Соединенных Штатах — устраивались публичные лекции и собеседования, обслуживавшиеся целым штатом разъездных лекторов. Нельзя отрицать, что в эти годы к евразийцам шла молодежь, особенно в Чехословакии и на Балканах. Гордились евразийцы и тем, что в Англии (а отчасти и в США) их идеи проникли в английскую среду (см. упомянутую статью Савицкого в «Тридцатых годах»).

В 1926 году в виде брошюры под названием «Евразийство» была опубликована детальная программа евразийства — политическая, социальная и культурная. Но вскоре после этого внутри самого движения наметился раскол и разброд, в результате которого пришло разочарование в евразийстве со стороны увлеченных было им кругов эмиграции, и начался заметный спад евразийской волны. Не вдаваясь в подробности этого раскола, укажем, что связан он был с наметившимся внутри движения просоветским уклоном. Немалое впечатление произвел отход от евразийства одного из его основоположников и наиболее одаренных представителей — Г.В.Флоровского, позднее рукоположенного в священники. В статье «Евразийский соблазн», напечатанной в 1928 году в 34-й книге «Современных записок», Флоровский изобразил судьбу евразийства как историю духовной неудачи. Продолжая видеть частичную евразийскую «правду», он писал:

> *«Это — **правда вопросов**, не правда ответов, — правда проблем, а не решений... Евразийцам первым удалось... расслышать живые и острые вопросы творимого дня. Справиться с ними, четко на них ответить они не сумели и не смогли. Ответили призрачным кружевом соблазнительных грез... В евразийских грезах малая правда сочеталась с великим самообманом... Евразийство не удалось. Вместо пути проложен тупик».*

Флоровский обвинял евразийство в том, что в своем внутреннем развитии («или, сказать правду, разложении») оно «отравилось вожделением быстрой и внешней удачи». Само имя «Евразия», придуманное евразийцами как ударный лозунг, казалось теперь Флоровскому хотя и удачным, но смутным, двусмысленным: «Евразия — это значит: *ни* Европа, *ни* Азия, *третий* мир. Евразия — это Европа и Азия, помесь или синтез двух, с преобладанием последнего. Между этими пониманиями евразийцы колеблются». И Флоровский указывал, что в советской современности евразийцы усмотрели «настоящую русскотуранскую Россию-Евразию, преемницу великого наследия Чингисхана». Для самого Флоровского это азиатское лицо евразийства оказалось неприемлемо.

Внутренний кризис подорвал евразийство, ослабил интерес и доверие к нему в Зарубежье, но не свел его окончательно на нет. В 1932 году Евразийской организацией была опубликована принятая на первом съезде этой организации «Декларация». Здесь декларировалась религиозная основа, на ко-

торой покоится евразийство, пояснялось, что «*православные* евразийцы придают первостепенное значение Православию в его обращенности к социальной жизни как праведному началу, на котором строится евразийское государство труда и общего дела», евразийцы же других исповеданий «подходят к тем же задачам от глубины своих религиозных убеждений». Религиозная область провозглашалась «сферой абсолютной свободы». Как основная задача евразийцев выдвигалась «практическая организация жизни и мира», для каковой цели евразийцы «стремятся к овладению государственным аппаратом». Евразийский государственный строй (то есть будущий строй России-Евразии) определялся затем как идеократия, осуществляемая евразийским «ведущим отбором» через систему свободно избранных советов. Определение государственного строя как идеократии и положение о «ведущем отборе», об элите сближали евразийство с двумя другими «молодежными» течениями в эмиграции — младоросским и солидаристским (последнее тогда еще называлось Национальным союзом нового поколения). При этом младороссы не отрицали своего родства с итальянским фашизмом.

Отвергая материалистическую философию марксизма, евразийцы провозглашали, что они «разделяют проводимое в политике ВКП(б) принципиальное признание социального строя служебным и приветствуют план индустриализации». Предвидя неизбежный момент, когда не утратившие чувства реальности коммунисты «должны будут обратиться к лозунгам и целям Евразийства», последнее подчеркивало свою «полную независимость... от принципов и установок коммунизма» и объявляло, что стремится «к *преображению* существующего в СССР строя на основе Евразийства». С одной стороны, евразийцы хотели этим отвести обвинения в том, что они просто пошли на поклон к советской власти, а с другой — отмежеваться от всех тех эмигрантских течений, целью которых было *свержение* советского строя. За «Декларацией» следовали «Тезисы», намечавшие в очень общей форме положения, которые евразийцы считали необходимым провести «в обстановке нынешнего момента». Все это были далекие от реальности благопожелания — например, о том, чтобы поставить все виды научного и философского творчества «в одинаковое положение с марксистской материалистической доктриной», как нереально было и само притязание евразийцев говорить от имени какого-то внутрисоветского движения. Упомянем здесь, что П.Н.Савицкий, ставший со второй половины 20-х годов настоящим вождем евразийства, совершил в начале 1927 года «тайную» поездку в Россию.

О прямом влиянии евразийства на зарубежную литературу говорить, может быть, и не приходится. Но нельзя отрицать ни его притягательности для многих, ни той роли, которую оно сыграло в формировании некоторых настроений в молодом поколении Зарубежья. Психологически понятное в условиях эмиграции отталкивание от Запада находило в евразийстве свой идеологический фокус.

Глава IV

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЖУРНАЛЫ

1. «Грядущая Россия»

Первым большим литературным журналом Зарубежья была «Грядущая Россия», два номера которой вышло в Париже в 1920 году. Журнал редактировался М.А.Алдановым, В.А.Анри, А.Н.Толстым и Н.В.Чайковским. В нем

начал печатать свой большой роман «Хождение по мукам» А.Н.Толстой. М.А.Алданов дал в первом номере отрывки под названием «Огонь и дым». Здесь первые свои зарубежные стихи напечатал В.В.Набоков — еще без псевдонима «В.Сирин», которым он стал пользоваться несколько позже в газете своего отца «Руль» (остальная поэзия была представлена поэтами старшего поколения: Н.Тэффи, Н.Минским и его женой Л.Вилькиной, В.Ропшиным-Савинковым и Амари-Цетлиным). В «Грядущей России» появились воспоминания доживавшего свой долгий век в Швейцарии П.Д.Боборыкина (1836-1921) под заглавием «От Герцена до Толстого (Памятка за полвека)». Два свои очерка напечатал тут старейший из русских иностранных корреспондентов, бывший постоянный сотрудник «Русского богатства» и «Русских ведомостей», И.В.Шкловский-Дионео. С большой статьей о Версальском мире выступил И.И.Фондаминский-Бунаков. Единственной литературно-критической статьей в «Грядущей России» была статья М.О.Цетлина о творчестве незадолго до того умершего Леонида Андреева.

Причиной ранней смерти «Грядущей России» было прекращение средств, которые шли из частного меценатского источника, — эта судьба подстерегала потом не одно эмигрантское литературное начинание. Один из немногих примеров литературного долголетия в эмиграции — журнал «Современные записки», который возник к концу 1920 года на месте «Грядущей России».

2. «Современные записки»

В отличие от «Грядущей России», где почин принадлежал, если не ошибаюсь, А.Н.Толстому, «Современные записки» были начинанием политическим и даже — в каком-то смысле партийным. Задуман был журнал группой членов партии социалистов-революционеров, и первоначальное редакционное ядро его составили М.В.Вишняк, А.И.Гуковский и В.В.Руднев, которые затем привлекли Н.Д.Авксентьева и И.И.Фондаминского. Последний долго не соглашался войти в редакцию чисто эсеровского журнала, настаивая на принципе межпартийности, но, наконец, все же согласился[11]. В порядке уступки ему решено было, что пятеро эсеров не будут фигурировать на обложке в качестве редакторов: вместо того будет обозначено, что журнал выходит «при ближайшем участии» таких-то. Под такой формулой журнал и выходил до конца, только пятичленная фактическая редакция была с 1925 года, за смертью А.И.Гуковского, заменена четырехчленной.

Редактируемый пятью эсерами, журнал с самого начала считал себя внепартийным и не стремился стать боевым политическим органом. Политическую программу свою он характеризовал в первом номере как «программу демократического обновления», со ссылкой на февральскую революцию 1917 года, и категорического отвержения революции октябрьской. Во вступительной редакционной заметке в вышедшем в ноябре 1920 года первом номере журнала провозглашалась необходимость широкого фронта. Редакторы журнала писали:

> *«“Современные записки” посвящены прежде всего интересам русской культуры... В самой России свободному, независимому слову нет места, а здесь, на чужбине, сосредоточено большое количество культурных сил, насильственно оторванных от своего народа, от действенного служения ему. Это обстоятельство делает особенно ответственным положение*

[11] О возникновении «Современных записок» и о дальнейшей внутренней истории их интересно рассказал М.В.Вишняк (единственный тогда из остававшихся в живых пяти редакторов журнала) в 20-й книге нью-йоркского «Нового журнала» (1948).

единственного сейчас большого русского ежемесячника за границей. "Современные записки" открывают поэтому широко свои страницы — устраняя вопрос о принадлежности авторов к той или иной политической группировке — для всего, что в области ли художественного творчества, научного исследования или искания общественного идеала представляет объективную ценность с точки зрения русской культуры. Редакция полагает, что границы свободы суждения авторов должны быть особенно широки теперь, когда нет ни одной идеологии, которая не нуждалась бы в критической проверке при свете совершающихся грозных мировых событий».

Откликаясь позже на первый номер «Современных записок», «Русская мысль» в заметке, подписанной «Наблюдатель» (под этим псевдонимом скрывался сам П.Б.Струве), характеризовала парижский журнал как «толстый журнал народнического толка», как воскрешенное «Русское богатство». Правда, тут же автор заметки, посвятивший ее почти исключительно статье Н.Д.Авксентьева под названием «Patriotica», писал, что статья эта является знаком того, что «урок истории не прошел для народнического сознания бесследно, что народническая идеология пришла к утверждению тех начал, отсутствие которых в русской народной жизни обусловило собою то, что "старый режим" сменился не чем иным, как большевизмом». Дальнейшее развитие «Современных записок» показало, однако, не только сдвиги в народническом сознании, но и то, что сравнение «Современных записок» с «Русским богатством» было едва ли удачно и справедливо: журнал не только вышел далеко из рамок «направленческого» органа, но и по составу сотрудников оказался достаточно близок к довоенной «Русской мысли» — достаточно назвать имена З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковского, Н.А.Бердяева, Л.И.Шестова, Вячеслава Иванова, о. С.Булгакова, В.А.Маклакова. Расширение фронта касалось не только области культуры и миросозерцания, но и области чисто политической. Статьи В.А.Маклакова, переоценивавшие русское освободительное движение, или К.И.Зайцева по земельному вопросу шли явно вразрез даже с умеренно эсеровской точкой зрения и на общие и на конкретные вопросы. Из уже упомянутой статьи М.В.Вишняка известно о трениях, возникших в связи с этим внутри самой редакции. Привлечение сторонних сотрудников стало с самого начала существования журнала функцией И.И.Фондаминского, и в расширении фронта «повинен» был главным образом он. Он же проявил тягу к созданию в журнале некоего миросозерцательного единства с религиозным уклоном. К нему в этом отношении присоединился В.В.Руднев, и их поддержал Ф.А.Степун, который начал сотрудничать в журнале вскоре после своей высылки из СССР и стал фактическим литературным редактором его (консультантом по отделу стихов был с самого начала М.О.Цетлин). Между ними, с одной стороны, и М.В.Вишняком и Н.Д.Авксентьевым, с другой, создалась некоторая трещина, и более или менее правоверный (хотя и правый) эсер Вишняк почувствовал себя, как он сам говорит, духовно изолированным в журнале (Авксентьев с самого начала принимал мало участия в редактировании его). Под конец журнал фактически редактировался более или менее единолично В.В.Рудневым (Фондаминский ушел в другие интересы), при продолжавшемся сотрудничестве прежних его сочленов по редакции и при сохранении прежней формулы на обложке. Но именно та широта фронта, которой «Современные записки» были обязаны в первую очередь Фондаминскому и Рудневу, обеспечила журналу успех у читателей и репутацию не только лучшего журнала в Зарубежье, но и одного из лучших в истории всей русской журналистики. Традицию, на которую намекало его двойное название, — традицию «Современни-

ка» и «Отечественных записок» — журнал с честью поддержал. Редакторы «Современных записок» хорошо отдавали себе отчет в том, что линия политических и идеологических симпатий не только большинства русской эмиграции, но и большей части ее культурного и читающего меньшинства проходит вправо от их собственной политической линии. Не случайно поэтому, что когда «Современные записки» справили свой юбилей выпуском 50-й книги, приветствия и поздравления посыпались на них со всех сторон, из самых широких кругов эмиграции. И В.В.Руднев имел, пожалуй, право утверждать в связи с тем же юбилеем, обозревая в 51-й книге итоги этого юбилея, что «в какой-то мере журнал становится уже органом всего русского Зарубежья».

За первые пять только лет (№№ 1-26) в «Современных записках» появились почти все сколько-нибудь известные из проживающих за границей дореволюционных русских писателей, как поэтов, так и прозаиков. Из поэтов — Амари (Цетлин), К.Бальмонт (напечатавший также весьма слабую повесть «Белая невеста» и несколько статей на литературные темы), З.Гиппиус (29 стихотворений и главы из воспоминаний, вошедшие потом в книгу «Живые лица»), С.Маковский, Н.Тэффи[12], В.Ходасевич (10 стихотворений, начиная с 13-й книги), М.Цветаева (ее первые стихотворения, переданные редакции К.Д.Бальмонтом, были напечатаны в первой же книге журнала, до ее переезда за границу; начиная с 6-й книги вещи ее печатались очень часто, они включали пьесу в стихах «Фортуна» и главы из воспоминаний). Из прозаиков — И.Бунин («Митина любовь» и несколько рассказов, а также несколько стихотворений; сотрудничество Бунина началось с 18-й книги журнала), Д.Мережковский (роман «Рождение богов» и «Тайная мудрость Востока»), А.М.Ремизов (повесть «Доля» и несколько рассказов), И.С.Шмелев (три рассказа), Б.Зайцев (роман «Золотой узор» и рассказы), Алексей Толстой (окончание начатого в «Грядущей России» первого тома романа «Хождение по мукам» — продолжал его Толстой уже в России — и один рассказ), С.Юшкевич (рассказ «Алгебра»), С.Минцлов, Г.Гребенщиков (первый том его «сибирской эпопеи» «Чураевы»), Ф.Степун (роман в письмах «Николай Переслегин»), П.Муратов (рассказы), М.Осоргин (впрочем, чисто беллетристические произведения Осоргина начали печататься в «Современных записках» позже). О напечатанных в «Современных записках» произведениях Андрея Белого уже говорилось выше. В «Современных записках» появились также две посмертные пьесы Леонида Андреева («Собачий вальс» и «Самсон в оковах»).

«Молодежь» в первых двадцати шести книгах «Современных записок» почти отсутствовала. Из поэтов младшего поколения были представлены несколькими стихотворениями лишь Н.Берберова, В.Злобин и В.Сирин. Из малоизвестных прозаиков — Иосиф Матусевич, печатавшийся в эти годы в ряде других изданий, преимущественно в Берлине. Но сюда же может быть отнесен и М.А.Алданов — имя, едва ли известное многим ко времени появления его первых беллетристических вещей и вскоре прогремевшее на всю эмиграцию[13]. В «Современных записках» появилась — частью в отрывках — историческая тетралогия Алданова, составившаяся из романов «Девятое термидора», «Чертов мост», «Заговор» и «Святая Елена, маленький остров»[14],

---

[12] Странным образом участие Тэффи в «Современных записках» ограничилось одним стихотворением в 1922 году. Рассказы ее в журнале совсем не печатались, хотя отзывы о ее книгах всегда были самые положительные. Тэффи, очевидно, считалась писательницей «газетной».

[13] До революции М.Алдановым (псевдоним Марка Александровича Ландау, род. в 1886) была опубликована книга о Толстом и Ромене Роллане.

[14] Романы эти писались и печатались не в порядке, соответствовавшем их внутренней хронологии.

которые позднее были вдвинуты в огромную серию историко-философских романов о прошлом и настоящем, охватывающих период с 1762 года по наши дни. До самого закрытия «Современных записок» (в 1940 году) почти все новые крупные произведения Алданова печатались в этом журнале.

Широко и разнообразно был поставлен в журнале отдел небеллетристический. Оставляя в стороне статьи чисто политического характера, статьи следующих авторов на литературные, философские, научные и общепублицистические темы украшали страницы «Современых записок» в первые пять лет: М.А.Алданов, К.Д.Бальмонт, А.Белый, А.Л.Бем, Н.А.Бердяев, П.М.Бицилли, П.Г.Виноградов, кн. С.М.Волконский, С.И.Гессен. З.Н.Гиппиус (за своей собственной подписью и как Антон Крайний), М.Л.Гофман, Г.Д.Гурвич, И.В.Дионео-Шкловский, Л.П.Карсавин, А.А.Кизеветтер, А.А.Койранский. Е.Д.Кускова, А.Я.Левинсон, Н.О.Лосский, С.В.Лурье, С.П.Мельгунов, Д.С.Мережковский, Н.М.Минский, К.В.Мочульский, П.П.Муратов, барон Б.Э.Нольде, кн. В.А.Оболенский, М.А.Осоргин, С.Л.Поляков-Литовцев, М.И.Ростовцев, Ю.Л.Сазонова-Слонимская, кн. Д.П.Святополк-Мирский, М.Л.Слоним, П.А.Сорокин, Ф.А.Степун, И.М.Херасков, В.Ф.Ходасевич, М.О.Цетлин, Л.И.Шестов и Б.Ф.Шлёцер. В журнале был также богатый критико-библиографический отдел, в котором принимали участие многие из вышеперечисленных лиц[15]. Все пять фактических редакторов журнала, оправдывая формулу на обложке, принимали самое близкое участие в журнале (А.И.Гуковский часто под псевдонимом «А.Северов»). Особо отмеченными заслуживают быть серия историософских статей И.И.Бунакова под заглавием «Пути России», представлявшая попытку дать неонародническую философию исторического развития России и в плане проблем перекликавшаяся с евразийством (всего за время существования журнала было напечатано семнадцать длинных очерков), и «внутреннее обозрение» М.В.Вишняка, в первых двенадцати книгах составлявшее, под названием «На Родине», постоянную рубрику.

В последующие годы «Современные записки», несмотря на вынужденное финансовыми соображениями сокращение числа книжек в год[16], продолжали расти качественно и расширяться в смысле состава сотрудников. Не утеряв ни одного из действительно ценных прежних своих сотрудников в отделе беллетристики (в «Современных записках» увидела свет «Жизнь Арсеньева» Бунина, а также несколько романов Шмелева, Зайцева, Алданова и Осоргина, несколько рассказов Ремизова, интереснейшие воспоминания и литературные портреты Цветаевой, «Державин» Ходасевича), журнал из писателей старшего поколения приобрел в качестве сотрудника с 1936 года Вячеслава Иванова (ряд стихотворений, в том числе «Римские сонеты», и статья о Пушкине) и А.И.Куприна (повесть «Жанета»). Но главное расширение литературно-художественного отдела, особенно с начала 30-х годов, произошло за счет привлечения «молодежи», того вошедшего в литературу уже в эмиграции поколения, которое не совсем правильно было названо «незамеченным». Не говоря о появлении на страницах «Современных записок» почти всех молодых поэтов Зарубежья, во всяком случае парижских, в жур-

[15] В 13-й книге «С.з.», одновременно с первыми стихами В.Ф.Ходасевича, появилось новое, ни до того, ни после не слыханное имя Аркадия Меримкина, слишком уж смахивавшее на псевдоним. Подпись эта стояла под статьей «Осмысление звука», о книге Бальмонта «Поэзия как волшебство». Статья была интересная, дельная и довольно злая. Тайна этого псевдонима никогда не была раскрыта.

[16] Журнал первоначально намечался ежемесячным, но таким он никогда не был. Только в 1921 году было выпущено шесть книг, потом это число было сведено до пяти, четырех и даже трех книг в год (с 1931 по 1937 год выходило регулярно по три книги в год, в 1938 и 1939 годах было выпущено всего по две книги, в 1940 году до крушения Франции успела выйти только одна книга, 70-я). Правда, книги были большого объема, по 300, 400 и даже 500 страниц.

нале были напечатаны романы и рассказы В.Сирина, Н.Берберовой, Г.Газданова, Л.Зурова, В.Яновского, Б.Темирязева, Георгия Пескова и др.

Отдел небеллетристический тоже обогатился к 30-м годам новыми ценными сотрудниками. Среди них в первую голову следует назвать Г.В.Адамовича и В.В.Вейдле (оба начали сотрудничать в «Современных записках» в 1927 году), а также Г.П.Федотова, который вскоре выдвинулся как один из самых блестящих публицистов Зарубежья, — его сравнивали и с Чаадаевым, и с Герценом. Первая статья Федотова в «Современных записках» («На поле Куликовом», опыт анализа блоковского лирического цикла) появилась в 1927 году под тем же псевдонимом (Е.Богданов), под которым он до того печатался в евразийских «Верстах», но с 1929 года он начал печататься за собственной подписью. Некоторые его статьи вынуждали редакцию делать примечания о несогласии ее с автором, хотя к этому времени в журнале появлялось уже много статей, с которыми большинство редакции едва ли могло согласиться. Значительно увеличилось после 1926 года сотрудничество П.М.Бицилли, бывшего профессора Новороссийского университета и специалиста по истории Ренессанса. Хотя он ни идейно, ни географически (он был профессором университета сначала в Скопле, потом в Софии) не был близок к редакции, им было напечатано с 1925 по 1940 год 30 статей и 75 рецензий (в отношении рецензий это был, кажется, рекорд для «Современных записок», к которому приблизился лишь М.О.Цетлин с 61 рецензией; но Цетлин стоял гораздо ближе к редакции и начал писать в журнале с первого номера). При этом Бицилли писал не только по своей специальности (история и история культуры), но и на литературно-критические и литературно-теоретические темы, в частности живо отзываясь на текущие явления зарубежной литературы, рецензируя новые романы и сборники стихов. Более или менее постоянными сотрудниками журнала стали Г.В.Флоровский (с 1928 года) и В.В.Зеньковский (с 1926 года). В критическом отделе близкое участие принимали Д.И.Чижевский (и под своей фамилией, и под псевдонимом «П.Прокофьев») и Н.К.Кульман. Правда, зато некоторые прежние сотрудники перестали писать в «Современных записках»: М.Л.Слоним, ставший редактором другого эсеровского журнала — «Воля России» (после 1921 года), Л.П.Карсавин, сделавшийся ярым евразийцем (после 1923 года), Б.Ф.Шлёцер (после 1924 года) и А.Я.Левинсон (после 1925 года; оба ушли во французскую журналистику, хотя могли быть у них и другие резоны), кн. Д.П.Святополк-Мирский (после 1926 года, когда возникли «Версты»), П.П.Муратов (после 1928 года).

Значение «Современных записок» в зарубежной литературе трудно преувеличить.

3. «Русская мысль»

Третьим по времени толстым журналом Зарубежья явилась «Русская мысль», начавшая выходить в начале 1921 года в Софии, перенесенная затем в Прагу, а с конца 1922 по конец 1923 года редактировавшаяся в Праге, но печатавшаяся в Берлине и выходившая с пометкой «Прага-Берлин». В отличие от «Современных записок», «Русская мысль» была продолжением дореволюционного русского издания, выходившего под редакцией того же самого П.Б.Струве, благодаря чему сохранялась преемственность. В анонимном, но несомненно написанном самим редактором обращении «К старым и новым читателям» в первом номере софийской «Русской мысли» журнал так формулировал свои задачи:

«Революция, которую переживает наша родина, есть столь же громадная, как сама Россия, историческая стихия. Эта темная и сложная

стихия далеко еще не сказала своего последнего слова. Она еще только раскрывается в своем историческом смысле...

Поняв, что русская революция есть весьма далекая от завершения разрушающая и творящая стихия, мы должны понять еще и другое. Никакие замыслы и умыслы не могут идти вровень с этой исторической стихией. Не то что они мельче ее, они просто в ней тонут. Все умыслы русской революции ею же самой преодолеваются и посрамляются. Принять революцию — значит понять ее как великую историческую стихию, но это отнюдь не означает принятия замыслов и умыслов людей и людских толп, в ней участвующих...

...мы освобождаем нашу патриотическую страсть от раболепия перед отдельными политическими формулами и лозунгами, от пленения партийными программами и платформами... мы свободно отдаемся великому целому — России, в ней самой, в ее величии находя окончательное, непререкаемое мерило всех замыслов и всех решений. Она для нас есть подлинный живой образ, облеченный плотью и кровью... Сейчас, после революции, в русских душах неудержимо зреет тот самый патриотизм и национализм, который мы, казалось, тщетно проповедовали до революции. Сквозь угар коммунистических замыслов и интернационалистических умыслов, среди несказанных страданий и великой мерзости безбожия и бесчеловечности, восстает и воскресает Россия.

Осознать и осмыслить в глубочайшем падении это воскресение России, ее векового и в то же время живого образа — вот задача русской мысли и нашего журнала».

Эти мысли П.Б.Струве в дальнейшем развивал в целом ряде принципиально-политических статей («Размышления о русской революции», «Историко-политические заметки о современности», «Ошибки и софизмы “исторического” взгляда на революцию», «Познание революции и возрождение духа» и др.). Им был также напечатан ряд некрологов, памяток, литературных заметок и рецензий (в том числе отзыв о «Двенадцати» Александра Блока, обративший на себя внимание самого Блока и выписанный им целиком у себя в дневнике). Ближайшими политическими сотрудниками «Русской мысли» с самого начала были К.И.Зайцев и С.С.Ольденбург (последний давал в каждом номере прекрасно составленные обзоры русской и иностранной политической жизни). Близкое участие в журнале принимали также И.А.Ильин, Г.А.Ландау и евразийцы Г.В.Флоровский и П.Н.Савицкий (писавший и под своей фамилией и под псевдонимом «Петроник»). Отдельные статьи на общественно-политические темы за три года существования журнала поместили: И.М.Бикерман, Ал.Д.Билимович, кн. Павел Дм. Долгоруков, Н.В.Долинский, В.Б.Ельяшевич, А.С.Изгоев, Б.П.Кадомцев, К.Крамарж, П.И.Новгородцев, П.Н.Савицкий, Е.В.Спекторский, Н.С.Тимашев, кн. Г.Н.Трубецкой, А.В.Тыркова, С.Л.Франк, Н.Н.Чебышев, о. Г.Шавельский и др. Литературно-критические статьи и рецензии печатали: П.М.Бицилли, Г.В.Вернадский, А.А.Кизеветтер, С.А.Кречетов, Н.К.Кульман, Л.И.Львов, С.К.Маковский, К.В.Мочульский, Ю.А.Никольский, А.Л.Погодин, М.И.Ростовцев, Ю.Л.Сазонова, Г.П.Струве, В.М.Фишер, В.А.Францев, П.М.Ярцев и др. Много внимания журнал уделял воспоминаниям, особенно о недавнем прошлом. Здесь ярко выделились отрывки из петербургского дневника 1919 года З.Н.Гиппиус («Черная книжка») и печатавшиеся из номера в номер воспоминания В.В.Шульгина — о гражданской войне («1920 год») и о февральской революции 1917 года («Дни»), которые потом вышли отдельными книгами и были даже переизданы в Советской России. О граж-

данской войне повествовал и И.Г.Савченко в своих «записках офицера» под названием «В красном стане». К мемуарной литературе примыкало в сущности и написанное в полубеллетристической форме, и преподнесенное как «повесть» «Бегство» Ивана Беленихина (псевдоним Н.А.Цурикова) — рассказ о побеге из Советской России на юг. В дореволюционное прошлое переносили интереснейшие посмертные «Воспоминания» кн. Е.Н.Трубецкого и «Былые годы» Н.Н.Львова, воскрешавшие детство в Москве и в усадьбе в 70-х годах. Еще дальше в прошлое уводили семейные воспоминания о декабристах кн. С.М.Волконского. Несколько особняком стояли подписанные «От.С.» автобиографические заметки о. Сергия Булгакова.

Литературно-художественный отдел «Русской мысли» был, пожалуй, разнообразнее, но вместе с тем случайнее и разношерстнее, чем в «Современных записках» в те же годы. Беллетристика была представлена приблизительно тем же количеством имен, но в «Современных записках» был больший процент писателей с «именами» и больше крупных вещей (романы Алексея Толстого, Гребенщикова, Алданова, Мережковского, Бориса Зайцева, Степуна). Некоторые авторы были общи обоим журналам. Так, в «Русской мысли» были напечатаны повесть Алексея Толстого «Посрамленный Калиостро», «Родник в пустыне» Г.Гребенщикова, два романа С.Р.Минцлова, драматический отрывок И.Сургучева. И.А.Бунин дал в первый же номер прекрасный, но старый, еще в России написанный рассказ «Исход», а позже, в 1923 году, семь стихотворений, из которых четыре тоже были написаны еще в России, а три уже во Франции. Довольно слабую повесть на злободневную, «революционную» тему («Опустошенная душа») дал Е.Н.Чириков. Наиболее крупной и значительной беллетристической вещью в «Русской мысли» был печатавшийся в 1923 году и оставшийся незаконченным роман А.Ремизова «Канава». Из более или менее известных до революции писателей были представлены рассказами Александр Кондратьев и Сергей Кречетов-Соколов (оба в свое время были близки к символистским кругам), а также А.М.Федоров. Из более молодых, которым предстояло в дальнейшем приобрести некоторую известность в эмиграции, в «Русской мысли» напечатал несколько своих первых вещей Иван Лукаш.

Стихотворный отдел «Русской мысли» отличался разнообразием и еще большей разнокалиберностью и контрастировал со стихотворным отделом «Современных записок». Тогда как в последних до конца 1923 года мы находим стихотворения всего тринадцати поэтов (не считая перепечаток тех, которые жили в Советской России), в «Русской мысли» представлены были 38 поэтов. Тогда как в «Современных записках» все почти поэты уже были с «именем» (молодые были представлены в эти первые годы В.Сириным, В.Познером и Ниной Берберовой), в «Русской мысли» попадается ряд имен неизвестных тогда и с тех пор канувших в Лету — и часто под стихами весьма слабыми. Из вещей известных поэтов, помимо уже упомянутых семи стихотворений Бунина, на первом месте следует поставить прекрасный цикл стихов о Добровольческой армии, написанных еще в Москве, Марины Цветаевой. Пятью стихотворениями «Из СПб-ского дневника 19 года» была представлена Зинаида Гиппиус. Три цикла сонетов («Год в усадьбе», «Лунный водоем» и «Нагарэль») напечатал Сергей Маковский. Из других известных до революции поэтов отметим Александра Кондратьева (цикл стихотворений на темы славянской мифологии и переводы «Из греческой анфологии», а также два стихотворения, навеянных революцией), Любовь Столицу и М.Струве («Памяти Н.С.Гумилева»). Из молодых поэтов, кроме уже широко печатавшегося в это время В.Сирина, можно назвать как приобретших потом неко-

торую известность Бориса Божнева, Вячеслава Лебедева, кн. Д.А.Шаховского (ныне епископа Иоанна Сан-Францисского), А.Д.Семенова-Тян-Шанского (впоследствии ставшего священником, а тогда недавно только приехавшего из России и напечатавшего в той же «Русской мысли» интересную статью, подписанную буквой «С», о настроениях интеллигенции в России) и Глеба Струве. Несомненные надежды подавал вскоре умерший Алексей Гессен, сын известного петербургского юриста В.М.Гессена. Не лишена была интереса написанная еще в Крыму поэма о революции «Спас на крови» Андрея Аллина, в которой чувствовалось сильное влияние Есенина и Клюева. Автор ее, в 1922 году выпустивший в Константинополе, в издании «Цареградского Цеха поэтов» (был, значит, и такой!) книжку стихов «Солнечный итог», потом куда-то исчез. Довольно много было в «Русской мысли» переводов и переложений, из которых можно отметить переводы средневековых французских религиозных легенд М.И.Лот-Бородиной. Особо заслуживает быть отмеченной не обратившая на себя в свое время достаточного внимания посмертная трагедия в стихах Н.В.Недоброво (1882-1919) на библейскую тему — «Юдифь» (в том же номере журнала была напечатана большая статья Ю.Л.Сазоновой-Слонимской о Недоброво, который был известен до революции в Петербурге как прекрасный критик и теоретик литературы, но был и интересным поэтом с философским уклоном).

«Русская мысль» выходила еще менее регулярно, чем «Современные записки»: в 1921 году вышло пять номеров, в 1922 — шесть, в 1923 — четыре; номера были по большей части двойные или тройные, некоторые объемом до 500 страниц. Последний номер (книга IX-XII за 1923 год) вышел в начале 1924 года. Издание прекратилось за недостатком средств (к этому времени созданные инфляцией благоприятные условия в Германии перестали существовать, и русская издательская деятельность, процветавшая в 1921-1923 годах, сразу почти сошла на нет). В 1927 году П.Б.Струве, в то время уже редактировавший ежедневную газету «Возрождение» в Париже, сделал попытку возобновить при газете издание «Русской мысли», но ему удалось выпустить всего один небольшой, хотя и интересно составленный, номер. Программное заявление «От редакции» говорило о связи политики и культуры:

> *«Нет и не может быть для нас враждебного разделения и расхождения между культурой и политикой. Ибо бессильна, не осолена политика "бескультурная", и столь же бессильна и пресна лишенная государственных мыслей и устремлений "аполитичная" культура. Первая безвкусна; вторая же не живет, а влачит свои дни в рыхлом, безвольном и безмышечном, прозябании. В своих вершинах, в своих высших и ценнейших напряжениях и заострениях быт и государственность, образованность и державность, культура и политика — едино суть».*

«Русская мысль» не собиралась заниматься вопросами текущей политики, отсылая для этого своих читателей к «Возрождению». Свою «основную и главную тему» она формулировала так:

> *«Культура в ее расчлененности, целостности и полноте, культура мировая и культура русская, рассматриваемые с той осложненной и углубленной* ***русской*** *точки зрения, которая теперь стала для нас не только доступна, но и прямо* ***обязательна***...»

Конкретной политической программы журнал не выдвигал. В общих выражениях задача эмиграции определялась как служение национальному делу «верой и верностью, личным деланием, личной жертвенностью» в целях

преодоления национальных пороков и грехов и изживания народных болезней и слабостей:

> *«Наша мечта и наше честолюбие — быть верными слугами осмысленно-соборного, напряженно-ответственного преодоления этих общих грехов, в которых мы, каждый в отдельности и все вместе, повинны...»*

Основные статьи в этом единственном парижском выпуске «Русской мысли» принадлежали Д.Д.Гримму (о значении Белого движения), И.А.Ильину (о самобытности русской культуры), В.В.Шульгину (об украинском вопросе) и К.И.Зайцеву («Пушкин как учитель жизни»). Сам П.Б.Струве дал несколько заметок под общим заглавием «Моя записная книжка» (приветствие Б.К.Зайцеву по случаю 25-летия его литературной деятельности, о Бальзаке как пророке русской революции и о «Верстах»), а также «Материалы для исторической хрестоматии русской мысли», посвященные темам «либерального консерватизма» и его генеалогии в русском прошлом (начиная с кн. П.А.Вяземского) и евразийству, как оно отразилось в «Тарантасе» гр. В.А.Соллогуба. Эти материалы были снабжены интересными комментариями.

Художественный отдел номера был невелик. Беллетристика была представлена всего одним небольшим рассказом Б.К.Зайцева «Правитель». Поэзия — шестью стихотворениями проживавшей в Югославии Е.Журавской, переводом И.И.Тхоржевского из Поля Валери и пятью переводами из Рильке Г.Струве. Недавняя смерть Рильке была отмечена также статьей Г.П.Струве о нем и переводом интересного письма Рильке к одному русскому корреспонденту[17] о «Митиной любви» Бунина.

4. *«Воля России»*

Тогда же, когда эсеры затеяли издание «Современных записок» в виде толстого журнала, ими решено было издавать ежедневные газеты. Такими партийными газетами явились «Дни» в Берлине (позднее издание этой газеты было перенесено в Париж) и «Воля России» в Праге. Последняя выходила при ближайшем участии В.М.Зензинова, В.И.Лебедева и О.С.Минора, а издателем ее числился старый эмигрант-эсер Е.Е.Лазарев. С начала 1922 года «Воля России» превратилась в еженедельник, а к концу того же года — в выходящий два раза в месяц небольшими тетрадками журнал. При этом она стала органом левого крыла эсеровской партии, имена В.М.Зензинова и О.С.Минора исчезли с обложки, и журнал стал редактироваться В.И.Лебедевым, М.Л.Слонимом и В.В.Сухомлиным, при прежнем издателе — Лазареве. С 1924 года к трем прежним редакторам присоединился Е.А.Сталинский, а с 1925 года журнал стал ежемесячным и объявлялся как единственный в эмиграции ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. Он продолжал выходить довольно аккуратно до 1932 года.

В отличие от «Современных записок» и «Русской мысли», «Воля России» уделяла много внимания и места текущим вопросам политической и экономической жизни как советской, так и международной (в ней принимали участие некоторые видные деятели международного социалистического движения, в частности — отчасти в силу своего географического положения — она была связана с левыми кругами в славянских странах и проявляла

---

[17] Корреспондентом этим был четвертый сын П.Б.Струве, Лев, скончавшийся вскоре после того (в начале 1929 года).

значительный интерес к славянству и его проблемам). На эмигрантском политическом фронте «Воля России» держала равнение налево. Не опускаясь до открытого сменовеховства, оставаясь журналом эмигрантским и исповедуя антибольшевизм, «Воля России», как не раз указывалось ее противниками, тщательно отмежевывалась не только от «правой» эмиграции, но и от республиканско-демократической, часто зло полемизируя и с «Последними новостями» П.Н.Милюкова, и с «Современными записками» правых эсеров — журналом для «Воли России» и слишком умеренным и слишком «академичным». Ни редактировавшие «Волю России» эсеры, ни близкие к ней видные деятели партии, вроде В.М.Чернова (с которым у «Воли России» впоследствии обнаружились, однако, свои разногласия), никакого участия в «Современных записках» не принимали: широкий, вне партии, фронт «Современных записок» не включал левое крыло самой партии. Что касается эмиграции, стоявшей правее республиканских демократов П.Н.Милюкова, то она была для руководителей и участников «Воли России» так же неприемлема, как и большевики. В этом было глубокое отличие «Воли России» от «Современных записок». В последних, с точки зрения их левого собрата, едва ли не всего предосудительнее был уклон в «религиозный идеализм» и участие в качестве постоянных сотрудников таких писателей и мыслителей, как Н.А.Бердяев, Г.П.Федотов, Ф.А.Степун. Отличительной чертой «Воли России» был также ее подчеркнутый интерес к советской литературе, за перипетиями которой журнал внимательно следил, давая отзывы о советских книжных новинках и обзоры советских журналов, перепечатывая советских авторов и откликаясь на советскую внутрилитературную полемику[18]. Журнал резко осуждал распространенное в некоторых кругах эмиграции пренебрежительное отношение к советской литературе, свое наиболее заостренное выражение получившее в огульно-резких суждениях З.Н.Гиппиус. Отчасти это было отражением общей политической позиции «Воли России», ее ориентации на Советскую Россию и ее презрительного отношения к эмиграции как таковой. С этим было связано холодное и даже несколько враждебное отношение к зарубежным писателям старшего поколения, особенно к И.А.Бунину. Но проявлялось тут и не продиктованное политическими соображениями, и вполне «бескорыстное» тяготение к литературному новаторству, выразившееся поначалу в том, что из писателей, принадлежавших к доэмигрантскому поколению, особенно близкое участие в «Воли России» приняли А.М.Ремизов и М.И.Цветаева, а позднее — в привлечении молодых авторов эмигрантского поколения и в явном предпочтении, отдававшемся им перед более старыми писателями[19]. Правда, ни Ремизов, ни Цветаева не ограничи-

[18] В 1927 году литературным событием, недостаточно отмеченным зарубежной критикой, явилась перепечатка в «Воле России» отрывков из романа Замятина «Мы», не разрешенного в России и вышедшего только в переводах на иностранные языки, в связи с чем Замятин подвергся гонениям в СССР. Роман печатался якобы в обратном переводе с чешского, но сличение текста «Воли России» (правда, неполного) с замятинским показывает, что журнал имел доступ к рукописи и лишь там и сям, для камуфляжа, вносил изменения. Это, конечно, не означает, что роман печатался с согласия Замятина.

[19] Из писателей старшего поколения более или менее постоянно печатался в «Воле России» Бальмонт. До 1925 года на страницах «Воли России» появлялись Борис Зайцев, Ходасевич, Маковский. В 1923-1924 годах печатался там старейшина русской зарубежной литературы, Вас. Ив. Немирович-Данченко. Совсем не печатались в «Воле России» Бунин, Куприн, Мережковский и Гиппиус, Шмелев и Алданов. Неучастие некоторых писателей объяснялось несомненно их отрицательным отношением к очень определенной политической линии журнала. С другой стороны, сама «Воля России» с нескрываемой враждебностью относилась к антибольшевицкой непримиримости таких писателей, как Бунин, Мережковский и Гиппиус, Шмелев и Алданов. Из «молодых» — вероятно, по той же причине — не участвовал в «Воле России» В.Сирин-Набоков, но о его вещах журнал отзывался скорее положительно.

вались сотрудничеством в «Воле России», и тот и другая печатались и в «Современных записках» и в других журналах, как направо («Русская мысль»), так и налево («Версты»), но о Цветаевой можно утверждать, что наиболее характерные крупные ее вещи появились именно в «Воле России», как, например, лирическая сатира «Крысолов» и поэмы «Полотёрская» и «Попытка комнаты» (в «Воле России» были также напечатаны пьесы «Приключение» и «Феникс», этюд о Рильке «Твоя смерть», воспоминания о Брюсове, большая статья о творчестве Наталии Гончаровой и ряд стихотворений). Своей ролью поощрительницы молодой зарубежной литературы «Воля России» очень гордилась — и не без некоторого основания. Главная заслуга тут, по-видимому, принадлежала М.Л.Слониму, который был литературным редактором и главным литературным критиком журнала (он проживал сначала в Праге, но в 1928 году переселился в Париж, где основал литературный кружок «Кочевье», о котором еще будет речь дальше). Из больших литературных журналов «Воля России» была первым, который более или менее широко открыл свои страницы молодым писателям — как поэтам, так и прозаикам, как «столичным» (т.е. парижским), так и «провинциальным» (главным образом пражским). Некоторые из этих молодых писателей стали впоследствии более или менее постоянными сотрудниками «Современных записок» (когда у последних фактически уже не было конкуренции) и приобрели общеэмигрантскую известность. Имена других промелькнули подобно эфемеридам. Не всегда появление того или иного писателя на страницах «Воли России» было настоящим литературным дебютом — существовали разные более мелкие или специальные издания, где некоторые из ставших впоследствии известными парижских и пражских писателей начинали свою деятельность (например, пражские студенческие журналы «Своими путями» и «Студенческие годы», из которых первый печатал особенно много литературного материала и имел много общих с «Волей России» сотрудников), тогда как другие дебютировали в газетах (будущему историку зарубежной литературы придется для выяснения этого вопроса проделать тщательные разыскания, для которых сейчас нет под рукой всего необходимого материала). Но во всяком случае можно сказать, что многие, впоследствии известные парижские поэты, появились на страницах пражской «Воли России» задолго до того, как они нашли себе место в парижских «Современных записках» (например, Вадим Андреев, Борис Божнев, Александр Гингер, Борис Поплавский, Анна Присманова, Юрий Терапиано). Более естественным было появление в «Воле России» молодых пражских поэтов, группировавшихся вокруг созданного в Праге А.Л.Бемом кружка «Скит». Сюда принадлежали Вячеслав Лебедев (который, правда, еще до «Воли России» печатался в «Русской мысли»), Алексей Эйснер, А.Фотинский, К.Ирманцева, Николай Болесцис и др. Уже в 1926 году, когда в «Современных записках» печатались лишь два «новых» поэта (Довид Кнут и Антонин Ладинский), «Воля России» напечатала в двух номерах выборку из стихов молодых парижских поэтов, где было представлено одиннадцать имен. В 1928 году появилась еще одна такая же выборка, с двумя новыми именами. В 1928 же году были напечатаны в одном номере стихи восьми молодых пражских поэтов, из которых немногие, правда, уцелели в литературе. В 1928 году появился в «Воле России» дальневосточный (харбинский) поэт Арсений Несмелов, который еще в 1921 году выпустил книжку стихов во Владивостоке, а в 30-х годах стал печататься в парижских журналах. Здесь следует оговориться, что понятие «молодой писатель», как оно применялось в те годы, было очень условно: речь, собственно, шла о тех, кто не успел начать своей литературной деятельности до эмиграции; бóльшая часть их при-

надлежала к родившимся в самом конце XIX или самом начале XX века, но были среди них люди и постарше, в нормальный ход жизни которых вторглись война и революция. Словом, разделение на «молодых» и «старших» было разделением на писателей с каким-то именем или какой-то известностью в литературной среде до эмиграции и писателей совсем без имени. Поэтому, например, Марина Цветаева относилась к «старшим», а некоторые ее ровесники — к «молодым».

Молодые прозаики появились в «Воле России» еще в 1923-1925 годах (рассказы пражан Семена Долинского и Александра Туринцева — ни тот, ни другой потом не играли сколько-нибудь заметной роли в литературе). В 1925 году была напечатана в трех номерах повесть, подписанная неизвестным именем Юрия Данилова (потом это имя как будто пропало). Между 1926 и 1929 годами появились на страницах «Воли России» рассказы парижан Бронислава Сосинского, Гайто Газданова, Вадима Андреева и Надежды Городецкой[20], а также проживавших в Чехословакии Николая Еленева, Вячеслава Лебедева, Василия Федорова и Алексея Эйснера[21]. В 1928 году в «Воле России» печатались обратившие на себя внимание отрывки из вышедшего затем отдельным изданием романа Ивана Болдырева «Мальчики и девочки» — на необычную для зарубежной литературы тему из жизни советской средней школы в первые годы революции. В 1928 же году журнал организовал конкурс на лучший рассказ из эмигрантской жизни размером не свыше полутора печатных листов. Жюри конкурса должно было состоять из М.А.Осоргина, А.М.Ремизова и М.Л.Слонима, но фактически Ремизов принять участие в работах жюри, как было объявлено позже, не мог. На конкурс было прислано 94 рассказа. Ни один из них не был сочтен достойным первой премии. Вторая премия была присуждена Алексею Эйснеру (Прага) за рассказ «Роман с Европой (Записки художника)». Третья премия была выдана автору рассказа «Жизнь Китаева», проживавшему в Болгарии и скрывшемуся под псевдонимом «Н.Борин». Оба эти рассказа были напечатаны в 1929 году в «Воле России». Кроме того, жюри выделило из присланных рассказов еще четырнадцать и пять из них признало желательным опубликовать. Авторами этих рассказов были М.Мыслинская (Прага), В.Варшавский (Прага), А.Бинецкий (София), Р.Звягинцев (Франция) и В.Федоров (Прага). Из них только двое — Варшавский (его рассказ назывался «Шум шагов Франсуа Виллона») и Федоров — удержались после того на виду в литературе[22].

В отличие от «Современных записок», «Воля России» печатала также переводы из современных иностранных писателей (французских, немецких, чешских), и переводы эти как прозаические, так и поэтические, принадлежали иногда тоже молодым зарубежным писателям.

Литературная критика в «Воле России» была представлена главным образом М.Л.Слонимом, который в своих статьях и коротких заметках живо и остро откликался на главнейшие явления советской и зарубежной (а иногда и иностранной) литературы. Неуловимо окрашивавшее всю публицистику «Воли России» предпочтение советского эмигрантскому присуще было и литературно-критическим статьям Слонима и некоторым другим постоянным критикам «Воли России», например Н.Мельниковой-Папоушковой и

---

[20] Наиболее известный из них в дальнейшем, Г.Газданов, появился в «Современных записках» только в 1931 году. Андреев печатал в «Современных записках» только стихи.

[21] Из них только Федоров печатал прозу в «Современных записках», но уже значительно позже (в 1936 году).

[22] Литературные конкурсы — и стихов, и рассказов — были организованы еще раньше парижским еженедельником «Звено» (см. ниже). На конкурсе стихов оказалось, между прочим, забраковано стихотворение Марины Цветаевой.

Д.А.Лутохину. При этом Слоним не раз нападал на эмигрантскую критику как таковую, обвиняя ее в кумовстве, в отсутствии метода, в полном и сознательном пренебрежении к советской литературе, в замалчивании талантливых молодых писателей Зарубежья или выдвижении ничтожеств по соображениям личных отношений или политического единомыслия. Некоторые из этих обвинений были справедливы, но кое-какие из них можно было обратить и против критиков самой «Воли России». (К вопросу об эмигрантской критике мы еще вернемся.) В первые годы существования «Воли России» несколько критических статей напечатал в ней Е.А.Зноско-Боровский, в прошлом сотрудник «Аполлона», известный главным образом как историк театра (в эмиграции им была написана книга о русском театре XX века) и как шахматист. В одной из своих статей он подверг довольно резкой критике молодых парижских поэтов, отмечая их «упадочность» и выделяя только Довида Кнута, которому он предсказывал хорошее будущее, но о котором в ближайшем же будущем дал очень суровый отзыв уже сам литературный редактор и главный критик «Воли России» Марк Слоним. В 1926 году гастролировали в «Воле России» в качестве критиков такие, можно сказать, антиподы, как П.П.Муратов и кн. Д.П.Святополк-Мирский. Муратов начал печатать серию статей под названием «Очерки трех литератур», но она осталась неконченной — появились только два очерка: о театре Пиранделло и о романах Жана Жироду. Святополк-Мирский дал статьи о «Крысолове» Цветаевой и о Есенине. Интересные «Заметки о Пушкине» напечатал в 1928 году Ю.Марголин, имя которого впоследствии стало хорошо знакомо русскому читателю как автора жуткого «Путешествия в страну Зэ-Ка». Несколько статей на литературно-исторические и литературно-философские темы напечатали Е.А.Ляцкий и И.И.Лапшин. Но, как и в политике, «Воля России» в области литературы особенно много откликалась — и в лице Слонима, и в лице таких своих постоянных сотрудников, как В.Г.Архангельский и С.П.Постников, и в отделе литературной хроники, заведенном ею в конце 20-х годов, — на литературную «злобу дня», советскую и эмигрантскую. При этом советской литературе, как сказано, уделялось гораздо больше внимания. Надобно прибавить, что до 1929 года для этого были хорошие основания. Мысль о том, что в 20-е годы советская литература была интереснее, жизненнее и достойнее внимания, чем зарубежная, но что к 30-м годам это соотношение изменилось в пользу эмигрантской литературы, была высказана таким далеким идейно от «Воли России» и беспристрастным критиком и историком литературы, как А.Л.Бем, который сотрудничал в «Воле России» лишь в самом начале ее существования. С ходом времени правильность этой мысли получила дальнейшее подтверждение. Но не это имел в виду М.Слоним, когда он в запальчивом задоре писал в 1928 году в «Воле России» (№ 7, «Литературный дневник»): «...эмигрантской литературы как целого, живущего собственной жизнью, органически растущего и развивающегося, творящего свой стиль, создающего свои школы и направления, отличающегося формальным и идейным своеобразием, — такой литературы у нас нет. Хорошо это или дурно, но это неопровержимый факт, и что́ бы ни говорили Кнуты, Париж остается не столицей, а уездом русской литературы». Проявляя интерес к советской литературе, вовсе не нужно было огульно отрицать литературу зарубежную. Но само по себе пытливое внимание «Воли России» к тем литературным процессам, которые происходили в России, можно поставить только в заслугу пражскому журналу.

Заслуживает быть также отмеченным тот факт, что в «Воле России» стали выступать в качестве критиков и некоторые молодые писатели, напри-

мер, Г.Газданов, А.Эйснер, Б.Сосинский. Одна из критических статей молодых авторов — статья Алексея Эйснера о стихах Бунина («Прозаические стихи») — вызвала много шуму в эмигрантской литературной среде: в критической оценке Эйснером Бунина как поэта было усмотрено «оскорбление величества». В глазах «Воли России» эта реакция иллюстрировала как нельзя лучше то, что журнал считал главными пороками зарубежной литературы и критики: кумовство, неприкосновенность авторитетов и болезненную обидчивость писателей. Надо сказать, что, как бы ни относиться по существу к статье Эйснера, написанной в чисто литературной плоскости, «Воля России» была в данном случае совершенно права в своей защите критической свободы своего сотрудника.

5. «Благонамеренный»

В 1926 году в Брюсселе вышло два номера журнала «Благонамеренный». Журнал этот редактировался кн. Д.А.Шаховским, тогда еще студентом Лувенского университета и молодым поэтом, впоследствии принявшим монашество. Выходил он на хорошей бумаге и имел, что называется, «изящную внешность». Политикой не занимался, был посвящен исключительно литературе и искусству и в этой области склонялся к «передовому». Напечатанное в первом номере редакционное «Философское обоснование благонамеренности» было длинно, не очень вразумительно и довольно претенциозно, как и кое-что другое в журнале. Ссылки на измайловский журнал под тем же названием в начале XIX века в этом предисловии не было, хотя именно это его название вызывало на память. Самым, пожалуй, интересным в редакционном «обосновании» была цитата из письма «известнейшего русского литературного критика» редактору «Благонамеренного» в ответ на приглашение сотрудничать в журнале. Этот критик (имя его предоставляется читателю угадать) писал:

«Как вы не знаете? Мой долг открыть вам: во мне ни на грош нету "благонамеренности" и, главное, решительно ни для кого: моя неблагонамеренность признана ровно всеми, полным кругом, от Луначарского с Зиновьевым до Маркова II. Нечего говорить, что в него входят Милюков, Вишняк, Струве и т.д. Поэтому мне и думать нечего участвовать в вашем Благонамеренном; если б. вы, как должно, относились к своему журналу, вы бы меня и не приглашали.

Поблагодарите меня за откровенность и будьте счастливы.»

Впрочем, из предисловия можно было понять, что журнал восставал против «гражданской поэзии», хотя не признавал и «искусства для искусства». «Благонамеренный» называл себя «журналом литературной культуры», и при всей слабости своей теоретической позиции он дал в двух номерах материал литературно доброкачественный и культурный. Проза, если не считать небольшого отрывка Бунина и двух вещиц Ремизова, была представлена писателями молодыми и полными новичками (три рассказа Георгия Цебрикова, пражская легенда Николая Еленева, красочно-бытовая московская повесть Д.Н.Соболева, рассказы Бронислава Сосинского и Сергея Эфрона). Среди стихов напечатаны были прекрасные «Соррентинские фотографии» В.Ходасевича, а также по несколько стихотворений Марины Цветаевой, Георгия Иванова, Г.Адамовича, Ирины Одоевцевой и из более молодых — А.Гингера, Галины Кузнецовой, Довида Кнута, Глеба Струве, Владимира Диксона и самого редактора. В небеллетристическом отделе журнала представлено было по преимуществу среднее и младшее поколение эмиграции:

М.Л.Гофман, Е.А.Зноско-Боровский, К.В.Мочульский, Н.Д.Набоков, Д.П.Святополк-Мирский, Ф.А.Степун, М.И.Цветаева и сам редактор. Интересная и острая статья Святополк-Мирского «О нынешнем состоянии русской литературы» была характерна своей почти стопроцентной обращенностью к советской литературе, в чем автор даже приносил извинения «блюстителям эмигрантской неприкосновенности», утешая их тем, что «в сфере политической мысли подлинное творчество проявили, со времени Революции, одни эмигранты — в лице евразийцев». Это было в то время, когда Мирский издавал свои «Версты», и за шесть лет до его возвращения в Россию, — в этой статье Мирский еще причисляет себя к антикоммунистам. Заключение, к которому Мирский приходил, обозревая состояние русской литературы, было формулировано им как «факт, что Русская литература находит больше радости жизни после Революции, нежели находила до Революции». Во втором номере «Благонамеренного» интересную, злую, но, как всегда у нее в писаниях на общие темы, немного сумбурную статью дала Марина Цветаева — о критике с точки зрения поэта. В виде приложения к этой статье был приведен, под названием «Цветник», подбор критических суждений — себе противоречащих или просто легковесных — одного из самых плодовитых и влиятельных критиков Зарубежья, Георгия Адамовича. В журнале был большой и разнообразный критико-библиографический отдел, причем некоторые рецензии, часто подписанные всего одной или двумя буквами, были остры и занимательны. Благодаря М.Л.Гофману «Благонамеренный» имел также возможность напечатать ряд интересных материалов из архива В.А.Жуковского — черновик его письма к Каченовскому и письма к нему И.В.Киреевского в связи с закрытием «Европейца», а также письма гр. Ростопчиной, Шевырева, Дельвига, Измайлова и др.

6. «Версты»

Выходившие в Париже между 1926 и 1928 годами «Версты» называли себя журналом, но фактически оказались ежегодником — их вышло всего три номера. На обложке, помимо уже указанных редакторов (см. стр. 45), ближайшими сотрудниками были обозначены Алексей Ремизов, Марина Цветаева и Лев Шестов. Это «ближайшее участие», несомненно, отражало литературные симпатии и личные отношения самого редактора, Д.П.Святополк-Мирского, который в это время был лектором русской литературы в Лондонском университете и сотрудником многих передовых французских и английских литературных журналов («The Criterion», «Echanges»). Как раз в 1926 году он выпустил первый том своей прекрасной двухтомной «Истории русской литературы» на английском языке — лучший сжатый и обобщающий очерк русской литературы с ее зарождения по 1925 год на каком-либо языке. Соредакторами Святополк-Мирского были евразиец П.П.Сувчинский и С.Я.Эфрон, муж Марины Цветаевой, бывший участник Добровольческой армии, впоследствии ставший одним из организаторов «возвращенства» и оказавшийся замешанным в убийстве на швейцарской территории бывшего советского агента Игнатия Рейсса, бежавший в СССР и там, по-видимому, расстрелянный.

Одной из основных идей «Верст» было единство «лучшего» в эмигрантской и советской литературе (в этом смысле «Версты» были близки к «Воле России», которую Святополк-Мирский считал лучшим из больших зарубежных журналов), и свою задачу журнал видел в том, чтобы «указывать на это лучшее, направлять на него читательское внимание». Такое задание — говорилось в программном редакционном вступлении — «легче осуществимо со стороны,

чем в России. Здесь мы в условиях более благоприятных и не только потому, что мы *свободней*, но и потому, что издали мы лучше видим целое и деревья не заслоняют от нас леса. Понять это целое не с точки зрения практической борьбы, а с точки зрения национально-исторической предначертанности — такова главная наша задача».

Первые два номера «Верст» характеризовались перепечатками советских авторов (Бабеля, Андрея Белого, Пастернака, Тынянова, Сельвинского, Артема Веселого). Рука об руку с этим шло пренебрежительное отношение ко многому в зарубежной литературе, и кроме произведений Ремизова и Цветаевой журнал не дал в своих трех номерах почти никакой художественной зарубежной литературы. Зато и Ремизов и Цветаева были представлены обильно в каждом номере. Первый — отрывками из «Николая Чудотворца» и «России в письменах» и памятками В.В.Розанова (в форме посмертного письма к нему) и Л.М.Добронравова; вторая — «Поэмой Горы», трагедией «Тезей» и двумя длинными стихотворениями. В статейном отделе «Верст» были напечатаны философские и публицистические статьи Н.А.Бердяева, Л.И.Шестова, Л.П.Карсавина, В.Э.Сеземана, А.З.Штейнберга, кн. Д.П.Святополк-Мирского, а также первые две эмигрантские статьи Г.П.Федотова, очутившегося за границей только в 1925 году. Статьи эти — «Три столицы» и «Трагедия интеллигенции» — напечатанные под псевдонимом «Е.Богданов», немедленно привлекли к себе внимание как своим содержанием, так и блестящим публицистическим стилем. Кн. Н.С.Трубецкой участвовал в «Верстах» двумя чисто литературными работами: о метрике частушки и о «Хождении за три моря» Афанасия Никитина. В каждом номере «Верст» имелся отдел, озаглавленный «Материалы». Здесь в первом номере было перепечатано «Житие протопопа Аввакума» с небольшим вступительным пояснением Ремизова, а во втором — «Апокалипсис нашего времени» Розанова. «Материалы» третьего номера были посвящены Н.Ф.Федорову, к которому за рубежом вообще был проявлен большой интерес и отголоски влияния которого можно найти у евразийцев.

Несмотря на легкий евразийско-сменовеховский душок и на свое презрительное отношение к основному потоку зарубежной литературы, «Версты» все же были эмигрантским журналом, и не случайно подчеркивание ими духовной свободы Зарубежья по сравнению с Советской Россией. В самой советской литературе Мирского и «Версты» привлекало именно то, что вскоре оказалось несозвучным партийной линии: Пастернак, Бабель, экспериментаторство Сельвинского. Но не прошло много времени, прежде чем Святополк-Мирский сменил вехи и оказался правоверным марксистом и членом британской коммунистической партии. Года через два после этого — летом 1932 года — он уехал в СССР. Для знавших его этот поступок представлялся продиктованным каким-то духовным озорством, желанием идти против эмигрантского течения, и ничего хорошего для Мирского не сулившим. Первые годы по возвращении Мирский довольно много печатался в советских изданиях. Его прекрасное знание западноевропейской, особенно английской, литературы, его ум, критическое чутье и литературный талант не могли не цениться. Им были написаны вступительные статьи к переводам Филдинга и к сочинениям Баратынского, он участвовал довольно острыми полемическими статьями в томах «Литературного наследства», посвященных Пушкину и XVIII веку, он принял участие в советской полемике вокруг Джойса, выступая с ультралевой позиции, вообще вел себя нередко как plus royaliste que le roi*. В 1935 году коммунистические

* Больший роялист, чем сам король (*франц.*). — *Ред.*

критики обрушились на него за то, что он позволил себе критиковать Фадеева[23]. При этом Мирскому напомнили, что он бывший князь (Мирский был сыном бывшего министра внутренних дел, который «делал весну» накануне революции 1905 года) и «белогвардеец». За Мирского заступился в советской печати Горький. Это было в 1935 году[24]. А год спустя Мирский был, по-видимому, арестован и просидел несколько месяцев в тюрьме. Точных сведений о его судьбе после того не имеется. Есть все основания думать, что он был сослан в Сибирь. По некоторым сведениям, он умер в ссылке[25]. Статьи Мирского еще появлялись в печати в 1936 и 1937 годах (например, в пушкинском томе «Литературного наследства», в сборнике памяти Эдуарда Багрицкого). Свидетельством опалы Мирского было то, что в начале 1937 года журнал «Звезда» внезапно и без всяких объяснений прекратил печатание написанной Мирским биографии Пушкина (перед тем как печататься, эта биография усиленно анонсировалась в числе произведений на будущий год). Для внешнего употребления Мирским, вскоре по возвращении в СССР, была написана книжка об английской интеллигенции, к которой он был близок в годы своего пребывания в Англии и которую теперь зло высмеивал и пародировал. Книжка эта была написана по-русски (на английском издании ее обозначен переводчик), но русское издание ее мне неизвестно.

Человек неглупый и одаренный, оставивший, несмотря на свою часто нарочитую парадоксальность, след в зарубежной критике и особенно много содействовавший надлежащему ознакомлению английской и американской публики с русской литературой, Д.П.Святополк-Мирский стал жертвой собственного духовного озорства.

7. *Другие журналы*

Наряду с большими литературно-общественными журналами в начале 20-х годов выходило довольно большое количество чисто литературных или просто более легковесных журналов, из которых лишь немногие заслуживают упоминания здесь.

Типичным для берлинского периода зарубежной литературы был литературно-художественный журнал *«Сполохи»*, выходивший с конца 1921 года по июнь 1923 года и редактировавшийся уже упоминавшимся Александром Дроздовым, сравнительно молодым писателем, до революции совершенно неизвестным, который вскоре после того последовал за Алексеем Толстым в Советскую Россию. В эмиграции Дроздов успел издать около полудюжины книг, большей частью рассказов из эпохи гражданской войны и из жизни беженцев. Написал он и один роман («Девственница», 1922). «Сполохи» выходили как журнал большого формата, иллюстрированный репродукциями с картин, и печатали стихи, рассказы, небольшие статьи о литературе и искусстве и довольно случайный подбор рецензий. В числе сотрудников «Сполохов» мы находим имена известные, менее известные и совсем неизвестные. Поэзия была представлена Бальмонтом, Буниным, Наталией Кран-

---

[23] Речь шла о некоторых персонажах повести Фадеева «Разгром». Повесть эту Мирский ставил очень высоко: на одном литературном собрании в Париже в 1929 году Мирский заявил, что он не променяет всю «Жизнь Арсеньева» Бунина на несколько строк из «Разгрома» (см. «Воля России», 1929, IV, стр. 123).

[24] Об интересных встречах с Мирским в том же году рассказал в журнале «Encounter» (№ 22, июль 1955 г.) известный американский критик Эдмунд Вильсон.

[25] Эдмунд Вильсон в упомянутой выше статье приводит свидетельство одного недавнего эмигранта, якобы сидевшего в одном лагере с Мирским. К сожалению, эти свидетельства «очевидцев» не всегда надежны. По некоторым сведениям, Мирский одно время редактировал советскую газету в каком-то сибирском захолустье.

диевской (жена Алексея Толстого), Минским, Оцупом, Л.Столицей, М.Струве, Ходасевичем и из молодых — Л.Гомолицким, впоследствии игравшим роль в литературных кружках в Варшаве, где уже в это время существовала «Таверна поэтов», В.Пиотровским, С.Рафальским, Г.Росимовым, В.Сириным и др. Печатались иногда и стихи проживавших в Советской России поэтов: Волошина (какое эмигрантское издание не печатало тогда Волошина!), Клычкова, Голлербаха. Появилось в «Сполохах» одно неизданное стихотворение Гумилева, посвященное художникам Ларионову и Гончаровой. Под рассказами в «Сполохах» находим подписи Амфитеатрова, Бальмонта, Б.Лазаревского, Минцлова, Сургучева, Алексея Толстого (отрывки из «Детства Никиты», которое до того печаталось в парижском детском журнале «Зеленая палочка», а вскоре — еще до отъезда Толстого в Россию — вышло отдельной книгой), Чирикова, а из младшего поколения — самого Дроздова, Глеба Алексеева, Федора Иванова, В.Амфитеатрова-Кадашева. На страницах «Сполохов» появлялся и А.Ветлугин (псевдоним В.Рындзюна), талантливый и хлесткий журналист, нашумевший своими разоблачениями Белой армии («Авантюристы гражданской войны») и своими циничными автобиографическими признаниями в романе «Записки мерзавца»[26]. Очерки эмигрантской жизни давал в «Сполохах» Сергей Горный (псевдоним Александра Авдеевича Оцупа), сотрудничавший постоянно в «Руле» в качестве фельетониста. Особо ценных и интересных статей в «Сполохах» не было. Для историка эмигрантской литературы некоторый интерес могут представить очерки Глеба Алексеева о встречах с писателями старшего поколения. По вопросам искусства писали в «Сполохах» Г.К.Лукомский и С.К.Маковский.

Другой журнал большого формата — *«Жар-птица»* — главное внимание уделял искусству, печатая статьи о современных художниках и сопровождая их хорошо исполненными репродукциями. Журнал печатался в Берлине, но редактировался частью в Париже. Редактором художественного отдела был Г.К.Лукомский, при ближайшем участии в этом отделе А.Я.Левинсона. Журнал проявлял большой интерес к современному европейскому искусству. Литературным отделом «Жар-птицы» заведовал А.(Саша) Черный, а одним из ближайших сотрудников была Н.А.Тэффи, имя которой редко попадалось в толстых журналах. Под рассказами и стихами мелькали все те же имена: Бальмонт, Сирин и т.д. Литературного направления у «Жар-птицы» не было — ударение было скорее на легкости и занимательности материала. Журнал просуществовал до 1926 года.

Во второй половине 20-х годов такого же типа и формата журнал, но более популярного пошиба и менее космополитичного в искусстве уклона, выходил в Риге и назывался *«Перезвоны»*. Этот журнал тоже печатал многих зарубежных писателей, особенно из более известных. По сравнению с «Жар-птицей» он носил более провинциальный характер, а литературный материал в нем был случайным.

С 1923 по 1928 год в Париже выходило *«Звено»* — сначала как еженедельная литературно-политическая газета под редакцией М.М.Винавера и П.Н.Милюкова (как бы при «Последних новостях»), потом как журнал, преимущественно литературный. В течение нескольких лет «Звено» играло немалую роль в парижской литературной жизни, объединяя почти всех сколько-нибудь известных писателей старшего и среднего, а потом и младшего поколения и отражая текущие литературные события, чего не могли делать «Современные записки». В журнале в частности хорошо был поставлен ли-

---

[26] О Ветлугине см. в воспоминаниях Д.Аминадо «Поезд на третьем пути», где приведено целиком любопытное письмо Ветлугина к автору.

5-994

тературно-критический отдел, и он следил не только за русской (зарубежной и советской), но и за иностранной литературой. Главным литературным критиком «Звена» в его журнальный период стал Г.В.Адамович. Но в нем сотрудничали также постоянно в критическом отделе К.В.Мочульский и В.В.Вейдле, а в более ранний период — кн. Д.П.Святополк-Мирский и А.Я.Левинсон. Довольно часто печатал интересные статьи на литературные и философские темы не появлявшийся в других изданиях Н.М.Бахтин, позднее преподававший классическую филологию в одном из английских университетов.

В 1923 году в течение всего одного года выходил в Париже трехмесячник *«Окно»*, который издавали М.С. и М.О.Цетлины. И форматом, и содержанием «Окно» напоминало скорее альманах, чем журнал. Политики в нем не было совсем. Все содержание вышедших трех номеров состояло почти исключительно из стихов (Бальмонт, Бунин, Гиппиус, Цветаева, Цетлин, Г.Струве), беллетристики (Бунин, Зайцев, Куприн, Муратов, Ремизов, «Солнце мертвых» Шмелева) и мемуарной и художественно-философской прозы (воспоминания Гиппиус о Блоке, Брюсове и Розанове, ремизовские «Розановы письма», «Тайна Трех» Мережковского, «Странствования по душам» Шестова). Единственными статьями были статьи М.Л.Гофмана (о неизданных рукописях Пушкина) и Б.Ф.Шлёцера о русской музыке. В каком-то смысле это высококультурное и хорошо поданное издание дублировало «Современные записки», и этим объясняется его преждевременная смерть.

Будущему историку русской журналистики придется отметить еще ряд журналов — ежемесячных, двухнедельных, еженедельных — выходивших по всему миру и обслуживавших нужды русского Зарубежья; здесь для этого нет ни места, ни возможности. В некоторых из них могут отыскаться и какие-нибудь провороненные критиками литературные перлы.

В первые годы расцвета книжного и издательского дела в Зарубежье выходило также множество непериодических альманахов. В этом отношении этот период мог поспорить с 20-ми годами XIX века или с боевой эпохой символизма. Особенно много альманахов выходило в Берлине (назовем «Грани», «Медный всадник», «Веретено», «Струги»). В альманахах этих участвовали почти все известные писатели и некоторые начинающие, и в них печатался порой ценный литературный материал, позднее не воспроизводившийся. Поэтому для историка зарубежной литературы они представляют несомненный интерес. Сколько-нибудь подробное обозрение их здесь невозможно. Отметим для примера, что в первом выпуске альманаха *«Грани»*, под редакцией А.Черного (Берлин, 1922), напечатана ранняя поэма В.Сирина-Набокова «Детство», не вошедшая ни в одну из его книг, а также его статья об английском поэте Руперте Бруке с переводами из него, статья Андрея Левинсона о Франсисе Жамме, А.В.Амфитеатрова о Ключевском как художнике слова, лирическая поэма А.Черного «Докторша» и др.

Глава V

ПРОЗАИКИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Что же дала зарубежная литература за первые пять лет своего существования? Так ли уж она была импотентна, особенно в сравнении с литературой советской, как утверждали некоторые критики в ее собственной среде? Были у нее какие-то свои темы? Был у нее свой голос? Дала она что-то новое? На три последних вопроса бóльшая часть зарубежных критиков склонна была отвечать

отрицательно. Прежде чем разбираться в этих вопросах и ответах, займемся самим инвентарем этого первого пятилетия, подведем ему итоги. В нижеследующих кратких характеристиках отдельных писателей некоторый выход за поставленные нами здесь себе хронологические рамки, некоторое забегание вперед и некоторые обобщения оказались неизбежны. В частности, для писателей старшего поколения (а также и для некоторых других) основные биографические факты даны здесь без сообразования с хронологическими пределами настоящей главы, с тем чтобы в дальнейшем уже не возвращаться к ним. Но об отдельных более поздних произведениях тех же писателей речь будет дальше, в своем месте.

1. Бунин

За одним исключением (Алексея Ремизова) писатели-прозаики старшего поколения и писали и печатались в эти годы довольно мало. В ранние 20-е годы, годы расцвета русского издательского дела в Берлине (и отчасти в Париже) бóльшая часть их ограничилась переизданием своих дореволюционных произведений. Новые рассказы обычно появлялись сначала в газетах или журналах. Так было и с Буниным. До 1924 года его книги представляли собой переиздания дореволюционных вещей. Новыми были лишь несколько рассказов, появившихся в периодической печати. Вместе с несколькими более ранними они вошли в первый заграничный сборник Бунина «Роза Иерихона» (Берлин, 1924).

Бунин покинул Россию в феврале 1920 года, эвакуировавшись из Одессы перед вторым занятием ее большевиками, под которыми ему пришлось жить в 1919 году. Через Константинополь, Софию и Белград он попал весной того же года в Париж, где и поселился. Позднее он выбрал местом своего более или менее постоянного жительства городок Грасс в департаменте Приморских Альп, знаменитый центр французской парфюмерной промышленности, лишь наезжая в Париж на некоторое время каждый год. В Грассе провел он и всю войну. Но последние свои годы он прожил опять в Париже, на той же квартире на улице Жака Оффенбаха, которую занимал и в 20-х годах.

Самым крупным событием в эмигрантской жизни Бунина было присуждение ему в 1933 году литературной премии Нобеля — он был первым русским, удостоившимся этой чести. В своей речи на банкете в Стокгольме после вручения премий Бунин подчеркнул значение «прекрасного жеста» Шведской Академии, присудившей премию «изгнаннику». «Есть нечто незыблемое, — сказал Бунин, — всех нас объединяющее: свобода мысли и совести, то, чему мы обязаны цивилизацией. Для писателя эта свобода особенно необходима — она для него догмат, аксиома».

Бунин скончался в Париже в 1953 году, на 83-м году жизни.

В первые годы эмиграции Бунин, как сказано, писал мало. Но он принимал участие в общественно-политической жизни Зарубежья, сотрудничая в газетах («Общее дело», «Последние новости», «Руль»), выступая иногда на публичных собраниях, участвуя в организации издательства «Русская земля». Творческое оскудение Бунина могло быть связано с переполнявшей его ненавистью к революционному опаскужению России — это чувство как бы вытесняло все остальные.

Но к 1924 году Буниным было уже написано несколько рассказов и целый ряд стихотворений. Многие — и в том числе самые лучшие — из этих рассказов не имели никакого отношения к революции. Так, например, тема рассказа «Преображение» (1924) — одна из излюбленных тем Бунина: смерть, «нечто грозное, таинственное, самое великое и значительное во всем мире». Ни у одного русского писателя, кроме, пожалуй, Толстого, не было

такого влечения к теме смерти в сочетании с такой жадностью к жизни и таким неустанным дивованием Божьим миром. Любовь к жизни, сознание чудесности Божьего творения и чувство смерти теснейшим образом переплетаются у Бунина, и на эту тему написаны им некоторые из лучших его страниц. «Преображение» — рассказ об обыкновенном мужике, преображенном смертью матери, вдруг прикасающемся к тайне смерти во время чтения Псалтыри над этой простой, убогой старушкой. Рассказ по языку и по всеподчиняющему ритму, проникающему всю его структуру, и композиционную и словесную, принадлежит к высоким достижениям Бунина[27]. К революции он никакого отношения не имеет. Но в нескольких рассказах этого периода Бунин коснулся и темы революции, чтобы потом к ней уже не возвращаться, иначе как в плане публицистическом. Во всех этих рассказах революционная тема затронута осторожно и целомудренно-сдержанно, что очень отличает их и от зарисовок революционной смуты в «Окаянных днях» (1926), проникнутых страстной ненавистью к революции и к новому строю, и от позднейших «Воспоминаний», где звучит та же нота в сочетании с личной озлобленностью, направленной против почти всех современников и особенно собратьев по писательскому ремеслу. Рассказы Бунина на темы, связанные с революцией, — «Товарищ Дозорный», «Красный генерал» и «Несрочная весна». Первые два написаны от имени фиктивного рассказчика, как «Рассказы Н.Н.» (оба были напечатаны вместе в «Современных записках» в 1924 году), и представляют собой, собственно говоря, портреты двух очень различных дореволюционных персонажей в дореволюционной обстановке, из которых один становится чекистом, руководителем большевицкой карательной экспедиции, а другой — видным красным генералом. В «Товарище Дозорном» помощник деревенского учителя, по фамилии Костин, робкий, застенчивый заика, снедаемый самолюбием и мучительной завистью ко всему на свете, преображается в «товарища Дозорного», «высокого человека в белой папахе, в чудесной офицерской поддевке с белым барашковым воротником и необыкновенно щегольских офицерских сапогах». Здесь пореволюционный эпизод дан как часть рассказа, как краткая фабульная концовка. Во втором рассказе внимание читателя сосредоточено на описании и характеристике будущего красного генерала, каким его видит рассказчик, сосед по имению, навещавший его до революции. Перед нами обедневший, опустившийся, безалаберно живущий помещик, щеголяющий французскими фразами и живущий, как какой-нибудь Плюшкин, напоминающий одновременно персонажей Тургенева и Гоголя (причем стиль и манера Бунина, конечно, гораздо ближе к Тургеневу, чем к Гоголю). Пореволюционный эпилог дан в виде краткой, сухой хроникерской заметки: рассказчик сообщает, что он прочитал в бурцевском «Общем деле» «о больших успехах по службе некоего “бывшего царского офицера”, а ныне красного генерала, моего “дорогого соседа” из Дубровки». Эти два рассказа, может быть, и не принадлежат к лучшим вещам Бунина, но их отличительной чертой является отсутствие всякой тенденциозности и нарочитое воздержание от залезания в революционную психологию. Показаны два очень различных человека — показаны как образчики материала, из которого порой кроились деятели большевицкой революции. Как они стали революционерами, предоставляется догадываться самому читателю: в обоих рассказах между основным повествованием и концовкой — ничем не заполненный пробел во времени. Сами по себе оба

[27] Еще замечательней другой рассказ на тему смерти — «Исход», напечатанный Буниным в первой книге «Русской мысли» зарубежного издания (1921). Но рассказ этот был написан еще в России в 1918 году.

портрета прекрасны, написаны с обычным бунинским мастерством, особенно портрет будущего красного генерала. Об их «революционной» убедительности можно спорить.

Третий из упомянутых рассказов — «Несрочная весна» — совсем иной по композиции и тону. Написанный от первого лица, о себе, он гораздо лиричнее. Название его и лейтмотив взяты из стихотворения Баратынского, и тема его — ностальгические переживания и мысли, вызванные посещением в первые годы революции прекрасной заброшенной усадьбы. Старая бунинская тема «дворянского оскудения», тема «Суходола», в перспективе революции и вызванных ею опустошительных разрушений получает лирическую окраску. Старый мир предстает рассказчику как «Элизей воспоминаний» Баратынского, и он осознает свою оторванность и отчужденность от современности. По поводу этого рассказа М.О.Цетлин, рецензируя «Розу Иерихона», высказал интересную и верную мысль о том, что самая нетерпимость и непримиримость Бунина по отношению к большевицкой революции связана с его «классицизмом», с его глубоко укорененным чувством формы, его тягой к порядку. Не случайны поэтому вкрапленные в рассказ цитаты из русской классической поэзии.

Символические намеки на революцию можно усмотреть и в не очень характерном для Бунина рассказе «Безумный художник» (1921), хотя действие в нем происходит до революции, во время войны.

В последовавшие затем годы творчество Бунина достигло небывалого расцвета — о произведениях этого периода будет речь во второй части. Бунин решительно протестовал против утверждения, будто бы писатель не может творить в отрыве от родины. Его эмигрантское творчество — лучшее доказательство его правоты. Но не забудем, что и до революции он некоторые свои лучшие — и притом самые «русские» — вещи («При дороге», «Игнат» и др.) написал на Капри.

2. Мережковский

Д.С.Мережковский и З.Н.Гиппиус покинули Петербург, где прожили больше двух лет под большевиками, в самом конце 1919 года — с намерением бежать за границу. Их сопровождали их старый друг Д.В.Философов и молодой поэт В.А.Злобин, тогда студент Петербургского университета. Официально это была командировка на юг, причем предполагалось, что Мережковский будет читать лекции в красноармейских частях — о Египте (странные и наивные были тогда в некотором отношении времена!). В январе все четверо нелегально перешли польскую границу в районе Бобруйска и вскоре оказались в Минске, а потом в Варшаве. Начался довольно длительный, но завершившийся несчастливо, двойной политический роман между Мережковскими и польским диктатором Пилсудским и Мережковскими и Борисом Савинковым, с которым их связывали давние отношения — и дореволюционные в Париже, и во время революции в связи с выступлением генерала Корнилова. Настроенные непримиримо враждебно к Советской России, Мережковские с самого начала видели спасение от большевизма в иностранной интервенции. Они были поэтому лишь последовательны и верны себе, когда в 1941 году уверовали в спасение России при помощи Гитлера и призывали к крестовому походу против большевиков. В 1920 году их ставка была на Польшу. Добровольческую армию они считали бессильной и в нее не верили, хотя подвигу ее и сочувствовали; западных союзников обвиняли в измене, Англию особенно, в «бесчестности» и «торгашестве». С Савинковым им казалось по пути, поскольку он завязал отношения с Пилсудским и готов был помогать Польше в ее войне с большевиками. В течение нескольких месяцев

Мережковские возлагали большие надежды на польско-савинковскую акцию и подпирали ее своим авторитетом, создавая или пытаясь создать вокруг нее русское политическое окружение. Общество русско-польского сближения, газета «Свобода» (позднее переименованная в «За свободу» и под редакцией Д.В.Философова и М.П.Арцыбашева, а затем одного Философова, выходившая до 30-х годов, но уже без участия Мережковских), аудиенция Мережковскому у Пилсудского, формирование русских отрядов при польских войсках — таковы главные фазы политической деятельности Мережковских в Варшаве в 1920 году. Разочарование наступило довольно скоро — и в поляках, и в Савинкове. Оно стало бесповоротным после подписания польско-советского перемирия в Минске. Позднее Мережковский говорил о своей «обманутой вере в Польшу». Он писал: «Я верил в душу, сердце и разум братского польского народа. Я и теперь верю в его душу, если эта душа — бессмертный польский мессианизм. Но ослепленный разум Польши закрыл ее душу и сердце. Мир, который она подписала с большевиками, — уничтожил или отдалил на долгие годы мир ее с Россией, такой насущно-необходимый обеим соседним странам»[28]. Разочарование в поляках и в искренности их антибольшевизма, разочарование в Савинкове и в его пригодности для «дела России» и первое серьезное расхождение с их давним другом и неизменным спутником Философовым, в дальнейшем еще углубившееся, — таков был для Мережковских итог десятимесячного пребывания в Польше[29]. В октябре 1920 года они покинули Варшаву и переехали в Париж, где и прожили до самой смерти, если не считать двух поездок в Италию в 30-х годах и временной эвакуации в По в начале Второй мировой войны. Д.С.Мережковский скончался в Париже в начале декабря 1941 года, З.Н.Гиппиус — там же в сентябре 1945 года.

Для понимания эмигрантского периода деятельности Мережковских, в том числе литературной, необходимо иметь в виду, что, с одной стороны, для них на первом плане все время стояла задача борьбы с полонившим Россию большевицким злом (большевизм виделся им как абсолютное метафизическое зло), и этой задаче должно было быть подчинено все остальное; а с другой — что в зарубежной дислокации политических сил они оказались как бы ни в тех, ни в сех, политическими одиночками. Помимо того, что они сами отгораживали себя от всей эмиграции, к которой относились презрительно, их отделяло от правых кругов эмиграции отчасти их прошлое (в том числе симпатии к Февральской революции, которые З.Н.Гиппиус во всяком случае продолжала афишировать), отчасти скептическое с самого начала отношение к Белому движению и неверие в реальную силу эмиграции, поскольку дело шло о свержении большевизма. С другой стороны, умеренно-левые и левые круги от них отталкивало их убеждение в желательности и неизбежности иностранной интервенции для ликвидации большевизма[30], а также наметившееся вскоре у Д.С.Ме-

---

[28] См. «Предисловие» к книге «Царство Антихриста» (Мюнхен, 1922), стр. 5.

[29] Обо всем варшавском «действе» Мережковских имеются любопытные, хотя и слишком краткие, записи З.Н.Гиппиус в ее интересной, но довольно сумбурной, далеко не всегда правдивой, пристрастно, горделиво и зло написанной книге «Дмитрий Мережковский» (Париж, 1951). Эта посмертная «биография» Д.С.Мережковского, написанная во время войны, представляет частью позднейшие воспоминания, частью воспроизведение современных дневниковых записей.

[30] Сама З.Н.Гиппиус так формулировала в 1920 году их взгляд: «Мы знаем, что свергнуть большевиков можно (и даже нетрудно) только: 1) вооруженной борьбой серьезной армии с лозунгами *новой* России (не с лозунгами одних “не”, как у Савинкова), 2) при непременном условии участия и опоры на регулярную армию другого самостоятельного воюющего государства» («Дмитрий Мережковский», стр. 298). Формально-логическое развитие второго пункта привело Мережковских к поддержке Гитлера в его войне против СССР.

режковского тяготение к итальянскому фашизму, перешедшее позднее в своего рода культ Муссолини[31].

И Мережковский, и Гиппиус довольно скоро стали сотрудниками «Современных записок» (Гиппиус в 1922 году, начиная с 10-й книги, Мережковский в следующем, с 15-й книги), но настоящей близости к журналу у них не возникло[32]. Правда, со многими эсерами их связывали давние дружеские отношения (особенно с И.И.Бунаковым-Фондаминским, который и ввел их в парижский журнал: они сблизились с ним еще в дореволюционное свое пребывание в Париже, тогда же, когда и с Савинковым); но политически и идейно они были теперь далеки и от прежних правоверных эсеров, и от того нового для эсеров, что представляли в «Современных записках» сам Бунаков и В.В.Руднев, а также такие сотрудники, как Бердяев, Степун и Федотов, и что когда-то было ближе самим Мережковским с их религиозными интересами и устремлениями. Эти интересы и устремления у них сохранились и даже усилились, сочетаясь как всегда с «политикой», но, во-первых, они оставались по-прежнему далеки от православной церкви, с которой у зарубежных религиозных философов произошло сближение, а, во-вторых, политически они никак не могли принять позицию Бердяева (и даже Степуна), которая и в те, 20-е, годы представлялась им «соглашательством». Но при этом они отталкивались и от такого апологета «белой идеи», как И.А.Ильин, о книге которого «Не мир, но меч» З.Н.Гиппиус напечатала в «Современных записках» критическую статью. Не войдя глубоко в «Современные записки», хотя и продолжая в них сотрудничать на протяжении 20-х и 30-х годов[33], Мережковские не примкнули по-настоящему и к тем враждующим между собой течениям, которые были представлены двумя главными ежедневными газетами — «Последними новостями» П.Н.Милюкова и «Возрождением» П.Б.Струве. Интересно, что, в то время как Мережковский стал сотрудником, хотя и не близким, «Возрождения», Гиппиус поначалу предпочла пойти в «Последние новости», хотя ее отношение к Милюкову и к доктринальным кадетам вообще всегда было не слишком доброжелательным (это сказалось и на ее отзыве в варшавском дневнике о Ф.И.Родичеве в связи с приездом его в Варшаву и аудиенцией у маршала Пилсудского). Ни духовно, ни политически милюковская газета не была З.Н.Гиппиус близка, и ее сотрудничество в ней продолжалось недолго: она тоже перешла в «Возрождение», но и там не могла чувствовать себя вполне дома. В ее книге о муже много жалоб на их духовное одиночество, на «измены» друзей, на отсутствие понимания у когда-то близких людей и много недоброжелательных и высокомерных отзывов об эмиграции вообще. Если верить этой книге, получается, что Мережковские чуть ли не одни хранили белизну эмигрантских риз, одни оставались верны завету непримиримости к большевикам.

Но несмотря на свою политическую изолированность, Мережковские и в 20-х и в 30-х годах играли видную роль в русском Париже и в частности в его литературной жизни. Единомышленных с ними людей, если не считать уже упомянутого поэта Злобина[34], около них почти не было. Но вокруг

---

[31] В дальнейшем Мережковский, по-видимому, разочаровался в Муссолини.

[32] Об отношении «Современных записок» к Мережковским и о некоторых перипетиях их сотрудничества в журнале интересно рассказано в статье М.В.Вишняка «З.Н.Гиппиус в письмах» («Новый журнал», XXXVII, 1954), где приведен ряд интересных писем Гиппиус к Вишняку с 1923 по 1931 год.

[33] Впрочем, Мережковский, если не считать одной статьи о декабристах в 1925 году, сотрудничал в «Современных записках» только беллетристическими произведениями или отрывками из своих историко-философских книг, и только до 1935 года.

[34] Злобин поселился с Мережковскими в Париже и стал фактически их секретарем, а позднее душеприказчиком. В очерке о З.Н.Гиппиус («Новый журнал», XXXI, 1952) он говорит, что в бра-

Мережковских всегда кипела интенсивная интеллектуальная жизнь. К ним льнула в Париже литературная молодежь, хотя именно этой молодежи были скорее чужды их религиозно-общественные интересы и их политическое однодумство.

Если до революции широкая известность Мережковского и в России, и за границей покоилась главным образом на его исторических романах, из которых даже лучшие, по слову Д.П.Святополк-Мирского, не были романами, то после революции он вскоре перестал облекать свои культурно-исторические и религиозно-философские размышления и домыслы в форму художественного вымысла и стал трактовать интересовавшие его темы в произведениях, которые можно отнести к особому разряду художественно-философской прозы с резко выраженной индивидуальной манерой письма (сюда относятся написанные в эмиграции «Тайна Трех», «Наполеон», «Атлантида-Европа», «Иисус Неизвестный», книги о Данте, Франциске Ассизском, Жанне д'Арк, блаж. Августине и св. Павле). Свои последние два романа — «Рождение богов. Тутанкамон на Крите» и «Мессия» — Мережковский написал в начале эмигрантского периода и напечатал в 1924 и 1925 годах в «Современных записках», после чего они вышли отдельными изданиями — первый в Праге, второй в Париже. Оба романа связаны с центральной для всего религиозно-философского творчества Мережковского думой об истоках и судьбах христианства. Как все романы Мережковского, они перенасыщены эрудицией и культурой, но художественная плоть их беднее и суше, чем в лучших частях знаменитой трилогии. Часто стилистическая манера автора раздражает назойливым и навязчивым однообразием.

Еще раньше вышел в эмиграции последний роман Мережковского на русские темы — «14 декабря», прямое продолжение «Александра I». Но роман этот был написан еще до революции и впервые издан в России при большевиках, в 1918 году.

Из небеллетристических произведений Мережковского в эмиграции первым по времени была книга «Царство Антихриста» (Мюнхен, 1922), которой он сам придавал большое значение. Эта книга состояла из статей самого Мережковского, «Петербургского дневника» З.Н.Гиппиус, уже ранее напечатанного в «Русской мысли», рассказа Д.В.Философова о их совместном бегстве из России и небольшой малозначительной статьи В.А.Злобина («Тайна большевиков»). Центральной в книге была статья самого Мережковского под тем же заглавием, что и вся книга, и с подзаголовком «Большевизм, Европа и Россия». Это религиозно-метафизическое обличение большевизма и буржуазной Европы («в безбожии друзья и враги большевизма сходятся... Буржуй — большевик наизнанку; большевик — буржуй наизнанку. Не потому ли борьба Европы с большевиками — такая бессильная и бесчестная?») было обращено в первую голову к европейскому общественному мнению, ничего, по мнению Мережковского, не понявшему и не понимающему в русской революции. Мережковского упрекали в приподнятом, истерическом тоне, в привычном щеголянии броскими параллелями и антитезами. Конечно, Мережковский оставался Мережковским, но многое в его страстной филиппике звучит своевременно и сейчас. Мережковский писал:

ке Мережковских в творческом плане руководящая, мужская роль принадлежала З.Н., а Мережковский, при всей своей феноменальной производительной способности, собственных творческих идей не имел. Мнение о большей творческой одаренности Гиппиус вообще весьма распространено, но Злобин идет так далеко, что приписывает ей главные идеи Мережковского и считает, что она сформировала его личность.

«Должно учесть как следует безмерность того, что сейчас происходит в России. В судьбах ее поставлена на карту судьба всего культурного человечества. Во всяком случае безумно надеяться, что зазиявшую под Россией бездну можно окружить загородкою и что бездна эта не втянет в себя и другие народы. Мы — первые, но не последние.

Большевизм, дитя мировой войны, так же, как эта война, — только следствие глубочайшего духовного кризиса всей европейской культуры. Наша русская беда — только часть беды всемирной».

Это было написано в 1921 году. Больше того: Мережковский напоминал европейцам следующие слова из французской книги, написанной им совместно с З.Н.Гиппиус и Д.В.Философовым вскоре после революции 1905 года:

«Русская революция — всемирная. Когда вы, европейцы, это поймете, то броситесь тушить пожар. Но берегитесь: не вы нас потушите, а мы зажжем вас...»

Следует признать, что у Мережковского были некоторые основания смотреть на себя как на пророка, которому не вняли, которого просто не услышали. А сколько европейцев, говорящих сейчас о христианской культуре Европы, подписалось бы под словами Мережковского в «Царстве Антихриста»:

«Христианство — начало Европы, и конец христианства — конец Европы. Можно бы сказать европейцам: для вас христианство "миф"? Берегитесь, как бы вам самим не сделаться мифом!»

Кроме «Царства Антихриста» в книге были напечатаны еще две короткие статьи Мережковского: «Крест и Пентаграмма», где в знакомом его читателям стиле, со ссылками на ассиро-вавилонскую мудрость, на «Фауста» и на Достоевского и с длинной цитатой из «Небожественной комедии» Красиньского, доказывалось, что конфликт между Европой и большевизмом — это война Креста и Пентаграммы, но что «Крест уже потух в сердце Европы»; и «Л.Толстой и большевизм», где русский большевизм назывался «толстовским чистилищем»: «Огнем его грехов сейчас вся Россия горит, но не сгорит: спасет Зеленая Палочка. Только грехи сгорят в огне чистилища, и выйдет из него Святая Россия, Святой Лев». Книгу «Царство Антихриста» заключала «Записная книжка» Мережковского — записанные в 1919-1920 годах мысли о революции вперемежку с некоторыми фактами, относившимися к подсоветской жизни и к бегству за границу. Книга была переведена на иностранные языки, но того резонанса, на который надеялся Мережковский, не встретила.

К первому периоду эмиграции принадлежит также книга «Тайна Трех. Египет и Вавилон» (Прага, 1925), частями печатавшаяся в «Современных записках» и в парижском трехмесячнике «Окно», выходившем в 1923 году. Это часть большого, оставшегося незаконченным труда, в который так или иначе входят почти все последующие эмигрантские писания Мережковского и который с правом можно назвать трудом его жизни. Как и все экскурсы Мережковского в историческое прошлое человечества, эта книга навеяна думами о настоящем и вместе с тем обращена к будущему. В Египте и Вавилоне Мережковского интересуют провозвестия христианской религии, ее мистерий, а христианство его интересует как Царство Духа, эсхатологически, в его проекции в будущее. Прием, оказанный книге зарубежной критикой, был смешанный, и таково же было отношение к большей части последующих писаний Мережковского. Так, давая в «Современных записках» отзыв об отдельном издании «Тайны Трех», И.П.Демидов, который не мог сочувствовать внецерковному и вместе с тем вневременному христиан-

ству Мережковского, назвал книгу дерзновенной, а тон ее — пророческим (правда, говорил он и о непонятности книги для многих). В тех же «Современных записках», откликаясь на напечатанную в «Окне» «египетскую» часть книги, Б.Ф.Шлёцер (более известный как музыкальный критик, но в те годы часто выступавший и с литературно-философской критикой), признавая художественный талант Мережковского, сказавшийся на отдельных, преимущественно чисто описательных страницах, писал: «Но вот мыслитель, мистик вновь заявляет о себе и вступает в свои права; стучат стальные ножницы: начало — конец, тайна двух — тайна трех, Египет — Вавилон, мир — война... Как устарели эти приемы, как сера эта комбинационная мистика!» Шлёцер утверждал — и так думал не он один — что мысль Мережковского «движется лишь путем аналогий и противопоставлений, чисто вербальных: его истина рождается из столкновения слов; а родившись, она мгновенно укладывается в схему противопоставлений» («Совр. записки», XVI, 1923, стр. 418). Позднее человеком, хорошо знавшим Мережковского и склонным считать, что эмиграция недооценила его, было высказано мнение, что «в книгах эмигрантского периода своего творчества он, кажется, вовсе не заботился о внешней стороне своих писаний», что «книги для него были не литературными произведениями, а беседою вслух о главном, и ценны... лишь тем, поскольку убедительно и ясно ему удавалось выразить в них свою основную идею», а также, что в Мережковском шла борьба начала подлинной интуиции с бескрылым начетничеством[35].

Из всех крупных писателей эмиграции Мережковский, вообще склонный к мессианизму, всех упорней верил в миссию русской эмиграции. Для эмигрантской литературы он мечтал о появлении Байронов и Мицкевичей. Но вместе с тем в конкретной эмиграции он видел затхлое болото.

3. Шмелев

И.С.Шмелев позже многих других попал за границу. Первые революционные годы он прожил в Крыму, где остался и после врангелевской эвакуации. Помимо тяжелых личных переживаний, оставивших неизгладимый след в душе, он пережил в Крыму и ужасы голода и жестоких расправ большевицкой власти с интеллигенцией и другими «врагами народа». Только в конце 1922 года, после недолгого пребывания в Москве, ему удалось выбраться из России. С 1923 года он поселился во Франции, живя зимой в Париже, а лето часто проводя на берегу Атлантического океана, в Капбретоне, в департаменте Ланд. Попав за границу, не только стал сразу много писать, но и стал творчески откликаться на революцию. Первым таким откликом и первой крупной вещью Шмелева в эмиграции было «Солнце мертвых»[36]. Написанная в 1923 году, вскоре после поселения во Франции, эта вещь тогда же была

[35] См. Ю.Терапиано, «Встречи» (Нью-Йорк, 1953), стр. 26 и 28.

[36] До того в эмиграции были изданы повести «Неупиваемая чаша» (1921), «Это было» (1923) и книга рассказов «Сладкий мужик. Степное чудо» (1921). Все это вещи, написанные еще в России, но, по-видимому, «Это было» — жуткий рассказ о бунте в военном госпитале для душевнобольных вблизи фронта — в России не издавалось (эта вещь была закончена в 1922 году). Однако утверждать, как делают некоторые зарубежные критики, писавшие о Шмелеве, будто бы, живя в России после революции, он не имел возможности печататься, неправильно: «Неупиваемая чаша» (написанная в 1918 году) была издана в Москве в 1922 году, почти одновременно с зарубежным изданием, и тогда же была переиздана дореволюционная повесть Шмелева для юношества «Служители правды». Дореволюционные произведения Шмелева переиздавались в СССР и после того, как он эмигрировал. Эти факты большей частью не учтены в немецкой книжке о Шмелеве: Michael Aschenbrenner, Iwan Schmeljow. Leben und Schaffen des grossen russischen Schriftstellers. Koenigsberg u. Berlin, 1937, к которой приложена довольно обширная (и во всяком случае наиболее полная из существующих) библиография произведений Шмелева в подлиннике и в немецких переводах и литературы о нем.

напечатана в парижском трехмесячнике «Окно». Отдельным изданием, в значительно пополненном виде, «Солнце мертвых» вышло в 1926 году. После Второй мировой войны появилось второе издание, дополненное новым материалом.

Сам Шмелев назвал «Солнце мертвых» «эпопеей». Но это вещь без фабулы, без твердого повествовательного стержня. Это ряд отдельных, написанных от первого лица очевидцем-наблюдателем очерков о виденном, слышанном, пережитом и передуманном во время владычества большевиков в Крыму в течение двух лет после эвакуации врангелевских войск. Один требовательный эмигрантский критик назвал «Солнце мертвых» «вовсе не преображенным, сырым психологическим и бытовым материалом», чтение которого дает «тягостное до боли ощущение», но в конце концов и наводит скуку (Б.Шлёцер, «Совр. записки», XX, 1924, стр. 433). О «жестокости» и «мучительности» этой книги говорили и другие, писавшие о ней. «Читаешь ее и чувствуешь, будто бы все время тебя подвергают казни, и вместе — нет сил оторваться», — писал в «Современных записках» В.М.Зензинов (XXX, 1927, стр. 552).

«Солнце мертвых», конечно, не беллетристика. Это документ о страшных днях Крыма после разгрома Белой армии, страшное свидетельство не только о медленном физическом умирании людей и животных, но и о нравственном ущемлении и духовном вырождении, хотя в нарисованной Шмелевым темной картине есть и отдельные светлые пятна. Но это документ, написанный рукой художника, талантливого писателя, особенно чуткого к человеческому страданию и боли, а не просто «сырой материал», как утверждал Шлёцер. И не случайно «Солнце мертвых», переведенное почти сразу на ряд иностранных языков, произвело большое впечатление в нерусском мире, тогда довольно равнодушном ко всем рассказам об ужасах большевизма. Можно сказать, что те ужасы, которые творились с тех пор в России, оставили далеко позади все описанное Шмелевым (достаточно припомнить «Путешествие в страну Зе-Ка» Ю.Б.Марголина!), и если «Солнце мертвых» и сейчас, при перечитывании, производит впечатление, то это надо отнести на счет художественного таланта Шмелева. Его нередко сопоставляли с Достоевским, и параллель с «Записками из Мертвого дома» напрашивалась сама собой. В том, что из всех больших русских писателей Шмелеву всего ближе Достоевский с его темами боли и страдания, что «болезненной» своей стороной он именно к Достоевскому восходит, что многое, вплоть до захлебывающегося, слегка истеричного «говорка», он у Достоевского перенял, сомневаться не приходится. Полусумасшедший доктор Михаил Васильевич в «Солнце мертвых», страдающий некоторым недержанием речи, рассказывающий «занятные» истории, перескакивающий с предмета на предмет и кончающий тем, что сжигает себя на своей дачке, и его сгоревшие останки узнают по какому-то особому бандажу, о котором он любил говорить, — как будто вышел со страниц Достоевского, хотя в правдивости и жизненности его изображения ни на минуту не возникает сомнения. Но в Шмелеве есть и другие стороны и свойства, которыми он Достоевского отнюдь не напоминает и которые ярче проявились в некоторых более поздних и более «успокоенных» вещах, где фоном является не развороченный революцией и исковерканный быт, а дореволюционная, прочная в своих устоях русская жизнь. Шмелев занял прочное место в русской литературе своей первой крупной вещью, романом «Человек из ресторана» как реалист-*бытовик*, хотя и там были нотки, восходившие к Достоевскому. И этот «бытовизм», эта укорененность в быте, с годами и в отрыве от родины приобретшая несколько ностальгический характер, сильно отличает Шмелева от безбытного Достоев-

ского. С другой стороны, Шмелеву совершенно чужда диалектика и метафизика Достоевского. Это было отмечено Г.Адамовичем, который писал о Шмелеве:

> *«Он понял "достоевщину", а вовсе не Достоевского, он как рыба в воде чувствует себя в той атмосфере, которую создал Достоевский: жалость, обида, унижение, возмущение, бессильное, слишком позднее просветление, — но "метафизика" Достоевского, сомнения Ивана Карамазова, домыслы Кириллова, безысходная тоска Ставрогина — все это полностью от него ускользнуло»*[37].

Все это в значительной мере верно, но все это и бьет как-то мимо цели, ибо «достоевщину» без Достоевского мы находим в наиболее слабых романах Шмелева. А в своих лучших вещах, в своих рассказах и очерках, он напрашивается скорее на сопоставление с Лесковым. Шмелева упрекали в «провинциальности», в чрезмерной «русскости», в неумеренных восторгах перед расточительной «широтой» русской натуры. Все это есть в нем, как есть и некоторая доля элементарного, «русопетского» антиевропеизма и антикультурности. Он однажды шокировал молодое поколение русской эмиграции, заявив в ответе на одну анкету, что русской литературе не к чему и нечему учиться у Пруста, что перед ней своя «столбовая дорога», что у нее был свой Пруст в лице М.Н.Альбова, который-де ничуть не хуже Пруста. Может быть, правильнее было Шмелеву не сослаться на Альбова, а воззвать к тени Лескова, с которым его роднит и эта «русскость», эта «провинциальность», и мастерство сказа, и необыкновенное владение разными оттенками русской народной речи.

Мастером сказа Шмелев показал себя еще в ранних своих рассказах и в «Человеке из ресторана». Мастером сказа остался он и в написанных им в 20-х годах рассказах из современной русской жизни, будь то из советского или из эмигрантского быта. Не случайно многие из этих рассказов 1924-1926 годов, вошедших в книги «Про одну старуху» (Париж, 1927) и «Свет разума» (Париж, 1928), носят такие подзаголовки, как «Рассказ бродяги», «Рассказ ветеринара», «Рассказ управляющего», «Рассказ парижанина с Рогожской» и т.п. Прекрасным образцом сказового мастерства Шмелева, в котором он среди зарубежных писателей не имел себе соперников (ремизовский сказ — особь-статья), является рассказ «Про одну старуху» — о приключениях одной мешочницы во время революции. Рассказ написан на широком фоне революционной разрухи. В литературу русского лихолетья этот рассказ войдет наравне с лучшими рассказами советских писателей 20-х годов. Сплошной сказ-монолог представляет собой и длинный рассказ «На пеньках», написанный тоже в 1924 году и напечатанный первоначально в «Современных записках», а потом вошедший в книгу «Въезд в Париж» (Белград, 1929). Рассказ этот носит подзаголовок «Рассказ бывшего»: бывший профессор-археолог (который легко мог появиться на страницах «Солнца мертвых» рядом с другим профессором, Иваном Михайловичем, специалистом по Ломоносову, превратившимся в побирающегося нищего с кошелкой), ныне эмигрант, где-то во Франции, на берегу Атлантического океана, рассказывает о пережитом им в России во время революции. Здесь опять слышатся интонации Достоевского («Я себе самому рассказываю, как пропал человек во мне, *каким* снова в меня вернулся. Я вытряхиваюсь, я, *бывший,* ищу, ищу... Я видел очень и очень много! Перечувствовал еще больше»). В рассказе стал-

[37] См. Г.Адамович, «Одиночество и свобода» (Нью-Йорк, 1955).

киваются темы революционная и эмигрантская. И в нем сильно звучит уже отмеченная антиевропейская нота. Монолог «бывшего» — не только рассказ о виденном и перечувствованном в России, но и страстное обличение самодовольной и бездушной Европы и предостережение ей: ее, мол, ждет та же судьба, что и Россию[38].

В рассказах Шмелева 20-х годов преобладает советская и эмигрантская тематика (позднее он все больше и больше — особенно в крупных вещах, о которых будет речь во второй части, — обращается к русскому прошлому). В эмигрантской жизни его особенно интересует тема встречи простого русского человека с Европой (рассказ «Въезд в Париж» и др.). И здесь опять часто звучит повышенная, немного истеричная русская нота, своего рода патриотический надрыв, находивший несомненный отклик в читательских кругах эмиграции.

При всем глубоком отличии Шмелева от Мережковского, при всей разнице их культурного «фона» (Мережковский был «европейцем», инстинктивно отталкивавшимся от всякого русопетства, Шмелев — из русских русским, в русопетстве немало повинным), когда разразилась война между Советской Россией и гитлеровской Германией, они оказались в одном лагере. После войны занятая им во время войны позиция послужила причиной частичного бойкота его в русских литературных кругах во Франции и в Соединенных Штатах и первое время затруднила для него появление в печати. Шмелев скончался в Париже в 1950 году.

4. Куприн

А.И.Куприн очутился за пределами Советской России осенью 1919 года, когда Гатчина, где он жил в небольшом собственном домике, была освобождена от большевиков войсками ген. Юденича. Вскоре после того, по просьбе начальника штаба Северо-Западной армии ген. Глазенапа и ген. П.Н.Краснова, Куприн взялся за редактирование прифронтовой газеты «Приневский край». Об этой своей газетной работе и о жизни вообще в Гатчине под большевиками и после их ухода Куприн живо рассказал в «повести» «Купол св. Исаакия Далматского» (1928). Названная повестью, эта вещь на самом деле принадлежит к чисто документальной литературе: в ней нет ни фабулы, ни вообще выдумки, и в нее входят даже отрывки из тогдашней записной книжки Куприна. В годы гражданской войны Куприн сотрудничал также в выходившей в Гельсингфорсе газете «Новая русская жизнь». После крушения Северо-Западного фронта он уехал во Францию и поселился в Париже, где сразу же вошел в небольшую группу писателей старшего и среднего поколения (Бунин, Алексей Толстой, Тэффи, Мережковские, Александр Яблоновский, Алданов, Цетлин). Вспоминая в некрологе Куприна это время («Совр. зап.», XLVII, 1938)[39], Алданов писал:

«Жили мы не худо, не скажу “одной семьей” — это почти всегда преувеличение, — но без ссор, довольно дружно; по крайней мере я сохранил о той поре самое лучшее воспоминание. Были гостеприимные “салоны”, были ***наши*** *кофейни, был не существующий более кабачок в древнем доме на улице Пасси, славившийся устрицами и белым вином. Мы встречались*

[38] Рассказ «На пеньках» был переведен на немецкий и голландский языки и сочувственно встречен иностранной критикой.

[39] В том же номере была напечатана статья И.А.Бунина о Куприне. Тогда как Алданов писал о нем очень благожелательно и даже тепло, в том, что говорил Бунин о Куприне и как писателе и как человеке, звучали довольно жестокие нотки.

часто, некоторые чуть не каждый день. Бывали даже чтения вслух... притом самые разные. Одни происходили при очень большом числе слушателей — так А.Н.Толстой читал в доме М.О.Цетлина начало "Хождения по мукам", другие в присутствии лишь пяти-шести человек...»

Поселившись в Париже летом 1920 года, Куприн сразу стал сотрудничать в парижских газетах — в «Общем деле» Бурцева, в «Последних новостях», в рижском «Сегодня», позднее в «Русской газете», в «Возрождении», в «Русском времени» Б.А.Суворина. Как и большинство зарубежных русских писателей, Куприн нуждался, жил очень скромно. Жена его открыла небольшую русскую библиотеку. В 1937 году Куприн, больной, разбитый, многого уже не сознававший, вдруг, не сказавшись никому из друзей и знакомых, уехал с женой и дочерью в Россию. Говорили, что он решил умереть на родной земле. (По другим сведениям, возвращение в Россию было задумано его женой и дочерью — сам он своей воли в то время уже не имел.) И действительно, приблизительно через год Куприн умер, не дав больше русской литературе ничего значительного. Смерть его прошла малозамеченной, но некоторые его сочинения были переизданы и переиздаются и сейчас в СССР, включая и некоторые произведения эмигрантского периода.

Первые годы в эмиграции Куприн, как и Бунин, писал очень мало. На современность он откликался публицистическими статьями. В немногочисленных рассказах и очерках обращался преимущественно к дореволюционному прошлому, изредка к нерусским темам (например, «авантюрная» повесть «Жидкое солнце», вошедшая в книгу «Купол св. Исаакия Далматского», Рига, 1928). Рассказы Куприна печатались первоначально в газетах и в более мелких журналах — в толстых журналах он почти не сотрудничал (всего одно его произведение — повесть «Жанета» — было напечатано в «Современных записках» в 1933 году). Первая заграничная книга Куприна — «Звезда Соломона» — вышла в 1920 году в Гельсингфорсе. Она содержала рассказы, написанные еще в 1919-1920 годах на русской земле. Все они были обращены к прошлому, и многие из них воскрешали старый русский быт. В небольшом более позднем очерке «Извозчик Петр» Куприн характерно писал:

«Старый, древний быт. Быт, проклятый критиками, создавшими презрительно унизительное словечко для иных писателей — "бытовик". Но почему же в этом быте, в неизменной повторяемости событий, в повседневном обиходе, в однообразной привычности слов, движений, поговорок, песен, обрядов — почему в них всегда жила и живет для меня неизъяснимая прелесть, утверждающая крепче всего и мое бытие в общей жизни?»

Куприн, конечно, всегда был реалистом. В нем, как и в Шмелеве, всегда было несравненно больше «бытовизма», чем, например, в Бунине. Но в дореволюционном творчестве Куприна, при всем его реализме, быт вовсе не был исключительным или даже господствующим элементом. В нем была романтическая струя — авантюрная и фантастическая. После революции у него явилась наклонность романтизировать старый быт — своего рода бытовая ностальгия. Поэтому, может быть, у Куприна меньше рассказов, чем можно было бы ожидать, из эмигрантского быта: этот быт оказался слишком серым и низменным. Поэтому же свойственное Куприну жизнелюбие, прежде не знавшее ограничений, — едва ли не самая характерная его черта на общем фоне литературы его времени — утратило свою полноту, сосредоточившись на прошлом.

В лучших своих зарубежных вещах Куприн остался большим мастером анекдота и крепко слаженного повествования, как и мастером простого и

выразительного языка. Прекрасен, например, рассказ «Однорукий комендант» — несколько рассказанных с чужих слов историй частью о Белом генерале, М.Д.Скобелеве, но главным образом о его деде, коменданте Петропавловской крепости. Продолжал Куприн писать прекрасно и о животных — некоторые рассказы о лошадях и собаках вошли в книгу «Елань» (Белград, 1929).

Немногие более крупные и более поздние вещи Куприна будут отмечены дальше.

5. Зайцев

Б.К.Зайцев первые годы революции провел в деревне в Калужской губернии и в Москве, где одно время вместе с другими писателями (М.А.Осоргин, Н.А.Бердяев) торговал книгами в Книжной лавке писателей. В 1920 году он тщетно хлопотал о разрешении на выезд за границу. Позже хлопоты были возобновлены, и разрешение дано, и осенью 1922 года Зайцев с женой и маленькой дочерью прибыл в Берлин. Пробыв там сравнительно недолго, он уехал в Италию, где живал до Первой мировой войны, и провел там около полугода, после чего переехал во Францию. В Париже или под Парижем он жил и живет с тех пор.

Как и другие писатели старшего поколения, Зайцев в первые годы эмиграции переиздавал свои старые вещи: с пометой «Петербург-Берлин» вышло в издании З.И.Гржебина несколько томов его сочинений, давно уже ставших библиографической редкостью[40]. Но Зайцев печатал и вещи, написанные им в годы революции в России, и писал новые. Тематика этих новых вещей по большей части нарочито далекая от революции. К книге об Италии («Италия», Петербург-Берлин, 1923) примыкают лирические, в сущности бессюжетные рассказы на европейские темы — о Рафаэле, об императоре Карле V, небольшая пьеса о Дон-Жуане. В книге «Улица св. Николая» (Берлин, 1923) собраны очерки Москвы, дореволюционной и уже задетой революцией.

Первая крупная вещь Зайцева, написанная и изданная в эмиграции, — роман «Золотой узор», печатавшийся в «Современных записках» и выпущенный затем отдельным изданием (Прага, 1926). Он частью тоже обращен к дореволюционному и даже довоенному прошлому (Москва, русская провинция, Италия), но в заключительной своей части подводит и к катастрофе войны и революции. Написанный от первого лица, и притом от лица женщины, героини, этот роман окрашен тем лиризмом, который присущ всем вещам Бориса Зайцева, независимо от их жанра — будь то роман, рассказ, пьеса, художественная биография, мемуарный очерк или газетная статья. Мало у какого другого русского писателя при этом до того неизменный, до того себе всегда верный писательский почерк. Один благожелательный критик совершенно правильно сказал однажды о Зайцеве: «Ему не нужно подписывать свои произведения» (М.Цетлин). Это, конечно, влечет за собой некоторое однообразие. И некоторым такое неизменное однообразие очень личного, очень своеобразного почерка кажется манерностью. Кстати, буду-

---

[40] В условиях зарубежного книжного рынка нельзя было себе позволить роскоши «полных собраний сочинений». Только в отношении Бунина — кажется, в связи с присуждением ему Нобелевской премии — было предпринято такое полное собрание, включавшее и дореволюционные и эмигрантские произведения (вышло 11 томов). Сейчас и его нет на рынке, и только отдельные крупные вещи и тома рассказов переизданы были после Второй мировой войны. Произведения других видных зарубежных писателей до сих пор не собраны и переиздавались только в виде исключения (некоторые вещи Шмелева, Алданова, Ремизова).

щие исследователи зайцевского стиля, вероятно, найдут один из ключей к своеобразию его писательского почерка в порядке слов у него, в расстановке им прилагательных, хотя не в этом одном, разумеется, дело. Но при всей неизменности, при всем однообразии почерка Зайцева можно сказать, что он в эмиграции стал тверже, увереннее, чем был раньше, исчезла прежняя расплывчатость (хотя и осталась та «акварельность», о которой говорили почти все писавшие о Зайцеве).

Расширился и сам диапазон Зайцева, зазвучали у него новые ноты. Особенно явственно звучит в его зрелом творчестве религиозная, христианская нота, с определенной православной окраской. Само наличие ее отличает Зайцева от таких писателей старшего поколения, как Бунин и Куприн или как его близкий современник Алексей Толстой. Вместе с тем у него это звучание совсем иное, чем у Ремизова, в творчестве которого религиозная стихия тоже играет большую роль, но у которого чаще звучат горько-скорбные ноты, а иногда и соблазнительные, еретические и демонические. Религиозность Зайцева благостнее, примиреннее, умудреннее, она окрашена в те же лирические тона, что и все его творчество. Иная она и чем у Шмелева, без шмелевской бытовой насыщенности, более легкая и светлая.

Помимо того, что религиозностью постепенно окрашивается в зарубежный период все творчество Зайцева, и сама по себе религиозная тематика занимает в нем все больше и больше места, отражая ту роль, которую религия и Церковь заняли в душе и жизни писателя. В первые же годы эмигрантской жизни Зайцев пишет жизнеописание преподобного Сергия Радонежского, образ которого особенно много говорит его душе («Преподобный Сергий Радонежский», Париж, 1925). Эту маленькую книжку З.Н.Гиппиус назвала «душевной и благостной». Один из лучших зарубежных рассказов Зайцева — «Алексий, Божий человек» («Современные записки», 1925; вошло в книгу «Странное путешествие», Париж, 1927) — вдохновлен житийной литературой. Зайцев из Парижа совершает паломничества на Афон и на Валаам и пишет небольшие книги об этих обеих святынях Православия. О нем можно поэтому сказать, что своим «приходом» к религии и к Церкви он из всех крупных русских писателей своего времени всех ближе разделил общую пореволюционную судьбу когда-то религиозно-равнодушной интеллигенции, явился выразителем характерных для нее новых настроений — настроений, которые захватили даже и некоторые политически левые круги русской эмиграции. И показательно, что, в отличие от Бунина, эмигрантских вещей Зайцева в СССР не издавали. Сам Зайцев оказался стоек в своем антибольшевизме и не поддался никаким соблазнам советского псевдопатриотизма, перед которым не устояли многие другие.

6. Ремизов

А.М.Ремизов оставался в Советской России до лета 1921 года. После большевицкой революции он служил в Театральном отделе (как Блок и многие другие писатели), занимался переводами для горьковской «Всемирной литературы», читал лекции по теории прозы и по истории русской литературы в нововозникших учебных заведениях, печатался в различных газетах и журналах. Выходили в эти годы и некоторые его книги, иногда в рукописном виде в издательстве Обезвелволпала (Обезьяньей Великой и Вольной Палаты — шуточного учреждения, основанного самим Ремизовым и раздававшего своим членам причудливые звания, закрепляемые изысканными грамотами, «собственнохвостно» подписанными обезьяньим царем Асыкой). 5 августа 1921 года Ремизов с женой, С.П.Довгелло-Ремизовой,

выехал за границу — как он сам позднее говорил, «по невыносимой головной боли, от которой последний год петербургский пропадал». Свой отъезд за границу он рассматривал как временный, даже кратковременный, — с тем чтобы, «прикоснувшись к старым камням Европы, набраться силы и вернуться назад — русскому писателю без русской стихии жить невозможно». На самом деле прикасание к старым камням Европы обратилось в долголетнее изгнание, а слова о невозможности русскому писателю жить без русской стихии как будто не оправдываются творчеством Ремизова в изгнании, богатым и количественно, и качественно. Вернее, может быть, предположить, что русскую стихию, как и горсточку русской земли в мешочке, унес Ремизов с собой на чужбину.

После короткого пребывания в Ревеле Ремизов поселился в Берлине, где прожил до ноября 1923 года, когда, следуя за общим исходом русских из Германии, переехал в Париж. В Париже живет он и сейчас, и читателям его зарубежных произведений хорошо знакомы различные этапы его жизни — квартиры, которые он последовательно занимал, от Villa Flore на avenue Mozart до дома № 7 по rue Boileau.

Выше уже было сказано, что в отличие от некоторых писателей старшего поколения Ремизов с первых же лет эмиграции много писал и много печатался. Давая в 1925 году сведения о себе для одного эмигрантского издания, Ремизов перечислил 25 названий своих книг, изданных за границей, и около 20 еще не изданных и ожидающих издателя (частью это неизданное к тому времени появилось уже в разных журналах и газетах). Правда, многие из вышедших за границей книг были переизданиями дореволюционных вещей (переизданы были, например, главнейшие старые романы Ремизова) или же изданиями написанного в России за первые годы революции. Сюда принадлежала, например, «Огненная Россия» (Ревель, 1921), включавшая «Слово о погибели Русской Земли», где он, по его собственным словам, сказал «погребальное слово старой, навеки отошедшей России, благословляя подымающуюся на разрушенном месте новую Россию». Будни революции, как их увидел Ремизов, преломились и в таких книгах, как «Шумы города» и «Ахру». Революция через призму сновидений, со всей причудливостью многомерного мира снов, является темой книги «Взвихренная Русь», отрывки из которой печатались в 20-х годах в журналах и которой Ремизов дал подзаголовок «Временник 1917-1921» (сама книга вышла лишь в 1927 году с новым подзаголовком: «Эпопея»).

Но революция отнюдь не была единственной темой, занимавшей Ремизова в начальные годы большевизма и в первые годы изгнания. Как всегда, уходил он и в «чертячий мир», и в мир сновидений, и в царство легенд и сказок. Вот некоторые из книг Ремизова, изданных в эти годы: «Сказки русского народа» (1923) — народная мудрость и юмор в сказках; «Трава-мурава» (1922) — византийские апокрифы и легенды; «Лалазар» (1922) и другие «сказы народов отверженных, диких, затесненных, погибающих и погибших»; «Звенигород окликанный. Николины притчи» (1924) — 25 сказов о Николае Чудотворце; «Россия в письменах» (1922) — сам Ремизов определил эту книгу, состоящую из обрывков и осколков старых документов, в которые он так любит погружаться, как новую форму повествования, «где действующим лицом является не отдельный человек, а целая страна, время же действия — века»; «Крашенные рылá» (1922) — книга о театре, родившаяся из службы в ТЕО после большевицкого переворота; «Кукха» (1923) — письма В.В.Розанова к Ремизову вперемешку с комментариями и воспоминаниями о Розанове. Особняком среди книг этих лет стоят повесть «В поле блакит-

6 994

ном» (1922) и роман «Канава» (1923). «В поле блакитном» — повесть о детстве и юности жены Ремизова С.П.Догвелло — вошло затем составной частью в повесть «Оля» (1927), позднее дополненную. После войны А.М.Ремизов хотел издать «Олю» целиком в Издательстве имени Чехова, но это не удалось, и в выпущенную этим издательством книгу под названием «В розовом блеске» вошла одна глава из «Оли» («С огненной пастью») и две новые части той же повести («Голова львова» и «Сквозь огонь скорбей»).

Роман «Канава» как бы замыкает серию «городских» романов Ремизова, в которых особенно чувствуется его близость к Достоевскому («Пруд», «Часы», «Пятая язва», «Неуемный бубен» и «Крестовые сестры»). Написанный еще в России (частью во время революции), он печатался в «Русской мысли»[41].

Несмотря на все тягости изгнания, связанные с отрывом от родины, нуждой, житейской неприспособленностью, творчество Ремизова в эмиграции не оскудевало. Зарубежный опыт дал ему новый материал и обогатил его новыми мотивами. О его произведениях второго периода будет еще речь ниже.

7. Алексей Толстой

Алексей Толстой только одним боком принадлежит зарубежной литературе. О его роли в литературном сменовеховстве и примере, который он подал некоторым более молодым писателям, говорилось уже выше. Попав одним из первых среди известных писателей за границу, еще в 1919 году, Толстой жил сначала во Франции, под Парижем и в Париже, а осенью 1921 года перебрался в Берлин, где и «сменил вехи»[42].

Толстой довольно много писал в эти годы. К лету 1920 года у него уже было готово начало первой части задуманного им большого романа из русской жизни накануне и во время революции, под характерным названием «Хождение по мукам»: отношение Толстого к большевицкой революции было в то время самое отрицательное, на юге России он был связан с Добровольческой армией, работал в ее Отделе пропаганды и, эмигрировав в Париж, продолжал ее поддерживать, сотрудничая в «Общем деле» и «Последних новостях». Вскоре после своего приезда во Францию Толстому удалось получить у богатого промышленника и банкира Н.Х.Денисова деньги на издание журнала, и «Хождение по мукам» начало печататься в «Грядущей России». Журнал прекратился, однако, на втором номере, и печатание романа было перенесено в «Современные записки», где он появился в первых семи книгах, причем для удобства читателей были воспроизведены и первые десять глав, напечатанных в «Грядущей России» (отдельным изданием роман вышел в 1922 году в Берлине).

В этой первой своей части, принадлежащей зарубежной литературе (для окончательного советского издания многое в ней было переделано), роман доведен до кануна июльских дней 1917 года в Петербурге. Продолжение писалось Толстым уже большей частью в России, в новых условиях и новых настроениях, а потому и в новом ключе. Последний том романа вышел лишь в самый канун советско-германской войны, в 1941 году. Основное настроение, проникающее те главы первой части романа, где речь идет о войне и революции, — патриотическая тревога и скорбь. Революция сближается со

---

[41] Последняя глава романа («О любви»), вследствие непредвиденного закрытия «Русской мысли», была позже отдельно напечатана в «Воле России».

[42] Для представления о жизни Толстого в эмиграции, о его настроениях и о роли, которую в его «сменовеховстве» играли чисто материальные причины, много дает очерк И.А.Бунина «Третий Толстой» в его «Воспоминаниях» (Париж, 1950).

Смутным временем. На последних страницах романа герой его, Телегин, читает (у Соловьева?) о Смутном времени и об избрании на царство Михаила Романова и говорит своей жене Даше:

> *«Ты видишь, что было... И теперь не пропадем... Великая Россия пропала! А вот внуки этих самых драных мужиков, которые с кольями ходили выручать Москву, — разбили Карла Двенадцатого, загнали татар за Перекоп, Литву прибрали к рукам и похаживали в лапотках уже по берегу Тихого океана... А внук этого мальчика, которого силой в Москву на санях притащили, Петербург построил... Великая Россия пропала! Уезд от нас останется — и оттуда пойдет русская земля...»*

Хотя ничто другое в первой части романа еще не предвещает будущего «приятия» революции героями Толстого, в приведенных строках нельзя не расслышать отклика на устряловско-ключниковские концепции «преодоления большевизма», тогда только что ставшие литературно-политической сенсацией дня (сборник «Смена вех» вышел в июле 1921 года, заключительные страницы толстовского романа помечены августом). Нарочито злободневно звучат здесь фразы о татарах, загнанных за Перекоп, о прибрании к рукам Литвы. Но кончается роман на несколько другой и как будто бы символической ноте: одна из героинь романа, Катя, видит, как около особняка Кшесинской сутулый человек с ведерком, с провалившимся носом и черными космами бороды, налепливает на стену большевицкую афишку.

«Хождение по мукам» было первой в русской литературе попыткой дать широкую картину русского общества накануне революции и во время ее. Роман этот нередко изображается не только как одно из лучших произведений Толстого, но и как одна из самых значительных вещей в пореволюционной литературе. И.И.Тхоржевский писал: «Мимо этой книги нельзя будет пройти ни историку, ни рядовому русскому читателю: она полна жизни»[43]. Это вряд ли верно. Жизнь в романе, конечно, есть — здесь сказался нутряной изобразительный талант Толстого (тот же Тхоржевский цитирует меткое словечко Сологуба: «Толстой брюхом талантлив»). В романе есть прекрасные описания, великолепно очерченные персонажи. Удался Толстому сам Телегин, человек тоже скорее нутряной и очень русский. Но историку с этим романом делать нечего. Не говоря уже о том, что в дальнейших частях Толстой явно приспособлялся к требованиям своих новых господ, и в первой части «Хождения по мукам» картина дореволюционной России не отличается ни объективностью, ни глубиной, а сама Февральская революция показана бегло и поверхностно. Неприятное впечатление производит изображение предреволюционной богемы, жизнь которой, конечно, была хорошо и близко знакома Толстому. Читатель не может отделаться от впечатления, что Толстой сводит с кем-то мелкие счеты. Не менее назойливо впечатление, что в писателе Бессонове, который вторгается в жизнь и думы двух героинь романа, Толстой нарисовал довольно пошлую карикатуру на Александра Блока (Бессонова и зовут Александр Александрович). Да и на всем романе лежит легкий налет безвкусия. Если уж историк захочет искать в художественной литературе материала об этом периоде, он должен будет скорее обратиться к романам Алданова «Ключ» и «Бегство». Безвкусие Толстого и его неуважение к исторической правде особенно сказалось в некоторых вещах, написанных им позднее в Советской России: в «авантюрном» романе из жизни эмиграции «Черное золото» (первоначально под названием «Эмигран-

[43] И.Тхоржевский, «Русская литературе», т. II (Париж, 1946), стр. 587.

ты»), где выведены в весьма непривлекательном виде многие эмигранты, в том числе те капиталисты, от которых Толстой получал деньги, и в таком романе, как «Хлеб», написанном для прославления Сталина и закрепления сталинской легенды.

Прочно зато войдет в русскую литературу и останется в ней наряду с «Детскими годами Багрова-внука» и «Детством, отрочеством и юностью» другая эмигрантская вещь Толстого — «Детство Никиты» (Берлин, 1922). Писавшаяся в Париже параллельно с «Хождением по мукам» и печатавшаяся первоначально в парижском детском журнале «Зеленая палочка», эта автобиографическая повесть о детстве в приволжской усадьбе примыкает к аксаковско-тургеневско-толстовской традиции в русской литературе. Написанная прекрасным языком, она свободна от рассуждений, которые часто портят вещи Толстого. «Детство Никиты» впоследствии много раз переиздавалось в Советском Союзе, где пользовалось и пользуется заслуженной популярностью.

Толстым было напечатано еще в зарубежных журналах несколько рассказов (книга рассказов «Лунная сырость» вышла в 1922 году в Берлине) и написана пьеса «Любовь — книга золотая» — веселый анекдот в фарсовых тонах, стилизованный под XVIII век. Пьеса эта была поставлена в одном из лучших парижских театров. К эмигрантскому периоду по времени написания принадлежат также «Аэлита» (фантастический роман о полете на Марс с прибавлением злободневно-политического элемента) и «Рукопись, найденная среди мусора под кроватью», но эти вещи, написанные уже после того, как Толстой сменил вехи, относятся скорее к советской литературе — с них начинается советский период Толстого, который нас здесь не касается. Можно, однако, еще упомянуть вышедшую уже в Советской России повесть из эмигрантской жизни «Ибикус, или Приключения Невзорова», в которой сказался талант Толстого как рассказчика и мастера анекдота. В повести, немного напоминающей сатирические романы Ильфа и Петрова, рассказаны невероятные приключения и изображено эмигрантское дно, но без особенного политического умысла.

8. Тэффи

За границей после революции оказались очень многие из присяжных дореволюционных юмористов, поставщиков маленьких фельетонов для газет, сотрудников «Сатирикона» и «Нового Сатирикона», и в их числе из стихотворцев — Саша Черный (А.М.Гликберг), Дон-Аминадо (А.П.Шполянский), П.П.Потемкин, Н.Я.Агнивцев (который очень быстро сменил вехи и уехал назад в Россию) и Lolo (Л.Г.Мунштейн), а из прозаиков — Аркадий Аверченко и Н.А.Тэффи (по мужу Бучинская, урожденная Лохвицкая, сестра поэтессы). Аверченко, живший первые годы в Константинополе, умер рано, в 1925 году; Тэффи прожила до 1952 года и в 20-х и 30-х годах была вне всякого сомнения одним из самых любимых и читаемых писателей у рядового зарубежного читателя, особенно у того, который ничего, кроме газет, не читал. Как-то так вышло, что Тэффи печаталась почти исключительно в газетах, — ни в «Современных записках», ни в «Русской мысли», ни в «Воле России», ни в «Русских записках» мы ее рассказов не находим. Исключение составляет длинный рассказ «Предел», напечатанный в третьей книге трехмесячника «Окно» (критика отмечала, что рассказ этот написан в необычной для Тэффи манере, «под Достоевского»). Возможно, что рассказы-фельетоны Тэффи считались как бы ниже журнального литературного уровня (хотя отзывы о ее книгах в тех же «Современных записках» бывали всегда самые лестные и исходили из того, что это настоящая литература, а М.А.Осоргин

однажды назвал ее «одним из самых умных и самых зрячих современных писателей»); возможно, что она сама предпочитала свои миниатюры печатать часто и по одной в газетах, а не давать их пачками в редко выходящие журналы. Во всяком случае о Тэффи можно не обинуясь сказать, что она принадлежала к настоящей литературе. В этом ее отличие от Аверченко, юмор которого был грубоват и примитивен и который и до революции, и в эмиграции («Двенадцать ножей в спину революции», «Рассказы циника», «Шутка мецената») потрафлял довольно невзыскательным вкусам.

Конечно, и у Тэффи не все на одинаковой высоте: условия работы газетного фельетониста, обязанного поставлять фельетон каждое воскресенье (так именно приходилось Тэффи работать в парижских газетах), неизбежно влекут за собой производство полуфабрикатов, недоделанных и неотделанных вещей. Тэффи надо судить по ее лучшим небольшим вещам, разбросанным по вышедшим за годы эмиграции сборникам рассказов (но почти все они прошли предварительно через газеты): «Тихая заводь» (Париж, 1921), «Черный ирис» (Стокгольм, 1921), «Вечерний день» (Прага, 1924), «Городок» (Париж, 1927), «Все о любви» (Париж, б.г.), «Книга-Июнь» (Белград, 1931), «Ведьма» (Париж, 1936), «О нежности» (Париж, 1938), «Зигзаг» (Париж, 1939). Своего массового читателя Тэффи часто смешит, но сама она при этом редко смеется весело. С тонкой иронией, в которую вплетается горечь, и с беспощадностью, за которой чувствуется жалость, изображает она пошлую обыденщину или маленькие трагедии маленьких людей, булавочные уколы жизни. Почти все писавшие о Тэффи не могли избежать, говоря о ее юморе, заезженной фразы о «смехе сквозь слезы». Правда, П.М.Бицилли в интересной заметке об одном ее сборнике высказал довольно парадоксальное мнение о том, что основная тема Тэффи — радость, что у всех ее персонажей нерассуждающий, детский подход к жизни. У Тэффи в самом деле много рассказов о детях, но и на них лежит отпечаток горечи и жалости, а не радости — например, в таком рассказе, как «Неживой зверь», одном из лучших у Тэффи, за который ей простятся многие ее срывы и который в будущем будет фигурировать во многих антологиях.

У Тэффи много общего с Чеховым, и дело тут не только в том, что она тоже большой мастер короткого рассказа, что ей свойственна та же экономия художественных средств, но и в том, как они оба изображают пошлость жизни. Пожалуй, только у Тэффи больше чувствуется ирония. В эмиграции Тэффи стала бытописательницей ее будней, летописицей русского Парижа. В этом смысле особенно характерна книга «Городок», которой предпослана под тем же названием небольшая «хроника», где беспощадно, почти что в щедринских тонах нарисована жизнь «небольшого городка» («жителей в нем было тысяч сорок, одна церковь и непомерное количество трактиров»). «Городок» этот — Париж, русский эмигрантский Париж, государство в государстве, небольшой «энклав» в столице мира. Более злой картины не мог бы нарисовать и самый заядлый недоброжелатель эмиграции в Советской России, какой-нибудь Михаил Кольцов:

«Жило население скученно: либо в слободке на Пасях, либо на Ривгоше. Занималось промыслами. Молодежь большею частью извозом — служила шоферами. Люди зрелого возраста содержали трактиры или служили в этих трактирах: брюнеты — в качестве цыган и кавказцев, блондины — малороссами.

Женщины шили друг другу платья и делали шляпки. Мужчины делали друг у друга долги.

Кроме мужчин и женщин, население городишки состояло из министров

и генералов. Из них только малая часть занималась извозом — бóльшая преимущественно долгами и мемуарами.

Мемуары писались для возвеличения собственного имени и для посрамления сподвижников. Разница между мемуарами заключалась в том, что одни писались от руки, другие на пишущей машинке...

Жители городка любили, когда кто-нибудь из их племени оказывался вором, жуликом или предателем. Еще любили они творог и долгие разговоры по телефону.

Они никогда не смеялись и были очень злы».

Рассказы в книге являются иллюстрациями к этой общей щедринской характеристике. Нелепый эмигрантский быт, будни, мелочи жизни, сложный переплет смешного, пошлого и печального. Зеркало Тэффи отражает невеселую картину, но ведь то же можно сказать об отражении дореволюционной русской жизни в рассказах Чехова. Картина односторонняя, но от того не менее сама по себе правдивая. У Тэффи есть несомненное родство с Зощенко (даже эмигрантский волапюк ее русских парижан, ее знаменитое «Кэ фер? Фер-то кэ?», перекликается с советским жаргоном зощенковских персонажей, хотя у Зощенко тут больше творческой свободы).

Особняком среди книг Тэффи стоят ее «Воспоминания» (Париж, 1932) и «Авантюрный роман» (Париж, 1932). И то и другое печаталось сначала в газете (парижское «Возрождение»), чем объясняется, что обе вещи разбиты на мелкие главки. В «Воспоминаниях» рассказано, в духе гиперболического гротеска, о том, как Тэффи выбиралась в начале революции из советского ада в привольные и хлебные места на юге России и как она эвакуировалась из Одессы. Фигурирующий в книге импрессарио Гуськин достоин занять место в галерее лучших комических персонажей в русской литературе. «Авантюрный роман» — вещь новая для Тэффи по форме, первый ее «роман» (первой ее попыткой более длинного и притом фабульного повествования был уже упомянутый «Предел», который некоторые критики провозгласили полной неудачей, но в котором были несомненно интересные элементы). Роман — не русский по внешности — разбит на короткие главы с неожиданными, подчас интригующими эпиграфами (из Гейне, из Гете, из Анатоля Франса, из Достоевского, из Феокрита и т.п.), написан в быстром темпе, короткими, быстрыми фразами. Сюжет его авантюрный, место действия — Париж, главные герои — русская манекенша и французский профессиональный танцор-авантюрист. Роман кончается трагической смертью героини. Но за внешним планом авантюрного сюжета сквозит, как в свое время отметил Б.К.Зайцев, внутренний второй план (впрочем, во всех лучших вещах Тэффи есть это подводное течение, которого может не заметить поверхностный читатель, ожидающий от нее только юмора). Благодаря этому, по словам того же Зайцева, «весь колорит повествования и вся его "душа" напоминают "Сон" Тургенева — один из загадочнейших, самых фантастичных его рассказов»[44].

В рассказах Тэффи доминируют эмигрантские темы. Но случалось ей в Париже писать рассказы и из старой русской жизни, вызывать прошлое. В этих рассказах тоже звучали иногда сатирические ноты. Но в них больше было лирики, иногда беспримесной, иногда с тем же легким привкусом горечи. Очень хороши у Тэффи рассказы о животных — о кошках, собаках, тюленях, попугаях. О них она говорит с теплотой, которой для людей не находит (Алданов однажды определил ее отношение к людям как «благодуш-

---

[44] См. «Совр. записки», 1933, XLIX, стр. 453.

ное недоброжелательство»), но вместе с тем и без всякой сентиментальности. Один критик сказал даже, что в этом роде ее единственный, пожалуй, соперник — русская народная сказка. Удаются Тэффи и рассказы, где в повседневный быт вторгается фантастика, — таким темам посвящен весь сборник «Ведьма».

И до революции и после Тэффи наряду с юмористическими фельетонами писала стихи. В эмиграции вышел сборник ее стихов «Passiflora» (Берлин, 1923). Для поклонников фельетонного юмора Тэффи стихи ее были бы откровением: обычно они их не знают. Они своеобразны. В них звенит своя, горестная, как бы надтреснутая музыка:

Цветут тюльпаны синие
В лазоревом краю.
Там кто-нибудь на дудочке
Доплачет песнь мою.

9. Алданов

М.А.Алданова (псевдоним М.А.Ландау) не совсем правильно причислять к писателям старшего поколения. Но, с другой стороны, нельзя его отнести к тому молодому поколению эмигрантских писателей, годы рождения которого падают под конец девяностых годов и на начало нынешнего столетия. По году рождения Алданов всего на девять лет моложе Ремизова и на пять лет — Бориса Зайцева. Но Ремизов и Зайцев попали за границу не только известными, но и более или менее сложившимися писателями, тогда как имя Алданова едва ли было известно кому-либо из его будущих многочисленных читателей до 1921 года, а единственная напечатанная им до революции книга — о Толстом и Ромене Роллане — не имела отношения к тому, чем он стяжал себе славу в эмиграции[45]. Алданов как-то вдруг, в возрасте 35 лет, открыл в себе исторического романиста. В первые же шесть лет эмиграции им было написано четыре исторических романа, за которыми последовало еще десять романов (неравной длины; некоторые из них скорее можно было бы назвать повестями) о прошлом и настоящем, связанных между собой в некий сложный, нелегко поддающийся расшифровке, узор. Кроме того, Алдановым написан в эмиграции ряд рассказов и историко-политических портретов и книга размышлений «Ульмская ночь».

Алданов оказался за границей весной 1919 года, выехав из Одессы в Париж с делегацией группы политических деятелей, принадлежавших к разным дореволюционным партиям[46]. Вскоре после поселения во Франции он выпустил книгу о Ленине на французском языке, которая была переведена и на другие европейские языки. В 1920 году, как уже упоминалось, он был одним из редакторов недолго просуществовавшего журнала «Грядущая Россия», где напечатал в первом номере под заглавием «Огонь и дым (Отрывки)» заметки и размышления на историко-политические темы. Там между прочим

---

[45] В самом начале революции, в 1918 году, Алдановым была выпущена, на правах рукописи, небольшая книжка «Армагеддон», которая сразу же была изъята из продажи большевиками.

[46] Мало кто из многочисленных читателей и поклонников Алданова знает, вероятно, что до революции он принадлежал к самой умеренной социалистической группировке в России — к партии народных социалистов, которых называли иногда «ручными эсерами» и к которым принадлежали также Н.В.Чайковский, С.П.Мельгунов и В.А.Мякотин. Мало кто знает также, что Алданов и в эмиграции печатал работы по одной из своих научных специальностей — по химии (он окончил два факультета Киевского университета — юридический и физико-математический, а также Школу общественных наук в Париже). В молодости Алданов много путешествовал, побывав в четырех частях света. Это один из самых широкообразованных людей среди русских писателей, и в писаниях его всегда чувствуется высокая культура.

шла речь и о пробольшевицких настроениях и взглядах двух французских писателей, к которым Алданов питал большое уважение, — Ромена Роллана и Анатоля Франса. Эту свою статью Алданов заканчивал кратко формулированной программой для «Грядущей России». Последняя, писал Алданов, хочет направить свой путь «по компасам Пушкина и Герцена», поясняя:

«Пушкин, рядом с Толстым, — высшее достижение России в области искусства. Герцен последних лет, умудренный тяжелыми уроками, освободившийся от наивных иллюзий, — ее высшее достижение в области политической мысли. В этих своих вершинах русская культура равняется с самым высоким из того, что было дано культурой мировой, — и с мировой общечеловеческой культурой теснее всего сливается».

Думается, было бы неплохо, если бы русская эмиграция в целом в свое время направила свой путь по предложенному Алдановым компасу и на этих двух именах попробовала объединиться.

После закрытия «Грядущей России» Алданов стал постоянным сотрудником «Современных записок» и близким к редакции этого журнала человеком, печатая в нем в отрывках почти все свои романы, а также многочисленные очерки, литературно-критические статьи и рецензии. Сотрудничал Алданов также в газетах «Последние новости» (как первой, так и милюковской редакции) и «Дни» (где одно время руководил литературным отделом).

Первой вещью Алданова в области исторической беллетристики был небольшой роман «Святая Елена, маленький остров», печатавшийся в 1921 году в «Современных записках» (отдельное издание: Берлин, 1923) и вошедший затем в качестве заключительной части в тетралогию «Мыслитель», охватывавшую период Французской революции и наполеоновских войн. Другие романы, составляющие тетралогию, — «Девятое Термидора» (Берлин, 1923), «Чертов мост» (Берлин, 1925) и «Заговор» (Берлин, 1927)[47]. Каждый из этих романов представляет самостоятельное, законченное целое, но все они связаны между собой, а также — более тонкими и запутанными нитями — со всей серией историко-философских романов Алданова о прошлом и настоящем. Четыре романа тетралогии объединены общностью исторической эпохи — в этом смысле, начинаясь с термидорианского переворота 1794 года и завершаясь смертью Наполеона в 1821 году, они как бы подводят читателя к историческому полотну, заполненному Толстым в «Войне и мире», и вместе с тем дают к нему эпилог: самая эпоха, охваченная толстовским романом, обойдена — конечно, неслучайно — Алдановым. В трех первых романах тетралогии связующим звеном является, кроме того, один из фиктивных персонажей, молодой русский по фамилии Штааль, нарочито заурядный человек, через очки которого Алданов иногда показывает исторические события большого значения: в «Девятом Термидора» Штааль оказывается свидетелем всех событий, связанных с падением Робеспьера, а в «Заговоре» — замешанным в убийство Павла I. В дальнейшем Алданов прибавил еще одно звено к цепи событий этой эпохи — «Десятую симфонию» (1931), где фоном отчасти служит Венский конгресс 1815 года.

Говоря о позднейших романах Алданова, мы еще коснемся общей характеристики его творчества. Здесь укажем, что учителем своим как исторического романиста Алданов несомненно считает Толстого, который для него

[47] Цифры в скобках означают год отдельного издания. Все три романа тоже печатались (со значительными пропусками) в «Современных записках» между 1921 и 1927 годами. «Святая Елена» была и написана и напечатана раньше других частей тетралогии, хронологически предшествующих ей. Это и меньше всего роман в настоящем смысле слова.

вообще представляет вершину новейшей (а может быть, и всей?) мировой литературы (критики, говоря об учителях Алданова, часто прибавляли к имени Толстого имя Анатоля Франса — не без основания). В одной своей рецензии на исторический роман совсем другого типа Алданов писал, что каждый исторический романист *должен* усвоить художественные приемы Толстого точно так же, как каждый русский поэт должен усвоить музыку пушкинского стиха. И там же Алданов так характеризовал исторический роман:

«Искусство исторического романиста сводится (в первом приближении) к "освещению внутренностей" действующих лиц и к надлежащему пространственному их размещению — к такому размещению, при котором они объясняли бы эпоху и эпоха объясняла бы их»[48].

Эта характеристика бросает свет на то, к чему стремился сам Алданов в своих исторических романах. Эти романы столь же историко-философские, сколь и историко-психологические, и постепенно история даже вытесняется из них психологией. В этом — но и не только в этом — их существенное отличие от исторических романов Мережковского, где психологии мало, а история подчинена априорной религиозно-философской концепции. Но отличаются они и от тех многочисленных исторических романов в любой литературе, где главным элементом является действие, а главной целью — занимательность. Алданов не отвергает ни того, ни другого — в лучших его романах достаточно действия, а об их занимательности говорит их успех у широкой публики, русской и нерусской, но не это в них главное. Из трех элементов романа — действия, характеров и стиля — два последних в романах Алданова по меньшей мере равноправны с первым[49].

10. Осоргин, Муратов, Степун и другие

Беллетристами стали — или по крайней мере беллетристике отдали дань — в эмиграции несколько литераторов, известных еще в России, хотя и не в области художественной литературы, относить которых к младшему литературному поколению было бы неправильно. Таковы М.А.Осоргин, П.П.Муратов, Ф.А.Степун и И.В.Шкловский-Дионео.

М.А.Осоргин (псевдоним М.А.Ильина) был хорошо известен до революции как журналист, многолетний итальянский корреспондент «Русских ведомостей» и сотрудник толстых журналов. Высланный из России в 1922 году вместе с группой писателей и ученых, Осоргин, прожив некоторое время в Берлине и в Италии, обосновался позднее в Париже. Он остался во Франции и после захвата ее немцами и умер во время войны. Талантливый и опытный журналист, Осоргин много сотрудничал в газетах и журналах. Одно время он был редактором литературного отдела эсеровской газеты «Дни», потом стал постоянным сотрудником «Последних новостей», где писал преимущественно на неполитические темы. Из журналов он больше всего сотрудничал в «Современных записках», где печатал свои беллетристические произведения и многочисленные отзывы о книгах (первые годы существования «Современных записок» ему принадлежала бóльшая часть отзывов о советской беллетристике). Близкий по всему своему прошлому к левому лагерю русской общественности, Осоргин любил, однако, афишировать свою аполитичность

[48] Рецензия на «Эгерию» П.Муратова («Совр. записки», 1923, XV, стр. 406).

[49] Ср. статью самого Алданова «О романе» («Совр. записки», 1933, LII, стр. 432-437).

и нередко вызывал нарекания — даже в близких себе кругах — за «соглашательские» настроения или высказывания.

Первая вышедшая за границей книга Осоргина была написана еще в Москве и напечатана до высылки его из России. Это книга очерков о Москве в первые революционные годы: «Из маленького домика» (Рига, 1921). К беллетристике Осоргин обратился в середине 20-х годов. Первый его роман — «Сивцев Вражек» — печатался в «Современных записках» в 1926-1928 годах. Отдельное издание его вышло в 1928 году. Роман имел успех не только среди русских читателей, но и за границей, особенно в Америке, и это поощрило Осоргина на дальнейшее писание романов. В 30-е годы им было выпущено еще несколько романов, книга рассказов и несколько книг очерков и воспоминаний. Так как беллетристическая деятельность Осоргина в основном падает на конец 20-х и 30-е годы, мы к ней еще вернемся в следующей части.

П.П.Муратов был известен до революции как историк искусства и в особенности как специалист по русской иконописи и редактор прекрасного, хотя и недолго просуществовавшего, литературно-художественного журнала «София». Писательский его талант был засвидетельствован пользовавшимися большим и заслуженным успехом «Образами Италии», которые были переизданы и в Зарубежье. Став эмигрантом, он к своей специальности искусствоведа (в этой области он много писал в журналах, в частности в «Современных записках», а по-французски вышла его книга о русской иконе) прибавил три других — военного историка, публициста и романиста. Последним печатным трудом Муратова, изданным посмертно (он умер в Ирландии в 1950 году, проведя всю войну в Англии), была написанная в сотрудничестве с англичанином Алленом книга по военной истории Кавказа в XIX веке. Во время Второй мировой войны Муратов совместно с тем же Алленом написал по-английски стратегический анализ советско-германской войны, а еще раньше печатал в зарубежной русской печати очерки по истории Первой мировой войны, в которой он служил офицером в артиллерии на Кавказском фронте. В роли публициста Муратов подвизался в 1928-1930 годах на страницах «Возрождения», неожиданно оказавшись в эмигрантской политике на правом фланге. Беллетристические произведения Муратова принадлежат, наоборот, к первым годам его пребывания в эмиграции, где он очутился в 1922 году. Им были изданы в начале 20-х годов роман «Эгерия» (Берлин, 1922), несколько книг рассказов (часть их была переиздана в 1928 году под названием «Магические рассказы»), книга исторических этюдов «Герои и героини» (Берлин, 1922; переиздано в Париже в 1929 году). Кроме того в «Современных записках» Муратов напечатал две комедии: «Приключения Дафниса и Хлои» (1926) и «Мавритания» (1927).

Муратов — писатель культурный, изысканный, западноевропейского покроя. Его рассказы (многие из них на западноевропейские сюжеты, некоторые исторические, в других играет роль элемент «магический») и его исторический роман «Эгерия» отмечены занимательной фабулой, быстро развертывающимся действием, нарочитым пренебрежением к психологизму. Не случайно, может быть, они написаны как раз в те годы, когда молодой советский писатель Лев Лунц в горьковской «Беседе» звал русскую литературу «На Запад!». В русской литературе они, пожалуй, всего ближе стоят к некоторым вещам Кузмина и Брюсова. В «Эгерии», где действие происходит во Франции XVIII века, М.А.Алданов отмечал влияние Анри де Ренье и отсутствие специфической историчности. Это, скорее, стилизованный роман действия, чем историко-психологический роман в духе самого Алданова. От

Толстого в нем ничего нет. Пьесы Муратова тоже скорее вне русской драматической традиции.

Ф.А.Степун, как и М.А.Осоргин, принадлежал к тем, кто в 1922 году был выслан советской властью за границу. Поселившись в Германии, он вскоре стал преподавать во Фрейбургском университете, оставаясь в Германии и после прихода к власти национал-социалистов. Он много писал о России и русской культуре в немецкой печати и пользовался большим уважением и влиянием в интересовавшихся Россией германских кругах (и по своему происхождению и по образованию — он учился в Гейдельбергском университете — Степун, при всей своей русскости, всегда тяготел к германской культуре, и ему естественно было служить связующим звеном между нею и культурой русской). Годы войны Степун прожил в Дрездене, а сейчас живет в Мюнхене, принимая деятельное участие как в германской, так и в русскоэмигрантской общественно-культурной жизни.

Известный до революции как талантливый представитель группы молодых русских философов, собравшихся вокруг журнала «Логос», Степун оставил след и в литературе, выпустив в 1918 году под названием «Из писем прапорщика-артиллериста» очень интересную книгу философских размышлений и наблюдений, навеянных пребыванием на фронте (Степун был офицером в артиллерии, как и Муратов, а после Февральского переворота — одним из фронтовых комиссаров Временного правительства). Книга эта, прекрасно написанная, принадлежит к жанру художественно-философской прозы. В эмиграции она была переиздана (Прага, 1926). В зарубежный период Степун выдвинулся как талантливый публицист и литературный критик — серией статей под общим названием «Мысли о России» и рядом литературно-критических этюдов в «Современных записках», где он, кроме того, был фактическим, хотя и негласным, редактором беллетристического отдела. Ему, кроме того, принадлежат книга литературно-философских этюдов «Жизнь и творчество» (Берлин, 1923) и книги о театре и кинематографе. В «Современных записках» же был напечатан в 1923-1925 годах и единственный роман Степуна «Николай Переслегин» (отдельное издание: Париж, 1929). Этот «философский роман в письмах», как определил его в подзаголовке сам автор, от многих эпистолярных романов отличается односторонностью переписки: все письма идут от героя романа, что значительно облегчает художественно-психологическую задачу автора, но и придает роману большее единство; временами, благодаря частоте писем и кропотливому воссозданию событий и переживаний в промежутках между ними, роман уподобляется скорее дневнику. Роман написан на явно автобиографическом материале и фоне (Москва, усадьба, отбывание воинской повинности в Клементьеве, студенческая жизнь в Германии, путешествия по Европе). Тема — философия и психология любви, эроса, сложные отношения между героем, героиней (становящейся его женой), ее бывшим мужем и еще одной женщиной — как бы два смежных треугольника. Роман слишком перегружен философскими рассуждениями и мелочно безжалостным самоанализом (и то и другое само по себе часто интересно), чтобы почитаться художественной удачей, но ему нельзя отказать и во многих достоинствах. В нем сказываются и ум, и наблюдательность, и несомненный изобразительный талант автора — как в изображении отдельных людей, так и в описаниях русской природы, которую Степун любит и чувствует, и в бытовых картинах, и зарисовках. Хорошо передана общая атмосфера барски-интеллигентской жизни (в молодом философе Николае Переслегине, вечно философствующем и копающемся в своих и чужих переживаниях, очень много барства и даже снобизма), и

схвачен весь тонус духовно богатой предреволюционной эпохи. Но в каком-то смысле роман слишком уж похож на «Письма прапорщика-артиллериста». Его достоинства — скорее достоинства острого философствующего ума и наблюдательного мемуариста, а не художника, и потому роману Степуна, естественно, можно предпочесть его же неприкрытые, не романсированные воспоминания о той же эпохе. Целиком появившиеся впервые уже в послевоенные годы в немецком переводе под названием «Прошедшее и непреходящее», они были позже частично напечатаны по-русски в журналах и вышли в Издательстве им. Чехова в начале 1956 года. В литературе об этой эпохе русской жизни, которая в самой России сейчас или совершенно игнорируется, или искажается до неузнаваемости, мемуарам Степуна принадлежит видное место — и по яркости воссоздания тогдашнего быта и духовных исканий, и по меткости отдельных характеристик, и просто по богатству содержания.

Два известных до революции журналиста не без успеха испробовали себя в эмиграции на беллетристическом поприще: С.Л.Поляков-Литовцев и И.В.Шкловский (Дионео).

Поляков-Литовцев, бывший думский корреспондент «Речи», написал в первые годы эмиграции пьесу «Лабиринт» (Берлин, 1921) и исторический роман из еврейской жизни «Саббатай-Цеви» (Берлин, 1923; переиздано позже в Нью-Йорке под названием «Мессия без народа»), где действие происходит в XVII веке в России, в Голландии и в других странах. И пьеса, и роман были переведены на немецкий язык, и пьеса шла с успехом на немецкой сцене.

Шкловский, более известный под своим псевдонимом *Дионео*, многолетний лондонский корреспондент «Русских ведомостей» и «Русского богатства», а в эмиграции (до своей смерти в 1935 году) лондонский же корреспондент «Последних новостей», человек весьма разносторонних познаний, знаток ирландского вопроса и испанской литературы, проведший много лет в сибирской ссылке и много путешествовавший, напечатал, тоже в начале 20-х годов, политический роман «Когда боги ушли» (Берлин, 1923) и книгу «Кровавые зори» (Париж, 1920). Последняя носит подзаголовок «Десять этюдов», но представляет в сущности причудливо построенное полубеллетристическое произведение на темы социально-политической современности. Действия в нем нет, но входящие в него «этюды» под довольно прихотливыми заголовками объединены несколькими вымышленными персонажами. Вся вещь написана с несомненной оглядкой на Свифта, но сатире Шкловского не хватает подлинной силы и остроты. Написаны «Кровавые зори» были еще в начале 1918 года. Старый эмигрант и революционер, Шкловский с самого начала занял недвусмысленную антибольшевицкую позицию и в годы гражданской войны принимал деятельное участие в возглавлявшемся М.И.Ростовцевым Русском освободительном комитете в Лондоне.

11. Чириков, Юшкевич и другие

Из писателей-реалистов, группировавшихся в свое время около горьковского «Знания», за границей оказались Е.Н.Чириков, С.С.Юшкевич, С.И.Гусев-Оренбургский.

Чирикову принадлежала первая — и неудачная — попытка дать изнутри психологический портрет революционера-большевика (повесть «Опустошенная душа», напечатанная в «Русской мысли» в 1921 году). Из позднейших вещей Чирикова привлек внимание роман «Зверь из бездны» (1926), где в непривлекательном виде было изображено владычество белых на юге России и моральное разложение Белой армии. Сам Чириков жил в Крыму во время гражданской войны, эвакуировался в Константинополь, потом поселился в

Праге, где среди студенчества было много бывших офицеров Белой армии и в частности галлиполийцев, т.е. тех, кто после эвакуации попал в Галлиполи и сидел там в лагерях. В этих кругах роман Чирикова был сочтен клеветой на Белое движение, против него была начата кампания, и его взяла под свою защиту левая печать, хотя до тех пор Чириков считался скорее принадлежащим к правому крылу эмиграции. Роман его имел таким образом успех скандала, но его художественная слабость признавалась, кажется, всеми. Эта история открыла Чирикову дорогу в «Современные записки», но то, что было напечатано им там, не отличалось особенными литературными качествами.

Юшкевич написал в эмиграции немного. Среди его зарубежных рассказов есть один — «Алгебра» — неожиданный (своим сюрреализмом) под пером былого бытописателя одесского еврейства.

Гусев-Оренбургский не дал ничего нового. Первые годы революции он провел в Москве, где написал революционную повесть в стихах «За свободу», потом через Дальний Восток и Японию попал в Соединенные Штаты, где проживает и сейчас, являясь, вероятно, старейшим русским писателем за рубежом (род. в 1867). До него рекорд долголетия в Зарубежье принадлежал *Вас.И.Немировичу-Данченко*, который скончался в 1936 году в Праге в возрасте 88 лет, продолжая до конца сотрудничать в зарубежных журналах и газетах и одно время возглавляя Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии.

В 20-е и 30-е годы много печатался в газетах и популярных журналах *Б.А.Лазаревский*, писавший непритязательные рассказы из быта русской эмиграции во Франции. Некоторые из них были собраны в книги.

12. Краснов, Крымов и другие

Рядом с перечисленными выше писателями старшего поколения было много других, чьи произведения редко отмечались высококвалифицированными критиками, но пользовались большим и прочным успехом у широких кругов зарубежных читателей. Это была, если не совсем литература вне литературы, то литература около литературы. Здесь на первом месте надо назвать ген. *П.Н.Краснова*, чей многотомный роман «От Двуглавого Орла к красному знамени» (Берлин, 1921-1922) был в течение многих лет самой ходкой книгой на зарубежном рынке и переводился на иностранные языки. Замысел Краснова был еще более честолюбивый, чем у Алексея Толстого, — дать панораму русской жизни на всем протяжении царствования Николая II и первых четырех лет революции, т.е. охватить и русско-японскую войну, и революцию 1905 года, и Первую мировую войну, и революции 1917 года, и гражданскую войну (во всех военных событиях этого периода сам Краснов был не только свидетелем, но и участником). Находились люди, которые сравнивали роман Краснова с «Войной и миром» Толстого не только по заданию, но и по исполнению. Снисходительные критики отмечали обычно, что Краснову удались батальные сцены и описания хорошо знакомой ему военной жизни, но все остальное в романе — и особенно психология действующих лиц — было крайне слабо. Красновым был написан еще ряд романов: «За чертополохом. Фантастический роман» (Берлин, 1922), «Опавшие листья» (Берлин, 1923), «Понять — простить» (Берлин, 1924) и др. Того успеха, каким пользовался первый роман, они не имели. Но свои читатели — и верные читатели — у Краснова были.

Личная судьба Краснова была трагична. В течение всего периода эмиграции он жил в Германии, принимая участие в зарубежной политической жизни в рядах Высшего монархического совета. Во время Второй мировой войны все симпатии его были на стороне Германии, и он был причастен к

формированию русских отрядов для борьбы на советском фронте. После войны он вместе с А.А.Власовым и другими генералами и офицерами был выдан союзниками большевикам и казнен в Москве.

Если судить по некоторым отзывам, приведенным в порядке рекламы в конце романов *В.П.Крымова*, у него тоже было много рядовых эмигрантских читателей. Кроме того почему-то все его романы переводились довольно быстро на английский язык и встречались сочувственно английской критикой. Возможно, что английского читателя привлекала в них красочно поданная экзотика русского быта и русской «души».

До революции Крымов был известен как издатель иллюстрированного журнала «Столица и усадьба» и как способный и бойкий журналист, сотрудник суворинских газет, изъездивший много дальних стран и печатавший книги о своих путевых впечатлениях. До революции им было выпущено четыре книги; из них одна — как предупредительно объявлялось на обложках его заграничных романов — была конфискована (вероятно, по 1001-й статье, т.е. за порнографию). В первые годы революции Крымов каким-то образом оказался в кругосветном путешествии, побывал в Японии и Америке. К началу 20-х годов он осел сначала в Лондоне, потом в Берлине, где одно время редактировал склонявшуюся к сменовеховству газету «Голос России», а позднее перебрался в Париж. В большой зарубежной печати он до войны не сотрудничал. Но романы его издавались на протяжении 20-х и 30-х годов. В литературном отношении они стоят выше красновских. Крымову нельзя отказать в некотором литературном умении и лоске. В некоторых его романах ярко и живо изображен быт дореволюционной русской провинции, раскольничьих сел, светского, чиновного и делового Петербурга, парижской эмиграции. Крымову нередко удаются отдельные, особенно второстепенные, сатирически зарисованные персонажи; он умеет плести нить занимательного рассказа, вводя в свои романы элемент авантюрно-детективный. Самая крупная его вещь — трилогия «За миллионами», в которую вошли романы «Сидорово ученье», «Хорошо жили в Петербурге» и «Дьяволенок под столом» (Париж, 1933). С ними объединен главным действующим лицом роман «Фуга» (Париж, 1935), нарочито замысловато построенный: в нем главы о последних годах жизни Арсения Аристархова (включая его авантюрный полет с чужим паспортом в Советский Союз) перемежаются с отрывками (иногда целыми главами) утопического романа, который Аристархов пишет. И.И.Тхоржевский правильно назвал героя трилогии Крымова прямым потомком Фрола Скобеева: погоня за успехом и наживой — основной пафос романа. «Фуга» прибавляет к трилогии диссонирующую ноту, вводя элемент довольно плоского философствования, а также весьма пошлую трактовку темы пола. В Крымове вообще близко соседствуют внешняя литературная умелость, некоторый сатирический дар и отсутствие чувства меры и вкуса. «Фуга», например, некоторые страницы которой читаются не без интереса, завершается классической по пошлости концовкой. Есть у Крымова также и научно-фантастический роман под названием «В царстве дураков» (Париж, 1939) и несколько книг путевых впечатлений и фельетонных «размышлений» («Богомолы в коробочке» и др.). Крымов много писал также — и часто довольно неудачно — по вопросам литературного языка («Из кладовой писателя», Париж, 1951, и отдельные статьи).

Гораздо проще, непритязательнее и приятнее Крымова тоже пользовавшийся большим успехом у широкого читателя *С.Р.Минцлов*. До революции Минцлов был известен как автор исторических романов и книг для юношества, а также как библиограф и библиофил, редкий знаток редкой книги. Поселившись в эмиграции в Югославии, где он пять лет занимал пост директора

русской гимназии, Минцлов сотрудничал в большинстве зарубежных журналов и газет, в том числе в «Русской мысли» и в «Современных записках». В «Русской мысли» были напечатаны его «таежная побывальщина» «Царь Берендей» (Берлин, 1923) и исторический роман «Под шум дубов» (Берлин, 1924), а в «Современных записках» роман-хроника «Сны земли» (Берлин, 1925) и «За мертвыми душами» — яркие очерки дореволюционной провинции, основанные на объезде помещичьих библиотек в поисках редких книг. Кроме того, Минцлов напечатал за рубежом исторический роман «Гусарский монастырь» и ряд других книг[50]. Исколесивший в свое время всю Россию, Минцлов неплохо бытописал ее прошлое, отдаленное и недавнее. Его исторические романы (есть у него они и на нерусские темы) продолжают вальтер-скоттовскую традицию, но в целом он принадлежит к той этнографически-бытовой линии в русской литературе, которая лучше всего представлена Мельниковым-Печерским. Есть у него, однако, и лесковская любовь к анекдоту (книга рассказов «Свистопуп»), и пристрастие к чудаковатым людям, и несомненный повествовательный дар, и чувство юмора.

«Этнографическую» струю представляет в зарубежной литературе и сибиряк *Г.Д.Гребенщиков*, гораздо более молодой, чем Минцлов, и менее известный до революции, но все же успевший выпустить несколько томов «полного собрания сочинений». Но тогда как, с одной стороны, у Гребенщикова этнография более узкая, областная, сибирская, с другой стороны, у него куда больше претензий, замыслы его честолюбивее, он лишен приятной простоты Минцлова, прямое незатейливое повествование его не удовлетворяет. Его главное произведение эмигрантского периода — огромная, до сих пор не законченная «эпопея» в двенадцати томах «Чураевы», из которой пока вышло семь томов (последний в 1952 году). Этот многотомный роман должен был охватить период от предвоенных лет до первых лет революции. Первый том «Чураевых» был напечатан в «Современных записках» в 1921-1922 годах и тогда же вышел отдельным изданием в Париже и Софии. Дальнейшие тома появлялись с большими промежутками уже в Америке, куда Гребенщиков переехал после короткого пребывания на Балканах и в Париже и где он (кажется, совместно с художником Рерихом) основал издательство «Алатас», печатавшее Ремизова, Бальмонта, самого Гребенщикова и Рериха. Гребенщиковым был также создан в штате Коннектикут русский поселок «Чураевка». Первый том «Чураевых» заставил многих возлагать на Гребенщикова надежды. Была несомненная свежесть и сила в описаниях величественной алтайской природы, в характеристике некоторых членов кряжистой старообрядческой семьи Чураевых. Но было много и безвкусия, и даже элементарной безграмотности. В дальнейших томах безвкусие оказалось преобладающим, начиная с самих заглавий отдельных томов («Веления земли», «Трубный глас», «Лобзание змия»). В третьем томе («Веления земли») длинное описание суда над мальчиками, обвиняемыми в изнасиловании сельской учительницы и защищаемыми одним из Чураевых, совершенно нестерпимо по безвкусию. Чтобы не быть голословным, вот характерный, хотя и не худший, образчик стиля Гребенщикова, взятый наудачу из этого тома:

«...это не мешало ему вглядываться в то новое, что вырастало перед ним как неожиданное-великое и самое важнейшее в судьбе не только самого

---

[50] Один из сравнительно немногих писателей Зарубежья, Минцлов удостоился критико-биографического очерка. Очерк этот, принадлежащий перу Петра Пильского, предпослан книге Минцлова «Мистические вечера. Записки Общества любителей осенней непогоды», изданной в Риге без обозначения года.

Василия, но и в судьбе народа, среди которого он чувствовал себя, как воспламенившуюся рану, нанесенную мечом проклятия и зла».

А об общем тоне и честолюбивом замысле автора дают представление следующие высокопарные фразы из издательского вступления к третьему тому «Чураевых»:

«Если в первом томе изображена в виде деревни “Чураевки”... старая патриархальная Россия; если во втором томе эпически рассказано о конце семилетних поисков всечеловеческого блага Василием Чураевым, который спустился с высот своих парений в долину подвига и искуплений, то в третьем томе автор дает широкую и многообразную картину жизни его героев на земле, как “на великой, неоглядной русской пашне”».

У Гребенщикова были и есть поклонники, но вклада в русскую литературу его эпопея не составит. Можно даже пожалеть, что он не ограничился первым томом «Чураевых». Этот том тоже не открыл бы новой главы в русской литературе, но в нем по крайней мере была дана довольно яркая картина быта алтайских староверов, были любопытные фигуры и было гораздо меньше безвкусия и потуг на дешевый символизм. У Гребенщикова есть и произведения в стихах, но о них лучше не говорить.

Из писателей старшего поколения в эмиграции жили и умерли *А.В.Амфитеатров* и *М.П.Арцыбашев*. Оба сравнительно долго прожили под большевиками, и оба за рубежом посвятили себя главным образом антибольшевицкой публицистической деятельности. Арцыбашев жил в Варшаве, помогая Д.В.Философову редактировать газету «За свободу». Амфитеатров, проведя после своего бегства из России некоторое время в Праге, поселился затем в любимой им Италии, где долго жил до Первой мировой войны, и оттуда сотрудничал в парижском «Возрождении», варшавской «За свободу» и рижском «Сегодня». В политических взглядах автора сатиры-памфлета против династии Романовых («Господа Обмановы») произошло значительное поправение.

Подобно Крымову, из журналистов в романисты перешел в эмиграции другой птенец суворинского гнезда — *А.М.Ренников*, когда-то присяжный фельетонист «Нового времени» (впрочем, он и до революции писал романы). В эмиграции Ренников жил сначала в Белграде и сотрудничал тоже в «Новом времени», потом переехал в Париж, став постоянным фельетонистом «Возрождения». Им написано несколько романов и пьес, по большей части из быта эмиграции, причем использованы парадоксы и экзотика этого быта. Так, действие одного романа происходит в Абиссинии, а в одной пьесе типичная эмигрантская семья оказывается интернационалом в микрокосме, и, когда члены ее съезжаются, происходит вавилонское столпотворение. Литературный калибр Ренникова невысок, но его романы и пьесы, как и фельетоны, не лишены юмора и пользовались успехом у широкого читателя.

В эмиграции подвизался также бывший толстовец *И.Ф.Наживин*. В 20-е годы им было опубликовано несколько романов на злободневные темы, в том числе длиннейший роман о Распутине.

Ходкая бульварная литература была представлена небезызвестным *Н.Н.Брешко-Брешковским*, тоже посвящавшим свои романы злободневным темам («Белые и красные», «Царские бриллианты» и т.п.).

Дамская — более или менее бульварная — литература была обильно представлена романами *Е.А.Нагродской*, *Н.А.Лаппо-Данилевской* и *В.И.Крыжановской-Рочестер*. Вся эта более низкосортная литература выходила почему-то главным образом в Риге. Возможно, что на нее был тайный спрос и в Советском Союзе.

Глава VI

ПОЭТЫ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Из дореволюционных поэтов в первое пятилетие эмиграции больше других писали и печатали Бальмонт, Зинаида Гиппиус, Марина Цветаева и Ходасевич. О более молодых, хотя уже и составивших себе имя до революции — например, о Г.Иванове и Г.Адамовиче, — правильнее говорить во второй части в связи с парижской поэзией.

1. Бальмонт

К.Д.Бальмонт оказался за границей в 1920 году, прожив первые годы большевизма в Москве, где он, кажется, даже печатался в советских изданиях. Говорили даже, что поначалу, вспомнив свои «Песни мстителя» 1905 года, он как будто «приял» большевицкую революцию. Но, покинув легально Советскую Россию, Бальмонт оказался в рядах непримиримых врагов большевизма. Эмигрантские годы он провел во Франции, живя то в Париже, то в Капбретоне на берегу Атлантического океана. Последние годы он страдал от душевной болезни и некоторое время, по-видимому, провел в лечебнице для душевнобольных[51]. Скончался он в русском общежитии в Нуази-ле-Гран 23 декабря 1942 года. Смерть эта в разгаре войны прошла незамеченной, хотя сошел со сцены один из трех последних могикан русского символизма (в живых оставались еще Зинаида Гиппиус и Вячеслав Иванов).

О Бальмонте принято было говорить в эмиграции (если не в печати, то в частных разговорах), что он безнадежно исписался. Это едва ли правильно. Вернее было бы сказать, что Бальмонт оставался самим собой, тогда как восприятие того рода поэзии, который он представлял, в корне изменилось. Ведь о том, что Бальмонт исписался, говорили и много раньше — чуть ли не обо всех сборниках после «Горящих зданий». В какой-то мере верно, конечно, что Бальмонт перепевал себя, что стих давался ему слишком легко и он шел по линии наименьшего сопротивления. Он всегда страдал отсутствием чувства меры и многописанием. Во всех его сборниках стихов, включая самые лучшие («Будем как солнце», «Только любовь») было много шлака. Но у него был подлинный дар песни и большое формальное мастерство (только он и Вячеслав Иванов, да еще, пожалуй, Брюсов могли состязаться в писании венков сонетов — можно смотреть свысока на эту форму, но нельзя отрицать ее трудности и изысканности: Бальмонт продолжал писать венки сонетов и в эмиграции). Ни своего дара песни, ни своего мастерства Бальмонт в эмиграции не утратил, и человеку, который потрудится перечесть сотни стихотворений, напечатанных Бальмонтом в Зарубежье, — в книгах «Дар земле» (Париж, 1921), «Сонеты солнца, меда и луны» (Берлин, 1921), «Мое — Ей» (Прага, 1924), «В раздвинутой дали» (Белград, 1930), «Северное сияние» (Париж, 1931) и др. — нетрудно будет убедиться, что лучшие стихи Бальмонта этого периода стоят на том же уровне, что и те, которые когда-то пленяли читателей на заре второго золотого века русской поэзии. В частности, есть прекрасные стихотворения в книге «Северное сияние», где Бальмонт в лучших вещах обрел и какую-то неожиданную, ему не свойственную

---

[51] По мнению Ю.К.Терапиано, в болезни Бальмонта «до известной степени сыграло роль безразличие эмигрантской среды к поэзии». См. Ю.Терапиано, «Встречи», стр. 20.

простоту. О Бальмонте можно сказать, как сказал недавно мимоходом Д.И.Чижевский[52], что он несправедливо забыт. Кстати, Бальмонта очень высоко ставила и в эмиграции такая на него совсем не похожая поэтесса, как Марина Цветаева. Возможно, что мнение об эмигрантской поэзии Бальмонта у тех, кто ее сейчас пренебрежительно отметает, очень бы изменилось, если бы кому-нибудь пришло в голову произвести строгий отбор среди сотен стихотворений этого периода и издать небольшой однотомник избранного зарубежного Бальмонта.

Как и раньше, Бальмонт много переводил в эмиграции — в особенности с чешского (Врхлицкий), с польского (Каспрович), с литовского (Людас Гира) и с болгарского. Перевел он также «Слово о полку Игореве». Можно сомневаться в целесообразности стихотворного перевода этого шедевра древней русской литературы на современный язык, но перевод Бальмонта (напечатанный в еженедельнике «Россия и славянство») не хуже некоторых переводов «Слова» советскими поэтами и лучше многих. Опыты Бальмонта в прозе в первые годы эмиграции (роман «Под новым серпом», рассказы «Белая невеста» и др.) весьма слабы.

2. Гиппиус

З.Н.Гиппиус начала в эмиграции с публицистики — статьями на злободневные темы в варшавской «Свободе», позднее в других зарубежных газетах. В 1921 году она напечатала в первых двух книжках софийской «Русской мысли» уцелевшие части своего петербургского дневника 1919 года — «Черную книжку» и «Серый блокнот». Печатая этот дневник как «замечательный документ переживаемой эпохи», редакция оговаривала свое решительное несогласие со многими мнениями Гиппиус. Дневник был написан остро, дышал предельной ненавистью к большевицкой России и ее правителям. Некоторые усмотрели в нем и несвойственные З.Н.Гиппиус ранее нотки антисемитизма, тенденцию отождествлять большевицких правителей с еврейством. При всей своей заостренности, при всем своем субъективизме, «Петербургский дневник» был именно замечательным документом, и как памятник эпохи он останется. Памятник, сооруженный одним из умнейших и даровитейших писателей своего времени. Но слова sine ira et studio* не подошли бы к нему в качестве эпиграфа: гнева вложено в него много.

Свое отношение к художественному творчеству в эмиграции Гиппиус высказала в одной из первых своих литературно-критических статей. Статья эта, озаглавленная «Полет в Европу» и подписанная старым критическим псевдонимом Гиппиус («Антон Крайний»), была напечатана в «Современных записках» (XVIII, 1924). В ней проводилась мысль, что в России литературы не осталось, что «русская современная литература (в лице главных ее писателей) из России выплеснута в Европу»[53]. Статья содержала краткие и очень

[52] В рецензии на «Андрея Белого» К.Мочульского. «Новый журнал», XLII, 1955.

[53] От этой мысли Гиппиус не отступала и потом, причем в мнении этом была, вероятно, вполне искренна: ведь для нее Пастернак (как и Анненский) не был поэтом, а о Маяковском и других советских поэтах нечего уж и говорить (впрочем, когда-то она высоко ставила Есенина). Горького она считала конченным писателем, умершим для литературы: о нем в статье «Полет в Европу» говорилось очень резко не только как о писателе, но и как о человеке, что вызвало немалое возмущение в некоторых кругах, тем более, что Горький в это время находился еще за границей и сидел как бы между двух стульев. Позволительно предположить, что с советской литературой этих лет Гиппиус не дала себе труда ознакомиться и что ее отношение к ней определялось ее общим безоговорочным отвержением всего советского. Маяковского она, во всяком случае, отказывалась читать (см. М.Вишняк, «З.Н.Гиппиус в письмах», стр. 195).

* Без гнева и пристрастия (*латин.*). — *Ред.*

общие характеристики некоторых главных зарубежных писателей: Бунина, Шмелева, Зайцева, Куприна, Алданова (почему-то не упоминался Ремизов, но около этого же времени Гиппиус напечатала хвалебный отзыв о его «Николиных притчах»). Мельком упоминался Гребенщиков как «серый писатель-этнограф». К удивлению многих, настоящим художником был назван Арцыбашев, причем подчеркивалась художественность его политических антибольшевицких статей в варшавской газете «За свободу». В том, что Арцыбашев безраздельно отдался публицистике, Гиппиус видела положительное явление, знак времени, свидетельство о писательском целомудрии. В этом целомудрии, характеризующем и других выплеснутых в Европу писателей, оправдание и объяснение тому, что русская литература в Европе за первые пять лет «дала сравнительно мало нового». Гиппиус писала:

> *«Как в самом деле выдумывать, когда честность подсказывает, что всякая выдумка будет бледнее действительности? Да и о каких людях писать, а главное — о какой жизни, если всякая жизнь разрушена, а лица людей искажены? Но и это не все. Смыкает уста и "целомудрие". Есть ли поэт, который будет писать стихотворение у еще теплого тела матери? А ощущение умершей или умирающей России носил в себе долго каждый русский писатель; пожалуй, и теперь носит, на самом дне души.*
>
> *Обычно писатель, изменяющий целомудрию, наказан в самом творчестве своем: никогда еще не появлялось* ***художественного*** *произведения о войне во время войны или о революции во время революции.*
>
> *Но можно говорить о прошлом... К этому и приходят мало-помалу русские писатели, оправляясь от пережитого: ведь они все-таки писатели и недаром же не погибли».*

Мнение Гиппиус о том, что всякая жизнь в России разрушена, что творчество там невозможно, разделялось далеко не всеми, и мы уже видели, что в Зарубежье были круги, интересовавшиеся советской литературой и даже ее пропагандировавшие («Воля России», евразийцы, «Версты»). Сама Гиппиус осталась верна завету целомудрия: в порядке вымысла автор «Чертовой куклы», «Иван-царевича» и многочисленных рассказов не прикоснулся к теме революции. Все эмигрантское творчество Зинаиды Гиппиус состоит из стихов, с одной стороны, и воспоминаний, немногочисленных литературно-критических статей и публицистики, с другой. Первые напечатанные ею стихи были еще написаны в России, примыкали к «Петербургскому дневнику», вернее, составляли его часть и были напечатаны частью в той же «Русской мысли» (они вошли в изданный в Берлине в 1921 году томик «Стихи»). Стихи эти носили частью характер философской лирики, частью — политической сатиры. Типичным образчиком последней было стихотворение «Рай», в котором для игры рифмами были использованы разные советские словообразования — предмет неизменной насмешки Гиппиус в ее «Петербургском дневнике» — и рассказывалось, как поэт искал в различных «комбедах» и «нарводпродвучах» продукта, без которого и дня не мог прожить в советском раю:

И я ходил в *петрокомпроды,*
Хвостился днями у крыльца в *райком...*
Но и восьмушки не нашел — *свободы*
Из райских учреждений ни в одном.

Не выжить мне, я чувствую, я знаю,
Без пищи человеческой в раю:
Все карточки от Рая открепляю
И в *нарпродком* с почтеньем отдаю.

Из стихов, написанных еще в Петербурге в 1919 году, Гиппиус напечатала также стихотворения «Декабристам» («Совр. записки», X, 1922) и «Петербург» («Окно», I, 1923). В стихотворении о декабристах говорилось о напрасности жертв Муравьева и Пестеля и других декабристов:

Напрасно все: душа ослепла,
Мы червю преданы и тле.
И не осталось даже пепла
От Русской Правды на земле.

Стихотворению «Петербург» был предпослан эпиграф из знаменитого стихотворения самой же Гиппиус 1909 года, где она, вторя Мережковскому, пророчила гибель Петербургу. Поэт видел свое пророчество-проклятие сбывшимся, и им теперь владела мысль о чаемом воскресении детища Петрова — символа России:

Свершилось! В гнили, в мутной пене,
Полузадушенный, лежишь.
На теле вспухшем сини тени,
Закрыты очи, в сердце тишь...

Какая мга над змием медным,
Над медным вздыбленным конем!
Ужель не вспыхнешь ты победным
Всеочищающим огнем?

Чей нужен бич, чье злое слово,
Каких морей последний вал,
Чтоб Петербург, дитя Петрово,
В победном пламени восстал?

В том же выпуске «Окна» было напечатано другое стихотворение о Петербурге, написанное уже за границей (1922). Оно называлось «Рыжее кружево», и революция в нем олицетворялась в образе пустоглазой, проворной девочки с красной лейкой, поливающей камни и снег:

Скалится девочка, везде побрызжем!
На камне — смуглость и зыбь пятна,
а снег дымится кружевом рыжим,
рыжим, рыжим, рыжей вина.

Петр чугунный сидит молча,
конь не ржет, и змей ни гу-гу.
Что ж, любуйся на ямы волчьи,
на рыжее кружево на снегу.

Ты, Строитель, сам пустоглазый,
ну и добро! Когда б не истлел —
выгнал бы девочку с лейкой сразу,
кружева рыжего не стерпел.

Но город и ты — во гробе оба.
Ты молчишь. Петербург молчит.
Кто отвалит камень от гроба?
Господи, Господи! Уже смердит.

Кто? Не Петр, не вода, не пламя.
Близок Кто-то... Он позовет.
И выйдет обвязанный пеленами:
«Развяжите его. Пусть идет».

Стихотворение, таким образом, кончается исповеданием веры в воскресение России, которое будет подобно воскресению Лазаря.

«Политические» стихи Гиппиус принадлежат к лучшим в этом роде в русской поэзии. Но со временем она отошла в эмиграции от политических тем и вернулась к темам вечным, к той тройной теме, которую она сама определила в одном стихотворении как единственную тему, о которой говорят поэты: «О Человеке. Любви. И Смерти». Но тема России в более высоком плане продолжала настойчиво и неотступно звучать в ее поэзии. Характерное ее преломление в стихотворении «Неотступное», которое (как и «Рыжее кружево», под новым заглавием «Лазарь») вошло в книжку «Сияния» (Париж, 1938), где собраны более поздние (но далеко не все) стихи Гиппиус. Эта небольшая, но «тяжелая» книжка, несомненно, останется в русской поэзии: она свидетельствует о том, что поэтический источник Гиппиус не только не иссяк, но, скорее, обновился в эмиграции.

Останутся в русской литературе и два тома воспоминаний, главным образом литературных, в форме очерков о современниках, озаглавленные «Живые лица» (Прага, 1925). Не все здесь равноценно, и все, как всегда у Гиппиус, очень субъективно: это не история, а личные, очень личные мемуары, в которых автор выступает не менее отчетливо, чем те, о ком он пишет. Перед нами проходят Блок («Мой лунный друг»), Розанов («Задумчивый странник»), Брюсов («Одержимый»), Сологуб, Полонский и другие. Характеристики яркие, блестящие, поистине живые. В.Ф.Ходасевич назвал эти два тома «чтением увлекательным, как роман» и писал: «Люди и события представлены с замечательной живостью, зоркостью — от общих характеристик до мелких частностей, от описания важных событий до маленьких, но характерных сцен». И, говоря о ценности мемуаров Гиппиус для будущего историка русской литературы, прибавлял: «Но, несомненно, свою полную цену эти очерки обретут лишь впоследствии, когда перейдут в руки историка и сделаются одним из первоисточников по изучению минувшей литературной эпохи. Пожалуй, точнее сказать: двух эпох»[54]. Для историка несомненно ценными окажутся и уже упоминавшиеся воспоминания Гиппиус о Мережковском, о ее знакомстве с ним, об их совместной жизни (они прожили вместе 52 года и не разлучались ни на один день). Но тут ему придется делать большие поправки на пристрастность и даже озлобленность мемуариста. И того блеска, который есть в «Живых лицах», в «Дмитрии Мережковском» уже нет, как ни интересна эта книга. Надо, конечно, учесть, что она писалась в трудных — и материально, и психологически — условиях военного времени во Франции и осталась незаконченной.

3. Вячеслав Иванов

Третьим из крупных поэтов символизма, оказавшимся за рубежом, был Вячеслав Иванов. Правда, он попал за границу лишь в 1924 году и до 30-х годов стоял совершенно в стороне от эмигрантской литературы, живя в Италии и печатаясь в итальянских, германских и швейцарских изданиях, но, как выяснилось потом, продолжал писать стихи по-русски. Поскольку Иванов ничем не связан с развитием зарубежной поэзии в 30-х годах, а точная хронология некоторых из его напечатанных за рубежом стихов неизвестна (но многое, вероятно, было написано еще в 20-х годах, хотя и увидело свет

[54] См. «Совр. записки», XXV, 1925, стр. 536. Длинная рецензия Ходасевича сама по себе представляет большую ценность для историка литературы, ибо в ряде случаев он вносит ценные фактические поправки в рассказ Гиппиус.

много позже), о его эмигрантском творчестве уместно будет сказать вкратце здесь.

Первыми эмигрантскими стихами Иванова, напечатанными в зарубежном журнале, были прекрасные «Римские сонеты», напечатанные в 62-й книге «Современных записок» (1936). После этого почти в каждой книге журнала в течение следующих четырех лет появлялись стихи Иванова. Все они были отмечены изысканным мастерством. На некоторых еще лежал отпечаток прежней тяжеловатой торжественности, подчеркиваемой намеренными архаизмами, — их стиль можно уподобить великолепной пышности золотых византийских риз. На других было заметно влияние римского воздуха, латинской ясности, строгой простоты классических линий (это относится в первую очередь к некоторым из «Римских сонетов»). Лишь немногие (например, стихотворение о Madonna della Neve — «Снежной Мадонне») отражали новое, католическое мироощущение автора (вскоре после прибытия в Италию Иванов перешел в католичество). Всего неожиданнее была прозрачная и вместе напевная простота таких стихотворений, как «Вечерняя звезда» («Совр. записки», LXIX, 1939):

Лес опрокинут в реке.
Веспер в ночном челноке
Выплыл, и вспыхнул алмаз
Где-то в бездонной реке.

Видел я в жизни не раз
В сей вечереющий час,
Как выплывал он и гас,
Веспер, на сонной реке:
Что же в старинной тоске
Слезы струятся из глаз?

Словно приснилось лицо
Милой моей вдалеке;
Словно кольца на руке
Верное ищет кольцо.

Стихотворение это напоминает лучшие и наиболее простые стихотворения Сологуба скорее, чем прежнего Иванова. А своим ритмическим строем оно перекликается с Пушкиным, Тютчевым и Баратынским. В философском плане та же перекличка с Тютчевым и Баратынским в таком стихотворении, как «Ночные зовы» («Совр. записки», LXX, 1940), тоже принадлежащем к лучшим вещам Иванова.

Единственная книга, выпущенная Ивановым за рубежом, — религиозно-философская поэма «Человек» (Париж, 1939), которую сам Иванов назвал «мелопеей». В отличие от упомянутых выше стихотворений, «Человек» принадлежит к «непростым» вещам Иванова. Сложная, хотя и симметричная по структуре (третья часть ее, например, представляет собой венок сонетов), эта символическая поэма эзотерична и по содержанию. Если не ошибаемся (указаний на это в печатном издании нет), написана она еще в России. Зарубежное литературное наследие Иванова еще ждет издателя — о нем, в том числе о философской поэме-повести, над которой в последние годы работал Иванов и которая осталась незаконченной, рассказал С.К.Маковский («Новый журнал», XXXI, 1952, «Вячеслав Иванов в эмиграции»). В 1954 году в редактируемом проф. С.А.Коноваловым ежегоднике «Oxford Slavonic Papers» (т. V, стр. 41-80) был напечатан 41 сонет Вячеслава Иванова со вступительной статьей и библиографическим комментарием г-жи О.Дешарт (О.А.Шор), которая была особенно близка к Иванову в последний (римский)

период его жизни. Из 41 сонета десять написаны за рубежом, между 1924 и 1927 годами (в том числе девять «Римских сонетов»), остальные — еще в России. В Оксфорде же готовится издание сборника стихов Иванова, написанных им со времени опубликования в 1912 году «Нежной тайны». Сборник этот будет называться «Свет вечерний».

В «Современных записках» в 1936 году была напечатана интересная статья Иванова о Пушкине — единственная его статья по-русски в эмигрантском издании. В 1926 году статья его о Гоголе и Аристофане появилась в Советской России в театральном журнале Мейерхольда (по-немецки она была напечатана гораздо позже в швейцарском журнале «Corona», где также появилась статья Иванова о «Слове о полку Игореве»).

Здесь можно еще упомянуть интереснейшую «Переписку из двух углов» В.Иванова и М.Гершензона, которая появилась еще в 1921 году, когда Иванов жил в России (Гершензон эмигрантом вообще не стал), но нашла больше отклика за рубежом и была переведена на немецкий, французский, итальянский и испанский языки.

4. Ходасевич

О В.Ф.Ходасевиче написано уже много и будет написано еще больше. Но отзывы о нем как о поэте, и прижизненные и посмертные, разноречивы. Первое значительное суждение о нем в зарубежной печати было высказано Андреем Белым в большой статье в «Современных записках» по поводу выхода сборника «Тяжелая лира» в 1923 году. Подробно анализируя ритм и строй ходасевичевского стиха, Белый сопоставлял его с «горними вершинами» русской классической поэзии и писал:

«“Тяжелую лиру” встречаем как яркий, прекрасный подарок, как если бы нам подавалась тетрадка неизвестных ещё стихов Баратынского, Тютчева. Лира поэта, согласная с лирою классиков, живописует сознание, восстающее в духе... Из Ходасевича зреют знакомые жесты поэзии Баратынского, Тютчева, Пушкина; эти поэты склонялись конкретно над глубью трепещущей поэтической мысли поэта, живущего с нами...»

И Белый заканчивал статью в том же немного приподнятом, характерном для него, слегка танцующем стиле:

«...И радостно: в наши дни родился очень крупный поэт; а рожденье такое есть радость; оно есть рожденье второе: рождение в царство конкретного разума»[55].

Немного позже кн. Д.П.Святополк-Мирский, любивший парадоксы и заостренные формулы, определил Ходасевича так: «Маленький Баратынский из Подполья, любимый поэт всех тех, кто не любит поэзии»[56].

Злая формула Святополк-Мирского (правда, без «Баратынского из Подполья») была подхвачена И.И.Тхоржевским в его обзоре русской литературы,

[55] «“Тяжелая лира” и русская лирика», «Совр. записки», XV, 1923, стр. 378 и 388. Насколько мне известно, эта зарубежная критическая статья Белого, крайне для него характерная в своем сочетании формального анализа и философского подхода, никогда в России не воспроизводилась.

[56] См. «Версты», № 1, 1926, стр. 208 (рецензия на «Современные записки» и «Волю России»). В своей одновременно вышедшей английской книге о современной русской литературе Мирский был более объективен, ссылался на высокое мнение о Ходасевиче Горького и говорил о нем как о наследнике классической традиции. Мысль, столь резко выраженная в приведенной выше фразе из «Верст», была формулирована несколько иначе — говорилось о том, что поэзия Ходасевича «доходит и до самого непоэтичного читателя». См. D.Mirsky, Contemporary Russian Literature, London, 1926, стр. 240.

где, говоря о поклонниках Ходасевича, Тхоржевский писал от себя: «Никто и никогда не мог привести, в подтверждение похвалам, ни одного цельного прекрасного стихотворения Ходасевича»; и, вспоминая, что Гумилев по поводу ранних стихов Ходасевича сказал: «Он пока только балетмейстер... но танцу учит священному», Тхоржевский прибавлял: «Так учителем танцев Ходасевич и остался»[57]. Ни на оговорку о *священном* танце, ни на то, что речь шла о *ранних* стихах Ходасевича, которые сам он называл юношескими, Тхоржевский внимания не обратил, и его собственная характеристика Ходасевича прозвучала резко отрицательно.

С другой стороны, в большой статье, которая явилась настоящим исследованием о зрелом творчестве Ходасевича, В.В.Вейдле писал в заключение:

> *«Забудут многое. Но будут помнить, как неслыханное чудо, что Россия, в такую эпоху ее истории, имела не только чревовещателей, фокусников и пионеров, не одних стихотворцев и литераторов, но и поэта, в котором она жила и в котором мы жили с нею»*[58].

Вторя Вейдле, В.В.Набоков-Сирин в небольшой статье по поводу смерти Ходасевича писал:

> *«Крупнейший поэт нашего времени, литературный потомок Пушкина по тютчевской линии, он останется гордостью русской поэзии, пока жива последняя память о ней»*[59].

Гораздо сдержаннее высказался один из поэтов парижской группы, принадлежавший к среднему поколению, но начавший по-настоящему свою литературную деятельность уже в эмиграции, — Юрий Терапиано:

> *«Если судить формально — Ходасевича нужно признать одним из самых значительных мастеров слова в новейшей поэзии... Равновесие формы и содержания у него выдержано, как мало у кого из современных поэтов»*[60].

Думается, что суд истории окажется на стороне хвалителей, а не хулителей Ходасевича. К нему как нельзя более подходит определение «взыскательный художник». Он один из самых скупых и строгих к себе поэтов в русской литературе. На протяжении двадцати лет им было выпущено всего пять небольших книжек стихов. Две из них — «Молодость» (М., 1908) и «Счастливый домик» (М., 1914) — он отвел впоследствии как «юношеские» и не включил их в свое «Собрание стихов» (Париж, 1927). Третья — «Путем зерна» (М., 1920) — составилась главным образом из стихов 1917-1920 годов, хотя вошли в нее и некоторые стихотворения 1913-1916 годов. Четвертая — «Тяжелая лира» (Берлин, 1923) — была первым сборником Ходасевича, вышедшим за границей, но многие стихи в ней были написаны еще в России — она принадлежит к промежуточному периоду. Пятая, под названием «Европейская ночь», никогда отдельно не выходила, а вошла составной частью в

---

[57] См. И.Тхоржевский, «Русская литература», т. II (Париж, 1946), стр. 486.

[58] «Поэзия Ходасевича», Париж, 1928, стр. 64. Эта небольшая книжка карманного формата, выпущенная в 100 экземплярах, представляла собой перепечатку статьи, первоначально напечатанной в «Современных записках» (XXXIV, 1928, стр. 452-469). Вейдле оспаривает мнение Андрея Белого о родстве Ходасевича с Баратынским и Тютчевым (в отношении Баратынского не совсем как будто основательно). Устанавливая, с другой стороны, прямую филиацию Ходасевича от Пушкина, он подчеркивает вместе с тем то, в чем, «примыкая к пушкинской поэтике, они [зрелые стихи Ходасевича] отрицают ее внепоэтическую основу, а потому меняют и художественный ее смысл» (Там же, стр. 22).

[59] «О Ходасевиче», «Совр. записки», LXIX, 1939, стр. 262.

[60] Ю.Терапиано, «Встречи», стр. 88.

«Собрание стихов» 1927 года. Она составилась из 26 стихотворений, написанных между 1922 и 1926 годами. После того Ходасевич стихов почти не печатал: не больше десятка их появилось в журналах, часть посмертно. Насколько известно, он почти их и не писал, хотя кое-что могло погибнуть, когда погиб во время войны разграбленный немцами его архив[61]. Усыхание творческого источника или сознательное обречение себя на молчание? Думается, и то и другое. Путь Ходасевича от «Путем зерна» через «Тяжелую лиру» к «Европейской ночи» предвещал этот конец, этот безысходный поэтический тупик. Пусть этот путь, прекрасно проанализированный Вейдле в уже упомянутом этюде (это лучшее, что пока написано о Ходасевиче, хотя с отдельными мыслями Вейдле можно и не соглашаться), — путь созревания и совершенствования. Но это созревание связано со все растущим осознанием трагического раздвоения и столь же трагического разлада с миром — и не менее острым осознанием бессилия поэзии. Мироощущение Ходасевича насквозь трагическое. В своей поэзии, при всей ее замечательной конкретности, ее вещественной духовности, Ходасевич не откликался непосредственно на события, но наша эпоха давила на его поэзию каким-то тяжелым кошмаром. Название последней книги стихов — «Европейская ночь», куда вошли такие замечательные и страшные вещи, как «Берлинское», «An Mariechen», «Под землей», «Окна во двор», «Бедные рифмы», «Баллада» (о безруком) и «Звезды», — неслучайно. Застигнутый в пути европейской ночью, Ходасевич не чувствует себя призванным на пир всеблагими — он воспринимает мир как «тихий ад». В одном из стихотворений «Тяжелой лиры» ключ ко всему зрелому Ходасевичу:

Все жду: кого-нибудь задавит
Взбесившийся автомобиль,
Зевака бледный окровавит
Торцовую сухую пыль.

И с этого пойдет, начнется:
Раскачка, выворот, беда,
Звезда на землю оборвется,
И станет горькою вода.

Прервутся сны, что душу душат,
Начнется все, чего хочу,
И солнце ангелы потушат,
Как утром — лишнюю свечу.

Вейдле прав, когда он пишет по поводу связи между поэтикой Пушкина и Ходасевича:

«Существование пушкинских стихов предполагает космос, мир устроенный, прекрасный, нерушимый, тот самый мир, который, как бумажную оболочку, подернутую бессмысленной синевой, Ходасевичу нужно прорвать, чтобы стала возможной его поэзия. Да, он учился у Пушкина, он взял у Пушкина все, что мог у него взять, но воля его не исполнится, поэзия не осуществится, пока ангелы не потушат пушкинского солнца, пока не померкнет пушкинский земной день.

И с грохотом не распадется
Темно-лазурная тюрьма,

то есть само небо Пушкина».

---

[61] См. Ю.Терапиано, «Встречи», стр. 92. Ходасевич умер в Париже 14 июня 1939 года. Жена его, депортированная немцами как еврейка во время оккупации, не вернулась из Германии.

В сочетании пушкинской поэтики с непушкинским ви́дением мира — одно из своеобразий и один из наиболее разительных эффектов поэзии Ходасевича. Но Вейдле не приходит к выводу о неизбежности поэтического тупика для Ходасевича, неизбежности «впадения в молчание». Все же от факта такого впадения в молчание одного из крупнейших поэтов нашего времени уйти нельзя. В одном стихотворении, напечатанном в берлинской «Беседе» (и по каким-то причинам не включенном Ходасевичем в «Собрание стихов»), Ходасевич очень хорошо начертал свой собственный поэтический путь. Приведем поэтому четыре из пяти строф этого стихотворения, многим оставшегося неизвестным:

Пока душа в порыве юном,
Ее безгрешно обнажи,
Бесстрашно вверь болтливым струнам
Ее святые мятежи.

. . . .

Потом, когда в своем наитье
Разочаруешься слегка,
Воспой простое чаепитье,
Пыльцу на крыльях мотылька.

Твори уверенно и стройно,
Слова послушливые гни
И мир, обдуманный спокойно,
Благослови иль прокляни.

А под конец узнай, как чудно
Все вдруг по-новому понять,
Как упоительно и трудно,
Привыкши к слову — замолчать[62].

Перестав или почти перестав писать стихи, Ходасевич в 30-е годы ушел в критику и в изучение литературы (к которому тяготел и раньше). О его роли как критика и учителя молодых поэтов будет сказано в своем месте.

5. Цветаева

Относить Марину Цветаеву к «старшему» поколению поэтов не совсем правильно. По году рождения (1892) она принадлежит к поколению среднему: она на двадцать с лишним лет моложе Бунина и всего на несколько лет старше некоторых из писателей, которые начинали свою деятельность уже в эмиграции. Но нельзя отнести ее и к «молодым», т.е. именно к тем, кто более или менее начинал в Зарубежье, — не только потому, что первые две книжки ее стихов появились еще в 1911 и 1912 годах, но и потому, что в 1922 году, более или менее одновременно с ее собственным появлением за рубежом, вышло четыре книги ее стихов — одна в Москве («Версты I») и три в Берлине («Стихи к Блоку», «Разлука» и «Психея») — и поэма «Царь-Девица» (одновременно в Москве и Берлине). Таким образом, Цветаева появилась в Зарубежье с очень определенной поэтической физиономией. Но несмотря на свои две ранние книжки и на большое количество стихов, написанных между 1913 и 1916 годами и до сих пор не напечатанных (Цветаева называла их «юношескими»), Цветаева, конечно, принадлежит к пореволюционным поэтам, а своей репутацией в пер-

[62] «Беседа», книга 6/7 (1925), стр. 140-141. Это стихотворение не датировано. В «Беседе» было напечатано еще несколько стихотворений 1923 года, которые тоже не вошли в книгу.

вых рядах новейших русских поэтов обязана прежде всего своей эмигрантской поэзии.

Цветаева вызывала к себе не менее противоречивое отношение, чем Ходасевич. Но отталкивание от нее было более сильное. Многие считали ее поэзию заумной, непонятной. Даже в литературных кругах, особенно в русском Париже, ее часто плохо знали, хотя с середины 20-х годов она сама жила под Парижем и иногда выступала в Париже. Многих ошеломляло просто количественное богатство ее поэзии.

Приведем несколько характерных отзывов о Цветаевой, большей частью посмертных.

«Она всегда оригинальная, и голос ее нельзя спутать ни с чьим. По ритмическому размаху у нее мало равных» (Д.Святополк-Мирский)[63].

«Наступит день, когда ее творчество будет заново открыто и оценено и займет заслуженное место как один из самых интересных поэтических документов пореволюционной эпохи» (М. Слоним)[64].

«Марину Цветаеву, не греша пристрастием, можно назвать первым русским поэтом нашей эпохи» (Г.Федотов)[65].

«Марина Цветаева поглощена уже всецело тем, чтобы ***изумлять*** *читателя своей талантливостью и брать с него дань удивления, ничего взамен не давая. Сказать Цветаевой нечего. Ее искусство похоже на зияющую, пустую каменоломню... Самые талантливые эмигрантские стихи были подписаны Мариной Цветаевой. Но в них ощущалась жуткая внутренняя пустота, непрерывное желание* ***изумлять*** *читателя, ибо* ***утолить его было нечем****» (И.Тхоржевский)*[66].

«Среди русских поэтесс Марина Цветаева, бесспорно, занимает одно из первых мест. Отличительной чертой ее поэзии является сочетание вихревой вдохновенности с сознательной, почти расчетливой ремесленностью» (Ф.Степун в предисловии к «Прозе» Цветаевой, 1953).

«По непосредственности, по бьющей ключом щедрости дарованья мало кто мог, в литературе нашего века, сравниться с Мариной Цветаевой. У нее была врожденная искрометность слова, та естественная взаимопроникнутость мысли и воображения, по которым только и узнаешь настоящий "от Господа Бога" дар...» (В.Вейдле)[67].

«Как у Цветаевой все сбивчиво, какой декадентски-женский "эгоцентризм" и как он исказил ее живую, отзывчивую, трепетно-поэтическую натуру» (Г.Адамович)[68].

О поэтической скупости Цветаевой говорить не приходится. Она была буквально одержима поэзией. Даже в самых неблагоприятных внешних условиях эмигрантской жизни (а в таких именно условиях ей приходилось жить) ей не грозила немота, постигшая Ходасевича. Скорее угрожало ей быть затопленной бушующим ритмическим потоком собственных стихов, захлебнуться в нем. Просмотр таких книг ее, как «Ремесло» и «После России», где почти под каждым стихотворением стоит точная дата, показывает, что Цветаева писала иногда каждый день на протяжении долгих периодов, а часто и по нескольку стихотворений в день. Уровень ее огромной поэтической про-

---

[63] Contemporary Russian Literature, London, 1926, стр. 262.

[64] Modern Russian Literature, New York, 1953, стр. 340.

[65] «О парижской поэзии», в сборнике «Ковчег», Нью-Йорк, 1942, стр. 190.

[66] «Русская литература», т. II, Париж, 1946, стр. 506 и 534.

[67] «Проза Цветаевой», «Опыты», кн. 4-ая (Нью-Йорк, 1955), стр. 73.

[68] «Одиночество и свобода», Нью-Йорк, 1955, стр. 23.

дукции был неизбежно неровный, что вынуждены были признавать наиболее ярые ее поклонники (например, Святополк-Мирский). После упомянутых выше четырех зарубежных книг вышло всего три других книги Цветаевой: поэма «Мóлодец» (Прага, 1924) и сборники стихов «Ремесло» (Берлин, 1923; сюда вошли стихи 1921-1922 годов) и «После России» (Париж, 1928; включает стихи 1922-1925 годов). После того Цветаева прожила во Франции больше десяти лет, но ни одной книги ее не было издано, хотя в те же годы выходило многое множество сборников стихов, часто очень плохих. К 1928 году у нее было готово три неизданных книги стихов: «Юношеские стихи» (1913-1916), «Версты II» (1917-1920) и «Лебединый стан» (1917-1921) и напечатано в журналах несколько поэм и пьес в стихах, а также довольно много прозы. Между 1926 и 1939 годами в журналах было напечатано большое количество стихов Цветаевой, которые остались несобранными[69]. Многое, вероятно, осталось в рукописи, и многое, может быть, погибло.

Писавшие о Цветаевой обычно подчеркивали ее духовное одиночество, ее чуждость главным течениям эмигрантской поэзии и сближали ее с Пастернаком и Маяковским. Так, Федотов писал: «Марина Цветаева была не парижской, а московской школы. Ее место там, между Маяковским и Пастернаком»[70]. Это верно лишь отчасти. Правильнее было бы сказать, что Цветаева ни к каким школам не принадлежала, что она была сама по себе. Некоторое родство у нее все же было среди русских современников — и с Маяковским, и с Пастернаком, и с Андреем Белым (и с ним больше, чем с первыми двумя). Сходство Цветаевой с Маяковским было чисто внешнее — в динамике ее ритмов: как и у Маяковского, нерв поэзии Цветаевой — ритмический напор (Мирский удачно сравнил некоторые ее стихи с конским галопом). Чтобы воспринять некоторые стихи Цветаевой, нужно было слышать их в ее собственном чтении: в печати ей приходилось иногда прибегать к раздражающим типографским ухищрениям (разделительным тире внутри слов и пр.). Но Цветаева не случайно не пользовалась «лесенкой» Маяковского; ритмические ходы ее были иные, более сложные, более тесно связанные с внутренним строем слов, чем со словоразделами. С Пастернаком у нее было больше общего, и не случайно его она ценила больше всех среди своих современников. С ним ее связывали не только ритмы, но и то, что обоих их резко отделяет от Маяковского: укорененность в культуре, с особым предпочтением культуры германской. Дочь московского профессора, Цветаева с детства впитала в себя культуру, живала в Европе, хорошо знала иностранные языки и литературы, вросла в Гете и в немецких романтиков, считала их своими, близкими (см. ее статью о «Лесном царе» в «Числах», № 10, 1934). Сближал ее с Пастернаком романтизм, сказавшийся у нее особенно в таких сборниках стихов, как «Психея», в таких пьесах, как «Фортуна» или «Феникс» («Конец Казановы»), но и вообще составлявший одну из неотъемлемых ее ипостасей. Но рядом со стихией культуры вообще, и немецкого романтизма в частности, в поэзии Цветаевой и в ее отношении к словесному и стиховому строю с силой сказалась стихия русского фольклора, в творчестве Пастернака не сыгравшая никакой роли. Поклонница Гете и Рильке корнями уходила в

[69] Подбор стихов Цветаевой (частью основанный на журнальных публикациях) в антологиях «Якорь» (1936), «Русская лирика от Жуковского до Бунина» (1952) и «На Западе» (1953) нельзя назвать удачным. На Зарубежье лежит моральный долг — издать если не полное собрание, то хотя бы однотомник «Избранного» Цветаевой. Проза ее тоже далеко не полностью собрана в выпущенном Издательством имени Чехова в 1953 году томе. Не вошла туда, между прочим, интересная статья «Поэт о критике» (из «Благонамеренного»).

[70] См. «Ковчег» (Нью-Йорк, 1942), стр. 191.

русскую песенную стихию. Отсюда ее «Царь-Девица», ее «Мóлодец», ее заумно-залихватская «Полотёрская», начинающаяся так:

Колотёры-молотёры,
Полотёры-полодёры,
Кумашный стан,
Бахромчатый штан.

Что Степан у вас, что Осип —
Ни приметы, ни следа.
— Нас нелегкая приносит
Полотёров, завсегда.

Без вины навязчивые,
Мы полы наващиваем.
По паркетам вз’ахивая,
Мы молей вымахиваем.

Кулик краснопёр,
Пляши, полотёр!

Колотилы-громыхалы,
Нам всé комнаты тесны.
Кольцо бабкино пропало —
Полотёры унесли... *и т.д.*

Кроме русской песни, в таких стихах Цветаевой можно найти точки сближения с Белым и Хлебниковым. С Белым ее вообще сближало многое, особенно игра звуков и слов, то, что Степун метко назвал ее «фонологической каменоломней». Но Белый был легче, воздушнее, его словесно-звуковую игру можно скорее уподобить подшвыриванию резиновых шариков. Цветаева имеет дело действительно с камнями, с недобрыми тяжестями. В ее каменоломне отразился Тредиаковский.

Если верно, таким образом, что Цветаева была во многом родственна внутрироссийским поэтам, то от Ходасевича и от парижской школы ее многое отделяло, хотя бы общий мажорный тон ее поэзии и ее тяготение к большим формам. Можно говорить о воскрешении Цветаевой и больших форм, и высокого одического строя (вспомним ее лирические поэмы, лирическую сатиру «Крысолов», печатавшуюся на протяжении почти года в «Воле России» в 1925 году, пьесы в стихах, две трагедии на классические темы, две фольклорные поэмы). На фоне парижской элегической лирики 20-х — 30-х годов она как бы повторяет на расстоянии ста лет Кюхельбекера и «молодых архаистов». Парижские молодые поэты уходят вглубь себя, Цветаева никогда не теряет из виду и широкого Божьего мира.

Это нас подводит к поэтической родословной Цветаевой, установить которую не так легко. Она не принадлежит ни к пушкинской, ни к лермонтовской линии русской поэзии, хотя при всем ее романтизме Пушкин ей должен был быть (и был) ближе Лермонтова, к которому — понятому своеобразно, едва ли не сквозь призму Адамовича — тяготело многое в парижской эмигрантской поэзии. Но в противоположность Ходасевичу, от *поэтики* Пушкина у Цветаевой почти ничего нет: перекликаются они не в области поэтики. Поэтические вкусы Цветаевой были в каком-то смысле эклектичны. Может быть, следует сказать, что она могла восхищаться бескорыстно и восторженно всякой подлинной поэзией, где бы ее ни находила — в Блоке, в Белом, в Бальмонте, в Брюсове, в Кузмине, в Ахматовой (стихи Цветаевой к Ахматовой полны неожиданной ласковости, приоткрывают их схождение в

каких-то сокровенных русских глубинах: «Чернокосынька моя! Чернокнижница!»), в Волошине, в Мандельштаме, в Пастернаке, в Маяковском. Обо всех них она отзывалась и в прозе, и в стихах с истинно поэтической щедростью (не вспоминаю ее отзывов о Гумилеве). Мало у Цветаевой общего с другими женщинами-поэтами в русской литературе — с Ахматовой, Зинаидой Гиппиус, Каролиной Павловой. Вопреки приведенному выше суждению Адамовича о ее «декадентски-женском эгоцентризме», у нее в стихах меньше всего специфически женского, а поскольку это женское есть, оно совсем иного рода, чем у них, и декадентского в нем ничего нет, а восходит оно к народным заплачкам и причитаниям (здесь, может быть, можно найти и тайное глубинное сродство с Ахматовой).

Но если искать поэтических предков Цветаевой, придется, пожалуй, обратиться через голову Пушкина к Державину, а то и к Тредиаковскому. Кличка архаистки ей к лицу. Не Тредиаковского ли напоминают следующие строки (а таких у Цветаевой много):

... путь комет —
Поэтов путь: жжя, а не согревая,
Рвя, а не взращивая — взрыв и взлом —
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарем!

Но это, конечно, опять-таки сходство чисто внешнее: какофоническое столкновение согласных, неожиданные деепричастные формы (жжя, рвя). А в сущности Цветаева сама по себе, без современников, без предков. Вся ее поэзия — «взрывы» и «взломы» (смыслов и ритмов). Ее стихия — безмерность:

Что же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший — сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью
В мире мер?

Но при всем влечении к безмерности, Цветаевой в высокой степени присуще было чувство формы: ее хаос пронизан строем. Степун правильно отметил, что «отличительной чертой ее поэзии является сочетание вихревой вдохновенности с сознательной, почти расчетливой ремесленностью»[71]. Вот один из лучших образчиков высокой поэзии, которую возрождала Цветаева (из цикла «Отрок» 1921 года):

Пустоты отроческих глаз! Провалы
В лазурь! Как ни черны — лазурь!
Игралища для битвы небывалой,
Дарохранительницы бурь.

Зеркальные! Ни зыби в них, ни лона,
Вселенная в них правит ход.
Лазурь! Лазурь! Пустынная до звону!
Книгохранилища пустот!

Провалы отроческих глаз! — Пролеты!
Душ раскаленных — водопой.
— Оазисы! — чтоб всяк хлебнул и отпил,
И захлебнулся пустотой.

[71] См. Марина Цветаева, «Проза», стр. 8.

Пью-не-напьюсь. Вздох — и огромный выдох,
И крови ропщущей подземный гул.
Так по ночам, тревожа сон Давидов,
Захлебывался Царь Саул.

Все здесь характерно для одной из сторон цветаевской поэзии: восклицательные интонации, эллиптическое построение фраз, enjambements* (здесь, правда, только в первой строфе, обычно их у Цветаевой больше), высокий словарь (игралища, дарохранительницы, книгохранилища, правит ход и пр.), библейские образы (можно представить себе, как от этого стихотворения пришел бы в восторг Кюхельбекер). Ритмически вся поэзия Цветаевой — «вздох — и огромный выдох». Но на соседней странице в той же книге («Ремесло») напечатано другое, тоже характерное для Цветаевой стихотворение, принадлежащее к тем, которые стяжали ей репутацию «непонятности» и «лабораторного экспериментирования», и, на мой взгляд, гораздо менее говорящее:

Конь — хром,
Меч — ржав.
Кто — сей?
Вождь толп.

Шаг — час,
Вздох — век,
Взор — вниз.
Всё — так... *и т.д.*

Диапазон Цветаевой широк. Она действительно иногда захлебывалась стихами. Но как она могла владеть строгой формой, показывает, например, такое «классическое» по выдержанности стихотворение:

Уже богов — не те уже щедроты
На берегах — не той уже реки.
В широкие закатные ворота,
Венерины, летите, голубки!

Я ж на песках похолодевших лежа,
В день отойду, в котором нет числа...
Как змей на старую взирает кожу —
Я молодость свою переросла.

Где здесь (как и в стихотворении из цикла «Отрок») тот «декадентски-женский эгоцентризм», о котором пишет Адамович?! И как прекрасно, в одном из ранних стихотворений (1918), сказала Цветаева о рождении поэзии — разве не сливаются тут русский романтизм и русский классицизм, голос Жуковского с голосом Державина:

Стихи растут, как звезды и как розы,
Как красота ненужная в семье.
А на венцы и на апофеозы
Один ответ: — Откуда мне сие?

Мы спим — и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! Певцом во сне открыты
Закон звезды — и формула цветка.

Цветаева была в эмиграции одинока. В 1939 году она вернулась в Россию с маленьким сыном, последовав туда за ранее уехавшей (добровольно)

---

* Переносы (*франц.*). — *Ред.*

дочерью, с которой жила в Москве в первые годы революции и которой посвящены многие ее стихи (дочь тоже писала стихи), и за бежавшим мужем, который связал себя в Париже с Союзом возвращенцев. Муж был расстрелян после того, как Цветаева вернулась. Дочь отправлена в лагерь. О жизни самой Цветаевой в России мы знаем мало. Стихов она почти не писала. В начале войны она оказалась в эвакуации в Елабуге, там она в 1941 году повесилась. О смерти ее не было объявлено в советских газетах, и кроме голого факта ничего не известно. Что Цветаева войдет в историю русской поэзии как большой и подлинный поэт, не подлежит сомнению. Но в истории русской эмиграции «возвращенка» Цветаева не будет забыта и как поэт, который еще в большевицкой Москве воспел Добровольческую армию и Белое движение. Стихи о «белой гвардии», написанные в Москве в 1918-1920 годах и посвященные ее мужу, Сергею Эфрону, сражавшемуся тогда в войсках Корнилова, не вошли ни в один из сборников Цветаевой (они должны были войти в книгу «Лебединый стан»), но часть их была напечатана в «Русской мысли» в 1922 году (кн. VIII-XII). Они включают циклы «Дон» и «Плач Ярославны», оба пронизанные реминисценциями из «Слова о полку Игореве». Приведем здесь два стихотворения из цикла «Дон», написанного еще в 1918 году, и стихотворение «Тем, в Галлиполи», написанное в канун нового, 1921-го, года:

ДОН

1

Белая гвардия, путь твой высок:
Черному дулу — грудь и висок.

Божье да белое твое дело:
Белое тело твое — в песок.

Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Белым видением тает, тает...

Старого мира — последний сон:
Молодость — Доблесть — Вандея — Дон.

2

Кто уцелел — умрет, кто мертв — воспрянет.
И вот потомки, вспомнив старину:
— Где были *вы*? — Вопрос как громом грянет.
Ответ как громом грянет: — На Дону!

— Что делали? — Да принимали муки,
Потом устали и легли на сон.
И в словаре задумчивые внуки
За словом: долг напишут слово: Дон.

(Уподобление Дона — Вандее характерно для неисправимого романтика Цветаевой. Но о сути белой борьбы как патриотическом долге и приятии мук никто не сказал лучше и целомудреннее, чем Цветаева.)

ТЕМ, В ГАЛЛИПОЛИ

С Новым Годом, Лебединый стан!
Славные обломки!
С Новым Годом — по чужим местам —
Воины с котомкой!

С пеной у́ рта пляшет, не догнав,
Красная погоня.
С Новым Годом — битая — в бегах
Родина с ладонью!

Приклонись к земле — и вся земля
Песнею заздравной.
Это, Игорь, — Русь через моря
Плачет Ярославной.

Томным стоном утомляет грусть:
— Брат мой! — Князь мой! — Сын мой!
С Новым Годом, молодая Русь,
За́ морем за синим![72]

Конечно, из этих стихов Цветаевой нельзя делать никаких выводов о ее политических симпатиях и взглядах. Политика ей была глубоко чужда, она к ней была равнодушна. Не она ли сказала, что поэта роднит с ребенком *безответственность*? Но такого поэтического памятника добровольческому рыцарству никто из самих участников Движения не создал.

Проза Цветаевой такая же неровная, как и ее поэзия, и ей присущи некоторые те же недостатки. «Беллетристики» Цветаева не писала, и проза ее состоит из этюдов об искусстве, литературных портретов и характеристик, очерков и воспоминаний. Это проза поэта, проза, насквозь пронизанная лиризмом, иногда не свободная от манерности, невыдержанная, разбросанная, даже неряшливая, особенно в более ранних вещах[73]. Иногда Цветаева в прозе, как и в стихах, захлебывается словами. Такое захлебывание словами, например — в статье о Пастернаке («Световой ливень»), где из-за этого теряются, пропадают отдельные интересные наблюдения и прозрения. Вообще Цветаевой лучше удавались конкретные, живые портреты тех, кого она лично знала, чем отвлеченные характеристики. Особенно хороши поэтому этюды о Белом, Кузмине, Брюсове — во всех них очень много и о самой Цветаевой — а также отдельные страницы воспоминаний, воскрешающие детство, юность, прошлое. У Цветаевой как мемуаристки много общего с Андреем Белым, но, при всей ее несомненной субъективности, ей больше веришь. Но интересны и некоторые общие статьи о поэзии, об искусстве, в которых разбросаны острые, афористически выраженные мысли («Искусство при свете совести», «Поэт о критике»).

---

[72] Год с небольшим спустя, в январе 1922 года, тоже в Москве, Цветаева написала еще одну «новогоднюю» песню, обращенную к «добровольцам», а также «Посмертный марш» с эпиграфом: «Добровольчество — это добрая воля к смерти... (Попытка толкования)». «Новогодняя», где Цветаева поднимает кружку «За почетную рвань, / За Тамань, за Кубань, / За наш Дон русский, / Старых вер Иордань...», приведена целиком в предисловии Ф.А.Степуна к «Прозе» Цветаевой.

[73] Такой поклонник стихов Цветаевой, как Святополк-Мирский, писал о ее прозе, что это «самая претенциозная, неряшливая, истеричная и во всех отношениях самая худшая проза, какую когда-либо писали по-русски» (Contemporary Russian Literature, стр. 263). Это преувеличенно суровое суждение, которое Святополк-Мирский предваряет указанием на то, что Цветаева еще жива, а потому правило aut bene, aut nihil* к ней неприменимо, было высказано до того, как Цветаева написала свои лучшие вещи в прозе. При этом надлежит отметить, что Святополк-Мирского связывали с Цветаевой прекрасные личные отношения и что он именно в это время печатал ее в «Верстах». С суждением Мирского можно сопоставить следующие суждения Степуна и Вейдле, в которых, при всей их лестности, звучат невысказанные оговорки: «Литератором Цветаева никогда не была. Ее проза в сущности тоже художественное и даже поэтическое словотворчество, те же стихи... В высококачественности цветаевского творчества сомневаться нельзя» (Степун); «...проза Цветаевой еще ярче, быть может, чем ее стихи... свидетельствует о необычайной цельности и чистоте всего ее поэтического состава. Проза ее ближе к жизни — чем ее стихи. И как в жизни, а не только в стихах, была она прежде всего и всегда поэт, так остается она поэтом и в каждой строчке своей прозы» (Вейдле).

* Или хорошо, или ничего (*латин.*) — *Ред.*

8 994

Как уже указывалось, проза Цветаевой была собрана и издана в 1953 году Издательством имени Чехова с предисловием Ф.А.Степуна. Но в этот том вошло далеко не все напечатанное Цветаевой в прозе.

6. Другие поэты старшего поколения

Из других известных до революции поэтов, оказавшихся за рубежом, ни один не дал ничего существенно нового в первое пятилетие эмигрантского бытия.

Ряд стихотворений напечатал в 20-х годах в разных журналах *С.К.Маковский*, бывший редактор «Аполлона», более известный до революции как художественный критик. Стихи эти включали три цикла сонетов, из которых два — «Лунный водоем» и «Нагарэль» — были собственно поэмами, состоящими из сонетов. Это особенно относится к «Нагарэль»: эта вещь была посвящена памяти Гумилева и написана под Гумилева, на романтически-экзотическую тему. Третий цикл сонетов — лучший из всех — носил лирически-описательный характер и назывался «Год в усадьбе». Но по-настоящему Маковский вложился в зарубежную поэзию лишь много позже, пережив после Второй мировой войны настоящий поэтический расцвет. Показательно, что в первую антологию зарубежной поэзии («Якорь», 1936) не вошло ни одно стихотворение Маковского, в антологию «Эстафета» (1948) всего три, тогда как в антологии «На Западе» имеется уже семь его стихотворений.

Незаслуженно незамеченными прошли оставшиеся не собранными в книгу стихи *А.А.Кондратьева*, поэта когда-то близкого к символистам, автора хорошей работы о гр. А.К.Толстом, в эмиграции закинутого в польское захолустье (где-то около Ровно) и не представленного ни в одной из зарубежных антологий, хотя стихи его печатались в 20-х годах в «Русской мысли», а потом в «России и славянстве». Среди стихов Кондратьева 20-х годов обращают на себя внимание переводы «Из греческой анфологии» и циклы сонетов на темы славянской мифологии, которой Кондратьев много занимался в эти годы (она же составляет и фон его романа «На берегах Ярыни», вышедшего в начале 30-х годов в Берлине). Откликался Кондратьев и на революционные события — в стихах, манерой больше всего напоминающих Брюсова (например, «Грядущий Сулла»). Кондратьев — поэт небольшого диапазона, узкого круга тем, но в этих узких пределах — он взыскательный мастер. Личная судьба его неизвестна — как будто после войны подпись его мелькала под некоторыми стихотворениями в парижских газетах. Вероятно, многие его произведения остались в рукописи.

Из молодых дореволюционных акмеистов *Георгий Иванов* выдвинулся в первые ряды зарубежных поэтов лишь в 30-е годы, и поэтому о нем дальше. Другой акмеист, *Георгий Адамович*, выпустил свою первую зарубежную книгу стихов лишь в 1939 году, а в 20-х годах, хотя и печатал иногда стихи в журналах, выступал главным образом как критик (в «Звене», в «Последних новостях»). Много печатался в журналах, но не выпустил ни одной книги другой соратник Гумилева, *Михаил Струве*, проживший годы эмиграции в Париже. У него была готова к печати вторая книга стихов под названием «Злая жизнь» (первая, «Стая», вышла еще в России), но она почему-то так и не появилась, хотя печатались книги и несравненно более слабых стихов. М.Струве не был значительным поэтом, но он хорошо владел техникой стиха, и в лучших его стихах слышался свой голос. Из ранних его стихотворений, напечатанных в Зарубежье, отметим стихотворение памяти Гумилева («Русская мысль», 1921, кн. VIII-XII). В ранние годы эмиграции М.А.Струве

был завсегдатаем литературных сборищ. После войны он примкнул к «советским патриотам».

В 1920 году вышла небольшая книжка стихов *М.О.Цетлина* (под его всегдашним поэтическим псевдонимом — Амари) «Прозрачные тени». Цетлин — поэт скупой, без резко выраженной индивидуальности, но у него были и поэтическое чувство, и вкус. После того он писал (или во всяком случае печатал) мало стихов, но ему зарубежная поэзия многим обязана, поскольку он был фактическим редактором стихотворного отдела «Современных записок», а после войны стал основателем и редактором заменившего «Современные записки» «Нового журнала» в Нью-Йорке, которому отдавал много сил и времени до самой своей смерти в 1945 году. Цетлин печатал в «Современных записках» критические статьи и отзывы о книгах, особенно о стихах. Кроме того, им были изданы две полубеллетристические книги: «Декабристы» (Париж, 1933; 2-е изд., Нью-Йорк, 1954) и «Пятеро и другие» (Нью-Йорк, 1944) — о пяти русских композиторах и их окружении. На тему книги о декабристах Цетлиным был написан также цикл стихотворений, в которых были поэтически зафиксированы отдельные портреты и эпизоды. Эти стихи о декабристах, писавшиеся в течение многие лет, вышли отдельной книгой под названием «Кровь на снегу» (Париж, 1939), с эпиграфом из знаменитого стихотворения Тютчева, откуда было заимствовано и название.

Проживавший в Эстонии *Игорь Северянин* (псевдоним И.В.Лотарева) выпустил в 20-е и 30-е годы не менее десяти томов стихов. Два из них вышли в Белграде («Классические розы», 1931, и «Медальоны», 1934). Наряду с банальностью и пошлостью в пореволюционных стихах Северянина встречалась иногда приятная старомодная простота, неожиданная у автора «Ананасов в шампанском». Но тот искрометный напиток, который пленил Сологуба и Брюсова в «Громокипящем кубке», за эти годы выдохся, и от прежнего Северянина оставалось мало; все же, когда в 30-е годы он совершал из своего эстонского уединения наезды в Берлин, Париж и Белград, его «поэзовечера» по старой памяти привлекали публику.

Неплохие стихи, в которых сильно звучала нота патриотической тревоги рядом с чисто женскими мотивами, печатала в «Современных записках» и других журналах *Н.В.Крандиевская*, жена А.Н.Толстого. В 1922 году вышла в Берлине книжка ее стихов «От лукавого», а вскоре после того она вместе с мужем уехала в Россию, где как будто перестала печататься.

В 20-х годах выпустили свои книжки и печатались в журналах *С.А.Соколов-Кречетов* («Железный перстень», Берлин, 1922), *Любовь Столица* (роман в стихах «Елена Деева», Берлин, 1923) и *Сергей Рафалович* («Зга», Берлин, 1923; «Тёрпкие будни», Париж, 1926; и др.).

Среди поэтов-юмористов на первом месте следует поставить даровитого *Д.Аминадо* (А.П.Шполянского), который с первых дней эмиграции стал присяжным стихотворным фельетонистом парижских «Последних новостей», на страницах которых сквозь призму его юмора преломлялись эмигрантские будни и политические, и идеологические схватки (мишенью для юмора Аминадо были и сменовеховцы, и евразийцы, и младороссы, и политические противники Милюкова в лагере «Возрождения»). Когда бывшим издателем «Сатирикона» этот некогда популярный петербургский сатирический журнал был на короткое время возобновлен в Париже при участии нескольких видных бывших сатириконцев и талантливых художников (в том числе Юрия Анненкова), Д.Аминадо стал его постоянным сотрудником. В 20-е и 30-е годы им было выпущено несколько книг стихов («Дым без отечества», «Накинув плащ», «Нескучный сад» и др.). Пробовал он себя и в чистой лирике. Уже после Второй мировой

войны Д.Аминадо написал книгу мемуаров, в которой около ста страниц уделены зарубежному периоду. На этих, окрашенных живым, а подчас и язвительным, юмором страницах будущий историк эмиграции и эмигрантской литературы найдет любопытный материал, включая и довольно неожиданный разговор с П.Н.Милюковым, незадолго до его смерти, в котором Д.Аминадо открыл ему глаза на многое, чего он не видел в собственной газете[74].

Две книги сатиры, книгу лирических стихов («Жажда», Берлин, 1923) и несколько книг милых стихов для детей выпустил в Зарубежье другой сатириконец — *Саша Черный* (А.М.Гликберг), живший сначала в Берлине, а потом тоже во Франции.

Глава VII

МЛАДШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ

И в поэзии, и в прозе главный вклад младшего поколения зарубежной литературы — тех, кто не привез с собой за границу большого литературного багажа, — принадлежит к более позднему периоду. В первое пятилетие успели обратить на себя внимание лишь немногие, и далеко не все из этих немногих в дальнейшем удержались в литературе. Молодых поэтов было больше, чем начинающих прозаиков, а потому мы начнем с первых.

1. Поэты

Если в последующие годы стало принято говорить о «парижской ноте» и о «пражской школе» в зарубежной поэзии (не всегда с достаточным основанием), то в самые первые годы эмиграции (1920-1922) можно было различить два главных географических центра, в которых сосредоточены были молодые поэты: Париж и Берлин. Небольшая группа объединилась вокруг «Таверны поэтов» в Варшаве. Свои поэтические группировки существовали на Дальнем Востоке. Пражские поэты сорганизовались позднее.

Пожалуй, главная разница в эти первые годы между парижскими и берлинскими молодыми поэтами заключалась в том, что парижские стояли далеко от пореволюционной русской литературы и вместе с тем испытывали гораздо более сильное влияние окружающей иноземной среды, где в это время царил дадаизм. Среди ранних парижских поэтов было несколько, которые оказались в Париже еще до революции и которых нельзя, собственно говоря, относить к эмигрантской литературе. Но упомянуть их необходимо, поскольку они вошли в литературное и личное общение с антибольшевицкой эмиграцией и примкнули к парижской «Палате поэтов», тем более, что через них иногда шли французские влияния. Таковыми были *Марк-Мария-Людовик Талов*, проживавший в Париже еще с 1913 года и перешедший в католичество (чем и объясняется его странное имя), и *Валентин Парнах*, который одну из своих книг («Словодвиг», Париж, 1920) выпустил по-русски и по-французски[75]. Ни Талов, ни Парнах позже никакой роли в зарубежной литературе не играли[76], но в первые годы эмиграции они участвовали в

[74] Дон-Аминадо, «Поезд на третьем пути», Нью-Йорк, Изд-во имени Чехова, 1954.

[75] Другие книги Парнаха, или Парнака (как иногда писалась его фамилия): «Набережная» (1919), «Самум» (1919) и «Карабкается акробат» (1922). К последней был приложен портрет автора работы Пикассо, а другие иллюстрировались Гончаровой и Ларионовым.

[76] Парнах в 1922 году уехал в Советскую Россию. Не он ли (Парнок) — герой «Египетской марки» Мандельштама?

сборищах поэтов, которые происходили, кажется, в маленьком кабачке около Монпарнасского вокзала (позднее они были перенесены в кофейню «Ла Болле» в Латинском квартале — об этом периоде живо рассказал в своих «Встречах» Ю.К.Терапиано). Из настоящих эмигрантов к парижской группе поэтов в эти годы принадлежали *Георгий Евангулов* и *Александр Гингер*, в 1921-1922 годах выпустившие свои первые книги под маркой «Палаты поэтов». Книга Евангулова называлась «Белый духан», книга Гингера — «Свора верных». У Евангулова закваска была акмеистская. Гингер следовал скорее более крайним образцам, но у него было больше своего, личного, хотя и косноязычного и порой отдававшего юродством. Оба в 1925 году выпустили по второй книге («Золотой пепел» Евангулова и «Преданность» Гингера). Во второй книге Гингера опять было своеобразие при многих раздражающих вывертах. Некоторые стихи его запоминались. Евангулов в дальнейшем както сошел на нет (ни одно его стихотворение даже не попало ни в одну из зарубежных антологий, что, конечно, несправедливо, так как его стихи были ничуть не хуже многих попавших туда). В 30-х годах имя Евангулова стало попадаться под рассказами (в том числе в «Современных записках»), но и как прозаик он внимания на себе не остановил. Гингер продолжал бытовать в зарубежной поэзии, и в 1939 году в серии «Русские поэты» (где были, между прочим, сборники З.Н.Гиппиус и Г.Адамовича, и «Человек» Вяч. Иванова, и должна была выйти книга Цветаевой) появилась третья книга Гингера «Жалоба и торжество». Юродствование осталось у Гингера и в зрелый период. Он мало на кого из своих предшественников и современников похож, его никак нельзя обвинить в подражании, и трудно сказать, кто оказал на него влияние. При желании можно, пожалуй, найти отголоски Хлебникова. Гингер не предается, впрочем, словотворчеству, но он любит словесные выверты, некоторое насилие над языком, не только затрудненность его, но и нарочитую (как будто) безграмотность. Есть в его стихах что-то вымученное. Вот характерные две строфы из одного стихотворения 1925 года («Мания преследования»):

Стихотворительное одержанье,
Язык богов, гармония комет!
Бессонный клин, сознательное ржанье
Моих разлук, моих плачевных смет.

О том, что знаю и чего не знаю,
Перо, тебе докладываю я.
С тобой теперь поминки начинаю
По злой тревоге моего житья.

У Гингера едва ли найдется хоть одно цельное, чем-нибудь не испорченное стихотворение. Одно из лучших — «Факел», не вошедшее ни в одну из книг, но напечатанное в антологиях «Эстафета» и «На Западе».

Что-то общее с Гингером есть у *Бориса Божнева*, который выпустил в 1925 году книгу «Борьба за несуществование» (за которой последовали в 1927 году «Фонтан» и в 1936 году «Silentium sociologicum»). Но у Божнева было больше цельности в неприятии мира. Некоторые критики упрекали его в чрезмерном подражании Ходасевичу, но этот упрек едва ли очень справедлив. Во всяком случае в стихах его характерно отразился нигилизм, о котором придется говорить дальше в связи с парижской поэзией.

В 1925 году выпустил также свою первую книгу в Париже *Довид Кнут*, но о нем будет речь в связи с другими парижскими поэтами младшего поколения.

В Берлине наибольшее внимание из молодых, дотоле неизвестных поэтов привлек к себе *В.В.Набоков-Сирин*[77]. Сын знаменитого общественного деятеля, юриста и публициста, члена I Государственной думы В.Д.Набокова, Набоков попал за границу из Крыма в 1919 году и поступил в Кембриджский университет, где занимался зоологией и французской литературой[78]. По окончании университета в 1922 году переехал в Берлин, где жила его семья (как раз весной 1922 года отец его был убит на публичной лекции П.Н.Милюкова). Стихи начал писать еще в России, где, кажется, перед самой революцией напечатал небольшую книжку юношеских (или полудетских) стихов. За рубежом начал печататься в 1920 году — в «Руле», «Грядущей России», «Жар-птице», «Сполохах», «Русской мысли», «Современных записках» и других изданиях. В 1923 году в Берлине вышла его книга «Горний путь» и в том же году — «Гроздь». Между 1922 и 1924 годами Набоков перешел на прозу, печатая рассказы главным образом в «Руле» и продолжая печатать там и стихи, которых, однако, стал писать меньше. Сборников стихов он больше до войны не выпускал, но небольшое количество стихотворений, написанных между 1923 и 1929 годами, было включено в первый сборник рассказов его — «Возвращение Чорба» (Берлин, 1930). Огромное количество стихов, написанных за эти же годы, остается несобранным. И не все из позднейших вошли в книжку «Стихотворения», которая вышла в издании «Рифмы» (Париж, 1952). Во вступительной заметке к этой книжке Набоков писал, что первым напечатанным в ней стихотворением (1929) «заканчивается период юношеского творчества», — иными словами юность Набокова продолжалась тридцать лет.

Между 1925 и 1940 годами Набоков, продолжая время от времени писать стихи и рассказы, занимался главным образом писанием романов. Написанными за эти годы девятью романами (десятый остался как будто незаконченным) Набоков завоевал себе как у критики, так и у широкого читателя первенствующее положение среди молодых зарубежных писателей. (О романах Набокова речь, естественно, будет во второй части.) До 1937 года Набоков продолжал жить в Берлине, несмотря на то, что он был женат на еврейке, и положение его в гитлеровской Германии было во многом очень затруднительно. В 1937 году ему наконец удалось переехать во Францию, а оттуда в мае 1940 года, незадолго до прихода немцев, эвакуироваться в Америку. Сейчас он состоит профессором русской литературы в одном из американских университетов (Корнелл) и считает себя американским писателем. С 1940 года им написано по-английски три романа, большое количество рассказов, книга о Гоголе и автобиография. Последняя, печатавшаяся частями в журнале «The New Yorker» и вышедшая отдельным изданием в 1951 году под названием «Conclusive Evidence», была самим автором переделана для русского читателя и вышла в 1954 году под названием «Другие берега». В 1955 году был объявлен новый английский роман Набокова. Он также много — и очень хорошо — переводил русских поэтов на английский язык: Пушкина (в том числе «Моцарта и Сальери»), Лермонтова, Тютчева, Ходасевича

---

[77] Первые стихи Набокова (например, в «Грядущей России») были подписаны его собственной фамилией, но, начав писать регулярно в газете «Руль», которую редактировал и в которой сотрудничал его отец, он решил подписываться «В.Сирин». Псевдоним этот с самого начала ни для кого не был секретом. Начиная со своего первого романа по-английски («The Real Life of Sebastian Knight», 1941), Набоков вернулся к своему собственному имени, которым подписывает теперь и свои русские произведения. Некоторые его стихотворения были напечатаны (в «Современных записках» и «Русских записках») за подписью «Василий Шишков» — видимо, из чистой любви к мистификации.

[78] Некоторые читатели романов Набокова, вероятно, не знают, что он лепидоптерист (специалист по бабочкам) и печатал статьи в серьезных научных журналах. В Америке он одно время работал в естественно-историческом музее. Другая его специальность и страсть, отразившаяся, как и бабочки, в его творчестве, — шахматы. Он вел в «Руле» шахматный отдел, и ему принадлежит большое количество шахматных задач.

и др. Изредка Набоков печатает и собственные стихи по-английски, но стихами (в отличие от прозы) продолжает, по-видимому, писать и по-русски.

Редко у какого другого поэта между стихами раннего и позднего периода лежит такая пропасть, как у Набокова. Сам он в одном стихотворении 1938 года писал, обращаясь к своей юности:

Мы с тобою не верили в связь бытия,
но теперь оглянулся я — и удивительно,
до чего ты мне кажешься, юность моя,
по цветам не моей, по чертам недействительной!

С этими словами зрелая муза Набокова могла бы обратиться к музе его 20-х годов. Писавшие о Набокова-поэте на основании сборника 1952 года (например, Г.Адамович) отмечали его близость к Пастернаку. О внутренней близости их едва ли можно говорить серьезно, но в таких стихотворениях Набокова, как «Поэты», «Слава» и особенно «Парижская поэма», несомненны пастернаковские интонации. Разве не типичные пастернаковские ходы — ритмические и словесные — в таких строках из «Парижской поэмы»:

И покуда глядел он на месяц,
синеватый, как кровоподтек,
раздался, где-то в дальнем предместье,
паровозный щемящий свисток.
Лист бумаги, громадный и чистый,
стал вытаскивать он из себя:
лист был больше него и неистовствовал,
завиваясь в трубу и скрипя.

Но с таким же правом можно говорить об интонациях Маяковского в стихотворении «О правителях», направленном по существу против Маяковского, но с огромным пародийным умением использующем именно его приемы — взять хотя бы начало:

Вы будете (как иногда
говорится)
смеяться, вы будете (как ясновидцы
говорят) хохотать, господа —
но, честное слово,
у меня есть приятель,
которого
привела бы в волнение мысль поздороваться
с главою правительства или другого какого
предприятия.

В этом стихотворении, прекрасном образчике пародийно-сатирического дара Набокова, поэт и не скрывает, что отправляется от Маяковского, и в конце упоминает своего «покойного тезку», который писал «стихи и в полоску и в клетку, на самом восходе всесоюзно-мещанского класса».

Рядом с Пастернаком и Маяковским в некоторых стихах Набокова в том же сборнике можно безошибочно узнать голос Ходасевича (например, стихотворение «Был день как день. Дремала память. Длилась...»). Если сравнить стихи Набокова позднего со стихами ранними (1921-1925), вошедшими в его две первые книги и напечатанными в газетах, то можно заметить, конечно, и смену тем, и иную систему образов, и новый подход к миру (в ранних стихах, например, очень сильно звучат патриотические — порой сусальные — и религиозные — явно книжные — ноты, в них много сентиментальной тоски по родине, «березок», чистых описаний), но поражает больше всего не это, а смена образцов. Вместо Пастернака, Маяковского,

Ходасевича, может быть, иногда Белого и Мандельштама, а то даже и Поплавского, которые слышатся за поздними стихами, мы найдем в «Горнем пути» в лучшем случае Фета и Майкова, а в худшем — Ратгауза, а в «Грозди» и более поздних стихах 20-х годов — Фета, Майкова, Щербину, Пушкина, Бунина, Бальмонта, Гумилева и... Сашу Черного (стихотворение о «поэте-головастике»). Ранний Набоков поражает своим версификационным мастерством, своей переимчивостью и своими срывами вкуса. Что-то напоминает в нем Бенедиктова. В одном из ранних стихотворений он говорит с гордостью о своем «стихе нагом и стройном» и взывает к музе: «О, муза, будь строга!» Молодой Набоков не отдал обычной дани никаким модным увлечениям. Его современники правильно смотрели на него как на поэтического старовера. Почти все стихи в «Грозди» написаны строгими классическими размерами. Преобладают двудольные (30 стихотворений из 38), а среди двудольных — подавляющее большинство ямбы, причем особенно много четырехстопных и шестистопных, а также комбинаций этих двух размеров. На 37 стихотворений в строго выдержанных размерах всего один анапестический дольник[79]. Вот образчик раннего версификационного мастерства Набокова, его умения сочетать пластику зрительных образов и звукопись:

Кто выйдет поутру? Кто спелый плод подметит?
Как тесно яблоки висят!
Как бы сквозь них, блаженно солнце светит,
стекая в сад.
И сонный, сладостный, в аллеях лепет слышен:
то словно каплет на песок
тяжелых груш, пурпурных поздних вишен
пахучий сок.

А вот образцы переимчивости Набокова.
Под Бунина:

На черный бархат лист кленовый
я, как святыню, положил:
лист золотой с пыльцой пунцовой
между лиловых тонких жил.

Под Блока:

Нас мало — юных, окрыленных,
не задохнувшихся в пыли,
еще простых, еще влюбленных
в улыбку детскую земли...
. . . .
За туманами плыли туманы,
за луной расцветала луна...

Здесь блоковские интонации внутренне оправданы тем, что это стихотворение написано было на смерть Блока и сознательно использует его образы, но близость получилась чисто внешняя — от блоковской музыки у Набокова не осталось ничего. Еще резче выступает поверхностная природа набоковской переимчивости в следующих строках — напоминая по смыслу прекрасную концовку блоковского стихотворения «Ты помнишь: в нашей бухте сонной», они не только лишены блоковской внутренней музыки, но и как-то, по словесному составу своему, банальны и нецеломудренны:

---

[79] В «Стихотворениях» 1952 года, где всего 15 стихотворений (из них многие длинные или состоят из нескольких частей), трехдольные размеры преобладают. 4-стопный и 6-стопный ямб представлены всего двумя стихотворениями каждый, а комбинации их совсем нет. Много отклонений от правильного размера.

Так мелочь каждую — мы, дети и поэты,
умеем в чудо превратить,
в обычном райские угадывать приметы,
и что ни тронем — расцветить...

Под Майкова и Щербину:

Я на море гляжу из мраморного храма:
в просветах меж колонн так сочно, так упрямо
бьет в очи этот блеск до боли голубой...

Под Бальмонта:

... плывет ладья и звоном струнным
луну лилейную зовет...
. . . .
... и арфы ледяные струны
ласкает бледная рука.

Под Гумилева:

И в утро мира это было:
дикарь еще полунемой,
с душой прозревшей, но бескрылой,
— косматый, легкий и прямой...

Есть в «Грозди» и интонации под Ходасевича:

Ах, если б звучно их раскинуть,
исконный камень превозмочь,
громаду черную содвинуть,
прорвать глухонемую ночь...

Все стихотворение, из которого взяты эти строки, написано не без влияния Ходасевича, но без его остроты и разъедающей иронии. Как показывают многие вышеприведенные примеры, особенно не давался Набокову в те годы, при всем его мастерстве, безошибочный выбор лучших слов. Парафразируя Кольриджа, о его поэзии в эти годы можно сказать: «Не лучшие слова в прекрасном порядке». Но нередко Набоков грешил и прямой безвкусицей. Так, сентиментально-безвкусно все стихотворение «Viola tricolor» и особенно его заключительные строки:

Простим ли страданью, найдем ли звезду мы?
Анютины глазки, молитесь за нас,
да станут все люди, их чувства и думы,
немного похожи на вас!

Трудно поверить,что это написал — хотя бы и на двадцать лет раньше — автор таких стихотворений, как «Слава» или «К кн. С.М.Качурину»!

По-иному безвкусно, но, пожалуй, еще хуже, ибо претенциозно, второе стихотворение «На смерть Блока», где рассказывается, как Пушкин, Лермонтов, Тютчев и Фет собираются в раю, чтобы «встретить в должный час душу Александра Блока», причем четыре поэта характеризуются так:

Пушкин — выпуклый и пышный свет,
Лермонтов — в венке из звезд прекрасных,
Тютчев — веющий росой, а Фет —
в ризе тонкой, в розах красных.

Про Блока же, их «таинственного брата», говорится:

Сядет он в тени ветвей живых
в трепетно лазоревых одеждах,
запоет о сбывшихся, святых
сновиденьях и надеждах.

В более поздних, тщательно отобранных стихотворениях, вошедших в «Возвращение Чорба», подобных срывов вкуса уже почти нет, стих стал строже и суше, появилась некоторая тематическая близость к Ходасевичу (поэту, которого зрелый Набоков ставил особенно высоко среди своих современников), исчезли реминисценции из Блока, явно бывшие чисто внешними, подражательными, утратилось у читателя и впечатление родства с Фетом, которое давали более ранние стихи Набокова (сходство и тут было чисто внешнее, фетовской музыки в стихах Набокова не было, он был всегда поэтом пластического, а не песенного склада). Но до обращения к Пастернаку было еще далеко, да и Ходасевич еще не владел Набоковым по-настоящему: стихи в «Возвращении Чорба» — в большинстве прекрасные образчики русского парнасизма; они прекрасно иллюстрируют одно из отличительных свойств Набокова как писателя, сказавшееся так ярко в его прозе: необыкновенную остроту ви́дения мира в сочетании с умением найти зрительным впечатлениям максимально адекватное выражение в слове. Если над стихами этого периода какой-нибудь дух царит, то это дух Бунина. В «Грозди» Набоков посвятил ему стихотворение, в котором, называя стих Бунина «роскошным и скупым, холодным и жгучим», клялся: «ни помыслом, ни словом не согрешу пред музою твоей». В зрелом возрасте, в «Других берегах», он писал: «Книги Бунина я любил в отрочестве, а позже предпочитал его удивительные струящиеся стихи той парчовой прозе, которой он был знаменит». В этом посмертном отзыве звучит нотка снисходительности. Во всяком случае, Набоков не остался верен своей юношеской клятве. А слово «парчовый» очень подходит к его собственным стихам 20-х годов — только иногда может возникнуть сомнение в подлинности парчи. Есть в Зарубежье немало людей, отрицающих, что Набоков — поэт, и ценящих только его прозу. Набоков от стихов перешел к прозе, но про его прозу нельзя сказать, как про прозу Цветаевой, Осипа Мандельштама или Пастернака, что это проза поэта. Вернее, пожалуй, сказать, что его стихи — стихи прозаика. У него есть прекрасные стихи (даже среди тех, которые сам он сейчас наверное отвергает), они могут захватить, загипнотизировать, но в конечном счете им чего-то не хватает, какой-то последней музыки. Между поэзией и прозой Набокова тесная связь. Стих его совершенствовался по мере овладения им мастерством рассказа. Его развитие в направлении сюрреалистического гротеска отразилось на стиле и тематике его стихов. В стихах 20-х годов чужие отголоски звучали бессознательными и часто безвкусными пародиями. В зрелых стихах пародийность и гротеск нарочитые. Изумительный пародийный дар Набокова (и как прозаика) еще недостаточно оценен, и пародийные корни некоторых его романов недостаточно вскрыты.

Того, кто станет изучать детально развитие Набокова как поэта, ожидает немало трудностей. Им написано гораздо больше стихов, чем собрано в книги. В молодости он был писателем редкостно плодовитым — в 1923-1926 годах его стихи печатались в «Руле» чуть не каждую неделю. Есть у него и более крупные вещи в стихах, напечатанные в «Руле» и в других изданиях, журналах и альманахах. Из них можно назвать весьма сентиментальную поэму «Детство», «Университетскую поэму» (о Кембридже), лирическую поэму «Петербург», несколько одноактных драм в стихах («Смерть», «Полюс», «Дедушка»). Всех этих вещей сам Набоков, вероятно, не стал бы извлекать из забвения, но для изучающих его творчество они представляют интерес. Набоков — интересный случай поэта, развивавшегося прочь от крайнего поэтического консерватизма в молодости, но, благодаря своей ранней выучке и дисциплине, твердо державшего своего Пегаса в узде и в самых смелых и неожиданных заскоках его. И у внимательного читателя Набокова является подозрение, что он и сейчас мог бы написать стихотворение или даже поэму

под Блока, под Некрасова, под Пушкина (дерзнул же он кончить пушкинскую «Русалку»!), под Державина, как пишет под Пастернака (о котором, помнится, отзывался когда-то довольно недоброжелательно) и мог бы писать под Георгия Иванова (который лет двадцать тому назад был ему глубоко чужд, причем отталкивание было взаимное). Каков будет суд потомства над Набоковым-поэтом, трудно сказать. В 30-х годах Зинаида Гиппиус назвала его талантливым поэтом, которому нечего сказать. Сам Набоков, вероятно, на это бы ответил, что важно не чтó *сказать*, а *как сказано*.

В Берлине в ранние 20-е годы жил один из основателей, вместе с Гумилевым, Георгием Ивановым, Адамовичем и Михаилом Лозинским, третьего «Цеха поэтов» (в 1920 году), *Николай Оцуп,* который вскоре по прибытии за границу переиздал книгу стихов «Град» (Берлин, 1922), а также редактировал берлинские выпуски альманаха «Цех поэтов». Но в основном его деятельность относится к более позднему, парижскому, периоду зарубежной литературы. Из других берлинских поэтов можно упомянуть Г.Росимова и В.Пиотровского. *Г.Росимов* (псевдоним Ю.В.Офросимова) выпустил в 1921 году «Стихи об утерянном», встреченные критикой весьма благожелательно. В стихах очень чувствовались чужие влияния, но образцы были хорошие (Блок, Ахматова) и стихи приятные. После того Росимов стихов как будто не печатал, если не считать двух-трех книжек стихов для детей. Под своей настоящей фамилией он стал постоянным театральным критиком «Руля» и позже выпустил книгу о театре. *В.Пиотровский* напечатал в 1923 году книгу довольно слабых стихов «Полынь и звезды» и еще более слабых рассказов (с налетом порнографии) «Примеры господина аббата». В 1924 году вышла вторая книга стихов «Каменная любовь». Он писал также стихи для детей, принимал участие в издательстве «Манфред» и редактировал альманах «Струги». Тяготел к сменовеховцам и на несколько лет как будто исчез из зарубежной литературы — до 1929 года, когда вышел сборник его драматических поэм «Беатриче», встреченный положительно в Берлине и полным равнодушием в Париже (если не считать благожелательного отзыва проживавшего в Берлине В.Набокова-Сирина в парижской «России и славянстве»). После этого стихи Пиотровского (теперь подписывающегося «Корвин-Пиотровский») стали появляться в зарубежной печати, но только с выходом книги «Воздушный змей» (Париж, 1950) он обнаружил себя как незаурядный и оригинальный поэт, неожиданно выросший за последние десять лет. Перед войной Пиотровскому удалось перебраться из Германии, где его арестовало бы гестапо, во Францию. Во время войны участвовал во французском Движении Сопротивления. В 1944 году был арестован и приговорен к смертной казни, но за пять минут до расстрела освобожден в обмен на пленных эсэсовцев. Как многие «молодые» писатели во Франции, «поверил в национальное возрождение России», т.е. стал советским патриотом, но вскоре признал, что ошибся. К характеристике Пиотровского как поэта мы еще вернемся.

В Берлине же в 20-е годы проживали две молодые поэтессы, в прошлом участницы петербургской студии Гумилева «Звучащая раковина» — *Вера Лурье* и *Нина Берберова*. Первая, напечатав несколько стихотворений и критических заметок в журналах, вскоре как-то вышла из литературы; вторая выдвинулась позже как прозаик и так и не выпустила книги стихов, хотя стихи ее того заслуживали. В отличие от большинства молодых поэтов, Берберова обнаруживала наклонность к вещам более крупного масштаба (в «Со-

временных записках» в 1927 году была напечатана ее «Лирическая поэма», написанная четырехстопным ямбом и своим строем немного напоминавшая начало блоковского «Возмездия»).

Из дальневосточных поэтов в первые годы выдвинулись два: *Арсений Несмелов* и *Всеволод Н. Иванов*. Оба были не похожи на своих собратьев в Европе. Первая книга Несмелова «Стихи» (Владивосток, 1921) отразила весьма распространенное на Дальнем Востоке в те годы футуристическое поветрие (ведь именно с Дальнего Востока пришли в советскую литературу Николай Асеев, Сергей Третьяков и Н.Чужак), причем футуризм Несмелова был довольно безвкусной смесью Северянина и Маяковского. За первой книгой последовали еще две: «Тихвин» (Владивосток, 1922) и «Уступы» (Владивосток, 1924), в которых была налицо та же ориентация на советскую поэзию. В дальнейших книгах — «Кровавый отблеск» (Харбин, 1929) и «Без России» (Харбин, 1931)[80] — Несмелов выравнялся, но близость к советским поэтам у него осталась: и тематикой, и приемами он сильно отличался от парижских поэтов, хотя его и стали в 30-х годах печатать в парижских изданиях.

Что касается Всеволода Иванова, то, не будучи похож на Несмелова и на футуристов, он не походил и на европейских поэтов. В нем было что-то от поэта-эрудита. Не обладая и в малой мере талантом Брюсова или Волошина, он тяготел к их историософским темам, к раздумьям над революцией и ее местом в исторических судьбах России. Такие темы преобладают в его книге «Сонеты» (Токио, 1922). Им была выпущена также гастрономическая «Поэма еды» (Харбин, 1928). Иванов писал и не в стихах на историософские темы: его книга «Мы» (Харбин, 1926) перекликалась с евразийством, как и некоторые его стихи.

Особняком среди молодых зарубежных поэтов стоял рано скончавшийся (в 1927 году) в Гельсингфорсе *Иван Савин* (Саволайнен). Вспоминая о нем по случаю 25-летия со дня его смерти, Ю.Терапиано писал в нью-йоркском «Новом русском слове»:

> *«Савин принадлежал к тому поколению, которое в юности пошло в Добровольческую армию... Подобно десяткам тысяч своих сверстников, Савин прошел через все ужасы гражданской войны, пережил крушение “белой мечты” и начал свою новую жизнь за границей, в Финляндии, работая на сахарном заводе»*[81].

Савин попал в Финляндию не прямо из Добровольческой армии. Во время крымского отступления он заболел тифом и был захвачен в плен в Джанкое. Ему удалось доказать, что он не был офицером, и он был освобожден. Он добрался до Петербурга, где встретился с отцом и прожил довольно долго, пока им не удалось получить разрешение на выезд в Финляндию как финляндским уроженцам. В 1926 году вышла первая (и единственная) книжка стихов Савина, «Ладанка», которую издало Общество галлиполийцев (до того стихи Савина печатались в различных журналах и газетах). Религиозность, любовь к России и вера в нее и верность «белой мечте», звучавшие как основные мотивы в этой скромной книжечке, стяжали Савину популярность в кругах, все еще преданных Белой идее. Но в стихах Савина не было ничего надуманно-тенденциозного, никакой пропаганды. У него был свой, приглушенный, но подлинно поэтический голос. Вот характерные строки из одного из его стихотворений о России:

---

[80] Может быть, были и более поздние: дальневосточная поэзия — область, которую историку зарубежной литературы придется еще изучать.

[81] «Памяти поэта», «Новое русское слово», 13-VII-1952.

Граница. И чем ближе к устью,
К береговому янтарю,
Тем с большей нежностью и грустью
России «здравствуй» говорю.

Там, за рекой, всё те же дюны,
Такой же бор к волнам сбежал,
Всё те же древние Перуны
Выходят, мнится, из-за скал...

В этих стихах никакой сусальности, никаких фанфар. Что-то от «белогвардейского» Есенина, но что-то и от финляндских стихов Баратынского (кстати, по словам Терапиано, Савин особенно интересовался пушкинской эпохой и «боготворил Пушкина»). Но иногда в стихах Савина звучали и более «высокие» ноты, и тогда он напоминал военные стихи Гумилева скорее, чем Есенина:

Оттого высоки наши плечи,
А в котомках акриды и мед,
Что мы, грозной дружины предтечи,
Славословим крестовый поход.

Оттого мы в служеньи суровом
К Иордану святому зовем,
Что за нами, крестящими словом,
Будет Воин, крестящий мечом.

. . . .

Да приидет! Высокие плечи
Преклоняя на белом лугу,
Я походные песни, как свечи,
Перед ликом России зажгу[82].

Несколько сходные мотивы звучали в стихах другого поэта-добровольца, еще ранее скончавшегося и не успевшего выпустить ни одной книги, — *Алексея Гессена*. Но у Гессена тема России и добровольчества не доминировала над всем, его захват был шире. Среди напечатанных его стихотворений есть стихи на темы истории и искусства. У него были несомненные способности, но поэзия его немного отзывалась книжностью.

2. Прозаики

Если не считать «внелитературной» литературы, халтуры, рассчитанной на низкий вкус, которой было вдоволь на эмигрантском книжном рынке, печатание художественной прозы сильно отставало в первые годы эмиграции от поэзии (тем более, что и стихи, стоявшие вне поэзии, печатались в огромном количестве, благо печатать их стоило дешевле). И качество ранней молодой прозы было в общем невысокое — большинство настоящих молодых прозаиков вошло в зарубежную литературу в конце 20-х годов и в начале 30-х. Между 1920 и 1925 годами отдельными книгами прозы обратили на себя некоторое внимание четыре писателя: Дроздов, Алексеев, Гуль и Лукаш. Из них первые трое, как уже было отмечено, оказались сменовеховцами, причем

[82] Оба стихотворения цитируются по статье Терапиано, который говорит, что приводит стихи и из «Ладанки», и из невышедшей, но подготовленной к печати книги, но не указывает, какие откуда.

Дроздов и Алексеев тогда же уехали назад в Россию, а Гуль много позднее вернулся, как блудный сын, в эмигрантскую литературу.

Александр Дроздов, попавший за границу с юга России весной 1920 года и живший сначала в Париже, а потом в Берлине, начал печататься в газетах и журналах еще до революции, а в 1917 году напечатал свою первую книжку рассказов. В эмиграции он усиленно сотрудничал в различных изданиях и был редактором литературного журнала «Сполохи». За свое короткое пребывание вне России он умудрился выпустить несколько книг рассказов («Счастье в заплатах», «Распятье», «Езуитушка», Берлин, 1921 и 1922) и роман «Девственница» (Берлин, 1922). Фон его рассказов — гражданская война и беженство, и в том и в другом случае — изнанка жизни, поданная натуралистически. О Дроздове можно сказать, что он подавал надежды, но осуществить их в эмиграции не успел. Еще в 1921 году в написанной несколько высокопарным стилем статье о зарубежной литературе он писал: «Мне кажется порою, что именно здесь, за столами, сколоченными руками иностранного столяра, расправит крылья русская литература — птица, которая бессмертна»[83]. Но не прошло и двух лет, как сам Дроздов «расправил крылья» в направлении Советской России, где выдвинуться даже во второй ряд литературы ему не удалось и где он удержался, в порядке усердного приспособления, только на литературных задворках.

Довольно много общего с Дроздовым было у *Глеба Алексеева* (Чарноцкого), который в 1919 году попал из Новороссийска на Далматинское побережье Адриатического моря, а позднее перебрался в Берлин, сотрудничал в «Сполохах», «Жар-птице» и других журналах, был председателем литературного содружества «Веретено» и т.п. Кроме отдельных рассказов и очерков, Алексеев напечатал повесть из жизни эмиграции «Мертвый бег» (Берлин, 1923), о которой один критик писал: «Невылазной, томительной, засасывающей тоской веет со страниц этой книги», приписывая это не столько автору, сколько сюжету: книга была о буднях беженской лагерной жизни. Повесть Алексеева — натуралистическое сырье, «человеческий документ» скорее, чем литература. Ничего крупного Алексеев в эмиграции больше не написал, но в советской литературе, из которой он, в отличие от Дроздова, довольно быстро исчез, после него остались не лишенные интереса вещи.

Гражданская война и эмигрантская жизнь были и темами первых книг *Романа Гуля*. Он дебютировал воспоминаниями о гражданской войне в Киеве в издававшемся И.В.Гессеном «Архиве русской революции» («Киевская эпопея») и книгой «Ледяной поход» (Берлин, 1921), которая вызвала резкие нападки в кругах эмиграции, связанных с Белым движением, и была переиздана в Москве (к этому времени Гуль уже был сменовеховцем и сотрудником «Накануне»). «Ледяной поход» — впечатления участника героического похода Добровольческой армии под водительством ген. Л.Г.Корнилова. Гуль писал как рядовой участник Добровольческой армии, который вступил в нее, как многие, прямо со школьной скамьи в порыве патриотического энтузиазма, проделал с нею Ледяной поход и затем вышел из нее — под впечатлением расстрелов и других неизбежно сопряженных с гражданской войной ужасов. Книга производила впечатление написанной искренне, но в тогдашних условиях была воспринята многими как измена. И, в отличие от некоторых других «белых» мемуаров, переиздававшихся большевиками в собственных видах и интересах, «Ледяной поход» был продан автором московскому отделу Госиздата[84].

---

[83] «Птица, которая бессмертна», «Русская книга», № 2, февраль 1921 г., стр. 9.

[84] См. «Новая русская книга», № 8, август 1922 г., стр. 36.

В первом беллетристическом произведении Гуля — небольшой повести из эмигрантской жизни «В рассеяньи сущие» (Берлин, 1923) — отразились его сменовеховские настроения. Герой этой повести — эмигрант, трагедия которого в том, что он сознает, что в революции «необходимо всё вплоть до Чеки», но все же не может принять эту «форму» революции, хотя и принимает ее «содержание». От повести Алексеева повесть Гуля отличает не только более высокий литературный уровень, но и то, что эмигрантская жизнь подана не просто в бытовом, а и в идейном плане, и притом с резко сатирической окраской. Как писал один рецензент, «нежность к эмиграции у автора... отсутствует совершенно». Сам Гуль, очевидно, тоже не мог до конца принять «форму» революции: за Толстым, Дроздовым и Алексеевым он не последовал, а остался жить в Германии и на время как будто выпал из литературы. Когда вышли его следующие книги — два больших романа, по два тома каждый: «Генерал Бо» (Берлин, 1929) и «Скиф» (Берлин, 1930-1931), — многие в эмиграции склонны были относить их к советской литературе (см. выше)[85]. Оба романа Гуля были исторические, ничуть не похожие на его первые вещи. В «Генерале Бо» история была совсем недавняя, почти современность: это роман о боевой организации эсеровской партии, герой его — Савинков, а злодей — Азеф. У многих близких к партии людей роман вызвал политические возражения. Написан он был живо и занимательно, да и тема была завлекательная, и роман быстро разошелся и потребовал второго издания (с эмигрантскими произведениями это случалось нечасто). Он был также переведен по крайней мере на шесть иностранных языков. На манере Гуля чувствовалось влияние не столь Мережковского и Алданова, сколько советских исторических романистов. Еще более явно это влияние сказалось на втором романе Гуля. «Скиф» — написанное в форме романа жизнеописание Михаила Бакунина, охватывающее по преимуществу время с отъезда Бакунина в Германию (начинается роман немного раньше) и до его отправки на поселение в Сибирь (остальное рассказано совсем кратко на пяти страничках). Особенно подробно останавливается Гуль на жизни Бакунина в Берлине (здесь много места отведено Тургеневу), на пражском и дрезденском эпизодах и на суде над Бакуниным в Австрии. Как во многих советских исторических романах, в «Скифе» нет вымышленных лиц. Зато перед нами появляется целая галерея исторических персонажей. На всем построении и стиле очень чувствуется влияние Юрия Тынянова и особенно его «Смерти Вазир-Мухтара» (вплоть до фигуры «карлика» Нессельроде), но без его сатирической остроты, с ненужными длиннотами и без его умения органически вработать исторический материал в повествование. Персонажи Гуля явно говорят цитатами из исторических документов и мемуаров. Сделанный в манере Тынянова портрет Николая I, открывающий роман, получился банально-претенциозным.

В 30-х годах Гуль выпустил полубеллетристические биографии Дзержинского, маршала Тухачевского и других советских нотаблей, а после войны — роман «Конь рыжий». Этот автобиографический роман — пожалуй, лучшая его вещь.

Иван Лукаш, как и Дроздов, начал печататься (в газетах) еще до революции, но беллетристом стал уже в эмиграции. Из Крыма он попал в Константинополь, потом в Болгарию, оттуда в Берлин, а затем в Ригу (где

---

[85] Романы эти были изданы издательством «Петрополис» в Берлине, которое специализировалось на заграничных изданиях советских авторов (что часто делалось для закрепления авторских прав), причем некоторые советские произведения, изданные «Петрополисом», не удостаивались советского издания (например, «Красное дерево» Б.Пильняка и «Воображаемый собеседник» О.Савича). Впрочем, «Петрополис» издавал и произведения писателей, проживавших за границей.

принимал участие в редактировании газеты «Слово»), а с 1927 года до своей преждевременной смерти в 1940 году жил в Париже, состоя близким сотрудником «Возрождения». Дебютировал он небольшой книжкой очерков о жизни эвакуированных врангелевцев в Галлиполи — «Голое поле» (София, 1922). В 20-х годах он напечатал несколько рассказов в «Русской мысли» и других журналах и несколько немного наспех испеченных более крупных произведений: «Бел-Цвет» (Берлин, 1923), «Дьявол. Мистерия» (Берлин, 1923), «Дом усопших» (Берлин, 1923). Все эти вещи, при несомненных признаках дарования, обнаруживали недостаток общей и литературной культуры, тяготение к дешевому, мистически окрашенному символизму (особенно в «Дьяволе»), злоупотребление приподнятым тоном, погоню за стилистическими «украсами» при отсутствии собственного стиля. Особенно неудачен был «Дом усопших», который Лукаш претенциозно назвал «поэмой» и где местом действия он выбрал советский санаторий в Крыму, а персонажами — офицеров Красной армии. Передать психологию последних ему не удалось, и вся вещь была шита политическими белыми нитками.

Позднее Лукаш обратился к историческим темам: том рассказов «Дворцовые гренадеры» (Париж, 1928), роман «Пожар Москвы» (1930), повесть «Император Иоанн», роман «Ветер с Карпат» (1938). «Пожар Москвы», охватывающий период от убийства Павла I до декабрьского восстания 1825 года, был переведен на английский язык и удостоился похвальных отзывов критики. Но наиболее удачной вещью Лукаша критика признавала роман о Мусоргском («Вьюга», 1936). Переведенная на французский язык, эта вещь была восторженно встречена Леоном Доде. Лукашу удался и образ самого композитора, и общий фон эпохи, и воспринятый немного сквозь Достоевского Петербург, в котором Лукаш вырос и к которому всегда его влекло. Некоторый недостаток культуры чувствуется и на поздних вещах Лукаша, но они много лучше его ранних произведений.

Глава VIII

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА И ПУБЛИЦИСТИКА

1. Литературная критика и литературоведение

Россия в предреволюционный период небогата была критическими талантами. Лучшими критиками были в большинстве случаев сами же писатели и поэты — Брюсов, Вячеслав Иванов, Зинаида Гиппиус, Иннокентий Анненский, Андрей Белый, Гумилев, Мандельштам. Критики-профессионалы принадлежали по большей части к породе крайних импрессионистов (впрочем, это верно и относительно некоторых из поэтов). Только перед самой революцией появились и уже в советское время процвели (ненадолго!) критики из школы формалистов. Из них за рубежом очутился только Р.О.Якобсон, фактически оказавшийся на положении невозвращенца (в начале 20-х годов он был прикомандирован к советской миссии в Праге), но к эмиграции не примкнувший. Он выдвинулся за границей как виднейший специалист по славянской филологии, сначала в Чехословакии, потом в

Соединенных Штатах, где он сейчас состоит профессором Гарвардского университета[86].

Из критиков-поэтов за рубежом оказались только З.Н.Гиппиус и — на время — *Андрей Белый* (критические статьи Бальмонта в счет не идут; Ходасевич по-настоящему критиком стал уже за границей; то же относится и к Цветаевой, которая к тому же, хотя и много писала о литературе, критиком в настоящем смысле слова не была). Об интересной статье Белого о Ходасевиче уже упоминалось выше. В «Эпопее», которую Белый издавал в Берлине в 1922-1923 годах, печатались его воспоминания о Блоке, но они появились и в Советской России, а потому к зарубежной литературе отнесены быть не могут. В «Беседе» Белый ничего критического не печатал.

О критических статьях *З.Н.Гиппиус* в 20-е годы тоже уже говорилось. Позднее она иногда печатала литературно-критические статьи в газетах, в которых сотрудничала, а также в журналах («Современные записки», «Числа», «Русские записки»), но в отличие от большинства зарубежных критиков ее критическая деятельность не носила систематического характера. Статьи ее часто бывали окрашены политикой. Попадались среди них интересные (например, о Некрасове в «Русских записках»), но возможно, что наиболее интересные ее суждения о текущей литературе (зарубежной — советскую Гиппиус просто презирала) были разбросаны в ее письмах, из которых пока лишь немногие напечатаны.

Из критиков-профессионалов, пользовавшихся известностью до революции, за рубежом оказались *Ю.И.Айхенвальд*, автор «Силуэтов русских писателей», и П.М.Пильский. Айхенвальд, принадлежавший к группе высланных из России в 1922 году[87], жил в Берлине и был постоянным сотрудником «Руля», где каждое воскресенье печатал большие критические фельетоны, не считая более мелких заметок и рецензий. Долгое время он подписывал свои статьи, в интересах остававшихся в России родных, псевдонимом «Б.Каменецкий», но потом вернулся к собственной подписи. Статьи его касались и текущей литературы (советской, зарубежной, иностранной), и общих вопросов литературы, и литературной истории. Айхенвальд и в изгнании оставался таким же критиком-импрессионистом, каким был до революции, но в его суждениях было больше умудренности, меньше иконоборчества. К большевицкой революции и ее насилию над свободным творчеством он был непримирим. Это был преданный и верный рыцарь литературы, смелый и нелицеприятный в своих суждениях, в которых он руководствовался своим вкусом, не всегда, быть может, безошибочным, и своим пониманием литературы. Некоторые его статьи и сейчас перечитываются с интересом. Он один из первых обратил внимание на прозу В.Набокова-Сирина, о стихах которого отзывался, помнится, сдержанно. В 1928 году Айхенвальд стал жертвой несчастного случая и собственной близорукости: его сбил с ног и смертельно ранил берлинский трамвай.

Петр Пильский, сотрудничавший до революции в «Биржевых ведомостях»,

[86] Якобсоном в начале 20-х годов, когда он еще печатался и в Советской России, были выпущены две интересные небольшие книжки: «Новейшая русская поэзия. Набросок первый: Виктор Хлебников» (Прага, 1921) и «О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским» (Берлин, 1923). В 1931 году он совместно с Д.П.Святополк-Мирским издал в Берлине брошюру «Смерть Владимира Маяковского», в которой его большая статья называлась «О поколении, растратившем своих поэтов». В этой весьма интересной статье, достаточно резкой в отношении советского строя, содержались также выпады против В.Ф.Ходасевича и против русской эмиграции вообще, от которой автор решительно отмежевывал себя. Тем не менее, фактически эти писания Якобсона принадлежат к зарубежной литературе.

[87] Высылке Айхенвальда предшествовали арест и сидение на Лубянке. Причиной ареста была, видимо, смелая статья о Гумилеве в петербургских «Записках мечтателей», где гибель Гумилева сравнивалась с гибелью Андре Шенье на эшафоте. На эту статью откликнулся сам Троцкий статьей в «Известиях» под названием «Диктатура, где твой хлыст?» См. И.Матусевич, «Затаенная пламенность (Памяти Ю.И.Айхенвальда)», «Совр. записки», XXXIX, 1929, стр. 481.

9–994

а в эмиграции ставший главным критиком рижского «Сегодня», принадлежал к типу хлесткого и не слишком разборчивого критика-журналиста. Помимо литературной критики он писал и обычные газетные фельетоны, а также под псевдонимом «П.Хрущев» — детективно-политические романы. Немного удивительно поэтому было его появление в 30-х годах на страницах такого «эстетского» и передового журнала, как «Числа», к которому он мало подходил.

В «Руле» Айхенвальда заменил *А.Л.Бем*, который был больше теоретиком и историком литературы, чем критиком, но которому его багаж теоретических и исторических знаний, в сочетании с литературным вкусом, сослужил большую службу. Бем интересовался и советской литературой, и зарубежной, и славянскими (он жил в Праге и преподавал там в университете, а также руководил кружком молодых русских писателей). Он уделял много внимания вопросам формы и стиля, но не был формалистом pur sang*. Печатавшиеся в «Современных записках» и других изданиях отзывы Бема о советских книжных новинках всегда были интересны, как интересны были и его суждения о зарубежной поэзии в «Руле», в «За свободу», в «Мече». Помимо текущей критики Бемом был напечатан — по-русски, по-чешски и по-немецки — ряд ценных и интересных работ по теории и истории литературы, особенно о Достоевском и Пушкине. Конец Бема был трагический: когда Прага была занята красными войсками, он был арестован и позже, по имеющимся сведениям, расстрелян во дворе тюрьмы[88].

О критической деятельности *М.Л.Слонима* и *Д.П.Святополк-Мирского* уже говорилось выше. Слонимом была выпущена книжка этюдов о советской литературе «Портреты советских писателей» (Париж, 1933). На ценность двухтомной истории русской литературы Святополк-Мирского на английском языке уже указывалось. Им же была выпущена по-английски книга о жизни и творчестве Пушкина. По-русски он издал антологию «Русская лирика» (Париж, 1924) с короткими, но очень интересными примечаниями. Все, что он писал о литературе, обнаруживает в нем незаурядный ум и способности.

Из более молодых критиков зарекомендовали себя уже в 20-е годы *К.В.Мочульский* и Г.В.Адамович. Мочульский, подобно Бему, был прежде всего ученым, предназначавшим себя до революции к академической деятельности. В эмиграции он читал лекции по русской литературе на русских курсах при Сорбонне и преподавал русскую литературу в русской гимназии в Париже. Совместно с М.Л.Гофманом и Г.Л.Лозинским им был составлен на французском языке курс русской литературы. В самом начале 20-х годов он обратил на себя внимание прекрасными критическими статьями — о творчестве Ахматовой в «Русской мысли» (III-IV, 1921) и о классицизме в новейшей русской поэзии в «Современных записках» (XI, 1922). Первая из этих статей представляет настоящее небольшое исследование. Позже Мочульский стал одним из главных литературных критиков парижского «Звена». Время от времени он печатал статьи в «Современных записках» на текущие или историко-литературные темы. Но его главным вкладом в зарубежную литературу являются книги о пяти писателях, выпущенные издательством YMCA-Press в Париже: «Духовный путь Гоголя» (1934), «Владимир Соловьев» (1936), «Достоевский: жизнь и творчество» (1947), «Александр Блок» (1948) и «Андрей Белый» (1955). Книги о Блоке и Белом родились из задуманного Мочульским большого труда о русском символизме. Книга о Белом осталась незаконченной и была издана посмертно. Все эти работы

---

[88] См. Ек.Кускова, «О незамеченном поколении», «Новое русское слово», 11 сентября 1955 г.

* Чистокровный (*франц.*) — *Ред.*

Мочульского грешат некоторым заострением биографического метода, но все представляют значительный и ценный вклад в историю литературы. Книга о Блоке является капитальным исследованием, до сих пор непревзойденным по полноте. В Мочульском соединились дисциплина ученого и тонкий вкус к поэзии. На книгах о Гоголе и Достоевском отразился поворот к религии и к церкви, который характеризовал зарубежное развитие самого Мочульского. Мочульский умер от туберкулеза в санатории в Пиренеях в 1948 году.

О критической деятельности *Г.В.Адамовича* придется еще говорить в дальнейшем, поскольку она падает главным образом на конец 20-х и на 30-е годы.

И в «Современных записках» и в «Последних новостях» довольно часто помещала критические статьи *Ю.Л.Сазонова-Слонимская*, бывшая сотрудница «Аполлона», главной специальностью которой был, однако, театр и балет.

Как и в дореволюционное время, вплотную к литературной критике примыкали писания некоторых философов на окололитературные темы. Так, в 20-х годах в «Современных записках» было напечатано несколько статей *Льва Шестова*: «Откровения смерти» (о Толстом), «Преодоление самоочевидностей» (о Достоевском), «О вечной книге» (памяти М.О.Гершензона), не считая чисто философских статей. Позднее несколько интересных статей о Достоевском напечатал там же другой философ, *С.И.Гессен*. Литературной критикой в более чистом виде, но тоже с философским уклоном много занимался в эмиграции *Ф.А.Степун*, напечатавший в «Современных записках» ряд критических статей (о Бунине, о Вячеславе Иванове, об Андрее Белом, о советской литературе) и многочисленные рецензии.

Мемуарно-критический характер носили статьи *В.Ф.Ходасевича* в «Современных записках» о Брюсове, Есенине, Гершензоне, Белом, Сологубе, Горьком, вошедшие потом в книгу, озаглавленную «Некрополь» (Брюссель, 1939). Но Ходасевич печатал в «Современных записках» и чисто критические статьи, и литературоведческие работы, например о Пушкине (в том числе главу из «Поэтического хозяйства Пушкина», другие главы которого появились ранее в берлинской «Беседе»). В «Современных записках» же первоначально печаталась превосходная биография Державина, написанная Ходасевичем и вышедшая отдельно в 1931 году. Интересная статья об Анненском, написанная еще в России, была напечатана в «Эпопее» Белого.

Серьезных литературоведческих работ в первые годы эмиграции вышло мало. Здесь можно отметить интересную книжку рано погибшего Ю.А.Никольского «Тургенев и Достоевский. История одной вражды» (София, 1921) и его же статью в «Русской мысли» о Фете[89], работу академика В.А.Францева «Державин у славян» (Прага, 1924), а также две книги о театре: «Русский театр начала XX века» Е.А.Зноско-Боровского (Прага, 1924) и «Основные проблемы театра» Ф.А.Степуна (Берлин, 1923). На границе литературы и философии стояли книги Б.П.Вышеславцева «Русская стихия у Достоевского» (Берлин, 1923), Ф.А.Степуна «Жизнь и творчество» (Берлин, 1923) и П.Б.Струве «Статьи о Льве Толстом» (София, 1921; переиздание с дополнениями когда-то напечатанных в России журнальных статей).

Из мемуаров, которых в это время было много, а потом стало еще больше, можно отметить имеющие общелитературный интерес «Мои воспоминания» кн. *С.М.Волконского* (Берлин, 1923). Ему же принадлежала одна из первых статей на тему, на которую потом, по мере все большего и большего отрыва эмиграции от родины, стали и писать всё больше и больше — «О

[89] Никольский нелегально вернулся в Россию с целью вызволить близких ему людей, заболел тифом и умер в Харькове в 1922 году.

русском языке» («Совр. записки», XV, 1923). Статью эту не мешает перечитать и сейчас, особенно редакторам русских зарубежных газет.

О некоторых других, главным образом более молодых, критиках и о более поздних работах по литературоведению речь будет дальше, в связи с дальнейшим развитием зарубежной литературы.

2. *Философская проза и публицистика*

Зарубежье оказалось особенно богато философскими и публицистическими силами. В этой области, особенно после высылки из России в 1922 году всех виднейших независимых философов (оставшихся, как, например, С.А.Аскольдов, А.Ф.Лосев, было совсем немного), зарубежная литература оказалась вне конкурса. Здесь мы вынуждены ограничиться лишь кратким перечнем наиболее примечательных публикаций в области философии и высокой публицистики за первые годы эмиграции. На первом месте следует поставить многочисленные сочинения *Н.А.Бердяева*, оказавшегося необыкновенно продуктивным в эмиграции и вскоре ставшего наиболее влиятельным и популярным русским мыслителем в Европе, единственным, можно сказать, который имел какое-то воздействие на современную ему французскую, английскую и немецкую мысль и к которому прислушивалась часть русской молодежи за рубежом. Вот некоторые из книг, напечатанных Бердяевым только в 20-е годы: «Смысл истории» (1923), «Философия неравенства» (1923), «Миросозерцание Достоевского» (1923), «Новое средневековье» (1924), «Константин Леонтьев» (1926), «Философия свободного духа» (1927-1928). В первые годы своего пребывания за границей Бердяев возглавлял Религиозно-философскую академию в Берлине и там же начал выпускать журнал «София», вскоре прекратившийся. Перенеся затем свое местопребывание в Париж, Бердяев стал редактором журнала «Путь», который в истории русской религиозно-философской мысли и духовной культуры займет видное место. И в «Пути», и в «Современных записках», и в других изданиях Бердяевым было напечатано огромное количество статей, перечислять которые здесь невозможно. Он много печатался и на иностранных языках, и почти все его написанные за границей книги были переведены на французский, английский и немецкий.

Рядом с Бердяевым по известности за границей надо поставить *Л.И.Шестова*, который как мастер философской прозы стоял значительно выше Бердяева. Помимо ряда больших философских и литературно-философских статей в «Современных записках», «Верстах» и других журналах, Шестов выпустил за границей несколько книг: «Potestas clavium (Власть ключей)» (1923), «На весах Иова (Странствования по душам)» (1929), «Афины и Иерусалим» (1938), а также французскую книгу о Киркегоре[90].

Из других философских книг, имеющих не отвлеченный, а скорее жизненный или публицистический интерес и вместе с тем обладающих высокими литературными качествами, назовем: «На пиру богов» о. С.Булгакова (1921), написано еще в 1918 году, «Диалоги» Л.П.Карсавина (1923), «Сумерки Европы» Г.А.Ландау (1923), «Крушение кумиров» С.Л.Франка (1924), «О сопротивлении злу силой» И.А.Ильина (1925). Все эти книги каким-то краем касаются русской революции и поднятых ею проблем, что относится и к большей части вышеназванных книг Бердяева. Чисто политических книг мы здесь не называем.

---

[90] В Зарубежье почему-то оказалось принятым неправильное написание имени этого ныне столь прославленного датского философа, отца экзистенциализма, а именно — Киркегард. Киркегор был известен в России еще до революции, и тогда имя его писалось правильно.

ЧАСТЬ II

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА САМООПРЕДЕЛЯЕТСЯ
1925-1939 годы

Глава I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРИОДА

1. Расцвет конца 20-х — начала 30-х годов

Конец 20-х и начало 30-х годов были, несомненно, периодом расцвета зарубежной литературы — не «кажущегося», как однажды усомнился В.Ф.Ходасевич, а действительного. В этот период большинством старших писателей были созданы наиболее значительные, и во всяком случае самые крупные, их вещи. Между 1925 и 1935 годами Бунин издал «Митину любовь», «Солнечный удар», «Дело корнета Елагина», «Божье дерево» и «Жизнь Арсеньева» — последняя вещь, без сомнения, является вершиной его творчества. За то же время выпустили: Борис Зайцев — «Преподобного Сергия Радонежского», «Странное путешествие», «Афон», «Анну», «Дом в Пасси», «Жизнь Тургенева»; Шмелев — «Про одну старуху», «Свет разума», «Историю любовную», «Няню из Москвы», «Богомолье», «Лето Господне»; Ремизов — «Олю», «Звезду Надзвездную», «По карнизам», «Три серпа», «Образ Николая Чудотворца» (не считая ряда не собранных в книги более мелких вещей); Мережковский — «Мессию», «Тайну Запада», «Наполеона», «Иисуса Неизвестного»; Тэффи — «Городок», «Воспоминания», «Авантюрный роман», «Книгу-Июнь»; Алданов — «Чертов мост», «Ключ», «Бегство», «Десятую симфонию», «Земли и люди», «Портреты»; Куприн — «Колесо времени», «Юнкеров»; Цетлин — «Декабристов». На этот же период падает выход «Собрания стихов» и «Державина» Ходасевича, появление в журналах некоторых лучших прозаических вещей Цветаевой, первые беллетристические произведения Осоргина («Сивцев Вражек», «Свидетель истории», «Книга о концах»), первые шесть романов и книга рассказов Набокова-Сирина, «Повесть о пустяках» Б.Темирязева (псевдоним известного художника Юрия Анненкова), первые романы молодых прозаиков — Берберовой, Болдырева, Газданова, Зурова, Одоевцевой, Фельзена, Шаршуна, Яновского. В поэзии, помимо сборника Ходасевича и многочисленных, часто крупных, произведений Цветаевой, опубликованных в журналах, на эти годы приходится выход книжки стихов Георгия Иванова «Розы», наметившей новый этап в его поэзии, и расцвет молодой зарубежной поэзии, особенно явственный на фоне обозначившегося упадка поэзии в СССР. Появляются новые группировки молодых поэтов — «Перекресток» и «Кочевье» в Париже, «Скит поэтов» в Праге, «Кружок поэтов» в Берлине, поэтические содружества в Варшаве, Белграде и Таллинне (Ревеле), а также на Дальнем Востоке. Возникают журналы молодых — «Новый дом», «Новый корабль», «Числа» и «Встречи» в Париже, «Новь» в Таллинне, ряд изданий в Харбине и Шанхае (и даже в Сан-Франциско). В Париже вокруг Мережковских создается кружок «Зеленая лампа», в котором оживленно дебатируются не только литературные, но и религиозно-философские и политические вопросы, и где видную роль играет «молодежь», т.е. в большинстве поколение, родившееся на пороге века. «Зеленая лампа» — как бы ответвление литературно-политических журфиксов у Ме-

режковских на дому, где по старой традиции по воскресеньям бывает цвет парижской русской интеллигенции, включая ту же молодежь. Один из постоянных «молодых» посетителей «воскресений», Ю.К.Терапиано, вспоминая об этих встречах, говорит, что они «принесли большую пользу многим представителям "молодого поколения", заставили продумать и проработать целый ряд важных вопросов и постепенно создали своеобразную общую атмосферу» и что после смерти Мережковских «в этом смысле осталась пустота, и новые попытки создать что-либо подобное "воскресеньям" окончились неудачей, так как заменить Мережковских и их уменье вносить столько непосредственного интереса в собеседования было уже некому». Тот же представитель молодого поколения так характеризует публичные собрания «Зеленой лампы»:

«Мережковские решили создать нечто вроде "инкубатора идей", род тайного общества, где все были бы между собой в заговоре в отношении важнейших вопросов, — "воскресенья", и постепенно развить внешний круг "воскресений" — публичные собеседования, чтобы "перебросить мост" для распространения "заговора" в широкие эмигрантские круги...

Аудитория первых лет существования "Зеленой лампы" была очень чувствительной, очень нервной, обмен мнений между представителями двух поколений переходил иногда в жаркие споры, речи прерывались репликами с мест. Но за всем этим чувствовалась жизнь. Жизнь завелась сама собой в "Зеленой лампе", несмотря на умышленно отвлеченную литературную тематику первых собраний»[1].

На первом собрании «Зеленой лампы» вступительное сообщение об одноименном обществе, которое собиралось в начале XIX века у Всеволожского и в котором участвовал Пушкин, сделал В.Ф.Ходасевич, который в дальнейшем отошел от кружка и стал даже выступать против него и против Мережковских вообще. Первые доклады в «Зеленой лампе» были прочитаны М.О.Цетлиным («О литературной критике»), З.Н.Гиппиус («Русская литература в изгнании»), И.И.Бунаковым-Фондаминским («Русская интеллигенция как духовный орден») и Г.В.Адамовичем («Есть ли цель у поэзии?»). Стенографические отчеты о первых собраниях «Зеленой лампы» печатались в журнале «Новый корабль». Это было литературное начинание молодых: журнал редактировали Владимир Злобин, Юрий Терапиано и Лев Энгельгардт (напечатавший в «Новом корабле» два довольно бледных стихотворения и потом как будто совершенно исчезнувший с литературной сцены). Но за «Новым кораблем» стояли Мережковские — это сказывалось и во вхождении В.А.Злобина в редакцию, и в самом близком участии в журнале супругов Мережковских (З.Н.Гиппиус выступала в нем и как Гиппиус, и как Антон Крайний, и как Лев Пущин — так были подписаны некоторые ее заметки). Журнал просуществовал недолго — вышло всего четыре довольно тоненьких тетрадки (в 1927-1928 годах). В краткой заметке «От редакции» в первом номере говорилось, что журнал не принадлежит ни к каким литературным школам и ни к каким эмирантским группировкам, но что у него есть своя родословная в истории русского духа и мысли: «Гоголь, Достоевский, Лермонтов, Владимир Соловьев — вот имена в прошлом, с которыми, для нас, связывается будущее» (в этом списке показательно отсутствие имени Пушкина, которого избрала как знамя своей культуры эмиграция в целом и смотреть на которого как на учителя одновременно призывала, например, «Русская мысль»

[1] См. Ю.Терапиано, «Встречи», стр. 46-47.

П.Б.Струве). Журнал утверждал свою сопричастность трагедии России («Несчастье нашей родины — наше несчастье. Но душа ее жива в нас, как во многих миллионах соотечественников, здесь и там») и требовал для эмиграции «ясной цели» («Наш корабль не боится открытого моря. Но мы поняли, что нельзя достичь родных берегов без ясной цели»).

В «Новом корабле», кроме Мережковского (стихи, отрывок из «Наполеона», статьи) и Гиппиус (стихи, статьи и заметки), печатались Адамович, Ходасевич (одна статья — в защиту «кружковщины»), Н.М.Бахтин, молодые поэты (кажется, именно здесь впервые появилось имя А.С.Штейгера) и прозаики (два рассказа талантливого, безвременно погибшего Бориса Буткевича). Но, пожалуй, самым интересным в нем были отчеты о «Зеленой лампе», особенно о прениях по докладу З.Н.Гиппиус о зарубежной литературе.

Появляются в этот период новые идейные и политические течения, в которых видную или даже руководящую роль играет молодое поколение: младороссы, Национальный союз нового поколения (т.н. «нацмальчики», будущие «солидаристы»), «пореволюционное течение» (новый вариант национал-большевизма) с его органом «Утверждения», группа «Нового града», возглавляемая И.И.Бунаковым и Г.П.Федотовым, к которой тоже тяготеет часть молодых писателей. Некоторые молодые писатели влекутся к религиозно-философскому журналу «Путь», основанному в 1925 году и редактируемому Н.А.Бердяевым. Последний обнаруживает в эти годы необыкновенную творческую продуктивность (назовем здесь из его книг: «Философия свободного духа», «Христианство и классовая борьба», «Я и мир объектов», «Судьба человека в современном мире» и др.), и его писания на религиозно-социально-философские темы встречают большой резонанс и в русской и в иностранной среде (но и довольно сильное отталкивание у политически оформленной эмиграции как левой, так и правой). Бердяев — один из немногих русских эмигрантов, около которых создается единомышленное им или интересующееся их идеями иностранное (в данном случае французское) окружение. Впрочем, на пороге 30-х годов молодые писатели тоже делают попытки войти в общение с французской литературой. Молодой поэт и журналист Всеволод Фохт, один из редакторов недолго просуществовавшего журнала «Новый дом», совместно с редакторами малоизвестных французских журналов «France et Monde» и «Cahiers de la Quinzaine», организует Франко-русскую студию и устраивает публичные собрания с докладами на разные темы («Тревога в литературе», «Проблема Достоевского», «Достоевский и Запад», «Толстой», «Поэзия Поля Валери», «Взаимное влияние современной французской и русской литературы» и т.п.), причем обычно содокладчиками выступают русский и француз. Из знаменитых французов на этих встречах выступил Поль Валери, из известных — критик Рене Лалу и католический писатель Станислав Фюме. Очень многие известные зарубежные писатели посещали эти собрания и принимали участие в прениях[2]. Народу на собраниях бывало много, но по разным причинам затея оказалась нежизненной, и они вскоре прекратились. Другую попытку установить контакт с современной французской литературой и искусством сделал журнал «Числа», к которому мы еще вернемся, но и тут дело далеко не пошло, да и сам журнал просуществовал недолго.

Среди всех этих новых течений и явлений в зарубежной литературной жизни возвышаются по-прежнему, как некая литературная твердыня, «Совре-

---

[2] См. Robert Sébastien et Wsevolod de Vogt, «Rencontres. Soirées franco-russes des 29 octobre 1929 — 26 novembre 1929 — 18 décembre 1929 — 28 janvier 1930», Paris, 1930, где напечатаны отчеты о первых четырех собраниях.

менные записки», с 1932 года (когда закрылась «Воля России») единственный толстый литературно-политический журнал старого типа в Зарубежье. Твердыня не совсем неприступная: снаружи ее осаждает молодое поколение, внутри происходит некоторое брожение. Молодое поколение пробует конкурировать, создает свои, заведомо в противовес «маститым» «Современным запискам», упомянутые выше журналы, по большей части очень недолговечные (дольше всех — четыре с небольшим года, десять номеров — просуществовали «Числа»), но одновременно и проникает во все большем и большем числе внутрь самой крепости: к середине 30-х годов «Современные записки» перестают быть, по составу сотрудников, «маститым» журналом, хотя их и продолжают упрекать в литературном консерватизме. На их страницах с 30-х годов печатаются почти все парижские и многие непарижские молодые поэты и прозаики, а один из главных вдохновителей «Чисел» и ментор молодых поэтов Георгий Адамович подвизается и в «Современных записках», печатая чуть не в каждом номере литературно-критические статьи. О враждебности «Современных записок» к молодой литературе говорить совершенно нельзя. Но и внутри самой редакции «Современных записок» в 30-е годы обозначается все заметнее духовная трещина (см. об этом выше).

Только к концу 30-х годов возникает в Зарубежье второй толстый журнал — «Русские записки», но возникает не как оппозиция «Современным запискам», а как их почти что двойник. Об этом журнале и его роли в зарубежной литературе будет сказано подробнее дальше, в связи с общей характеристикой предвоенного периода.

2. Писательские организации, издательства

Здесь надлежит также остановиться немного на организационном устройстве зарубежной литературы. Никакой объединяющей ее общезарубежной организации, подобной Союзу советских писателей, разумеется, не было, не могло и не должно было быть. Но во всех главных центрах русского рассеяния как в Европе, так и за океаном существовали Союзы русских писателей и журналистов, объединявшие всех деятелей литературы в местном масштабе. Обычно они возглавлялись видным писателем или журналистом (в Париже во главе союза стоял П.Н.Милюков, в Берлине — И.В.Гессен, в Праге одно время — маститый Вас.И.Немирович-Данченко). При глубоко идущем политическом разъединении и крайней взаимной нетерпимости, которые с самого начала характеризовали эмиграцию, разделяя ее на два сектора — «правый» и «левый» — и выражаясь в одновременном существовании двух параллельных рядов организаций почти во всех областях жизни (два — а позже и три — церковных прихода; две академических организации — Академическая группа и Академический союз и т.д.), поразительно, что раскол этот не коснулся литературы и что до самой войны в главных центрах Зарубежья просуществовали единые организации писателей и журналистов. Это тем более поразительно, что в эти союзы в большом числе входили сотрудники ежедневной печати, которая часто проявляла нетерпимость к инакомыслящим в самой крайней форме. Союзы писателей и журналистов, помимо заботы о некоторых профессиональных, юридических и иных интересах своих членов, исполняли по преимуществу благотворительные функции, помогая по мере сил нуждающимся литераторам (а таких было много и среди самых известных). До войны общезарубежного Литературного фонда не существовало, он возник уже позже, в Америке, в связи с условиями послевоенного времени в Европе. Помощь оказывалась местными союзами. В Париже, где был наиболее многочисленный союз, каждый год для сбора

средств устраивались писательские балы в гостинице «Лютеция», и здесь происходила встреча людей, которые политически были на ножах и личного общения между собой не имели, встречаясь лишь иногда на публичных собраниях и на некоторых панихидах и похоронах. Д.Аминадо в своих воспоминаниях рассказывает, как на одном из таких писательских балов, в виде особого аттракциона, редактора «Последних новостей» П.Н.Милюкова и редактора «Возрождения» П.Б.Струве, постоянно полемизировавших и в эмиграции лично почти не встречавшихся, усадили за шахматной доской (причем прибавим, что Струве, во всяком случае, в шахматы играть не умел), а знаменитый шахматный чемпион А.А.Алёхин изображал арбитра. Бессменным секретарем парижского Союза русских писателей и журналистов был В.Ф.Зеелер, и те, кому приходилось получать пособия и ссуды от союза, не забудут его предупредительной внимательности.

За все время существования эмиграции состоялся всего один всеэмигрантский писательский съезд (за то же время съездов ученых было по крайней мере пять). Он был созван в 1928 году в Белграде, и в нем участвовало большое число писателей и журналистов из разных стран. Съезд, явившийся своего рода литературным смотром, состоялся при материальной поддержке югославского правительства, участников его принимал король Александр, и многие русские писатели по случаю съезда были награждены сербским орденом св. Саввы. Практическим результатом съезда был интерес, проявленный в Югославии к изданию произведений зарубежных русских писателей. На средства, ассигнованные правительством, была при сербской Академии наук учреждена особая издательская комиссия, которая стала, под общим названием «Русская библиотека», выпускать ранее не изданные произведения зарубежных русских писателей. В этой серии вышли новые книги Бунина, Куприна, Мережковского, Шмелева, Ремизова, Гиппиус, Бальмонта, Амфитеатрова, Тэффи, Чирикова, Северянина и др. (молодых писателей это издательство почти не издавало). Другая серия, под названием «Детская библиотека», включала книги для детей: русские народные сказки, стихи и сказки Саши Черного и др. Целью этих детских изданий была борьба с денационализацией русских детей, на которую в то время было много жалоб, особенно во Франции.

В то же время количество издательств в Западной Европе, после изобилия их в начале 20-х годов, резко сократилось. Издание беллетристики сосредоточивалось главным образом в издательстве «Петрополис» в Берлине и при «Современных записках». Много ценного, главным образом в области философии и религиозной мысли, но отчасти и книг, имевших отношение к литературе, было издано издательством при Христианском союзе молодых людей (YMCA-Press). Возникшее при газете «Возрождение» издательство того же имени издавало беллетристические произведения своих сотрудников (романы Шмелева, Тэффи, Ренникова, Сургучева, Лукаша, собрание стихотворений Ходасевича), а также мемуары. Всего труднее, конечно, было молодым поэтам издавать свои стихи. Некоторых издавали «Современные записки» и «Петрополис», другим приходилось издаваться за свой счет или в кредит. Но тем не менее стихов выходило очень много и в Париже, и в других местах русского рассеяния.

В 1934 году Д.В.Философовым, проживавшим в Варшаве, был выдвинут проект создания Литературной академии русского Зарубежья с целью объединения и отбора эмигрантских писателей. По мысли Философова, все зарубежные писатели должны были быть разделены на три возрастные группы. Старшие, которые создали себе литературное имя еще в России, и должны были составить академию в собственном смысле слова. Почему-то их

оказалась чертова дюжина[3]. «Кандидатами» в академики были бы писатели, дебютировавшие еще в России, но «определившиеся» уже в эмиграции (сюда попадали Ходасевич, Алданов, Цветаева, Георгий Иванов, Игорь Северянин(?) и др.). Около них должна была группироваться «молодая поросль». Из этого довольно странного проекта академии, составленной по весьма произвольному возрастному признаку, ничего не вышло.

3. Споры о зарубежной литературе

С периодом расцвета зарубежной литературы совпал, как это ни странно, и период наиболее ожесточенных споров о ней, о самом ее бытии и смысле, сомнений в возможности и нужности ее существования. Этот затянувшийся на несколько лет и в сущности и до сих пор не прекратившийся спор начался примерно в 1926 году. В нем приняли участие и В.Ф.Ходасевич, который в 1927 году стал главным литературным критиком «Возрождения», и Г.В.Адамович, присяжный критик «Последних новостей», и редактор «Воли России» М.Л.Слоним, и проживавший в Праге литературовед и критик А.Л.Бем, и З.Н.Гиппиус, и многие другие. Эта тема явилась потом одной из главных тем журнала «Числа», к ней возвращались до конца 30-х годов и молодые и старшие писатели. Речь шла о самой возможности существования литературы в изгнании, в отрыве от родины, от русских тем, от развивающегося языка, и прежде всего о возможности смены для обреченного на смерть старшего поколения. К этому присоединился вопрос о темах эмигрантской литературы, об отношениях между «отцами» и «детьми» и — позднее — о соотношении между литературой «столичной», т.е. парижской, и «провинциальной», о притязаниях Парижа на гегемонию.

Попытку подвести некоторые итоги спору в самой первой его стадии сделал в одной из своих статей в «Современных записках» М.О.Цетлин, который редактировал в журнале отдел стихов[4]. Свою статью он начинал с того, что ему приходилось уже высказываться скептически о возможности появления в эмиграции достойной смены старшему поколению писателей-беллетристов (Цетлин явно хотел отделить последних от поэтов), ибо «очень многое мешает в Зарубежье здоровому росту молодого художественного дарования». Цетлин отмечал затем, что книг на эмигрантские темы, собственно говоря, еще не появилось, и писал:

> *«У скептиков есть сильные аргументы априори, у оптимистов — апелляция к робким еще литературным росткам, к еле намечающимся литературным фактам. Некоторые критики, ослепленные политическими страстями, распространяют свой скептицизм и на старшее поколение писателей-эмигрантов[5]. Но тут и априорные аргументы не на их стороне, и факты во всей неопровержимой полноте свидетельствуют об ином. Эмиграция означает не то же самое для писателя, созревшего в России, и для молодого эмигранта. Старшие писатели не нуждаются в эмигрантских темах. Один знаменитый беллетрист пошутил как-то над критиками, жалующимися на оскудение талантов за границей: "Почему, как только выехал из Белевского уезда, так и кончено, погиб талант. Нет, сиди смирно в Белевском уезде!"[6]. В шутке этой есть правда, и разумеется, писатели*

[3] Философов не включил в число академиков писателей-небеллетристов, например Шестова.

[4] «Эмигрантское», «Совр. записки», XXXII, 1927, стр. 435-441.

[5] Здесь, очевидно, имеется в виду М.Л.Слоним и та линия, которую занимала «Воля России», а может быть, и Д.П.Святополк-Мирский. — *Г.С.*

[6] Слова эти принадлежали И.А.Бунину. — *Г.С.*

старшего поколения не зачахли, выехав за границу. Но они принесли на подошвах комочек земли из своих уездов, унесли с собою родину. Ну а как же те, которые никогда ни в каком Белевском уезде не были, — заменят ли им Париж и Алжир, Китай и Константинополь — бесценные, художественно пережитые, живущие в душе, в художественной памяти белевские уезды?»

Цетлин приходил к выводу, что *не* заменят, что каждому писателю необходим его «Белевский уезд», что как для восприятия электрического тока нужен особый вольтаж, так и русский писатель приспособлен на русский вольтаж, на Россию:

«Только родная почва делает творчество писателя радиоактивным, а без этого — что́ ему все сокровища Голконды?!»

Дальше Цетлин поднимал вопрос о возможных «эмигрантских» темах для молодых писателей:

«Одну тему я вижу ясно и верю, что она еще будет использована, один роман ждет своего воплощения. Его заглавием или эпиграфом к нему я взял бы слова молитвы "хлеб наш насущный даждь нам днесь". Неужели никто и никогда не сумеет рассказать о героической борьбе за существование в чуждой обстановке, среди чужих людей, о сотнях разнообразных и неожиданных профессий, о скитаниях и приключениях, о нужде, о победе над жизнью и ужасных поражениях. Коммунисты мечтают о пролетарской литературе, об отражении в литературе труда. Каким парадоксом было бы, если бы повесть труда, фабричного, заводского труда, написал бы временный пролетарий из бывших "помещиков и белогвардейцев"... Если только возможно вообще отражение современного машинного труда в литературе, возможно оно скорее под пером бывшего гвардейца или адвоката, чем природного заправского пролетария, у которого привычка притупила восприятие его повседневной работы».

Указывая, что такого романа еще нет, что только кое-где и случайно мелькают черты этой темы, Цетлин восклицал:

«Почему это? Потому ли, что труд, современный, городской труд вообще не может быть художественно изображен? Потому ли что его можно только ненавидеть? Потому ли, что́ те, кто знает его на опыте, не имеют душевных сил и физического досуга для писательства? Или он будет изображен позже, людьми, освобожденными от его проклятия, как Достоевский на свободе описал Мертвый дом?»

И отмечая первые, предварительные, черновые наброски эмигрантской темы в произведениях некоторых писателей молодого поколения, Цетлин задавался вопросом: «Расцветут ли эти дарования, что будет питать их — эмиграция, воспоминания о России, фантазия?» И в заключение указывал на пользу, которую могла бы принести молодому писателю эмиграция, если бы она помогла ему «войти в литературную жизнь Запада и тем обогатить и осложнить свои приемы и формы», но должен был признать, что «увы! и этого нет».

Забегая вперед, скажем, что, хотя эмигрантская молодая литература (а отчасти и старшие писатели) дала немало произведений из эмигрантской жизни, тот роман, которого хотел дождаться Цетлин, так написан и не был. Косвенным ответом Цетлину послужил напечатанный в «Современных за-

писках» через три года роман Н.Н.Берберовой «Последние и первые», первое большое и настоящее литературное произведение на эмигрантскую тему, из трудовой эмигрантской жизни. В основе этого романа лежала проповедь бегства из города, от городского труда, и оседания на земле. Но изображения машинного городского труда в нем не было, и написан он был непролетарием из адвокатов или гвардейцев. Да и большинство парижских молодых писателей либо не имели к такому труду отношения, либо чурались его как темы.

Не произошло и настоящего стыка между молодыми писателями Зарубежья и литературной жизнью Запада. Поскольку отдельные из них в конце концов вошли в нее, они оказались более или менее потеряны для литературы русской.

Георгий Адамович, которого многие считали и считают самым тонким критиком в эмиграции, много писал о судьбах и смысле зарубежной литературы. Как у критика крайне субъективного, часто грешащего, с одной стороны, неискоренимой любовью к парадоксам, а с другой — стремлением «перетончить», у него можно найти много противоречий и неувязок. Но, если упрощать, можно все же сказать, что взгляд Адамовича на зарубежную литературу, в которой он сам играл большую роль и как критик, и как поэт, и как — главное — наставник молодых поэтов, был пессимистический.

В одной из своих очередных критических статей в «Последних новостях» (11 июня 1931 года) Адамович привел отрицательный отзыв Горького о зарубежной литературе (старые писатели, мол, исписались, а новые бледны и похожи на перевод с третьестепенного французского оригинала). Не подписываясь под этим отзывом, Адамович и сам склонен был смотреть скептически на будущее зарубежной литературы. Он протестовал против тех, кто приклеивает ярлык «пораженца» всем отказывающимся верить, что Сирин — эмигрантский Лев Толстой, а Газданов — Достоевский. Но, говоря так, Адамович, путем намеренного преувеличения, высмеивал защитников зарубежной литературы. Сам он отвергал ссылки на французскую эмиграцию как на пример возможности существования литературы в изгнании, указывая (и исторически он был прав), что французская эмиграция не была так разобщена с Францией, как русская — с Россией. Литература, утверждал Адамович, не может питаться ни только воспоминаниями, ни только воображением, «ей нужна помощь жизни». Внешне жизнь не дает помощи молодым зарубежным писателям, а потому они ищут и находят выход в крайнем увлечении «психологизмом», в уходе в самих себя. Адамович приводил слова, сказанные ему одним молодым писателем: «Если я буду писать о внешнем, я в нем растворюсь, я перестану существовать». Возвращаясь к той же теме две недели спустя и допуская, что замечательный писатель (очевидно, как исключение) *может* появиться в зарубежной литературе, Адамович вместе с тем утверждал уже более решительно, что эмигрантская литература в целом «обречена». Причину этого он видел в том, что у нее нет «пафоса общности». В этом, говорил он, невыгода ее положения по сравнению с литературой советской. Задача зарубежной литературы скромная — «додержаться до лучших дней», то есть до возвращения в Россию. Тему о «пафосе общности» Адамович развил и дополнил в статье «О литературе в эмиграции» в «Современных записках» (L, 1932, стр. 327-339). Пафос общности, которого недостает зарубежной литературе (и которого, по Адамовичу, у нее и не может быть), нужно искать в литературе советской, где нетрудно различить пафос искренний и поддельный:

«Есть в некоторых новых русских книгах увлечение подлинное. Оно возникает от того, что один советский беллетрист назвал "упразднением праздности", от вкуса к работе и от бодрости, которая вместе с работой к человеку приходит. Еще: от направления "вперед", взятого сейчас Россией...»

Здесь неважно, прав ли Адамович в своем анализе советского «искреннего пафоса»[7] — важно то, что он этот пафос, отличающий советскую литературу от зарубежной, усмотрел. Об эмигрантской литературе Адамович повторял, что она должна «додержаться». Он даже признавал, что она уже дала замечательные произведения, что в ней не заметно «снижения» по сравнению с дореволюционным уровнем, что лучшие книги Бунина, например, написаны в эмиграции. Но все же, писал он, она «не живет, а скорее "влачит существование", грустное и томительное». Новым был упрек, который Адамович бросал зарубежной литературе, — в том, что она не сумела наладить «разговор с Россией»:

> *«...наша литература свободна. Ей надо было бы этой свободой воспользоваться. Она прошла через все, что бывает дано людям видеть и испытать... и какой мог бы у нее сложиться разговор с Россией, если бы только она пожелала и сумела говорить! И какая возникла бы связь!»*

Дальше этих восклицательных фраз Адамович не пошел; из чего такой разговор состоял бы, как он возник бы, почему вина за невозникновение лежала на эмиграции — он не объяснил, если не считать указания на то, что такой разговор предусматривал бы принятие всяких «поправок» к революции, «любого пересмотра» — со стороны эмиграции. Что это значило, было непонятно[8]. Год спустя в статье на ту же тему («Посл. новости», 7 сентября 1933) Адамович писал довольно туманно и витиевато о том, что эмигрантская литература «еще не вплетается в мировой оркестр», что она «еще ничего не говорит», но кончал статью призывом не отмахиваться «презрительно и брезгливо» от советской литературы, хотя сам не раз делал это, говоря о том, как советская литература скучна и примитивна.

Как это ни странно, Адамович стал проявлять особый интерес к советской литературе в годы первой пятилетки и в начале периода социалистического реализма, когда для некоторых других зарубежных критиков отчетливо наметился упадок этой литературы. Так, А.Л.Бем в одной из своих статей в «Руле» в начале 30-х годов писал, что если до конца 20-х годов советская литература показывала большую жизненность, была интересна своими исканиями новых форм, и по сравнению с ней литература зарубежная казалась худосочной, то после 1928 года (одним из последних интересных произведений советской литературы Бем считал вышедшую в 1927 году «Зависть» Олеши) положение изменилось в пользу эмигрантской литературы, в которой появились и новые имена, и новые веяния. Это изменение положения отразилось в 30-х годах на критической деятельности самого Бема, на темах его статей. Интересно, что в 1931 году в ответах на анкету одного из недолговечных эмигрантских изданий,

---

[7] При желании в этих и дальнейших рассуждениях на ту же тему можно увидеть зародыш тех настроений, которые после войны привели Адамовича к приятию — на расстоянии — советского режима, сотрудничеству в течение нескольких лет в просоветских «Русских новостях» и к «оправданию» — если не прославлению — Сталина в книге, написанной для французов: «L'Autre Patrie», Paris, 1947 (см. стр. 316-320).

[8] Больше чем двадцать лет спустя, в статье «Одиночество и свобода», являющейся как бы введением к его книге критических этюдов о зарубежной литературе («Одиночество и свобода», Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1955), Адамович снова возвращался к этой мысли, несколько варьируя ее, но опять без всяких пояснений: «...жаль становится все-таки, что диалога с Советской Россией в эмигрантской литературе не наладилось. Или хотя бы — монолога, туда обращенного, без надежды и расчета на внятный ответ, с одним лишь вычитыванием между строк в приходящих оттуда книгах» (стр. 22-23). Адамовичу можно было бы ответить, что в каком-то смысле многое, если не все, в зарубежной литературе является «монологом», обращенным туда и остающимся без ответа, а также, что «вычитывание между строк» и без того шло все время. Но ведь он все время с наивным упрямством настаивал на «разговоре», на *диалоге*, а это совсем не то. Для диалога необходимы две стороны с одинаковой волей к разговору.

выходившего в Париже двухнедельника «Новая газета», о «самом замечательном произведении русской литературы последнего пятилетия» несколько из отвечавших назвали произведения советских авторов. Впрочем, только четверо из ответивших на анкету десяти писателей старшего и младшего поколения без колебаний остановили свой выбор на одной книге: двое (Осоргин и Сосинский), назвали «Взвихренную Русь» Ремизова, один (Цветаева) — «Охранную грамоту» Пастернака и один (Юрий Фельзен) — отрывки из напечатанных в «Числах» романов Шаршуна[9].

Одним из главных и наиболее последовательных противников Адамовича был В.Ф.Ходасевич, который в 1925-1926 годах печатал литературно-критические статьи и заметки в газете «Дни», а с 1927 года и до самой своей смерти был главным литературным критиком «Возрождения», где напечатал несколько сот статей и заметок историко-литературного характера (в том числе особенно много о Пушкине) и о текущей литературе, как советской, за которой он внимательно следил, так и зарубежной (мало было писателей в эмиграции, произведения которых Ходасевич не рассмотрел бы в «Возрождении»)[10].

Как критик — а после 1927 года он смотрел на себя прежде всего как на критика, и здесь было главное поле его деятельности — Ходасевич был во многом полной противоположностью Адамовичу. Он мог быть (и бывал) несправедлив; он слыл — и заслуженно — критиком суровым и язвительным, иногда, в полемике, беспощадным. Но в нем не было капризной субъективности Адамовича. Он был последователен, его критическим высказываниям предлежали твердые теоретические понятия и исторические знания. Его сильной стороной как критика было именно органическое сочетание определенных воззрений на литературу с историческим подходом. Ходасевич мог ошибаться, с его взглядами (особенно некоторыми резко отрицательными суждениями) можно не соглашаться, но у него не было, как у Адамовича, семи пятниц на неделе, ему не случалось на протяжении короткого времени менять свои взгляды на 180 градусов, как случалось Адамовичу (в отношении хотя бы Есенина, Гумилева, Брюсова, Цветаевой). У Ходасевича не было иллюзий насчет реального состояния зарубежной литературы — он вообще не впадал в иллюзии, был склонен к пессимизму — но он считал скептическое отношение к самой возможности существования эмигрантской литературы теоретически несостоятельным. Трагедию эмигрантской литературы он видел в другом — не в том, что она эмигрантская, а в забвении ею своего «эмигрантства». С наибольшей полнотой и последовательностью эта точка зрения была выражена им в статье «Литература в изгнании»[11], из которой необходимо поэтому привести довольно длинные выдержки. Ходасевич отбрасывал мрачные предсказания насчет зарубежной литературы, исходившие из ее отрыва от национальной почвы:

«Национальность литературы создается ее языком и духом, а не территорией, на которой протекает ее жизнь, и не бытом, в ней

[9] См. «Новая газета», № 3, 1 апреля 1931 года. Четыре запрошенных писателя (Бунин, Зайцев, Алданов и Георгий Иванов) отказались отвечать на анкету. Из ответивших двое — Шмелев и Ремизов — дали пространные ответы, но ни одного произведения не назвали. К интересному ответу Ремизова мы еще вернемся в другой связи. Трое назвали по несколько книг: Куприн — и зарубежные и советские («Солнечный удар» Бунина, «Защиту Лужина» Сирина и «Растратчиков» Катаева), Ладинский — только советские, Поплавский — только зарубежные, в том числе «Розы» Георгия Иванова.

[10] Начиная с 1924 года, как уже упоминалось, Ходасевич был и постоянным сотрудником «Современных записок», но чисто критических статей он там печатал мало. К сожалению, по условиям работы над настоящей книгой я не имел доступа ко всем статьям Ходасевича в «Возрождении». О Ходасевиче как критике когда-нибудь будет написана монография.

[11] «Возрождение», 4 мая 1933 года. Перепечатано в его книге «Литературные статьи и воспоминания», Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1954, стр. 255-271. Эта же статья была напечатана по-польски в журнале «Przegląd Współczesny».

отраженным. Литературные отражения быта имеют ценность для этнологических и социологических наблюдений, по существу не имеющих никакого отношения к задачам художественного творчества. Быт, отражаемый в литературе, не определяет ни ее духа, ни смысла. Можно быть глубоко национальным писателем, оперируя с сюжетами, взятыми из любого быта, из любой среды, протекающими среди любой природы».

Ходасевич дальше приводил случаи, когда «именно в эмиграциях создавались произведения не только прекрасные сами по себе, но и послужившие завязью для дальнейшего роста национальных литератур»: шли ссылки на Данте, на литературу французской эмиграции, «определившую весь дальнейший ход французской словесности», на польскую эмиграцию, на еврейскую поэзию, «отнюдь не утратившую своего бытия с прекращением еврейской национально-политической жизни»[12].

Теоретически доказать невозможность эмигрантской литературы нельзя, утверждал Ходасевич. Ее бытие не только вполне возможно, но и фактически подтверждается существованием зарубежной русской литературы. Но Ходасевич тут же вносил оговорку, констатируя «прискорбнейшее явление» ущерба этой литературы:

«Да, журналы и книги еще издаются, но с каждым днем их становится меньше. Да, писатели еще пишут, но количественный и качественный уровень их писаний понижается... Напряженность литературной жизни приметно падает... С год тому назад один критик, М.Л. Слоним, даже не без торжества провозгласил уже будто бы состоявшийся "конец эмигрантской литературы". Этот конец... казался ему неизбежным следствием того обстоятельства, что эмигрантская литература не может существовать вообще. Я позволю себе выдвинуть несколько иное положение: если русской эмигрантской литературе грозит конец, то это не потому, что она эмигрантская... а потому, что в своей глубокой внутренней сущности она оказалась ***недостаточно*** *эмигрантской, может быть, даже вообще не эмигрантской, если под этим словом понимать то, что оно должно значить. У нее, так сказать, эмигрантский паспорт, — но эмигрантская ли у нее душа? — вот в чем с прискорбием надлежит усомниться».*

Ходасевич дальше доказывал, что верные слова о задаче эмиграции как хранительницы русской литературной традиции были с самого начала неправильно истолкованы, что литературный консерватизм смешали с литературной реакцией, тогда как «дух литературы есть дух вечного взрыва и вечного обновления»: хранить традицию — значит наблюдать за тем, чтобы «взрывы происходили ритмически правильно, целесообразно и не разрушали бы механизма», а «литературный консерватор есть вечный поджигатель: хранитель огня, а не его угаситель». В непонимании этого Ходасевич укорял старшее поколение зарубежной литературы. Этой литературе он бросал обвинение в том, что она «не сумела во всей глубине пережить собственную свою трагедию», что она «словно искала уюта среди катастрофы, покоя — в бурях, и за то поплатилась: в ней воцарился дух благополучия, благодушия, самодовольства — дух мещанства».

Ходасевич обвинял также писателей старшего поколения в глубоком без-

---

[12] Отметим здесь, что Ходасевич, отец которого был поляком, а мать польской еврейкой, воспитанной в католической вере, прекрасно знал польскую поэзию и прекрасно переводил еврейских поэтов, особенно Бялика и Черниховского.

различии к отвлеченным вопросам литературы, в том, что «ни один из них ни разу не попытался воздействовать на ее течение, выдвинув те или иные принципы художественного творчества», упрекал в равнодушии, а иногда и опасливо-завистливом отношении к молодежи. Поэтому, говорил он, молодежь не нашла учителей в эмиграции и стала искать образцов отчасти в прошлом, отчасти у иностранцев, что ей теперь ставится в вину — «как будто вся русская литература не училась у иностранцев». Говоря о мотиве одиночества и заброшенности у молодых писателей, особенно поэтов, Ходасевич отчасти приписывал его тому, что «в недрах самой эмиграции молодая литература не обрела себе родины».

Другую трагедию уже всей зарубежной литературы Ходасевич видел в отсутствии настоящего читателя. Статью свою он заканчивал на мрачной ноте:

«Блок перед смертью сказал, что Россия слопала его, как глупая чушка — своего поросенка. Может быть, недалек тот день, когда всей зарубежной литературе придется сказать о себе, что Россия зарубежная съела ее примерно таким же образом. По-видимому, эмигрантская литература, какова бы она ни была... в конечном счете оказалась все же не по плечу эмигрантской массе. Судьба русских писателей — гибнуть. Гибель подстерегает их и на той чужбине, где мечтали они укрыться от гибели».

В статье Ходасевича сказались свойственный ему пессимизм, его многими засвидетельствованная озлобленность, может быть, и сознание собственного творческого бессилия. В сущности, в своем пессимизме он шел гораздо дальше Адамовича. Но если его пессимистические прогнозы имели под собой основание, то нарисованная им столь черными красками картина зарубежной литературы едва ли соответствовала действительности и в смысле общей «продукции» (мы недаром в начале этой главы охарактеризовали конец 20-х и начало 30-х годов как период расцвета), и в отношении положения младшего литературного поколения — тех, кого З.Н.Гиппиус называла «подстарками», ибо молодыми их можно было назвать лишь условно. Выше уже говорилось, что с 1926 года эти «молодые» писатели нашли себе приют и поощрение в «Воле России», что к 30-м годам почти все они проникли и в «Современные записки». К ним прислушивались, их и не думали замалчивать, обо всех них постоянно давали отзывы и те же Адамович и Ходасевич, и другие критики. В течение четырех с небольшим лет эти молодые писатели имели свой, роскошно издававшийся, иллюстрированный снимками с произведений искусства журнал — «Числа». Журнал был чисто литературный: молодые сознательно — и наперекор некоторым своим доброжелателям из старшего поколения — изгнали из него политику. «Числа» устраивали вечера, которые собирали публику и привлекали немало внимания. Рядом с «Числами» (и еще до них) существовал «Союз молодых поэтов и писателей», который выпускал свои сборники, где печатались и стихи, и проза, и критические статьи «молодых». Сборник выпускал и кружок «Перекресток», в котором объединились некоторые парижские поэты с несколькими белградскими и который в каком-то смысле находился под эгидой Ходасевича (в «Числах» царил Адамович — Ходасевич в них не сотрудничал). Существовал еще в Париже с 1928 года (и до середины 30-х годов он процветал) кружок «Кочевье», организованный по инициативе М.Л.Слонима. Он не имел своего печатного органа, но устраивал вечера в форме «устного журнала», на которых читались стихи и проза и давалась критическая оценка произведений текущей литературы, как зарубежной, так и советской. Про «Кочевье» говорили, что оно тяготеет к советской литературе (это было верно в отношении самого Слонима), но на собраниях его выступали многие из парижских поэтов и

прозаиков — сотрудников «Современных записок» и «Чисел». Та же оживленная литературная жизнь шла в эти годы и в провинции: в Праге выходили сборники «Скита поэтов», которым руководил А.Л.Бем. В Берлине «Кружок поэтов» печатал тетрадки со стихами своих членов. В Таллинне выходили интересно и разнообразно составлявшиеся сборники «Новь», где молодые писатели со всего Зарубежья печатали свои стихи, прозу и критические статьи. Наконец, неверно, будто бы книг выходило все меньше и меньше. Да, их было меньше по сравнению с ненормальным инфляционным периодом начала 20-х годов, когда литературным центром Зарубежья был Берлин. Но в 30-х годах их выходило больше, чем в 1925-1927 годах. Это верно и в отношении писателей старшего поколения, которые теперь больше писали (а почти все, что они писали, печаталось сначала в журналах, потом отдельными книгами — исключением был один А.М.Ремизов: между 1931 и 1948 годами не вышло ни одной его книги); верно это и в отношении «молодых» прозаиков, о которых будет речь ниже: Набокова, Газданова, Фельзена, Яновского, Берберовой — все они в 30-е годы выпустили по несколько романов. Это особенно верно в отношении стихов: по самому скромному подсчету только те поэты из младшего поколения, стихи которых потом вошли в антологии зарубежной поэзии, выпустили между 1927 и 1935 годами около пятидесяти сборников стихов. И нельзя ведь сказать, чтобы все эти стихи действительно заслуживали печатания.

Говоря об опасливом и завистливом отношении старших писателей к молодым, Ходасевич тоже несомненно преувеличивал. И столь же несомненно умалял собственную роль в руководстве молодыми парижскими поэтами, которые очень многим ему были обязаны, именно потому, что его всегда интересовали вопросы литературной теории и поэтического мастерства. Не менее значительная была и роль А.Л.Бема как руководителя «Скита поэтов» в Праге и как критика, который подвергал внимательному и доброжелательному разбору (в «Руле» и в варшавских газетах «За свободу» и «Меч») произведения молодых писателей, особенно поэтов. Сам теоретик литературы, Бем добросовестно выполнял ту функцию, которой требовал от писателей старшего поколения Ходасевич. При этом Бем не склонен был разделять пессимизма Ходасевича и Адамовича: в начале 30-х годов зарубежная литература представлялась ему полной жизненности и многообещающей. Несправедливыми покажутся упреки Ходасевича старшему поколению писателей, если мы припомним также приведенные выше слова Терапиано о значении, которое имели для молодого поколения «воскресенья» Мережковских и вечера «Зеленой лампы». Но дело в том, что тут влияние шло по линии, которая была не по душе Ходасевичу. То же самое можно сказать о благоволении, которое проявляли по отношению к молодым писателям М.Л.Слоним и М.А.Осоргин. Первый определенно считал, что будущее русской литературы — на советской стороне, а зарубежная литература обречена, и старался привить молодым интерес и вкус к советской литературе. Второй усиленно проповедовал аполитичность. Но повторяем: о небрежении старшего поколения зарубежной литературы к молодой смене говорить нельзя. Это едва ли верно даже в отношении отдельных «маститых» и заслуженных писателей, например, в отношении Бунина, которого часто обвиняли в холодности и равнодушии к молодым, между тем как он на самом деле поощрял таких писателей, как Зуров, Рощин, Галина Кузнецова, которых можно назвать его учениками. Ожидать от него поощрения тех, чьему направлению он совершенно не сочувствовал, едва ли можно было. Во всяком случае всякий, кто перелистает «Последние новости» за 30-е годы, воочию убедится в том, что

говорить о тогдашних «молодых» как о *незамеченном* поколении — значит явно противоречить фактам. Заодно можно убедиться и в том, что в 30-х годах в Париже шла оживленная литературная жизнь: собрания «Зеленой лампы», «Чисел», «Перекрестка», «Кочевья», диспуты о литературе и политике, о цели поэзии, об эмигрантской и советской литературе, чтение и обсуждение стихов — все это не говорит о литературном застое.

Что касается вопроса об отсутствии читателя (на эту тему также писал Георгий Иванов в «Числах»), то ответ на подобные жалобы дал (по другому, в сущности, поводу) А.М.Ремизов, когда он писал:

> *«Нет и не может быть такой оценки литературного произведения:* ***для кого оно написано****? Литературное произведение — дело жизни. Пишется не для кого и не для чего, а только для самого того, что пишется и не может не быть написано... Для писателя, когда он пишет, не существует никакого читателя...»*[13].

Адамовича с Ходасевичем разделяло не только неверие в саму возможность бытия эмигрантской литературы, но и отношение к поэзии вообще, к господствующему тону парижской поэзии в частности. Упрощенно и грубо это расхождение можно формулировать как, с одной стороны, требование от поэзии «человечности» (Адамович), а с другой — настаивание на мастерстве и поэтической дисциплине (Ходасевич). Или, в плоскости «персональной»: Толстой против Пушкина. Отчасти из этого проистекло, в полемическом задоре и потому не совсем основательно, противопоставление Ходасевичем поэзии «провинциальной» — поэзии парижской. Полемика на эту тему велась Ходасевичем и Адамовичем в 1935 году, уже после закрытия «Чисел», на страницах «Возрождения» и «Последних новостей», но то, против чего ополчался Ходасевич, было особенно ярко представлено в «Числах», и потому необходимо сначала охарактеризовать этот весьма примечательный журнал, а также сказать несколько слов о родственном ему журнале «Встречи».

4. «Числа» и «Встречи»

«Числа», которые называли себя не журналом, а «сборниками», выходили не очень регулярно. С 1930 по 1934 год вышло десять номеров по 250-300 страниц каждый, причем, благодаря двухстолбцовым страницам убористого шрифта в отделе заметок и рецензий, каждый номер умещал больше материала, чем казалось на первый взгляд. Первые четыре номера редактировались совместно Н.А.Оцупом и г-жой И.В. де Манциарли[14], следующие шесть — одним Оцупом. И внешне, и по содержанию «Числа» не похожи были на другие зарубежные издания. Они печатались на хорошей бумаге, не скупились на поля, заботились о красивых шрифтах и вообще о внешности, давали большое количество репродукций (в том числе в красках) либо на отдельных листах, либо в виде вклеек, так что наружностью напоминали немного петербургский «Аполлон». Критиками не раз эта красивая внешность ставилась «Числам» в вину. Это было, конечно, очень глупо, хотя в эстетизме «Чисел» была немалая доля снобизма. Но надо сказать, что эта

[13] «Для кого писать», «Числа», 1931, № 5, стр. 284.

[14] Никакого другого следа г-жа де Манциарли в зарубежной русской литературе не оставила. В «Числах» было напечатано несколько коротких статеек ее — путевые очерки Индии, заметка о Кришнамурти. По-видимому, она была теософкой и была связана с редакцией французского журнала «Cahiers de l'Etoile», который первое время значился издателем «Чисел» (потом он прекратился). Отсюда, очевидно, шли первоначально средства, на которые издавались «Числа». Впоследствии «Числа» выражали благодарность ряду частных лиц за материальную поддержку.

изысканно-эстетическая внешность «Чисел» плохо вязалась с их проповедью простоты и «человечности» в литературе и особенно в поэзии. Но дело тут было не только во внешности, а и в чисто эстетическом интересе к передовым течениям в искусстве. Здесь мы подходим к тому, что по содержанию отличало «Числа» от других тогдашних зарубежных изданий. Это было, с одной стороны, изгнание политики из журнала, а с другой — внимание, наряду с литературой, к искусствам несловесным — к живописи и скульптуре, к музыке и танцу, и то место, которое уделялось современным течениям в искусстве Запада (включая литературу). Статьи о музыке Артура Лурье и Николая Набокова, о балете — Сергея Лифаря, о живописи — ряда известных французских художников и художественных критиков, не говоря о статьях на те же темы молодых русских поэтов и писателей (Поплавского — о живописи, Раевского — о музыке и т.д.), составляли отличительную черту «Чисел». Почти в каждом номере, в разнообразно, хотя немного и случайно составленном критико-библиографическом отделе, помещались отзывы о французских книжных новинках. Появлялись и общие статьи о западной литературе и искусстве (Юрия Фельзена о Прусте и Джойсе, Сергея Шаршуна о встрече с Джойсом, Цветаевой и М.Кантора о Гете, Г.П.Федотова о Вергилии, В.В.Вейдле о Ренуаре и т.п.). Журнал провел также несколько анкет среди писателей и художников, на которые отозвались, в числе других, Бунин, Шмелев, Ремизов, Алданов, Осоргин, Цветаева, Набоков-Сирин, Георгий Иванов. Темами анкет были: место Пруста в новейшей литературе и его значение для русской литературы, мнение писателей о собственном творчестве, «упадок» современной русской литературы, современная живопись, место Ленина в истории.

Изгнание политики из «Чисел» вызвало полемику внутри самого журнала: в защиту политики выступила З.Н.Гиппиус (и она, и Мережковский сначала очень благоволили к журналу), а ей отвечал как редактор Н.А.Оцуп. Этому же вопросу был посвящен один из вечеров «Чисел», на котором «политику» защищал Д.С.Мережковский, а среди возражавших ему был П.Н.Милюков. Среди молодых писателей аполитичность «Чисел» встречала сочувствие. Справа видели в ней проявление советофильских настроений, но это было неверно: советофильства в «Числах» не было. В дальнейшем журнал последовательно воздерживался от касания к текущей политике и напечатал лишь одну, но зато очень интересную, статью на общие философско-политические темы («По ту сторону правого и левого» С.Л.Франка). Но в отдельных литературных статьях проскальзывала тенденция оправдать внесение политики в литературу.

По составу сотрудников «Числа» отличались от «Современных записок», прежде всего поскольку в отделе беллетристики в них почти начисто отсутствовали «светила» зарубежной литературы и наиболее популярные у читателя писатели. Исключениями были Гиппиус (рассказ «Перламутровая трость»), Ремизов («Индустриальная подкова»), Мережковский (отрывки из двух его, правда, не чисто беллетристических книг) и Борис Зайцев, который поместил в «Числах» часть своего перевода дантевского «Ада». Зато не было ни Бунина, ни Куприна, ни Шмелева, ни Алданова, ни Осоргина, ни Набокова-Сирина[15]. Преобладали в отделе беллетристики молодые писатели, ко-

---

[15] Все они были представлены, однако, в ответах на анкеты. Отзывы об их книгах были по большей части положительные, иногда даже преувеличенно и неискренне лестные. Только о Бунине появилась очень резкая и злая заметка (по поводу его вечера воспоминаний), подписанная неожиданным на страницах «Чисел» и подчеркнуто политическим именем В.И.Талина (он же Ст.Иванович, псевдоним С.И.Португейса, известного социал-демократического публициста, сотрудника «Последних новостей» и «Современных записок»). Да в № 2/3 был напечатан анонимный «Букет любителя прекрасного на грудь зарубежной словесности», где продернули и Бунина, и Ходасевича, и Степуна, и Вейдле за найденные у них языковые «перлы».

торые уже успели зарекомендовать себя на страницах других журналов или отдельными книгами (Газданов, Варшавский, Одоевцева, Яновский, Сосинский, Буткевич). Рассказы или отрывки из романов напечатали в «Числах» несколько авторов, известных до тех пор главным образом стихами (Ладинский, Поплавский, Раевский, Гингер, Бакунина). Но попадались и имена совсем или почти новые: Шаршун (отрывки из трех различных романов, из которых два вскоре были изданы), Фельзен (отрывки из «Писем о Лермонтове»), Агеев (начало «Романа с кокаином»), Алфёров, Щербинский, Татищев, Валентин Самсонов (на редкость слабый рассказ, напечатание которого трудно понять и объяснить). Почти все эти новички хорошо были встречены критикой, особенно Агеев и Алфёров.

Отдел стихов, которым в каждом номере уделялось не меньше двадцати страниц, был тоже предоставлен главным образом «молодому» поколению (наряду с Гиппиус и некоторыми представителями поколения «среднего» — Георгием Ивановым, Адамовичем, Оцупом, Цветаевой). Не было Бальмонта, зато был Игорь Северянин, хотя в том же номере о его стихах эмигрантского периода был довольно жестокий отзыв самого редактора «Чисел». Среди молодых поэтов преобладали парижане, но попадались и иногородние — берлинские (Раиса Блох, М.Горлин), прибалтийские (Игорь Чиннов, Юрий Иваск, Н.Белоцветов), дальневосточные (Н.Щеголев).

В обширном отделе критики и философской публицистики участвовали З.Н.Гиппиус (и как Гиппиус, и как Антон Крайний), Адамович, Оцуп, Федотов, Шестов, Бицилли, Вейдле, Георгий Иванов, Цветаева, Григорий Ландау (в том числе его очень известная и вызвавшая большие толки статья «Тезисы против Достоевского») и др. Но и в этом отделе приняли деятельное участие младшие поэты и беллетристы (Терапиано, Фельзен, Варшавский, Газданов, Яновский, Поплавский, Юрий Мандельштам, Кельберин, Раевский, Алфёров и др.) — как общими статьями о литературе, искусстве и философии, так и многочисленными и часто интересными рецензиями на русские и иностранные книги. Несомненные критические способности при этом обнаружили Терапиано и Фельзен, а среди непарижан обратил на себя внимание Н.Андреев (Таллинн-Прага), выдвинувшийся затем как критик уже после войны и в «Числах» отзывавшийся главным образом на советскую литературу, к которой в эти годы, отчасти с легкой руки Адамовича, отчасти под влиянием Слонима, парижане стали проявлять интерес.

«Числа» вызвали много откликов, как приветственных, так и поносительных. О них писали, им посвящали собрания не только в Париже, но и в Праге, в Таллинне, в Шанхае и Харбине. Приветствовали их по преимуществу как «молодое» начинание, открывающее дорогу молодым. Обрушивались на них за их «упадничество», за их «снобизм», за их «аполитичность», за «распущенность» их прозы. Кое-что в этих упреках было справедливо. Но едва ли правильно было говорить о каком-то едином литературном лице «Чисел», как говорили и друзья и недруги их. Было в «Числах» много такого, что отличало их и от «Современных записок», и от «Воли России», но это были признаки скорее отрицательные. Был общий молодым сотрудникам полемический задор и довольно большое самомнение, но эта тенденция встречала осуждение со стороны старших сотрудников журнала (так, Адамович назвал одну из статей Поплавского, в которой подводились итоги спора вокруг «Чисел», «хвастливой истерикой»). Единой положительной программы, идейной или литературной, у «Чисел» не было. В редакционной вступительной заметке к первому номеру говорилось в очень общих словах о катастрофическом мироощущении нашего времени:

«Война и революция, в сущности, только докончили разрушение того, что кое-как еще прикрывало людей в XIX веке. Мировоззрения, верования — всё, что между человеком и звездным небом составляло какой-то успокаивающий и спасительный потолок, — сметены или расшатаны,

"И бездна нам обнажена"».

В не менее общих выражениях намечалась вытекающая из этого мироощущения главная тема журнала:

«У бездомных, у лишенных веры отцов или поколебленных в этой вере, у всех, кто не хочет принять современной жизни такой, как она дается извне, обостряется желание знать самое простое и главное: цель жизни, смысл смерти. "Числам" хотелось бы говорить главным образом об этом».

Критики потом говорили, что о смерти говорилось в «Числах» гораздо больше, чем о цели жизни.

Не было в «Числах» и единства критических высказываний. Какое-то общее «направление» лишь смутно намечалось у некоторых авторов. Так, критики «Чисел» в общем сходились в отталкивании от творчества Набокова-Сирина, которое они находили пустым и никчемным. Но в то время как более молодые — Терапиано и Варшавский — признавали при этом блестящее дарование Сирина, Георгий Иванов объявлял его пошляком и «самозванцем», а Зинаида Гиппиус — писателем «посредственным». Оглядываясь назад, принято говорить о «Числах» как о наиболее законченном выражении так называемой «парижской ноты» в поэзии. Но такой единой парижской ноты в природе не было, и «Числа» одинаково охотно печатали столь различных парижских поэтов, как Ладинский и Поплавский, как Раевский и Мамченко, как Терапиано и Червинская, как Штейгер и Кнут. Но верно, что и в отделе стихов и в критике (как в «Комментариях» Адамовича, так и в критических заметках молодых сотрудников) сильно пробивался этот «парижский голос» (один из хора парижских голосов), из-за которого и возник упомянутый выше спор между Адамовичем и Ходасевичем.

«Встречи» возникли еще до закрытия «Чисел» и окончили свое существование почти одновременно с последними: последняя, десятая, книга «Чисел» вышла в июне 1934 года, а «Встречи» начались в январе и кончились в июне того же года. Это был журнал гораздо более скромный, без всяких претензий на программу, без иллюстраций, небольшого объема (страниц 50 в каждом номере), ежемесячный. Редактировали его Г.В.Адамович и М.Л.Кантор, бывший редактор «Звена». Журнал печатал стихи, рассказы, критические статьи, заметки о литературе, театре, живописи, музыке и кино. В каждом номере появлялись «Размышления Педанта» (Г.Л.Лозинского) — заметки о грамматике и языке вообще. Состав сотрудников был близок к составу сотрудников «Чисел», но более узок и однообразен. Поэзия была представлена главным образом «молодыми» парижскими поэтами и в придачу к ним — Цветаевой, Георгием Ивановым и Оцупом. Под рассказами тоже были подписи преимущественно младших писателей (из старших — только Ремизов и мемуарная проза Цветаевой), причем было и несколько новых имен (Л.Ганский, Кирилл Зноско-Боровский, П.Ставров, известный до того только стихами, и Р.Пикельный, который был и художественным критиком «Встреч»). В отделе литературной критики главными сотрудниками были Адамович, Бицилли, Вейдле и Кантор, но было и несколько заметок, написанных младшими писателями. Среди критических статей обращали на себя внимание статья В.В.Вейдле «Сумерки стиха» и две статьи М.Л.Кантора о

двух привлекавших внимание и кое в чем похожих друг на друга писателях: Набокове-Сирине и Борисе Темирязеве. Статья о Набокове была в общем хвалебная и содержала немало тонких и верных наблюдений о теме «памяти» в творчестве Набокова. Статья о Темирязеве (о его романе «Повесть о пустяках», о котором будет сказано ниже), озаглавленная «Волк в овечьей шкуре», поражала своей резкостью.

Особняком стояли во «Встречах» статьи З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковского в двух первых номерах. После этого ни тот, ни другая не появлялись больше в журнале, хотя статья Гиппиус предусматривала продолжение: она писала о воскресных встречах у них в доме в Петербурге и в Париже и о проникавшем их духе свободы. Статья Мережковского была озаглавлена «Антисемитизм и христианство» и содержала недвусмысленное осуждение антисемитизма. Начав с того, что вопрос об антисемитизме и христианстве может быть разрешен только в плоскости религиозной, Мережковский приходил к такому выводу: «Друг Израиля не может быть нехристианином; христианин не может быть врагом Израиля. *Антисемитизм есть антихристианство абсолютное*» («Встречи», 1934, 1, стр.15). Редакция «Встреч» обещала вернуться к этому вопросу в других статьях, но обещание это не было исполнено.

«Встречи», следуя примеру «Чисел», организовали среди своих сотрудников анкету по вопросу о личности и обществе, который — писала редакция — «поставлен сейчас самой жизнью с небывалой остротой». В № 3 «Встреч» были напечатаны ответы на эту анкету четырех молодых зарубежных писателей: В.С.Варшавского, Б.Ю.Поплавского, Ю.К.Терапиано и Юрия Фельзена. Все в разных словах и с разной степенью ясности и отчетливости выступили в защиту личности против порабощения ее коллективом, будь то коммунизм или национал-социализм. Наиболее решителен был ответ Фельзена, который писал: «Я думаю, личность надо отстаивать против любых на нее посягательств — государства, толпы, корпораций и “вождей”, и верю в конечную ее победу». Несколько иначе, но не менее ясно по существу выразился Терапиано: «Бороться с коллективом одиночка вправе лишь тогда, если он борется за то, чтоб сохранить в себе образ и подобие Божие». В ответе Варшавского прозвучала антикапиталистическая нотка и мотив банкротства демократии, а ответ Поплавского был, как всегда, высокопарен и немного сумбурен. Анкета должна была быть продолжена, но продолжения не последовало.

5. Полемика Адамовича и Ходасевича о поэзии

Спор между Адамовичем и Ходасевичем о поэзии, хотя и возник в связи с поэзией эмигрантской — и даже более узко — парижской, выходил в сущности за ее рамки и шел на фоне того «кризиса поэзии», который признавался всеми. Адамович видел причину этого кризиса в кризисе культуры и распаде и разложении личности. «Мало-мальски пристальное вглядывание в европейскую культуру... убеждает в глубокой болезни личности, в мучительном ее распаде и разложении», — писал он. От поэзии, по его мнению, требовалось предельно правдивое и самоуглубленное отражение этого кризиса и распада культуры и личности — отражение прямое, непосредственное, без всяких формальных ухищрений, без всякой поэтической мишуры. Лучшее в парижской поэзии казалось Адамовичу воплощенным в стихах тех поэтов, которые, не заботясь о «мастерстве», о форме, старались с предельной простотой и обнаженной правдивостью говорить о том, что больше всего задевало их. Провозглашалось первенство интимной дневниковой поэзии

над хорошо сделанными произведениями поэтического искусства. Лучше бессвязный, задыхающийся и прерывистый шепот, выражающий искренние и глубокие переживания, чем любые звонкие или отточенные стихи. «В искалеченных строчках Червинской творчества больше, чем в грубых самоцветных подделках Голенищева-Кутузова», — формулировал это положение Адамович, возражая на одну из статей Ходасевича (поэзия Лидии Червинской особенно часто приводилась как пример безыскусственной, непосредственной, «человечной» поэзии). Ходасевич насмешливо говорил о молодом парижском поэте, которого в образец ставил Адамович, как о «лже-Прометее, прикованном к столику монпарнасской кофейни»: «Не коршун терзает его внутренности, а томит его скука. Он наказан не за похищение небесного огня, а именно за то, что он никакого огня не похитил, а не похитил потому, что ленив и непредприимчив». И Ходасевич обращал к молодым поэтам призыв: «Пишите, господа, хорошие стихи».

Спор шел, конечно, вовсе не о темах поэзии, не о пессимизме и оптимизме. Ходасевичу и в голову не приходило оспаривать право парижских поэтов на «пессимизм» — его собственная поэзия была проникнута глубоким пессимизмом. За три года до спора, о котором идет речь, в 1932 году, Ходасевич, возражая тем, кто обвинял молодую эмигрантскую поэзию в «упадочнических» настроениях, писал:

> *«...уныние, отмечаемое как поэтический импульс, не должно влиять на оценку самой поэзии... требовать от поэта радужных настроений так же странно, как требовать от живописца, чтобы он непременно изображал хорошую погоду...»*

Ходасевич признавал, что у молодой зарубежной литературы есть все основания, и вечные и временные, порождаемые эпохой, кутаться, говоря языком начала XIX века, «в душегрейку новейшего уныния». Спор между ним и Адамовичем, повторяем, шел не об этом, не о законности темы смерти или разочарования или уныния, а о том, достаточно ли для того, чтобы признать стихи хорошими, чтобы они были искренним выражением «человечных» эмоций, или же нужно еще что-то, что делает стихи не просто предельно искренней дневниковой записью или признанием, а стихами, поэзией, то есть искусством. В конечном счете правота в этом споре была на стороне Ходасевича, из чего вовсе не следует, что стихи, которые защищал Адамович, не были поэзией; их предельная простота, «беззащитность» и безыскусственность, на которые напирал Адамович, часто были лишь видимыми, напускными. Это во всяком случае можно утверждать о стихах Георгия Иванова, которые были образцом для многих парижских поэтов того типа, который особенно полюбился Адамовичу. Следует поэтому говорить не столько о принципиальном разногласии между Адамовичем и Ходасевичем, сколько о непоследовательности Адамовича, теоретические положения которого расходились с оценочными критериями. Как сказал — совершенно безотносительно к спору 1935 года (в статье памяти Ходасевича) — В.В.Набоков, «самые purs senglots* все же нуждаются в совершенном знании правил стихосложения, языка, равновесия слов» и «поэт, намекающий в неряшливых стихах на ничтожество искусства перед человеческим страданием, занимается жеманным притворством». Набоков имел в виду — и так и писал — что «говорить о “мастерстве” Ходасевича бессмысленно — и даже кощунственно по отношению

* Искренние рыдания (*франц.*). — *Ред.*

к поэзии вообще, к его стихам в резкой частности». Но в статье Набокова был и намек на споры 30-х годов, когда он писал:

> *«Ощущая как бы в пальцах свое разветвляющееся влияние на поэзию, создаваемую за рубежом, Ходасевич чувствовал и некоторую ответственность за нее: ее судьбой он бывал более раздражен, чем опечален. Дешевая унылость казалась ему скорее пародией, нежели отголоском его "Европейской ночи", где горечь, гнев, ангелы, зияние гласных — было все настоящее, единственное, ничем не связанное с теми дежурными настроениями, которые замутили стихи многих его полуучеников»*[16].

6. «Пореволюционные» течения. «Утверждения», «Новый град», «Круг»

В 30-е годы тема двух поколений, тема «отцов и детей» стала одной из идеологических «доминант» Зарубежья. Было много разговоров о т.н. «пореволюционном сознании». В новых формах была сделана попытка возродить сменовеховско-евразийское «приятие» революции. На политическую арену выдвинулись разные «пореволюционные» течения, вербовавшие своих сторонников среди молодого поколения эмиграции и во главу угла своей деятельности ставившие более или менее критическое отношение к «отцам» независимо от того, к какому из политических лагерей они принадлежали. Отталкивание шло одинаково и от левого «демократического» лагеря, и от правого, связанного с Русским общевоинским союзом, т.е. с Белым движением (тут большую роль сыграло похищение большевиками в 1930 году главы Общевоинского союза ген. А.П.Кутепова, а через несколько лет и его преемника ген. Е.К.Миллера). На всех «пореволюционных» течениях сказывалось, с одной стороны, разочарование в том, что было сделано и делалось для борьбы с большевизмом старшим поколением, а с другой, фашистские настроения в Европе: в той или иной степени симпатиями к итальянскому фашизму или, по крайней мере, отрицательно-враждебным отношением к т.н. «формальной демократии» были окрашены почти все «пореволюционные» течения. Из них политически наиболее видную роль играли младороссы и «нацмальчики» (Национальный союз нового поколения). Но и те и другие — а особенно вторые — принадлежат скорее к политической истории эмиграции, и в истории зарубежной литературы уделять им особое место не приходится. Можно только отметить, что младороссы, которые свою «пореволюционность» выражали в противоестественном лозунге «Царь и советы», склонны были ориентироваться на советскую литературу (принадлежность к младороссам одного из самых талантливых и своеобразных молодых поэтов, бар. А.С.Штейгера, была случайным фактом его биографии и с его литературной деятельностью никак не была связана, хотя в некоторых кругах он любил свое «младоросство» афишировать). Но существовала еще группа, которая именовала себя просто «пореволюционным течением», и она сыграла роль в зарубежной литературе в широком смысле слова благодаря выпускавшемуся ею в 1931-1932 годах журналу «Утверждения»[17] и некоторому общему влиянию на молодое поколение.

«*Утверждения*» называли себя органом «объединения пореволюционных течений». Главным вдохновителем этого журнала был как будто кн. Ю.А.Ширинский-Шихматов, который в эти годы часто выступал на разных собраниях в Париже от имени эмигрантской «молодежи». К нему примыкали Я.М.Мень-

---

[16] В.Сирин, «О Ходасевиче», «Совр. записки», LXIX, 1939, стр. 263.

[17] Если не ошибаемся, вышло всего три номера.

шиков (сын небезызвестного нововременского публициста) и П.С.Боранецкий, незадолго до того приехавший из Советской России и быстро создавший себе известность демагогическими устными выступлениями в Париже, в которых он равно громил демократов и социалистов налево и «белогвардейских активистов» направо. Его имя и отчество были символичны — Петр Степанович. Недурной портрет его, не называя его фамилии, а величая его все время по имени-отчеству и тем подчеркивая параллель с персонажем из «Бесов», нарисовал в «Числах» Георгий Иванов в очерке «О новых русских людях» (№ 7/8, стр. 184-194). Но сотрудниками «Утверждений» оказались и некоторые видные, притом весьма разношерстные, представители старшего поколения эмиграции: Н.А.Бердяев, Е.Д.Кускова, близкий к «Современным запискам» Ф.А.Степун и принадлежавший к умеренно-правому сектору Зарубежья сотрудник «Возрождения» Н.С.Тимашев. Близок к «пореволюционному течению» и к «Утверждениям» оказался и недавний советский дипломат-перебежчик, занявший очень двусмысленную позицию, — С.В.Дмитриевский. В каком-то смысле духовным отцом журнала был Н.А.Бердяев, а основную линию его можно было бы охарактеризовать словом «бердяевщина»: сравнительно незадолго до того это слово было употреблено на страницам «Современных записок» Ф.А.Степуном, протестовавшим против некоторых уклонов мысли Бердяева, а теперь оказавшимся его соседом и в значительной мере единомышленником в «Утверждениях». Обе первые книжки «Утверждений» открывались бердяевскими «открытыми письмами к пореволюционной молодежи», и на писаниях многих сотрудников журнала чувствовалось влияние Бердяева. Своей задачей журнал ставил объединение «пореволюционных» течений эмиграции. Сюда относились евразийство, национал-большевизм, национал-максимализм (был и такой) и т.д. Общие основы «пореволюционного» мировоззрения формулировались довольно неопределенно: примат духовного начала над материальным, устроение жизни на основе христианской правды, всечеловеческая миссия России, будущее устройство России как синтез дореволюционных и «пореволюционных» начал.

Давая отзыв о первых двух книжках «Утверждений», один из редакторов «Современных записок», В.В.Руднев, писал, что всё это «мысли не новые, приемлемые для многих людей и “дореволюционного” сознания, но очень уж общие», между тем как «соблазнительная эволюция евразийства показала, что весьма широкие идеологические линии сами по себе ни от какого срыва не предохраняют: решает судьбу общественного течения конкретная недвусмысленная программа политическая».

Правда, стоя на весьма левой позиции в социальном вопросе, отрицая в корне и обличая буржуазно-капиталистический строй, журнал вместе с тем говорил о своей «непримиримо революционной» позиции в отношении коммунистического строя в России. При этом в журнале проскальзывали симпатии к фашизму, к «корпоративно-кооперативной организации общества», к «идеократии» (один из сотрудников «Утверждений» ввел новый термин «идеоправство», другой — позже заподозренный в том, что он был большевицким агентом, — говорил о «синтекратии»). Во всяком случае, если журнал и не проповедовал открыто фашизм, «формальную демократию» он обличал недвусмысленно (без особенного жара на страницах тех же «Утверждений» ее защищал Степун). Под всем этим Руднев правильно тогда же усмотрел те самые соблазны, которые повели к разложению евразийства:

«Очевиден главный соблазн, угрожающий на этом пути: опасность издалека принять за органический процесс то, что, быть может, есть лишь навязанная русскому народу личина, соблазн от простого признания

факта незаметно перейти к его историческому и политическому оправданию».

Соблазн «фактопоклонства» (выражение, которое любил употреблять П.Б.Струве по отношению к «приемлющим» революцию, а позже по отношению к русским поклонникам Гитлера) был несомненно налицо в «Утверждениях». В.В.Руднев резко отвергал риторику Н.А.Бердяева и «утвержденцев» о «вселенском размахе» (выражение Бердяева) и дерзновении воли новых жизненных слоев русского народа «к устроению более совершенного социального уклада». Эта риторика казалась ему «издевательством над лютыми страданиями порабощенного народа». Он писал:

«Неприятное, почти болезненное впечатление производит мистический экстаз, в который впадают иные из "молодых" сотрудников "Утверждений" по случаю трагического положения России; народы России, пророчески вещают они, становятся во главе эпохи великих свершений. Россия — новый всемирно-исторический центр, единственная надежда возможного возрождения и преображения человечества, она спасет мир, укажет ему новые пути, раскроет новые возможности».

В статье некоего И.Степанова (кажется, бывшего евразийца) в № 2, которую Руднев характеризовал как «циническую» и «морально нестерпимую», оправдывались чуть ли не все большевицкие деяния вплоть до принудительного труда и террора («мы не задумываемся над потоками крови, пролитой во имя России»). Руднев все же видел «значение и ценность» «Утверждений» в том, что они «дают выход процессу какого-то еще смутного духовного брожения, происходящего в известной части эмигрантской молодежи». В гласности этого процесса ему виделся «залог скорейшего отделения здорового зерна из груды пустой или недоброкачественной шелухи»[18].

Как и сменовеховцы и евразийцы в свое время, «утвержденцы» проявили большую активность в эмиграции, особенно во Франции и, если не имели большого и длительного успеха, то все же сумели воспользоваться царившим в это время в некоторых кругах эмиграции разбродом, который все усиливался по мере катастрофического развития событий во второй половине 30-х годов, для внесения смущения в умы молодежи.

О том, что духовное брожение и «бердяевщина» затрагивали не только молодое поколение, свидетельствует такое начинание, как «*Новый град*», хотя этот журнал в какой-то мере ориентировался тоже на молодежь. Возник он тоже в 1931 году, но просуществовал до 1939-го, выходя непериодически и не очень часто (всего вышло 14 номеров). Редактировали его И.И.Бунаков, Ф.А.Степун и Г.П.Федотов (последний именно в эти годы, как сотрудник «Современных записок», «Нового града» и — позже — «Новой России» А.Ф.Керенского, выдвинулся как один из самых блестящих публицистов Зарубежья). Среди сотрудников «Нового града» были многие видные религиозные философы: Н.А.Бердяев, о. С.Булгаков, Н.О.Лосский, Б.П.Вышеславцев. В первом номере в ярко написанной (Г.П.Федотовым) вводной статье объяснялись название и задачи журнала. В старом городе становится невозможно жить, — писали «новоградцы». — Мир потрясается кризисами. Буржуазно-капиталистический строй идет к упадку. Демократия обнаружила свое бессилие справиться с социальной проблемой. Бессильна будет она и предотвратить новую мировую войну: «Серный

---

[18] См. «Совр. записки», 1931, XLVII, стр. 524. О «пореволюционных течениях» вообще и об «Утверждениях» в частности см. в интересной, но несколько однобокой книге В.С.Варшавского «Незамеченное поколение» (Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1956), вышедшей уже после того как настоящая книга была написана.

дождь уже падает на кровли и башни родного Содома. Нам запрещено даже оглядываться, чтобы не застыть соляным изваянием отчаяния». Но отчаянию предаваться не следует. Культура еще не кончается. Из старых камней можно еще построить по новым планам Новый град на месте старого. На очереди разрешение социальной проблемы, которую не могут разрешить ни фашизм, ни коммунизм. Будущий строй «новоградцы» обозначили неопределенным словом «трудовой». Их идеал можно было бы охарактеризовать как «христианский социализм», но ввиду известных исторических ассоциаций этого термина они предпочитали его не употреблять, а само понятие социализма казалось им «слишком многосмысленным». Редакционная декларация «Нового града» утверждала права личности и свободу, и этим журнал отмежевывал себя от «Утверждений». Но все же в первом номере «Нового града» было тоже много двусмысленного и соблазнительного, и, как отмечал тот же В.В.Руднев в длинной рецензии в «Современных записках», это особенно относилось к статьям Н.А.Бердяева и Ф.А.Степуна (оба, как мы знаем, были сотрудниками и «Современных записок», а Степун печатался там чуть не в каждом номере и был редактором беллетристического отдела). И Бердяев и Степун заняли в «Новом граде» позицию, которая была характерна для «пореволюционных» течений разных сортов, резко противопоставляя разлагающийся буржуазно-капиталистический мир — Советской России, которая несет какое-то «новое слово», причем, как правильно отмечал Руднев, в обличении грехов (действительных и мнимых) капитализма оба автора проявляли «пристрастную суровость», а по отношению к советской действительности — «непонятный оптимизм» и «изумительное благодушие». Как и «утвержденцы», Бердяев и Степун отвергали «формальную» свободу и демократию (для Степуна она все же «меньшее зло», Бердяев же отвергал даже относительную ценность гражданских и политических свобод). Что касается Советской России, то речь шла не только о «бесспорных» производственно-технических достижениях Советского Союза (на которых настаивал Степун), но и о том, что в России рождается «образ нового человека», что она выходит на новый путь духовного, культурного и социального творчества. К Бердяеву и Степуну оказывался близок и И.И.Бунаков, один из редакторов «Современных записок», уверовавший, по словам его товарища по партии и редакции, в то, что «большевики не заговорщицки захватили власть, а были вынесены к ней народной стихией» и что их власть «опирается на миллионы душ, слепо верующих в святость коммунистического учения»[19].

Руднев выражал реакцию огромного большинства зарубежного общественного мнения, как правого, так и левого, на занятую «Новым градом» позицию, когда называл «непереносным» постоянное стремление Н.А.Бердяева и Ф.А.Степуна приписывать большевикам «религиозную» природу, при помощи небольшого словесного ухищрения превращать большевизм в «*религиозное* утверждение *атеистической* цивилизации» (Степун). Но еще страшнее ему казался тот вывод, который из этого «невинного парадокса» делал в «Новом граде» Бердяев, утверждавший, что в России существует своя, особая «советская» свобода, которая, мол, выше свободы формальной, «буржуазной», ибо последняя равнодушна к истине. Руднев цитировал слова Бердяева о том, что молодые люди, приезжающие из СССР во Францию, «*задыхаются* здесь от отсутствия *настоящей* свободы, которую они ощущали в России», и говорил:

> *«... перед ужасом всего совершающегося в России нам трудно без очень тяжелого и горького чувства читать эти измышления об энтузиазме и*

[19] В.Руднев, рецензия на «Новый град» («Совр. записки», 1932, XLVIII, стр. 508).

религиозном пафосе у палачей, о неслыханной свободе коллективного творчества у обращенного в рабство народа»[20].

Возвращаясь к «Новому граду» через год после его возникновения, Руднев правильно отмечал, что этот журнал (который он называл «интересным и талантливо ведущимся») «оказался как бы общественно изолированным», что

> *«... оттолкнув от себя часть возможных друзей в среде демократии, приобретя сомнительной ценности союзников в лице всяких национал-большевиков, младороссов и сменовеховцев, "Новый град" объединил в отрицательном к себе отношении чуть ли не подавляющее большинство политически оформленной эмиграции».*

Руднев при этом формулировал «основной грех и основную беду» «Нового града» как «недостаточно отчетливое, а потому и соблазнительное отношение к результатам и перспективам большевицкого опыта в России и столь же соблазнительное отношение к основам "буржуазной" культуры — свободе, демократии, правовому государству»[21].

Правда, уже во втором номере «Новый град» поспешил в редакционном разъяснении заявить, что считает принципы формальной свободы «драгоценными завоеваниями культуры». Там же была напечатана статья Б.П.Вышеславцева против Бердяева и Степуна и в защиту «буржуазной демократии». Со своей стороны, Г.П.Федотов поспешил отмежеваться от приветствовавшего «Новый град» Устрялова. Но связанное с отвержением капитализма отрицание буржуазного правового строя и формальной свободы все же продолжало тяготеть над «Новым градом», и здесь к Степуну и Бердяеву примыкал И.И.Бунаков, что не без горечи отмечал Руднев[22].

Приветствие Устрялова «Новому граду» было не случайно. Руднев правильно говорил об опасности для «Нового града» «идейного сползания в сменовеховство». До этого, правда, не дошло, но зато со временем все резче стало обозначаться отсутствие в «Новом граде» внутреннего единства. Линию Бердяева, все более клонившегося к приятию русского революционного процесса, трудно было примирить с линией Федотова, для которого советская культура была воплощением варварства и который в предвоенные годы все больше проникался убеждением в духовной близости германского национал-социализма и советского коммунизма.

С «Новым градом» было связано и персонально и отчасти идейно одно литературное предприятие, в котором большую роль играли молодые писатели. Это было общество «*Круг*», выпустившее три альманаха под тем же названием в 1936-1938 годах. «Круг» был основан в 1935 году И.И.Фондаминским-Бунаковым для сближения между молодой литературой и теми религиозными мыслителями, которые группировались около «Нового града». Со стороны этих последних в собраниях «Круга», где обсуждались и религиозно-философские, и социально-политические, и литературные вопросы, дея-

---

[20] Там же, стр. 509.

[21] «Политические заметки (Еще о "Новом граде")», «Совр. зап.», 1932, L, стр. 438-439).

[22] Вполне отрицательно отнесся к «Новому граду» другой редактор «Современных записок», М.В.Вишняк. Не выступая против «Нового града» на страницах своего журнала, он в других изданиях («Последние новости», «Дни») высказался вполне откровенно. Но в своей статье о «Современных записках» в «Новом журнале» М.В.Вишняк не совсем точно говорит, что Руднев отнесся критически к «Новому граду» «только в частных разговорах»: приведенные выше цитаты из двух статей Руднева показывают, что это было не так. Подробное, хотя и одностороннее, изложение позиции «Нового града» можно найти в уже упомянутой книге В.С.Варшавского (см. выше, прим. 18).

тельное участие принимали, кроме самого И.И.Бунакова, все более тяготевшего в эти годы к православию (позднее он крестился), — Г.П.Федотов, К.В.Мочульский и монахиня Мария[23]. Из молодых поэтов постоянное участие в собраниях «Круга» принимали Ю.К.Терапиано, В.А.Мамченко, Л.И.Кельберин и Ю.В.Мандельштам. По словам одного из участников «Круга», идеей И.И.Бунакова было «обратить» души молодых поэтов. Но позиция Бунакова, Федотова и матери Марии встречала довольно упорное сопротивление со стороны писателей, которые отказывались стать на церковную точку зрения, и в прениях на собраниях «Круга», по словам того же его участника, намечались два лагеря: религиозно-философский и литературный. Но в альманахах «Круга» это раздвоение не сказывалось. Они носили преимущественно литературный характер. Страницы их пестрели хорошо знакомыми к тому времени именами парижских прозаиков — Фельзена, Яновского, Поплавского (посмертные отрывки из романа «Домой с небес»), Емельянова и др., и поэтов — Ладинского, Терапиано, Мамченко, Мандельштама, Гингера, Червинской, Ставрова и др. Некоторые молодые писатели выступали с критическими заметками. Из старших в «Круге» сотрудничали Г.П.Федотов (статья о зарубежной литературе), Г.В.Адамович, В.В.Вейдле, К.В.Мочульский, мать Мария. Одну статью напечатал В.Ф.Ходасевич, но он, видимо, стоял в стороне от этого начинания.

7. Спор о молодой эмигрантской литературе

В 1936 году в «Современных записках» появилось несколько статей на тему молодой эмигрантской литературы. Застрельщиком этого спора (впрочем, бывшего продолжением того, который велся раньше на страницах парижских газет) был молодой романист Гайто Газданов. В статье «О молодой эмигрантской литературе» («Совр. записки», 1936, LX, стр. 404-408), которую потом сочувствовавший и покровительствовавший молодым писателям Адамович назвал (в «Последних новостях») «гимназической писаревщиной», Газданов, подобно Белинскому в «Литературных мечтаниях», начал с того, что объявил, что молодой эмигрантской литературы просто не существует, что за шестнадцать лет она не дала ни одного сколько-нибудь крупного писателя. Впрочем, Газданов тут же привел в виде исключения Набокова-Сирина, но с оговоркой, что он «писатель вне среды, вне страны, вне всего остального мира» и «не имеет никакого отношения к молодой эмигрантской литературе». По мнению Газданова, условия для развития эмигрантской литературы были с самого начала на редкость неблагоприятные. Таких неблагоприятных условий или причин Газданов видел три: 1) недостаток читателей, 2) разрушение всех привычных гармонических схем, всех «мировоззрений», «миросозерцаний», «мироощущений» и 3) «отсутствие внутреннего морального зрения». Довольно неожиданно Газданов бросал молодым писателям обвинение в литературном консерватизме:

«Молодое поколение не получившейся эмигрантской литературы всецело усвоило готовые литературные и социальные принципы старших

[23] Урожденная Елизавета Юрьевна Пиленко, мать Мария была до революции известна в литературных кругах по фамилии своего первого мужа, Д.В.Кузьмина-Караваева. Акмеистическое издательство «Гиперборей» выпустило ее книгу стихов «Скифские черепки». Вторым браком она была замужем за казачьим деятелем и писателем Д.Е.Скобцовым-Кондратьевым. Разведясь с ним и постригшись в эмиграции, она свой монашеский подвиг совершала в миру, вся отдавшись работе среди эмигрантской бедноты. В 1937 году она выпустила книжку своих религиозных стихов. Арестованная во время войны немцами в Париже, она была отправлена в лагерь Равенсбрюк и погибла в немецкой газовой камере. До самого конца она проявляла большой героизм, поддерживая и ободряя заключенных вместе с нею. Ее стихов мы еще коснемся.

писателей эмиграции, принадлежащих в своем большинстве к дореволюционно-провинциальной литературной школе».

Культура и искусство, напоминал Газданов, понятия динамические, а в эмиграции движение остановилось, и продолжал:

«Зарождение литературных течений предполагает столкновение различных взглядов на искусство, лирику, поэзию, прозу. Этого столкновения тоже нет. Наконец, главное: творчество есть утверждение; и — по всей честности — этого утверждения нет. Конечно, и в эмиграции может появиться настоящий писатель... но ему будет не о чем ни говорить, ни спорить с современниками; он будет идеально и страшно один. Речь же о молодой эмигрантской литературе совершенно беспредметна. Только чудо могло спасти... молодое литературное поколение; и чуда — еще раз — не произошло. Живя в одичавшей Европе, в отчаянных материальных условиях, не имея возможности участвовать в культурной жизни и учиться, потеряв... всякую свежесть и непосредственность восприятия, не будучи способно ни поверить в какую-то новую истину, ни отрицать со всей силой тот мир, в котором оно существует, оно было обречено».

В статье Газданова, как правильно отметил в свое время Адамович, было много наивных и легковесных суждений. Но она была интересна и показательна своим безысходным пессимизмом. В следующей книге «Современных записок» появились два отклика на газдановскую статью: М.А.Алданова и В.С.Варшавского. Алданов («О положении эмигрантской литературы», «Совр. записки», LXI, стр. 400-409) вполне соглашался с тем, что молодая эмигрантская литература находится в очень тяжком положении. Больше всего, по его мнению, она страдает от бедности — «не в каком-либо фигуральном, духовном смысле, а в житейском, самом обыкновенном и очень страшном». Есть, конечно, и другие причины переживаемых ею трудностей. Но Алданов призывал не преувеличивать «оторванности от родной почвы». Как и Ходасевич до него, он ссылался на литературу французской и польской эмиграции. Конечно, прибавлял Алданов, «не каждый день рождаются Мицкевичи и Словацкие», и Мицкевич мог и не уехать за границу, но тогда не было бы в польской литературе ни «Пана Тадеуша», ни третьей части «Дедов». Русские писатели, много потеряв вследствие отрыва от родины, «выиграли свободу», утверждал Алданов. Этот огромный плюс все же перевешивает огромный минус:

«Самые восторженные поклонники советской литературы не станут все-таки серьезно утверждать, что она свободна. Мы же пишем, что́ хотим, как хотим и о чем хотим».

Алданов не отрицал, что и в эмиграции, как везде и всюду, есть «моральное давление среды», но

«... только несерьезный или недобросовестный человек может сравнить этот вид давления с тем, какой существует в Советской России... Социальный заказ для эмигрантской литературы существует лишь в весьма фигуральном смысле слова, в степени незначительной и не страшной. Социального же гнета нет никакого, как нет цензуры и санкций... Многие из нас, несмотря на всю тяжесть, все моральные и материальные невзгоды эмиграции, не сожалели, не сожалеют и, вероятно, так до конца и не будут сожалеть, что уехали из большевицкой России. Эмиграция — большое зло, но рабство — зло еще гораздо худшее».

Под этими словами Алданова, вероятно, подписалось бы в то время большинство и старших и молодых писателей.

Алданов кончал на той же ноте, с которой начал, — о материальных трудностях эмигрантского писателя, о необходимости для него (как, впрочем, и для многих европейских писателей) иметь «второе ремесло». При этом Алданову предносился один выход, который он тут же объявлял «нереальным»:

«Выходом из положения могло бы быть создание большого, меценатского, заведомо убыточного и очень убыточного издательского дела за границей. Но это, разумеется, "нереально". Эмигрантские deux cents familles — сомнительные регенты и пайщики сомнительных эмигрантских дел — давно исчерпали свой скромный запас интереса к искусству и вдобавок очень утомлены: они уже на прошлой неделе пожертвовали сто франков на что-то касающееся литературы».*

Немедленно вслед за статьей Алданова, с ее саркастической концовкой, была напечатана статья молодого писателя В.С.Варшавского «О прозе "младших" эмигрантских писателей» (Там же, стр. 409-414). Варшавский готов был согласиться с Газдановым насчет небытия молодой эмигрантской литературы, прибавляя:

«Что же, может быть, — тем лучше. Ведь современная русская литература оттого и потеряла наследство мирового первородства, что перестала быть литературой в условном смысле, тоже по не имеющему прямого отношения к "изящной словесности" вопросу о последней и решающей борьбе, предстоящей душе человека. И в России и в эмиграции достаточно писателей, пишущих много и прекрасно, но нет ни одного, который сказал бы что-то новое, насущно важное, о том, как надо смотреть на нашу жизнь, как бы в свете последнего Страшного суда совести, и которому бы мы поверили, как верим Толстому, Достоевскому, Блоку. Да, Блок был последним, как вечерняя звезда на мистическом небе России».

Самой разительной чертой молодой эмигрантской литературы представлялось Варшавскому источаемое ею чувство мучительного, безысходного одиночества, «жестокой тоски», проистекающей отчасти из социальной отверженности. Отсюда — лирическое визионерство, обращенность внутрь себя «в надежде там, на самом дне, найти желанную радость». Но чаще эмигрантский молодой писатель этой радости не находит, а приоткрывает «низменный подпольный мир души, темный хаос эротических кошмаров, навязчивых идей, развивающихся, как бред». Молодая эмигрантская литература, признавался Варшавский (автор рассказа под заглавием «Из записок бесстыдного молодого человека»), «больная литература». Эта литература «праведно непримиримо противостоит всяким попыткам принудить человека жить исключительно на "обобществленной" поверхности в своей жизни», но «трагедия ее героя, загнанного внутрь самого себя, заключается в безвыходности его одиночества». Слова героя романа Набокова-Сирина «Приглашение на казнь»: «Нет в мире ни одного человека, говорящего на моем языке; или короче: ни одного человека говорящего; или еще короче: ни одного человека», — представлялись Варшавскому выражающими доминирующую тему всей

---

* Вершители судеб (*франц.*). — *Ред.*

11-994

молодой эмигрантской литературы, самого мироотношения молодого эмигрантского писателя, отщепенца и парии в окружающей его среде.

В ответе на анкету, проведенную в 1931 году «Новой газетой» о «наиболее значительном и интересном» произведении русской литературы за последние пять лет А.М.Ремизов, не назвавший ни одного такого произведения, писал:

> *«Самым выдающимся явлением за пять лет для русской литературы я считаю появление молодых писателей с **западной закваской**. Такое явление могло произойти только за границей: традиция передается не из вторых рук, а непосредственно через язык и памятники литературы в оригинале. Для русской литературы это будет иметь большое значение, если только молодые русские писатели сумеют остаться русскими, а не запишут в один прекрасный день по-французски и не канут в тысячах французской литературы.*
>
> . . . .
>
> *Две темы современности: "хлеб" (люди работают всю жизнь, а не могут найти себе и угла, и нищенствуют) и "автономная мысль" (чем сильнее стук и строже ритм машины, тем мысль упорней и сама по себе), эти темы одинаковы на берегу ли океана в Европе, или на равнине в России...»*

Некоторые из молодых эмигрантских писателей, особенно парижских, несомненно подпали, как будет видно дальше, под влияние новейшей западноевропейской литературы (у отдельных писателей можно проследить влияние Пруста, Джойса, Кафки, Селина, Мальро). Странным поэтому кажется, что во всех разговорах о бытии и смысле эмигрантской литературы (в частности в выше цитированной статье Варшавского) специфически эмигрантские причины кризиса этой литературы так усиленно подчеркивались за счет тех общих для европейской литературы явлений, которые свидетельствовали о переживаемом ею глубоком кризисе. Странно тем более, что как раз в эти годы один из самых тонких зарубежных критиков, В.В.Вейдле, выпустил замечательную книгу о кризисе современного искусства, в том числе литературы (и в частности романа)[24]. На эту книгу отзывался в одной из своих критических заметок молодой зарубежный романист Юрий Фельзен (псевдоним Н.Б.Фрейденштейна). Резюмируя мысли Вейдле по поводу романа, Фельзен писал:

> *«... основной порок теперешнего романа и всех других родов искусства — падение творческой фантазии, ее замена то жизненным документом, то формальной изощренностью, иногда скучной подделкой под классический роман, нередко "монтажом", особенно в американской и советской литературе... Наиболее замечательный из романистов двадцатого века, Марсель Пруст, в огромной своей эпопее, наряду с чисто художественным вымыслом, передает эпизоды и душевные состояния чересчур биографические, документированно-точные, не преображенные вдохновенной писательской волей. Слишком пристальное внимание к своему "я" затемняет это самое "я", разлагает его на мельчайшие составные элементы, после чего творческий синтез уже невозможен. В результате происходит разрыв*

[24] Эта книга вышла первоначально по-французски под названием «Les Abeilles d'Aristée» («Пчелы Аристея») в 1936 году. Русское ее издание появилось позднее (1937) под названием «Умирание искусства». Книга была впоследствии переведена на английский язык. По-французски она была переиздана в 1954 году в значительно расширенном и переработанном виде.

между личностью творца и его творчеством, вытеснение, подавление творчества личностью творца, неверие писателя в свою "Dichtung", нежизненность, условность персонажей. Другой реформатор современного романа, Джеймс Джойс... вводит в свой роман подобие исповеди, "автоматическую запись", порой неотразимо убедительную. Но у читателя непрерывно сохраняется впечатление механизации творческого процесса, как и механизации душевного мира джойсовских героев. Такое же впечатление возникает при чтении многих произведений Пиранделло, Андрея Белого, Вирджинии Вулф... У всех этих лучших современных писателей, по мнению автора книги, одни и те же печальные свойства:* ***ощущение безвыходности, какой-то творческой бескрылости и чувство оторванности среди чуждого им, застывающего коснеющего мира***»[25].

Последние, подчеркнутые мною слова очень напоминают многое, что писалось о молодой эмигрантской литературе. Но Фельзен, который, впрочем, далеко не во всем был, видимо, согласен с анализом Вейдле, не обратил на это внимания и на эмигрантскую литературу этих выводов не переносил, хотя это само собой как будто напрашивалось.

Несколько более ранним комментарием к разговорам об эмигрантской литературе была статья Г.П.Федотова в «Современных записках» (LVIII), озаглавленная «Зачем мы здесь?», хотя Федотов ставил этот вопрос не в плоскости литературы, а в более общей плоскости, деля активную эмиграцию на три главных категории: военную, политическую и культурную (редакция журнала оговаривала свое несогласие с этим делением). Федотов упоминал о том, что многие — и особенно молодежь — пересматривают заново вопрос о своем пребывании в эмиграции, спрашивают себя, зачем они здесь, зачем они не на родине, чтобы работать для ее восстановления, чтобы защищать ее «от готовящейся военной грозы». По мнению Федотова, трудно оправдать пребывание в эмиграции для того, «кто отказывается от нравственного критерия, кто ставит свою деятельность в зависимость от утилитарных, политических или национальных соображений». Федотов утверждал «правду изгнанничества» и говорил, что оставшиеся в России тоже идут путем изгнания за правду, недаром существует там термин «внутренняя эмиграция», но что их изгнание «бесконечно тяжелее нашего». Для Федотова нищета, бездомность, отверженность, на которые так жаловались молодые писатели, были ценой, которую изгнанники платили за право на свободу, свободу мысли в первую голову. Он писал:

«*У нас нет ответственности, кроме как перед Богом и своей совестью. Мы не знаем, какие выводы будут сделаны из нашей правды. Не знаем и не должны знать. Редко в истории мысль имела право на такую свободу: право, завоеванное последней нищетой, бездомностью, изгнанием*».

Правда изгнанничества могла стать — но не стала — одной из тем зарубежной литературы. Это отчасти и имел в виду В.Ф.Ходасевич, когда он говорил, что эмигрантская литература была «недостаточно эмигрантской». В начале эмиграции было много разговоров о «миссии» эмиграции, о ее «посланничестве». У многих старших писателей это сознание осталось, но в их художественном творчестве оно не нашло отражения. Другие, и особенно публицисты, заговорили о «правде изгнанничества», о «правде антибольшевизма», но молодые писатели Зарубежья предпочитали говорить о той цене,

[25] См. Ю.Фельзен, «Умирание искусства» в альманахе «Круг», книга вторая, б.г. [1936], стр. 124-125.

* Поэзия (*нем.*). — *Ред.*

которую за изгнание им приходилось платить: уходить в себя или уходить совсем от современности и ее назойливых проблем.

8. Материальное положение зарубежной литературы

Писавшие о зарубежной литературе и старшие и молодые писатели так подчеркивали плачевность материальной стороны положения писателей-эмигрантов, что об этом надлежит сказать вкратце. Действительно, материальное положение писателей было хуже, чем какой-либо другой группы квалифицированной зарубежной интеллигенции. В наиболее выгодном положении были художники и музыканты, поскольку при наличии необходимых природных данных они могли непосредственно обращаться к публике той страны, где они жили. Ряд русских художников, и постарше и более молодых, прочно вошел в художественную жизнь Франции (Ларионов и Гончарова, Яковлев, Терешкович, Ланской и др.). То же самое происходило и в некоторых других странах. Рахманинов, Стравинский, Кусевицкий пользовались и престижем и доходами, которых у равноценных им писателей не было. Русские ученые в самых различных областях нашли себе применение на иностранном академическом поприще, а те, которым почему-либо это не удалось, имели часто возможность продолжать работу в связи с различными учреждениями, которые возникли в разных странах и поддерживались иногда соответствующими дружескими правительствами (русские курсы при Сорбонне, Русский народный университет в Праге, Научные институты в Берлине и Белграде, Богословский институт в Париже и мн. др., не говоря о русских учебных заведениях в Харбине). Писатели были в гораздо менее выгодном положении. Организационная помощь им могла быть оказываема либо в порядке благотворительности (на которую многим и приходилось рассчитывать), либо при помощи того чаемого, но нереального меценатского издательства, о котором писал Алданов. Орудием их был русский язык, закрывавший им тот прямой доступ к иностранной публике, который имели художники и музыканты. Русский книжный рынок, раздувшийся было в годы инфляции в Германии, с обеднением эмиграции или ее денационализацией (а поскольку она не беднела, она именно денационализировалась) все больше и больше сжимался. Существовать писательским трудом могли только те писатели, которых переводили на иностранные языки и которые в переводах имели успех. А таких было немного. В разные периоды своей деятельности к ним принадлежали М.А.Алданов и М.А.Осоргин, чьи романы имели большой успех в Америке. Что-то приносили переводы Бунину, Мережковскому, Зайцеву, Шмелеву, Ремизову, но немного. Совершенным исключением была Нобелевская премия Бунина, подогревшая интерес к нему и у читателей. На отношении иностранного читателя к писателям-эмигрантам сильно отражался и распространенный в европейской и американской интеллигенции «салонный большевизм», склонность сочувствовать большевицкой революции и относиться пренебрежительно к ее жертвам.

Молодым писателям, если они хотели оставаться в русской литературе, нечего было и думать о существовании на литературные заработки. Переводили их редко. Приходилось зарабатывать каким-то другим трудом, физическим или конторским, редко способствовавшим творческой работе, хотя и дававшим какой-то новый жизненный опыт, или уходить в литературу той страны, где они жили, что некоторые и делали, или же влачить полуголодное богемное существование. И все-таки материальному фактору едва ли следует придавать решающее значение. Не забудем о тягостях, с которыми чуть не до самого конца приходилось бороться Достоевскому.

9. *«Русские записки»*

Выше уже упоминалось, что в 1937 году в Париже возник второй большой литературно-общественный журнал «Русские записки» — возник не как оппозиция «Современным запискам», а более или менее как их двойник. В основании этого журнала лежала попытка перекинуть мост между столицей Зарубежья и его самой крупной по населению провинцией — или даже колонией — а именно Дальним Востоком. И почин журнала, и первоначальные средства на него шли с Дальнего Востока, и на обложке местом выхода были обозначены Париж и Шанхай. Но редакция журнала находилась в Париже, и выходил он «при ближайшем участии» тех же четырех лиц, имена которых фигурировали на обложке «Современных записок». В первых трех номерах журнала имелся особый отдел под названием «Дальневосточное обозрение» и участвовало несколько сотрудников с Дальнего Востока, но бóльшая часть имен — и литературных, и публицистических — были те же, что и в «Современных записках». С четвертого номера характер журнала изменился, он превратился в ежемесячный, связь с Шанхаем прекратилась, редактором стал П.Н.Милюков. Персональная связь с «Современными записками» сохранилась через М.В.Вишняка, который стал секретарем редакции «Русских записок», но, как он объяснил в уже упоминавшейся статье о «Современных записках» в «Новом журнале», он к этому времени отошел от редактирования «Современных записок», которое перешло всецело в руки В.В.Руднева (впрочем, и в 1938 и 1939 годах он продолжал сотрудничать в «Современных записках», только в двух последних книгах, 69-й и 70-й, не было напечатано — может быть, случайно — ни строки его). Главная разница между «Русскими записками» и «Современными записками» была в том, что новый журнал выходил гораздо чаще и довольно регулярно, а потому имел возможность более непосредственно откликаться на политические события, за быстрым ходом которых, однако, и ежемесячному журналу нелегко было угнаться. Кроме того, благодаря редактированию П.Н.Милюкова, «Русские записки» носили явно более «позитивистский» характер. Из постоянных сотрудников «Современных записок» заметно было отсутствие Ф.А.Степуна и менее близкое участие Г.П.Федотова и Н.А.Бердяева (но и тот, и другой, как и мать Мария, напечатали свои статьи; были также напечатаны две посмертные статьи Л.И.Шестова). Одним из гвоздей «Русских записок» были воспоминания П.Н.Милюкова о 1905—1906 годах — «Роковые годы». Из мемуарных произведений можно еще отметить воспоминания Б.К.Зайцева об Андрее Белом и А.Н.Бенуа и Сергея Лифаря о балете. В литературном отделе, составлявшемся разнообразно и по большей части из не очень крупных произведений, попадались порой новые имена (в частности дальневосточные в первых номерах), но большей частью это были имена уже знакомые, прочно утвердившиеся в зарубежной литературе. Проза была представлена Мережковским («Жизнь Данте»), Шмелевым (повесть «Иностранец»), Алдановым («Пуншевая водка», «Могила воина» и пьеса «Линия Брунгильды»), Ремизовым («Лунатики»), Зайцевым (рассказ «Гофмейстер»), Осоргиным («Детство» и «Юность»), Цветаевой («Пушкин и Пугачев», «Повесть о Сонечке»), Темирязевым (отрывок из романа «Тяжести»), а из более молодых — Сириным (три рассказа и пьесы «Изобретение Вальса» и «Событие»), Вадимом Андреевым («Повесть об отце»), Яновским («Портативное бессмертие»), Газдановым (начало романа «Полет» и рассказы) и рассказами Зурова, Кнута, Евангулова и др. Знакомыми — за небольшим исключением — были и имена под стихами (отметить надлежит несколько стихотворений Цветаевой). Среди критических статей, которых было немного, обращали на себя внимание статьи Гиппиус (о

Некрасове), Вейдле (о Тютчеве и об английской литературе), Мочульского (о Достоевском) и Адамовича (об Андрее Белом). В обширном отделе рецензий, кроме всегда интересных рецензий Бицилли, привлекло внимание одно новое имя: Сергей Осокин. Этим именем (псевдоним?) были подписаны многочисленные отзывы о сборниках стихов.

10. Предвоенные годы

Вторая половина 30-х годов прошла под знаком все растущего сознания приближающейся катастрофы. О «военной грозе» говорили много и в эмиграции. В своем отношении к Гитлеру и национал-социализму эмиграция разделилась. Разделение это отчасти шло по географическому признаку. Можно все-таки сказать, что бо́льшая часть политически оформленной эмиграции в западноевропейских странах относилась отрицательно к гитлеровской Германии, которая уже бросала зловещую тень от своей свастики на всю Европу. Во Франции среди организованной русской печати исключение составляло редактировавшееся в это время Ю.Ф.Семеновым «Возрождение», которое в основной своей редакционной линии ориентировалось на Гитлера как на потенциального спасителя Европы (и России) от коммунизма. Но и внутри самого «Возрождения» не было, конечно, по этому вопросу единомыслия (когда война разразилась в 1939 году, «Возрождение» переменило свою позицию на 180 градусов и оказалось лояльно-патриотичным по отношению к Франции). Много было разговоров в эти предвоенные годы и о позиции, которую должна занять эмиграция в случае нападения Германии на Советский Союз (возможность советско-германского соглашения до 1939 года предносилась немногим — гораздо более правдоподобным казался конфликт между Гитлером и Сталиным). Были пущены в ход термины «оборончество» и «пораженчество». «Пораженческие» настроения в эмиграции все же преобладали, ибо «пораженцы» были и среди тех, кто никаких симпатий к гитлеровской Германии не чувствовал, да и вопрос пока что ставился чисто теоретически, отвлеченно. Но все же именно на эти годы падает усиление, особенно среди молодого поколения, «возвращенчества»: во Франции и в некоторых других странах организуются из эмигрантов, при поддержке советских представителей, «союзы возвращенцев», которые зазывают молодежь в Россию. Некоторый успех эта пропаганда имела. Из молодых писателей вернулся в Россию пражский поэт, бывший сотрудник «Воли России», Алексей Эйснер. Уехала в Россию молоденькая дочь Марины Цветаевой, отец которой, Сергей Эфрон, принимал участие в деятельности Союза возвращения на Родину в Париже и был вынужден бежать в связи с темным делом об убийстве в Швейцарии бывшего советского агента Игнатия Рейсса. За дочерью и мужем (нехотя, и без всяких иллюзий) последовала в 1939 году и сама Марина Цветаева. Из известных фигур старшего поколения возвращенцем стал, как уже упоминалось, А.И.Куприн, а также художник И.Я.Билибин. Но широкого резонанса возвращенчество в эмиграции не имело. Движение это среди молодежи нашло отголосок в интересном, изданном по-французски, романе молодой писательницы Н.Д.Городецкой «L'Exil des enfants» («Изгнание детей»).

Но вообще говоря, происходившие в эти годы в мире события, хотя они и задевали русское Зарубежье, мало отразились в русской зарубежной литературе. Литература как таковая не реагировала на нависший над Европой призрак гитлеризма. Не занималась она почти и происходившим в это время в эмиграции брожением (роман Городецкой был одним из немногих исключений). Были, правда, отдельные произведения, в которых то, что происхо-

дило в это время в мире, как-то все же отразилось (например, рассказ Набокова-Сирина «Истребление тиранов», напечатанный в «Русских записках»). В очень общей форме, в виде усилившейся подземной струи какой-то тревоги, происходившее нашло себе отражение в парижской русской поэзии. Но за свидетельствами об отношении зарубежной литературы к тому, что происходило в мире, надо обратиться к высокой публицистике, в частности к нескольким интересным и блестящим статьям Г.П.Федотова в «Современных записках» и в «Новом граде».

В 62-й книге «Современных записок» (1936) была напечатана, например, статья Федотова «Тяжба о России». Федотов писал о том, что Россия знает грозящую ей опасность, что в предвидении войны она в спешном порядке кует национальное сознание, восстанавливает — «частично, кусками» — старую русскую культуру, делает попытки примирить массы с властью. Самое важное в современной России — человек, в нем ключ к пониманию настоящего и будущего. К сожалению, эмиграция не знает и не видит его, но она должна знать и видеть, чтобы не утратить всякое чутье России. Поэтому ей

«... остается гадать, склеивать мозаику из фрагментов рассыпающейся картины. Вести с собой вечную тяжбу за Россию, проверяя себя и себе противореча; на каждое "да" искать "нет". Это честнее, чем догматическое утверждение России чаемой, прекрасной мечты, которой, может быть, не соответствует никакая реальность...»

Вся статья Федотова была такой попыткой склеить из кусочков подлинный образ новой России, проверить одно толкование другим, на всякое «да» найти «нет». С одной стороны, «трупным воздухом тянет сейчас из России», там царят злоба и ненависть, там в подвиг возводятся предательство и доносы. Это картина дантовского ада, которую рисуют недавно бежавшие с Соловецкой каторги (проф. Чернавин и его жена, Иван Солоневич, М.Никонов-Смородин)[26]. С другой стороны, этой страшной картине противопоставляется изображение здоровья, кипучей жизни, бодрого труда, творчества. «Хулиганство сублимировалось в танцевальный запой. Школы подтянулись и дисциплинировались. Власть поддерживает моногамную семью, борется с абортами, с половой распущенностью... С этой стороны русскому народу не грозит гибель...», — писал Федотов. Итак, в России, с одной стороны, рабы, с другой — строители. В эмиграции ставка делается либо на тех, либо на других. Ставка на рабов — это ставка на ненависть и разрушение, ставка на строителей — ставка на примирение и созидательный труд. Федотов от себя предлагал сделать ставку на «молчальников», о которых он писал:

«На каждое из имен популярных строителей новой культуры можно назвать не одно имя, нам известное, человека, который мог бы быть в первых рядах, а кончает свою жизнь в потемках библиотеки или в канцелярии советского учреждения. Мы знаем философов, ученых, которые

[26] Рассказы супругов Чернавиных и Солоневича и о пережитом ими и вообще о Советской России, их книги и статьи (например, очерки Солоневича, печатавшиеся и в милюковских «Последних новостях» и в «Современных записках», — Солоневич только позднее примкнул к правому крылу эмиграции и занялся демагогической деятельностью, которая сильно способствовала разложению военной эмиграции) произвели большое впечатление и на эмиграцию, и на иностранное общественное мнение. Это особенно нужно сказать о супругах Чернавиных, принадлежавших к квалифицированной интеллигенции (он был ученым-ихтиологом, она — историком искусства). Они бежали с Соловков вместе с сыном с большими приключениями, на лыжах, в Финляндию. Если не считать перебежчиков из советских дипломатов и иных невозвращенцев, это были первые за долгое время случаи индивидуального пополнения рядов эмиграции идейными людьми.

не пишут книг, талантливых писателей, которые вдруг умолкли. Преклонимся перед жертвой, которая скрывается за их молчанием... Среди благородных молчальников есть, конечно, немало людей старых традиций, которые органически не смогли принять новую жизнь и замкнулись в кругу воспоминаний. Это доживающие себя. Их значение исчерпывается поддержанием внешнего культурного преемства между поколениями... Но мы знаем среди людей этого круга и таких, для которых опыт грозовых лет не прошел даром... Среди онемевших писателей есть люди совсем молодые, иной традиции, люди Октября, для которых пришла пора задуматься над смыслом жизни. Чудом дошедшие до нас "письма оттуда" рисуют очень молодую культурную среду, которая живет вечными вопросами духа. Может быть, это и не молчальники в полном смысле слова. Может быть, эти юноши, каждый в своей специальности, математике или теории искусства, пишут книги, как-то выражают себя. Но не до конца. Или говорят за четырьмя стенами, в тесном кругу друзей... Есть среди молчальников одна категория, самая многочисленная и лучше других известная: это люди верующие, "церковники", которые и платили и платят за исповедание (тоже, в сущности, молчаливое) своей веры годами, десятилетиями тюрьмы, ссылки, каторги...»

И Федотов в заключение предлагал именно на этих молчальников поставить «свою ставку: ставку Паскаля, ставку веры, — ставку, без которой не для кого и незачем жить», — иными словами, от имени зарубежной России, от лица ее политической эмиграции предлагал сделать ставку на ту «внутреннюю эмиграцию», со многими представителями которой эмиграции «внешней» довелось через несколько лет встретиться. Таким образом, духовная встреча была даже предвосхищена Федотовым.

И эта статья Федотова, и два его «Письма о русской культуре» («Совр. записки», LXVI и LXVIII) свидетельствуют о том живом интересе, который вызывали в русском Зарубежье происходившие внутри России процессы, о попытках, которые делались, проникнуть умственным взором за непроницаемую завесу. Но, пожалуй, не будет ошибкой сказать, что у высококвалифицированных представителей молодого поколения, у молодых зарубежных писателей, этот интерес проявлялся в гораздо меньшей степени, — они, как открыто признавался Варшавский, были слишком заняты самими собой. В частности, не проявили они достаточного интереса к тем весьма примечательным «Письмам оттуда», на которые намекал в своей статье Федотов.

Эти «Письма оттуда», принадлежавшие одной высококультурной женщине, до революции близкой к избранному литературно-философскому кругу Москвы, знавшей почти всех видных писателей, философов, ученых, были напечатаны в 1936-1937 годах в «Современных записках», редакции которых они были доставлены адресатом, находившимся в Париже. Письма охватывали период с 1931 по 1936 год. Это был редкий, если не единственный, пример того диалога между «там» и «здесь», о котором мечтал Г.В.Адамович. Из писем видно было, что до автора доходило кое-что из того, что писалось и говорилось в русском Зарубежье (случай, вероятно, весьма редкий), и разговор поэтому шел не в пустом пространстве. Главный интерес писем был в том, что автор их, человек высококультурный, разносторонне начитанный, продолжавший и после революции следить за западноевропейской литературой и мыслью, всем своим прошлым ничуть не предрасположенный сочувствовать большевицкой революции, готов был видеть, что-то хорошее новое в совершавшемся вокруг него, а главное — констатировал наличие духовных

запросов и исканий в знакомой ему через детей и их товарищей избранной (вероятно, очень немногочисленной) молодежи. Письма — частные, адресованные старому другу — производили впечатление полной искренности и правдивости. На этот раз эмиграция услышала голос «оттуда», исходивший не от господ и не от рабов, не от строителей, но, пожалуй, и не совсем от «молчальников», хотя именно к какой-то категории федотовских молчальников был близок автор писем. Для будущего историка революции и ее духовных процессов эти письма представляют большой интерес, а для историка эмиграции будут интересны отклики на них с этой стороны[27].

Глава II

ПРОЗАИКИ СТАРШЕГО И СРЕДНЕГО ПОКОЛЕНИЯ

1. Бунин

Почти вся художественная проза, созданная И.А.Буниным начиная с 1924 года, принадлежит к вершинным его достижениям. Нет никакого сомнения, что будущий беспристрастный историк литературы должен будет отметить, как отметили уже почти единодушно современные Бунину критики, что именно в изгнании Буниным были созданы его лучшие вещи. Отметит он и то, что почти все эти вещи — на русские темы, о России. Прав был М.А.Алданов, когда он писал в 1939 году по поводу «Лики», второй части «Жизни Арсеньева»:

«Это случай редчайший, если не беспримерный. Кажется, всякий писатель с годами достигает отпущенного ему природой предела: дальше подниматься нельзя, возможно только более или менее медленное понижение. Бунин — едва ли не единственное исключение: он пишет все лучше и лучше... самые прекрасные из произведений, написанных им в России, во многом уступают созданному им за рубежом... Но и за границей Бунин написал уже немало книг. Из них "Жизнь Арсеньева" еще лучше "Митиной любви", а "Лика" еще совершеннее, чем предшествующий, первый том "Жизни Арсеньева"»[28].

Когда в 1933 году Шведская Академия присудила Бунину Нобелевскую премию по литературе, в иностранных литературных кругах, особенно английских и американских, это присуждение вызвало некоторое недоумение. «Бунин? Почему Бунин? Почему не Горький или по крайней мере не Мережковский?» (Тогда, между прочим, было много разговоров о том, что премия будет разделена между Буниным и Мережковским.) И Горького, и Мережковского лучше знали за границей (их обоих легче переводить, чем Бунина), и приходилось объяснять иностранцам, что если Нобелевскую премию хотели дать наиболее *совершенному* из живущих русских художников слова, то другого выбора нельзя было сделать.

Основные этапы творчества Бунина после 1924 года — «Митина любовь»

---

[27] «Письма оттуда» были напечатаны в книгах 61-й, 63-й и 66-й «Современных записок». Из откликов на них назовем ответ Г.В.Адамовича «Туда» в 64-й книге «Современных записок» и комментарии В.В.Руднева («По поводу писем "оттуда"»), и М.В.Вишняка («На Родине и на Чужбине») в кн. 61-й. Были, конечно, отклики и в других изданиях, но меньше, чем можно было ожидать. Письма были подписаны буквой «Х.», но в литературно-политических кругах Парижа фамилия автора стала известна.

[28] «Совр. записки», 1939, LXIX, стр. 385.

(1925)[29], сборники рассказов «Солнечный удар» (1927) и «Божье древо» (1931), «Жизнь Арсеньева» (1930) и «Лика» (1939)[30]. До войны вышло также «Освобождение Толстого» (1937) — книга личных воспоминаний о Толстом и размышлений о нем. После войны вышло еще две новых книги Бунина: «Темные аллеи» (1946), куда вошли рассказы, написанные между 1938 и 1945 годами, и «Воспоминания» (1950), из которых кое-что печаталось раньше. Кроме того, после войны в журналах было напечатано несколько рассказов (большей частью переделки более ранних) и стихотворений. В 1929 году Бунин выпустил том своих «Избранных стихов».

О Бунине было (и будет еще) написано много и русскими зарубежными, и иностранными критиками[31]. Многое из того, что писалось о нем, особенно после смерти, носило характер более или менее официальных славословий, тогда как раньше в некоторых писаниях звучали немного «апологетические» нотки (например, когда Ф.А.Степун писал — едва ли справедливо — что «искусство Бунина лишено всякой проблематики» или что «все его вещи прежде всего описания») — как-никак Бунин был бывший «знаньевец», «бытовик», к которому отрицательно относились в свое время лучшие писатели русского ренессанса. Был холодок в отношении к Бунину некоторых молодых писателей, которые чувствовали его враждебность к новейшей русской поэзии. Отрицательное отношение к Бунину чувствовалось в тех кругах зарубежной литературы и критики, которые склонны были ориентироваться на советскую литературу (например, в «Воле России», в «Верстах», во французской книге о современной русской литературе молодого поэта Владимира Познера, сменившего вехи). В этих кругах говорили о «холодности» и «внешности» бунинского творчества (но тот же упрек делал Бунину и И.И.Тхоржевский — с совсем другой стороны). И все же признание Бунина в эмиграции было более или менее единодушным, если и не единодушно восторженным. Придет, думается, время, когда, оцененный беспристрастно в исторической перспективе, Бунин займет место не наравне с Чеховым, а выше его (это мнение уже было высказано Г.В.Адамовичем, который в 1933 году писал в «Современных записках» о Бунине: «Лучшее наше достижение со времен Толстого. Не исключая Чехова...», но Адамович как бы оправдывал это суждение не слишком высокой оценкой Чехова). Уже раздавались голоса, готовые поставить Бунина рядом с Тургеневым. А один из зарубежных критиков в каком-то отношении ставил Бунина выше Толстого. Говоря о том, что все вещи Бунина — «в сущности, вариации на одну, толстовскую, сказал бы я, тему — жизни и смерти», этот критик (П.М.Бицилли) прибавлял: «Бунин требовательнее и, следовательно,

---

[29] «Митина любовь» написана в 1924 году, напечатана в «Современных записках» в начале 1925 года. В книгу под этим названием, кроме «Митиной любви», вошел ряд написанных в 20-х годах рассказов, в том числе немного необычное для Бунина «Дело корнета Елагина».

[30] «Лика» составляет продолжение «Жизни Арсеньева», первая часть которой носила название «Истоки дней». Этот magnum opus* Бунина, долженствовавший, по замыслу, охватить целую жизнь, остался незаконченным. В статье «О Бунине», написанной после его смерти, Алданов писал, что, когда Бунина убеждали писать продолжение «Жизни Арсеньева», он отказывался, говоря: «Там я писал о давно умерших людях, о навсегда конченных делах. В продолжении надо было бы писать *в художественной форме* о живых — разве я могу это сделать?» («Новый журнал», 1953, XXXV, стр. 132). Первое полное издание «Жизни Арсеньева», разделенной на пять книг с общим подзаголовком «Юность», было выпущено Издательством имени Чехова в Нью-Йорке в 1952 году.

[31] Бунин — единственный зарубежный писатель, о котором в Зарубежье по-русски вышла целая книга (К.И.Зайцев, «И.А.Бунин», Берлин, 1933). Бунин также один из трех русских романистов (два другие — Куприн и Алданов), о которых написана французская книга Шарля Ледре (Ledré): «Trois romanciers russes» (Paris, 1930). Писали о Бунине и в Советской России, где еще в 20-х годах были переизданы «Митина любовь» и том рассказов Бунина и где после смерти Бунина делается попытка присвоить его «советской» культуре.

* Главный труд, труд жизни. (*латин.*) — *Ред.*

метафизически, правдивее Толстого» («Совр. записки», LVIII, стр. 471). С этим едва ли бы согласился Адамович, который как бы упрекал Бунина в том, что «пронзившая» Толстого «стрела христианства» прошла мимо него, несмотря на всю его близость (очень, думается, спорную) к Толстому, и что он «просто любит мир, в котором родился и жил» («Совр. записки», LIII, стр. 334).

Из многого, что было сказано зарубежной критикой о Бунине, всего ближе к сути дела то, что писал о нем В.В.Вейдле, который, считая наивысшим достижением Бунина «Жизнь Арсеньева», говорил, что тема этой книги

> *«... не жизнь, а созерцание жизни, не молодость Бунина-Арсеньева, а созерцание и переживание этой молодости вневременным авторским "я", не как прошлого только, но и как настоящего, как совокупности памятных мгновений, за которыми кроется темный, несказанный и, однако, неподвижно присутствующий в них смысл. Эта двойная субъективность (свой, а не общий для всех, мир, и с ударением не на нем самом, а на том, как он увиден) приближает книгу, при всем различии опыта, письма и чувства жизни, к "Поискам потерянного времени"»*[32].

Про «Жизнь Арсеньева» Вейдле говорит дальше, что это «не воспоминания, не автобиография, не исповедь, но хвала, трагическая хвала всему сущему и своему, в его лоне, бытию». В другом месте Вейдле удачно назвал «Жизнь Арсеньева» «поющим и рыдающим славословием». Лейтмотивом всего мироотношения Бунина, всего его творчества, прослединым еще и до революции, но с такой совершенной полнотой выразившимся именно в «Жизни Арсеньева» и других зарубежных произведениях, можно назвать *трепетное дивование* (оттого так близок Бунину псалмопевец, оттого так любит он — как верно отметил в той же статье Вейдле — слова «дивный» и «страшный», «радостный» и «грозный», особенно наречия от них и особенно в сочетании)[33].

«Жизнь Арсеньева» — не роман. Бунин романов не писал и писать не мог, в этом было его ограничение, он не способен был творить какие-то миры, живущие собственной, ему внеположной, жизнью, поэтому его нельзя, нелепо сравнивать с Толстым и Достоевским и даже с Тургеневым. Степун назвал «Жизнь Арсеньева» «отчасти философской поэмой, а отчасти симфонической картиной (России)», отметив даже этнографическое разнообразие и богатство этой картины, но не подчеркнув, как правильно подчеркнул Вейдле, ее *лирической* сути. Вейдле указывал, что и в длинных рассказах Бунина, в «Митиной любви», в «Деле корнета Елагина», не говоря о более коротких,

> *«... лирический субстрат... созерцание неподвижного внутреннего зрелища, не выразимого иначе, чем в лицах и событиях, но все же не исчерпывающегося ими, играет решающую роль, а в "Жизни Арсеньева" лирическая стихия пронизывает от начала до конца повествование, растворяет в себе все вещественное содержание его»*[34].

Едва ли не лучшие страницы в «Жизни Арсеньева» и вообще у позднего Бунина — о смерти (описание похорон Писарева в «Жизни Арсеньева» при-

[32] «На смерть Бунина», «Опыты», III, 1954, стр. 85. Некоторые мысли этой статьи были высказаны автором и в более ранних статьях и рецензиях, еще при жизни Бунина. О теме памяти у Бунина, роднящей его с Прустом, интересно писал Ф.А.Степун.

[33] Эта мысль о лейтмотиве творчества Бунина была развита мной, с многочисленными подкрепляющими цитатами, в моей английской статье о Бунине в журнале «The Slavonic and East European Review» (Vol. XI, № 32, January 1933, pp. 423-436) и в приветствии, прочитанном на чествовании Бунина в Париже после присуждения ему Нобелевской премии.

[34] Цит. статья, стр. 85.

надлежит к самым замечательным страницам во всей русской литературе). Но не менее замечательно, чем о смерти, пишет Бунин о любви. «Митина любовь», с которой из дореволюционных произведений может сравниться только «Суходол» (лучшая из ранних вещей Бунина), особенно замечательна своим напряженным переплетением этих двух тем. Но и в «Жизни Арсеньева», особенно в «Лике», тема эроса дана так, как никто ее в русской литературе не давал. К шедеврам Бунина принадлежат и такие небольшие, и столь различные рассказы о любви, как «Солнечный удар» и «Ида», не говоря уже о многих рассказах в «Темных аллеях», в которых, к сожалению, не одно обывательское мнение, но и некоторые критики увидели не только проявление упадка бунинского таланта, но и какой-то старческий эротизм, чуть ли не порнографию. Между тем некоторые из этих рассказов, в своем сочетании вещественной плотности, какой-то осязательности письма с лирической глубиной и силой, принадлежат к лучшим рассказам о любви-страсти в русской литературе. Поразительна в них природа, так далекая от вменяемого Бунину в вину простого внешнего описательства. Бунин показал себя также большим мастером художественной миниатюры — рассказов в страничку и даже меньше, каких до него не было в русской литературе, если не считать тургеневских «Senilia»: беспристрастная оценка потомства наверное поставит бунинские миниатюры (они вошли главным образом в книгу «Божье древо») выше тургеневских «стихотворений в прозе». К другого рода «поэмам в прозе», тоже не имеющим себе подобных в русской литературе, принадлежат такие лирико-философские вещи, как — замечательные, на мой взгляд — «Цикады».

К Бунину-поэту принято относиться либо сдержанно-критически, либо просто отрицательно. Примером сдержанного отношения даже наибольших поклонников Бунина являются слова В.В.Вейдле о том, что у Бунина лирическое начало проявилось в прозе гораздо сильней, чем в стихах. Примером резко отрицательного отношения может служить напечатанная в «Воле России» (1929, XII) статья о Бунине-поэте молодого пражского поэта Алексея Эйснера, который характеризовал стихи Бунина как «стихи прозаика» и «непоэзию». Но мнению Эйснера можно противопоставить мнение Ф.А.Степуна, который в рецензии на «Избранные стихи» («Совр. записки», XXXIX, 1929) писал, что называть стихи Бунина стихами прозаика «глубоко неверно». Отмечая признаки сходства между прозой и стихами Бунина (сверхрельефность описаний, ясность и точность смысловых содержаний, скупость на внешние эффекты), Степун подчеркивал и «значительное различие» между ними. Это различие виделось ему в наличии в стихах Бунина «пронзительной лиричности и глубокой философичности», которых в рассказах Бунина нет (которые вообще «нерассказуемы»). Думается, что тут Степун ошибается: в лучших вещах Бунина, как мы видели, именно есть «пронзительная лиричность», и в этом скорее не различие, а сходство его стихов с прозой. Более прав, вероятно, Вейдле в мнении о том, что именно лирическое начало Бунин выразил полнее в прозе. Это не значит, что у Бунина нет прекрасных стихов, в которых с большой лирической силой и глубиной сказалось то же трепетное дивование миром. Как поэт, Бунин, по верному замечанию Степуна, «типичный представитель русского аполлинизма». Он — в пушкинско-батюшковской линии русской поэзии. Может поэтому показаться странным, что, по свидетельству М.А.Алданова, Бунин ставил Лермонтова как поэта выше Пушкина. Правда, к этому он пришел незадолго до смерти («Я всегда думал, что наш величайший поэт был Пушкин; нет, это Лермонтов», — говорил Бунин Алданову). Но еще в 30-х годах Бунин собирался писать «художественную биографию» Лермонтова, и она даже объявлялась в числе

«готовящихся книг», что показывает, что его и раньше влекло к Лермонтову. Об этом влечении свидетельствует и «Жизнь Арсеньева».

«Воспоминания» Бунина стоят особняком в его творчестве. Многих, даже поклонников его, они разочаровали, многих огорчили и рассердили. Как все, что писал Бунин, этот якобы объективный писатель, «Воспоминания» крайне субъективны. В этих очерках о современниках, по большей части блестяще написанных, полных метких характеристик и верных суждений, много несправедливого, много такого, что свидетельствует о полной бесчувственности Бунина к известной полосе русской литературы (например, все, что он говорит о Блоке), много сказанного с предельной беспощадностью, которая должна была бы вызывать на ответную беспощадность. Но именно в этой несправедливости и беспощадности заключается оправдание книги: чувствуется, что Бунин в своих отзывах о других до конца правдив и честен. Но всегда ли он при этом правдив и честен в отношении самого себя? Когда будет написана книга о Бунине, этом замечательнейшем русском художнике слова XX века, она должна быть написана с той же правдивостью и честностью, без ненужных славословий и замалчиваний.

Бунин скончался в Париже 8 ноября 1953 года. Перед смертью он работал над книгой о Чехове, которого он лично знал. Книга эта осталась незаконченной. То, что было Буниным написано, и некоторые материалы, собранные им, было издано Издательством имени Чехова в конце 1955 года.

2. Мережковский

Выше уже было сказано, что после «Мессии» Мережковский «беллетристики» больше не писал, что от условной формы «исторического романа», в которую он облекал занимавшие его темы, он отказался. Все написанное и напечатанное им после 1926 года относится к тому роду писаний, на который трудно наклеить какой-нибудь ярлык, хотя можно назвать их художественно-философской прозой. Правильнее же сказать, что это единственный в своем роде Мережковский. При этом занимающие Мережковского темы остаются неизменными. Вернее говоря, при всем видимом внешнем разнообразии (Наполеон, Атлантида, Иисус Христос, Жанна д'Арк, Данте) — это *одна* неизменная тема. Мережковского правильно называли однодумом. Тем не менее, написанное и напечатанное им за этот второй период зарубежной литературы поражает и своим внешним разнообразием, и объемом — десять томов, семь названий: «Наполеон» (2 т., Белград, 1929), «Тайна Запада: Атлантида-Европа» (Белград, 1931), «Иисус Неизвестный» (2 т., Белград, 1932-1934), «Павел и Августин» (1937), «Франциск Ассизский» (1938), «Жанна д'Арк» (1938), «Данте» (2 т., 1939). Центральной в ряду этих книг является «Иисус Неизвестный», книга, которую проф. Б.П.Вышеславцев охарактеризовал как «не литературу, не догматическое богословие, не религиозно-философское рассуждение, а интуитивное постижение скрытого смысла, разгадывание таинственного “символа” веры, чтение метафизического шифра, разгадывание евангельских притч». Двухтомная книга Мережковского, переведенная на ряд иностранных языков, — попытка открыть миру «подлинный лик» Неизвестного, непонятого, евангельского Иисуса, опираясь на евангельские тексты, на апокрифы, размышляя над ними, толкуя их. О «Иисусе Неизвестном» писали, что это центральный труд Мережковского, к которому все прежнее должно было подводить и из которого дальнейшее должно было исходить. Зарубежных критиков в большинстве это произведение не удовлетворило, хотя Мережковскому и расточались комплименты. Один из почитателей Мережковского (Ю.Терапиано) назвал «Иисуса Неизвестного» на-

именее удачной книгой Мережковского, в которой, несмотря на глубину основной мысли (о непознанности Церковью и миром подлинного Христа), «интуиция изменила» автору. Г.Адамович писал об исходящем от сего сочинения «холодке» и связывал это с отвлеченностью и внежизненностью как самыми характерными чертами Мережковского. Более положительно отзывался Б.П.Вышеславцев, который, определяя подход Мережковского как желание «быть учеником Христа», находил, что в результате медитаций Мережковского над Евангелием многое по-новому слышишь, «многому изумляешься».

Три последовавшие за «Иисусом Неизвестным» книги, сравнительно небольшого объема («Павел и Августин», «Франциск Ассизский» и «Жанна д'Арк»), были объединены общим заглавием: «Лица святых от Иисуса к нам». Все три исходили из той же неизменной думы, владевшей Мережковским, эсхатологической думы о Евангелии «Третьего Завета», Евангелии «вечном», о «Царстве Духа». Под эту думу Мережковский часто насильно подгонял толкование избранных им святых, что отмечал в рецензии на «Франциска Ассизского» К.В.Мочульский, писавший:

> *«Мережковский постоянно упрекает святого в том, что он не знает, куда идет, что он не понимает, что такое "Третье Царство Духа", что он ошибочно ограничивает свой духовный путь Евангелием "временным". Более того: автору приходится признаться, что Франциск просто не понял бы учения о Царстве Духа и "испугался бы этого как опаснейшей ереси". А если святой "не знал", "не понимал", "не чувствовал", то как поверить Мережковскому, что он все-таки жил этой верой? Не естественней ли заключить, что духовный опыт автора совершенно не совпадает с евангельской верой "маленького Франциска"?»*[35]

Книга о Данте делилась на два тома, из которых первый представлял жизнеописание Данте, а второй (под заглавием «Что сделал Данте») — толкование личности и дела Данте с тех же позиций эсхатологического христианства. Две более ранние книги («Наполеон» и «Атлантида») должны быть рассматриваемы тоже как части той огромной постройки, которую воздвигал Мережковский и в центре которой были Евангелие и Христос. В «Атлантиде», написанной в значительной мере в форме мозаики из цитат, речь шла о древнейших религиях мира, о преображениях христианства. «Наполеона», на первый взгляд, как будто трудно связать с центральной думой Мережковского. Но для Мережковского Наполеон, его давняя любовь (здесь еще один его спор с Толстым), — «человек из Атлантиды», человек о двух душах, дневной и ночной, причем в этой второй, «ночной гемисфере небес» «должно было взойти для него над Св. Еленою невиданное в дневной гемисфере Созвездие Креста». «Огромная идея», одушевлявшая Наполеона, оказывается, «была идея, по крайней мере, *наполовину христианская*». При этом Мережковский все время подчеркивает связь судьбы Наполеона с русскими судьбами и, по своему обыкновению, проецирует настоящее в прошлое, что несомненно придает его книге злободневный интерес. Сам он пишет: «Может быть, сейчас русские люди, побывавшие в аду коммунизма, знают о Наполеоне то, чего нельзя узнать из сорока тысяч книг». Книга, между прочим, написана в обратном обычному порядке: в первом томе идет речь о личности Наполеона, во втором дана его биография.

К Мережковскому можно так или иначе относиться, можно его писания отвергать, как отверг все его пореволюционное творчество (правда, еще в

[35] «Совр. записки», 1938, LXVII, стр. 464.

1927 году, то есть *до* всех только что перечисленных книг) Д.П.Святополк-Мирский, но нельзя отрицать серьезности и значительности написанного им в последние годы жизни. Последнее слово о Мережковском еще не сказано.

3. Шмелев

Главным вкладом Шмелева в зарубежную литературу во второй половине 20-х и в 30-е годы были три больших романа («История любовная», 1929; «Няня из Москвы», 1936; и «Пути небесные», 1937-1948)[36] и два тома очерков дореволюционного русского быта («Лето Господне», 1933; и «Богомолье», 1935)[37]. Четвертый роман — «Солдаты» — остался незаконченным; начало его печаталось в «Современных записках» в 1930 году. Незадолго до войны в «Русских записках» была напечатана в двух номерах повесть из эмигрантской жизни «Иностранец», производящая тоже впечатление не вполне законченной. Четыре книги рассказов Шмелева, вышедшие между 1927 и 1931 годами — «Про одну старуху» (1927), «Свет разума» (1928), «Въезд в Париж» (1929) и «Родное» (1931), — содержали главным образом рассказы, написанные в первые годы пребывания за рубежом. Главнейшие из них уже упоминались выше.

У Шмелева есть поклонники, считающие его и самым значительным и самым «русским» писателем Зарубежья. В его русскости, как и в его большом природном таланте, сомнений быть не может. Не подлежит сомнению и тот факт, что в изгнании творчество Шмелева приобрело размах, которого у него не было до того. Но писатель он очень неровный. О происхождении Шмелева от Достоевского уже говорилось. Он писатель с большими замыслами, которые не всегда ему по плечу, нервный и страстный. Как сказал один не склонный к пристрастию к нему критик (Г.Адамович), его «трудно читать спокойно». Он всегда задевает, но часто и раздражает. В нем чувствуется недостаток культуры, он часто срывается в безвкусицу, у него нет чувства меры, он любит нажимать педаль, он слишком нарочит. Эти недостатки особенно чувствуются в его больших романах, где не хватает ему и чувства композиции: в «Истории любовной» (тут особенно много срывов вкуса), в «Путях небесных», в неоконченных «Солдатах». «Няня из Москвы» — вещь более ровная и цельная и менее притязательная. В этом романе Шмелев еще раз показал себя большим мастером сказа: весь он написан от лица попавшей в эмиграцию старой и типичной русской няни.

Из романов Шмелева всего честолюбивей был задуман роман «Пути небесные». В отличие от других, написанных на современные темы, действие в нем отодвинуто в не столь отдаленное прошлое — русские 70-е годы (этим роман как бы нарочито приближен к Достоевскому). Все же невидимыми нитями роман связан и с современностью. Это роман о столь дорогой иностранцам «русской душе». Тема его, выраженная в заглавии, — предначертанность свыше человеческих путей. В романе почти на каждом шагу — символы и «чудеса», само обилие которых (а порой и тривиальность их) ослабляет их действие и скоро пресыщает и утомляет читателя. Герой романа — русский интеллигент «смешанных кровей», Виктор Алексеевич Вейденгаммер. Героиня — простая девушка Даринька, с которой герой знакомится на московском бульваре и которая уходит к нему из монастыря, где она была послушницей, чтобы затем совершать свой предначертанный подвиг и преодолевать искушения и испытания в миру. Ни самое Дариньку, ни ее отно-

---

[36] Первый том «Путей небесных» был закончен в 1936 году, второй написан уже после войны. Полностью в двух томах роман был издан в Париже в 1948 году.

[37] В 1948 году вышло новое издание "Лета Господня", пополненное несколькими очерками, напечатанными в газетах после выхода первого издания.

шения к Вейденгаммеру нельзя признать убедительными. Шмелев, по-видимому, носился с мыслью написать третий том, так что мы не знаем, какую окончательную судьбу готовил он своим героям, но тема «провиденциальности» и в первых двух томах проведена с чрезмерным нажимом педали. В романе есть прекрасные описательные страницы (например, описание бегов в Москве, испорченное, правда, тем же нажимом психологической педали, поскольку эта сцена бегов играет многозначительную роль в жизни героини). Есть любопытная попытка обновления техники романа, на которую как-то не обратила внимания критика: одновременное освещение событий и переживаний в двух разных временных планах — современном событию и ретроспективном (роман написан как бы в форме воспоминания героя о прошлом). Но в целом «Пути небесные» производят аляповатое впечатление. Часто, когда Шмелев хочет добиться патетического эффекта, он вызывает у читателя невольную улыбку.

Зато прекрасны, в своем гораздо более ограниченном роде, «Лето Господне» и «Богомолье». Здесь полное раздолье вкусу Шмелева к плотной и густой бытовой вещественности и его умению изобразить ее. В «Лете Господнем» воскрешается, через большие православные праздники, как бы по кругу церковного календаря, увиденный глазами мальчика старый московский церковно-окрашенный быт. Как писал в своем отзыве об этой книге К.В.Мочульский:

> *«Старая Москва, богомольная и хлебосольная, разудалая и благолепная; крепкий и строгий купеческий быт; несколько несложных, но незабываемых лиц: степенный и справедливый "хозяин", смиренный "святой" плотник Горкин, веселые и озорные "молодцы", пьяный приказчик, "бывший человек" — барин Энтальцев; на втором плане — рабочий люд: плотники, пильщики, водоливы, кровельщики, маляры, ездоки, купцы и их "шустрые ребята", монахи и басистый протодиакон, окружающие Преосвященного; а в глубине — праздничная толпа, заливающая московские улицы, толкающаяся перед Пасхой на Постном рынке, катающаяся с ледяных гор на Масленице, выстаивающая долгие церковные "стояния" в Великом Посту»*[38].

И все это, прибавлял Мочульский, рассказано с удивительной простотой и точностью: «деловито, сжато и подлинно».

В «Богомолье» не менее живо воскрешается тот же ушедший быт. Здесь больше единства: рассказывается об увиденном глазами того же мальчика традиционном ежегодном паломничестве в Троице-Сергиеву Лавру. Опять перед нами проходит галерея прекрасно зарисованных эпизодических фигур, среди которых еще больше одевается плотью тот же плотник Горкин. Прекрасный, крепкий язык Шмелева, настоенный на том же крепком московском быту, был отмечен всеми критиками. В «Лете Господнем» и «Богомолье» Шмелеву удалось в общем избежать сусальности, которой он иногда грешил, и эти две книги, наряду с некоторыми его рассказами, останутся в русской литературе.

4. Ремизов

Если в будущей истории русской литературы в главе о зарубежном ее периоде на первом месте будет назван Бунин, то рядом с ним, вероятно, будет поставлен столь не похожий на него Ремизов.

---

[38] «Совр. записки», 1933, LII, стр. 458.

«Веду свое от Гоголя, Достоевского и Лескова. Чудесное — от Гоголя, боль — от Достоевского, чудно́е и праведное — от Лескова. Хочу верить: имя мое сохранится в примечании к этим писателям», — так, по записи Н.В.Кодрянской, сказал о себе не так давно А.М.Ремизов[39]. В последних словах звучит тенденция к прибеднению, которая иногда проскальзывает у Ремизова, но своих литературных предков Ремизов назвал правильно. Сказал он также — очевидно, в опровержение того, что часто о нем пишут, — что «не подражал ни Епифанию Премудрому, ни протопопу Аввакуму, и никому этого не навязываю. Перебрасываю слова и строю фразу, как во мне звучит». Конечно, о подражании Ремизова Епифанию или Аввакуму говорить нелепо. С каждым из них (а они ведь столь разные по стилю и по духу) его роднит лишь некоторая общность отношения к слову. Неверно также думать, будто бы для Ремизова слово — самоцель, будто бы кроме «хитрослови» в его писаниях ничего и нет. Литература — искусство слова, и для Ремизова слова — средство, материал, такой же, как для художника — краски, для музыканта — звуки. И как всякий мастер, он к своему материалу относится заботливо и любовно.

Ремизов и в жизни и творчестве — сновидец. К нему легко прицепить ярлык «сюрреалиста». В его произведениях, как в снах, которые нам снятся, сложно и причудливо переплетаются реальность и фантастика, одно переплескивается в другое. В его творчестве сны играют огромную роль — сны собственные (настоящие и выдуманные), сны чужие, литературные. В начале своего эмигрантского периода Ремизов в таком «переплеске» из яви в сон подал русскую революцию («Взвихренная Русь», отдельное издание, 1927), в последние годы он посвятил снам целых две книги: «Огонь вещей» (1954) — о снах в русской литературе, у Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Достоевского; и «Мартын Задека. Сонник» (1954) — коллекция собственных, часто весьма замысловатых, снов. Подлинных? выдуманных? — неважно. В начале этой книги Ремизов пишет:

> *«Как помню себя, всегда мне снились сны. И не постучи в мое окно или звонок, я перестал бы различать, что сутолочная явь, что жаркие видения — моя тонь ночи. Ночь без сновидения для меня, как "пропащий" день.*
>
> *После необходимых пробуждений в день, я в жизни только брожу — полусонный: в памяти всегда клочки сна — бахрома на моей дневной одежде».*

«Жизнь есть сон» — такова тема почти всего ремизовского творчества. Между миром снов и миром яви, увиденным «подстриженными глазами» (так называется наиболее откровенно автобиографическая книга Ремизова), трудно провести грань, они почти сливаются. Неслучайно у Ремизова так мало реальной, не волшебной природы. Рассказы Ремизова напоминают сны с их путаницей и свободой от законов логики; сны его удивительно похожи на его рассказы. Впрочем, можно ли говорить о «рассказах» или «романах» Ремизова? Его произведения, особенно зарубежные (среди дореволюционных еще было какое-то подобие романов — «Пруд», «Крестовые сестры» —

---

[39] См. «Лето с Ремизовым», «Новое русское слово», 20 и 21 ноября 1955 года. Из этого рассказа о лете, проведенном около Ремизова, можно много узнать и о его трудной и горькой эмигрантской жизни (ко всем бедам в последние годы прибавилась едва ли не худшая — почти полная слепота!), и о его мыслях о литературе, о себе. В передаче Н.В.Кодрянской несомненно хорошо уловлен звук голоса Ремизова. Себя г-жа Кодрянская может, пожалуй, считать литературной крестной дочерью Ремизова: он написал предисловие к ее вышедшим в 1950 году «Сказкам». В самих сказках, впрочем, настоящего родства с Ремизовым мало (сам Ремизов говорит скорее о родстве с Пришвиным). А вторая книжка Кодрянской — «Глобусный человечек» (1954) — скорее от Андерсена, чем от Ремизова.

и рассказов), не поддаются обычной классификации. Есть, правда, среди них большая группа, которую можно было бы назвать пересказами легенд, сказок или старинных произведений литературы[40]. Но и в эти ремизовские пересказы, которые правильнее было бы назвать творческими переделками, у Ремизова всегда вторгается что-то новое, что-то из яви и современности. Такие вещи, как «Оля» (1927) и продолжение «Оли» — «В розовом блеске» (1952), а также «По карнизам» (1929), Ремизов назвал «повестями». Но если про «Олю» и «В розовом блеске», где героиней является С.П.Ремизова-Довгелло, еще можно сказать, что в них есть какой-то повествовательный стержень, то в «По карнизам» его нет совсем, и входящие в эту книгу вещи первоначально были напечатаны как самостоятельные «рассказы». И уж ни под какой известный жанр нельзя подогнать такие книги, как «Пляшущий демон» (1949), «Подстриженными глазами» (1951) и «Мышкина дудочка» (1953), где явь и сон, «я» и внешний мир причудливо перемешаны. А это едва ли не самые характерные, а может быть, и самые лучшие вещи Ремизова. «Плящущего демона» он сам определил как «домыслы от книг и воображения из памяти и снов» — но в том-то и дело, что у Ремизова нельзя провести границу между «книгами» и «воображением», между «памятью» и «снами». Про «Мышкину дудочку» Ремизов сказал, что он в ней «гора́здил без оглядки», а свою игру словами назвал «словесными опытами-копытами»[41]. «Подстриженными глазами» — ремизовская «автобиография» — носит подзаголовок «Книга узлов и закрут памяти». В ней много «узлов и закрут» не только памяти, но и словесных, тех же «опытов-копыт», но за ними и под ними — подлинная человеческая память о боли и страдании. «Человек человеку бревно», — сказал когда-то Ремизов, и это и есть тайная человеческая тема всего его творчества. Здесь он соприкасается с Достоевским. Отсюда — дореволюционные «Пруд» и «Крестовые сестры», отсюда — до сих пор не изданная «Канава», отсюда — «эмигрантские» рассказы об А.А.Корнетове, с их сновидческим преображением повседневной эмигрантской жизни, появлявшиеся в 30-х годах в разных газетах и журналах и тоже до сих пор не изданные[42].

Вопрос о влиянии Ремизова на современную ему русскую литературу — тема для будущего историка. Влияние его было очень велико в советской литературе в ранний ее период. С поворотом к социалистическому реализму Ремизов оказался не ко двору. На молодую зарубежную литературу Ремизов оказал мало влияния, хотя у него и было в ее рядах много почитателей. Может быть, это объясняется тем, что молодые зарубежные писатели в какой-то мере утратили свою интимную связь с русским словом.

5. Зайцев

В отношении Бориса Зайцева тоже никак не приходится говорить об оскудении его творчества в эмиграции. Скорее наоборот: в эмиграции он как писатель вырос и развился, причем на некоторые изменения в его творческом пути прямое влияние имел факт эмиграции. Прежде всего это та общая

[40] Сюда относятся в рассматриваемый нами период «Звезда Надзвездная» (1928), «Посолонь» (1930), «Три серпа. Московские любимые легенды» (два тома, 1927), «Образ Николая Чудотворца» (1931), «Повесть о двух зверях. Ихнелат» (1950), «Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония» (1951) и «Мелюзина и Брунцвик» (1952). Издательство «Оплешник» в Париже, в котором вышли три последние из названных книг, объявляет еще несколько таких же неизданных «пересказов». Представляем будущему историку зарубежной литературы раскрыть тайну этого издательства, выпустившего между 1950 и 1954 годами шесть книг Ремизова и не издавшего ни одной другой.

[41] Эти ремизовские автохарактеристики — из его дарственных надписей автору настоящей книги.

[42] Может показаться странным, что именно наиболее близкий к «реализму» Ремизов не нашел себе издателя.

религиозная, христианская окрашенность, которую в зарубежный период приобретает все творчество Зайцева. Две книги его о паломничествах к православным святыням — «Афон» (1928) и «Валаам» (1936) — и его житие преподобного Сергия Радонежского уже были упомянуты. Но та же окрашенность и в беллетристических произведениях Зайцева (особенно в «Доме в Пасси», в небольших рассказах и в «Путешествии Глеба»), и в его художественных биографиях.

«Дом в Пасси» — очень характерная для Зайцева вещь и один из очень немногих романов, написанных писателями старшего поколения о рядовых эмигрантах и повседневной эмигрантской жизни. По форме это произведение как будто всего ближе из написанного Зайцевым после 1925 года к роману в более или менее традиционном понимании этого слова. В нем есть некоторое действие — что-то случается, что-то происходит (самоубийство, свадьба, где-то на периферии смерть близкого одному из героев лица, не считая более мелких событий) — есть какое-то, хотя и ограниченное, движение во времени, есть характеры, целый ряд вымышленных персонажей, которые связаны между собой тем, что они обитатели одного населенного почти сплошь русскими дома в Пасси или же вступают с этими обитателями в те или иные отношения, но которых связывают также и более запутанные внутренние нити; наконец, формально сам автор стоит как бы в стороне, вещь написана от третьего лица. И все же приходится говорить о глубоко-лирической окрашенности этого романа Зайцева. Лиризм Зайцева — иной природы, чем лиризм Бунина. Если Вейдле удачно уподобил творчество Бунина образу «сияющего полдня», то творчество Зайцева вызывает на ум нежный полусвет окутанного дымкой утра. Ничего яркого, резкого, все немного смазано, расплывчато. Зайцева часто называли акварелистом. Правильнее было бы говорить об его импрессионизме. Если он реалист, то реализм его импрессионистический. Персонажи «Дома в Пасси» живут, но вместе с тем на них и налет стилизации. Они хорошо индивидуализированы, они запоминаются — вопреки, а может быть, и в силу своей заурядности, обыкновенности. Людей, похожих на обитателей дома в Пасси, и их знакомых мы все встречали: и старого генерала Вишневского, ожидающего свою дочь из России, и массажистку Дору Львовну, и ее десятилетнего сына Рафу, и шофера Льва с верхнего этажа, и богатых клиенток Доры Львовны — еврейку Фанни и русскую Олимпиаду Николаевну. А вместе с тем есть и в них доля стилизации, и они живут в каком-то особом мире, который умеет создать Зайцев. Но это особенно относится к главному персонажу этого романа без героя и героини — к старенькому, с развевающейся седой бородой монаху, о. Мельхиседеку, который навещает знакомого ему еще по России генерала и крепко входит в печальные, а порой и трагические судьбы обитателей дома в Пасси, этого микрокосма русской эмиграции во Франции. Он вполне реален, правдоподобен, вероимен. Но подан он приемами стилизации, и о нем можно сказать, что он, как тень, как бы реет над романом. Мельхиседек кроме того нужен автору для выражения некоторых мыслей, но делает это Зайцев без всякой дидактической назойливости. Когда этот монашек, совершающий свой подвиг в миру, а не в монастыре, но основывающий монастырь-приют для сирот-беженцев, говорит генералу: «Последние тайны справедливости Божией, зла, судеб мира для нас закрыты. Скажем лишь так: любим Бога и верим, что *плохо* Он не устроит», — мы знаем, что здесь таится для автора основная мысль романа, но в устах Мельхиседека слова эти звучат просто и естественно, и никакой своей «философии» автор никому не навязывает. В мотиве ожидания генералом дочери Машеньки, которая перед самым отъездом из России умирает от непосильного волнения, соблазнительно видеть косвенный ответ Зайцева на

«Машеньку» Набокова-Сирина, про которого Зайцев однажды сказал, что это писатель, у которого нет ни Бога, ни дьявола. В романе вообще много «трогательных» моментов, но Зайцеву удалось избежать идеализации и сентиментализации эмигрантской жизни. От них спасает его именно легкая стилизация. Автор одновременно и присутствует все время в романе и как бы отходит в сторону. Достигается это отчасти благодаря приему, который, кажется, так широко не применял никакой другой русский писатель: частых и быстрых переходов от авторской речи к своего рода «внутреннему монологу» и обратно. Пример этого можно видеть в таком, например, типичном абзаце, вырванном наудачу из середины романа:

> *«Авраамий был очень здоровый, мужиковатый монах, шутник, бывший столяр, не весьма твердо знавший, чем несториане отличались от монофелитов, но прекрасно понимавший, что́ такое жизнь, и Бога чувствовавший так, будто он с Ним всегда рядышком. Место и действительно ему понравилось — лесами, уединенностью, тишиной. До Валаама, конечно, далеко. Что вообще может равняться с Россией! Все-таки река... Тоже не то, что наша, но тут одно Авраамия прельщало: сам он рыболов. Река медленная, полноводная. Стрижи, бабочки, зеленая осока, рыбка поплескивает. Он об этом не сказал Никифору, но настаивал горячо, чтобы тут основаться».*

В «Доме в Пасси», где нет ни рассказчика, ни главного героя, а все персонажи эпизодичны и более или менее равноправны, происходит благодаря этому непрерывное смещение «точки зрения», и мы видим происходящее через самые разные глаза, без посредства «всеведущего» автора. Отсюда то впечатление импрессионистической фрагментарности, которое почти всегда дает Зайцев. И очень удачно всему повествованию сопутствует стилизованный, как бы тоже сквозь дымку увиденный Париж (стилизацию русской природы в более ранних вещах Зайцева правильно отмечал в одной рецензии Ф.А.Степун).

Тот же прием перехода от авторской речи к непрямому внутреннему монологу применяется Зайцевым в его самом крупном произведении — «Путешествии Глеба»[43]. Здесь, при наличии центрального героя, глазами которого подан мир, этот прием представляется менее оправданным. Автор то и дело подставляет себя на место своего героя, с которым читатель и без того отождествляет его. Это ведет к анахронизмам и, в первой части, к искажению местами детской психологии. Трилогия, составляющая рассказ о жизненном «путешествии» Глеба, охватывает период от дореволюционного детства в небольшой усадьбе в Калужской губернии до эмигрантского житья во Франции. Жизнь Глеба показана на общем фоне русской жизни и русских судеб и в окружении многочисленных эпизодических фигур, но в центре романа стоят сначала Глеб и его родители, а потом Глеб и его жена и дочь. В каком-то смысле «Путешествие Глеба», особенно две первые части его, — pendant* к «Жизни Арсеньева» Бунина, и именно потому на этих вещах особенно ясно обнаруживается разница и писательского существа, и писательской манеры обоих. У Бунина несомненно больше силы и глубины, не говоря о бесподобном словесном мастерстве.

---

[43] Первая часть этого явно автобиографического «романа» (Глеб — довольно прозрачный псевдоним Бориса) под этим именно названием печаталась в «Современных записках» и вышла отдельным изданием в 1937 году. Следующие части трилогии были опубликованы по отдельности уже после войны: «Тишина» (1948) и «Древо жизни» (1953).

* Соответственное (*франц.*) — *Ред.*

Особняком в творчестве Зайцева стоят произведения из советской жизни — повесть «Анна» (1929) и несколько рассказов в книге «Странное путешествие» (1927)[44]. В «Анне» некоторым критикам почудился поворотный пункт в творчестве Зайцева. В этой повести обращало на себя внимание композиционное единство, уплотнение образной и словесной ткани и какая-то общая трагическая напряженность тона, особенно в обрисовке самой героини повести и в ее трагическом конце. Не по-зайцевски крепко звучали некоторые описания, например, насыщенно-жуткое описание ночного избиения свиней на хуторе во избежание советской реквизиции. Но в дальнейшем — в «Доме в Пасси» и в трилогии — Зайцев вернулся к своей прежней, более расплывчатой и фрагментарной манере.

Зайцевские писательские биографии — «Жизнь Тургенева» (1932), «Жуковский» (1951) и «Чехов» (1954) — не имеют себе точных параллелей в русской литературе. Не совсем похожи они и на модные в свое время французские «романсированные» биографии. Во всех трех случаях, хотя и в разной степени, продиктованы они большой внутренней симпатией и даже сродством с изображаемым писателем и построены поэтому на методе вчувствования. Обычный, свойственный Зайцеву лирический импрессионизм, тенденция к стилизации характеризуют их письмо. Пожалуй, из трех этих книг наиболее удачная — о Жуковском. Зайцеву принадлежит также книга воспоминаний о Москве («Москва», 1939).

Зайцев, который продолжает жить в Париже, оказался стойким и последовательным в своем неприятии революции. В основе этого неприятия — глубокое религиозное чувство. Россия стала для него потонувшим градом Китежем. И совсем в духе своего Мельхиседека, который запомнится наряду с некоторыми «праведниками» Лескова, он говорит (в своем «Вандейском эпилоге»):

«И если вот чужбина, одиночество, родины нет, значит, так Богу угодно. Что могу я сказать со своим крохотным умом?».

6. Куприн

А.И.Куприн, которого называли самым жизнелюбивым и бодрым из новейших русских писателей, как-то всех больше оказался выбит из колеи эмиграцией, всех скорее сдал. С 1925 по 1937 год, когда он уехал в Россию, им было написано небольшое количество рассказов, один короткий и один длинный роман. «Колесо времени» (1930), названное романом, больше похоже на небольшую повесть или даже на длинный рассказ[45]. Это одна из немногих вещей Куприна на эмигрантские темы. В ней много от старого Куприна, и нет еще признаков упадка. То же можно сказать и о его большом романе «Юнкера» (1933), явно автобиографичном, целиком ретроспективном, описывающем жизнь военного училища и дореволюционной Москвы. В 1933 году Куприн напечатал также в «Современных записках» небольшую повесть «Жанета», выпущенную потом отдельной книжкой. В грустно-сентиментальных, не совсем купринских тонах здесь повествуется о дружбе между старым, опустившимся или опускающимся профессором-эмигрантом и шестилетней французской девочкой — вернее, даже не дружбе, а какой-то бессознательной тяге выброшенного из жизни старика, собственная семейная жизнь которого сложилась неудачно еще до революции, к чужому ребенку.

---

[44] «Анна» и два рассказа из «Странного путешествия» были переизданы вместе с рассказом о начале литературной карьеры и небольшим «Вандейским эпилогом» в книге «В пути» (1951), выпущенной по случаю 50-летия литературной деятельности Зайцева.

[45] В книгу под этим названием, изданную в Белграде, вошло также несколько более коротких рассказов, частью из русской, частью из эмигрантской жизни. Годом раньше вышла, тоже в Белграде, книга более ранних рассказов под названием «Елань».

Как бы ни оценило потомство Куприна (Бунин говорил о его «чрезвычайной талантливости», Алданов в некрологе назвал его «большим писателем»), его будут судить главным образом по его дореволюционным произведениям.

Куприн скончался от рака в петербургской больнице в ночь на 25 августа 1938 года. Как писал в «Современных записках» М.А.Алданов:

> *«Если бы Александр Иванович Куприн скончался в Париже, его у нас наверное проводили бы к могиле так же, как Шаляпина. Но и без того память его была за рубежом России почтена всеми как следовало. Холодка, который мог бы создаться довольно естественно, в эмиграции не чувствовалось или почти не чувствовалось. В СССР, напротив, был даже не холодок, а самый настоящий бойкот».*

Последнее, впрочем, не совсем верно. Смерть Куприна, может быть, и прошла почти незамеченной в Советском Союзе, но произведения его не бойкотировались. Их стали переиздавать сразу после его возвращения, продолжают издавать и сейчас. В выпущенный в 1947 году однотомник вошли и главы из «Юнкеров», но целиком эта вещь, кажется, не переиздавалась, как и некоторые другие вещи зарубежного периода. Вскоре после возвращения Куприна из-за границы в «Известиях» и «Комсомольской правде» появились отрывки из его воспоминаний.

7. Алданов

После исторической тетралогии, о которой уже говорилось в первой части, М.А.Алдановым было издано до войны, не считая небеллетристических произведений, одной пьесы и одного рассказа[46], еще семь романов, так или иначе связанных с тетралогией. Правда, три из них едва ли могут называться романами, принадлежа к тому роду литературы, который в XVIII в. назывался conte philosophique*. Так определил сам Алданов жанр своей «Десятой симфонии», а двум другим коротким, нероманного типа вещам («Пуншевая водка» и «Могила воина») он дал подзаголовок «сказка», назвав первую «Сказка о всех пяти счастьях», а вторую — «Сказка о мудрости». Ко всем этим вещам, связанным между собой неким единством замысла, примыкают три романа, написанные и напечатанные уже после войны («Истоки», «Повесть о смерти» и «Живи, как хочешь»). Общей темой всех этих четырнадцати «романов» Алданова является «волнующая связь времен». Они охватывают период с 1762 года («Пуншевая водка») по 1948 год («Живи, как хочешь»).

На первый взгляд общего между ними мало. К тетралогии, в центре которой стоят события французской революции и наполеоновских войн и которая охватывает период с 1792 по 1821 год, примыкают, с одной стороны, «Десятая симфония», действие которой частично происходит тоже в наполеоновскую эпоху (Венский конгресс), но где рамки этой эпохи раздвигаются и захватывают начало Третьей империи (не говоря о входящем в эту вещь очерке об Азефе, который связан лишь в символическом плане с рассказом о французском художнике Изабе и о Бетховене), а с другой стороны — «сказки» о Байроне («Могила воина») и о Петре III («Пуншевая водка»), а также три романа о русской революции («Ключ», «Бегство», «Пещера»),

---

46 Пьеса «Линия Брунгильды», действие которой происходит осенью 1918 года в оккупированной немцами Украине с эпилогом в Париже, была напечатана в 1937 году в «Русских записках» и издана в 1938 году вместе с рассказом «Бельведерский торс», в котором действие происходит в Риме в эпоху Возрождения и где действуют Микеланджело и Вазари. Книга была озаглавлена по этому рассказу.

* Философский рассказ (*франц.*) — *Ред.*

причем в третьем из них действие происходит уже в эмиграции; роман об истоках той же революции («Истоки»), в центре которого — цареубийство 1 марта 1881 года и где в числе действующих лиц выступают Маркс, Бакунин, Гладстон; «Повесть о смерти», где действие происходит — частью в России, частью в Европе — в 1847-1850 годах и где главным историческим персонажем является Бальзак, и два романа о современности — «Начало конца», где показан мир накануне Второй мировой войны, и «Живи, как хочешь», где изображен уже послевоенный период. Как и в случае первоначальной тетралогии, из которой выросла вся серия, хронология появления этих романов на свет не совпадает с их внутренне хронологической последовательностью[47]. Каждый из романов, составляющих серию, самостоятелен, но их связывает между собой многое — от некоторых общих действующих лиц (или их предков и потомков) до тонких и сложных историко-философских нитей.

На основании тетралогии Алданов был зачислен в исторические романисты, его называли обновителем этого жанра. В каком-то смысле, конечно, и его романы о современности или недавней истории являются историческими. Но во всяком случае это не обычные исторические романы. В трилогии о русской революции, например, кажется, все персонажи выдуманные, если не считать появляющегося ненадолго Шаляпина. То же можно сказать и о романах из еще более близкой эпохи, даже если в них и упоминаются исторические лица. Это отличает их от тетралогии или от «Десятой симфонии», где на первом плане лица исторические, а персонажи выдуманные введены как необходимые винтики, без которых весь механизм не стал бы действовать. Но с другой стороны, как уже отмечал известный историк А.А.Кизеветтер в рецензии на «Чертов мост», Алданова и в истории больше интересуют люди, чем события. Его тема — ирония судьбы, для него суета сует — лейтмотив всей истории человечества. Кизеветтер писал, что по основным заданиям своего творчества Алданов не романист-археолог, а художник, изображающий некую основную стихию человеческого существования, сопутствующую человеку во все века и на всех географических широтах.

Вместе с тем из всех зарубежных романистов старшего поколения Алданов остался всех верней традиции романа, всего менее повинен в лирической его деформации, которую можно — если подходить к роману как традиционному жанру — вменить и Бунину, и Зайцеву, и даже Шмелеву. Но, может быть, прав В.В.Вейдле, что при всех толстовских приемах Алданова (которые, скажем, особенно чувствуются в его первых вещах и объясняются, вероятно, ученичеством) традиция, которая стоит за его романами, — это традиция не русская, а западноевропейская, в частности французская. Алданов изображает по преимуществу типическое, говорит Вейдле и продолжает:

> *«Люди привлекают его не поскольку они неповторимы, а поскольку они повторяются... все мы знали Яценок, Фоминых, бывали в гостях у Кременецких, смеялись над Сонечкой, занимали Мусю, слушали остроты Никонова; но кто скажет, что насчитывал в числе своих друзей Чичикова, Болконского или Смердякова? Герои Алданова напоминают нам наших знакомых; герои русского классического романа никого не напоминают, они*

[47] Вот порядок, в котором эти романы были написаны Алдановым (в скобках даем, где надо, год первоначальной журнальной публикации, не всегда совпадающий с годом отдельного издания): «Святая Елена, маленький остров» (1921), «Девятое термидора» (1921-1922), «Чертов мост» (1924-1925), «Заговор» (1926-1927), «Ключ» (1928-1929), «Бегство» (1930-1931), «Десятая симфония» (1931), «Пещера» (1932-1935), «Начало конца» (1936-1942), «Пуншевая водка» (1938), «Могила воина» (1939), «Истоки» (1943-1945), «Живи, как хочешь» (1952), «Повесть о смерти» (1952-1953). Последний роман Алданова «Бред» (1955) в эту серию как будто уже не входит.

сами становятся новыми нашими знакомыми, более истинно сущими, более живыми, чем те, с кем нас сталкивает сама жизнь»[48].

По мнению Вейдле, романы Алданова надо поэтому сравнивать с такими превосходными образцами французского и английского романа, как «Семья Тибо» Роже Мартен дю Гара или «Контрапункт» Олдоса Хаксли.

В романах Алданова есть несомненные недостатки, даже в лучших из них. Ему совсем не удаются героини (это надо особенно сказать о двух Надях — в «Начале конца» и в «Живи, как хочешь»; последняя вещь вообще наиболее слабая из крупных вещей Алданова), и вообще женщины выходят у него гораздо хуже мужчин; при всей занимательности его романов у него нередки длинноты и скучные места; у него часто оказывается невыдержанной «точка зрения», и происходит «антиципирование» событий (например, в одной сцене с Гладстоном в «Истоках»). К достоинствам Алданова надо отнести умелое построение романов, тонкую игру иронии и при этом полную непредвзятость в изображении исторических и особенно современных и до сих пор спорных событий, и удачное изображение многих персонажей, особенно второго плана (критика почти единодушно отметила такую блестящую удачу, как адвокат Кременецкий в «Ключе» и «Бегстве», это законченное воплощение добродушного и симпатичного пошляка, но удаются Алданову и люди совсем другого склада, более похожие на него самого, вроде Вермандуа в «Начале конца», на котором, впрочем, тоже есть легкий налет пошлости). Но все же, при всех качествах Алданова-романиста, возникает вопрос, не лучше ли удались ему его короткие «философские сказки», особенно «Десятая симфония», не говоря о его небеллетристических этюдах об исторических фигурах и знаменитых современниках, вошедших в книги «Современники» (1928), «Портреты» (1931) и «Зéмли, люди» (1932)[49]. В предисловии к «Десятой симфонии» Алданов сам писал: «Волнующая связь времен в своей слитности непостижима — это, может быть, довод в пользу отрывочного, миниатюрного искусства». Но, тем не менее, и после того Алданов продолжал трактовать тему «волнующей связи времен» в форме длинных романов, один из которых («Живи, как хочешь») он — в порядке интересного, но не очень удачного эксперимента — осложнил двумя вставными пьесами, приписанными одному из персонажей романа. Один критик назвал «Бегство» Алданова «умной, трезвой и горькой книгой». Эта характеристика применима и ко всему творчеству Алданова. Уже после завершения им большой серии романов вышла его замечательная, написанная в форме философских диалогов книга «Ульмская ночь» (1953), в своей трактовке проблемы случая в истории являющаяся комментарием к романам.

Из всех зарубежных писателей Алданов имел наибольший успех у нерусского читателя. Его романы переведены были на двадцать с лишним языков. В 1943 году американское общество «Book-of-the-Month Club» остановило свой выбор на «Начале конца» (по-английски «The Fifth Seal»), что повело к протестам со стороны некоторых советофильских элементов и оживленной полемике в печати, а в 1948 году другой роман Алданова «Истоки» (по-английски «Before the Deluge») был выбран британским «Book Society».

8. Осоргин

До революции М.А.Осоргин (настоящая фамилия — Ильин) был известен как талантливый журналист, иностранный корреспондент русских либе-

[48] Рецензия на «Бегство», «Совр. записки», 1932, XLVIII, стр. 473.

[49] Не облечена в беллетристическую форму и «Юность Павла Строганова» (1932), примыкающая по содержанию к тетралогии.

ральных газет и журналов, хороший знаток Италии. Первая его беллетристическая вещь («Три повести») вышла в 1917 году, но по-настоящему беллетристом он стал уже за границей, куда был выслан советской властью в 1922 году и где сразу же стал сотрудничать в ряде газет и журналов. Писал много по вопросам языка и о книгах — был страстным книголюбом и знатоком старой русской книги. От политики, особенно эмигрантской, чувствовал сильнейшее отталкивание, но, любя плыть против течения, выступал иногда с заявлениями, которые давали повод к обвинениям в «соглашательстве». В предвоенные годы поселился в деревне, недалеко от Парижа, и повел кампанию против современной городской цивилизации и за возврат к природе. Печатавшиеся на эту тему в «Последних новостях» фельетоны составили последнюю прижизненную книгу Осоргина: «Происшествия зеленого мира» (София, 1938).

За свое пребывание за рубежом Осоргин выпустил не менее десяти книг, и кроме того две его книги вышли посмертно. Но из них бóльшая часть не может быть отнесена к беллетристике[50]. Все же на счету Осоргина четыре романа («Сивцев Вражек», «Свидетель истории», «Книга о концах» и «Вольный каменщик») и книга рассказов «Чудо на озере» (1931). Роман «Сивцев Вражек» (1928), которым Осоргин дебютировал как романист, имел совершенно неожиданный успех и принес Осоргину и славу, и деньги. Русские отзывы об этом романе о судьбах нескольких людей в начале большевицкой революции были более сдержанны. Благожелательный к Осоргину Б.К.Зайцев отмечал неровность и многочисленные недостатки романа (наряду с достоинствами). Некоторая старомодность соединялась в нем с выдававшей новейшие влияния кинематографичностью построения. Язык был простой, точный и выразительный. По поводу рассказов Осоргина К.В.Мочульский писал, что он «своей простоте учился у Тургенева и Аксакова», что он «связан с ними не только литературно, но и кровно». Но, отмечая присущие Осоргину «пристальность взгляда, чувство русской природы, любовь к земле», Мочульский не отметил его чувства юмора, характерной для него добродушно-иронической усмешки, которая особенно чувствуется в его романах «Свидетель истории» и «Вольный каменщик». «Свидетель истории» (1932) — роман о деятельности террористов в 1905-1906 годах. Героиня его и некоторые другие персонажи списаны с живых лиц, в центре повествования — действительные события, в том числе взрыв на Аптекарском острове и знаменитый побег революционеров из московской женской тюрьмы. Но назван роман по выдуманному лицу: «свидетель истории» — некий о. Яков, колесящий по России вдоль и поперек «беcприходный поп», которому «все любопытно» и который все любопытное записывает. Многие эпизоды и персонажи романа даны через восприятие этого нарочито чудаковатого «свидетеля истории» и потому в несколько ироническом преломлении[51].

В «Вольном каменщике» (1937) действие происходит в эмиграции. Герой романа, рядовой эмигрант, бывший провинциальный почтовый чиновник с чисто русской фамилией Тетёхин, вступает в Париже во французскую масонскую ложу. В романе затронуты современные проблемы: рост тоталитаризма в мире, денационализация русской эмиграции (сын Тетёхина — типичный рус-

---

[50] Таковы: «Там, где был счастлив» (1938) — воспоминания о дореволюционной жизни в России и в Италии; «Вещи человека» (1929) — воспоминания об отце и матери; «Происшествия зеленого мира» и обе посмертные книги («Письма о незначительном» и «Времена»). На грани беллетристики стоит художественно написанная биография собственной сестры — «Повесть о сестре» (1930), которую некоторые считают лучшей вещью Осоргина.

[51] Тот же о. Яков появляется снова в «Книге о концах» (1935), романе, независимом по фабуле, но связанном со «Свидетелем истории» общностью некоторых действующих лиц и потому служащем как бы его продолжением.

ский «Жоржик», да и сам Тетёхин, оставаясь насквозь русским, отходит от бытовых и общественных интересов эмиграции), проблема урбанистической цивилизации и т.п. Многое воспринимается в романе как сатира. В отличие от первых вещей Осоргина, роман написан в игриво-замысловатом стиле, с игрой сюжетом, постоянным ироническим вторжением автора, с элементами «конструктивизма» (смысловая и стилистическая роль масонских символов и терминологии). Чувствуется, с одной стороны, влияние Замятина и советских «неореалистов», с другой — нарочитая попытка стилизации под XVIII век.

«Вольный каменщик» был, по-видимому, последним беллетристическим произведением Осоргина. В отличие от многих русских писателей во Франции, Осоргин остался жить под Парижем, когда пришли немцы. Он скончался в 1942 году.

9. Темирязев и другие

В 1928-1929 годах в «Современных записках» были напечатаны два рассказа *Б.Темирязева* — «Домик на 5-ой Рождественской» и «Сны». Рассказы — оба из начальной эпохи революции — почти неизвестного до тех пор автора (впрочем, один его рассказ был до того отмечен на конкурсе «Звена») обратили на себя внимание и своими советскими сюжетами, и своей явной непохожестью на обычные произведения зарубежной литературы. В талантливости их автора не могло быть сомнения, и вместе с тем он не похож был на новичка в литературе. Пошли догадки о том, кто скрылся под псевдонимом «Темирязев». Когда в 1934 году в издательстве «Петрополис» в Берлине вышел большой роман, озаглавленный «Повесть о пустяках» (роман был частично из советской, частично из эмигрантской жизни, и речь в нем шла не о «пустяках», а о революции, — было в названии, как отметил один критик, дурное кокетство), рецензент «Современных записок» (А.Савельев) писал, вспоминая более ранние рассказы Темирязева, что «по содержанию, тону и словесной ткани» они «настолько отличались от произведений эмигрантской литературы, что в авторе заподозрили скрывшегося за псевдонимом талантливого советского писателя». Другой критик (М.К-р во «Встречах») увидел в Темирязеве овцу, рядящуюся в волчью шкуру, и писал:

> *«Раскроешь эту книгу наугад — и быстро возвращаешься к заглавному листу: действительно ли, место издания — Берлин? не Москва ли? не Госиздат ли ее выпустил? Но затем, принявшись за чтение, быстро убеждаешься, что первое впечатление обманчиво, что "советского" в книге только и есть, что приемы и "приемчики"...»*

Приведя несколько образчиков таких советских технических приемов и упомянув о наличии в романе «монтажа в духе Дос Пассоса», критик «Встреч» спрашивал:

> *«Откуда это? Эренбург, Федин, Олеша, Шкловский? Ясно во всяком случае, что это всё от литературы и еще точнее: от литературы советской. У Темирязева нет... политической тенденции... но "письмо" его, но фактура его романа сводится почти исключительно к использованию готовых клише советского изделия. Зачем понадобилась эта волчья шкура, довольно притом уже полинявшая?»*

Слиянность Темирязева с миром советской литературы эпохи нэпа отмечал и молодой критик и романист Юрий Фельзен в «Числах». Признавая

природную талантливость Темирязева и самостоятельность его подхода, он упрекал его в чрезмерном «изобретательстве», которое он, по собственному его признанию, ценит в художнике больше всего.

В том, что Темирязев находился под влиянием советской литературы, действительно не могло быть сомнений. Не какого-нибудь отдельного писателя, а именно всей советской литературы 20-х годов в целом. Может быть, даже правильнее было говорить о влиянии тех писателей, которые повлияли на молодую советскую литературу, особенно Белого и Замятина (влияние Замятина чувствовалось очень явственно). Чувствовались и иностранные влияния, может быть, воспринятые непосредственно, а может быть, тоже шедшие через советскую литературу, — немецкого экспрессионизма, а в «Повести о пустяках» несомненно и Дос Пассоса. И был при этом в писаниях Темирязева какой-то неприятный душок, что-то «некрофильское», как отметил Савельев. Душок этот особенно сгустился в последнем и до сих пор целиком не изданном произведении Темирязева — романе «Тяжести», отрывки из которого печатались в журналах в 1935-1938 годах.

Из всего напечатанного Темирязевым наиболее удачен был рассказ «Домик на 5-ой Рождественской», где страшные сцены революции даны на фоне «потерявшего реальность, неповторимо прекрасного Петербурга», увиденного глазами художника, — Петербурга развалин, ожидающего своего Пиранези. И рассказы и романы Темирязева характеризуются разорванной, многопланной композицией, без центральных персонажей, иногда с повествованием, развертывающимся в обратном порядке, и любовью к гротеску. Это чистейший сюрреализм. В коротких рассказах это получается у Темирязева довольно эффектно, в романах — и особенно в «Тяжестях», где читатель быстро теряет и нить рассказа, и представление о времени, и об отношениях между действующими лицами, которые в большом числе и появляются и исчезают, как марионетки, а иногда оказываются лишь пустыми именами, игрой авторского ума, — этот словесный collage довольно быстро приедается, не говоря о таких безвкусицах, как нарочито безграмотная, черносотенная речь, вложенная в уста генерал-майора Груздевича на новогоднем банкете в ресторане «Березка» и занимающая четыре страницы.

В настоящее время стало общеизвестно, что под псевдонимом «Б.Темирязев» скрывался не какой-нибудь советский писатель, а талантливейший художник-портретист Юрий Анненков. Рецензент «Современных записок» неслучайно говорил о «гипертрофии зрительных восприятий» у Б.Темирязева.

Новыми в литературе были и имена *Т.Таманина* и В.Корсака. Таманину (псевдоним Т.И.Манухиной, написавшей позднее книгу об Анне Кашинской) принадлежал роман «Отечество» (1933). Этот длинный аллегорический роман à thése*, обнаруживавший сильную зависимость от Достоевского (тема революции дана в нем в духовном плане) и страдавший большими художественными недостатками, был интересен, как отмечала критика, как результат подлинного духовного опыта.

В.В.Корсак начал с целой серии мемуарных книг, вышедших между 1927 и 1931 годами («Плен», «Забытые», «У Красных», «У Белых», «Великий исход»), в которых правдиво и хорошо описывал свое участие в Первой мировой войне, плен у немцев, гражданскую войну и исход из России. Книги эти были ценны и как человеческий документ, и как памятник эпохи. К ним примыкала еще одна, написанная уже в полубеллетристической форме, — «Под новыми звездами» (1933), о пребывании автора в Египте в начале

* Для подтверждения мысли (*франц.*) — *Ред.*

эмиграции. Но кроме того Корсаком между 1929 и 1939 годами было издано несколько полуавтобиографических романов из эмигрантской жизни («История одного контролера», «Юра» и др.). Посмертно вышли еще три его романа, тоже из зарубежной жизни: «Один», «Вдвоем» и «Со всеми вместе». Все эти романы читаются не без приятности и не без интереса, но настоящим романистом Корсак не был.

Из более легкой литературы можно отметить роман *Б.А.Суворина* «Фазан» (1927) из дореволюционной жизни людей, «живущих вкусно, хотя несколько однообразно, от ресторана к ресторану, от "Медведя" к "Максиму", из "Славянского базара" на скачки, оттуда в "Мавританию", или в "Буфф", или в "Аквариум", или еще куда», как писал немного иронически М.А.Осоргин. Тем не менее Осоргин, человек совершенно другого лагеря, говорил о романе Суворина, что он написан «очень хорошо, легко, приятно и занятно».

Более высокого разбора небольшой и своеобразно написанный, без твердой фабулы и с разными лирическими отступлениями, роман *И.Д.Сургучева* «Ротонда» (1928), в котором действие развивается вокруг турне эмигрантской труппы лилипутов и происходит в Бельгии и во Франции. Сургучеву принадлежит также книга рассказов («Эмигрантские рассказы», 1927), в которую вошла и небольшая пьеса из ранней эмигрантской жизни «На реках Вавилонских», напечатанная первоначально в «Современных записках». Не совсем заслуженно прославившийся до революции как драматург только потому, что Московский Художественный театр поставил «в чеховских тонах» его пьесу «Осенние скрипки», Сургучев — писатель несомненно талантливый, напоминающий немного Куприна, но внутренне вульгарный. Вульгарность эта особенно проявилась в его публицистических и литературно-критических статьях (типичный образчик этой вульгарности — то, как он пишет о В.М.Зензинове в статье «Горький и дьявол» в тетради 46-й парижского «Возрождения», 1955). Во время войны Сургучев принадлежал к тем немногочисленным русским писателям во Франции, которые ориентировались целиком на немцев. Со времени войны он напечатал ряд рассказов, очерков и статей в парижском «Возрождении».

Глава III

МЛАДШИЕ ПРОЗАИКИ

1. Набоков-Сирин

Выше уже было сказано, что ранние стихи В.В.Набокова-Сирина[52] не получили особенно высокой оценки у взыскательных критиков. Известность, а затем и слава пришли к нему, когда он перешел на прозу, да и то признание было не немедленным и не единогласным. Г.В.Адамович, погрешая против истины (вероятно, потому что он сам довольно поздно заметил Сирина), писал в «Последних новостях» в 1934 году: «О Сирине наша критика до сих пор ничего еще не сказала. Дело ограничилось лишь несколькими заметками "восклицательного" характера». Это было сказано по поводу «Камеры обскура», *пятого* романа Сирина, о котором тут же со свойственной ему капризностью Адамович писал, что это «блестяще-пустая, раздражающе-увлека-

[52] В дальнейшем в этой главе мы будем, говоря о довоенном периоде, для краткости называть его Сириным, хотя он и не употребляет больше этого немного претенциозного псевдонима. Но во-первых, этот псевдоним слишком сросся с ним в представлении его читателей и особенно поклонников, а во-вторых, так писали о нем тогдашние критики, которых придется цитировать.

тельная вещь» и что роман этот «значительно выше любого из прежних сиринских романов» (суждение, на редкость бьющее мимо цели; позднее Адамович из всех романов Сирина предпочитал «Отчаяние»). На самом деле о Сирине к этому времени было написано много. Его первый же роман «Машенька» (1926), оригинально задуманный и построенный, с неожиданной развязкой, был благосклонно, но без всяких «восклицаний», встречен критикой. О нем писали Ю.Айхенвальд в «Руле», М.Осоргин в «Современных записках», Г.Струве в «Возрождении» и др. Правда, Осоргин в каком-то смысле попал пальцем в небо, предсказывая Сирину будущее бытописателя эмиграции, но это другое дело. Второй роман Сирина — «Король, дама, валет» (1928) — действительно привлек недостаточно внимания, хотя это была вещь весьма замечательная и своеобразная, ни на что другое ни в тогдашней, ни в прежней русской литературе не похожая. Но все же о ней дал довольно длинный отзыв в «Современных записках» (XXXVII) М.Цетлин. Упомянув о влиянии на Сирина немецкого экспрессионизма, он писал — отнюдь не в восклицательном тоне — о несомненности таланта и незаурядности литературных данных Сирина. Третий роман Сирина — «Защита Лужина» (1930) — во многом представлявший шаг вперед, вызвал уже много толков. Привлек он и внимание самого Адамовича — очевидно, потому что это был первый роман Сирина, напечатанный в «Современных записках», и Адамович отозвался на него, говоря об очередной книге журнала, и назвал его «выдуманным, надуманным». По поводу «новизны» Сирина, о которой уже все говорили, Адамович отметил, что это «новизна повествовательного мастерства, но не познавания жизни». Но это не значит, что вся зарубежная критика к этому времени уже отделывалась от Сирина так легко. «Защита Лужина» была более или менее единогласно признана тем романом, в котором Сирин по-настоящему нашел себя. И сейчас еще найдутся люди, которые считают этот роман лучшей вещью Сирина. О нем писали Б.К.Зайцев, В.Ф.Ходасевич, А.Л.Бем, М.Л.Слоним, А.Савельев и др. В связи с окончанием печатания «Защиты Лужина» в «Современных записках» и еще до выхода его отдельным изданием появились две большие критические статьи о творчестве Сирина в целом, которые никак нельзя отнести к «заметкам восклицательного характера»: автора настоящей книги и Н.Е.Андреева[53]. Обе содержали очень высокую оценку Сирина. Но были и отзывы резко отрицательные, которые тоже нельзя было подвести под определение Адамовича. Об одном из них едва ли мог он запамятовать. Это была статья его когда-то большого друга и соратника по «Цеху поэтов», а в эмиграции сотрудника по «Числам» — Георгия Иванова. Она появилась в № 1 «Чисел» и представляла собой сводный отзыв о трех первых романах и первой книге рассказов Сирина. Это был отзыв грубый по тону и резкий по существу, вызвавший суровую отповедь в ряде других органов, в том числе в далекой Сирину «Воле России». Подчеркивая, что в «Короле, даме, валете» «старательно скопирован средний немецкий образец», а в «Защите Лужина» — французский и что, поскольку оригиналы хороши, «и копия, право, недурна», Иванов сосредоточил свой огонь на «Машеньке» и книге рассказов «Возвращение Чорба», о которых он писал:

«...В этих книгах до конца, как на ладони, раскрывается вся писательская суть Сирина. "Машенька" и "Возвращение Чорба" написаны до счастливо

[53] Глеб Струве, «Творчество Сирина», «Россия и славянство» (Париж), 17 мая 1930 года; Николай Андреев, «Сирин», «Новь», третий сборник произведений и статей молодежи ко «Дню русской культуры» (Ревель), октябрь 1930 года.

найденной Сириным идеи перелицовывать на удивление соотечественникам “наилучшие заграничные образцы”, и писательская его природа, не замаскированная заимствованной у других стилистикой, обнажена в этих книгах во всей своей отталкивающей непривлекательности.

*В “Машеньке” и в “Возвращении Чорба” даны первые опыты Сирина в прозе и его стихи. И по этим опытам мы сразу же видим, что автор “Защиты Лужина”, заинтриговавший нас... своей мнимой духовной жизнью, — ничуть не сложен, напротив, чрезвычайно “простая и целостная натура”. Это знакомый нам от века тип способного, хлесткого пошляка-журналиста, “владеющего пером” и на страх и удивление обывателю, которого он презирает и которого он есть плоть от плоти, “закручивает” сюжет “с женщиной”, выворачивает тему, “как перчатку”, сыплет дешевыми афоризмами и бесконечно доволен» *.*

Сирин дальше сравнивался с кинематографическим самозванцем, с графом, втирающимся в высшее общество, но, несмотря на безукоризненный фрак, «благородные» манеры и длинное генеалогическое дерево, остающимся «самозванцем, кухаркиным сыном, черной костью, смердом». Иванов прибавлял, что не всегда такие графы разоблачаются и что он не знает, что будет с Сириным:

«Критика наша убога, публика невзыскательна, да и “не тем интересуется”. А у Сирина большой напор, большие имитаторские способности, большая, должно быть, самоуверенность...».

За Иванова, за его право говорить, что думает и как хочет, заступилась в «Числах» же З.Н.Гиппиус (формально она была, конечно, права), которая мимоходом назвала Сирина писателем «посредственным» (позднее она, однако, признала его «талантом», но таким, которому «нечего сказать»). Но к 1934 году никто уже (кроме, может быть, того же Иванова) не смотрел на Сирина ни как на «самозванца», ни как на «посредственного» писателя. Многие им восхищались (между прочим, эмигрировавший в 1931 году Е.И.Замятин сразу же объявил Сирина самым большим приобретением эмигрантской литературы), почти все ему удивлялись. В дальнейшем и Адамович имел право сказать о себе (в 1938 году), что он не всегда говорил о Сирине с одобрением, но всегда с удивлением. Его отзывы о Сирине после 1934 года пестрят такими выражениями, как «замечательный писатель, оригинальнейшее явление», «талант подлинный, несомненный, абсолютно очевидный», «исключительный, несравненный талант»; но эти характеристики почти неизменно сопровождаются очень существенными оговорками.

В чем почти вся критика сходилась в отношении Сирина, это именно в удивлении перед его «замечательным», «бесспорным», «оригинальным» писательским талантом, а также в признании его «нерусскости». Удивляла, даже поражала прежде всего плодовитость Сирина, та легкость, с которой он «пек» роман за романом. Между 1930 годом, когда вышло отдельное издание «Защиты Лужина» (переведенной вскоре на французский язык), и 1940 годом, когда Сирин покинул Европу, чтобы вскоре почти перестать быть русским писателем (и стать американским), им было напечатано шесть романов, ряд рассказов и две пьесы, из которых одна была поставлена в Париже. Вот в хронологическом порядке их появления эти шесть романов: «Соглядатай» (1930; 1938), «Подвиг» (1932), «Камера обскура» (1932; 1934), «Отчаяние»

---

* Грамматическая несогласованность в последней фразе — на ответственности Г.Иванова или корректора «Чисел». — *Г.С.*

(1934; 1936), «Приглашение на казнь» (1935; 1938), «Дар» (1937-1938, 1952)[54]. В последней книге «Современных записок» (1940, LXX) появилось начало нового романа Сирина — «Solus rex», который обещал быть политической сатирой. Еще одна глава этого романа была напечатана в виде отдельного рассказа («Ultima Thule») во время войны в «Новом журнале». Роман не был закончен, но возможно, что частично замысел его был позднее воплощен автором в его американском романе «Bend Sinister» (1947). Пьесы Сирина — «Событие» (1938) и «Изобретение Вальса» (1938), напечатанные в «Русских записках», отдельно не издавались. Из ранних рассказов, напечатанных в газетах и журналах, бóльшая часть осталась неизданной, лишь немногие вошли в книгу «Возвращение Чорба» (1930). После этого двенадцать рассказов было включено в одну книгу с коротким и очень интересным романом «Соглядатай», за восемь лет до того напечатанным в «Современных записках» (сюда вошел один из лучших и наиболее характерных рассказов Сирина — «Пильграм»). Перед войной готовилась еще одна книга рассказов, куда должен был войти напечатанный в «Современных записках» рассказ «Весна в Фиальте», но издание это не осуществилось. В предвоенные годы Сириным было напечатано в «Современных записках» и «Русских записках» несколько интересных рассказов («Посещение музея», «Истребление тиранов», «Лик» и др.).

Но, помимо творческой плодовитости и легкости, удивляло в Сирине и необыкновенное мастерство, виртуозное обращение со словом и органический дар композиции. По поводу одного вечера в Париже, на котором Сирин читал свои вещи, М.А.Алданов писал в «Последних новостях» о «беспрерывном потоке самых неожиданных формальных, стилистических, психологических, художественных находок», а осторожный Адамович говорил, что «удивляет и пленяет не стиль, не умение прекрасно писать о чем угодно, а слияние автора с предметом, способность высекать огонь отовсюду, дар найти свою, ничью другую, а именно свою тему и как-то так ее вывернуть, обглодать, выжать, что, кажется, больше ничего из нее уж и извлечь было невозможно» («Последние новости», 7-Х-1937). Это сказано хорошо и метко, хотя умение Сирина писать «о чем угодно» можно было бы поставить под сомнение. Во всяком случае, чем больше критика отдавала себе отчет в блеске сиринского таланта, в его единственности, его непохожести ни на одного из его предшественников в русской литературе, тем больше возникало «сомнений», тем больше говорилось (довольно неопределенно) о чем-то «неблагополучном» в этом исключительном таланте. Впрочем, по поводу «непохожести»: многие, в том числе Адамович и Бицилли, находили у Сирина сходство с Гоголем, а Бицилли по поводу «Приглашения на казнь», в котором он видел «возрождение аллегории» (так называлась его статья в кн. 61-й «Современных записок»), устанавливал происхождение Сирина от Салтыкова-Щедрина[55]! В более ранних вещах Сирина М.О.Цетлин усматривал

[54] Будущему исследователю творчества Набокова, которому «Дар» может показаться если не ключом ко всему этому творчеству, то во всяком случае фокусом, который вобрал в себя все наиболее характерные его черты, интересно будет выяснить, когда был написан этот роман. В предисловии к отдельному изданию, которое вышло уже после войны в Нью-Йорке (Изд-во имени Чехова) с включением одной главы и отдельных эпитетов, опущенных в «Современных записках» из пиетета к Чернышевскому, говорится, что роман этот был написан «в начале 30-х годов». Это означает, что он написан до «Приглашения на казнь», а может быть, и «Отчаяния», но напечатан он был после них, в 1937-1938 годах.

[55] Слабым местом П.М.Бицилли, показавшего себя критиком не только широко начитанным, но и умным и интересным, было выискивание сходств и параллелей везде, где можно. Это особенно бьет в глаза в его во время войны вышедшей в Болгарии работе о Чехове, из которой много цитат приведено в посмертной книге И.А.Бунина «О Чехове» (Нью-Йорк, Изд-во имени Чехова, 1955). Но этому есть и много других примеров.

влияние Бунина (что, может быть, и верно в отношении самых ранних рассказов и описательной части «Машеньки») и Леонида Андреева (что весьма сомнительно). Но странным образом почти никто не отметил (исключением был автор этой книги), сколь многим был Сирин обязан Андрею Белому (это особенно относится к «Приглашению на казнь», где, правда, это влияние идет в плане пародийном, — элементу пародии в творчестве Сирина — как в его поэзии, так и в прозе — вообще не было уделено должного внимания, между тем как именно в этом элементе, может быть, кроется ключ ко многому в его творчестве). Немало говорилось и о влиянии на Сирина современной иностранной литературы: Пруста, с которым обща у Сирина тема памяти[56], Кафки (по-кафковски звучит очень уж многое в «Приглашении на казнь»), немецких экспрессионистов, Жироду, Селина. «Нерусскость» Набокова усиленно подчеркивалась — вот несколько типичных выдержек из критических статей о Сирине:

«Оба романа Сирина ("Король, дама, валет" и "Защита Лужина")... настолько вне большого русла русской литературы, так чужды русских литературных влияний, что критики невольно ищут влияний иностранных...» (М.Цетлин, 1930).

«Его последний роман ("Камера обскура")... утверждает взгляд на Сирина как на писателя эмиграции, не только почти совершенно оторванного от живых российских вопросов, но и стоящего вне прямых влияний русской классической литературы» (М.Осоргин, 1934).

«Все наши традиции в нем обрываются...» (Г.Адамович, 1934).

Менее категоричны были авторы двух наиболее пространных критических этюдов о Сирине — Г.П.Струве и Н.Е.Андреев. Первый писал: «Неоднократно указывалось на "нерусскость" Сирина. Мне это указание представляется неверным в общей форме. У Сирина есть "нерусские черты" — вернее, черты, не свойственные русской литературе, взятой в целом». Второй говорил о синтезе у Сирина «русских настроений с западноевропейской формой». Когда дело доходило до формулирования того, в чем состояла «нерусскость» Сирина, то указывалось прежде всего на его нерусские темы. Но это было и не так уж существенно и лишь отчасти верно. Из девяти довоенных романов Сирина только два — «Король, дама, валет» и «Камера обскура» — целиком нерусские, и по месту действия и по персонажам. В «Машеньке» действие происходит наполовину в русском пансионе в Берлине, наполовину — в плане вспоминательном — в русской деревне под Петербургом. В «Защите Лужина» главное действующее лицо и многие окружающие его — русские, и прошлый план романа тоже русский. То же можно сказать о «Даре» и отчасти о «Подвиге». В «Соглядатае» все персонажи русские в русскоэмигрантской среде. Русский элемент налицо и в «Отчаянии». «Приглашение на казнь» происходит в мире нереальном, но неслучайно некоторые персонажи в нем снабжены русскими именами и отчествами. Из двух пьес Сирина одна написана о русской эмиграции. То же можно сказать и о многих его рассказах. Нерусскость Сирина во всяком случае коренится не в изображаемой им жизни, не в его персонажах (в последних очень много характернейших, зорко подмеченных русских черточек, пусть гротескно, карикатурно изображенных).

Указывалось также на необыкновенное композиционное мастерство Сирина, на формальную «слаженность» его романов как на нерусскую черту. Здесь

[56] Об этом много верных и тонких замечаний в статье М.Кантора «Бремя памяти» во «Встречах» (1934, № 3).

было больше правды. Автор настоящей книги в уже цитированной статье подчеркивал, что Сирин легко и непринужденно играет своими темами, «причудливо и прихотливо выворачивая и поворачивая свои сюжеты», что «в каждом ходе его сюжетных комбинаций, в каждом выкрутасе его словесных узоров чувствуется творческая, направляющая и оформляющая воля автора», что романы и рассказы Сирина «построением напоминают шахматную игру, в них есть закономерность шахматных ходов и причудливость шахматных комбинаций. Комбинационная радость несомненно входит немаловажной составной частью в творчество Сирина»[57]. В другой статье по поводу «Соглядатая» — вещи, на которой хорошо можно проследить «технику» Сирина, — автор настоящей книги называл писательские приемы Сирина приемами фокусника[58]. Позднее эту мысль развил В.Ф.Ходасевич в очень интересной статье о Сирине, где он писал:

> *«При тщательном рассмотрении Сирин оказывается по преимуществу художником формы, писательского приема... Сирин не только не маскирует, не прячет своих приемов, как чаще всего поступают все и в чем Достоевский, например, достиг поразительного совершенства, — но напротив: Сирин сам их выставляет наружу, как фокусник, который, поразив зрителя, тут же показывает лабораторию своих чудес. Тут, мне кажется, ключ ко всему Сирину. Его произведения населены не только действующими лицами, но и бесчисленным множеством приемов, которые, точно эльфы или гномы, снуя между персонажами, производят огромную работу: пилят, режут, приколачивают, малюют... Они строят мир произведения и сами оказываются его неустранимо важными персонажами. Сирин их потому не прячет, что одна из главных задач его — именно показать, как живут и работают приемы»*[59].

Ходасевич не подчеркивал нерусскости этой черты Сирина, но во всяком случае ясно было, что она не в традиции и духе русской классической литературы (возвести ее можно было бы, пожалуй, лишь к Белому и его советским ученикам). И все же суть дела была в другом. В уже цитированной статье автора этой книги в «России и славянстве» мы читаем: «У него (Сирина) отсутствует, в частности, столь характерная для русской литературы любовь к человеку». Правильнее, может быть, было сказать, что в его романах просто нет живых людей, что он их не видит. Это было несомненно так в «Короле, даме, валете», где ключевой темой были манекены. Но казалось, что в «Защите Лужина» он вышел на путь большей человечности, что сам Лужин, этот шахматный вундеркинд и маньяк-однодум, выводит автора из круга нелюбви к человеку, что «в судьбе душевно и духовно беззащитного урода и морального недоноска Лужина есть что-то подлинно и патетически человеческое». Но это оказалось обманчиво — Сирин вернулся в свой заколдованный круг, и не только в героях, но и почти во всех персонажах его позднейших романов и рассказов есть что-то ущербленное, что-то от моральных уродов и недоносков, а приемы продолжают играть ту же важную роль. У персонажей Сирина просто «нет души». Это в конце концов и было увидено теми, кто чувствовал, что какое-то «неблагополучие» завелось, как червоточина, в этом несравненном по блеску таланте. Это именно имел в

---

57 Цит. статья в «России и славянстве».

58 Статья эта была напечатана по-французски: «Les romans-escamotage de Vladimir Sirine», «Le Mois», № 4, avril-mai 1931, pp. 145-152. Как почти все, что печаталось в этом журнале, статья была анонимная.

59 «Возрождение», 13 февраля 1937 года. Перепечатано в книге Ходасевича «Литературные статьи и воспоминания».

13 994

виду Б.К.Зайцев, когда он писал, что Сирин — писатель, у которого «нет Бога, а может быть, и дьявола». Вот несколько характерных цитат из позднейших писаний о Сирине, по преимуществу писателей парижских, которые, призывая литературу к «человечности», чувствовали особенное отталкивание от Сирина:

«... утомительное изобилие физиологической жизненности поражает прежде всего... Все чрезвычайно сочно и красочно и как-то жирно. Но за этим разлившимся вдаль и вширь половодьем — пустота, не бездна, а пустота, плоская пустота, как мель, страшная именно отсутствием глубины. Как будто бы Сирин пишет не для того, чтобы назвать и сотворить жизнь, а в силу какой-то физиологической потребности... Темное косноязычие иных поэтов все-таки ближе к настоящему серьезному делу литературы, чем несомненная блистательная удача Сирина» (В.Варшавский о «Подвиге», 1933)[60].

«Душно, странно и холодно в прозе Сирина» (Г.Адамович по поводу «Камеры обскуры», 1934).

«Людям Сирина недостает души... Мертвый мир... Ему (Сирину) будто ни до чего нет дела. Он сам себя питает, сам в себя обращен» (Он же об «Отчаянии», 1935).

«Чувство внутреннего измерения, внутренний мир человека и мира лежат вне восприятия Сирина... Резко обостренное "трехмерное" зрение Сирина раздражающе скользит мимо существа человека... Волшебство, увлекательное, блестящее, но не магия... Пусто становится от внутренней опустошенности — нет, не героев, самого автора» (Ю.Терапиано по поводу «Камеры обскуры», 1934).

«Редко приходилось читать в последние годы вещь столь ужасную по внутренней своей тональности, леденящую и притом правдивую» (Г.Адамович в 1938 году по поводу рассказа «Лик», за который он был готов поставить Сирину «пять с плюсом»).

«Согласен на какие угодно лестные, даже лестнейшие эпитеты, — но ищу того, что на моем, на нашем языке называется жизнью» (Г.Адамович по поводу «Посещения музея», 1939).

Эти отзывы приводятся здесь не для того, чтобы их опровергать или к ним присоединяться. Они, может быть, свидетельствуют об однобоком подходе, о несправедливых требованиях, но они ясно показывают, чего для многих недоставало в Сирине. Дальнейшее творчество Сирина показало, что выйти на путь «человечности» он был не в состоянии — для этого в нем должен был произойти какой-то коренной внутренний переворот (на возможность в будущем такого «гоголевского» переворота намекнул однажды Г.В.Адамович, при всех своих капризных противоречиях и оговорках сказавший много верного и тонкого о Сирине)[61]. Всего яснее это становится при чтении его последнего произведения, написанного по-русски, — автобиогра-

---

[60] Позднее Варшавский как будто переменил свое мнение о Сирине: ср. его статью в «Опытах», 1954, IV.

[61] Как далек В.В.Набоков от такого переворота, свидетельствует его небольшая английская книга о Гоголе (1944). При всем ее блеске и при всех отдельных в ней художнических прозрениях, в ней два коренных недостатка. Во-первых, она открывает слишком много Америк и при этом без всякой ссылки на предыдущих «Колумбов»: нужно было умудриться написать то, что Набоков написал о Гоголе, не назвав ни разу ни Розанова, ни Мережковского, ни Брюсова, ни Чижевского и упомянув — из предшественников — только Андрея Белого и Святополк-Мирского. Во-вторых, вся духовно-религиозная область Гоголя, его внутренняя драма, как-никак имеющая отношение к творчеству, — для Набокова запечатанная книга.

фии «Другие берега» (1954)[62]. Останавливаться на ней подробно мы здесь не можем. Скажем только, что здесь, как только Набоков пробует выйти в область человеческих чувств, он впадает в совершенно нестерпимую, не свойственную ему слащавую сентиментальность (напоминающую, правда, некоторые ранние его стихи). Кроме того здесь, в рассказе о невыдуманной, действительной жизни на фоне трагического периода русской истории с полной силой сказался феноменальный эгоцентризм Набокова, временами граничащий с дурным вкусом, как часто граничит с дурным вкусом его пристрастие к каламбурам, в оправдание которого напрасно ссылаться на Шекспира.

Творчество Набокова-Сирина еще ждет своего исследователя. В современной русской литературе он действительно, как сказал Адамович, «оригинальнейшее явление». Большой талант его вне всякого сомнения. Но пружины этого таланта еще не были по-настоящему разобраны и вскрыты. В основе этого поразительно блестящего, чуть что не ослепительного таланта лежит комбинация виртуозного владения словом с болезненно-острым зрительным восприятием и необыкновенно цепкой памятью, в результате чего получается какое-то таинственное, почти что жуткое слияние процесса восприятия с процессом запечатления. Два критика, не слишком благожелательных к Набокову-Сирину (Адамович и Терапиано), отметили, что, читая его, испытываешь «почти физическое удовольствие». Вместе с тем, основоположная тема Набокова, тесно связанная с его эгоцентризмом, — тема творчества. На это, кажется, первый указал В.Ф.Ходасевич в уже цитированной статье. Тема эта для Набокова — трагическая (и в «Отчаянии», например, она дана в плане убийства), ибо она связана с темой неполноценности. Свою статью Ходасевич заканчивал указанием на то, что «художник (и, говоря конкретнее, писатель) нигде не показан им (Сириным) прямо, а всегда под маской: шахматиста, коммерсанта и т.д.». Находя этому уважительные причины, Ходасевич выражал уверенность, что «Сирин, обладающий великим запасом язвительных наблюдений, когда-нибудь даст себе волю и одарит нас безжалостным сатирическим изображением писателя. Такое изображение было бы вполне естественным моментом в развитии основной темы, которой он одержим». Писателя Сирин изобразил в напечатанном после того романе «Дар», где стихи Годунова-Чердынцева пародируют собственные стихи Сирина, тогда как за своей подписью он иногда в эти годы печатал стихи с таинственной пометой «Из Ф.Г.Ч.», что расшифровывается как «Из Ф.Годунова-Чердынцева». Вот почему в творчестве Набокова-Сирина «Дар» может занять центральное место. Правда, роман оказался не совсем тем, на что надеялся Ходасевич: герой едва ли подан в нем «безжалостно сатирически», а с другой стороны, в нем большую роль играет сатирически препарированная биография Чернышевского, которую пишет герой. И все же несравненный пародийный дар Сирина, его разительная переимчивость нигде не сказались с такой силой. Чего стоят одни пародии на рецензии о книгах Годунова-Чердынцева!

С 1940 года, переехав в Америку, В.В.Набоков стал американским писателем. Американцы иногда говорят о нем как о втором Конраде. Но Конрад никогда не был польским писателем, прежде чем стать английским. По-английски им написаны, кроме уже упомянутой автобиографии и книги о Гоголе, романы «The Real Life of Sebastian Knight» (1941) и «Bend Sinister» (1947), несколько стихотворений и довольно много переводов с русского; ряд очерков, объединенных фигурой комически изображенного русского профессора в американском университете, Тимофея Пнина, вышедших отдель-

[62] Эта автобиография была первоначально написана по-английски и вышла в 1950 году под названием «Conclusive Evidence». Русская версия ее не есть просто автоперевод английского текста на русский язык: автор писал ее наново по-русски.

ным изданием; романы «Lolita» (1955), который он сам перевел на русский язык, «Ada, or Ardor: a family chronicle» (1969), и еще несколько романов и сборников рассказов. Разбор английского творчества Набокова не входит в наши задачи, но отметим, что, став американским писателем, Набоков не ушел целиком от русских тем: герой его первого английского романа Себастьян Найт — полурусский, полуангличанин, и Россия все время присутствует в романе (второй роман напоминает «Приглашение на казнь», и действие его происходит в нереальной, выдуманной стране).

2. Берберова

Рядом с блестящим, всегда неожиданным, всегда удивляющим Сириным другие молодые зарубежные прозаики могут показаться пресными. Но те, кому сиринская пряность претила (а мы видели, что таких было немало), находили многих из его современников более «питательными».

Нина Берберова обратила на себя внимание еще в 20-х годах своими стихами, стихотворными переводами и рассказами. Первый ее роман — «Последние и первые» (1930) — был встречен почти единодушными похвалами критики. Его приветствовали как превосходное начало литературного пути, отмечая, что в романе не хватает еще знания жизни, что в нем слишком многое — стиль, язык, общая напряженно-нервная атмосфера — навеяно Достоевским. Но это была едва ли не первая крупная вещь, вышедшая из-под пера молодого писателя на тему эмигрантской жизни, с эмигрантской проблематикой, с попыткой вывести нового, «положительного» героя. Интересен был общий замысел романа (сюжет строился вокруг проповеди переселения работающих на парижских заводах русских на землю на юге Франции), удачны были многие персонажи, прекрасны отдельные страницы (например, описание населенного нищими русскими дома). В каком-то смысле «Последние и первые» были романом à thèse*, и в этом, пожалуй, был их главный недостаток (один из критиков упрекал Берберову позднее в том, что она вообще в своих романах слишком много приносила в жертву заданию). Рядом с романом выигрывали поэтому более или менее одновременно задуманные и написанные рассказы из жизни той же эмигрантской рабочей среды под общим названием «Бианкурские праздники». Эти рассказы, писавшиеся Берберовой на протяжении 30-х годов и печатавшиеся в «Последних новостях», никогда, к сожалению, изданы не были: они бы того заслуживали.

Второй роман Берберовой, «Повелительница» (1932), преследовал менее честолюбивые цели, но был в целом удачнее, в нем было больше стилистического единства. В.В.Вейдле говорил о нем как об отклонении в сторону от Достоевского, о повороте к «хорошо расчищенным классическим садам французского романа». Что-то французское было во всем строе, во всей атмосфере этого романа, как и в его офранцуженной русской героине, Лене Шиловской, противостоящей совершенно русскому Саше, ее партнеру в любовном поединке. Сама героиня, которая дала роману название (тема романа — ее и Саши любовь), удалась автору хуже, чем некоторые второстепенные персонажи.

Любовь была темой и третьего романа Берберовой, первоначально названного ею «Книга о счастье», но потом переименованного в «Без заката» (1938). Роман этот, после обещания, содержавшегося в первых двух, скорее разочаровывал. Может быть, прав был один критик, который писал, что Берберову «тянет писать на тезу, доказывать, а не рассказывать»: оптимистический тон романа оказался надуманным, счастье героини — навязанным ей.

* Для подтверждения мысли (*франц.*) — *Ред.*

В общем Берберовой, пожалуй, лучше удавались более короткие повести и рассказы. Часть написанных ею между 1934 и 1942 годами коротких вещей была опубликована уже после войны в книге «Облегчение участи. Шесть повестей» (1949). Сюда входят отзывающаяся Достоевским повесть «Лакей и девка» (1937) и прекрасно написанный, немного романтический рассказ «Роканваль. Хроника одного замка» (1936).

После войны Берберова напечатала в нью-йоркском «Новом журнале» роман «Мыс Бурь». Ей принадлежат также две художественные биографии русских композиторов: «Чайковский» (1936) и «Бородин» (1938), а также французская книга о Блоке и его времени (1947). «Чайковский» был переведен на иностранные языки.

В 1950 году Н.Н.Берберова переехала в США и поселилась в Нью-Йорке.

3. Газданов

Гайто Газданов начал печататься в конце 20-х годов. Из больших журналов первым, напечатавшим его рассказы (в 1927-1928 годах), была «Воля России». С 1931 года он из года в год печатался в «Современных записках», где было напечатано восемь его рассказов и отрывки из романов. Печатался он также в «Числах», «Встречах», альманахах «Круг» и т.д. В отличие от Набокова и Берберовой стихов он не писал (или во всяком случае не печатал) — это первый из молодых чистый прозаик.

Первый роман Газданова — «Вечер у Клэр» — вышел в 1930 году и был весьма благосклонно принят критикой, которая сейчас же, однако, отметила большое влияние на Газданова — Пруста (о влиянии Пруста говорилось, впрочем, и в связи с Набоковым). Небольшой роман Газданова, который надо во всяком случае назвать интересным и в общем удачным дебютом, был мало похож на монументальное создание Пруста. Общего между ними было лишь то, что «Вечер у Клэр» можно тоже назвать «путешествием в глубь памяти», да еще, пожалуй, некоторое сходство в построении фраз. Но уже сами размеры этого «путешествия» делали «Вечер у Клэр» не похожим на «Поиски утраченного времени». Один из рецензентов так вкратце резюмировал содержание романа Газданова:

> *«Лежа рядом с Клэр, не очень уже молодой и не очень уже обольстительной женщиной, герой газдановского романа, впервые и наконец добившийся обладания ею, вспоминает всю свою жизнь и весь путь своей многолетней любви.*
>
> *Перед читателем проходят отец и мать газдановского героя, еще ребенка, его товарищи по корпусу, его умный и неудачливый, но очень удачно показанный дядя Виталий, его школьные учителя, его соседи по бронепоезду, солдаты и офицеры Добровольческой армии, — и перед всеми этими фигурами, придавая им какое-то единство живого и необходимого фона, проходит Клэр, воображаемая и живая» (Н.Оцуп в «Числах»).*

Клэр должна была давать роману единство, но, как правильно отмечал Оцуп, сам ее образ раздваивался — на воображаемый и действительный. «Вечер у Клэр» едва ли можно было назвать романом в традиционном понимании этого слова. В отличие от Берберовой, а тем более от Набокова, вымысла в нем не чувствовалось. Но в этом отношении Газданов не был одинок — он шел в широком русле европейского романа, все более тяготевшего к исповеди или к документу. Во втором романе Газданова — «История одного путешествия» (1938) — нет и того единства, которое придают первому фигура Клэр и нить памяти, на которую герой нижет бусы своего повествования. «История одного путешествия» написана в третьем лице (впрочем, героя, Володю, нетрудно

отождествить с автором), но повествовательный стержень в романе отсутствует: это, собственно, ряд отдельных рассказов, связанных лишь тем, что все рассказанное в них видел или знал Володя. В некоторых из дальнейших романов («Новые дороги», «Призрак Александра Вольфа», «Возвращение Будды», «Пилигримы» — все они опубликованы уже после войны) Газданов охотно возвращался к повествованию в первом лице, но композиция его романов стала крепче, состав их разнообразнее, персонажи зажили более обособленной от рассказчика жизнью. В романах Газданова много разнородных элементов: элементы психологического романа соседствуют с элементами романа полицейского, авантюрный роман сплетается со светским (один критик отметил, что у Газданова почти всегда имеются в романе богатые, красивые, благородные и привлекательные иностранцы, которые как-то противопоставляются русским эмигрантам), и тут же длинные и часто малоудачные философские рассуждения. Если Набоков вообще почти свободен от русских влияний, если на Берберовой (в ее первом романе и в таких вещах, как «История Маши Мимозовой» и «Лакей и девка») отразилось влияние Достоевского, то Газданов чаще всего тянется писать под Толстого. Романы его большей частью не выдержаны. Так, например, «Призрак Александра Вольфа» (о котором очень лестно отзывалась критика и который был переведен на английский язык), начатый Газдановым интересно и оригинально, вскоре разочаровывает: автор как-то быстро выдыхается. Беда Газданова в том, что, хотя люди у него и живые, а не марионетки и манекены, как у Набокова, они малоинтересны. А так как композицией романа Газданов по-настоящему не овладел, рассказы его лучше, чем романы.

Критика почти всегда лестно отзывалась о словесной ткани писаний Газданова, об их языке, но надо сказать, что ему в этом отношении далеко не только до виртуозного блеска Набокова, но и до выразительной точности Берберовой. Его длинные, небрежно построенные периоды часто раздражают, его язык как-то лишен костяка. Попадаются у него (и притом в такой поздней вещи, как «История одного путешествия») такие ляпсусы, как «*бежащих*» («глуховатым звуком волн, бежащих вдоль его крутого борта»).

4. Яновский

В.С.Яновский принадлежит к тому же поколению, что Газданов. Это то поколение, которое было юношами, когда разразилась революция, и юношами приняло участие в гражданской войне. С окончанием гражданской войны часть этого поколения оказалась выброшенной за границу. Из него не очень многие пошли в литературу, но те, кто пошел, оказались мало или совершенно не связаны с Белым движением, в котором приняли участие. За границей они чувствовали себя выбитыми из колеи людьми без места. Эта неприкаянность очень чувствуется в их писаниях.

Первый роман В.С.Яновского — «Колесо» (1930) — был выпущен издательством «Новые писатели», основанным с целью помощи молодым, начинающим писателям[63]. После того Яновским было до войны издано еще два

[63] Редактором и руководителем издательства был М.А.Осоргин. Объявляя о своей цели, издательство писало: «Общеизвестно, что, по условиям зарубежного книжного рынка, писателям, еще не составившим себе литературного имени и не обладающим личными средствами, почти невозможно издавать свои произведения. Неохотно печатают их также и существующие за рубежом журналы, отдающие предпочтение писательским именам. Между тем уже достаточно остро стоит вопрос о "молодой смене", о том, чтобы новые таланты могли себя проявить, имели поощрение и выступили на суд литературной критики и читателей... Никаких ограничений со стороны политической или в смысле литературной школы редакция издательства не устанавливает». Первой вещью, выпущенной издательством, был роман Ивана Болдырева (псевдоним И.А.Шкотта) «Мальчики и девочки», второй — «Колесо» Яновского. Издательство просуществовало недолго.

романа — «Мир» (1932) и «Любовь вторая» (1935), а отрывки из третьего — «Портативное бессмертие» — были напечатаны в 1938-1939 годах в «Русских записках»[64]. Кроме того, Яновским был напечатан ряд рассказов в «Современных записках» и других журналах. После войны еще один роман («Американский опыт») появился в «Новом журнале». Яновский — медик по образованию, окончил Парижский университет, а с 1942 года проживает в США.

Первая крупная вещь Яновского, повесть «Колесо», написана на русскую тему, о детях улицы, детях «страшных лет» революции. В «Мире» и «Любви второй» — тема уже эмигрантская, а «Портативное бессмертие», наиболее характерная и зрелая вещь Яновского, рисует жизнь парижских низов вообще, захватывая и эмиграцию. «Американский опыт» написан на фоне нью-йоркской жизни, герой его из белого становится негром. Рассказы Яновского по большей части на эмигрантские темы.

После Набокова, Берберовой и Газданова Яновский кажется грубым. Физиологический натурализм его шокирует читателя. Его называли подражателем Арцыбашева, но это не совсем верно. Он во многом характерен для своего поколения, для своего времени. Аналогичные явления можно найти и во французском и в американском романе 30-х годов. О романе Яновского «Мир» рецензент «Чисел», прозрачно подписавшийся «Н.О-ъ», писал:

> *«Для того, чтобы наполнить книгу таким количеством удушливо-зловонных описаний, нужно было не замечать в мире ничего или почти ничего другого. Человек у Яновского — существо до последней степени нечистоплотное и мелко несчастное. Он живет в зловонной яме, гадко и цинично предается порокам, но своим подленьким существованием как будто хочет вывести на чистую воду всех других людей».*

Автор рецензии прибавлял, что при этом роман «вызывает — не отвращение к миру, а жалость к автору», а заканчивал так: «Пропитанная всеми запахами "черной лестницы", книга эта все же интереснее многих аккуратно и впустую написанных романов» («Числа», VI, стр. 263-264). А Г.В.Адамович, спрашивая в «Современных записках» (LII), что́ происходит в «Мире» Яновского, отвечал: «Все герои Яновского терзаются, развратничают и разговаривают на высокие темы». И прибавлял тоже: «Книга неискусная, но серьезная».

В последующих романах Яновского тоже было много терзаний и разговоров на высокие темы, много серьезности и искренности. Был эмоциональный напор, был «вкус к боли и страданию», как выразился один критик. При всем его грубом натурализме, при всех его грехах против русского языка (и гораздо более грубых и более многочисленных, чем ляпсусы Газданова), у Яновского была какая-то подлинная сила, вещи его больше задевали, чем более гладкие, более вылощенные романы Газданова. За зловонным миром Яновского чувствовалось порывание — и временами даже прорыв — в мир светлый и чистый. В «Любви второй» он взял трудную тему религиозного экстаза и преображения и с ней не справился. В «Портативном бессмертии» — лучшей, хотя и неровной вещи Яновского, в которой хорошо передана трагическая атмосфера предвоенных лет и прекрасно описано парижское «дно», — тема преображения, просветления жизни проходит через весь роман. Правда, и тут Яновский не справился со своей положительной темой и с символическим планом романа — отрицательный гротеск удался ему лучше — но в серьезности замысла отказать ему нельзя. У Яновского есть что́

[64] В интересах точности надо сказать, что «Колесо» и «Любовь вторую» автор называл не романами, а повестями.

сказать, но надлежащей формы, своего стиля он так и не нашел. Почти на каждом шагу у него срывы, а «Американский опыт» и вообще надо признать неудачей.

5. Фельзен

Вот выдержки из трех отзывов трех разных критиков о трех романах Юрия Фельзена в их хронологической последовательности:

«...Книга Фельзена несомненно заслуживает внимания. Думается, что она его найдет, и читатель... проскучает над страницами Фельзена не зря. Книга Фельзена скучна как беллетристика и интересна как литературный эксперимент» (Ал.Новик в «Современных записках» об «Обмане»)[65].

«...Роман "Счастье" не написан для тех, кто ищет легкого и приятного отдыха. Фельзен требует от читателя усилия и внимания, это писатель для медленного чтения» (Ю.Терапиано в «Числах» о «Счастье»).

«...Книгу Фельзена читать нелегко, но она несомненно заслуживает быть прочитанной» (А.Савельев в «Современных записках» о «Письмах о Лермонтове»).

А вот что уже после смерти Фельзена писал Г.В.Адамович в книге «Одиночество и свобода»:

«Книги Фельзена писаны "для немногих"... Нет в этих книгах почти ничего, что могло бы читателей захватить и увлечь».

Критика была единодушной в признании писаний Фельзена «трудными» и «скучными», требующими читательского усилия, но и заслуживающими читательского внимания. Столь же единодушна была она, объявив Фельзена русским «прустианцем». Влияние Пруста на Фельзена было несомненно, как и его преклонение перед Прустом (у него есть интересная заметка «О Прусте и Джойсе»). Но, может быть, было бы правильнее говорить (что и делал в одной рецензии М.О.Цетлин) об общем влиянии того метода в новейшей европейской литературе, который обозначается словами «поток сознания» (stream of consciousness) и «внутренний монолог» (monologue intérieur) и который связывается с именем не только Пруста, но и Джойса, Вирджинии Вулф, Валери Ларбо и других новейших европейских писателей. Все три известных мне романа Фельзена — «Обман» (1930), «Счастье» (1932) и «Письма о Лермонтове» (1935)[66] — написаны в форме либо дневника, либо полудневника и полуписем, обращенных от «я» романа к некой Леле, трудно и тяжело любимой им женщине, и представляют по форме вариант «внутреннего монолога». Но если критики сходились в определении особенностей книг Фельзена, то они не совсем были согласны в оценке результата, которого он достигал выбором своей манеры. Так, Терапиано, ставя выбранную

---

[65] Подпись эта попадается под несколькими интересными рецензиями в «Современных записках», обличающими несомненную талантливость автора. Это был псевдоним Германа Дмитриевича Хохлова. Родом из Саратова, он после революции попал в Таллинн, где кончил русскую гимназию. Потом учился в Пражском университете, но не окончил его. Был связан с пражским «Скитом поэтов». В 1934 году вернулся в СССР и несколько раз писал в «Литературной газете», в том числе об эмигрантской литературе. Ему покровительствовал польско-советский писатель Бруно Ясенский, позже ликвидированный как «оппозиционер». Сам Хохлов, видимо, попал тоже в ежовскую чистку и погиб. Раскрытием его псевдонима и вышеприведенными сведениями я обязан Н.Е.Андрееву, которому выражаю благодарность. Хохлов сотрудничал также в «Воле России», где ему, очевидно, принадлежит интересная рецензия на «Возвращение Чорба» Сирина, подписанная «Г.Х.».

[66] Отрывок из романа с весьма характерным названием «Повторение пройденного» был напечатан в третьей книге альманаха «Круг» (1938). Г.В.Адамович, который, может быть, был знаком со всей вещью, называет ее лучшей вещью Фельзена.

Фельзеном форму в связь с общим чувством «неблагополучия» в современной литературе, с недоверием к традиционным формам, писал: «Блестящие романы и повести, формальные удачи нас не удовлетворяют... Продолжать традицию сейчас — признак известного рода нечувствия» и вместе с тем видел у Фельзена иные, чем у Пруста, мотивы «смотренья в себя», а именно — «русское влеченье к сути вещей, углубление в себя, но с тем, чтоб в конечном счете за пределы себя выйти»[67]. С другой стороны, А.Новик находил, что в «Обмане» Фельзену как раз не удалось избежать «литературности», что роман интересен именно как «литературный эксперимент», что в нем основное — «метод»: попытка освободиться от привычных литературных форм. Но цель эта не достигается:

«... книга написана с упорной и страстной добросовестностью, и каждое ее слово не имеет иного назначения, чем освободить ритм и смысл написанного от всякой "литературности". Но происходит обратное... напрасно торопится Юрий Фельзен, выбирая, примеривая и выискивая самые "верные" слова, напрасно загромождает свою повесть отступлениями, бесполезными психологическими деталями и признаками, полагаясь на их сочиненную непосредственность, — воображаемый герой его задыхается в разреженном литературном воздухе»[68].

Все три романа Фельзена читаются, в сущности, как один. В них тот же «я», та же Леля, много тех же второстепенных персонажей, связанных с Лелей или с героем, или с ними обоими. Этот нескончаемый роман, который плетется, как кружево, из мелких деталей, весь развивается во внутреннем плане, без всякого внешнего действия: как правильно сказал по поводу «Обмана» тот же А.Новик, «эта книга очищена от всех признаков зависимости от реальной жизни», хотя в ней и изображена русская эмигрантская среда. Отдельные рассказы Фельзена, печатавшиеся в «Современных записках», «Числах» и других журналах, тоже можно себе представить частями того же бесконечно тянущегося (многие сказали бы: нудного) романа. У Фельзена была страсть «дополнять», уточнять, искать максимально верного и точного выражения мысли или чувства, их оттенков, нюансов (отсюда его нагромождения прилагательных, его длинные, неуклюже построенные периоды, в которых придаточные и вводные предложения цепляются одно за другое, — тут у него несомненное сходство с Прустом). Об этой его особенности хорошо сказал Адамович:

«Писал он почти непрерывно, карандашом, на каких-то скомканных листах, которые вынимал из кармана, писал в кафе, на улице, в метро, без устали, перечеркивая, исправляя, сокращая, дополняя. В особенности, дополняя. Ему все казалось, что не все он сказал...»[69].

Тема романов Фельзена — любовь и ревность, вернее — кропотливый анализ со стороны «я» его любви к Леле (любви, как сказал Савельев, «абсолютно неподвижной, лишенной всякой динамичности») и всех их отношений, настойчивое копанье в себе, сопровождаемое философскими размышлениями о любви и ревности и попутными рассуждениями (часто интересными и глубокими) о самых различных материях, о литературе, искусстве и пр. (в «Письмах о Лермонтове» довольно много речи о Лермонтове, с прозой

---

[67] Рецензия на «Счастье» («Числа», 1933, VII-VIII, стр. 268).

[68] Рецензия на «Обман» («Совр. записки», 1931, XLVI, стр. 500).

[69] Г.Адамович, «Одиночество и свобода», стр. 293.

которого сближал романы Фельзена Ю.К.Терапиано, но Лермонтов в них все же сбоку-припеку, и название может многих читателей ввести в заблуждение). В фельзеновском герое-рассказчике чувствуется, как правильно отметил А.Савельев, «самоуслаждение собственной зоркостью, ясностью, настойчивой любознательностью». Недаром в «Счастье» он говорит о себе:

> *«Я постепенно убеждаюсь, что мое призвание... воссоздавать эти будто бы ненужные любовные мелочи и неторопливо из них выводить предположительные, но невыдуманные обобщения: у меня... благоприятное, редкое сочетание женского чутья на все неуловимое и ускользающее и хладнокровно-осторожной, отчетливо-ясной мужской головы».*

Эта самохарактеристика в какой-то мере приложима к Фельзену-писателю, и потому его скучные, тягучие, на редкость однотонные романы-дневники читаются с интересом. Писатель с «необщим выражением» и внутренне честный. И писатель, в отличие от Яновского, нашедший свой стиль.

Фельзен погиб во время войны, при обстоятельствах до сих пор невыясненных: не то в немецком концентрационном лагере, не то при попытке бежать из оккупированной Франции в Швейцарию — во всяком случае, как одна из русских жертв национал-социалистов. Сам он был, по-видимому, немецкого происхождения.

6. Шаршун

Как-то в одном из своих отзывов о «Числах» Г.В.Адамович написал, что Фельзен и Шаршун, которые показались ему самыми интересными писателями в данном номере «Чисел», не попали бы в «Современные записки». В отношении Фельзена он оказался плохим пророком, в отношении Шаршуна был прав. Между ними несомненно было много общего, и каждый из них считал другого одним из самых замечательных писателей Зарубежья (в анкете «Новой газеты» Фельзен не обинуясь назвал Шаршуна, тогда известного еще только отрывками из своих романов «Долголиков» и «Путь правый», самым значительным явлением зарубежной литературы).

Сергей Шаршун, если не ошибаемся, — художник, живший в Париже еще до революции. На литературном Монпарнасе он стал известен еще в 20-х годах, но более широкую известность приобрел лишь с появлением отрывков из его трех романов — «Долголиков», «Путь правый» и «Герой интереснее романа». Первые два из них вышли в 1934 году, причем «Долголиков» был напечатан на машинке. Третий роман остался ненапечатанным. Собственно говоря, это один и тот же роман, хотя в «Долголикове» и в «Герое интереснее романа» герой называется Долголиковым или просто Д., а в «Пути правом» — Самоедовым. Как-то в «Числах» Шаршун объявил себя и большинство своих современников среди зарубежных писателей «магическими реалистами», пользуясь формулой французского критика Эдмонда Жалу, определившего роль «магического реализма» как «отыскание в реальности того, что есть в ней странного, лирического и даже фантастического, — тех элементов, благодаря которым повседневная жизнь становится доступной: поэтическим, сюрреалистическим и даже символическим преображениям». Под эту формулу, конечно, легко подвести многое в новейшей литературе. Подходят под нее и Фельзен с Шаршуном. Но у Шаршуна, в его стремлении к «дневниковой» литературе (хотя его романы и написаны в третьем лице), искусство гораздо чаще вытесняется сырым материалом жизни. Кроме того, у него больше невнятицы (Адамович раз назвал его «Долголикова» «плохо переваренным Белым» — с Белым роднило Шаршуна и увлечение антропософией).

7. Георгий Песков

Называя «магических реалистов» среди зарубежных писателей младшего поколения, Шаршун не упомянул о писателе, к которому эта кличка в каком-то смысле подходила больше всего, — о Георгии Пескове. Под этим игривым псевдонимом (если его расшифровать, то получается перевод имени Жорж Санд, причем фамилию надо читать по-немецки) скрывалась женщина, г-жа Дейша. К Георгию Пескову в передовых литературных кругах отношение было, по-видимому, несколько пренебрежительное: ни в «Числах», ни во «Встречах» имя его ни разу не было упомянуто, и о нем не было речи в послевоенных разговорах о «незамеченном поколении». Отчасти это, может быть, объясняется тем, что Песков стоял в стороне от парижских литературных кругов. Сейчас этот любопытный писатель незаслуженно забыт[70].

Георгий Песков выпустил всего одну книгу рассказов — «Памяти твоей» (1930), в которую вошли рассказы, написанные между 1925 и 1927 годами. Один из них был напечатан в «Современных записках», другие — в газетах. После 1930 года рассказы Пескова продолжали появляться в «Последних новостях», а одна довольно длинная вещь — «Злая вечность» — была напечатана в 1932 году в двух номерах «Современных записок». С середины 30-х годов имя Пескова исчезло из литературы, но автор, насколько известно, до сих пор живет под Парижем; уход его из литературы был добровольным и сознательным актом, продиктованным, по-видимому, религиозными мотивами.

О единственной книге Пескова в зарубежной печати появилось несколько благожелательных отзывов (К.И.Зайцева в «России и славянстве», Ф.А.Степуна в «Современных записках» и др.), но все же этот автор не обратил на себя внимания, которого заслуживал. Ф.А.Степун писал, что в сущности все рассказы Пескова об одном и том же, что «молодой автор... одержим своей темой». Главную тему Пескова Степун при этом определял как «раздвоенность» и уточнял: «встреча внутреннего раздвоения с тем страшным раздвоением русской души, имя которому — большевицкая революция». Слово «одержим», может быть, не совсем подходит к Пескову — для этого Песков пишет слишком спокойно, уравновешенно. И, хотя революция присутствует как фон во многих его рассказах, он не ограничивается революционной тематикой. Сила лучших рассказов Пескова — например, рассказа «Покупательница»[71] — как раз в той спокойной уравновешенности, с которой рассказывается о вещах таинственных и жутких. Главная тема Пескова — таинственное в мире, присутствие в нем непостижимых простым разумом злых и добрых сил. Это роднит Пескова с Гоголем (но стиль его, простой, деловитый, не похож вовсе на гоголевский), а также с Достоевским и Гофманом. Ф.А.Степун писал:

> *«...Связанный с Достоевским внутренний мир Пескова мог бы быть глубже сообщен читателю, если бы форма рассказов была заострена теми методами вúдения и высказывания, которые мы связываем с именем Андрея Белого».*

Но, может быть, именно в сочетании реалистического метода (в описаниях, в диалоге) с оккультными, потусторонними мотивами — главная сила Пес-

---

[70] Впрочем, в изданную недавно Издательством имени Чехова, под редакцией В.А.Александровой, книгу «Пестрые рассказы» включен далеко не лучший рассказ Георгия Пескова «Медуза», впервые напечатанный, кажется, в «Последних новостях». Об авторе в книге не сказано ни слова.

[71] Этот рассказ, между прочим, был включен известным английским писателем Сомерсетом Моэмом (Maugham), одним из лучших мастеров современной новеллы, в антологию, составленную из лучших и наиболее характерных образцов короткого рассказа в мировой литературе.

кова; тем более, что Песков отнюдь не грешит излишним реализмом описаний, и сквозь быт у него всегда просвечивает тайна. Есть у Пескова, как указал Степун, рассказы подлинно религиозные, такие, как «Памяти твоей» и «Валькирия», написанные с большой художественной убедительностью:

«...в обоих Песков стоял перед заданием очень большой сложности. Описать появление среди оставленных близких расстрелянного священника — и описать, ***не превратив чуда в галлюцинацию,*** *— задача громадная. Пескову она удалась. Рассказ, быть может, мог быть написан сильнее, но я уверен, он не мог быть написан правдивее. К лучшим рассказам принадлежит также и "Валькирия". Старая немка Брунгильда Карловна, безбожно коверкая русский язык, переводит в трагическую минуту жизни некоему Евгению Ивановичу "один Grablied" ("надгробная песня"). И в ее переводе, в ее беспомощных словах слышится орган, чувствуется духовная первореальность мира: смирение, доброта, мудрость».*

Оба отмеченных Степуном рассказа написаны на фоне первых лет революции, как и «Покупательница» — едва ли не самый трагический по сущности рассказ, в котором прекрасно дана и трагическая бытовая обстановка: бывшие люди, распродающие свое барахло на Сухаревке. При этом у Пескова есть несомненный дар рассказчика; некоторые его рассказы, пожалуй, даже слишком анекдотичны. «Точка зрения» у него все время меняется: есть рассказы, в которых мир показан глазами детей (правда, не по-детски «мудрых», но это не срыв, а нарочно так),— «Чулан», «Бабушкина смерть», «Шурик»; есть хорошие примеры сказа, без излишней стилизации — «Гонец», «Пробуждение».

«Злая вечность» — наиболее честолюбивая по замыслу из вещей Пескова. С оглядкой на некоторые современные проблемы здесь разрабатывается вослед Достоевскому тема «человекобожества», кирилловского своеволия. При этом герой повести, душевнобольной князь, чем-то неуловимым напоминает Мышкина (действие происходит в эмиграции, но эмигрантский быт лишь слегка намечен в сатирических тонах в сцене разговора князя с служащими на заводе в маленьком французском городке бывшими офицерами). Кроме князя, все главные персонажи — французы. В библиотекаре с лицом хамелеона, в похожем на Вольтера антикваре, в кукле, в которую влюбляется князь, чувствуется несомненное влияние Гофмана. В целом «Злая вечность» удалась автору меньше, чем его короткие рассказы, особенно развязка, но это интересная неудача.

8. Зуров, Кузнецова, Рощин

Говоря о молодом поколении зарубежных прозаиков как «магических реалистах», Шаршун сделал исключение для *Леонида Зурова.* Вероятно, Зурова он назвал бы реалистом tout court*. Но реализм Зурова, если и не магический, то лирический, поэтический. Он верный ученик Бунина, наиболее внутренне родственный ему писатель, и Бунин неслучайно к нему благоволил. Зуров появился в Париже только к 30-м годам, до того он жил в Эстонии, неподалеку от русской границы, и эта близость к России отразилась и на темах, и на тоне его произведений, не похожих на прозу парижских молодых писателей, где преобладала тема одиночества, отщепенства, «жестокой отгороженности от мира» (Фельзен о Шаршуне). Еще живя в Эстонии, Зуров обратил на себя внимание своими рассказами и повестями («Кадет», 1928;

* Попросту (*франц.*) — *Ред.*

«Отчина», 1928) о Первой мировой войне, о революции, о перевороте, произведенном ею в жизни, особенно деревни. Затем вышли его более зрелые книги — романы «Древний путь» (1934) и «Поле» (1938), романы тоже бессюжетные, без центральной оси, со сплошь эпизодическими лицами, но, как отмечал один из молодых собратьев Зурова, В.Варшавский (типичный представитель парижской «школы», хотя он и провел школьные годы в Праге), обнаруживавшие большую силу чувственного восприятия, органическое ощущение «плоти» жизни и мира и чувство русской земли. Всего этого в большинстве случаев не хватало парижским писателям. Последние вращались в кругу эмигрантских тем, у Зурова же центральной темой была Россия. Большинство парижских писателей младшего поколения было занято самими собой, Зуров же был обращен к внешнему миру. Изображая войну и революцию, он изображал и стихийное движение людских масс, а не только потревоженных революцией человеческих особей. Как и Бунин, Зуров остался чужд Достоевскому, к которому, пожалуй, больше всего в русской литературе тянулись молодые писатели (это не относится к Набокову, но и у того отталкивание от Достоевского, как и от Фрейда, немного напускное, не всегда искреннее).

К школе Бунина можно отнести и *Галину Кузнецову,* и *Николая Рощина* (псевдоним Н.Я.Федорова). Кузнецова подлиннее, самостоятельнее и благороднее Рощина, но оба они по таланту значительно уступают Зурову. В рассказах Кузнецовой («Утро», 1930) о русских людях, застигнутых революцией, и о первых годах беженства, как и в романе ее «Пролог» (1933) — романе ретроспективно-вспоминательном, ничего или почти ничего не происходит (как часто и у самого Бунина), но они написаны хорошим, сдержанно-поэтическим языком, действующие лица зарисованы бегло, но с несомненным психологическим чутьем. Чувствуется хорошая бунинская школа с явно женственной окраской. Кузнецова писала также хорошие стихи — в ее книге «Оливковый сад» (1937) чувствуется опять-таки влияние Бунина и акмеистов — неоклассическая закваска: они, скорее, пластичны, чем музыкальны.

Рощин (книга рассказов «Журавли», романы «Горнее солнце», 1928, и «Белая сирень», 1936) банальнее в своем реалистическом импрессионизме, в явном старании писать «под Бунина». Язык — немного газетный; с конца 20-х годов Рощин был постоянным сотрудником «Возрождения».

После войны Рощин сменил вехи, стал советским патриотом и уехал в СССР. При этом выяснилось, что он много лет был платным агентом советского посольства в Париже. Там он подвизался на страницах советской печати, в том числе в «Журнале Московской Патриархии».

9. Федоров и другие «провинциальные» писатели

К «реалистам» можно отнести и *Василия Федорова,* впервые обратившего на себя внимание на конкурсе рассказов «Воли России», проживавшего сначала в Праге, а потом в Подкарпатской Руси (две его книги вышли в Ужгороде, одна в Праге). Но Федоров — реалист иного, не бунинского типа. Его рассказы и повести («Суд Вареника», 1930; «Прекрасная Эсмеральда», 1933; «Канареечное счастье», 1938) восходят к androголевско-лесковско-ремизовской традиции, в них большую роль играют юмор, гротеск, сказ, словесные ужимки. Уже в первой книге рассказов чувствуется твердая литературная традиция и зоркий глаз — бытовой гротеск преобладает, пожалуй, надо всем. В «Канареечном счастье» тоже юмор и гротеск (П.М.Бицилли по поводу этой повести вспомнил Диккенса и Достоевского), но здесь и в замысле вещи, и в построении, и в обрисовке характеров больше оригинальности. Юмор

Федорова и его мастерское владение диалогом представляют освежающий контраст с мрачно-серьезными, однотонными монологами Фельзена или напряженно-взвинченными речами персонажей Яновского. Что сталось с Федоровым после войны, неизвестно.

Что-то общее с Федоровым было у *М.Иванникова*, напечатавшего в 30-х годах один рассказ и две повести («Сашка» и «Дорога») в «Современных записках», но ни одной книги не выпустившего и куда-то бесследно исчезнувшего. Географическая принадлежность его не совсем ясна, но «Дорога» его звучит не по-парижски, и действие в ней происходит частью в Чехословакии. Неодобрительно отозвавшийся о начале этой повести Г.В.Адамович (ему не понравился «раздражающе-цветистый» слог Иванникова) потом назвал автора «Дороги» «приобретением для нашей здешней литературы и, может быть, даже писателем с большим будущим». Весь стиль «Дороги» не похож на стиль парижских писателей. Скорее можно усмотреть в этой вещи влияние советской литературы (в частности Леонова). То же можно сказать и о «Сашке», где это впечатление еще усугубляется самим сюжетом: действие повести происходит в ранние годы революции, и герой несколько напоминает будущих беспризорников.

Большие надежды подавал — и как прозаик, но еще больше как поэт — молодой пражанин *Алексей Эйснер,* член пражского «Скита поэтов», а потом парижского «Кочевья». Ему не удалось выпустить ни одной книги, но три поэмы его, несколько отдельных стихотворений и рассказ «Роман с Европой» были напечатаны в «Воле России». В конце 30-х годов про Эйснера прошел слух, будто бы он погиб в испанской гражданской войне, в которой он воевал на стороне красных, но он после того вернулся в Париж и затем, по-видимому, уехал в Россию, как и герой его рассказа, русский художник-эмигрант, которого лишь на время задерживает роман со случайно встреченной молодой немкой.

Несколько обещающих рассказов напечатал другой пражанин, *Николай Еленев,* впоследствии специализировавшийся как историк искусства и напечатавший в Праге монографии о путешествии вел. княгини Екатерины Павловны в Чехию в 1813 году (по неизданным архивным материалам) и о Петре Великом и художнике Я.Купецком, не считая большого количества статей, особенно по истории чешского искусства.

Благодаря «Числам», где появились отрывки их произведений, обратили на себя внимание *Александр Буров* и М.Агеев. Первый по своему духу мало подходил к «Числам». В нем чувствовался «бытовик», немного напоминавший Шмелева, но с большей дозой юмора. Им было издано несколько книг рассказов из русского и эмигрантского быта («Была земля», «Под небом Германии», «Земля в алмазах»), о которых одобрительно отзывались и старшие писатели (Бунин) и критика (Адамович). После войны Буров стал выпускать в Голландии странные книги (одна из них называлась «Тяжко без Сталинградовой России...»), в которых были и плохие стихи, и не менее плохая «патриотическая» публицистика, и злобные выпады против чуть ли не всех политических деятелей эмиграции, и самореклама. Книги эти очень смахивали на графоманию. В 1955 году Буров выпустил большой роман «Бурелом» — о недавнем прошлом России. Роман этот тоже производит впечатление графоманства.

В начале 30-х годов привлек к себе внимание *С.Р.Шишмарев,* человек уже немолодой, но только в эмиграции вошедший в литературу. Его первая книга «Тихон Тимофеевич и его практика» (1932) была благожелательно отмечена В.Ф.Ходасевичем и другими критиками, указывавшими на близость автора к Лескову, на его прекрасное знание захолустного русского быта и образный

язык. Две другие повести Шишмарева («Огненный змий» и «Полосатый столб») были напечатаны перед войной в «Возрождении». Морской инженер по профессии, он был также автором «Морских рассказов». После войны Шишмарев в печати как будто не появлялся, хотя и дожил до 1954 года.

На морские темы писал также *Александр Гефтер*, две повести которого были напечатаны в «Современных записках». После войны он печатался в «Возрождении».

М.Агеев, до своего появления в последней книге «Чисел» никому неизвестный, проживал, видимо, в Константинополе. Отрывок его «Повести с кокаином» — вышедшей целиком в 1936 году под названием «Роман с кокаином» — побудил Г.В.Адамовича назвать его «настоящим писателем». «Повесть с кокаином», носящая подзаголовок «По запискам больного», этот подзаголовок вполне оправдывает. Своей общей патологической направленностью она напоминает писания Яновского, но Агеев пишет сдержаннее и суше. Повесть написана от лица пятнадцатилетнего гимназиста, душа которого двоится между злом и добром. Агеев промелькнул в зарубежной литературе, не дав ничего другого.

Были, конечно, молодые прозаики (или поэты, писавшие и прозу) и в Прибалтике, и в США, и на Дальнем Востоке. Некоторые из них печатались и в «столичной» печати (*М.Щербаков, Б.Волков, П.Балакшин* и др.), выпускали даже, в странах своего проживания, книжки рассказов. Если кто-нибудь из них забыт незаслуженно, обязанностью будущего историка зарубежной литературы будет исправить эту ошибку.

10. Варшавский и другие «парижане»

В.С.Варшавский, сын известного журналиста С.И.Варшавского, бывшего сотрудника «Русского слова», жившего в Праге и игравшего видную роль в общественно-политической жизни тамошней русской колонии, выдвинулся как беллетрист в начале 30-х годов в Париже. Но ему так и не удалось напечатать до войны ни одной книги. В «Числах» (№ 6) появилось начало его повести «Уединение и праздность», и там же был напечатан рассказ «Из записок бесстыдного молодого человека». Судить по этим и еще нескольким мелким вещам о Варшавском как писателе было трудно. Он явно шел в русле парижской школы, учился, подобно Фельзену, у Пруста и Джойса, но фельзеновской цельности в нем не было. В статье «О “герое” эмигрантской молодой литературы» («Числа», № 6) Варшавский, пробуя сделать некоторые обобщения о произведениях младших эмигрантских писателей, писал:

«Кто является героем этой литературы?

Самый заядлый марксистский критик сломит ногу, пытаясь определить классовую принадлежность Аполлона Безобразова или того “я”, от имени которого ведется рассказ в романах Шаршуна, Фельзена, Газданова и некоторых других молодых авторов. Это действительно как бы “голый” человек, и на нем нет “ни кожи от зверя, ни шерсти от овцы”. Вернее, это человек, одетый как-то очень бесформенно, произвольно и случайно. В социальном смысле он находится в пустоте, нигде и ни в каком времени, как бы выброшен из общего социального мира и предоставлен самому себе.

Это “праздный” и “лишенный развлечения” эмигрантский молодой человек (т.е. лишенный того развлечения, которое дают участие в работе и жизни других людей, возможность приложить свои силы к ответственной перед людьми деятельности). Его ум лишен огромной части того

материального содержания идей и интересов, которые развлекают сознание людей, находящихся и действующих в определенной социальной среде».

Таким же «неприкаянным» должен был, вероятно, быть и Вильгельм Гуськов, герой повести Варшавского, которая начинается с эпизодов детства в Москве, но в дальнейшем происходит во Франции. Этот Гуськов явно автобиографичен, и неслучайно он же (но уже не Вильгельм, а Владимир) является героем еще более откровенно автобиографической повести «Семь лет» (1950), в которой Варшавский рассказал о своем участии в войне, сидении в немецком плену, встрече с советскими русскими. Вильгельм Гуськов не только превратился во Владимира, но и вышел из своей эмигрантской скорлупы (желание и потребность Варшавского как-то «примирить» литературу и общественность чувствовались и в упомянутой статье в «Числах»). «Семь лет» — несомненная литературная удача Варшавского, но она продолжает уже отмеченную у парижских прозаиков тенденцию к «ликвидации» романа как романа.

Отдельными рассказами (в «Числах» и других журналах) обратили на себя внимание рано умерший в нищете в Марселе от туберкулеза *Борис Буткевич* и куда-то потом пропавший *Анатолий Алфёров*. Последний напечатал в «Круге» и отрывок из романа.

Покончил с собой в 1933 году, напечатав только одну книгу, *Иван Болдырев*. Его повесть о советской трудовой школе «Мальчики и девочки» — как бы параллель к советскому «Дневнику Кости Рябцева» Н.Огнева. И на писательской манере его чувствовалось влияние советской литературы, школы Пильняка.

11. Проза поэтов: Поплавский, Ладинский, Одоевцева, Георгий Иванов и др.

Из парижских молодых поэтов своими вещами в прозе обратили на себя внимание трое: Борис Поплавский, Антонин Ладинский и Ирина Одоевцева.

От *Поплавского* остались лишь фрагменты двух незаконченных романов — «Аполлон Безобразов» (печатался в «Числах») и «Домой с небес» (посмертно в трех выпусках альманаха «Круг»), а также посмертно изданные отрывки «Из дневников» (1938). Романы между собой связаны фигурой Аполлона Безобразова (этим именем, между прочим, сам Поплавский пользовался в «Числах» как псевдонимом под статьями о боксе, которым увлекался) и, может быть, должны были составить в конечном счете один роман. С другой стороны, эти прозаические опыты связаны с поэзией Поплавского, о которой еще придется говорить, и с его дневниками. Это проза «дневниковая», лирическая, и, как и лирика Поплавского, она, как отметил Г.Газданов, «хаотична». О первом отрывке из «Домой с небес» Г.В.Адамович писал, что это «плохая литература»; по поводу второго он же говорил о замечательной словесной меткости Поплавского, о глубине его наблюдений и самонаблюдений и о насквозь проникающей этот отрывок «музыке» (разноречие это надо отнести отчасти на счет капризных вкусов самого Адамовича; П.М.Бицилли видел в первом отрывке Поплавского влияние Бунина и Бодлера!). Весьма вероятно, что Поплавский нашел бы себя в прозе и вышел бы таким образом из заколдованного лирического круга. Впрочем, когда самые ярые поклонники Поплавского (а таких у него много), считающие его «исключительным явлением» и чуть ли не «вторым Блоком» и «русским Рембо», подчеркивают его молодость и называют писателем, еще не нашедшим себя,

они забывают как будто, что ему, когда трагически оборвалась его жизнь[72], было уже 32 года— возраст, в котором Блок уже создал некоторые свои самые зрелые вещи, а Лермонтов уже пять лет как лежал в могиле! В прозе Поплавского действительно есть и «музыка» (более подлинная, пожалуй, чем в его стихах, беспомощных и ритмически бедных), есть и словесная меткость, есть и доказательства наблюдательности. В обоих романах действие происходит в Париже, в «Домой с небес» — главным образом на русском Монпарнасе. Русско-монпарнасская атмосфера передана очень хорошо. Но лейтмотив всей вещи, как и чуть ли не всей парижской поэзии, — безысходное одиночество. Вот характерный отрывок из романа, крепко связывающий его с поэзией Поплавского и его дневниками (герой романа, Олег, любовь которого к некоей Кате составляет главный эпизод второго отрывка в «Круге», «вспоминает» свои многообразные души):

«Вот она стоит неподвижно на углу, без друзей, без единого знакомого, без приличного платья, узкоплечая, невыразимо покорно смотрящая на четырехчасовое зимнее небо, уже готовое распасться снегом, разлететься, осыпаться снежинками. В венке из воска и мокрыми ногами только что обошедшая всех своих приятелей-презрителей, поднявшаяся на четыре лестницы и никого не заставшая дома. Душа, которой некуда, совершенно некуда деться... А возвращаться домой в отель "Босежур", в желтый пыльный свет под потолком... Лучше головой о мостовую, лучше ходить весь вечер...»

Катя же зовет Олега в Россию, и здесь как будто раскрывается символический смысл заглавия:

«Будем работать, Олег... Будем жить, жить, жить... А потом бросим их всех, уедем в Россию, куда-нибудь на Урал, на завод, за которым сразу лесная пустыня, магнитные скалы... Будем ходить рваные... Хорошо... Среди равных... Научимся говорить на блатном кучерявом зощенковском жаргоне... Ах, Россия, Россия... Домой с небес... Домой из книг, из слов, из кабацкого испитого высокомерия. И Олег говорил: да, Катя... И глаза его зажигались, как зажигались они от всего, от музыки, от вина или же от уличной драки...»[73]

Хотя в дневниках Поплавский говорил, что все персонажи его двух романов им выдуманы, многое из дневников могло бы легко быть перенесено в «Домой с небес», а такие места в романе, как следующее, читаются, как дневниковая запись:

«О одиночество, ты всегда со мною, как болезнь сердца, которой не помнишь, которую не чувствуешь, и вдруг останавливается дыхание, как одиночная камера, что всюду носишь с собой... Глухонемота... Беспамятство... Неграмотность. Один на бульваре, не помнящий родства, останавливаюсь, ослепленный своим богатством... Свободен, совершенно свободен пойти направо или налево, остаться на месте, закурить, вернуться домой

---

[72] О том, как Поплавский погиб жертвой одного молодого маньяка, под видом наркотика отравившего и себя и его какой-то ядовитой смесью, см. у Терапиано, «Встречи», стр. 116-117. Терапиано пишет про Поплавского: «Спортсмен, сильный и ловкий, любивший гимнастику и всякие физические упражнения, Поплавский меньше всего походил на "изломанного декадента"». Но, судя по дневникам Поплавского, образ «сильного и ловкого спортсмена» далеко не исчерпывает его сути. После смерти Поплавского довольно упорно говорили о том, что он покончил с собой.

[73] «Круг», альманах, книга вторая, изд. «Парабола» [Берлин; Париж, 1936], стр. 53-54.

14–994

и лечь спать посреди дня, или среди дня пойти в кинематограф, мигом из дня в ночь, в подземное царство звуковых теней»[74].

В интересной статье о дневниках Поплавского («Совр. записки», 1939, LXVIII) Н.А.Бердяев писал, что, хотя он не сомневается в надрывной искренности Поплавского, его дневник «поражает отсутствием простоты и прямоты. Нет ни одного прямого, не изломанного движения. Все время играется роль». Характеризуя главную тему Поплавского как религиозную, Бердяев писал:

«В нем было подлинное религиозное беспокойство и искание, была драма с Богом. Но он не столько имел религиозный опыт, сколько делал религиозные опыты, производил эксперименты... главная его беда в безволии. Его опыты аскезы безвольны. Он прикрывает для самого себя свое безволие максимализмом».

Вот характерный отрывок из дневника:

«Ничто, буквально ничто меня не радует... Смерть — небытие. Тоже и в Боге. Я понимаю Его как невероятную жалость к страдающим, но что толку, если сама жизнь есть мука. Я люблю Бога, как героя, как источник боли моей за всех униженных, но зачем спасать их и развивать, если в конце концов они скажут, как я, ничего нет. Бог кажется мне неудачником, мучеником своей любви, которая, подобно похоти, заставляет его, вынуждает творить. И если я вскоре не получу образчика жизни, к которой стоило бы стремиться, я уйду совсем из религиозной жизни...»[75]

К дневнику Поплавского была приложена философская статья «О субстанциональности личности». Н.А.Бердяев находил в ней тонкие мысли при больших формальных недостатках: «в ней нет конструкции, это не написанная статья». Это же можно сказать о большинстве писаний Поплавского. Сам он в дневнике писал: «Неряшливость того, что я пишу, меня убивает». Он был одаренным человеком и интересным явлением, но писателя из него не вышло, что бы ни говорили его многочисленные поклонники. Он пытался писать под Розанова, но Розанову подражать нельзя. Еще менее можно говорить (и это правильно отметил в своей книге Терапиано) о Поплавском как о каком-то «учителе жизни», хотя у его молодых поклонников и была такая тенденция. Что вышло бы из него, если бы он остался жить, трудно сказать. Может быть, его «драма с Богом», его страстные поиски святости, его метания и закончились бы настоящим религиозным обращением. Может быть, наоборот, как намекает цитированная нами запись в дневнике, он окончательно отошел бы от религии. Смерть его была похожа на самоубийство, и возможность самоубийства не была исключена для него.

Откликаясь на смерть Поплавского в «Возрождении», В.Ф.Ходасевич писал о нищете как о биче русских монпарнасских поэтов и одной из причин той атмосферы распада и разложения, которая среди них царила: «Дневной бюджет Поплавского равнялся семи франкам, из которых три отдавал он приятелю. Достоевский рядом с Поплавским был то, что Рокфеллер рядом со мной»[76]. Но жестокая правда требует отметить и то, что Поплавский, здоровый человек, боксер, «сильный и ловкий спортсмен», не умел и не хотел работать (это отмечал и Бердяев) и не мог и не хотел жить в плане

[74] Там же, стр. 52.

[75] Борис Поплавский, «Из дневников. 1928-1935», Париж, 1938. Запись от 16 сентября 1932 года.

[76] Статья эта перепечатана в книге Ходасевича «Литературные статьи и воспоминания», стр. 235-241.

реальности. Если гибель его и была случайна, он все же, как видно из его дневника, сознательно шел навстречу ей.

Проза *Антонина Ладинского* нисколько не похожа на прозу Поплавского, но она тоже тесно связана со стихами самого Ладинского. Не считая нескольких малозначительных рассказов и путевых очерков о Палестине, в книги не собранных, проза Ладинского состоит из двух романов: «XV легион» (1937) и «Голубь над Понтом» (1938). Оба романа исторические. В «XV легионе» действие происходит в III веке по Р.Х., изображается упадок древнего Рима и идущий ему на смену новый мир христианства. В «Голубе над Понтом» читатель переносится в Византию и Россию X века. В центре сюжета — крещение Руси кн. Владимиром. В отличие от большинства парижских поэтов, Ладинский и в стихах своих проявил интерес к культурно-историческим темам. Но интерес его к истории был не археологический. Его, как и Алданова, интересовала связь времен — в прошлом он искал отражений настоящего времени. Как правильно указал Г.П.Федотов в рецензии на один из романов Ладинского, ключ к историческим романам Ладинского надо искать в его поэзии, в частности в «Стихах о Европе». Ладинского преследовала тема гибели Европы, гибели культуры, и он обращался к переломным эпохам в истории. Тот же Федотов подчеркнул, что сам факт написания молодым эмигрантским писателем исторического романа из жизни Рима в III веке надо рассматривать как культурный подвиг, отметив при этом, что, хотя в «XV легионе» Ладинского, как во всех исторических романах, «не хватает воздуха», его там больше, чем в «Алтаре победы» Брюсова. Независимо от своего историософского интереса, романы Ладинского читаются с удовольствием. Как и его стихам, им свойственна некоторая декоративная романтичность.

В романах *Ирины Одоевцевой* не так легко уловить связь с ее же стихами, если не считать общего им свойства «женскости». Четыре романа Одоевцевой, напечатанные до войны («Наследие», «Ангел смерти», «Изольда» и «Зеркало»), легко и бойко написаны. Некоторые из них связаны между собой общностью героини и изображаемой среды: это верхний слой французской буржуазии, кинематографические предприниматели и актеры, люди, свободно разъезжающие, проводящие время на Ривьере, на разных курортах. Эта атмосфера более или менее привольной жизни неотъемлема от романов Одоевцевой, но о бытовом реализме она особенно не заботится. Как правильно отметила критика по поводу «Зеркала» (1939), мир Одоевцевой условный, какой-то «зеркальный», в котором (как выразился Г.Газданов) совершенно отсутствует «этический фактор». Персонажи Одоевцевой — по ту сторону добра и зла. Этим она отчасти напоминает Набокова, но при этом ей совершенно чужды сложные композиционные и стилистические задания последнего. Романы ее напоминают сценарии и, может быть, писались с расчетом на кинематограф. Одоевцеву не могла поэтому не постигнуть неудача, когда в своем последнем, уже послевоенном, романе «Оставь надежду навсегда» она поставила себе морально-политическую задачу и попробовала написать роман «идеологический», в духе кестлеровской «Тьмы в полдень», в котором действие частью происходит в Советском Союзе.

Что сказать о прозе *Георгия Иванова*, которого после войны стали все чаще провозглашать первым поэтом Зарубежья? Его «Петербургские зимы» — книга литературных воспоминаний — прочно войдут в литературу о предреволюционном периоде русской поэзии. В них много отдельных удачных характеристик и штрихов и хорошо передан общий дух эпохи. Но они очень субъективны, порой чрезмерно анекдотичны и содержат много

фактических ошибок, так что историк русской литературы XX века должен будет пользоваться ими с осторожностью. И есть уже в них тот нигилистический душок, которым окрашено все позднейшее творчество Иванова. О единственном романе Иванова трудно сказать что-либо определенное. Роман этот, «Третий Рим», начал печататься в «Современных записках» в 1929 году. В двух номерах была напечатана первая часть (около 75 страниц), затем печатание романа было прекращено без всяких объяснений. В 1930 году отрывки из второй части появились в «Числах». Отдельным изданием роман как будто не выходил. Действие в «Третьем Риме» происходит в 1916 году в петербургском большом свете и политическом мире. Роман — явно «политический», пожалуй, авантюрно-политический: какие-то международно-политические интриги, немецкие агенты, «мужик» вроде Распутина. Роман заинтриговывал, но особенными литературными достоинствами не обладал. Чувствовалось некоторое влияние Алданова (в тех же номерах «Современных записок» печатался алдановский «Ключ», и видно было, насколько Алданов умнее и тоньше), но было и что-то от Брешко-Брешковского.

Есть у Георгия Иванова еще одна книга, выпущенная в 1938 году в количестве всего 200 экземпляров, — «Распад атома». Книга эта не подходит ни под один принятый беллетристический жанр. Она написана от имени фиктивного героя, но действия в ней никакого нет. Размышления о конце искусства и конце эпохи вообще перемежаются с отдельными эпизодами и подчеркнуто натуралистическими описаниями (например, содержимого уличного мусорного ящика в Париже). Против этой книги Г.Иванова якобы был создан заговор молчания[77]. Действительно, ни в «Современных записках», ни в «Русских записках», ни в «Последних новостях» она не была удостоена отзывом. Но о ней все-таки говорили: ей было посвящено одно заседание «Зеленой лампы», о ней В.А.Злобин написал статейку в одном сборнике, который редактировали З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковский[78]. Злобин возмущался бойкотом книги Иванова и называл ее «очень современной и для нас, людей тридцатых годов нашего века, бесконечно важной». Тогда как Гуль характеризует «Распад атома» (в упомянутой выше статье) как «рискованный манифест на тему умирания современного искусства», Злобин говорил о его «несомненном религиозно-общественном значении». Это значение он видел в попытке Иванова «соединить человека, Бога и пол». Иванов, по мнению Злобина, продолжил Розанова, которому не удалась его попытка, потому что на место человека он подставил семью, род. В чем усмотрел эту попытку Иванова Злобин, остается загадкой. Есть, правда, в книге некрофильский эпизод (отвратный, но в каком-то смысле даже центральный, — к нему «я» Иванова возвращается) с совокуплением этого «я» с мертвой девочкой; есть рассуждения о парижских девицах легкого поведения с некоторыми иллюстрациями, но при чем тут соединение пола с Богом и человеком, ума не приложить (Роман Гуль об этой стороне «Распада атома» говорит: «В стремлении к “эпатажу” Иванов уснастил свою книгу нарочитой и грубой порнографией»). О статье Злобина в свое время В.В.Набоков (Сирин) в рецензии на «Литературный смотр» (в «Современных записках») писал:

«Автор договаривается до бездн, стараясь установить, почему эта книжица была так скоро забыта. Ему не приходит в голову, что, может быть, так случилось потому, что эта брошюрка с ее любительским

---

[77] Ходили слухи, явно неправдоподобные, о том, что виновником этого «заговора» был В.Ф.Ходасевич, якобы обратившийся к П.Н.Милюкову с письмом от имени анонимной «Русской матери».

[78] «Человек и наши дни», «Литературный смотр. Свободный сборник», Париж, 1939, стр. 158-163.

исканием Бога и банальным описанием писсуаров (могущим смутить только неопытных читателей) просто очень плоха. И Зинаиде Гиппиус, и Георгию Иванову, двум незаурядным поэтам, никогда, никогда не следовало бы баловаться прозой»[79].

Оставляя в стороне малоуместные слова о З.Н.Гиппиус, надо признать, что В.В.Набоков был прав. И все же некоторого внимания книжка Иванова заслуживает — и как симптом, и как комментарий к Иванову-поэту. Мысли Иванова об умирании искусства, несмотря на присваиваемое им Гулем наименование «манифеста», не новы и не особенно интересны (и если убрать «порнографию» и еще кое-что, их можно было бы уместить на нескольких страничках, а в «книжице» их 80!), но они являются крайним выражением того ивановского нигилизма, который Гуль эвфемистически называет «экзистенциализмом». Но к этому мы еще вернемся, говоря об Иванове-поэте.

Прозаические произведения других парижских поэтов (отдельные рассказы Адамовича, Гингера, Ставрова и др.) мало что прибавляют к их поэтическому творчеству. Роман Н.А.Оцупа «Беатриче в аду» малоудачен как роман и интересен лишь как картина нравов русского Монпарнаса.

Глава IV

ПОЭТЫ

Обозреваемый нами сейчас период можно с правом назвать периодом расцвета зарубежной поэзии. Из дореволюционных поэтов, внесших свой вклад в зарубежную поэзию в первое пятилетие, продолжали свою деятельность Бальмонт, Гиппиус, Цветаева, Амари. К ним присоединился позже Вячеслав Иванов. Об их поэзии в эти годы мы уже говорили выше. Почти совсем замолк только, после выхода своего собрания стихов, *Ходасевич*. Правда, в 1928 году еще были напечатаны в «Современных записках» шесть его стихотворений, все очень мрачной окраски — одно кончалось так:

Я здесь учусь ужасному веселью
Постылый звук тех песен обретать,
Которых никогда и никакая мать
Не пропост над колыбелью.

В другом, озаглавленном «Дактили», в котором каждая строфа начиналась словами: «Был мой отец шестипалым», поэт говорил о себе как об игроке, который, как на неверную карту, ставит свою душу и судьбу «на слово, на звук». После того стихи Ходасевича появились в «Современных записках» только уже посмертно — четыре стихотворения, из которых три были помечены 1934, 1937 и 1938 годами, а одно не имело даты. В одном воспевался четырехстопный ямб, любимый размер самого Ходасевича, с которым связано рождение русской поэзии («Ода на взятие Хотина» Ломоносова), который совершенствовали Державин и Пушкин, любимые поэты Ходасевича:

Не ямбом ли четырехстопным,
Заветным ямбом, допотопным?
О чем, как не о нем самом —
О благодатном ямбе том?

---

[79] «Совр. записки», 1940, LXX, стр. 284.

С высот надзвездной Музикии
К нам ангелами занесен,
Он крепче всех твердынь России,
Славнее всех ее знамен.

Из памяти изгрызли годы,
За что и кто в Хотине пал, —
Но первый звук Хотинской оды
Нам первым криком жизни стал.

. . . .

Таинственна его природа,
В нем спит спондей, поет пэон,
Ему один закон — свобода,
В его свободе есть закон.

Доминируют над этим периодом поэты, принадлежащие к средней возрастной группе и начавшие свою деятельность еще в России, и поэты средние и молодые, вошедшие в литературу уже за рубежом. К первым относятся три бывших акмеиста: Георгий Адамович, Георгий Иванов и Николай Оцуп. К ним же можно присоединить и гораздо более молодую по возрасту Ирину Одоевцеву, ученицу Гумилева, выпустившую свою первую книгу, «Двор чудес», еще в России. Все четверо жили во Франции. Двое из них — Адамович и Оцуп — как уже указывалось, играли крупную роль в парижской литературной жизни: Адамович — как главный литературный критик «Последних новостей» и постоянный сотрудник «Современных записок», участник собраний у Мережковских и в «Зеленой лампе» и признанный «ментор» молодых поэтов; Оцуп — как редактор «Чисел» в начале 30-х годов. Иванов, как и Адамович, хотя и по-другому, имел большое влияние на парижскую поэтическую молодежь.

1. Бывшие акмеисты

Обо всех трех бывших акмеистах можно сказать, что они от акмеизма в эмиграции отошли.

Адамович — поэт скупой (или очень строгий к себе). За все время эмиграции им была выпущена всего одна небольшая книжка стихов «На Западе» (1939), причем в эту книжку вошли и некоторые стихотворения, написанные еще в России в первые годы революции. Отход от акмеизма наметился уже во второй книге Адамовича «Чистилище», вышедшей в 1922 году, незадолго до того, как он покинул Россию (первая его книга, «Облака», вышла в 1916 году). От акмеизма оставалась, правда, некоторая наклонность к «литературности», к перекличке с другими поэтами, причем любимыми поэтами Адамовича явно были Лермонтов и Анненский. В эмиграции он обнаружил тенденцию выдвигать Лермонтова как некое знамя, противопоставлять его «тревожность» пушкинскому совершенству и гармонии. Многословный как критик, Адамович скуп и немногословен как поэт, и в этом одно из больших его достоинств. Его тянет к простоте. Запоминаются и запомнятся особенно некоторые его восьмистишия. В рецензиях на книгу «На Западе» особенно часто цитировалось стихотворение (действительно прекрасное), начинающееся: «Один сказал: — Нам этой жизни мало...» Но едва ли не более характерно, в своей приглушенности и недосказанности, для зарубежного периода Адамовича, следующее белое восьмистишие:

Там где-нибудь, когда-нибудь,
У склона гор, на берегу реки,
Или за дребезжащею телегой,
Бредя привычно, под косым дождем,
Под низким, белым бесконечным небом,
Иль много позже, много, много дальше,
Не знаю что, не понимаю как,
Но где-нибудь, когда-нибудь, наверно...

В своего рода программной статье в № 1 «Чисел» Адамович писал о «конце литературы» — о том, что

«...стóит только писателю "возжаждать вещей последних", как литература (своя, личная) начнет разрываться, таять, испепеляться, истончаться, и превратится в ничто. Еще: ее может убить ирония. Но вернее всего, убьет ее ощущение никчемности. Будто снимаешь листик за листиком: это не важно и то не важно (или нелепо — в случае иронии), это — пустяки, и то — всего лишь мишура, листик за листиком, безжалостно, в предчувствии самого верного, самого нужного, а его нет. Одни только листья, будто кочан капусты. Стоит только пожелать ***простоты***, *— простота разъест душу, серной кислотой, капля за каплей. Простота есть понятие отрицательное, глубоко мефистофелевское и по-мефистофельски неотразимое. Как не хотеть простоты и как достичь ее, не уничтожившись в тот же момент! Все непросто. Простота же есть ноль, небытие».*

Не в этом ли объяснение того, что Адамович, всегда скупой на стихи, с годами писал все меньше и меньше? По крайней мере напечатанных стихов после выхода книги «На Западе» у него очень мало. Как и Ходасевич, он ушел в критику.

Через «простоту» к «небытию» шел и *Георгий Иванов*, в послевоенные годы не раз провозглашавшийся лучшим из живущих поэтов Зарубежья. Разрыв Иванова с акмеизмом был еще резче, ибо в ранних его книгах («Лампада», «Вереск», «Сады») внешне изобразительная сторона акмеизма нашла себе более полное выражение. Это была холодная, чеканная, изысканная поэзия. Переиздав за границей «Вереск» и «Сады», Иванов на время перестал печатать стихи. Тем большей неожиданностью был для читателей в 1931 году его маленький сборник «Розы». Стихи «Роз» полны были какой-то пронзительной прелести, какой-то волнующей музыки. Акмеистические боги, которым раньше поклонялся Иванов, были ниспровергнуты. Поэт, гонявшийся за внешними эффектами, за изысканно точными словами, вернулся в лоно музыкальной стихии слова. «Розы» стояли под знаком Блока и Лермонтова, отчасти Анненского и Верлена (у акмеистов всегда был — с легкой руки Гумилева — культ Анненского, хотя по существу их поэтика мало имела общего с поэзией Анненского). Вместо неоклассицизма — неоромантизм, романтизм обреченности, безнадежности, смерти:

Это уж не романтизм. Какая
Там Шотландия! Взгляни: горит
Между черных лип звезда большая
И о смерти говорит.

Пахнет розами. Спокойной ночи.
Ветер с моря. Руки на груди.
И в последний раз в пустые очи
Звезд бессмертных погляди.

Характерно скупому, однообразному, сомнамбулическому пейзажу — звезды, розы, ветер с моря, черные липы — пришедшему на смену изысканным живописаниям раннего Иванова, соответствовал и нарочито скупой, однообразный словарь, монотонная строфика, эллиптическая недоговоренность синтаксиса. Мир Иванова в «Розах» — бессмысленный, обреченный, но в своей бессмысленности и обреченности прекрасный — «ледяной и синий», «печальный и прекрасный». В «упадочности» Г.Иванова, как она проявилась в «Розах», не было еще нигилистического отрицания, не было той убивающей иронии, о которой говорил Адамович, того саморазложения поэзии, уклон к которому чуялся в «Европейской ночи» Ходасевича и который привел последнего к поэтической немоте. Но уже тут поэт подошел к той трагической черте, когда, видя и чуя прекрасное в мире, он не имел больше власти

Соединить в создании своем
Прекрасного разрозненные части[80].

Впрочем, нигилистическая тема, которая стала впоследствии доминантой ивановского творчества, уже звучала в «Розах»:

Хорошо — что никого.
Хорошо — что ничего.
Так черно и так мертво,
Что мертвее быть не может
И чернее не бывать,
Что никто нам не поможет
И не надо помогать.

«Розы» были, думается, наивысшим достижением Иванова. Дальнейшие этапы поэтического пути его — сборник стихов «Отплытие на остров Цитеру»[81], куда вошли и «Розы», и некоторые новые стихи, «Распад атома»[82], книга стихов «Портрет без сходства» (1950) и циклы стихов, напечатанные в нью-йоркском «Новом журнале» и парижском «Возрождении» в последние годы (два из этих циклов озаглавлены «Дневник», с датами «1953» и «1954»). Все это этапы на пути к тотальному нигилизму, к поэзии, отрицающей самое себя. С одной стороны, Г.Иванов продолжает линию, намеченную в «Розах», линию «беспредметного бормотанья» (выражение Романа Гуля). В этом «беспредметном бормотании» ничего нового нет: такие «лунатические», как бы пьяные стихи находим мы и у Блока, и у Анненского, и у других поэтов. Но рядом с пронзительной, какой-то все более безнадежной и «ядовитой» музыкой стихов о бессмыслице жизни и искусства — бессмыслице, следовательно, и этих самых стихов — появляется новая нота: циничная, грубая, издевательская — какой-то «юмор висельника». В статье Романа Гуля о поэзии Г.Иванова, где, как уже говорилось, его нигилизм определяется как «экзистенциализм», приводится интересное признание самого Иванова. Гуль пишет:

«В частном письме в ответ на упреки в преобладании "остроумия" и в ущербленности "музыки" Георгий Иванов пишет так: "В двух словах объясню, почему я пишу в "остроумном", как вы выразились, роде. Видите ли, "музыка" становится все более и более невозможной. Я ли ею не

[80] Ср. рецензию на «Розы» автора настоящей книги в «России и славянстве» от 17 октября 1931 года.

[81] Так же назывался и самый первый сборник стихов Г.Иванова, когда он был еще эгофутуристом и соратником Игоря Северянина.

[82] Об этой книге прозы см. выше.

пользовался и подчас хорошо? "Аппарат" при мне — берусь в неделю написать точно такие же "Розы". Но, как говорил один василеостровский немец, влюбленный в василеостровскую же панельную девочку, "мозно, мозно, только нельзя". Затрудняюсь более толково объяснить. Не хочу иссохнуть, как засох Ходасевич"»[83].

Здесь все характерно и показательно: и нарочито вульгарно-циничная «цитата» из «василеостровского немца», и указание на «аппарат», при помощи которого в неделю можно произвести новые «Розы», и ссылка на Ходасевича, который якобы «засох». Ходасевич не менее остро ощущал и видел бессмыслицу и пошлость окружающего мира, но в его вйдении было что-то трагическое. У Иванова только цинизм и издевка, тщательный анализ содержимого мусорного ведра. Ходасевич, перед тем как «впасть в немоту», находил сильные и страстные слова, чтобы изображать и бичевать бессмыслицу и пошлость мира. Вспомним его замечательные «Звезды» — эту ультранатуралистическую картину захудалого парижского бульварного театрика, с его «звездами», трясущими четырнадцать грудей, и с «жидколягой кометой», которая, «до последнего раздета, — выносится перед толпой», — картину, замыкающуюся «высокой», патетической концовкой:

Так вот в какой постыдной луже
Твой День Четвертый отражен!
Не легкий труд, о Боже правый,
Всю жизнь воссоздавать мечтой
Твой мир, горящий звездной славой
И первозданною красой.

Иванов ограничивается либо едкой или циничной шуточкой, либо безвольным бормотаньем. «Простота» и «безыскусственность» последних стихов Георгия Иванова, разумеется, обманчивы: в них много мастерства, много сделанности — «аппарат» работает хорошо и тут. Оригинальность новой манеры Иванова тоже преувеличена (например, в цитированной уже статье Гуля): он многое воспринял от Блока, от Анненского, от Штейгера, от Одарченко (тут могло быть и обратное влияние, конечно, как говорит Гуль, но похожих на Одарченко стихов у Иванова особенно много *после* выхода книги Одарченко) и от... Ходасевича (кое-что весьма характерное в новой манере Иванова восходит к таким стихам Ходасевича, как «Перешагни, перескачи...», «Леди долго руки мыла...», «Ни розового сада...» и др.). Но у Ходасевича был «утешный ключ от бытия иного» — у Иванова его нет. Впрочем, в своем отвержении и жизни и искусства, Иванов не до конца последователен: среди стихов 1950 года («Новый журнал», 1951, XXV) вдруг промелькнуло стихотворение о «прозрачной прелести Ватто» — «галантнейшего художника века, галантнейшего из веков» — того самого Ватто, которого воспевал Иванов петербургского периода, Иванов-акмеист.

Николай Оцуп, младший друг и в каком-то смысле ученик Гумилева, как и он — царскосел, видный участник третьего «Цеха поэтов» и соредактор его сборников, свою первую книгу стихов («Град») выпустил в 1921 году (в 1922 году она вышла вторым изданием уже за границей). За ней последовала вторая — «В дыму» (1926). В этих первых книгах были прекрасные отдельные стихотворения, но свой голос еще недостаточно чувствовался: влияние акмеизма переплеталось с влиянием Анненского и позднего Гумилева. После 1926 года Оцуп напечатал в журналах (главным образом в «Современных запис-

---

[83] См. «Новый журнал», XLII, стр. 117-118.

ках» и «Числах») довольно много стихотворений, которые так и не были собраны в книге (анонсированное несколько лет тому назад «Собрание стихотворений» пока не вышло). Этим, вероятно, объясняется то, что Оцуп как-то не занял подобающего ему в зарубежной поэзии места[84]. В своем развитии он шел отчасти тем же путем, что Адамович и Георгий Иванов, — от акмеизма (хотя к ивановской внешней изысканности он никогда не был склонен) в сторону Анненского и Лермонтова. Он более «экспансивен», чем Адамович, а от Иванова его отличает несклонность к нигилизму и крайнему солипсизму. Его поэзия проникнута подлинным религиозным чувством. Кроме того и от Адамовича, и от Иванова его отличает несовременное (и парижским поэтам совершенно несвойственное) тяготение к большой форме. Отсюда — его лирические поэмы. Одна из них — «Встреча» (1928) — вышла отдельным изданием, отрывки из других (в том числе прекрасный отрывок о Царском Селе, кончающийся строками об Анненском) были напечатаны в журналах. Отсюда же — его монументальный «Дневник в стихах» (1950), своеобразная, интересная, хотя и неудачная попытка дать не предельно интимную лирику в форме непринужденных, никакой формой не связанных дневниковых записей, вроде «Дневников» Георгия Иванова 1953 и 1954 годов, а своего рода лирический роман в форме не столько дневника, сколько испещренного бесчисленными отступлениями и размышлениями повествования от первого лица. Написанный ломоносовской строфой в десять строк, но не ямбом, а пятистопным хореем, этот «роман» содержит свыше 12000 стихов (для сравнения: в «Евгении Онегине» меньше 6000 стихов). Стих «Дневника» нарочито затрудненный, уснащенный вводными предложениями в скобках, инверсиями, резкими переносами из строфы в строфу, прозаизмами: автор явно стремился местами к депоэтизации языка, и общий тон скорее напоминает Некрасова, чем Пушкина. «Дневник» разделен на две части: первая охватывает предвоенный период (1935-1939), вторая — период войны (1939-1945). Но в порядке реминисценций хронологические рамки значительно раздвигаются — тут и детство в Царском Селе, и студенческие годы в Париже, и литературный Петербург, и первые годы революции со службой автора во «Всемирной литературе» у Горького, и эмиграция — сначала Берлин, потом Париж. Настоящее и прошлое все время сталкиваются, и в «настоящем» плане большое место отведено политическим событиям предвоенного периода, войне, пребыванию в концентрационном лагере в Италии. Через весь «Дневник» проходит личная лирическая тема — тема Беатриче, просветляющей и очищающей любви. За этой темой сквозит религиозное мироощущение автора. Для Оцупа характерно взаимопроникновение личного и общего, и едва ли не главное место в «Дневнике» занимают длинные отступления, нанизанные на автобиографический стержень, — литературные, философские, культурно-исторические. «Дневник» пестрит собственными именами (от Гомера и Вергилия до молодых эмигрантских поэтов), как какая-нибудь энциклопедия. Написать такой бесфабульный «роман в стихах» — целый подвиг. Но и прочесть его, разобравшись в сцеплении всех отступлений, вникнув во все личные и литературные намеки, — подвиг немалый. Не случайно, быть может, о «Дневнике в стихах» Оцупа почти не было отзывов. Срывов у Оцупа больше, чем удач, занять читателя он и не пытается, и читатель часто в раздражении готов отбросить книгу. В целом — вещь неудачная, но неудача эта почетная, за ней чувствуется внутренняя серьезность и глубина. И эта неудача не должна заслонять от нас лирики

[84] Надо сказать, что Оцуп при этом на редкость неудачно представлен в антологии «На Западе», изданной Издательством имени Чехова.

Оцупа с ее чистым и глубоким звучанием. Придет, пожалуй, время, когда Оцуп-лирик будет поставлен выше Георгия Иванова с его нигилистическим «эпатажем».

Относить *Ирину Одоевцеву* к бывшим акмеистам можно лишь с натяжкой. Правда, она была близка к «Цеху поэтов», ей Гумилев посвятил одно из своих стихотворений в «Огненном столпе». Ее первый сборник стихов («Двор чудес», 1922) вышел еще в Петербурге, когда она была совсем молода. В книжке этой сочеталась акмеистическая дисциплина с советской тематикой в духе романтизма. Критика особо отметила ее «Балладу об извозчике» — одну из модных в то время «баллад» на советские темы: такие писали Николай Тихонов, Владимир Познер и другие советские поэты начала 20-х годов. В 1922 году Одоевцева выехала за границу как жена Георгия Иванова. За границей она печатала сравнительно мало стихов, и с конца 20-х годов ее можно было рассматривать скорее, пожалуй, как романистку. Но стихи ее, легкие, хрупкие, неглубокие, очень женственные, — лучше ее романов. Лишь более поздние из них были собраны, уже после войны, в книжке «Контрапункт» (1951). В 1952 году она напечатала «Стихи, написанные во время болезни» — цикл бредовых стихотворений, в которых хорошо передана атмосфера полуяви, полусна во время болезни. Но и во всех стихах Одоевцевой — то же ощущение не совсем реального, какого-то зеркального мира, как и в ее прозе. Говоря словами одного ее стихотворения, вся жизнь иногда представляется «театральной ерундой». В смысле стихотворной техники Одоевцева может дать много очков вперед большинству молодых зарубежных поэтов.

На короткое время стал эмигрантом (в начале 20-х годов) и упомянутый выше *Владимир Познер*, автор «Баллады о дезертире», один из «Серапионовых братьев», литературный «вундеркинд» Петербурга 1920-1921 годов. В 1928 году он выпустил в Париже книжку стихов, озаглавленную «Стихи на случай», о которой Адамович писал, что в «ней ничего не осталось от прежних озорных выкриков... трубных звуков и барабанного боя», что Познер «будто увял, поник», но что «ценой отказа от былых увлечений он достиг одухотворенности». Вскоре после того Познер отрекся от эмиграции и, сделавшись французским журналистом (он родился и детство провел во Франции, где отец его, известный журналист С.В.Познер, был эмигрантом до революции), стал проводить во французской печати просоветскую пропаганду и сотрудничать в советских изданиях. Связь его с зарубежной литературой оказалось недолгой и непрочной. В своей французской книге о современной русской литературе он не преминул эмиграцию лягнуть. После войны он нашумел в связи с процессом Кравченко.

2. Монахиня Мария

Особняком среди зарубежных поэтов, как мы уже говорили, стояла монахиня Мария. Приняв постриг в эмиграции, но оставшись работать в миру и окунувшись на самое дно эмигрантской жизни, она была близка к некоторым течениям в зарубежной литературе, принимая, например, близкое участие в том кружке И.И.Фондаминского, с которым были связаны альманахи «Круг». Ее собственная поэзия («Стихи», 1937) не просто отражает религиозные настроения, которых — рядом с нигилизмом и опустошенностью — было много и среди молодых поэтов. Это *религиозная поэзия*. К ней нельзя подходить с чисто поэтическими мерилами, от нее ждешь больше. Как выразился один критик о книге матери Марии (М.Цетлин в «Современных записках»), это «свидетельство о чем-то большом и подлинном, комментарий к религиозному труду и подвигу». У монахини Марии был литератур-

ный опыт, была поэтическая культура, стихи давались ей легко, может быть, слишком легко. Не все в ее книге одинаково сильно, и тот же критик правильно отметил, что стихи о смерти (кроме проникнутых сильным чувством стихов о смерти дочери, уехавшей в Москву) холоднее и дидактичнее стихов о жизни (книга разделена на две части: «О жизни» и «О смерти»). В стихах о жизни громко звучит тема Иова, упреки Богу за дурно созданный мир:

Убери меня с Твоей земли,
С этой пьяной, нищей и бездарной...

Иногда кажется, что мать Мария перекликается с поэтами «парижской ноты»:

Не то, что мир во зле лежит, не так, —
Но он лежит в такой тоске дремучей.
Всё сумерки, а не огонь и мрак,
Всё дождичек — не грозовые тучи.

За первородный грех Ты покарал
Не ранами, не гибелью, не мукой, —
Ты просто нам всю правду показал
И все пронзил тоской и скукой.

Но проходит через всю книгу и мысль о собственном ничтожестве и собственной вине. Ряд стихов посвящен теме беса, «приставленного» к человеку:

Со мною рядом шлепаешь уныло.
Не прогоню. Не бойся. Помолчи.
. . . .
Не враг и не противник, и не спорщик,
Который бы на слово десять слов, —
Ты комнаты моей уборщик, —
Мети же сор из всех углов.

В вышедшем в 1947 году посмертном сборнике («Мать Мария. Стихотворения, поэмы, мистерии. Воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюке»), редактированном бывшим мужем матери Марии Д.Е.Скобцовым, напечатаны, помимо нескольких неизданных и более ранних стихотворений, две поэмы («Похвала труду» и «Духов день», 1942) и две мистерии в стихах, «Анна» и «Солдаты», во второй из которых действие происходит во время войны в арестном помещении при немецкой комендатуре. Большую биографическую ценность представляют воспоминания об аресте и тюремном и лагерном сидении монахини Марии — ее матери (С.Б.Пиленко), ее бывшего мужа и одной ее сосиделицы (И.Н.Вебстер). Ценна также статья о ней Т.И.Манухиной в «Новом журнале» (1955, XLI).

3. Молодые парижские поэты

Говоря о поэтах эмигрантского призыва, из которых старшие были не моложе Георгия Иванова и Адамовича, родившихся в 1894 году, а младшие родились в первые годы нынешнего века, между 1900 и 1910 годами[85], всего удобнее сгруппировать их географически и говорить о поэтах парижских, пражских, дальневосточных и т.д. Это не значит, что существовала какая-то

---

[85] Точные даты рождения во всех случаях, где удалось их установить, см. в «Указателе» в конце книги [В наст. издании см. Словарь. — *Ред.*].

единая «парижская школа», как думают некоторые теперь[86]. Но во всех центрах русского рассеяния была какая-то общая литературная жизнь, и были некоторые признаки, объединявшие, скажем, всех (или большинство) парижских поэтов.

Париж был в эти годы литературным центром Зарубежья, и, несмотря на всю трудность и ненормальность литературного бытия эмиграции, поэзия в нем процветала. С конца 20-х по 1939 год можно насчитать не меньше двадцати поэтов, которые заслуживали бы упоминания в истории зарубежной литературы. За подавляющим большинством их числится по крайней мере по одному сборнику стихов, а за многими и по несколько. О какой-либо единой парижской школе, повторяем, говорить нельзя. Разнообразия было достаточно. Существовало в Париже несколько литературных группировок, были и поэты, стоявшие вне всяких группировок. Настоящей литературной вражды между группировками не было. Когда в начале 30-х годов возникли «Числа», в них приняли участие почти все парижские поэты младшего поколения (в девяти книгах «Чисел» были напечатаны стихи двадцати трех из этих младших поэтов, не считая нескольких «провинциальных»), а также бóльшая часть старших поэтов (отсутствовали Бальмонт, которого многие молодые считали устаревшим, Вячеслав Иванов, который к тому времени еще не вошел в зарубежную литературу, и Ходасевич, у которого наметились серьезные литературно-идейные расхождения с Мережковским и отчасти с Адамовичем). И все же молодых парижских поэтов можно разделить на тех, кто ориентировался на Ходасевича, призывавшего поэтов «писать хорошие стихи»; тех, кто находился под влиянием Адамовича, проповедовавшего «простоту» и «человечность»; и тех, кто тяготел скорее к Цветаевой и Пастернаку, что проявлялось главным образом в интересе к формальным экспериментам (этих иногда называли — скорее недоброжелательно — «формистами»).

К поэтам, ориентировавшимся на Ходасевича, исповедовавшим своего рода неоклассицизм, культивировавшим строгие формы, можно отнести всю группу «Перекресток», возникшую в 1928 году, выпустившую несколько своих сборников и включавшую, кроме нескольких парижских поэтов, четырех белградских[87]. Из парижских поэтов к «Перекрестку» принадлежали Юрий Терапиано, Владимир Смоленский, Георгий Раевский, Довид Кнут и Юрий Мандельштам[88]. Примыкала к ним и Нина Берберова. «Налево» от «Перекрестка» в формальном отношении стояла руководившаяся М.Л.Слонимом группа «Кочевье», куда входили и прозаики. Эта именно группа тяготела к Цветаевой и отчасти к советской поэзии. В составе ее наиболее характерными «формистами» были Александр Гингер и Анна Присманова[89], отчасти Борис Поплавский[90], но формально к ней принадлежали и не похожие на них Антонин

[86] См. убедительное опровержение этого ходячего взгляда в статье Ю.К.Терапиано в «Новом русском слове» от 27 ноября 1955 года.

[87] Илью Голенищева-Кутузова, Алексея Дуракова, Константина Халафова и Екатерину Таубер. Из них Голенищев-Кутузов в начале 30-х годов несколько раз наезжал в Париж, а Таубер позднее совсем переселилась на юг Франции, где продолжает жить и сейчас. Подробнее о «Перекрестке» см. в книге Ю.Терапиано «Встречи».

[88] У Терапиано четыре сборника стихов: «Лучший звук» (1926), «Бессонница» (1935), «На ветру» (1938) и «Странствие земное» (1951). У Смоленского — два: «Закат» (1931) и «Наедине» (1938) и готов к печати третий («Счастье»). У Раевского — три: «Строфы» (1928), «Новые стихотворения» (1946) и «Третья книга» (1953). У Кнута — четыре: «Моих тысячелетий» (1925), «Вторая книга стихов» (1928), «Парижские ночи» (1932) и «Насущная любовь» (1938); кроме того в 1949 г. вышли его «Избранные стихи». У Мандельштама — четыре: «Остров» (1930), «Верность» (1932), «Третий час» (1935) и «Годы» (1950).

[89] О сборниках Гингера — см. в гл. I. Присманова выпустила три сборника: «Тень и тело» (1937), «Близнецы» (1946) и «Соль» (1949).

[90] При жизни Поплавский издал одну книгу стихов: «Флаги» (1931). После его смерти вышли еще две: «Снежный час» (1936) и «В венке из воска» (1938)

Ладинский и Вадим Андреев (сын Леонида Андреева)[91], во многом более близкие к «Перекрестку».

Около Адамовича никакой формально организованной группы не было. Из молодых поэтов его высказываниям о поэзии, его призывам к «опрощению» поэзии (Адамович неслучайно в эти годы клялся — и продолжает клясться — Толстым, хотя Толстому едва ли бы понравилась поэзия его и его учеников) всего больше отвечали стихи Анатолия Штейгера и Лидии Червинской и отчасти, пожалуй, Перикла Ставрова[92].

Из находившихся формально вне всяких группировок Ирина Кнорринг и Юрий Софиев[93] были ближе скорее к «Перекрестку» (у Софиева чувствовалось сильное влияние Гумилева, особенно в более ранних стихах с их реминисценциями гражданской войны; у Кнорринг, ставшей его женой, влияние Ахматовой), тогда как Виктор Мамченко[94] был близок к «формистам». То же относится и к Борису Божневу (о нем см. в главе I). Особняком стояли: находившийся в орбите Мережковских и мало в те годы печатавшийся, если и писавший, Владимир Злобин[95], казачий поэт Николай Туроверов[96], державшийся в стороне от парижских литературных кругов, занимавшийся казачьей культурно-общественной работой, но высоко оцененный таким критиком, как Г.В.Адамович, и, наконец, самый молодой из зарубежных поэтов того времени, Николай Гронский, сын известного политического деятеля и специалиста по государственному праву, П.П.Гронского, рано погибший жертвой несчастного случая и при жизни ничего, кроме отдельных стихотворений, не опубликовавший, но высоко ценившийся хорошо его знавшей М.И.Цветаевой[97]. Можно называть еще из парижан того времени, которым удалось собрать стихи свои в книги, Екатерину Бакунину («Стихи», 1931), Антонину Горскую («Раздумья», 1938), рано умершего Владимира Диксона («Стихи и проза», посмертно, с предисловием А.Ремизова, 1930), Лазаря Кельберина («Идол», 1929), Галину Кузнецову, Алексея Холчева («Смертный плен», 1929) и Евгения Шаха («Семя на камне», 1927, и «Городская весна», 1930).

У поэтов, воспринявших всего полней завет Адамовича — «поменьше литературности», «отбросьте всякую мишуру»,— и потому, как теперь принято считать, всего вернее выразивших «парижскую ноту», было много такого, что роднило их с Георгием Ивановым. Это в первую очередь — *Лидия Червинская* и *Анатолий Штейгер*, представители интимной, «дневниковой» поэзии. В статье по поводу стихов Червинской в варшавском еженедельнике «Меч» руководитель пражского «Скита поэтов» А.Л.Бем, критически отно-

---

[91] Ладинским было издано пять книг стихов: «Черное и голубое» (1931), «Северное сердце» (1932), «Стихи о Европе» (1937), «Пять чувств» (1938) и «Роза и чума» (1950). У Андреева — четыре сборника: «Свинцовый час» (1924), «Недуг бытия» (1928), «Восстанье звезд» (1932) и «Второе дыхание» (1950).

[92] У Штейгера четыре небольших сборничка стихов (один из них посмертный): «Этот день» (1928), «Эта жизнь» (1932), «Неблагодарность» (1936) и «Дважды два четыре» (1950). У Червинской — всего два: «Приближения» (1934) и «Рассветы» (1937). У Ставрова тоже два: «Без последствий» (1933) и «Ночью» (1937).

[93] У Кнорринг три сборника: «Стихи о себе» (1931), «Окна на север» (1939) и «После всего» (1949, посмертный). У Софиева — один: «Годы и камни» (1937).

[94] Мамченко напечатал четыре сборника: «Тяжелые птицы» (1936), «Звезды в аду» (1946), «В потоке света» (1949) и «Земля и лира» (1951). Вскоре должен выйти пятый — «Певчий час». Еще в 1924 году им был выпущен рукописный сборник «Паузники».

[95] Единственный сборник — «После ее смерти» (1951).

[96] Пять маленьких сборников, первый под названием «Путь» (1928), остальные просто озаглавленные «Стихи» (1937, 1939, 1942, 1965).

[97] «Стихи и поэмы» Н.Гронского вышли посмертно в 1936 году. В «Современных записках» (LXI) М.Цветаева назвала альпийскую поэму Гронского «Белладонна» «лучшей вещью во всей поэзии эмиграции».

сившийся к «парижской ноте», писал о «порочном круге», в который заводит эта дневниковая поэзия, и так ее характеризовал:

«Приглушенные интонации, недоуменно-вопросительные обороты, неожиданный афоризм, точно умещающийся в одну-две строки ("все возникает только в боли, все воплощается в тоске"), игра в "скобочки", нарочитая простота словаря и разорванный синтаксис (множество недоговоренных и оборванных строк, обилие вводных предложений, отсюда — любимый знак — тире) — вот почти весь репертуар литературных приемов "дневниковой" поэзии. Выработав литературную манеру, поэзия интимности и простоты неизбежно убивает самое себя. Ибо весь ее смысл был в том, чтобы вырваться из литературщины, даже больше: перестать быть литературой вообще. Борьба с "красивостью", с литературными условностями кончилась тем, что "дневниковая" поэзия впала в худшую поэтическую условность — в манерность и позу»[98].

Чтобы не быть голословным, вот одно из характерных (хотя и не лучших) стихотворений Червинской:

Над узкой улицей серея,
Встает, в который раз, рассвет,
Живем — как будто не старея,
Умрем — узнают из газет.

Не все ль равно? Бессмертья нет.

Есть зачарованность разлуки
(Похоже на любовь во сне).
Оттуда ты протянешь руки,
Уже не помня обо мне.

Тема Червинской очень узкая, подчеркнуто личная — тема любви, которая «Не любовь — а только тень от тени / Той, что называется земной». В стихах ее есть несомненная прелесть (есть и умение), но такие стихи в пределе своем — путь к «непоправимо белой странице», к молчанию (к этому в конце концов — в пределе — и звал Адамович)[99].

Гораздо больше и мастерства и своеобразия в области этой интимной поэзии обнаружил Анатолий Штейгер, один из самых молодых поэтов Зарубежья, ведший скитальческую жизнь и скончавшийся в Швейцарии во время войны от туберкулеза. Штейгер нашел свой стиль, свою манеру — его стихи легко отличить от любых других (он имел, однако, некоторое влияние на позднего Георгия Иванова). При всей «дневниковости» этой поэзии, диапазон ее шире, она не однотемна — у Штейгера были разнообразные интересы, в том числе политические (он был активным младороссом), в поэзии его, впрочем, не отразившиеся, была у него большая жадность к жизни (он много лет болел туберкулезом и знал, что обречен). Афористичность его стихов острее и глубже, в стихах его иногда звучит напоминающая Ходасевича ирония (например, в «Кладбище» — написанном в Афинах в 1939 году цикле восьмистиший, навеянных блужданием по кладбищу). Вот одно из самых характерных для Штейгера стихотворений — характерных своей сжатостью, своей предельной конденсированностью, своей как бы оборванностью (очень обычный у Штейгера эффект, иногда встречающийся у Ахматовой):

---

[98] «Меч», № 203 (1938). Цитируется в книге Л.Гомолицкого, «Арион. О новой зарубежной поэзии» (Париж, 1939), стр. 34-35.

[99] Ср. его статью «Поэзия в эмиграции» в «Опытах», IV (1955), стр. 45-61 (особенно стр. 54).

Мы верим книгам, музыке, стихам,
Мы верим снам, которые нам снятся,
Мы верим слову... (Даже тем словам,
Что говорятся в утешенье нам,
Что из окна вагона говорятся)...
(1933)

А вот стихотворение в несколько ином роде, менее субъективное, обращенное к внешнему миру и обнаруживающее способность этот внешний мир с той же четкостью и лаконичностью (напоминающей немного Кузмина) показать — из цикла стихов о Бессарабии, где Штейгер провел лето 1939 года:

Две барышни в высоком шарабане,
Верхом за ними двое панычей.
Всё — как в наивно-бытовом романе,
Минувший век до самых мелочей.

И не найти удачней декораций:
Дворянский дом на склоне у реки,
Студент с начала самого «вакаций»,
Фруктовый сад, покосы, мужики.

Но в чем-то всё же скрытая подделка
И вечный страх, что двинется сейчас
По циферблату роковая стрелка...
Уж двадцать лет она щадила нас.

Другие парижские поэты не похожи на Червинскую и Штейгера. Ни на кого не похожи, сами по себе — *Анна Присманова* и *Виктор Мамченко*. Оба поэты трудные. О «косноязычии» Мамченко писали почти все критики. Его уподобляли Хлебникову. В более ранних стихах есть у него нечто общее с Хлебниковым, но, скорее, внешнее (так, он употребляет «синтетический» размер). В поздних книгах Мамченко это сходство утрачивается. В них и косноязычия меньше, но Мамченко остается поэтом трудным: чувствуешь, что у него есть чтó сказать, но до конца до читателя оно не доходит. В его стихах дышишь каким-то разреженным воздухом, весь он какой-то отрешенный, его поэтический мир лишен всяких конкретных черт, он весь какой-то не земной и вместе с тем не фантастический. Есть у Мамченко стихотворение, озаглавленное «Из газеты», — трудно себе представить более отвлеченное, менее «газетное» стихотворение. В мир Мамченко нелегко проникнуть, но иногда из него брызжут как бы светоносные струи, вознаграждая нелегкий труд читателя:

О, да, мой друг, не надо слез и страха, —
Мы дети царствия свободы и добра;
Любовь творит из пламени и праха
Всё, что разрушила недобрая игра.

Или такое прекрасное стихотворение, в котором едва ли можно найти что-нибудь хлебниковское, но которое и вообще ни к кому не возведешь:

Осенний свет вокруг. Душе светло.
Печаль и свет — от края и до края.
И смерть легка, как птица голубая,
Летящая в небесное село.
Она вся в золоте. Она тревожно
Обходит день, по западу скользя...
Не плачь, дитя, нельзя не быть, нельзя.
Благословенно всё, и всё возможно.

Анна Присманова во многом противоположна Мамченко. Она любит крепкие, немного грубые, вполне конкретные образы (в ее стихах большую роль играет сложная система повторяющихся, часто антитетических образов). Рядом с ритмическими экспериментами Мамченко ее размеры кажутся однообразными (ямб она предпочитает всем другим, в этом она похожа на Ходасевича). Зато она смело, даже немного чересчур разудало экспериментирует с языком (чего Мамченко не делает), сознательно нарушая законы и грамматики и здравого смысла. Делается это, видимо, в целях усиления гротеска, одного из излюбленных приемов Присмановой. В ее стихи тоже надо вчитываться, они нарочито затруднены, в них почти всегда есть второй план. Но у Присмановой есть и тяготение к «сюжету», к повествованию, она стремится выйти из круга чистой лирики, дает лирически окрашенный рассказ. При этом у нее бывают удачи — там, где «сюжет» как-то сливается с собственной лирической темой, как, например, в стихотворении «Сестры Бронтэ» с его характерным для Присмановой эпиграмматическим зачином:

О времени не спрашивай счастливых,
несчастным памятники приготовь:
дай мрамору — из золота курсивы
и ангелам дай каменную бровь —

с его игрой образами пера и крыла и с самоотождествлением поэтессы с одной из Бронтэ:

Скрыв страсти под непрочной оболочкой,
держу я и чернильный край крыла.
Дочь лекаря, я пасторскою дочкой —
одной из Бронтэ — некогда была.

(Значительно разнящийся первый вариант этого стихотворения был напечатан в последней книге «Русских записок» в 1939 году под названием «Шарлотта Бронтэ».)

Очень хорошо стихотворение памяти Поплавского — с неожиданным для Присмановой эмоциональным звучанием, родившимся, вероятно, от соприкосновения с поэзией самого Поплавского:

Ему друзьями черви были книг,
забор и звезды, пение и пена.

Любил он снежный падающий цвет,
ночное завыванье парохода...
Он видел то, чего на свете нет.
Он стал добро: прими его, природа.

Верни его зерном для голубей,
сырой сиренью, сонным сердцем мака...

— эти последние строчки (не последние в стихотворении) особенно хороши — самому Поплавскому такие не удавались, но они в его стиле. Но, вообще говоря, поэзия Присмановой — «умственная» и умствующая, в ней мало чувства и мало «музыки». Сторонники «опрощения» и «человечности» упрекают ее в искусственности, в «формизме». Творчество не случайно предносится ей в образе строительства:

Ах, нелегко домину бытия
Построить на лесах стихотворений.

Присманова любит оригинальничать, но она часто бывает просто оригинальна. Будучи очень далека от Адамовича и Георгия Иванова и в каком-то

15-994

смысле ближе, с одной стороны — Ходасевичу, с другой — Цветаевой и Пастернаку (а может быть, даже и Хлебникову), она и от их влияния совершенно свободна. Ей удалось создать свой особый мир, и стихи ее всегда интересны.

Если бы среди парижских писателей и критиков произвести анкету о наиболее значительном поэте младшего эмигрантского поколения, нет сомнения, что большинство голосов было бы отдано за *Поплавского*. По свидетельству Г.В.Адамовича, Мережковский на одном собрании после смерти Поплавского сказал, что для оправдания эмигрантской литературы на всяких будущих судах с лихвой достаточно одного Поплавского. Сам Адамович писал про Поплавского, что он был «необычайно талантлив, талантлив “насквозь”, “до мозга костей”, в каждой случайно оброненной фразе». А о стихах его — что он «был подлинно одержим стихами», был «“Божией милостью” стихотворец». Даже суровый и взыскательный Ходасевич, по поводу посмертной книги Поплавского «В венке из воска», писал: «Как лирический поэт, Поплавский несомненно был одним из самых талантливых в эмиграции, пожалуй, — даже самый талантливый». Поплавского сравнивали с Блоком, с Белым, с Рембо, называли «первым и последним русским сюрреалистом».

Для автора настоящей книги все эти восторженные (и притом авторитетные) отзывы были всегда загадкой. Правда, когда доходило до конкретной оценки стихов Поплавского, те же самые критики (Адамович, Ходасевич, Терапиано) делали множество оговорок, признавали, что ни одного цельного хорошего стихотворения у него нет. Очевидно, восторги насчет талантливости Поплавского надо отнести на счет его личной одаренности, того «шарма», который исходил от него, и тут те, кто не знал Поплавского, должны принимать на веру эти отзывы. Но и о личности Поплавского делались всегда большие оговорки. Ю.К.Терапиано писал, что он имел «массу слабостей, порой нехороших слабостей, например... привычку лгать»[100]. Адамович говорил о «тягостном пороке» Поплавского: «Ему нельзя было верить. Ни в чем»[101]. В этом отношении Поплавский действительно напоминал Андрея Белого. Но он не создал и малой доли того, что создал Белый в том же возрасте.

Поплавский при жизни издал одну книгу «Флаги», в которую вошло около 90 стихотворений, по большей части довольно длинных, написанных между 1923 и 1930 годами. На этой книге главным образом и покоится его поэтическая репутация. Две посмертно изданные книги — «Снежный час» (стихи 1931-1935 годов) и «В венке из воска» (стихи, первоначально отброшенные самим Поплавским) — разочаровали бóльшую часть его поклонников. О «Флагах» же Ю.К.Терапиано писал (в уже цитированной статье), что если бы Поплавский, издавая эту книгу, посоветовался с более опытными друзьями, произвел отбор, проработал некоторые стихотворения, «книга его, вероятно, до сих пор была бы лучшей книгой поэта так называемого эмигрантского поколения». Едва ли беспристрастный историк с этим согласится. Думается, что он книги Ладинского, Смоленского, Кнута, самого Терапиано, Присмановой и Мамченко поставит выше «Флагов». Во всяком случае, производя отбор, о котором говорит Терапиано, пришлось бы оставить от «Флагов» не больше одной пятой. Главный грех Поплавского в не его многословности даже, а настоящем словесном недержании, больше того — в полном отсутствии чувства слова, без которого не может быть хорошего поэта, как

[100] См. «Новое русское слово», 28 мая 1950 г.

[101] Г.Адамович, «Одиночество и свобода», стр.280.

бы ни был одарен от природы человек (у Поплавского был, видимо, талант и к музыке, и к живописи). Поплавский пленил своих поклонников «сюрреализмом», созданным им «волшебно-неповторимым» миром, а также сладостью звучания некоторых своих стихов (одно из таких самых удачных «сладкозвучных» стихотворений приводит в своей книге Адамович). Но сюрреалистический мир Поплавского создан «незаконными» средствами, заимствованными у «чужого» искусства, у живописи (что Поплавский в сущности поэт не музыкальный, а живописный, было кем-то из критиков отмечено; наиболее сильное влияние на Поплавского оказала новейшая живопись — кто-то сравнил его стихи с картинами Шагала; из литературных влияний можно отметить прямое влияние Гийома Аполлинера). В выборе слов Поплавский беспомощно неточен и небрежен, на несколько словесных удач у него целые потоки безразличных, кое-как пригнанных слов: говорить в применении к нему о «лучших словах в лучшем порядке» было бы насмешкой. «Сюрреалист» Поплавский поражает иногда своей крайней банальностью, даже безвкусицей, напоминая не столько Рембо, сколько Игоря Северянина или даже Фофанова в таких, например, строчках:

Этот вечер был чудно-тяжел и таинственно-душен,
Отступая, заря оставляла огни в вышине.
. . . .
Ты меня обвела восхитительно-медленным взглядом
И заснула, откинувшись навзничь, вернулась во сны.
Видел я, как в таинственной позе любуется адом
Путешественник-ангел в измятом костюме весны.

Грубые ошибки против языка, совершенно неправильные ударения и грамматические и смысловые нелепости (явно не сознательные, в отличие от Присмановой) попадаются у Поплавского на каждом шагу, причем в поздних стихах их даже больше, чем в ранних. При этом ритмы его бедны, банальны, он часто не справляется с размером, до рифм ему мало дела. В этом отличие Поплавского от камерных поэтов школы Адамовича: у тех за простотой крылось большое умение, простота была не только целью, но и средством, формой выражения. Но поскольку Поплавский был талантливым человеком, его формальные промахи иногда искупаются поэтическими прозрениями. И все же думается, в историю зарубежной поэзии он перейдет андерсеновским королем. От него останется не одна книга и даже не часть книги, а отдельные строки и строфы отдельных стихотворений. У прозы его больше шансов удержаться в памяти.

Поэтический мир *Антонина Ладинского* не похож ни на мрачную «домину бытия», которую упорно и мучительно возводит Присманова, ни на тесную комнату Червинской, из которой точно выкачан весь воздух. Он полон воздуха и света:

Весь мир, как огромный цветок.
Ты плачешь от счастья, без сил,
При мысли, что хоть на часок
И ты этот мир посетил.

Едва ли не единственный зарубежный поэт в мажорном ключе, Ладинский не боится романтики — его мир стилизованный, немного бутафорский, театральный (он недаром любит театральные и балетные образы). В одной из лучших своих книг («Пять чувств») он воспевает всю чувственную полноту бытия. Какой контраст с «парижской нотой», с приглушенными, притушен-

ными стихами последователей Адамовича, где доминирует тема смерти, — стихи Ладинского, воспевающие атлета, который

... радостно... дышит миром,
Бросая в воздух крепкий мяч.

Как высоко грудную клетку
Вздымает марафонский бег!
Протянем лавровую ветку
Всем, кто опережает век.
. . . .
Олимпиада, воздух, лето,
Торжественный латинский слог,
Легчайшая душа атлета,
Полет мяча и топот ног.

Как непохож красочный и звенящий мир Ладинского на нарочито обеззвученный и обесцвеченный мир Червинской и Штейгера! Вот одно из характерных стихотворений из книги «Пять чувств»:

Прислушайтесь к орга́ну мирозданья,
К хрустальной музыке небесных сфер.
Пищит комар, и голосок созданья
Вливается в божественный размер.
Пчела гудит гитарною струною,
Поет на виадуке паровоз,
И в небе над счастливою землею
Мильоны птиц, кузнечиков и ос!

Как раковину розовую, к уху
Прижмите горсть руки — о шум какой!
Старайтесь уловить вдали по слуху,
Как бьется мира целого прибой.

Нельзя ли, кумушки, хоть на мгновенье
О маленьких делишках помолчать:
Мы ангела в эфире ловим пенье,
А музыке небес нельзя мешать.

Это не мир, увиденный глазами реалиста, но и не условно раскрашенная картинка Поплавского, где преобладают лиловые и розовые тона и где так произволен и случаен выбор слов. Ладинский радостно подмечает и будничные мелочи жизни и тут же, не боясь гиперболы и риторики, как он не боится высоких и громких слов (один из его учителей — Державин), преображает эти мелочи:

Ты — городское утро. Косо
Лежащий на паркете свет.
Ты — кофе с булкой, папироса
И шорох утренних газет.

Вода обильно льется в ванной —
Источников и труб напор,
Где полочка — ледок стеклянный,
А кафели — сиянье гор.

Монотонным размерам Червинской или Поплавского, «скобочкам», недоговоренностям, разорванным и оборванным фразам представителей «камерной» поэзии Ладинский противопоставляет стремительный ритм, полнозвучные, богатые метрическими ускорениями ямбы и хореи, восклицательные интонации, архаизмы, смелые и красочные образы:

Вздувается парус дыханьем из огненной пасти.
О новый Израиль! О вопль псалмопевца средь слез!
Корабль вертоградом расцвел, корабельные снасти,
Как струны давидовой арфы, как музыка гроз.
(Из цикла «Новая Америка»)

Ладинского привлекает экзотика, с ним постоянно беседует гумилевская Муза дальних странствий. У него есть стихи о Египте, о Кавказе (перекликающиеся с Пушкиным и Лермонтовым), есть «Географическая поэма». Рядом с этой настоящей (но всегда стилизованной) экзотикой в стихах Ладинского возникает его собственный экзотический пейзаж — либо театрально-балетный, либо какой-то стилизованно-арктический (лед и снег играют большую роль в системе образов Ладинского). Театральная декоративность особенно чувствуется в первой его книге («Черное и голубое»), которую критика единодушно встретила как «нечаянную радость» зарубежной поэзии. В дальнейшем Ладинский показал себя немного неровным поэтом, чересчур, может быть, плодовитым, но и во второй книге его («Северное сердце») много чудесных находок и просто хороших стихов, и совсем хороши его книги «Стихи о Европе» и «Пять чувств». Интересны лирические поэмы Ладинского («Поэма о дубе») и циклы вроде «Александра» (об Александре Македонском).

Поэтическая родословная Ладинского сложна. В сущности, он очень индивидуален. Но отдельные перекрещивающиеся влияния можно проследить. Мы уже упомянули Державина. К нему можно прибавить Ломоносова (сам строй стиха Ладинского — одический) и вообще XVIII век (дух его — Ладинскому близок русский «Мир искусства», Бенуа и Сомов). Романтизм Ладинского родствен Лермонтову. Сюда входит вся тема «голубых небес» и «черной земли», правда, осложняющаяся у Ладинского переходом в свою противоположность («Не черные ли небеса над нами, / Не голубая ли земля?»). Мужественность, которой недостает большинству парижских поэтов, любовь к экзотике (Восток, Африка) и тема странствий роднят его с Гумилевым (Африка, правда, у Ладинского не чисто книжная — он и сам там был). Есть у него общее и с Осипом Мандельштамом: не только «театральная» тема, но и историософская — тема гибели культуры, гибели Европы, которая нашла себе выражение в «Стихах о Европе» и в исторических романах. Этим краем соприкасается он и с Тютчевым. Но есть у него кое-что общее и с советскими поэтами, особенно с Багрицким и Тихоновым. К советской литературе Ладинский проявлял большой интерес и в анкете «Новой газеты» в числе лучших произведений пятилетия 1926-1930 годов назвал «Шум времени» Мандельштама, «Вора» Леонова и «Петра I» Алексея Толстого, не назвав ни одного эмигрантского произведения. После войны Ладинский стал «советским патриотом», был в 1950 году выслан из Франции и, очевидно, застрял надолго в каком-то пересыльном лагере в Германии. Только в 1955 году имя его промелькнуло в «Литературной газете» — под явно заказанной ему статьей об эмигрантском периоде Бунина. «Советских» стихов Ладинского пока не появилось.

Из поэтов «Перекрестка» (Кнут, Смоленский, Терапиано, Раевский, Мандельштам) наиболее своеобразен покойный Кнут, наименее интересен покойный Мандельштам.

Довид Кнут произвел большое впечатление своей первой книгой, немного странно озаглавленной, — «Моих тысячелетий». В ней действительно, как писал потом Г.П.Федотов, прозвучал «голос тысячелетий, голос библейского Израиля». Библейская тема, библейски окрашенная эротика, высокая дикция характеризовали одну сторону поэзии Кнута. Но Кнут, сын торговца

из Кишинева, воспел и «особенный еврейско-русский воздух» своего детства («блажен, кто им когда-либо дышал»), и тот же Федотов назвал его стихотворение, описывающее еврейские похороны, «прекрасным откровением русско-еврейской музы».

Тему религиозного приятия мира Кнут развивал во «Второй книге»:

Благодарю Тебя за всё: за хлеб,
За пыль и жар моей дороги скудной...
За эту плоть, Тобою обреченную
Вину и хлебу, букве и жене,
За сердце, древним сном отягощенное,
За жизнь и смерть, дарованные мне.
За то, что в детстве слышал трубы я
И видел перст, суровый и большой.
За то, что тело бедное и грубое
Ты посолил веселою душой.

Мотив «бедного и грубого тела» и «веселой души» проходит через раннюю поэзию Кнута. Позже библейская тема снижается у него, Библию и воспоминания детства заменяет «равнодушно-веселый Париж», «любовный романс вытесняет Песнь Песней» (Федотов). Вместе с тем в поэзию Кнута назойливо входит тема «потери слова», тема молчания. В его четвертой книге («Насущная любовь», 1938) чувствуется, с одной стороны, влияние «опростительной» проповеди Адамовича, с другой — надвигающихся страшных событий. Центральное стихотворение в этой книге озаглавлено «Нищета». Вот начало его:

Мы постепенно стали отличать
Поддельные слова от настоящих.
Мы разучились плакать и кричать,
Мы полюбили гибнущих и падших.
И стало всё пронзительней, трудней,
И стало всё суровее и проще,
Слова — бедней, молчание — нежней...

Душе поэта «гибель мира снится», и все, чего он просит, — это «Две капли нежности, щепотку жалости». Но в целом поэзия Кнута далека от опростительства. Во время Второй мировой войны Кнут участвовал во французском Сопротивлении (его жена погибла, ведя подпольную работу против немцев). После войны он переехал в Израиль и начал, по-видимому, писать на иврите. Для русской поэзии он был бы, вероятно, потерян. Он скончался в Тель-Авиве в 1955 году.

Юрий Мандельштам, тоже еврей, сам стал жертвой немцев. Арестованный в 1942 году, он сидел в разных лагерях, а в 1943 году был увезен «в неизвестном направлении» и пропал без вести.

Мандельштам писал много. Восприняв уроки Ходасевича, которыми так пренебрегал Поплавский, он заботился о форме своих стихов, тщательно их отделывал, у него нет срывов, его стихи — хорошая литература, но чего-то последнего ему недоставало. Может быть, прав Ю.К.Терапиано, сказавший, что он еще не нашел себя (он был на пять лет моложе Поплавского и на год моложе Штейгера) и что в последней его книге («Годы»), приготовленной им для печати, но вышедшей уже после войны, прозвучала, в результате тяжелых личных и общих переживаний, какая-то новая нота[102]. Если раньше поэзии Мандельштама была свойственна некоторая рассудочность и холодность (по словам Терапиано, он одно время очень увлекался Леконтом де Лилем), то теперь и у него появилась тяга к «человечности» и «простоте». Но чего-то его

[102] См. «Новое русское слово», 22 декабря 1946 года.

поэзии все же не хватало. Мандельштам занимался и критикой. В отличие от многих своих сверстников, он не нуждался, имел возможность окончить Парижский университет, владел несколькими языками, хорошо знал французскую и английскую литературу и печатал критические статьи как в русской печати (после смерти Ходасевича он заменил его в «Возрождении»), так и во французской. В 1938 году вышла с пометкой «Шанхай» книга его критических этюдов «Искатели».

Владимир Смоленский, как и Ладинский, — романтик, хотя на его технику, на некоторые его приемы и образы и оказал влияние Ходасевич. Романтизм его идет от Блока — периода «Снежной маски» и «Страшного мира» («...сердце хочет гибели, / Тайно просится на дно»). Тема упоения гибелью, предельного одиночества, отчаяния и пессимизма пронизывает поэзию Смоленского с первых его стихов:

Молчи. Не надо о любви. К чему?
Ведь не спасает ни любовь, ни вера...

Или:

Какое там искусство может быть,
Когда так холодно и страшно жить.
. . . .
Какое там бессмертие — пуста
Над миром ледяная высота.

Эти настроения напоминают Георгия Иванова. Поэт признается в полном одиночестве, полной отчужденности от людей. Вот концовка стихотворения, начинающегося строками «Какое дело мне, что ты живешь, / Какое дело мне, что ты умрешь?»:

Но страшно мне подумать, что и я
Вот так же безразличен для тебя,
Что жизнь моя и смерть моя, и сны
Тебе совсем ненужны и скучны,
Что я везде — о, это видит Бог! —
Так навсегда, так страшно одинок.

Но потому ли, что эти стихи по форме не напоминали ни «бормотанья» Червинской, ни «шепота» Штейгера, они вызвали у критики подозрение в неискренности, в «литературности». Даже В.Ф.Ходасевич говорил по поводу второй книги Смоленского о «внутреннем творческом благополучии» поэта, а один критик даже объявил эту книгу поэтической «фальсификацией». В этом втором сборнике Смоленского, вышедшем после большого промежутка, развивались темы смерти и одиночества рядом с темой трагической любви. Но тема смерти была подана теперь как тема «живого мертвеца». И опять вспоминался Блок:

Проклясть глухой и темный мир,
Людей, и ангелов, и Бога,
Мерцанье звезд, бряцанье лир,
Сиянье у ее порога,
Проклясть — и ничего не мочь.
О, даже умереть не в силах!

Много сосредоточенной силы было в стихотворении «Моему отцу», в котором поэт беседует со своим расстрелянным большевиками отцом и которое кончается словами: «Ты видишь, смерти нет». К этой трудной ответственной теме поэт вернулся позже в стихотворении «Стансы» и разработал ее с большим тактом и мастерством в более умиротворенном духе. Ему представляется дом, в котором он жил в России:

Закрой глаза — в виденьи сонном
Восстанет твой погибший дом,
Четыре белые колонны
Над розами и над прудом.

И ласточек крыла косые
В небесный ударяют щит,
А за балконом вся Россия,
Как ямб торжественный, звучит

— и на балкон выходит, «как всегда, высок и строен», отец, и навстречу ему — «из залы или из могилы» — идет мать —

И вот стоят навеки вместе
Они среди своих полей,
И, как жених своей невесте,
Отец целует руку ей.

Затем сам поэт, к которому в начале Смоленский обращается на «ты» (этот характерный для Смоленского прием встречается часто и у Ходасевича), как бы получает отдельное существование, превращается в «черноглазого мальчика»:

А рядом мальчик черноглазый
Прислушивается, к чему
Не знает сам, и роза в вазе
Бессмертной кажется ему.

В этом стихотворении редкое у Смоленского изображение внешней обстановки[103]. Появляются у позднего Смоленского и стихи о России, стихи, которые можно назвать «гражданскими» и против которых у некоторых парижских поэтов было предубеждение: с легкой руки Георгия Иванова тему России стало модным трактовать нигилистически — «Хорошо, что нет России...» Одно из таких стихотворений заканчивается запоминающейся строфой:

И сливается голос мой
С голосами глухими народа,
Над его огромной тюрьмой,
Над тесной моей свободой.

Строки из другого могли бы стать эпиграфом ко всей зарубежной литературе. Обращаясь к себе, к поэту, Смоленский говорит, что Бог

... для того тебя оставил жить
И наградил свободою и лирой,
Чтоб мог ты за молчащих говорить
О жалости безжалостному миру[104].

Поэзия Смоленского серьезна и значительна. Личную тему он выносит за рамки узко личного и не боится высоких слов и приподнятого тона. При этом мастерство никогда не изменяет ему.

В своих трех довоенных книгах («Лучший звук», «Бессоница», «На ветру») *Юрий Терапиано* шел от внешнего к внутреннему. Ученик Гумилева и французских парнасцев, он в первой своей книге отдал богатую дань восточ-

---

[103] Стихотворение это вошло в антологию «На Западе».

[104] Молодой варшавский поэт Л.Гомолицкий в своей книжке о зарубежных поэтах («Арион. О новой зарубежной поэзии», Париж, 1939) говорит, что одно стихотворение Смоленского было приведено (без имени автора) в одном советском романе как характерное для зарубежных настроений. Какой это советский роман, Гомолицкий не говорит.

ной экзотике и оккультным наукам. Но уже в «Бессонице», как отметил в рецензии на нее К.В.Мочульский, «можно проследить духовное развитие автора: мучительную борьбу с сомнениями, искушениями, отчаяньем, освобождение от соблазнов красивости и мастерства, углубление в собственную душу, упрямое стремление к совершенству и чистоте, напряженное искание Бога» («Совр. записки», 1935, LVIII, стр. 476). Г.В.Адамович приветствовал стихотворение Терапиано, начинающееся строчкой «Кто понял, что стихи не мастерство», как своего рода программу. Это было как раз в разгар парижских споров о смысле и назначении поэзии. Сам Терапиано провозгласил «человечность» самым главным в стихах и чувствовал отталкивание от «формистов». Но стихи его от этого не стали похожими на стихи Червинской или Штейгера. Классическая и неоклассическая выучка (в том числе влияние Ходасевича) осталась. Стих его точен и ясен даже тогда, когда выражает тревогу, волненье и мучительные сомнения. Диапазон его поэзии шире не только, чем у Червинской и Штейгера, но и чем у Смоленского и Поплавского. И углубляясь в себя, он в себе не замыкается, ему чужд всякий солипсизм, как чужд и ивановский нигилизм. Прекрасный образчик стихотворения, обращенного и внутрь и вовне, — белые стихи, начинающиеся «По утрам читаю Гомера», одно из наиболее цельно-удачных стихотворений Терапиано. Очень интересна сложная и не совсем, пожалуй, удачно названная диалогическая «Ода» (напечатанная в 1939 году в «Современных записках»). Последняя строфа, с ее реминисценцией из Баратынского (поэта, которого Терапиано любит и с которым его кое-что роднит), содержит утверждение жизни наперекор всем сомнениям и колебаниям:

Еще назвать тебя не смею,
Смерть — *лучезарная краса,*
Еще осилить не умею
Взлет рокового колеса.

Перед тобой в изнеможенье
Еще готов склониться я,
— И вдруг является виденье
Совсем иного бытия.

Над временем, над всем, что зримо,
Над гробом, над подобьем сна,
Огнем страстей неопалима,
Жизнь навсегда утверждена.

Несколько раньше Терапиано писал:

Уметь молиться, верить и любить,
Найти слова, спокойные, простые,
Быть искренним — нельзя. Нам страшно жить...

Но корень его мирочувствия — религиозный. Есть у него стихотворение, написанное как молитва. Молитвой к Богородице заканчивается длинное стихотворение «В день Покрова» с его воспоминаниями о днях гражданской войны в Ростове (как многие зарубежные писатели, Терапиано воевал в Белой армии).

Как и Смоленский, в 30-х годах Терапиано откликнулся на тему России («Стихи о границе» и даже совсем злободневное стихотворение «Командарм», явно внушенное расстрелом Тухачевского). «Стихи о границе» кончаются исповеданием столь традиционной в русской поэзии (не только у Блока) любви-ненависти к родине:

Люблю тебя, проклинаю,
Ищу, теряю в тоске
И снова тебя заклинаю
На страшном твоем языке.

Когда новые советские эмигранты упрекают зарубежных поэтов в равнодушии к теме России, они делают это по недостаточному знанию зарубежной литературы (знания этого, конечно, и нельзя от них ожидать).

Поэтический путь Терапиано — путь внутреннего созревания. В его послевоенной книге («Странствие земное») много прекрасных стихов. Из них хочется отметить стихотворение о ласточке. Оно может на первый взгляд показаться стилизацией (в нем слышны одновременно и Жуковский, и Баратынский), но это не так — в этом стихотворении есть и глубокая символика, и подлинное переживание, конечная умудренность:

Вестница счастья, вестница лета,
Вестница вечера, друг созерцателя,
Стань мне подругой вечернего света,
Нежной сестрой в небесах у Создателя.

После войны Терапиано много и плодотворно занимался литературной критикой. Условия эмигрантской литературной жизни заставляли его печататься главным образом в газетах. Его книга «Встречи», не раз цитированная нами, содержит не только воспоминания о парижской литературной жизни, но и этюды о духовном опыте нескольких поэтов, в том числе Баратынского.

Георгий Раевский (псевдоним Г.А.Оцупа, брата Николая Оцупа и Сергея Горного) тоже принадлежит к поэтам «классической» выучки. Он далек и от «опростительства», и от экспериментальной замысловатости. Ему, может быть, не хватает оригинальности. Он суше Смоленского и у́же Терапиано. Ранние его стихи (особенно в первой книге) были под знаком Тютчева, хотя едва ли тут можно было говорить о простом подражании, и во всяком случае Раевскому в заслугу можно было поставить выбор хорошего образца и учителя. Господствующей темой ранней поэзии Раевского был человек в отношении к природе, их единство и разлад. Тютчевские интонации явно слышатся в таких строках:

Что́ беспокойный голос человека?
Что́ жалобы его? — Всё глухо здесь.
Одних лишь сосен слышится от века
Протяжная торжественная песнь.

Или в таком стихотворении («Утес»):

День отошел. Последний свет исчез
За синими вершинами Вогез.
Всё, что тревожило, что волновало,
Глубокоюо сменилось тишиной.
Лишь, музыки прозрачное начало,
Незримый ключ гремит передо мной.

Менее заметны они, больше уже своего в следующем стихотворении на тютчевскую осеннюю тему:

Как ни был он стремителен и краток,
Кружащийся полет сентябрьских дней, —
В них солнце поздних сил своих остаток
Излить спешило... В памяти моей
Тех чистых дней и нежности твоей
Таинственный хранится отпечаток.

(Но и здесь третья строка и перенос из нее в четвертую — совершенно тютчевские.)

Влияние немецких романтиков (Раевский хорошо знаком с немецкой поэзией) чувствуется в стихах из цикла «Зиглинда», но влияние это творчески переработано. В дальнейшем романтические мотивы ослабели в поэзии Раевского, отошла на задний план и природа, появилось больше интереса к человеку в человеческом плане. Мировосприятие зрелого Раевского — религиозное. В нескольких стихотворениях («Никодим», «Я пас чужих свиней...» — кстати, оба написаны белым стихом) затронута тема религиозного обращения. У Раевского нет срывов. Это поэзия умная, вся на довольно высоком уровне. Если что вредит Раевскому, то это излишняя иногда рассудочность: он порывается к «музыке» и не достигает ее.

К *Николаю Туроверову* в парижских литературных кругах отношение было высокомерное, хотя Адамович и признал его поэтом талантливым, отметив в одной статье его «мужественность». Со свойственным парижским поэтам снобизмом от него отмахивались как от «казачьего» поэта. Всего вероятней, что его стихов просто не знали (они не попали ни в «Якорь», ни в «Эстафету», и только два — не лучших — были включены в антологию «На Западе»), и это одно дает право остановиться немного на нем.

До войны Туроверовым было выпущено три маленьких сборничка стихов, из которых два были скромно озаглавлены «Стихи». Скромность — одно из свойств поэтической личности Туроверова. Мужественное приятие мира и тяжелой беженской судьбы характерно для него. В одном стихотворении он говорит, что учился мужественности у Гумилева, — он один из немногих зарубежных поэтов, испытавших духовное влияние Гумилева. Никаких жалоб и сетований на бессмыслицу жизни и одиночество — при острой тоске по России и сознании отрыва от нее и горечи изгнания:

И останется с нами до гроба
Только имя забытой страны.

Фея положила ему в колыбель, говорит поэт,

... свирель прадедовского края
Да насущный хлеб чужих земель

— и ретроспективная тема «прадедовского края» преобладает в его стихах. Природа и люди — скорее, чем история и современность, хотя есть и стихи на исторические казачье-русские темы, есть и отголоски жестокой гражданской войны на Дону и в Крыму — без всякой ненависти, без всякой примеси пропаганды.

Стих Туроверова скупой и точный, в духе пушкинской традиции. Частый у него четырехстопный ямб ритмически богат. Он зорок и умеет виденное сжато и верно изобразить. С той же четкостью, с которой он видит и изображает родную Донскую область, умеет он передать и впечатление от чужих земель, по которым ему пришлось скитаться в изгнании. Вот мост Александра III в Париже:

Над Сеной медленный закат,
И на густом закатном фоне
В сияющую пустоту
Крылатые стремятся кони
На императорском мосту.

Здесь привлекает не только скупой и точный выбор слов, но и звуковой строй этих пяти строк — со средней, выделяющейся своими двумя пэонами и пятью «у».

Вот Охридское озеро в Сербии, где поэт признается в своем равнодушии к истории, к «глухим столетьям», и говорит, что он запомнит

... Только скрип уключин,
Баркас с библейскою кормой
Да гор шафрановые кручи
Над синей охридской водой.

Есть у Туроверова и более слабые стихи, но лучшее у него заслуживает большего внимания, чем то, которое было ему до сих пор оказано.

В стороне от путей парижской поэзии пролегала поэтическая дорога *Николая Гронского*, погибшего в возрасте 25 лет: его сбил с ног и смертельно ранил на станции парижского метро подходивший поезд.

От Гронского осталась одна книга — «Стихи и поэмы», им самим почти подготовленная к печати, но вышедшая уже после его смерти. Это книга не столько свершений, сколько обещаний, но обещаний больших. В книге, помимо более мелких стихотворений, часто объединенных в циклы, несколько поэм — на темы и современные («Миноносец», «Авиатор»), и исторические («Михаил Черниговский и Александр Невский», «Повесть о Сергии Радонежском, о медведе его Аркуде и о битве Куликовской»), драматические сцены в стихах из жизни Спинозы и — центральная вещь в книге — «альпийская поэма» «Белладонна»[105] — поэма на тему героизма и чести.

Все в этой книге непохоже на поэзию других парижских поэтов. Помимо «горных стран», источники вдохновения Гронского — Библия, латинские поэты, русская история, русская поэзия XVIII века (он писал в Сорбонне диссертацию о Державине). Из современников на него оказала влияние только Марина Цветаева, да разве еще Вячеслав Иванов, хотя возможно, что тут просто сказались некоторые общие классические источники. У Гронского рядом с тягой к культуре — влечение к теме героического подвига, пристрастие к высокому строю речи, к большой форме. Молодым парижским поэтам его поэзия должна была казаться чужой, несовременной. Как далеко было от шепота и бормотанья камерных поэтов до таких строф из посвящения к «Белладонне»:

В ночи, из стран моих бессонных,
В странах иных услышь мой стих,
Внемли, Владычица Мадонна,
Глаголам уст моих живых.

Услышь псалтирь моей печали,
Глубин отчаянья псалом,
Ты, прозирающая дали
Миров иных мечом-лучом

Очей бесплотных и нетленных.
В бессмертный слух — мой смертный стих
Прими. Коленопреклоненный,
Склонясь на сталь рогов кривых

Собрата смелых восхождений,
— Топорика альпийских гор, —
Чту. Да очистят соль молений
Святой Бернард и Христофор...

---

[105] Белладонна — название горной цепи под Греноблем в Дофинейских Альпах. Гронский увлекался альпинизмом, проводил обычно лето в Савойе и музу свою называл «Музой горных стран».

Трудно сказать, каким путем развивался бы Гронский, но во всяком случае в его лице перед нами поэт и большой культуры, и немалой силы, и притом разительно непохожий на своих современников ни в России, ни в Зарубежье. Марина Цветаева не только считала «Белладонну» лучшей вещью во всей зарубежной поэзии (с этим трудно согласиться), но и в отзыве о книге Гронского («Совр. записки», 1936, LXI, стр. 464-465) поставила его в посмертный пример и урок молодым парижским поэтам. Перечислив главные темы Гронского, отметив их разнообразие и вместе с тем роль русской темы в его поэзии, Цветаева восклицала:

«Где же, господа, неизбежное эмигрантское убожество тем, трагическая беспочвенность? Всё здесь — почва: благоприобретенная, пешком исхоженная почва Савойи, почва медонских римских дорог, и в крови живущая отечественная почва тверской земли, и родная финляндская [Гронский родился в Финляндии. — Г. С.], и библейская — Сиона и Синая, и небесная, наконец — Валгаллы и авионов».

И, обращаясь к молодым поэтам, Цветаева продолжала:

«Перед вами... ваш сверстник, ваш школьный товарищ, с вашими же источниками питания: собственной ранней памяти, живого изустного сказа, огромного мирового города, природы, которая везде и всегда, и наиживейшим из всех источников, без которого все остальное — сушь: самой лирической жилой. Так почему же у вас в стихах метро и бистро, а у него Валгалла, — и Авиаторы — и Спиноза? Вы жили в одном Париже. И Париж не при чем».

И Цветаева кончала тем, что подчеркивала, что, взяв от Парижа очень много (от его культуры, его истории), Гронский сумел отстоять «свой образ, свое юношеское достоинство, свою страсть к высотам, свои русские истоки и во всем его богатстве, мощи и молодости — *свой язык*. Взяв у одного Парижа — все, не отдал другому Парижу — ничего...» Кажется, никто из молодых парижских поэтов не ответил Цветаевой на это ее косвенное обвинение в капитуляции перед Парижем монпарнасским.

Остальные парижские поэты или не имели достаточно определенно выраженного поэтического лица или не получили возможности его обнаружить. *Юрий Софиев* (настоящая фамилия — Бек-Софиев) начинал под влиянием Гумилева[106]. Оно сказалось в его поэтизированных переживаниях гражданской войны и в теме дальних странствий:

Всегда мне снились далекие страны,
Морская синь, дорожная пыль,
В горячей пустыне — путь каравана,
В пустынных степях — белый ковыль.

---

[106] Влияние Гумилева на поэтов эмиграции не было так уж сильно, хотя Гумилев и был популярен в читательских кругах. Об этом влиянии имеется два характерно противоречивых суждения Г.В.Адамовича. В 1931 году по поводу сборников «Перекрестка» и парижского «Союза молодых поэтов» Адамович писал о «культе Гумилева» среди эмигрантской поэтической молодежи и прибавлял, что это влияние «самое благотворное, наиболее организующее... в противовес блоковскому... для слабых душ разрушительному» («Последние новости», 2 апреля 1931 года). Три года спустя он рассказывал, как он дал одному молодому парижскому поэту почитать стихи советского поэта Николая Брауна и как тот отрицательно отнесся к ним, и продолжал: «Стихи Гумилева сейчас уже невозможно читать, и если бы вместо стихов Брауна я дал моему собеседнику "Огненный столп" или "Колчан", результат был бы одинаков» («Последние новости», 25 октября 1934 года). Конечно, можно говорить, что за три года культ Гумилева сошел на нет, но тут интересно и отношение самого Адамовича: в 1931 году — «самое благотворное влияние», в 1934 году — «нельзя читать» (даже «Огненный столп»). Интересно, что в Советской России влияние Гумилева было и сильнее, и длительнее.

Но гумилевскую романтику вытеснила безотрадная проза эмигрантской жизни:

И с каждым днем, и с каждым новым годом
Нам нашу вынужденную свободу
Всё безотрадней и трудней нести.

Здесь характерны слова «вынужденная свобода», и не случайно, может быть, Софиев, как и Ладинский, после войны примкнул к «советским патриотам».

Близок к «парижской ноте» был покойный *Перикл Ставров,* русский грек-одессит, в юности принадлежавший к тому литературному кружку в Одессе, в который входили Юрий Олеша, Валентин Катаев, Эдуард Багрицкий и другие известные потом советские писатели. Ставров находился под гипнозом поэзии Иннокентия Анненского, которого едва ли не считал величайшим русским поэтом (Адамович рассказывает, как Ставров однажды удивился, когда ему сказали, что Анненского нельзя все же сравнивать с Тютчевым). Впрочем, Ставров не склонен был до конца верить в спасительность «простоты» и защищал формальные эксперименты. Самому ему не хватало мастерства, равно как и воли освободиться от гипноза Анненского. Он писал также рассказы и переводил русских писателей на французский язык.

Скончавшаяся во время войны от тяжелой болезни *Ирина Кнорринг,* жена Юрия Софиева, как все почти женщины-поэты этого поколения, испытала на себе влияние Ахматовой. Но влияние это не шло дальше чисто внешнего и отразилось главным образом в стихах, тема которых — отношения между женщиной и мужчиной. Но это не главная тема Кнорринг. Поэзия ее очень личная — едва ли не самая грустная во всей зарубежной литературе. Через нее проходит тема тяжелой эмигрантской доли (с 1929 года — жены и матери), безысходной усталости, неприкаянности. Тема эта трактуется ею предельно просто без всякой позы, без всяких формальных поисков:

В огромной жизни нам досталась
От всех трагедий мировых
Одна обидная усталость,
Невидимая для других.

И всё покорнее и тише
Мы в мире таем, словно дым.
О непришедшем, о небывшем
Уже всё реже говорим.

Эти строки — из первой книги Ирины Кнорринг. А вот начало стихотворения, написанного уже во время войны, из посмертного сборника:

Мне всё давно уже не мило —
Ни день, ни ночь, ни свет, ни мгла.
Я всё, что некогда любила, —
Забыла или предала.

Мне надоело быть печальной
И всё прощать, и всё терпеть,
Когда на койке госпитальной
Так просто было умереть.

4. Пражский «Скит поэтов»

Вне Парижа главным центром зарубежной поэзии была Прага. Здесь, как уже упоминалось, существовал руководимый А.Л.Бемом «Скит поэтов», устраивавший собрания и издавший несколько сборников стихов своих чле-

нов. «Прагу» принято было противопоставлять «Парижу», причем говорили часто, что Прага ориентируется на советскую литературу. Это верно лишь отчасти. Во-первых, как мы уже говорили, единой парижской школы не было — было большое разнообразие поэтических индивидуальностей и достаточное разнообразие направлений и влияний, при наличии некоей общей атмосферы. Не было единого направления и в Праге. И все же А.Л.Бем имел некоторые основания противопоставлять основную тенденцию питомцев своего «Скита» основной линии парижских поэтов — той камерной поэзии, которую вдохновлял и поощрял Адамович и которая неприметно влияла и на поэтов, не принадлежащих к «школе» Адамовича. В одной из своих статей на эту тему в варшавском «Мече» («О двух направлениях современной поэзии», № 35)[107] Бем сравнивал два стихотворения, посвященные теме одиночества у парижанина Георгия Раевского и пражанки Эмилии Чегринцевой и приходил к заключению, что у первого «центральная тема никак не объективирована в художественные образы», что одиночество у него «больше факт внутренней жизни поэта, чем поэтически оформленное переживание», тогда как у Чегринцевой ее тема «органически связана со всей суммой образов и убедительно вытекает из них». Комментируя от себя эту мысль А.Л.Бема, молодой варшавский поэт Лев Гомолицкий, который был ближе к пражскому «направлению», чем к парижскому, утверждал:

> *«Иными словами... Чегринцева пишет стихи, не стараясь притвориться, что мол это только так с виду стихи, а на самом деле нечто совсем другое. Как каждый добросовестный мастер, она делает свое дело теми средствами, которые ей отпущены... Застой в лирической поэзии, переоценка значительности своих личных переживаний увели наших наиболее честных поэтов от искусства... Положение это имеет еще и ту отрицательную сторону, что культивирует равнодушие и даже презрение ко всякого рода теориям, специализации, мастерству».*

Скажем от себя, что эта точка зрения приближалась к тому, что проповедовал В.Ф.Ходасевич: поэзию составляют хорошие стихи, а не с предельной искренностью и правдивостью выраженные эмоции, не самообнажение в стихах. Гомолицкий говорил дальше, что если даже члены пражского «Скита» не создали и не создадут истинно художественных ценностей, а парижане создали и создадут,

> *«то и тогда с точки зрения историко-литературной дело "Скита" едва ли не интереснее и значительнее, потому что тут перед нами ни от кого не скрывающийся, нелицемерный, определенный литературный метод».*

В своем подходе к поэзии пражане были близки к парижским «формистам», Присмановой и Гингеру, и к Ладинскому. Самыми талантливыми среди них были начавший одним из первых среди пореволюционных поэтов печататься и уже упоминавшийся нами *Вячеслав Лебедев,* выпустивший в 1929 году сборник «Звездный крен», а позже печатавшийся только в журналах, и Алла Головина, сестра А.С.Штейгера, единственная книжка которой, «Лебединая карусель», вышла в 1935 году.

Лебедев — поэт неровный, у него нередки срывы в безвкусицу, но стихи его интересны, у него есть искания, он не боится фантазии (его опыты в

---

[107] За невозможностью доступа к варшавскому «Мечу» излагаем и цитируем статью Бема по брошюре Л.Гомолицкого «Арион», стр. 38-39.

сюрреалистическом духе, например «Трамвай № 2», удачнее и выдержаннее, чем у Поплавского). Он не замыкается в себе, старается выйти из узко лирического круга, пробует себя в большой теме («Поэма временных лет» и др.). Подчас чувствуется влияние Цветаевой и Пастернака, но в общем у Лебедева свое лицо. Вот отрывок из его стихотворения на тему «возвращения на родину» (этой темы касались и другие зарубежные поэты, по большей части непарижские):

... И я вернусь с чужих дорог,
Такой смирившийся и жалкий,
И робко стукну о порог
Концом своей дорожной палки.
И будет вечер тих тогда
Под крик стрижей над колокольней,
И будет сердцу больно-больно
За эти шумные года.
И буду вновь по-детски верить,
Подняв тысячелетний гнет,
И ветром Библии дохнет
От раскрывающейся двери...

О, как узнаю средь морщин
Твои черты, что, помню, были...
— Ты крикнешь жалостное — «Сын!»
И я растерянное — «Ты ли?»

Не вернулся ли Лебедев на самом деле?

Алла Головина совсем непохожа на своего брата. Выкормыш «Скита», хотя потом она и переселилась во Францию, она далека от дневниковых интонаций, придушенного шепота, безóбразного мира камерных поэтов. Ее стихи — не исповедь, а откровенные «артифакты». Она творит свой образный поэтический мир, в котором большую роль играют карусели, ярмарки, парады, звери, — этим напоминая немного Поплавского. А тема лебедей связывает ее с гадким утенком Андерсена. Она боится «духовного нюдизма» и, касаясь тех же тем, что и парижские поэты, — одиночества, бессмыслицы жизни, гибели искусства — образно-поэтически преображает их. Такое ее стихотворение, как «Музей стихов», на тему Георгия Иванова о «конце искусства», хорошо иллюстрирует мысль А.Л.Бема об «объективизации» переживания. В стихотворении рассказывается о том, как, почуяв, что подходят «последние года для песен и затей», «поклонники последнего поэта» открыли где-то за городом музей поэзии. Вот заключительные строфы этого стихотворения:

В музее залы навсегда тихи,
Над люстрами вздыхает паутина.
Приколоты, как бабочки, стихи,
Под каждой строчкой блестки нафталина.

И здесь лежат в заброшенной тиши,
Построенной мечтою суеверья,
Источенные карандаши
И ржавые расщепленные перья.

Привычно эту рухлядь сторожа,
Склонясь в углах от скуки и бессилья,
В музее всюду дремлют сторожа,
По форме вытянув линяющие крылья.

Стихи Головиной иногда напоминают позднего Набокова-Сирина, но без его ошеломительных словесных удач; иногда — Ладинского, но без его волшеб-

ных ритмов; иногда — Поплавского, но без его многословия и небрежности к слову и к ритму. Иногда в них есть что-то от советских имажинистов и конструктивистов, как, например, в стихотворении «Городская весна»:

Ее прислали образцом ковров
Для скверов и для нового бульвара,
И облако над выставкой домов
Легло, как штемпель лучшего товара.

Свое лирическое «я» поэтесса тщательно прячет, но в лучших ее стихах оно, за всеми вычурами и прикрасами (часто очень удачными), выступает наружу, и такие стихи вознаграждают больше, чем лирическое самообнажение Червинской.

Из других пражских поэтов можно назвать *Алексея Эйснера, Эмилию Чегринцеву, Татьяну Ратгауз, Владимира Мансветова, Евгения Гессена* и *Вадима Морковина*. Эйснер, о прозе которого уже была речь, подавал большие надежды и как поэт, но проявить себя не успел. Чегринцева выпустила в Варшаве две книжки стихов («Посещения», 1936, и «Строфы», 1938). В них был тот же имажинизм, что у Головиной, но меньше оригинальности. Морковин напечатал в «Нови» любопытную поэму о встрече Дон Жуана с Дон-Кихотом. Остальные известны лишь отдельными стихотворениями и после войны себя никак не показали. Гессен погиб во время войны как жертва немцев.

5. Берлинские поэты

С середины 20-х годов в русской литературной жизни Берлина наступило затишье. Жизнь эта совсем замерла к середине 30-х годов, после прихода к власти Гитлера. К концу 30-х годов почти все остававшиеся в Берлине поэты уже перебрались в Париж. До этого в Берлине существовал «Кружок поэтов», который издавал непериодические сборники стихов («Новоселье», «Невод»). В смысле книг берлинские поэты были все же удачливее пражских: трем сборникам Головиной, Лебедева и Чегринцевой они могли противопоставить около десяти, большей частью, правда, изданных уже после переселения из Германии (а некоторые вышли и после войны).

Раиса Блох («Мой город», 1928; «Тишина», 1935) — поэтесса строгая, сдержанная, воспитанная на хороших образцах петербургской поэзии. Голос ее немного глуховат. У *Софии Прегель* («Разговор с памятью», 1935; «Солнечный произвол», 1937; «Полдень», 1939; «Берега», 1953) голос, наоборот, немного чересчур громкий, порой крикливый. И пишет она, пожалуй, слишком много: ее стихами легко пресытиться, тем более что поэзия ее плотная, густая, вещественная, «фламандская». У нее хороший глаз и изобразительное умение, ее можно назвать наследницей акмеистов. В более поздних ее книгах раздражают некоторые словесные вычуры и особенно назойливые инверсии, не оправданные общим стилем. *Михаил Горлин,* муж Раисы Блох, останется в литературе не столько как поэт (автор одной книги экспрессионистских стихов: «Путешествия», 1936), сколько как подававший очень большие надежды молодой ученый, автор хорошей немецкой книги о Гоголе и Гофмане и других работ по истории и теории литературы. Во время войны и он, и его жена были арестованы в Париже немцами, увезены в Германию и пропали без вести.

Две книги («Дикий мед», 1930; «Шелест», 1936) выпустил при жизни перебравшийся потом в Ригу *Николай Белоцветов,* поэт серьезный, но бледноватый. Еще одна его книга вышла посмертно («Жатва», 1953). Талантливее

16-994

и своеобразнее *Владимир Корвин-Пиотровский*, о ранних стихах которого уже была речь. В 30-х годах он начал печататься в парижских журналах, но по-настоящему вошел в литературу уже после войны — книгой «Воздушный змей» (1950), в которую вошли главным образом стихи 40-х годов, но и некоторые более ранние, а также стихами, появившимися с тех пор в журналах и сборниках. Мастер точного и крепкого стиха, он явно многому научился у Ходасевича (некоторые стихи могут даже показаться подражанием последнему). Есть у него кое-что общее и с Набоковым, но он гораздо проще. Иногда слышатся в его стихах интонации из «Урны» Андрея Белого, иногда тютчевские (например, стихотворение «Темнеет небо понемногу»). Есть отголоски Баратынского и Осипа Мандельштама. Но при всем том это поэт очень своеобразный, умеющий привлечь и задержать внимание читателя. Простые, строгие рифмы и метрическое однообразие — на 58 стихотворений только три хорея и ни одного трехдольного размера, а среди ямбов преобладают четырехстопные, обильно уснащенные пиррихиями, — все это подчеркивает новизну и своеобразие творимого Пиотровским мира и новизну выражения. Новизна эта не вызывающая, как у Присмановой, не ошеломляющая, как у Набокова, но, тем не менее, у Пиотровского множество счастливейших стилистических находок, и сам он — одна из запоздалых счастливых находок зарубежной поэзии. Странно, что пока он обратил на себя мало внимания, но поклонникам «интимной» поэзии стихи его едва ли по вкусу. С другой стороны, нет у него и граждански-патриотических стихов, хотя есть прекрасные стихи, написанные в немецкой тюрьме в 1944 году. Вот одно из характерных стихотворений Пиотровского, не вошедших в антологию «На Западе», озаглавленное «Зеркальный мир»:

Я заблудился ненароком
В зеркальном мире, как в лесу, —
В граненом хрустале высоком,
В таинственном шкафу глубоком
Слежу почти ослепшим оком
Зари цветную полосу.

Куда б я ни повел очками,
Везде мой бледный кабинет
Прямолинейными пучками
Иль огненными языками
Весенний отражает свет.
И в этой солнечной купели
Найдя певучую струю,
Я сам сверкаю и пою, —
Не ангел ли я в самом деле
В глухом запущенном раю?

Что, если броситься без страха
В широкое мое окно?
Что, если ангелу дано
Паденье только для размаха,
Для разворота грозных крыл?
Что, если падать он забыл?

К берлинским поэтам географически принадежал и *В.В.Набоков-Сирин*, всегда, впрочем, находившийся в отдельном плавании и в 30-е годы печатавший мало стихов. О его зрелой поэзии дает хорошее представление вышедшая уже после войны и уже упоминавшаяся книжка «Стихотворения» с ее скупым и тщательным отбором стихов. Поэзия Набокова такая же блестяще виртуозная, сверкающая неожиданными, ошеломительными находками, как

и его проза. И она возбуждает тот же вопрос о каком-то коренном «неблагополучии». Совсем не прав Г.В.Адамович, говоря, что к поэзии Набокова «трудно... подойти» без Пастернака, хотя, как мы уже отмечали, есть у Набокова стихи явно под Пастернака. Но как раз того пастернаковского «буйства слов, образов, звуков, метафор», о котором правильно говорит Адамович, у Набокова в сущности нет. Набоков — поэт небуйный, нестихийный, он прежде всего виртуоз, он всегда «себе на уме», и поражает его способность писать не только, как Пастернак, но и как Маяковский, и как многие другие. Нельзя не отметить его любовь к мистификации, жертвой которой стал, между прочим, тот же Адамович. В 1939 году Набоков зачем-то напечатал два стихотворения за подписью «Василий Шишков». Адамович, который стихи Набокова знал плохо и относился к ним до тех пор свысока (в 1934 году он писал, что в стихах Набоков «рассудочно-трезв и безмузыкален»), не узнал льва по когтям, но пришел в восторг от одного из этих стихотворений («Поэты» — оно напечатано теперь в книжке Набокова; стихотворение действительно во многом замечательное) и восклицал в «Последних новостях» (17 августа 1939 года):

> *«...талантлива каждая строчка, каждое слово, убедителен широкий напев, и всюду разбросаны те находки — то неожиданный и верный эпитет, то неожиданное и сразу прельщающее повторение, которые никаким опытом заменить нельзя... Кто это? Откуда он? Вполне возможно, что через год-два его имя будут знать все, кому дорога русская поэзия».*

Интересно проследить в поэзии Набокова тему России — от ранних ностальгических «березок» (у Набокова часто в образе грибов) и таких банальных строчек, как

Ты в сердце, Россия! Ты — цель и подножие,
Ты — в ропоте крови, в смятенье мечты...

до замечательного по силе стихотворения 1939 года («Отвяжись — я тебя умоляю...») с его пафосом отречения от родины:

Тот, кто вольно отчизну покинул,
волен выть на вершинах о ней,
но теперь я спустился в долину,
и теперь приближаться не смей.

Навсегда я готов затаиться
и без имени жить. Я готов,
чтоб с тобой и во снах не сходиться,
отказаться от всяческих снов;

обескровить себя, искалечить,
не касаться любимейших книг,
променять на любое наречье
все, что есть у меня, — мой язык...

или не менее замечательной инвективы 1944 года против сусального советского патриотизма («Каким бы полотном батальным ни являлась / советская сусальнейшая Русь»), которую Адамович назвал стихами «плохими и до крайности плоскими», «эстрадно-эффектной декламацией», между тем как это прекрасный образец высокой гражданско-политической поэзии в традиции Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Ахматовой, Волошина.

6. «Периферийные» поэты

К пражским поэтам были близки варшавские, прислушивавшиеся к мнению А.Л.Бема. Но среди них не было индивидуальных дарований на уровне Головиной и Лебедева. Наиболее плодовитым был *Лев Гомолицкий*, выпустивший четыре книги стихов («Дом», 1933; «Варшава. Поэма», 1934; «Цветник», 1936; «Эмигрантская поэма», 1936), а также книжку этюдов о зарубежной поэзии «Арион». Впоследствии он стал польским критиком и литературоведом и напечатал после войны книгу о пребывании Мицкевича в России. Назовем еще *С.Барта*, который склонен был к формальным экспериментам («Душа в иносказанье», 1935).

Белград в лице своих наиболее талантливых поэтов — Ильи Голенищева-Кутузова и Екатерины Таубер — тяготел, наоборот, к Парижу. И Голенищев-Кутузов и Таубер были членами парижского «Перекрестка», но общего между ними было мало. *Голенищев-Кутузов* (единственная книга «Память», 1935) считал себя учеником Вячеслава Иванова (Иванов написал предисловие к его книге, а сам Голенищев-Кутузов напечатал в «Современных записках» статью о поэзии Иванова), возрождал традиции символизма, увлекался антропософией и явно чуждался проповедуемой в Париже простоты, вследствие чего отношение к нему у Адамовича и его окружения было критическое. У него и в самом деле было много высокопарности и фальши, но есть у него стихи и неплохие, особенно среди навеянных Италией. После войны он неожиданно стал советским патриотом, оказался замешан в деле советских агентов и был приговорен к четырехлетнему тюремному заключению. По выходе из тюрьмы он таинственно пропал — по-видимому, был увезен в Москву (куда раньше собирался уехать добровольно, чтобы преподавать французскую литературу — его специальность — в Московском университете).

Екатерина Таубер, еще до войны переселившаяся на юг Франции и с тех пор там живущая, — автор трех книг стихов («Одиночество», 1935; «Под сенью оливы», 1948; «Плечо с плечом», 1955). Ее голос тихий, сдержанный; стих — уверенно-точный. Тема внутренней жизни души переплетается с темой природы (последняя звучит сильнее в более поздних стихах — может быть, результат жизни в непосредственной близости к природе в Провансе). Вот стихотворение из первой книги Таубер, дающее хорошее представление о ее поэзии:

Мне мило комнаты молчанье,
Вещей таинственный покой,
Раздумье книг, лампад дыханье,
Иконы венчик золотой;

Колючий снег за рамой зимней,
Дней слишком кратких белизна,
Во мгле серебряной и дымной
Пустынных улиц тишина.

И вольное уединенье,
И эти думы о тебе,
И в час случайного сомненья
Покорность светлая судьбе.

До Второй мировой войны одним из очагов зарубежной литературы были прибалтийские страны. В Риге выходила одна из больших эмигрантских газет («Сегодня»), там был хороший русский театр. Но поэзия особенно расцвела в 30-е годы в Эстонии, где молодые поэты и прозаики имели незаменимое преимущество непосредственной географической близости к

России, близости к русской старине (Псково-Печорский монастырь, Изборск), к русскому фольклору и — что, пожалуй, всего важнее — к русскому языку. В Таллинне (Ревеле) с конца 20-х годов выходили раз в год — ко Дню русской культуры, торжественно справлявшемуся во всем Зарубежье и связанному с именем Пушкина, — сборники «Новь», сначала в газетном формате, потом в виде альманахов, и видом, и содержанием напоминавших «Числа» (в вышедшем в 1935 году № 8 «Нови» было больше 200 страниц). Здесь печатались не только местные поэты, но и парижские, и пражские, и другие. Кроме стихов, «Новь» печатала и рассказы, и литературно-критические статьи. Из местных поэтов можно отметить *Бориса Новосадова* («Шершавые вирши», 1936, и «По следам бездомных Аонид», 1938), *Елизавету Базилевскую* («Домик у леса», 1936), *Марию Карамзину* («Ковчег», 1939) и *Юрия Иваска* («Северный берег», 1938). В отзыве о книге Ю.Иваска П.М.Бицилли возводил его поэзию к Баратынскому, которому было посвящено первое стихотворение в книге. Но у Иваска тяготение к архаике сочеталось с известной долей новаторства. После войны Ю.П.Иваск, проживя несколько лет в Германии, попал в США, и в 1953 году выпустил в Париже свою вторую книгу стихов («Царская осень»), но выдвинулся главным образом как критик и эссеист — статьями в «Новом журнале», «Опытах» (редактором которых он стал после третьего номера) и «Новом русском слове» (а до того в «Посеве»). Позднее он занялся В.Розановым и К.Леонтьевым, о котором написал монографию. У Иваска тонкий поэтический вкус, но немного слишком импрессионистическая манера. И как поэт, и как критик, он стремится соединить одной чертой русский «ампир» XIX века с русским «ренессансом» XX века, Пушкина и Баратынского с Анненским и Мандельштамом.

С Баратынским связывал Г.В.Адамович и стихи М.В.Карамзиной. Но Карамзина «классичнее» Иваска.

Из других ревельских поэтов назовем умершего в 1951 году *К.К.Гершельмана,* ни одной книги не выпустившего и замеченного лишь уже после войны. Это поэт с философским уклоном.

По другую сторону Финского залива, в Финляндии, тоже теплилась русская поэтическая жизнь. В Выборге существовал кружок «Содружество поэтов», издававший свой рукописный журнал при участии поэтов из других стран (Ю.К.Терапиано, Ю.П.Иваск и др.). Из проживавших в Финляндии поэтов, кроме рано умершего и уже отмеченного Ивана Савина, в 30-х годах выдвинулась *Вера Булич*, дочь известного петербургского историка литературы С.К.Булича, выпустившая две книги стихов до войны («Маятник», 1934, и «Пленный ветер», 1938) и две после войны, последнюю незадолго до смерти («Бурелом», 1947, и «Ветви», 1954)[108]. О поэзии Веры Булич Ю.К.Терапиано писал в «Новом русском слове» (22 августа 1954 года), что она, «серьезная и в то же время полная неподдельного лирического волнения, проникнута ощущением борьбы духовного начала в человеке с его темными началами». Большое место в поэзии Булич занимает и природа — не как что-то отдельное от человека, а что-то с ним тесно слитое. Вот стихотворение из ее первой книги:

Облокотясь о милые колена,
Следить, как всходит, медля, чуть смутна,
За стогом хрусткого сухого сена
Тяжелая медовая луна.

[108] В.С.Булич, кроме того, выпустила в 1931 году (в Белграде) два тома сказок для детей. Она писала также по-шведски и по-фински.

Насыщен воздух сочным ароматом
Нескошенного клевера полей.
С деревни тянет дымом горьковатым,
Во ржи тягучий скрип коростелей.

... Мы сено теплое с тобой рассыпем,
Чтоб лечь среди прожженных солнцем трав,
И, лунный мед с росой мешая, выпьем
Сладчайшую из всех земных отрав.

В своей третьей книге Булич откликнулась на войну — в частности, циклом стихов об «обороне Ленинграда», города Пушкина, где

Безумный Герман на больничной койке,
Тасуя карты, бредит: с нами Бог!
. . . .
Подъезд театра — как пустая рама,
И ветер крутит мусор и золу,
Но в полночь выйдет Пиковая Дама,
Пойдет по улицам в туман и мглу.

Пройдет, растает в площади пустынной,
В зиянье стен разбитых пропадет,
И луч прожектора иглою длинной
Над памятником бронзовым скользнет.

Ю.К.Терапиано прав, что книги стихов Веры Булич в истории русской зарубежной поэзии не забудутся.

В Риге до войны проживал *Игорь Чиннов*, имя которого теперь известно всем любителям стихов в Зарубежье. Он дебютировал в рижской «Мансарде» (этот небольшой журнал молодежи, в отличие от «Нови», носил строго местный характер). Затем стихи его появились в «Числах» (если не ошибаемся, его первый «заметил» Георгий Иванов, ездивший в Прибалтику). Прочно Чиннов вошел в зарубежную литературу уже после войны: в 1950 году вышла его первая книга «Монолог», которую С.К.Маковский приветствовал как «рождение поэта». Чиннов — неожиданное и несомненное приобретение зарубежной литературы. Некоторыми внешними чертами он близок «парижской ноте»: короткие стихи (у него редко больше трех четверостиший), часто обрывающиеся, недоговоренность, вводные предложения между тире, «скобочки», при большой формальной изощренности тенденция тщательно ее скрывать. Темы его — вечные: любовь, смерть, человек и природа. Иногда проступает ирония (такие стихотворения, как «Ночью мост рабочие чинили...», «Кабак, завод, тюрьма, больница...», «Нам кажется, все ясно, очень просто...» и др.), но нет ивановского нигилизма, нет размышлений в стихах о бессмысленности стихов и тщете искусства. В стихах Чиннова много горькой грусти, но подоснова его мирочувствия совсем иная, чем у Иванова:

Порой замрет, сожмется сердце,
И мысли — те же все и те:
О черной яме, «мирной смерти»,
О темноте и немоте.

И странно: смутный, тайный признак —
Какой-то луч, какой-то звук —
Нездешней, невозможной жизни
Почти улавливаешь вдруг...

В других европейских странах не было своих поэтических группировок. Типично парижская поэзия среднего и выше среднего уровня — стихи про-

жившей в Бельгии *Зинаиды Шаховской* (сборники «Уход», 1934, и «Дорога», 1935).

7. Заокеанские поэты

В США до войны почти не выходило книг стихов, заслуживающих внимания. В первую антологию зарубежной поэзии «Якорь» не попал ни один из проживавших в Америке русских поэтов, а в антологии «На Западе» их всего четверо, если не считать тех, кто попал в США из Европы после войны. Единственная книга поэта, проживавшего в Америке, изданная в Европе — «В пыли чужих дорог» (Берлин, 1934) *Бориса Волкова*. Адамович писал о стихах Волкова, что они «не лишены прелести», хотя от парижской поэзии Волков максимально далек. У него чувствуется влияние Гумилева, в стихах его много восточной экзотики (как большинство русских в США, Волков попал туда с Дальнего Востока, побывав в Монголии и Китае), много книжных тем, но на всем этом лежит некоторый налет провинциальности. Вкус нередко изменял Волкову, и у него нелегко найти цельное хорошее стихотворение. Волков скончался в 1954 году от последствий тяжелых ранений, полученных в автомобильной катастрофе.

Не лишен таланта, хотя и очень неровен, был *Вениамин Левин*, выпустивший несколько книг до войны (сборник его стихов был выпущен также его друзьями посмертно). Уже после войны вышел сборник «Четырнадцать» (Кружка русских поэтов в Америке). Наиболее известным именем в нем было имя *Александра Биска*, переводчика Рильке, печатавшего свои стихи еще в дореволюционном «Золотом руне». Из русских поэтов в Америке, не выпустивших пока своей книги, впечатление наиболее талантливой производит *Татиана Остроумова*. Перед войной ее стихи промелькнули в парижских журналах. По немногим стихотворениям трудно составить представление о ее поэтическом лице. Но видно, что у нее есть чувство слова и чутье к языку, в Америке утрачивающееся обычно еще быстрее, чем в Европе. Чувствуется и литературная культура.

Из поэтов, издавших свои книги уже после войны, приятное впечатление производит *Гизелла Лахман* («Пленные слова», 1952), хотя в ее стихах слишком много «сырого материала» эмоций.

8. Дальневосточные поэты

На Дальнем Востоке и в 20-х, и в 30-х годах выходило много стихов, существовали литературные кружки, журналы. Разобраться в этом потоке стихов со стороны и ретроспективно не так легко. Едва ли, впрочем, будущему историку зарубежной литературы предстоит сделать какие-нибудь неожиданные открытия. До Европы дошли лишь немногие из дальневосточных поэтов, и те, которые дошли, стоят на не очень высоком уровне. Общее впечатление от дальневосточной поэзии — провинциальность. Чувствуется, пожалуй, больше близости к внутрирусской поэзии, но близости внешней, без творческого претворения. Мы уже говорили о смеси Северянина и Маяковского в ранних стихах *Арсения Несмелова*, автора нескольких сборников («Кровавый отблеск», 1929; «Без России», 1931, и др.). К 30-м годам, когда он начал печататься в парижских журналах, он выровнялся и приобрел свой стиль, напоминавший уже скорее Пастернака и Сельвинского. В парижских журналах печатались также *Алексей Ачаир* (псевдоним), *Николай Щеголев* и *Валерий Перелешин*. Последний из них самый талантливый и приятный. В его

единственной книге («В пути», 1937) есть совсем неплохие стихи, но ему тоже недоставало парижской культуры — он то и дело срывается в безвкусицу.

Глава V

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА, МЕМУАРЫ

Едва ли не самым ценным вкладом зарубежных писателей в общую сокровищницу русской литературы должны будут быть признаны разные формы нехудожественной литературы — критика, эссеистика, философская проза, высокая публицистика и мемуарная литература. Все это области, в которых в Советском Союзе давление на свободное творчество и свободную мысль сказывалось и сказывается, пожалуй, еще больше, чем в художественной литературе. Это особенно верно по отношению к периоду после 1930 г. — до того, по крайней мере, в литературной критике и истории литературы созданы были ценные вещи, с разгромом же «формализма» и эта ветвь советской литературы отсохла.

К сожалению, для опубликования писаний этого рода вне периодических изданий условия в Зарубежье были особенно неблагоприятные. Многое ценное до сих пор погребено в журналах и даже в газетах, так как журналов в Зарубежье было недостаточно. Относительно повезло философской прозе — в значительной мере благодаря существованию издательства при Христианском союзе молодых людей (YMCA-Press), издававшего уже упоминавшиеся нами произведения Н.А.Бердяева, С.Л.Франка, Н.О.Лосского, Б.П.Вышеславцева и других философов. Это издательство печатало, впрочем, и книги по литературе — им, как мы уже говорили, были изданы пять книг по истории русской литературы и духовной культуры К.В.Мочульского, художественные биографии Тургенева и Жуковского, написанные Б.К.Зайцевым, а также и некоторые художественные произведения А.М.Ремизова и других писателей. Перед самой войной возникло в Париже новое издательство под названием «Русская научная библиотека», которому до войны удалось издать замечательную книгу С.Л.Франка «Непостижимое» и прекрасный труд Д.И.Чижевского «Гегель в России».

Хуже обстояло дело до войны с литературной критикой. Ни одному из руководящих литературных критиков 20-х и 30-х годов не удалось собрать в книгу своих критических статей. В.Ф.Ходасевич, помимо биографии Державина, издал только один том статей о Пушкине (переработанное и дополненное издание его более раннего «Поэтического хозяйства Пушкина»). Между тем одних статей о Пушкине и его эпохе им было напечатано в журналах и газетах свыше ста. Он также выпустил сборник мемуарных очерков («Некрополь») и состоял главным критиком в газете «Возрождение». Несобранными остались статьи А.Л.Бема о текущей литературе, зарубежной и советской, да и многие его историко-литературные статьи. То же относится к ценным статьям В.В.Вейдле о современной западноевропейской литературе и по общим вопросам литературы, которые он печатал регулярно в «Современных записках» и «Последних новостях», а также одно время в «Возрождении» (под псевдонимом «Н.Дашков»). Вейдле как художественный критик и как историк искусства — самое ценное приобретение зарубежной критики после 1925 г. Впоследствии он стал писать много и во французских изданиях. Уже

после войны некоторые литературные этюды Вейдле вошли в выпущенную Издательством имени Чехова книгу «Вечерний день» (1952). Не собраны литературно-критические и литературно-исторические статьи П.М.Бицилли. Некоторые из них, напечатанные по-русски в «Ежегоднике» Софийского университета, остались даже неизвестны обычному читателю русских журналов. Не были собраны до войны и литературно-критические статьи Г.В.Адамовича, едва ли не самого плодовитого зарубежного критика, который со свойственным ему субъективизмом и импрессионизмом, но большей частью интересно, откликался на все, что происходило и в зарубежной, и в советской литературе. Только в 1955 году в Издательстве имени Чехова вышел уже упоминавшийся нами том его статей о зарубежной литературе («Одиночество и свобода»), в который вошли и частью переработанные прежние статьи об отдельных зарубежных писателях. Хотя критические статьи Адамовича читаются всегда с интересом и в них разбросано множество тонких замечаний, он не принадлежит к тем критикам, писания которых выигрывают от объединения под одной обложкой, — для этого Адамович слишком непоследователен и непостоянен. Для его критической репутации (а она стоит в Зарубежье очень высоко) было бы не очень выгодно, если бы кому-нибудь пришло в голову составить антологию из его суждений, скажем, о Гумилеве, Есенине, Блоке и Пушкине.

Из более молодых критиков, которые вошли в зарубежную литературу в 30-х годах, только Ю.В.Мандельштаму, как уже было сказано, удалось издать книжку критических этюдов. Вышедшая почти накануне войны, книжка эта была мало замечена.

В области литературоведения возможностей печатания на русском языке было мало. Отдельные статьи иногда попадали в общие журналы, такие, как «Русская мысль» и «Современные записки» (где была, например, напечатана интереснейшая статья Д.И.Чижевского о «Шинели» Гоголя), и в такие (к сожалению, слишком редко выходившие) издания, как «Труды русских ученых за границей», «Труды Съездов русских академических организаций за границей», «Записки Русского научного института в Белграде» и т.п. Многие работы русских литературоведов были напечатаны на иностранных языках — сюда относится ряд книг, не говоря о многочисленных статьях на немецком, французском, английском, итальянском, польском, чешском, сербском и других языках. Полной библиографии работ русских зарубежных ученых до сих пор не существует[109]. Какое количество работ по истории и теории литературы остается до сих пор в рукописи, нельзя сказать.

То же в общем относится и к высококвалифицированной публицистике. Многое из писаний, которые в нормальных условиях на родине были бы собраны в книгу, остается погребенным в журналах и газетах. Так,

---

[109] В 1931 году Русским научным институтом в Белграде был выпущен первый том ценнейших «Материалов для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920-1930)». Этот том в 400 почти страниц включает 472 автора и свыше 7000 названий. И все же эта библиография далеко не полная, ибо многие авторы, особенно вне Европы, не дали сведений о своих трудах. К 1941 году был подготовлен второй том «Материалов», охватывавший следующее десятилетие. В первый том «Материалов» вошли и многие литературно-критические статьи, например, В.Ф.Ходасевича и А.Л.Бема (у последнего зарегистрировано свыше 70 названий). Интересно, что в то время как сейчас (да и давно уже) в СССР вклад русского Зарубежья в литературу, литературную критику и науку совершенно игнорируется, в 1930 г. покойный П.Н.Сакулин, почтенный ученый дореволюционной формации, в своем докладе о первом Конгрессе филологов-славистов в Праге, сделанном в заседании Отделения гуманитарных наук Академии наук СССР, говорил подробно и с уважением о трудах русских зарубежных ученых (хотя эти ученые официально не были допущены, как таковые, к участию в съезде), перечисляя ряд имен и отдельных работ (А.Л.Бема, В.А.Францева, П.Б.Струве, Е.А.Ляцкого, Р.В.Плетнева и др.). См. «Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук», 1930, № 6, стр. 415-440.

не вышли отдельной книгой ни «Мысли о России» Ф.А.Степуна, печатавшиеся в ряде номеров «Современных записок», ни (правда, незаконченные) «Пути России» И.И.Бунакова-Фондаминского, ни публицистические статьи П.Б.Струве (равно как и его многочисленные статьи по истории русской литературы, русской науки и русской культуры вообще)[110], ни статьи З.Н.Гиппиус, Д.В.Философова, Г.А.Ландау, Е.Д.Кусковой, М.В.Вишняка и других выдающихся публицистов. Г.П.Федотову удалось выпустить одну книгу своих статей еще до войны. Вторая — «Новый Град» — была издана уже посмертно Издательством имени Чехова (1952).

Что касается мемуарной литературы, то до войны выходили главным образом политические мемуары о предреволюционном и революционном периоде. В первые годы эмиграции многое печаталось в основанном И.В.Гессеном «Архиве русской революции»[111]. В Париже выходила связанная с умеренно монархическими кругами «Русская летопись». Были изданы весьма ценные мемуары гр. В.Н.Коковцова, Вл.И.Гурко и др. Из литературных мемуаров до войны появились уже упоминавшиеся нами «Петербургские зимы» Георгия Иванова (переизданные после войны Издательством имени Чехова) и (перед самой войной) интереснейший «Некрополь» В.Ф.Ходасевича (1939). Но мемуарная литература особенно обогатилась в послевоенный период благодаря широко развернувшейся деятельности Издательства имени Чехова. Из мемуаров литературного характера назовем «Портреты современников» С.К.Маковского, «Поезд на третьем пути» Д.Аминадо, «Встречи» Ю.К.Терапиано, «Литературно-критические статьи и воспоминания» В.Ф.Ходасевича. Не чисто мемуарный характер носит незаконченная книга И.А.Бунина «О Чехове» (1955). О литературе много говорится и в имеющих более общий (и отчасти политический) характер двухтомных воспоминаниях Ф.А.Степуна. Из мемуаров общего и политического характера отметим воспоминания В.А.Маклакова, П.Н.Милюкова, А.В.Тырковой-Вильямс, В.М.Зензинова, В.М.Чернова, М.В.Вишняка, ген. А.И.Деникина, протопресвитера Г.И.Шавельского, М.П.Бок (дочери П.А.Столыпина), П.А.Бурышкина, В.П.Зилоти, Н.В.Валентинова, М.М.Новикова и др.[112] Мемуары, и литературные, и политические, относящиеся к предреволюционному периоду, представляют особую ценность, ибо этот период и экономического, и духовного расцвета России систематически замалчивается или искажается в Советском Союзе. То же относится и к самой революции, которая изображается через кривое зеркало партийной пропаганды. За издание этих мемуаров, подобранных с беспристрастием и объективностью, будущие русские поколения будут глубоко благодарны Издательству имени Чехова.

---

110 См. неполный перечень этих статей в посмертно изданном незаконченном труде П.Б.Струве: «Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности» (Париж, 1952), стр. 365-376.

111 Ценные мемуары и исторические материалы печатались также в журнале «Голос минувшего на чужой стороне» под ред. С.П.Мельгунова, В.А.Мякотина и Т.И.Полнера.

112 В список этот сознательно включены только произведения эмигрантов первого призыва.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ВОЙНА
И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

1. Война и зарубежная литература

С началом войны в сентябре 1939 года литературная жизнь зарубежной России совсем замерла. Показательно, что сразу же после объявления войны «Последние новости» (к тому времени единственная ежедневная газета в столице русского Зарубежья — «Возрождение» уже с 1936 года перешла на еженедельное издание) перестали давать по четвергам столь украшавшую их литературную страницу: в условиях военного времени для литературы не было прежнего места. Многие молодые писатели оказались в рядах французской армии. Добровольцем пошел в армию не столь уже молодой и не подлежавший призыву Г.В.Адамович. Но настоящий смертный приговор зарубежной литературе был подписан с победой Германии над Францией в начале лета 1940 года и оккупацией Парижа. Обе парижские русские газеты немедленно перестали выходить. Толстых журналов к этому времени уже не существовало: последний номер «Современных записок» вышел в начале 1940 года, «Русские записки» прекратились еще раньше с началом войны. Половине редакции «Современных записок» и многим политическим сотрудникам журнала удалось не только покинуть Париж, но и выехать в Америку. За океаном оказались Н.Д.Авксентьев, М.В.Вишняк, В.М.Зензинов, А.Ф.Керенский, Г.П.Федотов, Ст.Иванович. Остались во Франции два редактора «Современных записок» — И.И.Фондаминский и В.В.Руднев (вскоре скончавшийся в свободной зоне Франции). Из писателей-беллетристов старшего поколения уехали в США только М.А.Алданов и М.О.Цетлин. Из младших перед самым приходом немцев выбрался В.В.Набоков. Из остававшихся известных писателей и публицистов часть оказалась в свободной зоне (например, И.А.Бунин, П.Н.Милюков и др.), часть — под немцами (И.С.Шмелев, А.М.Ремизов, М.А.Осоргин); часть, очутившись первоначально вне оккупированной зоны, вернулась затем в Париж или его окрестности (Мережковские, Н.А.Тэффи, Н.А.Бердяев). Из молодых писателей многие приняли активное участие во французском движении Сопротивления и даже были в числе его инициаторов: В.Л.Андреев, Д.М.Кнут и его жена, В.И.Гессен (сын И.В.Гессена), В.Л.Корвин-Пиотровский и др. Некоторые поплатились за это своей жизнью, например, Б.В.Вильде (Борис Дикой), расстрелянный по нашумевшему делу Музея Человека. От руки немцев погибли также, как мы уже упоминали, мать Мария, И.И.Фондаминский-Бунаков, М.Г.Горлин и Р.Н.Блох, а также поэт Илья Британ[1]. В концентрационном лагере во Франции скончался А.М.Кулишер, передовик «Последних новостей», писавший также статьи под псевдонимом

[1] Краткий свод сведений об участии русских во французском Сопротивлении дан в книге В.С.Варшавского «Незамеченное поколение» (Нью-Йорк, 1956).

«Юниус». В Югославии немцами были арестованы П.Б.Струве, Д.Н.Вергун и некоторые другие русские, правда, выпущенные впоследствии на свободу.

Были, конечно, среди зарубежных русских и такие, которые сочувствовали немцам. На Балканах их было даже много, во Франции — меньше. Среди писателей это были главным образом представители старшего поколения — Д.С.Мережковский, И.С.Шмелев, И.Д.Сургучев (последний сотрудничал в издававшейся немцами в Париже русской газете «Парижский вестник»).

Среди скончавшихся во время войны известных деятелей зарубежной литературы отметим: В.Л.Бурцева, Н.В.Калишевича (печатавшего в «Последних новостях» еженедельные критические фельетоны за подписью «Р.Словцов»), Н.К.Кульмана, специалиста по средневековой французской литературе Г.Л.Лозинского, П.Н.Милюкова, М.А.Осоргина, П.Б.Струве. В Америке за годы войны скончались Н.Д.Авксентьев, И.В.Гессен, С.И.Португейс (Ст.Иванович, В.И.Талин), М.О.Цетлин.

2. Зарубежная литература эмигрирует за океан

Таким образом, на время войны русская зарубежная литература либо ушла в подполье, либо перекочевала в Америку. В 1942 году в Нью-Йорке был основан М.О.Цетлиным трехмесячный журнал под названием «Новый журнал». Журнал первое время выходил без обозначения имени редактора на обложке, но под фактическим редакторством М.О.Цетлина, при ближайшем участии М.А.Алданова и других близких сотрудников «Современных записок», которые он во многом напоминал, но сотрудничали в нем и те политические элементы, которые раньше стояли влево от «Современных записок»: В.М.Чернов и некоторые социал-демократы меньшевики, например, Б.И.Николаевский, Г.Я.Аронсон, Д.Ю.Далин и Ю.П.Денике. С пятого номера (1943 года) редакторами «Нового журнала» официально стали М.О.Цетлин и М.М.Карпович, давно проживавший в Америке и преподававший русскую историю в Гарвардском университете. После смерти М.О.Цетлина в 1945 году М.М.Карпович стал единоличным редактором «Нового журнала». Последний в истории этого периода зарубежной литературы займет видное место. Здесь во время войны закончен был начатый в «Современных записках» роман М.А.Алданова «Начало конца» и начат новый его роман «Истоки», здесь напечатаны были некоторые из самых блестящих публицистических статей Г.П.Федотова, прекрасные статьи М.В.Вишняка и др. Журнал печатал в годы войны и произведения остававшихся во Франции писателей: некоторые рассказы И.А.Бунина из его будущей книги «Темные аллеи», отрывки из «Времен» М.А.Осоргина, стихи некоторых парижских поэтов, вероятно, сохранившиеся в редакционном портфеле «Современных записок». Но появлялись на страницах «Нового журнала» и писатели, проживавшие до войны в Америке: Г.Д.Гребенщиков, Н.С.Калашников (чьи повести из сибирской жизни и жизни животных имели большой успех после войны у американских читателей), некоторые поэты.

Почти одновременно с «Новым журналом» возник в Нью-Йорке же и сравнительно небольшой, но выходивший ежемесячно литературно-художественный журнал «Новоселье», редактировавшийся поэтессой Софией Прегель. Хотя в «Новоселье» не было политики в прямом смысле слова, в нем, в отличие от «Нового журнала», стойко державшегося принципиальной антисоветской позиции, чувствовался советофильский душок, отражав-

ший настроения некоторой части эмиграции во время войны и в первый послевоенный период. В одном из послевоенных номеров «Новоселья» это было туманно формулировано как укрепление «живой связи с родиной» (№ 33/34, апрель-май 1947, «От редакции»). Близким сотрудником «Новоселья» был бывший редактор «Воли России» М.Л.Слоним, которому в большой мере было свойственно это настроение. В 1950 году «Новоселье» было перенесено в Париж, но вскоре перестало вообще выходить. В первые годы своего существования оно поместило много ценного литературного материала. После освобождения Франции в нем появились такие писатели, как И.А.Бунин, А.М.Ремизов, Н.А.Тэффи, а также и многие поэты младшего поколения.

«Новый журнал» остался главным журналом Зарубежья, напоминая и своим положением, и своим характером «Современные записки», и после войны, когда в освобожденной Европе возникли другие журналы: с 1946 года в Германии — «Грани» в качестве литературного органа при «Посеве», политическом еженедельнике Национально-трудового союза (солидаристов), а с 1949 года в Париже — «Возрождение», возобновленное в виде ежемесячных «литературно-политических тетрадей» А.О.Гукасовым, издателем прежней газеты под тем же названием, и редактировавшееся сначала И.И.Тхоржевским, а после его смерти и до 1954 года — С.П.Мельгуновым. В 1953 году в Нью-Йорке был создан чисто литературный журнал «Опыты», напоминавший немного «Числа». Редактировался он сначала Р.Н.Гринбергом и В.Л.Пастуховым, а потом Ю.П.Иваском. В Мюнхене одно время выходил новоэмигрантский «Литературный современник», позже превратившийся в непериодическое издание.

3. «Советский патриотизм»

С победоносным окончанием войны против Германии среди русской эмиграции во Франции прокатилась волна «советского патриотизма». Многие эмигранты, уверовав в то, что Советская Россия вступила на путь национального возрождения, решили «зарыть ров» (выражение, пущенное в ход в 20-х годах Е.Д.Кусковой) и стали даже выбирать советские паспорта с искренним намерением вернуться в Россию и работать «на благо родины». Здесь не место анализировать это явление. Скажем только, что многими при этом руководили вовсе не идейные соображения и что среди новоявленных «советских патриотов» оказалось немало бывших «коллаборантов», то есть людей, во время войны сотрудничавших с немцами и теперь спасавших свою шкуру. Были и люди, которые, проповедуя возвращение на родину, сами о таком возвращении и не думали и, став французскими гражданами, своих французских паспортов менять на советские не желали. В Париже возникли две газеты просоветского направления: «Советский патриот» и «Русские новости». Первый был органом новообразованного Союза советских патриотов и как бы официозом советского посольства в Париже. «Русские новости», редактировавшиеся А.Ф.Ступницким, когда-то близким к П.Н.Милюкову и к редакции «Последних новостей» человеком, и числившие среди своих сотрудников и бывших сотрудников милюковской газеты (например, Г.В.Адамовича в качестве литературного критика) и более правых журналистов (например, В.Е.Татаринова, бывшего сотрудника «Руля»), проводили советскую линию более осторожно и завуалированно, напирая на тождество советских и национальных русских интересов и таким образом возрождая в новой форме национал-большевизм. Эта более осторожная

линия (как и тот факт, что Ступницкий был французом и на хорошем счету у французских властей) помогла «Русским новостям» удержаться и после того, как французские власти прихлопнули Союз советских патриотов и его газету и выслали многих членов союза (в том числе, как уже упоминалось, поэта А.Ладинского). «Патриотическое» поветрие скоро прошло. В начале ему благоприятствовало благосклонное отношение французских властей, поскольку еще сохранялась фикция франко-советского союза. Но с изменением международной ситуации французские власти стали принимать решительные меры против «советских патриотов», а у тех русских эмигрантов, которые в эти дни соблазна и смущения умов проявили свою стойкость и не поддались «патриотической» пропаганде, появилась возможность поднять свой голос. Главная инициатива тут принадлежала С.П.Мельгунову, который с несколькими единомышленниками стал выпускать, преодолевая большие и финансовые и политические трудности, непериодические антибольшевицкие сборники («Свободное слово», «Свободная мысль» и т.д. — название приходилось все время менять из-за невозможности получить разрешение на издание журнала). С 1947 года начала выходить в Париже два раза в неделю газета «Русская мысль», основанная В.А.Лазаревским и редактировавшаяся им совместно с В.Ф.Зеелером, С.А.Водовым и В.В.Полянским.

4. Расправа с эмигрантами в Праге

Окончание войны имело трагические последствия для многих видных русских эмигрантов, причастных к литературе, в Праге, где при попустительстве чешских властей советские оккупационные власти прибегли в широких размерах к арестам и высылкам тех, кому не удалось вовремя бежать на Запад. Среди арестованных и увезенных в СССР были кн. Петр Д. Долгоруков, лидер евразийцев П.Н.Савицкий, руководители Русского исторического архива в Праге С.П.Постников и П.С.Бобровский (сам архив был «подарен» чехословацким правительством Москве, куда таким образом попали многие ценнейшие эмигрантские архивы) и др. Судьба многих до сих пор неизвестна. Впрочем, ряд эмигрантов, преподававших в чехословацких учебных заведениях, был оставлен в покое и даже на своих местах. Случаи ареста и увоза в Россию эмигрантов имели место и в Югославии (так, увезен был В.В.Шульгин), и в Болгарии, но в обеих странах многие тоже были оставлены на своих местах. После разрыва Тито с Москвой многие русские эмигранты были высланы из Югославии и оказались в лагере под Триестом, откуда постепенно «рассасывались» на Запад. На месте в Болгарии остался П.М.Бицилли, скончавшийся уже после войны.

5. Встреча двух эмиграций

Главным фактом послевоенного периода для русской эмиграции в целом, а следовательно и для зарубежной русской литературы, была встреча двух эмиграций — политической эмиграции первого призыва, покинувшей Россию в результате исхода гражданской войны, с эмиграцией новой — с выходцами из Советского Союза, добровольно или вынужденно (в порядке увоза немцами) покинувшими родину в ходе Второй мировой войны или сразу же после нее. Сейчас еще рано подводить итоги этой встрече, процесс взаимопроникновения еще идет, можно еще говорить о двух зарубежных

литературах — старой и новой эмиграции, но налицо уже и признаки частичного их слияния. Пишущая новая эмиграция принесла с собой свой опыт, иные навыки, новые совершенно настроения. Во многом на ней не могли не сказаться — и в хорошую, и в дурную сторону — двадцать пять лет советчины. Новоэмигрантская литература, как и сама новая эмиграция, прошла через начальный лагерный период, мало похожий на то, как начинала зарубежная литература в 20-х годах с ее двумя столицами, обилием журналов, газет, издательств, меценатов со средствами и писателей с именем. В лагерях для «перемещенных лиц», обогативших русский язык словами «ди-пи» (или «дипист») и «дипийский», в Германии и Австрии и произошла первая встреча новой эмиграции со старой — в лице тех довоенных эмигрантов, довольно многочисленных, которым удалось бежать от наступавшей Красной армии из стран к востоку и юго-востоку от Германии (главным образом из Чехословакии и Югославии, а также из бывших прибалтийских государств). Таким образом, частично старая эмиграция разделила участь новой, что само по себе способствовало сближению.

Первый период новоэмигрантской литературы характеризуется лагерными устными газетами, гектографированными изданиями, нерегулярно выходящими и печатающимися на дрянной послевоенной бумаге газетами и журнальчиками. История этого «героического» периода новоэмигрантской литературы еще будет написана. Но новая эмиграция быстро становится на ноги и по прошествии двух-трех лет в одном отношении оказывается в более благоприятном положении, чем эмиграция старая. Последняя почти с самого начала наткнулась на более или менее полное равнодушие внешнего мира и к себе, и к судьбе России, и к мировой угрозе коммунизма, о которой она трубила. Это равнодушие с годами даже росло. Больше того: в кругах передовой европейской и американской интеллигенции все больше и больше распространялись симпатии к советскому «эксперименту». Не то новая эмиграция: в силу сложившегося в послевоенные годы международного положения она быстро приобрела влияние, к ее голосу стали прислушиваться, ее услугами стали пользоваться и правительственные учреждения (особенно в США), и общественные организации в размерах, в которых это и не снилось старой эмиграции. Ей были обеспечены и симпатии значительной части либеральной интеллигенции, многое за эти годы уразумевшей относительно истинной природы советского тоталитаризма, отчасти под влиянием многочисленных разочаровавшихся коммунистов типа Артура Кестлера, Игнацио Силоне и др. Даже в материальном смысле новая эмиграция оказалась скорее в преимущественном положении: ее наиболее квалифицированным элементам не пришлось идти в шоферы, рабочие автомобильных заводов, железнодорожные контролеры, маляры, как это приходилось делать ученым, писателям, офицерам генерального штаба и т.п. среди старой эмиграции. Этот факт часто упускается из виду — особенно самими новыми эмигрантами, не всегда представляющими себе хорошо условия, в которых жила старая эмиграция. Благоприятно сказалось на внешней судьбе новой эмиграции и то, что едва ли не подавляющее большинство ее в конечном итоге оказалось в Соединенных Штатах Америки, где внешние условия жизни были гораздо лучше, чем во Франции или на Балканах после Первой мировой войны. В самом деле, кто из старой эмиграции в Европе мог мечтать об обзаведении на второй или третий год собственным домом или автомобилем (или и тем, и другим), что мы видим сплошь и рядом среди новых эмигрантов в Америке? Конечно, это положение рикошетом сказалось и на старой эмиграции, среди которой было больше квалифицированных элементов, людей со знанием иностранных

17-994

языков и западноевропейских и американских условий, которые могли быть с пользой употреблены в «Голосе Америки», на разных радиостанциях, занимающихся передачами за «железный занавес», и в разных исследовательских учреждениях. Но этим старая эмиграция была все же обязана не только новой ситуации, но и появлению новой эмиграции. Тем же факторам она обязана тем, что на шестой год после конца войны к ее услугам оказалось Издательство имени Чехова — предприятие такого масштаба, о каком довоенная эмиграция могла только грезить.

Внешнее слияние новоэмигрантских и староэмигрантских писателей произошло довольно быстро. Ряд новых эмигрантов стал сотрудничать в нью-йоркском «Новом русском слове», которое волей судеб стало центральной газетой Зарубежья (положение географически, конечно, ненормальное) и втянуло в себя большинство наиболее талантливых писателей и публицистов эмиграции, независимо от их политических взглядов — от социал-демократов меньшевиков до умеренно-правых[2]. Постепенно новые эмигранты нашли себе дорогу и в большие журналы — в «Новый журнал» и в «Возрождение», сделавшись их ценными сотрудниками. С другой стороны, такой журнал, как «Грани», первоначально созданный как орган «новой эмиграции», вскоре привлек к сотрудничеству и старых эмигрантских писателей — на его страницах появились Ремизов и Тэффи, а в критическом отделе — Н.Е.Андреев. Характерным примером внешнего слиянияя двух литератур явился выпущенный в 1951-1952 годах в Мюнхене журнал стихов, прозы и критики «Литературный современник», где буквально «всякой твари по паре».

Что касается внутреннего слияния, то это вопрос более сложный. Обсуждать его здесь подробно мы не можем, да и процесс этот все еще не завершившийся. Отметим прежде всего, что среди новоэмигрантских писателей почти не было ни известных советских писателей[3], ни — тем более — известных литераторов дореволюционной формации[4]. Тем не менее нашлись

---

[2] «Новое русское слово» послевоенного периода, под редакцией М.Е.Вейнбаума, займет видное место не только в истории русской эмиграции вообще, но и в истории русской литературы и журналистики. В нем печатались часто очень спорные, но всегда интересные статьи на текущие темы Е.Д.Кусковой, весьма содержательные статьи, особенно по внешней политике, самого редактора, ценнейшие документальные «репортажи» новых эмигрантов о концентрационных лагерях и пр., не говоря о ряде интересных литературно-критических статей в воскресных номерах, отрывках из новых романов М.А.Алданова и многочисленных произведениях А.М.Ремизова, впервые увидевших свет на страницах этой газеты в 50-х годах. К крупным дефектам этой газеты, особенно при сравнении с довоенными парижскими газетами, надо отнести баснословное количество опечаток и плохой, американизированный русский язык ее информационной первой страницы (впрочем, в этом отношении некоторые другие русские газеты в США перещеголяли «Новое русское слово», причем в них — например, в издающейся в Сан-Франциско «Русской жизни» — этот плохой язык характеризует и многие статьи). Проблема порчи языка стоит в русском Зарубежье очень остро — и становится со временем все острей — особенно в Америке, и долг зарубежной печати решительно бороться с этой порчей.

[3] Едва ли не самыми известными были Родион Акульшин (в эмиграции ставший Родионом Березовым) и Глеб Глинка. Оба были членами разгромленной в начале 30-х годов группы «Перевал», но имена их за границей были, по всей вероятности, известны только тем, кто специально занимался советской литературой. Березов в эмиграции напечатал несколько книжек стихов и рассказов и ряд газетных и журнальных статей. Глинка, кроме статей о советской литературе, издал интересную антологию произведений «перевальских» писателей («На Перевале») с критико-биографическими комментариями.

[4] Два таких — правда, очень разных — человека умерли в Германии сразу после войны и таким образом не вошли по-настоящему в эмиграцию. Это были известный историк литературы и критик Р.Иванов-Разумник и философ С.А.Аскольдов, игравший видную роль в петербургском Религиозно-философском обществе и бывший сотрудником «Русской мысли». Часть литературного архива Иванова-Разумника, по-видимому, погибла во время войны, но после его смерти были изданы его воспоминания о советских тюрьмах, в которых он много и подолгу сидел, и брошюра о судьбах писателей в СССР. Из рукописного наследия Аскольдова ничего пока не издано. Если оно сохранилось, оно должно представлять большой интерес.

среди новоэмигрантских писателей такие, которые как-то сразу оказались на месте в зарубежной литературе и были радушно встречены старой эмиграцией. Это особенно относится к поэтам: Дмитрию Кленовскому, Ивану Елагину, Ольге Анстей, Николаю Моршену, Владимиру Маркову, Аглае Шишковой, Юрию Трубецкому и Лидии Алексеевой — называем наиболее талантливых и наиболее обративших на себя внимание[5].

То же можно сказать и о некоторых прозаиках: о С.С.Максимове, роман которого «Денис Бушуев» был встречен эмигрантской критикой едва ли не преувеличенно восторженно; о Л.Д.Ржевском, редакторе «Граней» и авторе интересного военного романа «Между двух звезд»; и о Н.В.Нарокове, привлекшем внимание своим романом «Мнимые величины», в котором была сделана попытка проникнуть в психологию советской кучки власть имущих. Много общего в настроениях и подходе со старой эмиграцией нашлось и у В.И.Алексеева, автора двух «документальных» повестей («Невидимая Россия» и «Россия солдатская»), которые при отсутствии больших литературных достоинств чрезвычайно интересны как документ.

Еще более естественно и просто вложились в общее русло зарубежной литературы некоторые новоэмигрантские публицисты и критики, например, М.М.Коряков, автор книги «Освобождение души», нашедший много созвучного себе в зарубежных духовных исканиях, зачитывавшийся еще до разрыва с большевиками (он после войны служил при советском посольстве в Париже) «Современными записками» и увлекавшийся Бердяевым; Н.И.Ульянов, историк по образованию и по специальности, привлекший внимание своими острыми статьями об эмигрантской литературе (он подписывался также «Н.Шварц-Омонский»), он же автор исторического романа из времен скифов на юге России «Атосса»; В.Ф.Марков, поместивший в «Новом журнале» и в «Гранях», а до того в разных «дипийских» изданиях, помимо стихотворений, несколько очень интересных статей (о футуризме, о Есенине, об Андре Жиде, о Швейцере), в которых проявил большую начитанность, разносторонность и остроту мысли (Маркову же принадлежит интересное предисловие к составленной им антологии «несозвучных» советских поэтов, вышедшей под названием «Приглушенные голоса»); и Б.А.Филиппов-Филистинский, редактировавший для Издательства имени Чехова «Полное собрание стихотворений» Н.Клюева, две повести Константина Леонтьева и (вместе с Г.П.Струве) «Собрание сочинений» Осипа Мандельштама, а также напечатавший ряд критических и историко-литературных статей.

С другой стороны, нельзя не отметить не слишком лестных отзывов о старой эмиграции и ее вкладе в русскую литературу и русскую культуру вообще талантливого новоэмигрантского беллетриста Б.Н.Ширяева, автора повести «Неугасимая лампада», в очерке, озаглавленном «Современная рос-

---

[5] Отметим, что из названных поэтов Кленовский и Трубецкой лишены каких-либо специфически «советских» черт. Кленовский (фамилия эта — псевдоним) — поэт еще дореволюционный. Первая книга его стихов, «Палитра», продукт акмеистической школы (Кленовский учился в царскосельской гимназии, где был на несколько классов моложе Гумилева), вышла в 1917 году, вторая должна была выйти (но не вышла) в 1923 году, после чего Кленовский сознательно замолчал, возобновив писание стихов лишь за границей, где выпустил пока три сборника. Он сразу же был признан одним из лучших поэтов послевоенного периода. Трубецкой (тоже псевдоним) прикоснулся к литературе в самые первые годы революции и был знаком с Блоком и другими дореволюционными поэтами. Его книжка, «Двойник», выпущенная парижским издательством «Рифма» в 1954 году, мало чем отличается от сборников парижских поэтов, если не считать «дипийской» тематики некоторых стихотворений. На остальных, хоть и в разной мере, больше сказались те или иные «советские» влияния. Так, Елагин и отчасти Анстей находятся в русле Пастернака, а Моршен немного напоминает Багрицкого, но восходит отчасти и к Гумилеву.

сийская интеллигенция». Зарубежные произведения И.А.Бунина Ширяев считает далеко уступающими его дореволюционным вещам, а замечательную «Жизнь Арсеньева» презрительно называет «субъективными, чисто личными, автобиографическими воспоминаниями». Из второго поколения зарубежной литературы он согласен признать настоящим писателем только Е.М.Яконовского[6]!

6. Проблема «смены»

Вопрос о литературной смене в эмиграции не раз ставился и до войны, и ответы на него обычно давались пессимистические. Все же какой-то приток новых сил в зарубежную литературу до войны был — в поэзии больше, чем в прозе. Сейчас в старой эмиграции его уже почти нет. Послевоенные годы «открыли» нескольких новых поэтов, но это не настоящая молодая поросль. Мы уже говорили о талантливых Чиннове и Корвин-Пиотровском, выпустивших каждый по книге стихов и затем продолжавших печататься в журналах. К ним можно прибавить еще Анатолия Величковского и более молодых Тамару Величковскую (невестку Анатолия) и Аглаиду Шиманскую, но даже наиболее свежая из них Шиманская не так уже высоко поднимается над хорошим средним уровнем парижской поэзии[7]. Все это, в конце концов, представители того же парижского неприкаянного — скорее, чем «незамеченного» — поколения, те же гиппиусовские «подстарки» (из которых некоторые уже перешли в разряд стариков). У некоторых критиков большие ожидания и даже восторги вызвал Юрий Одарченко, автор книги «Денек» (1949). Стихи Одарченко не лишены своеобразия, но они смахивают на шутку и на пародию. У него острый глаз и эпиграмматический дар (не без следования образцам Ходасевича). Нигилистические темы Георгия Иванова он подает в форме гротеска и нонсенса, и эта форма не осталась без влияния на новейшую фазу в поэзии самого Иванова. Если говорить о «сюрреализме» в поэзии, то у Одарченко его больше, чем у Поплавского. Больше у него и чувства формы. Но никаких новых путей перед зарубежной поэзией он не открывает, чтó бы критики ни говорили. Его опыты в «серьезном» роде очень бледны.

Еще менее заметен приток свежей крови в зарубежной прозе. Единственным послевоенным новобранцем в ней, заслуживающим внимания, следует, пожалуй, счесть Е.М.Яконовского, обнаружившего несомненный талант в рассказе «Серая курочка» (один из очень немногих в эмиграции

---

[6] См.: Б.Ширяев, Н.Кошеватый, «К проблемам интеллигенции СССР». Институт по изучению истории и культуры СССР. Исследования и материалы. Серия II (ротаторные издания). Мюнхен, 1955. Еще раньше тот же Ширяев в «Возрождении» напечатал резкий до грубости отзыв о книге прозы Цветаевой.

[7] Книги этих трех поэтов, как и Чиннова, и Корвин-Пиотровского, вышли в парижском издательстве «Рифма». Сам тот факт, что это издательство с 1950 года выпустило свыше двадцати сборников стихов, свидетельствует о том, что зарубежная поэзия жива. Все это по преимуществу стихи поэтов «среднего» и «младшего» возраста (Георгия Иванова, И.Одоевцевой, В.Андреева, В.Булич, Ю.Иваска, А.Ладинского, Ю.Мандельштама, В.Набокова, Г.Раевского, А.Штейгера и др.). Из старших поэтов «Рифма» напечатала два сборника С.К.Маковского; вместе с напечатанными тоже после войны, но еще до возникновения «Рифмы», они дают право говорить о поэтическом ренессансе этого поэта, издавшего свой первый сборник стихов еще в 1905 году, но до революции известного больше в качестве художественного критика и редактора «Аполлона». В историю русской поэзии Маковский войдет именно этими эмигрантскими сборниками — это его «Вечерние огни». Издательство «Рифма», которому должны быть благодарны все любители русской поэзии, обязано своим существованием почину и энергии того же Маковского и материальной поддержке одной русской поэтессы в Америке.

ретроспективных рассказов о гражданской войне) и в романе, который начало, но не кончило, печатать «Возрождение». Но он тоже принадлежит не к молодым, а к тем же «подстаркам». Это лишь случай позднего появления в литературе. Такой же случай позднего вступления в литературу — Борис Пантелеймонов, ученый-химик, живший до войны где-то на Ближнем Востоке, появившийся перед войной в Париже, а после войны стяжавший большой успех рассказом, напечатанным в изданном им «Русском сборнике». После этого он выпустил целую книжку рассказов (другая книжка вышла посмертно). О Пантелеймонове отзывались очень лестно Бунин, Тэффи, Ремизов. Литературных способностей его отрицать нельзя, но репутацию его непомерно раздул благоволивший к нему критик Леонид Галич. Пантелеймонов начал писать, когда ему было больше пятидесяти лет. Не так уже молод, по-видимому, был и мелькнувший после войны и ставший жертвой автомобильной катастрофы в Мюнхене Евгений Гагарин, автор книги приятных рассказов «Звезда в ночи» (до войны Гагарин печатался по-немецки).

Среди новоэмигрантских писателей некоторые из наиболее талантливых (Моршен, Марков, Елагин) еще достаточно молоды, и от них можно еще многого ожидать. Смена, может быть, и придет из рядов новой эмиграции. Но это произойдет только в том случае, если ее молодому поколению удастся сохранить связь с русским языком и русской культурой, которую уже утратило или утрачивает младшее поколение старой эмиграции, среди которой всего сильнее эта связь сохраняется в кругах, связанных с православной церковью (например, среди молодежи, работающей в Христианском студенческом движении). Но как раз к литературе в собственном смысле слова лишь немногие из этой молодежи имеют отношение, хотя у нее и чувствуется желание поддерживать традиции русской духовной культуры (об этом свидетельствует издаваемый молодежью «Вестник РСХД»). Новой эмиграции будет труднее уберечься от денационализации молодежи, поскольку она в большинстве своем оказалась в США, ибо там ассимиляция и денационализация происходят гораздо быстрее, чем это было во Франции, где русская эмиграция составляла «государство в государстве», или в славянских странах, где, с одной стороны, был престиж превосходства русской культуры, а с другой — языковая и этническая близость. Самое младшее поколение старой эмиграции — дети и даже внуки стариков и «подстарков» — все больше уходит в иноязычную литературу. Случай В.В.Набокова, ставшего американским писателем тогда, когда он уже широко прославился как русский писатель, и сразу завоевавшего себе место в новой литературе, — исключительный. Исключительность таланта Набокова позволяет надеяться, что, и став американским писателем, он не будет окончательно утерян для русской литературы, хотя такой случай двуязычного выдающегося писателя будет едва ли не единственным в мировой литературе[8]. Но рядом с Набоковым сколько таких

[8] В Америке и в Англии в связи с Набоковым припоминают иногда Джозефа Конрада. Но Конрад, став в позднем возрасте английским писателем и стяжав себе мировую знаменитость, польским писателем никогда не был. Райнер Мария Рильке писал французские стихи, но французским поэтом его назвать нельзя. То же можно сказать и о Тютчеве. Двуязычным писателем в обыкновенном смысле слова был английский писатель (французского происхождения) Джозеф Хилери Беллок, но и как поэт-юморист, и как романист, и как блестящий эссеист, он принадлежит английской литературе. Ныне здравствующий талантливый романист, эссеист и публицист Сальвадоро де Мадариага (испанский эмигрант-либерал, проживающий в Англии и печатающийся во всей Европе и в обеих Америках), по-видимому, с одинаковой легкостью пишет на трех языках (испанском, французском и английском), но все его сатирические романы написаны, если не ошибаемся, на английском языке. Впрочем, вероятно, как Набоков, он мог бы написать роман такого же качества и по-испански.

случаев, как Анри Труайя (Тарасов), начавший сразу как французский писатель и получивший Гонкуровскую премию, или Зоэ Ольденбург (дочь покойного С.С.Ольденбурга), французские исторические романы которой из средневековой жизни тоже были премированы, переведены на английский язык и встречены восторженными отзывами французских, английских и американских критиков, и которая тоже начала писать прямо по-французски. За последнее время то и дело слышно о писателях русского происхождения, награждаемых литературными премиями во Франции. Есть и французские поэты, принадлежащие к молодому поколению эмиграции: П.Балашов, А.Боске (сын А.А.Биска) и др. Такие же случаи есть и в других странах.

Зарубежная литература как особая глава в истории русской литературы идет к своему неизбежному концу. Лучшие страницы ею несомненно в эту историю уже вписаны. Своего беспристрастного историка она еще ждет. Наметить главные этапы ее развития и зарегистрировать главные факты было задачей автора настоящей книги.

Р.И.Вильданова
В.Б.Кудрявцев
К.Ю.Лаппо-Данилевский

КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

ОТ АВТОРОВ

В основу третьего издания монографии Г.П.Струве «Русская литература в изгнании», впервые печатаемой в России, положен текст второго прижизненного издания (Париж: YMCA-Press, 1984), в котором значительной переработке подверглось лишь несколько страниц, посвященных М.И.Цветаевой и В.В.Набокову; ряд уточнений был сделан автором позднее — они учтены нами благодаря любезности М.С.Струве. И все же следует признать, что переработка монографии не была завершена ученым. Так, в тексте мы находим утверждения: «судьба Ященко после 1923 года мне неизвестна», «М.Иванников... бесследно исчезнувший», «дальнейшая судьба Устрялова тоже неизвестна» и т.п. Вместе с тем из материалов архива Г.П.Струве, хранящихся в Гуверовском Институте (Стенфорд, США), явствует, что он внимательно следил за дальнейшей судьбой писателей эмиграции и подобные замечания должны были подвергнуться изменениям.

Не желая усложнять текст громоздким комментарием и, с другой стороны, преследуя насущные практические цели, мы ставили своей задачей дать новейший сжатый свод биобиблиографической информации о представителях эмиграции, упомянутых в труде Г.П.Струве. В соответствии с этим нами составлен «Краткий биографический словарь русского Зарубежья» (503 имени), куда включены сведения о писателях, ученых, журналистах, общественно-политических деятелях, издателях, художниках, театральных и музыкальных деятелях и т.д. В предварительный словник вошли имена тех, кто: 1) после 1917 года оказался в изгнании (основной массив имен); 2) какой-то период жил за рубежом фактически на положении эмигранта (например, А.Белый, М.Горький, И.Г.Эренбург). Незначительное исключение в Словаре составляют лица, поселившиеся за границей до Октябрьского переворота (П.Д.Боборыкин, Н.С.Гончарова, Н.Минский и др.). В Словарь не включены: 1) литераторы и деятели Советской России, в том числе и те из них, кто выезжал за рубеж на более или менее продолжительный срок (С.А.Есенин, И.П.Ладыжников, Л.Н.Лунц и т.д.); 2) иноязычные писатели российского происхождения (П.Балашов, А.Боске, З.Ольденбург, А.Труайя); 3) зарубежные авторы, печатавшиеся в изданиях русской диаспоры (д-р К.Крамарж). Все без исключения имена и псевдонимы, упоминаемые в труде Г.П.Струве и Словаре, вынесены в «Общий указатель имен и псевдонимов» настоящего издания.

При составлении «Краткого биографического словаря русского Зарубежья» была выработана типовая структура его статей, которой придерживались авторы Словаря в зависимости от имевшейся информации.

Помимо полного имени и основного псевдонима указаны, где это возможно, подлинная или прежняя фамилия (имя) и их варианты. Учтены

псевдонимы данного лица в эмигрантских изданиях (перечень псевдонимов не претендует на полноту)[1]. Здесь же упомянуты родственные связи, подчас существенные в контексте истории отечественной культуры[2]. Далее следуют даты жизни; «двойная» дата рождения (например, 1882/83 — у А.Н.Толстого) обусловлена соответственно ст. и нов. календарными стилями. Существующая нередко путаница в датах жизни побудила составителей по мере сил критически выверить их. Начальная часть статьи завершается указанием на род занятий или область творчества; у общественно-политических деятелей отмечена также партийная принадлежность.

В собственно статье авторы Словаря стремились отразить значимые факты биографии (начиная с 1917 г.), помогающие воссоздать картину общественно-политической и культурной жизни русского Зарубежья: сотрудничество в эмигрантских организациях, участие в творческих объединениях, редакционно-издательская, научная и преподавательская деятельность и т.д. Эта информация зачастую предваряется необходимыми сведениями о деятельности данного лица в годы, предшествовавшие эмиграции, — сведениями, которые позволяют уяснить значительность той или иной фигуры. В этом плане понятное исключение составляют лица, чья деятельность до 1917 г. достаточно полно освещена в общедоступных справочных изданиях (Л.Н.Андреев, Н.А.Бердяев, П.Б.Струве и др.). По аналогичной причине статьи Словаря не включают сведений и о советском периоде реэмигрантов (А.Белый, И.С.Соколов-Микитов, А.Н.Толстой и т.д.); с другой стороны, о реэмигрантах, имен которых нет в справочных изданиях, подобная информация по возможности все же дается. Скудость или даже отсутствие биографических сведений в отдельных статьях объясняется тем, что авторам Словаря не удалось разыскать сколько-нибудь существенные материалы о данном лице; чаще всего это касается малоизвестных литераторов, эпизодическое появление которых в культурной жизни диаспоры не оставило заметного следа.

В заключение биографических статей дана информация о посмертных персональных библиографиях; в единичных случаях (митрополит Антоний, П.Н.Милюков, М.М.Новиков, Г.П.Струве, Д.И.Чижевский и др.) указаны прижизненные библиографии[3], фиксирующие основную часть печатных трудов. В тех случаях, когда персональные библиографии нам не известны, мы сочли необходимым дать сведения об эмигрантских: а) альманахах и коллективных сборниках, б) журналах, в) газетах (издания перечисляются в алфавитном порядке условных обозначений), в которых были опубликованы сочинения данного автора при его жизни; отдельные пристатейные списки изданий содержат указания и на наиболее значительные посмертные публи-

---

[1] Псевдонимы доэмигрантского периода см.: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. В 4 т. М., 1956-1960. Нами также не учитывались псевдонимы в иноязычной зарубежной периодике, принадлежавшие русским авторам-эмигрантам (например, М.К.Первухину, В.В.Сухомлину, З.А.Шаховской и др.).

[2] За пределами Словаря остались менее значительные или отдаленные родственные связи. Так, В.Ф.Ходасевич во 2-м браке был мужем А.И.Ходасевич-Чулковой (сестры поэта Г.И.Чулкова); Б.П.Вышеславцев стал мужем сестры Н.Н.Алексеева; Ал.Д.Билимович — муж А.В.Билимович-Шульгиной (сестры В.В.Шульгина); М.М.Карпович — брат Н.М.Терентьевой (жены режиссера и поэта-футуриста И.Г.Терентьева); И.Северянин приходился троюродным братом советскому дипломату А.М.Коллонтай; Ю.А.Ширинский-Шихматов — во 2-м браке муж Е.И.Савинковой (вдовы Б.В.Савинкова); В.В.Набоков являлся мужем В.Е.Набоковой-Слоним (троюродной сестры М.Л.Слонима); Н.С.Гончарова — двоюродная правнучка Н.Н.Гончаровой (жены А.С.Пушкина); И.Н.Голенищев-Кутузов — правнучатый племянник фельдмаршала М.И.Голенищева-Кутузова; архиепископ Иоанн и З.А.Шаховская — праправнуки архитектора К.Росси; и т.д. и т.п.

[3] Сведения о прижизненных библиографиях ученых-эмигрантов см.: *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 114-190.

кации. Эти перечни не претендуют, однако, на исчерпывающий охват. Отметим попутно, что советские библиографии некоторых реэмигрантов (М.Горький, И.С.Соколов-Микитов, А.Н.Толстой, В.Б.Шкловский и др.) практически не включают в себя информацию о публикациях и републикациях их произведений в эмигрантской периодике, что побудило нас не указывать эти библиографии в Словаре[4].

В самостоятельные позиции (с отсылкой к соответствующим статьям Словаря) вынесены также псевдонимы и подлинные фамилии, которые в труде Г.П.Струве упоминаются без указания на принадлежность тому или иному автору.

В поиске биографических данных авторами Словаря просмотрен обширный массив источников, из которых как вспомогательные необходимо выделить следующие (здесь и далее см. также библиографию к вступительной статье):

Краткая литературная энциклопедия / Глав. ред. А.А.Сурков. В 9 т. М., 1962-1978.

Чуваков В.Н. Русский зарубежный некрополь (1917-1967 гг.). М., 1967 [рукопись].

Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре (1921-1972) / Сост. Н.Зёрнов. Boston, Mass., 1973.

Большая советская энциклопедия [3-е изд.].

Handbook of Russian Literature / Ed. by V.Terras. New Haven; London, 1985.

Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия / Под ред. П.А.Голуба и др. 3-е изд., доп. М., 1987.

Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / Глав. ред. С.С.Хромов. 2-е изд. М., 1987.

Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года / Перевели с нем. Е.Варгафтик и И.Бурихин. London, 1988.

A Biographical Dictionary of the Soviet Union (1917-1988) / Comp. by J.Vronskaja with Vl.Chuguev. London, 1989.

Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь / Глав. ред. П.А.Николаев. Т. 1: А-Г. М., 1989. Т. 2: Г-К. М., 1992 [Изд. продолжается].

Kasack W. Lexikon der russischen Literatur des 20. Jahrhunderts. Vom Beginn des Jahrhunderts bis zum Ende der Sowjetära. München, 1992.

Как источники дополнительной информации нельзя, например, недооценить следующие издания:

Содружество: Из современной поэзии русского Зарубежья. Вашингтон, 1966 (см. с. 505-556); *Русский альманах.* Париж, 1981 (см. с. 479-485); *Берега:* Стихи поэтов второй эмиграции. Филадельфия, 1992 (см. с. 256-280).

Нами также использованы материалы словарика русских ученых и писателей в Чехословакии, приложенного к каталогу:

Emigrace ze SSSR v meziválečném Československu: Přínos vědě a kultuře: Katalog výstavy z fondů Slovanské knihovny. Praha, 1991.

---

[4] См., например: *Балухатый С.* Литературная работа М.Горького. Список первопечатных текстов и авторизованных изданий: 1892-1934. М.; Л., 1936; *Библиография М.Горького и литература о Горьком (1936-1937).* М.; Л., 1940; *И.С.Соколов-Микитов* // Русские советские писатели. Прозаики: Библиогр. указ. Т. 4. М., 1966. С. 472-494; *А.Н.Толстой* // Там же. Т. 5. М., 1968. С. 27-190; *В.Б.Шкловский* // Там же. Т. 6, ч. 1-я. М., 1969. С. 229-289; и т.п. По той же причине нами не учитывались персоналии справочника: *История русской литературы конца XIX — нач. XX в.:* Библиогр. указ. / Под ред. К.Д.Муратовой. М.; Л., 1963.

Биографические справки о русских писателях в Прибалтике содержатся в кн.:

Russian Literature in the Baltic between the World Wars / Ed. by T.Pachmuss. Columbus, Ohio, 1988[5].

Культурная жизнь русской эмиграции во Франции отражена в хронике:

La vie culturelle de l'émigration russe en France: Chronique (1920-1930) / Etablie par M.Beyssac. Paris, 1971.

Определенным подспорьем в работе стали следующие описания архивных материалов в Америке и Европе:

Grant S.A., Brown J.H. The Russian Empire and Soviet Union: A Guide to Manuscripts and Archival Materials in the United States. Boston, Mass., 1981.
Russia in the Twentieth Century: The Catalog of the Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Boston, Mass., 1987.

В работе над пристатейными списками эмигрантских изданий помимо картотеки А.Д.Алексеева (Пушкинский Дом) и собственных материалов нами использовались:

а) общие библиографии:
Библиография русской зарубежной литературы. 1918-1968 / Сост. Л.А.Фостер = *Bibliography of Russian Emigré Literature. 1918-1968* / Comp. by L.A.Foster. Vol. 1-2. Boston, Mass., 1970.
Штейн Э. Поэзия русского рассеяния. 1920-1977. Ашфорд, 1978.
Arans D. How We Lost the Civil War: Bibliography of Russian Emigré Memoirs on the Russian Revolution. 1917-1921. Newtonville, Mass., 1988.

б) перечни периодических изданий:
Schatoff M. Half a Century of Russian Serials. 1917-1968: Cumulative Index of Serials Published outside the USSR. Vol. 1-4. New York, 1970-1972.
L'émigration russe en Europe: Catalogue collectif des périodiques en langue russe = *Русская эмиграция в Европе:* Сводный каталог периодических изданий. Paris, 1976-1981.
Vol. 1. 1855-1940 / Etablie par T.Ossorguine-Bakounine. 1976.
Vol. 2. 1940-1970 / Etablie par A.-M.Volkoff. 1977.
Vol. 2. 1940-1979. 2 éd. ref. 1981.
Материалы к сводному каталогу периодических и продолжающихся изданий российского Зарубежья в библиотеках Москвы (1917-1990 гг.) / ГПИБ; ГБЛ; Сост. И.Е.Березовская и др. М., 1991.

в) росписи периодики:
Русская эмиграция: Журналы и сборники на русском языке. 1920-1980: Сводный указатель статей / Сост. под ред. Т.Гладковой, Т.Осоргиной = *L'émigration russe*: Revues et recueils. 1920-1980: Index général des articles / Sous la dir. de T.Gladcova, T.Ossorguine. Paris, 1988.
Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии. 1917-1944 гг.: Биобиблиографический справочник. Ч. 1-4. Stanford, 1990-1991.
Желающие расширить свои познания об участии русских писателей в: 1) отдельных журналах русского Зарубежья[6], 2) англоязычной периодике — могут обратиться к указателям:

---

[5] Ряд уточнений см. в рец. Ю.И.Абызова «Взгляд издалека» (Даугава, 1989, № 5. С. 110-113).

[6] Пока книга находилась в печати, опубликована следующая роспись: Указатель содержания «Нового журнала» с 1 по 190/191 книгу // Новый журнал, 1993, № 190/191. С. 469-631.

1) *Артёмова А.Н.* «Грани», журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли: Содержание журнала с № 1 по 100, 1946-1976; с приложением содержания всех самиздатовских журналов и сборников, напечатанных в «Гранях», именного указателя авторов и тематического указателя. Frankfurt a/M., 1977.

Оболенский А.П. Указатель авторов, предметов, рецензий к журналу «Путь» (Париж, 1925-1940). Нью-Йорк, 1986.

Tables de la revue russe «Le Messager socialiste» (1921-1963). «Le Messager socialiste»: Recueil (1964-1965) = *Указатели журнала «Социалистический вестник» (1921-1963).* «Социалистический вестник»: Сборник (1964-1965) / Сост. Т.Л.Гладкова, Д.В.Громб, Ю.Е.Кац, В.Е.Натансон, Т.А.Осоргина. Париж, 1992.

2) *Terry G.M.* East European Languages and Literatures: A Subject and Name Index to Articles in English-language Journals. 1900-1977. Oxford; Santa Barbara, 1978.

При поиске биобиблиографической информации нами по мере сил был предпринят просмотр зарубежной русской периодики главным образом за последние полвека (в первую очередь это газеты «Новое русское слово», «Русская мысль», журналы «Вестник РСХД», «Грани», «Возрождение», «Новый журнал», альманах «Минувшее» и т.д.) и новейших отечественных публикаций. Когда это оказывалось возможным, мы обращались к коллекциям архивных материалов: Бахметевское собрание (Нью-Йорк), Гуверовский Институт (Стенфорд), Beinecke Library (Нью-Хэвен), часть пражского Русского заграничного исторического архива (находящаяся ныне в РГАЛИ и РГАОР).

Авторы Словаря выражают признательность за дружескую помощь А.Б.Арсеньеву, Н.А.Богомолову, И.И.Долгову, Г.С.Ермолаеву, Э.Казинцу, С.П.Крыжицкому, А.В.Лаврову, М.В.Ледковской, В.А.Осипову, Т.А.Осоргиной, Р.В.Полчанинову, О.П.Раевской-Хьюз, О.Э.Руккельсхаузен-Векклер, В.М.Сечкарёву, М.Ю.Сорокиной, Н.А.Струве, Г.Г.Суперфину, Р.Хьюзу, В.Н.Чувакову, Э.Штейну, М.Д.Эльзону и другим. К сожалению, Н.С.Быкова, вклад которой в данную работу существен, смогла принять участие в работе над Словарем лишь на предварительном этапе. Определенная помощь была оказана нам администрацией Пушкинского Дома.

Сознавая несовершенство проделанной работы, мы будем благодарны тем, кто укажет нам на неточности, упущения, ошибки или сообщит дополнительные сведения[7].

Р.И. Вильданова
В.Б. Кудрявцев
К.Ю. Лаппо-Данилевский

Ноябрь 1993 г.

[7] См. также «Список последних публикаций» (с. 416).

СПИСОК ОСНОВНЫХ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

авг. — август
авт. — автор
адм. — адмирал
акад. — академик, академический
альм. — альманах
амер. — американский
АН — Академия наук
англ. — английский
ант. — антология
апр. — апрель

библиогр. — библиография, библиографический
биогр. — биографический
б-ка — библиотека
болг. — болгарский

вел. — великий
верн. — вернулся
верх. — верховный
вест. — вестник
вице-предс. — вице-председатель
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
внутр. — внутренний
воен. — военный
возвр. — возвратился
возглав. — возглавлял
вооруж. — вооруженный
воскрес. — воскресный
восп. — воспоминание
вост. — восточный
всерос. — всероссийский
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
вуз — высшее учебное заведение
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
вып. — выпуск
высш. — высший

газ. — газета
ген. — генерал, генеральный
глав. — главный
главковерх — верховный главнокомандующий
главком — главнокомандующий
гор. — городской
гос. — государственный
ГПУ — Главное политическое управление
гражд. — гражданский
гражд-во — гражданство
греч. — греческий
губ. — губерния, губернский

д. — деревня
двухмес. — двухмесячный
двухнед. — двухнедельный
действ. — действительный
дек. — декабрь
дем. — демократический
департ. — департамент
дипломатич. — дипломатический
ди-пи — DP, Displaced Persons (перемещенные лица)
добр. — добровольческий
доп. — дополненный
д-р — доктор
драм. — драматический
древн. — древний

евр. — еврейский
евраз. — евразийский
ежегод. — ежегодный
ежеднев. — ежедневный
ежемес. — ежемесячный
еженед. — еженедельный
естеств. — естественный

ж.д. — железная дорога
журн. — журнал

зав. — заведующий
зам. — заместитель
зап. — западный, записки
заруб. — зарубежный
Земгор — Земско-городской союз

изд. — издавал, издание, издатель, издательский
изд-во — издательство
илл. — иллюстрация, иллюстрированный
им. — имени
иностр. — иностранный
ин-т — институт
информ. — информационный
ис-во — искусство
исслед. — исследовательский
исп. — испанский
исполком — исполнительный комитет
ист. — исторический
итал. — итальянский

канад. — канадский
канд. — кандидат
Карлов ун-т — Пражский университет им. Карла IV
КВЖД — Китайско-Восточная ж. д.
кладб. — кладбище
кн. — книга, книжный, князь
книгоизд-во — книгоиздательство
княг. — княгиня
колл. — коллегия
Кондаковский ин-т — Археологический институт им. Н.П.Кондакова
корр. — корреспондент
крит. — критический

л. — лист
латв. — латвийский
латин. — латинский
ЛГУ — Ленинградский гос. университет
лингвистич. — лингвистический
лит. — литературный
лит-ра — литература

математич. — математический
мат-лы — материалы
МГБ — Министерство гос. безопасности
МГУ — Московский гос. университет
междунар. — международный
МИД — Министерство иностранных дел
мир. — мировой
моск. — московский
муз. — музыкальный

Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
наст. — настоящий
науч. — научный
нац. — национальный
нач. — начало
нем. — немецкий
непериод. — непериодический
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКИД — Народный комиссариат иностранных дел
нов. — новый
нояб. — ноябрь
НТС — Народно-трудовой союз

о. — остров, отец
об-во — общество
обл. — областной, область, обложка
об-ние — обьединение
общ. — общий
обществ. — общественный
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
оккуп. — оккупационный, оккупированный
оконч. — окончил
окт. — октябрь
опубл. — опубликован
орг-р — организатор
Осваг — Осведомительное агентство
отв. — ответственный
отд. — отдельный

педагог. — педагогический
период. — периодический
печ. — печатался
подп. — подпись
пол. — половина
полит. — политический
политехнич. — политехнический
полпредство — полномочное представительство
польск. — польский
пом. — помощник
портр. — портрет
португ. — португальский
пос. — поселок
посв. — посвящен, посвященный
поэтич. — поэтический
пр-во — правительство
предисл. — предисловие
предс. — председатель
преп. — преподавал, преподобный
преп-ль — преподаватель
прил. — приложение
примеч. — примечание
проф. — профессор
псевд. — псевдоним
публ. — публикация, публиковался
публицист. — публицистический

рев. — революционный
ред. — редактор, редактировал, редакционный
редколл. — редакционная коллегия
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
РОА — Русская освободительная армия

род. — родился
РСДРП(м) — Российская социал-демократическая рабочая партия (меньшевиков)
РСХД — Русское студенческое христианское движение
рук-во — руководство
рук-ль — руководитель
румын. — румынский
рус. — русский
РХД — Русское христианское движение

с. — село, страница
сб. — сборник
сев. — северный
секр. — секретарь
сент. — сентябрь
сер. — середина
серб. — сербский
сербохорват. — сербохорватский
слав. — славянский
сменовех. — сменовеховский
сов. — советский
совм. — совместно
совр. — современный
сопредс. — сопредседатель
соред. — соредактор
сост. — составитель, составил
сотр. — сотрудник, сотрудничал
соц. — социалистический
социологич. — социологический
спец. — специальный
средн. — средний
ст. — старший, статья
студ. — студенческий

ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза
театр. — театральный
терр. — территория
технологич. — технологический
тип. — типография
торгпредство — торговое представительство

указ. — указатель
укр. — украинский
ум. — умер
ун-т — университет
урожд. — урожденная
участ. — участник
учен. — ученый

факт. — фактически, фактический
фам. — фамилия
февр. — февраль
физич. — физический
филол. — филологический
философ. — философский
фин. — финский
франц. — французский
ф-т — факультет

химич. — химический
худож. — художественный

центр. — центральный
ЦК — центральный комитет
ЦОПЭ — Центральное объединение политических эмигрантов из СССР

чеш. — чешский

швед. — шведский
шт. — штат

эвакуац. — эвакуационный
эвакуир. — эвакуировался, эвакуирован
эконом. — экономический
экуменич. — экуменический
эм. — эмиграция, эмигрировал, эмигрантский
эстон. — эстонский
этнографич. — этнографический

югослав. — югославский
юморист. — юмористический
юрид. — юридический

яз. — язык
янв. — январь

UNRRA — United Nations Relief and Rehabilitation Administration

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЭМИГРАНТСКИХ ИЗДАНИЙ*

Ант рус поэзии XX столетия — Антология русской поэзии XX столетия
Ант СиЮ — Антология сатиры и юмора
АРР — Архив русской революции
Артисты МХТ за рубежом — Артисты Московского Художественного театра за рубежом

Балт альм — Балтийский альманах
Белгр пушк сб — Белградский пушкинский сборник
Благон — Благонамеренный
Брюссель вест — Брюссельский вестник

Варш слово — Варшавское слово
Вест ГПОГ — Вестник Главного правления Общества галлиполийцев
Вест ИИИК — Вестник Института по изучению истории и культуры
Вест РСХД — Вестник Русского студенческого христианского движения
Веч время (П) — Вечернее время (Париж)
Веч время (Р) — Вечернее время (Рига)
Вечера пзл — Вечера под зеленой лампой
ВОДРК — Временник Общества друзей русской книги
Возр — Возрождение
ВП — Воздушные пути
ВР — Воля России
Время (Б) — Время (Берлин)
Время (Ш) — Время (Шанхай)

ГМ на чуж стороне — Голос минувшего на чужой стороне
ГР — Голос России (Берлин)
ГрР — Грядущая Россия

Евр мир — Еврейский мир
Евр трибуна — Еврейская трибуна
Евраз временник — Евразийский временник
Евраз сб — Евразийский сборник
Евраз тетради — Евразийские тетради
Евраз хроника — Евразийская хроника

Жемчужины рпт — Жемчужины русского поэтического творчества
Жизнь (Б) — Жизнь (Берлин)
Жизнь (Н-Й) — Жизнь (Нью-Йорк)
ЖиИ — Жизнь и искусство
Ж-пт — Жар-птица
Журн Содр — Журнал Содружества

Зап набл — Записки наблюдателя
Зап РИО — Записки Русского исторического общества в Праге
Зап РНИБ — Записки Русского научного института в Белграде
Зап РНИО — Записки Русского научно-исследовательского объединения
ЗП — Зеленая палочка
ЗРАГ — Записки Русской академической группы в США

Из нов поэтов — Из новых поэтов
Илл жизнь — Иллюстрированная жизнь
ИР — Иллюстрированная Россия
Иск славян — Искусство славян

Кн смеха — Книга смеха
Ковчег (Пр) — Ковчег (Прага)
Ковчег (Н-Й) — Ковчег (Нью-Йорк)

Либ рус слово — Либавское русское слово
Лит совр-к — Литературный современник
Лит среда — Литературная среда

* Описание см. в «Перечне изданий русского Зарубежья» (с. 387). Когда в пристатейных списках у издания совпадает не только название, но и место напечатания, в скобках указывается начальный год публикации. В список не входят условные обозначения, расшифровка которых не вызовет затруднений.

18–994

МДиа — Муза Диаспоры
Мед всадник — Медный всадник
Мир и иск — Мир и искусство
М.М.Винавер и рус общ-ть — М.М.Винавер и русская общественность нач. XX в.
На Зап — На Западе
На темы рус и общ — На темы русские и общие
На чуж стороне — На чужой стороне
Нар дело — Народное дело
Нар мысль — Народная мысль
Нар правда — Народная правда
Наша газ (Б) — Наша газета (Берлин)
Наша газ (Р) — Наша газета (Рига)
Наши совр-ки — Наши современники
Науч тр РНУП — Научные труды Русского народного университета в Праге
НЖ — Новый журнал
Нов варш слово — Новое варшавское слово
Нов вехи — Новые вехи
Нов время — Новое время
Нов газ — Новая газета
Нов град — Новый град
Нов мир (Б) — Новый мир (Берлин)
Нов мир (Н-Й) — Новый мир (Нью-Йорк)
Нов рус жизнь — Новая русская жизнь
Нов слово (Б) — Новое слово (Берлин)
Нов слово (Р) — Новое слово (Рига)
НРК — Новая русская книга
НРС — Новое русское слово

О Дост — О Достоевском
Общ дело — Общее дело
Общ путь — Общий путь

Пам А.О.Фондаминской — Памяти А.О.Фондаминской
Пам В.И.Лебедева — Памяти В.И.Лебедева
Пам И.С.Шмелева — Памяти И.С.Шмелева
Пам погибших — Памяти погибших
Пам Рахманинова — Памяти Рахманинова
Пар вест — Парижский вестник
Пб в стих рп — Петербург в стихотворениях русских поэтов
Перезв — Перезвоны
ПИ — Последние известия
ПН — Последние новости
П.Н.Милюков. Сб мат-лов — П.Н.Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия
Пон-к — Понедельник
Правосл дело — Православное дело
Правосл мысль — Православная мысль
Правосл Русь — Православная Русь

Р (Бг) — Россия (Белград)
Р (Н-Й) — Россия (Нью-Йорк)
Р (П) — Россия (Париж)
Рев Россия — Революционная Россия
РЗ — Русские записки
Риж день — Рижский день
Риж курьер — Рижский курьер
РиС — Россия и славянство
РК — Русская книга
РМ — Русская мысль
Рос демократ — Российский демократ
Рус вест — Русский вестник
Рус газ (Бг) — Русская газета (Белград)
Рус газ (Р) — Русская газета (Рига)
Рус газ в П — Русская газета в Париже
Рус голос (Н-Й) — Русский голос (Нью-Йорк)
Рус голос (Рв) — Русский голос (Ревель)
Рус голос (Х) — Русский голос (Харбин)
Рус женщина в эм — Русская женщина в эмиграции
Рус жизнь (Г) — Русская жизнь (Гельсингфорс)
Рус жизнь (Р) — Русская жизнь (Рига)
Рус жизнь (С-Ф) — Русская жизнь (Сан-Франциско)
Рус заруб кн — Русская зарубежная книга
Рус лирика (Н-Й) — Русская лирика (Нью-Йорк)
Рус лирика (С) — Русская лирика (София)
Рус новости (П) — Русские новости (Париж)
Рус новости (С-Ф) — Русские новости (Сан-Франциско)
Рус правда (Б) — Русская правда (Берлин)
Рус правда (Бг) — Русская правда (Белград)
Рус эхо — Русское эхо

С — Сегодня
С веч — Сегодня вечером
С пон-к — Сегодня понедельник
Сб пам С.Л.Франка — Сборник памяти С.Л.Франка
Сб РИП — Сборник Русского института в Праге
Сб рус археол об-ва — Сборник Русского археологического общества
Сб стих инрп — Сборник стихотворений известных и новейших русских поэтов
Сб ст посв пам Н.В.Гоголя — Сборник статей, посвященных памяти Н.В.Гоголя
Сб ст посв П.Б.Струве — Сборник статей, посвященных П.Б.Струве
Сб ст посв П.Н.Милюкову — Сборник статей, посвященных П.Н.Милюкову
Сб ст посв тв-ву Б.Л.Пастернака — Сборник статей, посвященных творчеству Б.Л.Пастернака
Св голос — Свободный голос
Св мысли — Свободные мысли
Св мысль — Свободная мысль

Св песнь — Свободная песнь
Св путями — Своими путями
Св речь — Свободная речь
Св Россия — Свободная Россия
Св слово — Свободное слово
Сев жизнь — Северная жизнь
СЗ — Современные записки
Слав кн — Славянская книга
Сов патриот — Советский патриот
Совр-к — Современник
Совр проблемы — Современные проблемы
Содр — Содружество
Соц вест — Социалистический вестник
Стихотв — Стихотворение
Студ альм — Студенческий альманах
Студ годы — Студенческие годы

ТиЖ (Б) — Театр и жизнь (Берлин)
ТиЖ (Р) — Театр и жизнь (Рига)

Тр рузг — Труды русских ученых за границей
Тр IV съезда РАОЗ — Труды IV съезда русских академических организаций за границей
Тр V съезда РАОЗ — Труды V съезда русских академических организаций за границей

Уч зап ИИР — Ученые записки Института по изучению России

Чт-декл — Чтец-декламатор

Шанх заря — Шанхайская заря
Шк годы — Школьные годы
Шк нива — Школьная нива

Эконом вест — Экономический вестник

СЛОВАРЬ

Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881-1925), прозаик, драматург, театр. критик. В авг. 1918 уехал из Петрограда на Украину (Киев, Харьков). Затем жил в Ростове, Екатеринодаре, Новороссийске, Севастополе. Сотр. в газ.: «Приазовский край», «Юг» («Юг России»). В апр. 1920 орг-р театр. труппы «Гнездо перелетных птиц», в сер. нояб. из Севастополя эм. в Константинополь. Член константинопольского Союза рус. писателей и журналистов. Соред. журн. «Зарницы» (1921). В июне 1922 поселился в Праге. Совершал поездки в Болгарию, Сербию, Прибалтику, Польшу, Германию, Румынию. Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Праге.

Печ в альм/сб: Кн смеха, Ковчег (Пр), *журн:* Бич, Будильник, Для вас, За рубежом, Зарницы, Зеленый журн, Наш мир, Рубеж, ТиЖ (Р), *газ:* Веч время (П), Время (Б), За свободу, Нов варш слово, НРС, ПИ, ПН, Риж курьер, Руль, Рус газ в П, Рус эхо, Русь, С, Св мысли, Эхо.

Авксентьев Николай Дмитриевич [также с подп.: Н.Д.А.; муж *М.С.Цетлин* (в 1906-09), отец художницы А.Н.Прегель] (1878-1943), обществ.-полит. деятель, публицист, мемуарист; член ЦК партии эсеров. С 1907 находился в эм. (Париж). Весной 1917 верн. в Россию (Петроград), с мая предс. бюро исполкома Всерос. совета крестьянских депутатов, министр внутр. дел Временного пр-ва (июль-авг.), предс. Временного совета Российской республики (Предпарламента; окт.). В марте 1918 один из орг-ров моск. «Союза возрождения России», в окт.-нояб. предс. Всерос. временного пр-ва (Уфимской директории), в сер. нояб. арестован колчаковцами и выслан в Китай. Вскоре через США уехал в Париж. В 1920 один из орг-ров и сопредс. Российского об-ва. Член Административного центра ВДО (Внепартийно-дем. об-ния; 1920-22). Соред. журн. «Современные записки» (1920-40), сб. «П.Н.Милюков. Сб. мат-лов» (1930). В 30-х возглав. рус. масонскую ложу «Северная звезда» (Париж). В 1940 переехал в США (Нью-Йорк). В 1940-43 член редколл. журн. «За свободу». Ум. в Нью-Йорке.

Печ в журн: За свободу, ИР, НЖ, РЗ, СЗ, *газ:* Дни, НРС.

Агеев М. [псевд.]. Автор «Романа с кокаином» (отрывки публ. в журн. «Иллюстрированная жизнь», 1934, №№ 1-17; 1-я часть — в журн. «Числа», 1934, № 10; отд. изд.: Париж, 1936) и рассказа «Паршивый народ» (журн. «Встречи», 1934, № 4). По предположению Н.А.Струве, это псевд. *В.В.Набокова* (см. «Вестник РХД», 1985, № 144; 1986, № 146). Однако литераторы, связанные в прошлом с журн. «Числа» (*Л.Д.Червинская, В.С.Яновский*), указывали иное имя — по их версии, это Марк Леви, в 30-х живший в Стамбуле. Г.Г.Суперфину и М.Ю.Сорокиной удалось разыскать его биогр. мат-лы. Установлено, что уроженец Москвы **Марк Лазаревич (Леонтьевич, Людвигович) Леви** (1898-1973) оконч. частную мужскую гимназию Р.Ф.Креймана

(Москва), в 1916 поступил в Моск. ун-т. С 1923 переводчик в Аркосе (All Russian Cooperative Society Limited). В янв. 1925 уехал через Ригу в Германию (Берлин, Лейпциг). По одним данным с 1930 жил в Турции (Стамбул), по другим — во Франции, Швейцарии, Турции. В мае 1942 выслан из Турции в СССР. Преп. в Ереванском педагог. ин-те иностр. яз., на кафедре иностр. яз. АН Армянской ССР. Ум. в Ереване. (См. подробнее: краткое сообщение в газ. «Рус. мысль» от 15 нояб. 1991; письма М.Л.Леви, напечатанные Б.Н.Равдиным в журн. «Даугава», 1992, № 2; публикацию Г.Г.Суперфина и М.Ю.Сорокиной в альм. «Минувшее», 1994, № 16.)

Агнивцев Николай Яковлевич (1888-1932), поэт, драматург, детский писатель, фельетонист. Уроженец Москвы. Учился на ист.-филол. ф-те Петербурского ун-та. Один из орг-ров петроградского театра-кабаре «Би-ба-бо» (1917-18). В 1918-20 с труппой кабаре «Кривой Джимми» гастролировал в Киеве, Одессе, Харькове, Тифлисе. В 1921 из Грузии эм. через Сербию (Белград) в Берлин. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Орг-р и рук-ль берлинского театра-кабаре «Ванька-Встанька». В конце дек. 1922 верн. в Сов. Россию (Петроград). Ум. в Москве.

Печ в альм/сб: Ант СиЮ, Вечера пзл, Пб в стих рп, Чт-декл, *журн:* Мир, Наш огонек, ТиЖ (Б), *газ:* Накануне, Нов время, Русь, С, С веч.

Адамович Георгий Викторович [псевд.: Пэнгс, Сизиф, Ю.Сущев, также с подп.: А., Г.А.; брат ген. Б.В.Адамовича и хореографа Т.В.Адамович-Высоцкой] (1894-1972), поэт, лит. критик, переводчик, мемуарист. Писал также на франц. яз. Уроженец Москвы. С 1910 учился на ист.-филол. ф-те Петербургского ун-та. Один из рук-лей 2-го петроградского «Цеха поэтов» (1916-17). В 1920-22 участ. 3-го «Цеха поэтов». С 1920 член Петроградского союза поэтов. В конце 1922 эм. в Берлин, в марте 1923 переехал в Париж. Член редколл. берлинских альм. «Цех поэтов» (1922-23). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Вел лит. отдел газ. «Последние новости». Участ. лит. собраний «Зеленая лампа» (1927-39). Соред. журн. «Встречи» (1934). Участ. лит. об-ния «Круг» (1935-39). Сост. совм. с *М.Л.Кантором* ант. «Якорь» (1936). В 1939-40 доброволец франц. армии, затем верн. в Париж. Совершал поездки в Англию, Германию, США. Ум. в Ницце.

Библиогр: G.Adamovich: An Annotated Bibliography — Criticism, Poetry and Prose. 1915-1980 / Comp. by R.Hagglund. Ann Arbor, 1985. 102 p.

Адлер Бруно Фёдорович (Фридрихович) (1874 — ?), географ, этнограф, музеевед. Писал также на нем. яз. Д-р филологии (1910). С 1911 проф. географии Казанского ун-та. С лета 1919 предс. Казанского губ. подотдела по делам музеев, в 1919-22 член редколл. «Казанского музейного вестника». Затем эм. в Германию. В 1923-24 ред. науч. отдела журн. «Беседа» (Берлин). Весной 1924 верн. в Сов. Россию (Москва). Действ. член Гос. Тимирязевского науч.-исслед. ин-та, позднее проф. Ярославского педагог. ин-та.

Печ в журн: Беседа.

Айхенвальд Юлий Исаевич [псевд.: Б.Каменецкий, также с подп.: Б.К., Ю.А., дъ; отец экономиста А.Ю.Айхенвальда и литературоведа Б.Ю.Айхенвальда] (1872-1928), литературовед, лит. и театр. критик, публицист, переводчик, мемуарист. С 1918 член Моск. (затем Всерос.) союза писателей. В сент. 1922 выслан из Сов. России, поселился в Берлине. Соучредитель берлинского Клуба писателей (1922-23), участ. Религиозно-философ. академии. В 1922-28 возглав. лит.-крит. отдел газ. «Руль». Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Один из орг-ров, в 1923-26 преп-ль Рус. науч. ин-та в Берлине.

С 1924 участ. «Кружка друзей рус. лит-ры». Погиб в Берлине в результате несчастного случая.

Печ в альм/сб: Балт альм, На чуж стороне, Струги, *журн:* НРК, ТиЖ (Б), *газ:* Руль, С.

Акульшин Р.М. — см. **Берёзов Р.М.**

Алданов Марк [псевд. — наст. имя: Марк Александрович Ландау; также с подп.: М.А.] (1886-1957), прозаик, публицист, лит. критик, драматург, литературовед, историк. Писал также на франц. яз. Уроженец Киева. В 1910 оконч. одновременно юрид. ф-т и химич. отделение физико-математич. ф-та Киевского ун-та. В 1918 участ. «Союза возрождения России». В апр. 1919 из Одессы эм. через Константинополь в Париж. Соред. журн. «Грядущая Россия» (1920). Секр. Комитета помощи рус. писателям и ученым во Франции. Оконч. Школу социальных и эконом. наук (Париж). С весны 1922 жил в Берлине. В марте 1923 — янв. 1924 ред. воскрес. лит. прил. к газ. «Дни». Весной 1924 верн. во Францию (Париж, Ницца). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. С 1925 возглав. лит. отдел газ. «Дни». С 1927 совм. с *В.Ф.Ходасевичем* возглав. лит.-крит. отдел газ. «Возрождение». Соред. сб. «П.Н.Милюков. Сб. мат-лов» (1930). В дек. 1940 переехал в США (Нью-Йорк). В 1942 совм. с *М.О.Цетлиным* основал «Новый журнал», его соред. (№№ 1-4). В 1947 поселился во Франции (Ницца). Ум. в Ницце.

Библиогр: Марк Алданов / Сост. Д. и Х.Кристеско; Под ред. Т.А.Осоргиной; Предисл. М.Л.Слонима. Париж, 1976. 87 с.

Александрова Вера [псевд. — наст. имя: Вера Александровна Шварц, урожд. Мордвинова; жена меньшевика С.М.Шварца-Моносзона (с 1919)] (1895-1966), лит. критик, литературовед, публицист, мемуаристка. Писала также на англ. яз. Уроженка Ковно (Литва). В янв. 1922 из Москвы эм. с высланным мужем в Берлин. В 1933 переехала во Францию (Париж). С 1940 жила в США (Нью-Йорк). Приняла амер. гражд-во. В 1946-48 сотр. редакции русскоязычного журн. «Америка». В 1952-56 глав. ред. Изд-ва им. Чехова. Ред. сб. «Пестрые рассказы» (1953). Ум. в Нью-Йорке.

Печ в альм/сб: ВП, Мосты, Сб ст посв тв-ву Б.Л.Пастернака, *журн:* Вест ИИИК, НЖ, Новоселье, Соц вест, *газ:* НРС, РМ.

Алексеев Василий Иванович (р. 1906), историк, прозаик. Писал также на англ. яз. Уроженец Владимира. В 1930 оконч. ист. ф-т МГУ, в том же году арестован. В 1934 освобожден из заключения. В 1941 мобилизован на фронт, в 1942 попал в плен. С 1944 жил в Германии. В 1951 переехал в США. В 1955-75 преп. в ун-те Миннеаполиса (шт. Миннесота). Принял амер. гражд-во. Д-р ист. наук (1967). Ныне живет в США.

Печ в альм/сб: ЗРАГ, На темы рус и общ, *журн:* Вест ИИИК, Возр, НЖ, *газ:* НРС.

Алексеев Глеб Васильевич [псевд.: Г.Чарноцкий, также с подп.: Г.А., Г.А-въ, Гл.А.] (1892-1938), прозаик, драматург, лит. критик, журналист, переводчик, мемуарист. Уроженец Москвы. Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. В дек. 1919 заболел тифом, из Новороссийска эвакуир. на Кипр. В 1920-21 жил в Греции, Турции, Венгрии, Сербии, Италии, Австрии. В янв. 1922 обосновался в Берлине. Один из орг-ров и 1-й предс. лит.-худож. об-ния «Веретено» (1922-23). Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Орг-р и зав. редакцией Книгоизд-ва писателей в Берлине. Сост. сб.: «Деревня в рус. поэзии» (1922), «Петербург в стихотворениях рус. поэтов» (1923). Участ. сменовех. движения. Участ. кружка «Академия прозы». В нач. нояб. 1923 верн. в Сов. Россию (Москва). С 1934 член Союза сов. писателей. Весной 1938 арестован. Расстрелян.

Печ в альм/сб: Ант СиЮ, Балт альм, Веретено, Молодая Россия, Одиссея, Пб в стих рп, *журн:*

Веретеныш, Ж-пт, НРК, Сполохи, ТиЖ (Б), *газ:* Время (Б), Накануне, Общ дело, Руль, Рус газ (Бг), С, Св речь.

Алексеев Николай Николаевич (1879-1964), правовед, обществ. деятель, мемуарист. Уроженец Москвы. С 1912 проф. гос. права Моск. коммерческого ин-та, с весны 1917 проф. Моск. ун-та. В 1918-19 проф. права Таврического ун-та. В нач. 1920 из Симферополя эм. в Константинополь. Вице-предс. константинопольского Союза рус. писателей и журналистов. В 1921 инспектор рус. школы в Константинополе, в окт. переехал в Прагу. Соред. берлинского журн. «Вестник самообразования» (1922-24). В 1922-24 проф. гос. права и учен. секр. Рус. юрид. ф-та (Прага). Сотр. Рус. науч. ин-та в Берлине. Проф. права в Берлине (1924-31), Страсбурге (1931-40), Белграде (1940-43). Участ. евраз. движения, сорад. «Евразийского сборника» (1929). В годы 2-й мир. войны участ. франц. Сопротивления. С 1948 жил и преп. в Женеве. Деятель экуменич. движения. Ум. в Женеве.

Печ в альм/сб: АРР, Евраз временник, Евраз сб, Тридцатые годы, *журн:* Вест РСХД, Вест самообразования, Грани, Евраз хроника, НЖ, Нов град, НРК, Путь, РЗ, *газ:* Возр, Евразия.

Алексеева Лидия [псевд. — наст. имя: Лидия Алексеевна Иванникова, урожд. Девель; также с подп.: Л.Девель; жена *М.Д.Иванникова* (в 1937-49)] (1909-1989), поэт, прозаик, переводчик, лит. критик, мемуаристка. Уроженка Двинска. В нояб. 1920 из Севастополя эм. с родителями через Константинополь в Болгарию. С сер. 1922 жила в Сербии, училась в рус.-серб. гимназии (Великая Кикинда). В 1924 переехала в Белград. С 1928 участ. лит. кружка «Новый Арзамас». В 1929 оконч. рус.-серб. гимназию (Белград). С нач. 30-х секр. «Союза ревнителей чистоты рус. языка», с 1934 участ. кружка «Лит. среда». Близка к движению младороссов. В 1934 оконч. философ. ф-т Белградского ун-та (по отделению слав. филологии). Член белградского Союза рус. писателей и журналистов. В окт. 1944 обосновалась в Австрии (близ Куфштейна). В 1949 уехала в США. Приняла амер. гражд-во. В 1960-78 сотр. слав. отдела Нью-Йоркской публичной б-ки. Ум. в Нью-Йорке. (Г.П.Струве ошибочно относит Л.Алексееву ко 2-й волне эм., что объяснимо: псевд. «Л.Алексеева» возник в 1949, ранее поэтесса печ. под своей девичьей фам.)

Печ в альм/сб: Встречи, Лит совр-к, Лит среда, МДиа, Мосты, На Зап, Новь, Перекрестки, Рус альм (81), Рус женщина в эм, Содр, *журн:* Возр, Грани, Дело, Лит совр-к, Меч, НЖ, Совр-к, *газ:* НРС, РМ.

Алёхин Александр Александрович (1892-1946), шахматист. В 1920 чемпион России по шахматам. Весной 1921 эм. в Париж. В 1927-35 и 1937-46 чемпион мира по шахматам. Принял франц. гражд-во. В годы 2-й мир. войны жил в Португалии. Ум. в Эсториаль близ Лиссабона, похоронен в Париже.

Аллин Андрей [псевд. — наст. фам.: Блюм], поэт. Уроженец Киева. В 1920 из Крыма эм. в Константинополь. В нач. 20-х участ. «Царьградского Цеха поэтов» (Константинополь). Впоследствии жил в Египте.

Печ в альм/сб: ЖиИ, Пб в стих рп, *журн:* РМ, *газ:* ПН.

Алфёров Анатолий В. (1902? — 1954?), прозаик, лит. критик. В 30-х жил в Париже. В 1932-37 участ. лит. группы «Перекресток», лит. собраний «Зеленая лампа», лит. об-ния «Круг». Соред. журн. «Полярная звезда» (1935). В дальнейшем от культурной жизни эм. отошел. Перед 2-й мир. войной уехал в США.

Печ в альм/сб: Круг, *журн:* Брюссель вест, Встречи, ИР, Меч, Полярная звезда, Числа.

Амари — см. **Цетлин М.О.**

Аминадо Д. — см. **Дон-Аминадо**.

Амфитеатров Александр Валентинович [также с подп.: А., В.А., Л.Л., Х.; племянник экономиста А.И.Чупрова, в 1-м браке муж оперной певицы А.Н.Амфитеатровой-Левицкой, отец *В.А.Амфитеатрова-Кадашева* и композитора и дирижера Д.А.Амфитеатрова] (1862-1938), прозаик, драматург, поэт-сатирик, лит., театр. и муз. критик, публицист, журналист, переводчик, мемуарист. Писал также на итал. яз. С 1904 находился в эм. (Франция, Италия). В годы 1-й мир. войны римский корр. газ. «Рус. слово». В нояб. 1916 верн. в Россию. В 1917 изд. петроградский журн. «Бич». В 1918-19 член петроградского Союза деятелей худож. лит-ры (СДХЛ), с 1920 член Всерос. союза писателей (ВСП). В авг. 1921 из Петрограда нелегально эм. с семьей через Финляндию (Гельсингфорс) в Берлин. Затем недолго жил в Праге. В марте 1922 поселился в Италии (Леванто). Почетный член белградского Союза рус. писателей и журналистов. Сотр. также в итал. периодике. Ум. в Леванто.

Печ в альм/сб: Грани, Земля Колумба, Кн смеха, Колос, Москва, *журн:* Златоцвет, ИР, Меч, Наш мир, Новости лит-ры, Перезв, Рубеж, Сатирикон, Сполохи, *газ:* Веч время (П), Возр, За свободу, Нов время, Нов рус жизнь, НРС, ПИ, РиС, Руль, С, Слово.

Амфитеатров-Кадашев (Амфитеатров) Владимир Александрович [псевд.: В.Кадашев, также с подп.: Вл.Кад.; сын *А.В.Амфитеатрова* и оперной певицы А.Н.Амфитеатровой-Левицкой, сводный брат композитора и дирижера Д.А.Амфитеатрова] (1889-1942), прозаик, драматург, литературовед, лит. критик, публицист, журналист. В 1918 уехал из Петрограда на юг России. Ред. лит.-ист. журн. «Радуга» (Ростов-на-Дону). Сотр. в Осваге, в 1919-20 ред. газ. «Южный курьер» («Ялтинский курьер»). В нояб. 1920 из Крыма эм. через Константинополь в Прагу. С 1922 жил в Берлине, участ. лит.-худож. об-ния «Веретено». Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. В 1924 верн. в Прагу, один из орг-ров лит. кружка «Далиборка». Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. Впоследствии переехал в Италию (Леванто). В 30-х — нач. 40-х близок к рус. нацистскому движению. Ум. в Леванто.

Печ в альм/сб: Артисты МХТ за рубежом, Веретено, Живым и гордым, Мед всадник, Младорусь, *журн:* Веретеныш, Годы, Для вас, ИР, НРК, Рус эхо, Сполохи, Студ годы, Числа, *газ:* Возр, Галлиполи, Нов слово (Б), Руль, С, С веч.

Андреев Вадим Леонидович [псевд.: С.Осокин; сын *Л.Н.Андреева,* брат писателя Д.Л.Андреева] (1902/03-1976), прозаик, поэт, лит. критик, мемуарист. Уроженец Москвы. В конце окт. 1917 с отцом уехал из Петрограда в Ваммельсу (Финляндия). В 1920 оконч. Александровскую гимназию (Гельсингфорс), с осени участ. Белого движения. В 1921 участ. антибольшевистского движения на Сев. Кавказе, летом эм. в Константинополь. Весной 1922 через Софию переехал в Берлин, учился на философ. ф-те Берлинского ун-та. Участ. лит. группы «Четыре плюс один» (1923-24). Осенью 1924 поселился в Париже, учился на филол. ф-те Сорбонны. В 1925 один из орг-ров «Союза молодых поэтов и писателей». Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. С 1928 участ. лит. группы «Кочевье». Член редколл. журн. «Завтра» (1933-35). В 1940-44 жил на о. Олерон (зап. побережье Франции), участ. франц. Сопротивления. С 1945 член Союза сов. патриотов (затем Союза сов. граждан). В 1946 принял сов. гражд-во. Соред. сб. «Эстафета» (1948). С 1949 сотр. рус. изд. отдела ООН (Нью-Йорк). С 1957 неоднократно посещал СССР. С 1959 сотр. Европейского отдела ООН (Женева). С 60-х сов. представитель в изд. отделе ЮНЕСКО (Женева). Ум. в Женеве, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Из нов поэтов, Мост на ветру, Рус сб (46), Сб стихов (29), Стихотв, Эстафета,

Якорь, *журн:* ВР, Завтра, Мир, Новоселье, РЗ, Св путями, СЗ, Числа, *газ:* ГР, Дни, Накануне, Нов газ, ПИ, ПН, РМ, Рус жизнь (Г), Рус новости (П), Сов патриот.

Андреев Леонид Николаевич [отец *В.Л.Андреева* и писателя Д.Л.Андреева] (1871-1919), прозаик, драматург, лит. критик, публицист, журналист. С сер. апр. 1917 глав. ред. петроградской газ. «Рус. воля», в конце окт. с семьей уехал в Ваммельсу (Финляндия). В февр. 1918 ненадолго приезжал в Петроград. В июне 1919 из Ваммельсу переселился в фин. д. Тюрсево. Ум. в д. Нейвола близ Мустамяки (Финляндия). В 1956 прах писателя перезахоронен на Литераторских мостках Волкова кладб. (С.-Петербург).

Печ в газ: Общ дело, Рус жизнь (Г); *посмертные публ. в альм/сб:* АРР, Грани, Рус сб (20), Скорбь земли рус, *журн:* Возр, Ж-пт, Мир, СЗ, *газ:* ГР, Звено, НРС, ПН, Риж курьер, Руль.

Андреев Николай Ефремович [псевд.: С.Несмеянов, Н.Николин, Карл Рем, П.Тверской, также с подп.: Н.А., Н.А-в, лин] (1908-1982), историк, литературовед, прозаик, публицист, журналист, мемуарист. Писал также на англ. яз. Уроженец Петербурга. Осенью 1919 из Петрограда эм. с родителями в Эстонию. В 1927 оконч. рус. гимназию в Таллинне, уехал в Прагу, поступил на философ. ф-т Карлова ун-та. Ред. таллиннского сб. «Новь» (№№ 1-3). С нояб. 1928 сотр. Кондаковского ин-та. Член Рус. ист. об-ва. С июня 1930 участ. лит. об-ния «Скит». Д-р философии (1933). В 1935 соред. сб. «Скит» (№ 3). Участ. Кружка по изучению совр. рус. лит-ры при Рус. свободном ун-те. Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. В 1939-45 директор Кондаковского ин-та. В мае 1945 после занятия сов. войсками Праги арестован, до 1947 находился в заключении под Дрезденом. В 1947-48 жил в Берлине. С 1948 преп-ль кафедры славистики Кембриджского ун-та (Англия). Принял англ. гражд-во. Ум. в Кембридже.

Библиогр: Harrison W., Brancovan C. Bibliography of the Works of N.E.Andreyev // Poetry, Prose and Public Opinion. Aspects of Russia. 1850-1970: Essays Presented in Memory of Dr. N.E.Andreyev. Letshworth, 1984. P. 1-18.

Анненков Юрий Павлович [псевд.: Наталья Беляева, Борис Темирязев, Шарый; сын народовольца П.С.Анненкова, в 1-м браке муж танцовщицы Е.Б.Анненковой] (1889-1974), живописец, график, прозаик, театр. художник, художник кино, худож. и театр. критик, публицист, режиссер, мемуарист. После революции активный участ. худож. жизни Петрограда. С 1920 преп. в Академии художеств. В 1924 не верн. из командировки в Италию (Венеция), поселился в Париже. Член Союза рус. художников во Франции. Участ. худож. выставок в Лейпциге, Париже, Филадельфии и др. Как сценограф и художник кино работал во Франции, Италии, США, Германии. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Встреча, Мосты, Старые — молодым, *журн:* Возр, Грани, Звено, НЖ, Новоселье, Опыты, РЗ, Сатирикон, СЗ, Соц вест, *газ:* Возр, Звено, НРС, ПН, РМ.

Анри Виктор А., литератор. Имел франц. гражд-во, жил в Париже. Соред. журн. «Грядущая Россия» (1920).

Анстей Ольга [псевд. — наст. имя: Ольга Николаевна Штейнберг; в 1-м браке жена *И.Елагина* (в 1937-50), во 2-м — жена *Б.Филиппова* (в 1951-54; развод оформлен в 1965), мать поэтессы Е.И.Матвеевой] (1912-1985), поэт, прозаик, лит. критик, переводчик. Уроженка Киева. В 1931 оконч. Техникум иностр. яз. (Киев). Осенью 1943 с оккуп. терр. эм. с мужем через Лодзь и Прагу в Берлин. С 1946 жила в Шлесгейме близ Мюнхена. В мае 1950 уехала в США (Нью-Йорк). Приняла амер. гражд-во. В 1960-72 сотр. отдела рус. переводов ООН. Ум. в Нью-Йорке.

Печ в альм/сб: Встречи, Лит Зарубежье, Лит сб, Лит совр-к, МДиа, Мосты, На Зап, Неопали-

мая купина, Перекрестки, Рус альм (81), Содр, Стихи, У врат, *журн:* Возр, Грани, Дело, Континент, Лит совр-к, НЖ, Обозрение, Опыты, Отдых, Явь и быль, *газ:* Горн, НРС, РМ.

Антоний, митрополит Киевский и Галицкий [Алексей Павлович Храповицкий] (1863-1936), церковный и обществ. деятель, богослов, духовный писатель, историк. В 1914-17 архиепископ Харьковский и Ахтырский. В 1917 один из трех официальн. кандидатов в патриархи Моск. и всея Руси. С мая 1918 митрополит Киевский и Галицкий. В 1919-20 возглав. Временное высш. церковное управление (ВВЦУ) на юге России. В нояб. 1920 из Крыма эм. в Константинополь. С февр. 1921 жил в Сербии (Сремские Карловцы). В 1921-36 глава Архиерейского Собора и Синода Рус. Соборной Заруб. Церкви. Совершал поездки во Францию, Англию, Германию, Австрию, Швейцарию, Венгрию, Чехословакию, Грецию. Ум. в Сремских Карловцах.

Библиогр. в кн.: Сборник избранных сочинений Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. Белград, 1935. С. XLVI-LII.

Антоний Волынский, митрополит — см. **Антоний**, митрополит Киевский и Галицкий.

Аронсон Григорий Яковлевич [также с подп.: А., Г.А.] (1887-1968), обществ.-полит. деятель, публицист, журналист, поэт, мемуарист; меньшевик. Писал также на англ. яз. и идиш. В янв. 1922 выслан из Сов. России, обосновался в Берлине. В 1922-51 член ЦК Бунда. Член Заграничной делегации РСДРП. В 1926-31 ген. секр. «Орт-Юнион» (Берлин). В 30-х жил в Париже. В 1940 поселился в США (Нью-Йорк). В 1944-57 сотр. редакции газ. «Новое рус. слово». Принял амер. гражд-во. Соред. сб.: «Памяти В.И.Лебедева» (1958), «Книга о рус. еврействе» (1968). Ум. в Нью-Йорке.

Печ в альм/сб: Кн о рус еврействе, На чуж стороне, Пам В.И.Лебедева, *журн:* За свободу, НЖ, НРК, Опыты, Слав кн, Соц вест, *газ:* НРС, Рус обозрение.

Арсеньев Николай Сергеевич [также с подп.: А.; сын дипломата С.В.Арсеньева] (1888-1977), философ, богослов, литературовед, культуролог, поэт, мемуарист. Писал также на англ., нем. и франц. яз. Род. в Стокгольме. В 1910 оконч. ист.-филол. ф-т Моск. ун-та. С 1914 приват-доцент кафедры западноевропейской лит-ры Моск. ун-та. В 1919 проф. кафедры сравнительной истории религий Саратовского ун-та. В апр. 1920 нелегально эм. в Варшаву, в нояб. поселился в Кенигсберге. С 1921 преп-ль, в 1924-44 проф. рус. лит-ры Кенигсбергского ун-та. В 1921 одновременно доцент Рижского ун-та. С 1922 участ. Религиозно-философ. академии (Берлин). Д-р философии (1924). В 1926-38 одновременно проф. богословия православного ф-та Варшавского ун-та. С мая 1945 жил в Париже, преп. в Institut St. Denis, Сорбонне. С февр. 1948 проф. Св.-Владимирской духовной семинарии (Нью-Йорк). Деятель экуменич. движения. Принял амер. гражд-во. В конце 50-х — 60-х преп. в Боннском, Венском, Грацком (Австрия), Мюнхенском и др. ун-тах. В 1970-77 предс. Рус. акад. группы в США. Ум. в Си-Клифф близ Нью-Йорка.

Библиогр: Bird Th.E. Selected Bibliography of the Writings of N.S.Arseniev // Записки Русской академической группы в США. 1979. Т.XII. С. 47-61.

Архангельский Василий Гаврилович (1868-1948), обществ.-полит. деятель, публицист, прозаик, педагог; член ЦК партии эсеров. Уроженец Самарской губ. Магистр богословия. С авг. 1917 министр просвещения Временного пр-ва. С 1918 входил в состав Самарского пр-ва. В 1919 эм. в Чехословакию (Прага). Сотр. пражского Земгора. Вице-предс. Рус. заграничного ист. архива в Праге. Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Горних Почерницах (Чехословакия).

Печ в альм/сб: Вольная Сибирь, Русские в Праге, *журн:* ВР, Слав кн, *газ:* ВР, Дни.

Арцыбашев Михаил Петрович (1878-1927), прозаик, драматург, публицист, мемуарист. С 1918 член Моск. (затем Всерос.) союза писателей. Летом 1923 принял польск. гражд-во, в авг. уехал из Москвы в Варшаву. Участ. Народного союза защиты родины и свободы (Варшава). В 1924-25 предс. редколл. газ. «За свободу». Ум. в Варшаве.

Библиогр: Mikhail Artsybashev: A Comprehensive Bibliography / By S.O'Dell and N.J.Luker. Nottingham (England), 1983. 23 p.

Аскольдов Сергей Алексеевич [наст. фам.: Алексеев; др. псевд.: С.А.Зырянский; внебрачный сын философа А.А.Козлова] (1871-1945), философ, психолог, лит. критик, поэт. С 1914 приват-доцент, в 1919-22 проф. кафедры философии Петроградского ун-та. В 1919-25 преп. в петроградском Политехнич. ин-те. Учредитель «Братства Серафима Саровского» (1921-27). В сент. 1928 арестован, сослан в Рыбинск. В 1930 арестован вторично, ссылку отбывал в Сыктывкаре (Коми). Осенью 1933 определен на жительство в Новгороде. В 1944 с оккуп. терр. уехал в Ригу, затем жил в Праге, Берлине. Ум. в Потсдаме.

Печ в журн: Для всех, НЖ, Нов вехи, *газ:* За родину, Нов слово (Б).

Ачаир А. [псевд. — наст. имя: Алексей Алексеевич Грызов; др. псевд.: А.Чаир] (1896-1960), поэт, журналист, педагог. Уроженец станицы Ачаир (близ Омска). Оконч. Сибирский кадетский корпус (Омск). Учился в Петровской сельскохозяйственной академии (Москва). Участ. Белого движения. В нач. 1922 из Владивостока эм. в Харбин. Член содружества поэтов «Медитат». Один из орг-ров и секр. Христианского союза молодых людей (Харбин). В 1926 инициатор харбинского лит. об-ния «Молодая Чураевка». Ред. газ. «Молодая Чураевка» (1932). В авг. 1945 депортирован в СССР, находился в заключении (Воркута). В 1955 освобожден из заключения, поселился в Новосибирске. Рук-ль детского хора. Ум. в Новосибирске.

Печ в альм/сб: Вольная Сибирь, Гумилевский сб, Казачий альм, Ковчег (Н-Й), Прибой, Семеро, Якорь, *журн:* Луч Азии, Москва, Парус, РЗ, Рубеж, *газ:* Молодая Чураевка, Рус голос (Х).

Базилевская Елизавета (Элизабет-Гертруда) Альфредовна [урожд. Роос; также с подп.: Е.Базилевская-Роос; сестра поэтессы М.А.Роос (Иртель)] (1902-1951), поэт, прозаик, переводчик. Уроженка Москвы. В 1919 оконч. гимназию (Харьков). В 1921 эм. в Эстонию (Кохила). Приняла эстон. гражд-во. В 1930 оконч. философ. ф-т Тартуского ун-та. Участ. таллиннского «Цеха поэтов» (1933-35). В конце 1939 переехала в Польшу (Познань). В нач. 1945 поселилась в Германии. Покончила с собой.

Печ в альм/сб: Новь, *журн:* Журн Содр, СЗ, *газ:* С.

Бакунина Екатерина Васильевна [в браке Новосёлова; также с подп.: Е.Б., Ек.Б.] (1889-1976), поэт, прозаик, лит. критик, переводчик, журналист. Уроженка Царского Села. Училась на юрид. ф-те Высш. Бестужевских курсов. В 1918 уехала из Петрограда в Харьков, впоследствии верн. в Петроград. Эм. не ранее 1922. С 1923 жила в Париже. С 1932 секр. редакции журн. «Числа». Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. После 2-й мир. войны поселилась в Англии. Ум. в Кихлей (Англия).

Печ в альм/сб: Калифорнийский альм, Новь, Рус сб (46), Содр, Эстафета, Якорь, *журн:* Меч, НЖ, Новоселье, СЗ, Числа, *газ:* НРС, ПН, РМ.

Балакшин Пётр Петрович [псевд.: Б.Миклашевский, также с подп.: П.Б.] (1898-1990), прозаик, историк дальневосточной эм., лит. критик, переводчик, художник-акварелист. Уроженец Владивостока. Оконч. Александровское воен. училище (Москва). Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. В нач. 1922 эм. в Китай (Шанхай). В 1923 переехал в США (Сиэтл). С 1925 жил в Сан-Франциско. Оконч. Калифорнийский ун-т (Беркли). Принял амер.

гражд-во. Член редколл. «Калифорнийского альманаха» (1934). В 1935-37 ред. газ. «Рус. жизнь». Ред. сб. «Земля Колумба» (1936). Основал и ред. газ. «Рус. новости» (1937-38). После 2-й мир. войны сотр. амер. воен. организаций в Японии, Корее, Греции. Совершал поездки в Португалию, Испанию, Францию. Ум. в Сан-Франциско.

Печ в альм/сб: Земля Колумба, Калифорнийский альм, У золотых ворот, *журн:* Парус, Прожектор, Совр-к, Феникс, *газ:* НРС, ПН, Рус жизнь (С-Ф), Рус новости (С-Ф).

Бальмонт Константин Дмитриевич [псевд.: Аглая Гамаюн, Мстислав и др.] (1867-1942), поэт, переводчик, лит. критик, прозаик, мемуарист. В 1917-20 проживал в Москве, подмосковном Новогиреево. Член Моск. (затем Всерос.) союза писателей и Всерос. союза поэтов. В июне 1920 по официальн. разрешению выехал через Таллинн в Берлин. В марте 1921 остался во Франции как эмигрант. Жил в Париже, Капбретоне. С 1922 член правления парижского Союза рус. писателей и журналистов. Совершал поездки в Сербию, Болгарию, Чехословакию, Польшу, Прибалтику. Ум. в приюте «Рус. дом» (Нуази-лё-Гран близ Парижа).

Печ в альм/сб: Ант рус поэзии XX столетия, Ант СиЮ, Балт альм, Вечера пзл, Во славу Божию, Грани, Жемчужины рпт, Зап набл, Из нов поэтов, Из рус поэтов, Колос, МДиа, Мед всадник, Музыка слов, На Зап, Наши совр-ки, Неопалимая купина, Пб в стих рп, Радуга, Родная земля, Рус лирика (Н-Й), Рус Парнас, Сб стих инрп, Цветень, Чт-декл, Шепоты сумерек, Эротика в рус поэзии, Якорь, *журн:* ВР, Годы, Для вас, Ж-пт, Зарница, Златоцвет, ЗП, ИР, Наш огонек, НЖ, Окно, Отечество, Перезв, Прожектор, Рубеж, Св путями, СЗ, Сполохи, *газ:* Веч время (П), Возр, ВР, ГР, Дни, За свободу, Звено, Нов варш слово, НРС, Огни, ПИ, ПН, Пушкин, Р (П), РиС, Руль, Рус голос (Рв), Рус эхо, С, Св мысли, Слово.

Барт С. [псевд. — наст. имя: Сергей В. Копельман], поэт. Уехал из Москвы не ранее 1918. В эм. жил в Польше (Варшава). Член варшавского Союза рус. писателей и журналистов. Участ. об-ния «Лит. содружество» (1929-35).

Печ в журн: Меч, РЗ.

Барятинский Владимир Владимирович, кн. [внук ген.-фельдмаршала А.И.Барятинского, в 1-м браке муж актрисы Л.Б.Яворской (с 1896)] (1874-1941), драматург, прозаик, публицист, переводчик, журналист, мемуарист. Писал также на франц. яз. В 1919 из Крыма эм. в Италию, затем переехал в Берлин. В 1921 поселился в Нёйи-сюр-Сен близ Парижа. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Сотр. во франц. периодике. Ум. в Нёйи-сюр-Сен, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в журн: Для вас, ЗП, ИР, Мир и иск, Прожектор, РМ, *газ:* Веч время (П), ПН, Рус время, С.

Бахрах Александр Васильевич [псевд.: Кириллов, Кир.Кириллов, также с подп.: А.Б., А.Б-х, Кир., К.К., К.Кир., Чир.] (1902-1985), лит. критик, литературовед, журналист, мемуарист. Уроженец Киева. Осенью 1918 уехал из Петрограда в Киев. В мае 1920 эм. в Варшаву, осенью переехал в Париж. Учился на юрид. ф-те Сорбонны. В 1922 поселился в Берлине, секр. берлинского Клуба писателей (1922-23). Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. В окт. 1923 верн. в Париж. Участ. лит. собраний «Зеленая лампа» (1927-39). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. С 1939 доброволец франц. армии. В 1940-44 жил в доме *И.А.Бунина* (Грасс), затем возвр. в Париж. После 2-й мир. войны близок к движению сов. патриотов. В 50-х — 60-х проживал в Мюнхене, возглав. рус. лит. отдел радиостанции «Свобода». Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Мосты, Орион, Рус сб (46), Струги, *журн:* Вест РСХД, ВР, Континент, НЖ, Новоселье, НРК, Опыты, СЗ, Числа, *газ:* Возр, ГР, Дни, НРС, РМ, Рус новости (П).

Бахтин Николай Михайлович [псевд.: Н.Боратов, также с подп.: Н.Бор.; брат литературоведа М.М.Бахтина] (1894-1950), филолог-классик, лит. критик, поэт, мемуарист. Писал также на англ. яз. Уроженец Орла. В 1912

поступил на филол. ф-т Новороссийского ун-та, в 1913 перевелся на классич. отделение ист.-филол. ф-та Петербургского ун-та. С 1916 участ. 1-й мир. войны. В июле 1917 верн. в Петроград. В янв. 1918 уехал на юг России, с окт. участ. Белого движения. Эм. в 1919, вступил во франц. Иностр. легион, воевал в Сев. Африке (Алжир, Марокко), после ранения демобилизован. С 1924 проживал в Париже, поступил в Сорбонну. С 1927 участ. лит. собраний «Зеленая лампа». В 1928 уехал в Англию, полгода учился в Бирмингемском ун-те. Затем возвр. в Париж, продолжил обучение в Сорбонне, учился также в Школе вост. яз. В 1929 совершил поездку в Грецию. В нач. 30-х переехал в Англию, поступил в аспирантуру Кембриджского ун-та. Д-р филологии (1932). В 1934 недолго жил в Греции. С 1935 преп. классич. филологию в University College (Саутхэмптон). С апр. 1938 преп. в Бирмингемском ун-те. Принял англ. гражд-во. В годы 2-й мир. войны вступил в Компартию Великобритании. С 1946 возглав. лингвистич. отделение Бирмингемского ун-та. Ум. в Бирмингеме.

Печ в журн: Звено, НЖ, Нов корабль, Числа, *газ:* Звено.

Белоцветов Николай Николаевич [псевд.: Фёдор Короткий; сын финансиста Н.А.Белоцветова] (1892-1950), поэт, прозаик, переводчик, философ. Писал также на нем. яз. Уроженец Петербурга. Оконч. философ. ф-т Петербургского ун-та. Участ. 1-й мир. войны. В 1921 эм. в Берлин, часто приезжал в Ригу. Участ. берлинского «Кружка поэтов» (1928-33), рижской лит. группы «На струге слов» (1929-31). С 1933 проживал в Таллинне, вскоре переехал в Ригу. Предс. рижской группы антропософов. В 1941 верн. в Германию. В конце 40-х принял католичество. Ум. в Мюльгейме.

Печ в альм/сб: На Зап, Невод, Новоселье, Роща, Якорь, *журн:* Журн Содр, Мансарда, НЖ, Перезв, РЗ, СЗ, Числа, *газ:* Возр, Дни, Наша газ (Р), Руль, С, Слово.

Белый Андрей [псевд. — наст. имя: Борис Николаевич Бугаев; также с подп.: Андр.Б. и др.; сын математика Н.В.Бугаева] (1880-1934), поэт, прозаик, теоретик символизма, лит. критик, литературовед, мемуарист. С 1918 член Моск. (затем Всерос.) союза писателей. Один из орг-ров и предс. петроградской Вольфилы (Вольной философ. ассоциации; 1919-24). В окт. 1921 выехал за границу (Каунас), с сер. нояб. жил в Германии (Берлин, Цоссен, Свинемюнде, Гарцбург). Инициатор и 1-й предс. берлинского отделения Вольфилы (1921-24), один из орг-ров и 1-й предс. (1921-22) берлинского Дома искусств, соучредитель Клуба писателей (1922-23). Ред. журн. «Эпопея» (1922-23). В 1923-24 член редколл. журн. «Беседа». В конце окт. 1923 верн. в Сов. Россию. Ум. в Москве.

Библиогр. эм. периода см.: Nivat G. L'oeuvre polémique, critique et journalistique d'Andrej Belyi // Cahiers du Monde russe et soviétique. Vol. XV (1-2). 1974. P. 35-37; Андрей Белый / Сост. Н.Г.Захаренко и В.В.Серебрякова // Русские советские писатели. Поэты: Библиогр. указ. Т. 3, ч. I. М., 1979. С. 114-196; Malmstad J.E. Andrej Belyj in Berlin, 1921-1923 // Andrej Belyj Society. Newsletter. № 4. 1985. P. 20-29.

Бем Альфред Людвигович (Алексей Фёдорович) [также с подп.: А.Б.; отец поэтессы И.А.Бем] (1886-1945), филолог-славист, литературовед, лит. критик, библиограф, переводчик, публицист, поэт, педагог. Писал также на нем. и чеш. яз. Уроженец Киева. В 1908 оконч. ист.-филол. ф-т Петербургского ун-та. До 1919 учен. хранитель отдела рукописей Б-ки Российской АН (Петроград), летом уехал в Киев, с нояб. жил в Одессе. В янв. 1920 эм. через Румынию в Белград, в нояб. поселился в Варшаве. Рук-ль кружка «Таверна поэтов». Затем переехал в Берлин. С янв. 1922 проживал в Праге. Орг-р и рук-ль об-ния «Скит поэтов» (позднее «Скит»; 1922-39). Участ. эсеровской группы «Крестьянская Россия», соред. сб. «Крестьянская Россия» (1922-24).

Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. Участ. лит.-муз. об-ния «Збраславские пятницы» (1923-25). Преп. лит-ру в Рус. народном (свободном) ун-те, Рус. педагог. ин-те им. Я.Коменского, Карловом ун-те. Секр. Рус. педагог. бюро (ин-та). Сотр. ряда науч. учреждений в Праге: Кондаковского ин-та, Рус. ист. об-ва, Рус. науч.-исслед. об-ния и др. В сент. 1928 участ. 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград). Орг-р и секр. «Об-ва по изучению Достоевского» при Слав. науч. ин-те. Ред. сб.: «Пушкинский сборник» (1929), «О Достоевском» (1929-36). Соред. сб.: «Скит» (1933-37), «Жизнь и смерть» (1935). Д-р филологии. Летом 1941 принял православие. В мае 1945 после занятия сов. войсками Праги арестован. Погиб в заключении.

Печ в альм/сб: Дети эм, Жизнь и смерть, Зап РИО, Зап РНИО, Крестьянская Россия, Науч тр РНУП, Новь, О Дост, Православие и культура, Пушкинский сб, Сб РИП, Тр IV съезда РАОЗ, Тр V съезда РАОЗ, *журн:* ВР, Меч, Новости лит-ры, НРК, Рус школа за рубежом, Св путями, Св Россия, СЗ, Слав кн, Центр Европа, *газ:* За свободу, Молва, РиС, Руль, ПН, Свобода.

Бенуа Александр Николаевич [сын архитектора Н.Л.Бенуа, отец художника Н.А.Бенуа] (1870-1960), живописец, график, театр. художник, худож. и театр. критик, историк ис-ва, режиссер, мемуарист. В 1918-24 глав. хранитель худож. галереи Гос. Эрмитажа (Петроград). В 1919-24 режиссер и художник петроградского Большого драм. театра. С 1924 жил в Париже. В 1926 приезжал в СССР. Член Союза рус. художников во Франции. Как сценограф работал в крупнейших театрах Парижа, Милана, Лондона, Нью-Йорка и др. Участ. худож. выставок в Париже, Брюсселе, Лондоне, Манчестере, Белграде, Праге и пр. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: ВОДРК, Рус сб (46), *журн:* НЖ, РЗ, *газ:* ПН.

Берберова Нина Николаевна [псевд.: Гулливер (совм. с *В.Ф.Ходасевичем*), Ивелич, также с подп.: Н.Б., Н.Б-ва, Н.Бер-ва; гражд. жена *В.Ф.Ходасевича* (в 1922-32), во 2-м браке жена художника Н.В.Макеева (в 1936-47), в 3-м — жена пианиста Г.А.Кочевицкого (с 1954)] (1901-1993), прозаик, поэт, лит. критик, литературовед, драматург, журналист, переводчик, мемуаристка. Писала также на англ. яз. Уроженка Петербурга. В 1919-20 училась на ист.-филол. ф-те Донского ун-та (Ростов-на-Дону). В 1921 возвр. в Петроград. В июне 1922 вместе с *В.Ф.Ходасевичем* эм. через Литву в Германию (Берлин, Сааров). В 1923-24 находилась в Чехословакии, Италии, Франции, Англии, Ирландии. С окт. 1924 жила в доме *М.Горького* (Сорренто). В апр. 1925 поселилась в Париже. В 1926 соред. журн. «Новый дом» (№ 1). С 1927 участ. лит. собраний «Зеленая лампа». Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. В годы 2-й мир. войны проживала в Лонгшен близ Парижа. В 1948-50 ред. лит. отдела газ. «Рус. мысль». В нояб. 1950 переехала в США (Нью-Йорк). Приняла амер. гражд-во. В 1958-62 член редколл. альм. «Мосты». В 1956-63 преп. рус. яз. и лит-ру в Йельском ун-те, в 1963-71 преп. в Принстонском ун-те. В сент. 1989 посетила СССР. С окт. 1990 жила в Филадельфии. Ум. в Филадельфии.

Печ в альм/сб: Встреча, МДиа, Мосты, На Зап, Орион, Содр, Якорь, *журн:* Беседа, Возр, ВР, Встречи, Грани, Ж-пг, Звено, ИР, НЖ, Нов дом, Нов корабль, Опыты, Прожектор, РЗ, Свобода, СЗ, Сполохи, *газ:* Возр, Время (Б), Двинский вест, Дни, За свободу, Звено, Либ рус слово, НРС, ПН, РМ, С.

Бердяев Николай Александрович [брат писателя С.А.Бердяева] (1874-1948), философ, публицист, обществ. деятель, мемуарист. В 1917-21 проф. философии Моск. ун-та. В июне 1917 соучредитель «Лиги рус. культуры». В 1918-22 орг-р и рук-ль моск. Вольной академии духовной культуры (ВАДК), член правления Моск. (затем Всерос.) союза писателей. В сент. 1922 выслан из Сов. России. Поселился в Берлине, соучредитель Клуба писателей (1922-23), один из орг-ров берлинского Рус. науч. ин-та. Основал и возглав.

Религиозно-философ. академию (1922-40). Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Ред. журн. «София» (1923). С 1924 участ. «Братства Св. Софии», осенью переехал во Францию. Жил в Кламаре близ Парижа, преп. в Богословском ин-те. Ред. журн. «Путь» (1925-40). Деятель экуменич. движения. В 1930 один из орг-ров «Лиги православной культуры». Д-р теологии Кембриджского ун-та (1947). Ум. в Кламаре.

Библиогр: Николай Бердяев: Библиография / Сост. Т.Ф.Клепинина. Париж, 1978. 160 с.

Берёзов Родион Михайлович [наст. фам.: Акульшин; др. псевд.: Дмитрий Берёзов, Д.Новосёлов] (1896-1988), прозаик, поэт, драматург, журналист, мемуарист. В Сов. России печ. под наст. фам. Уроженец Самарской губ. В 1923-24 учился в моск. Высш. лит.-худож. ин-те (ВЛХИ). Член Всерос. союза писателей (ВСП) и Всерос. союза поэтов. В 1925-30 участ. моск. лит. группы «Перевал». С 1934 член Союза сов. писателей. В июне 1941 вступил в народное ополчение, в окт. попал в плен. В 1941-44 сотр. в пронацистской периодике. Затем уехал в Германию. После войны жил в Австрии (близ Зальцбурга). В 1949 поселился в США (Монтерей). Сост. сб. «Народные жемчужины» (1951). В марте 1958 принял амер. гражд-во. Ум. в Ашфорде (шт. Коннектикут), похоронен в Хартфорде близ Ашфорда.

Печ в альм/сб: Лит совр-к, У золотых ворот, *журн:* Возр, Грани, НЖ, *газ:* НРС, РМ.

Бикерман Иосиф Манасиевич (Менассиевич) [псевд.: М.Ребакин; отец поэта и химика Я.И.Бикермана] (1867-1942), журналист, публицист, лит. критик, мемуарист. Эм. в 1921, жил в Берлине. В 1937 поселился во Франции. Ум. в Ницце.

Печ в журн: Возр, РМ, *газ:* Руль.

Билибин Иван Яковлевич [брат математика А.Я.Билибина, в 3-м браке муж художницы А.В.Щекатихиной-Потоцкой (с 1923), отец художника А.И.Билибина] (1876-1942), график, живописец, театр. художник. С 1908 преп. в Рисовальной школе Об-ва поощрения художеств (Петербург). В сент. 1917 уехал в Крым. Сотр. в Осваге (1918-20). В февр. 1920 из Новороссийска эм. в Александрию (Египет), летом переехал в Каир. В 1924 совершил поездки в Палестину, Сирию. С авг. 1925 жил в Париже, преп. в Худож.-промышленном ин-те. В 1925 соучредитель худож. об-ва «Икона» (Париж). Член Союза рус. художников во Франции. Участ. худож. выставок в Париже, Брюсселе, Амстердаме и др. Осенью 1935 принял сов. гражд-во, в сент. 1936 верн. в СССР. Поселился в Ленинграде, в 1936-42 проф. графического ф-та Ин-та живописи, скульптуры и архитектуры. Ум. в блокадном Ленинграде.

Печ в альм/сб: Рус земля, *журн:* СЗ, *газ:* Возр, ПН.

Билимович (Бич-Былина-Билимович) Александр Дмитриевич [брат математика Ант.Д.Билимовича] (1876-1963), экономист, историк, публицист, юрист. Д-р эконом. наук (1915). В 1917 предс. Воен.-промышленного комитета (Киев). Проф. полит. экономии и статистики Киевского ун-та. Член Совета гос. объединения России (СГОР). Осенью 1919 возглав. Управление землеустройства и земледелия в пр-ве Деникина. В янв. 1920 из Новороссийска эм. в Константинополь, вскоре поселился в Сербии. В 1922-44 зав. кафедрой полит. экономии Люблянского ун-та (Словения). Осенью 1944 через Австрию переехал в Германию, в 1946-47 декан эконом. и юрид. ф-та ун-та UNRRA (Мюнхен). С 1948 жил в США. Принял амер. гражд-во. Ум. в Сан-Франциско.

Печ в альм/сб: ЗРАГ, Сб ст посв П.Б.Струве, Эконом вест, *журн:* Вест ИИИК, Грани, НЖ, РМ, *газ:* Возр, Нов время, НРС, Р (Бг), РиС.

Бинецкий Анатолий В., прозаик. Участ. Белого движения. В 20-х жил в Софии.

Печ в журн: ВР, Эос, *газ:* РиС.

Биск Александр Акимович [отец франц. писателя А.Боске] (1883-1973), поэт, переводчик, мемуарист. Уроженец Одессы. В 1919 из Одессы эм. в Болгарию. В 1926 переехал в Бельгию. С 1939 жил во Франции. В 1941 обосновался в США (Нью-Йорк). Участ. Кружка рус. поэтов в Америке. Принял амер. гражд-во. Ум. в предместье Нью-Йорка.

Печ в альм/сб: Четырнадцать, *журн:* НЖ, Опыты, Совр-к, *газ:* НРС, РМ, Слово.

Бицилли Пётр Михайлович [также с подп.: П.М.Б.] (1879-1953), литературовед, лит. критик, филолог-славист, историк. Писал также на болг. и нем. яз. Уроженец Одессы. В 1905 оконч. ист.-филол. ф-т Новороссийского ун-та. С 1911 приват-доцент, с мая 1917 проф. кафедры всеобщей истории Новороссийского ун-та. В февр. 1920 из Крыма эм. через Константинополь в Сербию (Вране). В 1920-23 проф. всеобщей истории на отделении ист. ф-та Белградского ун-та в Скопле (Македония). Близок к евраз. движению. В 1924-48 проф. кафедры нов. и новейшей истории Зап. Европы в Софийском ун-те. Сост. «Хрестоматию по истории рус. лит-ры» (1931-32). Ум. в Софии.

Печ в альм/сб: Белгр пушк сб, Круг, На путях, О Дост, П.Н.Милюков. Сб мат-лов, Россия и латинство, Сб ст посв П.Н.Милюкову, Тр V съезда РАОЗ, *журн:* Встречи, Евраз хроника, Звено, Нов град, Новоселье, Путь, РЗ, РМ, Рус школа за рубежом, СЗ, Числа, *газ:* Голос, Нов время, ПН, РиС.

Блох Раиса Ноевна [псевд.: М.Леонидова, Р.Ноев; сестра издателя Я.Н.Блоха, жена *М.Г.Горлина* (с 1935)] (1899-1943?), поэт, переводчик. Уроженка Петербурга. В 1919-20 училась на ист. отделении ф-та обществ. наук Петроградского ун-та. Член Петроградского союза поэтов. Сотр. Ист. ин-та при Петроградском ун-те. Осенью 1922 командирована в Берлин. Участ. берлинского «Кружка поэтов» (1928-33). Оконч. Берлинский ун-т. В 1933 переехала в Париж. В нояб. 1943 арестована нацистами. Погибла в концлагере.

Печ в альм/сб: МДиа, На Зап, Невод, Новоселье, Роща, Якорь, *журн:* Встречи, Грани, Журн Содр, Звено, Мансарда, СЗ, Числа, *газ:* Руль.

Боборыкин Пётр Дмитриевич [муж писательницы С.А.Боборыкиной] (1836-1921), прозаик, драматург, публицист, лит. и театр. критик, литературовед, переводчик, театр. деятель, мемуарист. В 1914 уехал с женой за границу для лечения. Жил в Швейцарии. Ум. в Лугано.

Печ в альм/сб: Москва, На чуж стороне, *журн:* ГрР, *газ:* Евр трибуна, Луч, Общ дело, ПИ, ПН, Риж курьер.

Бобрищев-Пушкин Александр Владимирович [псевд.: Не-коммунист] (1875-1937), обществ.-полит. деятель, публицист, журналист, драматург, театр. деятель, юрист; член ЦК партии октябристов («Союза 17 октября»). Уроженец Петербурга. В 1896 оконч. Императорское училище правоведения. В 1902-17 присяжный поверенный округа Петербургской (Петроградской) судебной палаты. В 1915-17 уполномоченный дирекции петроградского Театра А.С.Суворина (Малого драм. театра), в 1918 актер театра «Фантазия». В янв. 1919 уехал из Петрограда в Новороссийск. Сотр. в газ.: «Черноморский маяк», «Черноморские ведомости». В 1919-20 возглав. Новороссийский театр. В марте 1920 эм. в Земун (Сербия), в дек. переехал в Монте-Карло (Монако). С февр. 1921 участ. парижской полит. группы «Смена вех». Совершал поездки в Берлин. В авг. 1923 верн. в Сов. Россию, поселился в Петрограде. В 1924-33 член ленинградской Коллегии адвокатов. Рук-ль ансамбля Малого драм. театра. В янв. 1935 арестован, находился в заключении (Соловки). Расстрелян в Ленинграде.

Печ в альм/сб: Рус жизнь, Смена вех, *журн:* Смена вех, *газ:* Накануне, Нов мир (Б), Рус газ (Бг).

Бобровский Пётр Семенович (? — конец 1940-х), обществ.-полит. деятель, философ, мемуарист; меньшевик. Член плехановской группы «Единство» (1914-18). В 1917 пом. комиссара Временного пр-ва. В 1918-19 член Симферопольской гор. управы, министр труда Крымского краевого пр-ва. В нояб. 1920 из Крыма эм. в Константинополь. Впоследствии переехал в Прагу. Один из рук-лей Рус. заграничного ист. архива. В мае 1945 после занятия сов. войсками Праги арестован, депортирован в СССР. Погиб в заключении.

Печ в альм/сб: На чуж стороне.

Божнев Борис [псевд. — наст. имя: Борис Борисович Гершун (ранее, до усыновления: Борис Васильевич Божнев)] (1898-1969), поэт, художник. Писал также на франц. яз. Уроженец Ревеля (Эстония). В 1919 из Петрограда эм. в Париж. Сост. совм. с К.К.Парчевским сб. «Рус. лирика» (1920). В 1921-22 участ. группы «Палата поэтов», лит.-худож. кружка «Гатарапак». Один из орг-ров лит.-худож. группы «Через» (1923-24). Ред. альм. «Стихотворение» (1928). С 1930 жил в Кламаре близ Парижа. В сент. 1939 переехал в Марсель. С конца 40-х от культурной жизни эм. отошел. Ум. в Марселе.

Печ в альм/сб: На Зап, Рус лирика (С), Стихотв, Якорь, *журн:* ВР, Новоселье, РМ, Числа, *газ:* Звено.

Бок (Бокк) Мария Петровна [урожд. Столыпина; дочь гос. и полит. деятеля П.А.Столыпина, сестра обществ.-полит. деятеля А.П.Столыпина] (1885-1985), мемуаристка. Уроженка Ковно (Литва). В годы 1-й мир. войны сестра милосердия. В конце 1917 из Петрограда эм. через Финляндию в Швецию. В 20-х — 30-х жила в Литве. После 1939 поселилась в Германии, затем переехала в Австрию. В 1948 обосновалась в США (Сан-Франциско). Ум. в Санта-Роза (Калифорния).

Болдырев Иван [псевд. — наст. имя: Иван Андреевич Шкотт] (1903-1933), прозаик. Уроженец Москвы. В 1920 оконч. средн. школу, в 1921 поступил на химич. отделение физико-математич. ф-та Моск. ун-та. Весной 1924 арестован, сослан в Нарымский край. Весной 1925 бежал из ссылки, в окт. нелегально перешел сов.-польск. границу. С янв. 1926 жил во Франции (Лотарингия). В 1927 поселился в Париже. С 1928 участ. лит. группы «Кочевье». С 1931 учился в Рус. технич. школе. Покончил с собой в Париже.

Печ в журн: ВР, *газ:* Дни, ПН.

Болесцис Николай [псевд. — наст. имя: Николай Вячеславович Дзевановский; сын ген. В.А.Дзевановского] (1897 — ?), поэт, прозаик. Уроженец Одессы. В 20-х жил в Праге. С 1922 участ. об-ния «Скит поэтов». Член пражского Союза рус. писателей и журналистов.

Печ в журн: ВР, Годы, Перезв, Св путями, Сполохи, Студ годы, *газ:* За свободу.

Боранецкий Пётр Степанович (ок. 1900 — не ранее 1965), философ, публицист. В 1930 нелегально эм. из СССР. Жил в Париже. Близок к евраз. движению, идеолог течения «пореволюционный синтез». Ред. и изд. журн. «Третья Россия» (1932-39). Соред. газ. «Свершения» (1934). В конце 40-х — нач. 60-х автор книг философ. тематики.

Печ в журн: Третья Россия, Утверждения, *газ:* Свершения.

Борин Н. [псевд.]. Автор рассказа «Жизнь Китаева» («Воля России», 1929, № 5/6). В 20-х жил в Болгарии.

Браун Фёдор (Фридрих) Александрович (1862-1942), филолог-германист. Писал также на нем. яз. В 1905-20 декан и проф. ист.-филол. ф-та Петербургского ун-та. В 1920 командирован в Германию. Д-р философии (1921). В 1922-32 проф. Лейпцигского ун-та. Соред. берлинского журн. «Беседа» (1923-

19 994

25). С 1926 иностр. член Шведской АН, с 1927 член-корр. АН СССР. Ум. в Лейпциге.

Печ в журн: Беседа.

Брешко-Брешковский Николай Николаевич [псевд.: Л.Батуев, Ник.Белый, Р.Днепров, Мата д'Ор, Н.Николаев, Н.Суражский, Фраскуэлло и др.; сын деятельницы народнического движения Е.К.Брешко-Брешковской] (1874-1943), прозаик, журналист, лит. и худож. критик, киносценарист, мемуарист. После революции уехал на юг России. С 1919 жил в Одессе. В 1920 эм. в Сербию. Затем проживал в Варшаве. В 1921 переехал в Париж. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. В 30-х поселился в Берлине. В годы 2-й мир. войны сотр. с нацистами. Погиб при бомбежке Берлина.

Печ в альм/сб: Живым и гордым, *журн:* Воскрес чтение, Для вас, ИР, *газ:* Возр, Галлиполи, За родину, Наше слово, Нов слово (Б), ПИ, Русь, Слово, Шанх заря.

Британ Илья Александрович [псевд.: Ильяс, Кай, Глеб Сорин] (1885-1941), поэт, прозаик, драматург, публицист, юрист. Уроженец Кишинева. В 1923 выслан из Сов. России. Жил в Берлине, затем поселился в Париже. В годы 2-й мир. войны арестован нацистами. Расстрелян в Париже как заложник.

Печ в журн: НЖ, Рубеж, *газ:* Возр, Руль, Шанх заря.

Бромберг Яков Абрамович (1898-1948), историк, публицист. С 1921 жил в Праге. Оконч. Политехнич. ин-т. Сотр. Кондаковского ин-та (Прага). Участ. евраз. движения. С 1929 проживал в США. Ум. в США.

Печ в альм/сб: Евраз сб, Тридцатые годы, *журн:* Евраз тетради, Евраз хроника, НЖ, Новоселье.

Булгаков Сергей Николаевич, протоиерей о. Сергий [также с подп.: От.С.] (1871-1944), философ, богослов, экономист, публицист, обществ. деятель, мемуарист. Депутат 2-й Гос. думы. В 1906-11 приват-доцент, в 1917-18 проф. Моск. ун-та. Член Всерос. Поместного Собора православной церкви (1917-18). В июне 1918 принял священство. В 1919 с семьей уехал в Крым. В 1919-20 проф. богословия и полит. экономии Таврического ун-та, член Временного высш. церковного управления (ВВЦУ) на юге России. С конца 1920 протоиерей в Ялте. В нач. янв. 1923 выслан из Сов. России в Константинополь. В 1923-25 проф. церковного права и богословия Рус. юрид. ф-та (Прага). Осенью 1924 один из учредителей «Братства Св. Софии». Один из орг-ров и рук-лей РСХД. В июле 1925 переехал в Париж. В 1925-44 декан и проф. догматики Богословского ин-та (Париж). С 1928 вице-предс. «Содружества Св. Албания и преп. Сергия Радонежского». В 1934 и 1936 посетил США с циклом лекций и проповедей. Деятель экуменич. движения. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Библиогр: Сергей Булгаков: Библиография / Сост. К.Наумов. Париж, 1984. 160 с.

Булич Вера Сергеевна [также с подп.: В.Б.; дочь языковеда и музыковеда С.К.Булича, сестра певицы С.С.Булич-Старк] (1898-1954), поэт, лит. критик, драматург, прозаик, переводчик, мемуаристка. Писала также на фин. и швед. яз. Уроженка Петербурга. В сент. 1918 из Петрограда эм. в Финляндию (Куолемаярви). В 1924 переехала в Хельсинки. С 1932 сотр. слав. отдела б-ки Хельсинкского ун-та. Участ. лит. кружка «Светлица» (1932-52). Приняла фин. гражд-во. С 1947 глав. библиотекарь Ин-та сов. исследований (Хельсинки). Член об-ва «СССР — Финляндия». Ум. в Хельсинки.

Печ в альм/сб: МДиа, На Зап, Новь, Якорь, *журн:* Грани, Журн Содр, Наш огонек, НЖ, Нов жизнь, Новоселье, СЗ, Числа, *газ:* Нов рус жизнь, РМ, Руль.

Бунаков И. — см. **Фондаминский И.И.**

Бунин Иван Алексеевич [брат лит.-обществ. деятеля Ю.А.Бунина] (1870-1953), прозаик, поэт, публицист, переводчик, мемуарист. В конце мая 1918 уехал из Москвы в Одессу. Соред. одесской газ. «Южное слово». В нач. февр. 1920 эм. через Константинополь в Белград. С марта 1920 жил во Франции (Париж, Грасс). Один из орг-ров изд-ва «Рус. земля» (1920). Член Комитета помощи рус. писателям и ученым во Франции. В 1921-22 предс. парижского Союза рус. писателей и журналистов. Совершал поездки в Англию, Италию, Чехословакию, Германию, Бельгию, Швецию, Прибалтику, Сербию. Лауреат Нобелевской премии в обл. лит-ры (1933). Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Ант СиЮ, Веретено, Вечера пзл, Встреча, Жемчужины рпт, Живым и гордым, Ковчег (Н-Й), Колос, МДиа, Мед всадник, Мосты, На Зап, Наши совр-ки, Неопалимая купина, Новь, Орион, Пб в стих рп, Радуга, Родная земля, Рус деревня, Рус земля, Рус история в рус поэзии, Рус лирика (Н-Й), Рус Парнас, Рус сб (20), Рус сб (46), Сб стих инрп, Скорбь земли рус, Чт-декл, Якорь, *журн:* Благон, Вест РСХД, Возр, Грани, Для вас, Ж-пт, Звено, Златоцвет, ЗП, ИР, Наш мир, НЖ, Новоселье, Окно, Опыты, Отечество, Перезв, РЗ, РМ, Рус обозрение, Сатирикон, СЗ, Сполохи, Числа, Эмигрант, *газ:* Возр, Галлиполи, Дни, Заря, Звено, Либ рус слово, Нов газ, Нов рус жизнь, НРС, Общ дело, Огни, ПИ, ПН, Р (П), РиС, РМ, Руль, Рус газ (Р), Рус новости (П), С, Слово.

Бурлюк Давид Давидович [отец художника Н.Д.Бурлюка] (1882-1967), поэт, живописец, график, театр. художник, лит. и худож. критик, публицист, издатель, мемуарист. В апр. 1918 уехал из Москвы в Башкирию, затем жил на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. В авг. 1920 из Владивостока эм. в Японию (Иокогама). В сент. 1922 переехал в США (Нью-Йорк). Ред. журн. «Китоврас» (1924). В окт. 1930 принял амер. гражд-во. В 1930-67 с перерывами ред. журн. «Color and Rhyme» (частью на англ., частью на рус. яз.). Участ. группы пролетарских писателей «Серп и молот» и худож. об-ния «John Reed Club». В 30-х — 60-х выступал в основном как художник, участ. выставок совр. ис-ва (Нью-Йорк, Париж, Мюнхен, Лондон, Прага и пр.). Совершал поездки в страны Зап. Европы. Весной 1956 и летом 1965 посетил СССР. Ум. в Саутхэмптон на Лонг-Айленде близ Нью-Йорка.

Печ в альм/сб: В плену небоскребов, В тени небоскребов, Красная стрела, Свирель собвея, Сегодня рус поэзии, *журн:* Заатлантический кумач, Китоврас, НРК, Color and Rhyme, *газ:* Нов мир (Н-Й), НРС, Рус голос (Н-Й), Слово.

Буров Александр [псевд. — наст. имя: Александр Павлович Бурд; др. псевд.: А.Бурд-Восходов, А.Восходов и пр.] (1871-1967), прозаик, драматург, поэт, журналист, театр. критик, публицист, актер. Писал также на франц. яз. В 1919 эм. в Германию. Впоследствии переехал в Париж. Один из инвесторов журн. «Числа» (1930-34). С конца 30-х жил в Амстердаме (Нидерланды). Ум. в Нидерландах.

Печ в журн: Для вас, ИР, Прожектор, Числа, *газ:* Руль.

Бурцев Владимир Львович (1862-1942), историк, публицист, издатель, журналист, мемуарист. Писал также на франц. яз. С 1907 находился в эм. (Париж). В 1909-10 изд. газ. «Общее дело», затем газ. «Будущее» (1911-14). В авг. 1914 верн. в Россию, с конца 1915 жил в Петрограде. В 1917 изд. и ред. газ.: «Общее дело», «Наше общее дело», в конце окт. арестован. В февр. 1918 освобожден из заключения, вскоре нелегально эм. в Финляндию (Гельсингфорс), в апр. переехал в Швецию (Стокгольм), летом поселился в Париже. Возобновил изд. газ. «Общее дело» (1918-22, 1928-33). В конце 1919 и в 1920 приезжал в Россию, находился в расположении Добр. армии. Член Комитета помощи рус. писателям и ученым во Франции. В 1921 один из орг-ров, затем член президиума Рус. нац. комитета (РНК) в Париже. Ред.-изд. сб. «Будущее» (1922), соред. журн. «Борьба за Россию» (1926-31), ред. сб. «Былое» (1933).

Сотр. во франц. периодике. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Будущее, Былое, Живым и гордым, На чуж стороне, *журн:* Борьба за Россию (26), Для вас, ИР, НЖ, *газ:* Веч время (П), Возр, Галлиполи, За свободу, Нар мысль, Нов рус вести, НРС, Общ дело, ПИ, ПН, С, Слово.

Бурышкин Павел Афанасьевич (1887-1953), обществ.-полит. деятель, промышленник, экономист, публицист, историк рус. масонства, мемуарист. В 1915-17 член Центр. и Моск. воен.-промышленного комитета. В марте 1917 один из орг-ров Всерос. торгово-промышленного союза, член Моск. гор. думы. С весны 1918 член моск. «Правого центра», затем «Нац. центра», летом уехал в Харьков. В нояб. 1919 — янв. 1920 министр финансов в пр-ве Колчака. В янв. 1920 из Владивостока эм. в США, осенью переехал в Париж. Преп. в Рус. коммерческом ин-те. С конца 1922 предс. Финансового комитета Рус. науч. ин-та в Берлине. С 1924 жил в Праге. Перед 2-й мир. войной возвр. в Париж. Состоял в рус. масонских ложах «Юпитер», «Лотос» (Париж). Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Эконом вест, *журн:* НЖ.

Буткевич Борис Васильевич [псевд.: Борис Бета] (1895-1931), прозаик, поэт. Уроженец Уфимской губ. Оконч. Николаевское кавалерийское училище (Петербург). Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. В 1921 из Владивостока эм. в Шанхай. Затем жил в Японии, вскоре верн. в Китай (Пекин, Циндао, Харбин). В дек. 1924 переехал во Францию (Марсель). В сер. 20-х участ. рус.-серб. лит. группы «Ступени» (Белград). Ум. в Марселе.

Печ в альм/сб: Врата, *журн:* Нов дом, Нов корабль, Рубеж, Числа, *газ:* Возр, За свободу.

Валентинов Н. [псевд. — наст. имя: Николай Владиславович Вольский; др. псевд.: Е.Юрьевский и пр.] (1879-1964), журналист, историк, экономист, социолог, публицист, мемуарист; меньшевик (до лета 1917). Писал также на франц. яз. В 1922-28 зам. ред. моск. «Торгово-промышленной газеты» (орган ВСНХ). В нач. 1928 выехал на лечение в Германию, в марте через Париж верн. в Москву. С конца 1928 жил в Париже, ред. газ. сов. торгпредства «La vie économique des Soviets». В 1930 перешел на положение эмигранта. Сотр. также во франц. периодике. Ум. в Плесси-Робенсон близ Парижа.

Печ в альм/сб: Мосты, *журн:* Вест ИИИК, Возр, На рубеже, Нар правда, НЖ, Нов Россия, РЗ, СЗ, Соц вест, *газ:* Возр, НРС, ПН, РМ.

Варшавский Владимир Сергеевич [также с подп.: В.В-ий; сын *С.И.Варшавского*] (1906-1978), прозаик, лит. критик, публицист, мемуарист. Уроженец Москвы. В 1918 с родителями уехал из Москвы в Крым. В 1920 с семьей эм. через Константинополь в Прагу. Оконч. рус. гимназию (Моравска-Тшебова). Учился на Рус. юрид. ф-те (Прага). В 1926 переехал в Париж. Оконч. философ. ф-т Сорбонны. Участ. лит. собраний «Зеленая лампа» (1927-39), лит. об-ния «Круг» (1935-39). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. С 1939 служил во франц. армии. В годы 2-й мир. войны попал в нем. плен, в 1945 освобожден из плена (Померания). С 1950 жил в США. Принял амер. гражд-во. В 1968 верн. во Францию (Ферне). Ум. в Женеве, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Круг, Мосты, Пестрые рассказы, *журн:* ВР, Встречи, НЖ, Нов град, Новоселье, Опыты, СЗ, Слав кн, Студ годы, Числа, *газ:* Нов газ, НРС, РМ.

Варшавский Сергей Иванович [псевд.: С.Полтавский, также с подп.: С.В.; отец *В.С.Варшавского*] (1879-1945), журналист, публицист, юрист. В 1918 с семьей уехал из Москвы в Севастополь. С 1919 сотр. в газ. «Юг» («Юг России»). В 1920 эм. через Константинополь в Прагу. Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. В сент. 1928 участ. 1-го съезда рус. писателей

и журналистов за рубежом (Белград). В 1945 после занятия сов. войсками Праги арестован, погиб в заключении.

Печ в журн: Годы, Для вас, Слав кн, *газ:* Возр, РиС, С, Слово.

Вебстер Инна Н., мемуаристка. В годы 2-й мир. войны арестована нацистами, содержалась в нем. концлагерях (Равенсбрюк и др.). После войны жила в Париже. Автор восп. о *Е.Ю.Кузьминой-Караваевой.*

Вейдле Владимир Васильевич [псевд.: Н.Дашков, Д.Лейс, также с подп.: В.В., Д.Л.; отец журналиста Д.В.Вейдле] (1895-1979), лит. и худож. критик, литературовед, искусствовед, поэт, публицист, мемуарист. Писал также на англ. и франц. яз. Уроженец Петербурга. В 1916 оконч. ист.-филол. ф-т Петроградского ун-та. В 1918-20 преп. в Пермском ун-те. В 1921-24 доцент кафедры истории зап. ис-ва в Петроградском ун-те. Осенью 1922 совершил поездку в Берлин. В авг. 1924 из Ленинграда выехал в Финляндию, с окт. жил в Париже. С 1925 преп-ль, в 1932-52 проф. кафедры истории христианского ис-ва и зап. церкви в Богословском ин-те (Париж). Участ. лит. собраний «Зеленая лампа» (1927-39), лит. об-ния «Круг» (1935-39). В 50-х — 70-х преп. в ун-тах Мюнхена, Нью-Йорка, Принстона и др. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: ВП, Круг, Мосты, Правосл мысль, Рус альм (81), Рус лит-ра в эм, Содр, *журн:* Вест РСХД, Возр, ВР, Встречи, Грани, Звено, Континент, НЖ, Нов град, Нов корабль, Опыты, Путь, РЗ, СЗ, Числа, *газ:* Возр, Дни, Звено, НРС, ПН, РиС, РМ.

Вейнбаум Марк Ефимович (1890-1973), журналист, публицист, мемуарист. Писал также на англ. яз. Уроженец Проскурова (Украина). В 1913 эм. в США, жил в Нью-Йорке. В 1914-17 сотр. редакции газ. «Рус. слово». В 1922-73 глав. ред. газ. «Новое рус. слово». Принял амер. гражд-во. Совершал поездки в Италию, Англию, Францию, Швейцарию, Нидерланды. Соред. сб. «Памяти В.И.Лебедева» (1958). Ум. в Нью-Йорке.

Печ в альм/сб: Пам В.И.Лебедева, *журн:* НЖ, Новоселье, *газ:* НРС, Рус голос (Н-Й), Рус слово.

Величковская (Жаба́) Тамара Антоновна [жена журналиста С.П.Жаба] (1908-1990), поэт, прозаик, лит. критик, журналист, переводчик. Уроженка Киева. В 1920 с родителями эм. через Константинополь в Сербию. Затем жила во Франции (Лион). После войны поселилась в Париже. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Шелль близ Парижа, похоронена в Сен-Женевьев де Буа.

Печ в альм/сб: Лит совр-к, МДиа, На Зап, Рус альм (81), Рус женщина в эм, Сб стихов (47), Содр, Эстафета, *журн:* Возр, Грани, НЖ, Новоселье, Совр-к, *газ:* НРС, РМ.

Величковский Анатолий Евгеньевич [муж писательницы Н.Ровской (А.В.Величковской)] (1901-1981), поэт, прозаик. Уроженец Варшавы. Жил на юге России (Елизаветград). Участ. Белого движения. Весной 1919 эм. в Польшу (Варшава). В 1926 переехал во Францию (Канн, Лион). Во время 2-й мир. войны поселился в Париже. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Лит совр-к, МДиа, Мосты, На Зап, Перекрестки, Рус альм (81), Содр, Эстафета, *журн:* Возр, Грани, НЖ, Новоселье, Совр-к, *газ:* НРС, РМ.

Вергун Дмитрий Николаевич [также с подп.: Д.В., Д.В-н] (1871-1951), историк, публицист, поэт, прозаик, переводчик, обществ. деятель. Писал также на нем. яз. Уроженец Волынской губ. Оконч. Львовский и Венский ун-ты. В 1907 переселился в Россию. С 1918 приват-доцент Моск. ун-та, затем проф. Иркутского ун-та. В 1919 эм. в США. В нач. 1921 переехал в Ригу. С 1922 жил в Праге, проф. истории рус. культуры в Высш. коммерческом училище, преп.

также на Рус. юрид. ф-те. Предс. Карпато-рус. нац. комитета. С 1925 член Рус. ист. об-ва. Возглав. Союз рус. сокольства за границей (Прага), ред. журн. «Рус. сокольский вестник» (1927-41). С 1940 проживал в Белграде. С 1945 проф. ун-та в Хьюстоне (США). Ум. в Хьюстоне.

Печ в альм/сб: Альм возрожденцев, Зап РИО, Зап РНИО, Младорусь, Тр IV съезда РАОЗ, *журн:* Рус сокольский вест, *газ:* НРС, Риж курьер, С.

Вернадский Георгий Владимирович [также с подп.: Г.В.; сын акад. В.И.Вернадского] (1887-1973), историк, публицист, мемуарист. Писал также на англ. яз. Уроженец Петербурга. В 1910 оконч. ист.-филол. ф-т Моск. ун-та. В 1914-17 приват-доцент Петроградского ун-та. В 1917-18 проф. Пермского ун-та. С осени 1918 проживал в Крыму (Симферополь). В 1919-20 проф. рус. истории Таврического ун-та. С сент. 1920 начальник Глав. управления по делам печати при пр-ве Врангеля, в нояб. из Крыма эм. в Константинополь. С февр. 1921 жил в Греции, один из рук-лей Рус. студ. союза в Афинах. В марте 1922 поселился в Праге. Участ. евраз. движения. В 1922-27 проф. Рус. юрид. ф-та. Участ. лит.-муз. об-ния «Збраславские пятницы» (1923-25). С 1925 член Рус. ист. об-ва. Летом 1927 переехал в США. В 1927-46 занимался науч.-исслед. работой в Йельском ун-те. Принял амер. гражд-во. В 1946-56 проф. рус. истории Йельского и др. амер. ун-тов. Ум. в Нью-Хэвене (США).

Библиогр: Андреев Н.Е. Список трудов Г.В.Вернадского // Записки Русской академической группы в США. 1975. Т. IX. С. 168-181.

Ветлугин А. [псевд. — наст. имя: Владимир Ильич Рындзюн; также с подп.: А.В.] (1897 — 1950-е), прозаик, журналист, лит. критик, киносценарист, переводчик, мемуарист. Учился на юрид. ф-те Моск. ун-та. В июне 1917 уехал в Сочи, осенью возвр. в Москву, с нояб. находился в Финляндии (Гельсингфорс, Выборг). В апр.-июне 1918 сотр. редакции моск. газ. «Жизнь», затем проживал на Украине и в Крыму, осенью совершил поездку в Германию (Берлин, Мюнхен) и Австрию (Вена), в нояб. верн. в Киев. Впоследствии жил в Крыму, Грузии, Азербайджане. В июне 1920 из Крыма эм. в Константинополь, в окт. поселился в Париже. В марте 1922 переехал в Берлин. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Близок к сменовех. движению. В окт. 1922 уехал в США. Проживал в Калифорнии. Ум. в Нидерландах.

Печ в альм/сб: Свирель собвея, *журн:* НРК, Отечество, Сполохи, *газ:* Возр, ГР, Накануне, Общ дело, Руль, Рус голос (Н-Й).

Вильде Борис Владимирович [псевд.: Борис Дикой; муж И.Лот (дочери франц. историка Ф.Лота и *М.И.Лот-Бородиной*)] (1908-1942), поэт, прозаик, журналист, этнолог. Писал также на франц. яз. Уроженец Петербургской губ. В нач. 1919 из Ямбургского уезда уехал с матерью в Эстонию. В 1926 оконч. рус. гимназию (Тарту). В 1926-27 учился на химич. отделении физико-математич. ф-та Тартуского ун-та. В конце лета 1930 переехал в Берлин. С сент. 1932 жил в Париже. Участ. лит. собраний «Зеленая лампа». В 1934-37 учился на филол. ф-те Сорбонны и в Этнографич. ин-те. Участ. лит. об-ния «Круг» (1935-39). В 1936 принял франц. гражд-во. С 1937 сотр. парижского Музея Человека. В 1939 мобилизован во франц. армию. Попал в нем. плен, бежал. В июле 1940 верн. в Париж. Орг-р одной из 1-х групп франц. Сопротивления. С дек. 1940 нелегально изд. газ. «La Résistance», давшую название движению Сопротивления. В сер. марта 1941 арестован нацистами. Расстрелян в форте Мон-Валерьен близ Парижа.

Печ в альм/сб: Новь, *журн:* Брюссель вест, Встречи, Рус магазин, *газ:* Руль.

Вилькина Людмила Николаевна [псевд.— наст. имя: Изабелла Николаевна Вилькен, в браке Виленкина; племянница литературоведов З.А.Венге-

ровой и С.А.Венгерова, жена *Н.Минского* (с 1905)] (1873-1920), поэт, прозаик, лит. критик, переводчик. Осенью 1914 с мужем уехала из Петрограда в Париж. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Рус сб (20), *журн:* ГрР.

Винавер Максим Моисеевич [отец медиевиста Е.М.Винавера] (1862-1926), обществ.-полит. деятель, публицист, юрист, мемуарист; член ЦК партии кадетов. Писал также на идиш и франц. яз. Депутат 1-й Гос. думы. В 1907-18 один из лидеров Евр. народной группы (Петроград). В 1909-18 предс. Евр. ист.-этнографич. об-ва. В мае 1918 уехал на юг России, с нояб. министр внешних сношений Крымского краевого пр-ва. В апр. 1919 из Крыма эм. через Константинополь в Париж. В 1920 сопредс. Российского об-ва (Париж). Ред. еженедельника «Еврейская трибуна» (1920-24). В 1921 входил в исполнительный комитет частного Совещания членов Учредительного собрания. Соред. газ. «Звено» (1923-26). Ум. в Ментон-Сен-Бернар близ Парижа.

Печ в газ: ГР, Евр трибуна, Звено, ПН.

Виноградов Павел Гаврилович [сын педагога Г.К.Виноградова] (1854-1925), историк-медиевист, правовед. Писал также на англ., нем. и франц. яз. С 1884 проф. Моск. ун-та. С 1902 жил в Англии, с 1903 проф. Оксфордского ун-та. Осенью 1908, весной 1910 и в 1911 преп. в Моск. ун-те как почетный гость. Акад. Российской АН (1914). Принял англ. гражд-во, в февр. 1917 жалован титулом лорда. В 1923-24 преп. в амер. ун-тах. Ум. в Париже, похоронен в Оксфорде.

Библиогр. в кн.: Vinogradoff P. Collected Papers. Vol. II. London, 1927. P. 479-500.

Вишняк Марк Вениаминович [псевд.: Венедикт Марков, также с подп.: М.В.] (1883-1975), обществ.-полит. деятель, публицист, журналист, юрист, мемуарист; эсер. Писал также на англ., идиш и франц. яз. Уроженец Москвы. Оконч. юрид. ф-т Моск. ун-та. В 1917 член исполкома Всерос. совета крестьянских депутатов, член Моск. гор. думы, секр. Временного совета Российской республики (Предпарламента). С марта 1918 участ. моск. «Союза возрождения России», летом уехал в Киев, в дек. переехал в Одессу. В сер. апр. 1919 из Одессы эм. в Афины, в мае поселился в Париже. Соред. и секр. редакции (1920-36) журн. «Современные записки». Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. В сент. 1928 участ. 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград). В 1937-39 секр. редакции журн. «Рус. записки». С окт. 1940 жил в США (Нью-Йорк, Корнелл, Боулдер), преп. рус. яз. в амер. ун-тах. В 1949 один из орг-ров «Лиги борьбы за народную свободу». Принял амер. гражд-во. Ум. в Нью-Йорке.

Печ в альм/сб: ВП, П.Н.Милюков. Сб мат-лов, Рус лит-ра в эм, Совр проблемы, *журн:* ГрР, За свободу, Нар правда, НЖ, Нов град, РЗ, Рус школа за рубежом, СЗ, Соц вест, *газ:* Дни, Евр трибуна, НРС, ПН, РМ, С.

Водов Сергей Акимович (1898-1968), журналист. С 1919 участ. Белого движения. В 1920 из Крыма эм. в Константинополь, вскоре поселился в Праге. Активист Союза рус. студентов в Чехословакии. Член ред. колл. журн. «Студенческие годы» (1922-25). В 1925 переехал в Париж. В 30-х секр. Нац. союза рус. молодежи (с 1932 Нац.-трудового союза нового поколения). С 1947 член редколл., с 1954 глав. ред. газ. «Рус. мысль». Ум. в Мюнхене, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Младорусь, *журн:* Независимая мысль, Студ годы, *газ:* РМ.

Волков Борис Николаевич (1894-1954), прозаик, поэт. Уроженец Екатеринослава. Учился в Моск. ун-те. Участ. 1-й мир. войны и Белого движения.

В 1919 эм. в Монголию, затем жил в Японии, Китае. В нач. 20-х поселился в США (Сан-Франциско). Принял амер. гражд-во. Совершал поездки в страны Зап. Европы, Азии, Америки, Африки. Погиб в Сан-Франциско в результате несчастного случая.

Печ в альм/сб: Вольная Сибирь, Врата, Дымный след, Земля Колумба, Калифорнийский альм, У золотых ворот, *журн:* Возр, Москва, РЗ, Рубеж, *газ:* Возр, НРС.

Волковыский Николай Моисеевич [также с подп.: Н.В-ский] (1880 — не ранее 1940), журналист. Один из орг-ров петроградского Дома литераторов (1918-22). В нояб. 1922 выслан из Сов. России, поселился в Берлине. С марта 1923 берлинский корр. рижской газ. «Сегодня». Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. В сент. 1928 участ. 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград). В 1933 поселился в Польше (Варшава). В окт. 1939 переехал в Кременец близ Тернополя, с нояб. после присоединения Зап. Украины к СССР оказался на сов. терр. (Последние сведения о нем датируются авг. 1940.)

Печ в журн: Меч, *газ:* Время (Б), Дни, Либ рус слово, Молва, Нар мысль, Пон-к, Руль, С, Шанх заря.

Волконский Сергей Михайлович, кн. [внук декабриста С.Г.Волконского, сын гос. деятеля М.С.Волконского] (1860-1937), театр. деятель, театр. и худож. критик, прозаик, литературовед, мемуарист. В 1918-20 преп. в моск. Ин-те слова, Ритмическом ин-те, Моск. Пролеткульте и пр. Член Моск. (затем Всерос.) союза писателей. В конце лета 1921 уехал в Петроград, в дек. покинул Россию. В 1922-25 жил в Германии, Италии. Затем поселился в Париже. Возглав. театр. отдел газ. «Последние новости». Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Театр. педагог ряда эм. и франц. учебных заведений. В 1936-37 директор Рус. консерватории (Париж). В 1937 переехал в США. Ум. в Ричмонде (шт. Виргиния).

Печ в альм/сб: Мед всадник, Рус альм (30), *журн:* Встречи, Звено, Перезв, РМ, СЗ, Числа, *газ:* Дни, Звено, Либ рус слово, НРС, ПН, Руль, С.

Врангель Пётр Николаевич, барон [брат искусствоведа Н.Н.Врангеля] (1878-1928), ген.-лейтенант (1917), мемуарист. Участ. 1-й мир. войны. В конце 1917 уехал в Крым. В авг. 1918 вступил в Добр. армию. С янв. 1919 командующий Кавказской армией. В дек. 1919 — янв. 1920 командующий Добр. армией. С апр. 1920 преемник *А.И.Деникина* на посту главкома Вооруж. силами юга России (ВСЮР), с мая главком Рус. армией, в сер. нояб. из Крыма эвакуир. в Константинополь. С апр. 1921 возглав. Рус. совет, с лета жил в Сербии (Сремские Карловцы). В 1924-28 орг-р и 1-й предс. парижского Рус. общевоинского союза (РОВС). Осенью 1926 переехал в Брюссель. Ум. в Брюсселе. В окт. 1929 его прах перезахоронен в Белграде.

Печ в альм/сб: Белое дело, Живым и гордым, *журн:* ИР, *газ:* Возр, ПН.

Вышеславцев Борис Петрович [псевд.: Б.Петров] (1877-1954), философ, социолог, лит. критик, публицист, мемуарист. Писал также на нем. яз. Уроженец Москвы. В 1899 оконч. юрид. ф-т Моск. ун-та. В 1917-21 проф. философии Моск. ун-та. Участ. моск. Вольной академии духовной культуры (ВАДК; 1918-22). Член Моск. (затем Всерос.) союза писателей. В сент. 1922 выслан из Сов. России, поселился в Берлине. Соучредитель Религиозно-философ. академии (1922-40), сотр. Рус. науч. ин-та. В 1923 переехал в Париж. В 1925-40 проф. этики Богословского ин-та. Деятель РСХД, ред. изд-ва «YMCA-Press». Совершал поездки в Италию, Грецию, Сербию, Болгарию, Швейцарию, Германию, Англию, Бельгию, Нидерланды, Данию, Прибалтику. Деятель экуменич. движения. В годы 2-й мир. войны проживал в Герма-

нии. С 1946 жил в Швейцарии. Близок к Народно-трудовому союзу (НТС). Ум. в Женеве.

Печ в альм/сб: Рус земля, *журн:* Вест РСХД, Вест самообразования, Возр, Грани, Мысль, НЖ, Нов град, НРК, Посев, Путь, СЗ, *газ:* Нов слово (Б), НРС, РМ.

Габрилович Л.Е. — см. **Галич Л.**

Гагарин Евгений Андреевич, кн. (1905-1948), прозаик, переводчик. Писал также на нем. яз. Уроженец Петербургской губ. В 1933 эм. в Германию (Кенигсберг, позднее Мюнхен). В годы 2-й мир. войны посещал Россию в качестве переводчика. Погиб в Мюнхене в результате несчастного случая.

Печ в журн: Возр, Грани, Лит совр-к, НЖ.

Газданов Гайто (Георгий) Иванович [также с подп.: Г.Г.] (1903-1971), прозаик, лит. критик. Уроженец Петербурга. В 1919 оставил гимназию (Харьков) и вступил в Добр. армию. В нояб. 1920 из Феодосии эм. в Константинополь, затем жил в Галлиполи. Осенью 1921 поступил в рус. гимназию (Константинополь), в марте 1922 в связи с переводом гимназии переехал в Шумен (Болгария). Зимой 1923 поселился в Париже. В конце 20-х сблизился с лит. группой «Кочевье». Учился на филол. ф-те Сорбонны. Участ. лит. об-ния «Круг» (1935-39). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. С 1942 участ. франц. Сопротивления. В 1953-71 сотр. радиостанции «Свобода», в 1959-67 ее парижский корр. Совершал поездки в страны Зап. Европы. Ум. в Мюнхене, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Библиогр: Гайто Газданов: Библиография / Сост. Л.Динеш. Париж, 1982. 64 с.

Галич Леонид [псевд. — наст. имя: Леонид Евгеньевич Габрилович] (1878-1953), публицист, лит. и театр. критик, поэт, мемуарист. Писал также на нем. яз. Уроженец Петербурга. В 1899 оконч. физико-математич. ф-т Петербурского ун-та. С 1909 приват-доцент кафедры философии Петербургского ун-та. Эм. не ранее 1918, жил в Берлине. В 1921 поселился в Париже. Член Рус. философ. об-ва. В 30-х переехал в США. Ум. в Нью-Йорке.

Печ в журн: НЖ, Перезв, *газ:* НРС, Общ дело, ПН, Руль.

Ганский Леонид Иосифович [наст. фам.: Гатинский (по данным Э.Штейна)] (1905 — 1970-е), поэт, прозаик. Уроженец Лодзи (Польша). В нач. 20-х переехал из Киева в Петроград. В 1926 из Ленинграда эм. в Париж. Участ. «Союза молодых поэтов и писателей». Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. во Франции.

Печ в альм/сб: Сб стихов (29), Содр, Якорь, *журн:* Встречи, Журн Содр, СЗ, Числа, *газ:* Возр.

Ганфман Максим Ипполитович [псевд.: Дигамма, Ксенос, также с подп.: М.Г., МИГ] (1872-1934), журналист, публицист, лит. критик, издатель, юрист. В 1918 из Петрограда уехал в Киев, с 1919 жил в Одессе. В дек. 1921 эм. в Ригу. Соред. газ. «Сегодня» (1922-34). В сент. 1928 участ. 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград). Ум. в Риге.

Печ в альм/сб: П.Н.Милюков. Сб мат-лов, *газ:* Пон-к, Рус день, С, С веч, Слово.

Гершельман Карл Карлович [также с подп.: К.Г.] (1899-1951), поэт, прозаик, лит. критик, художник-график. Уроженец Севастополя. В 1916 оконч. Кадетский корпус, поступил в Михайловское артиллерийское училище (Петроград). Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. В 1920 из Крыма эм. в Турцию (Галлиполи). В 1922 поселился в Эстонии (Нэмэ). Участ. таллиннского «Цеха поэтов» (1933-35). В 1940 переехал в Германию (Ребрюк). Ум. в Эйхштетте (Бавария).

Печ в альм/сб: Мосты, На Зап, Новь, Якорь, *журн:* Вест РСХД, Грани, Журн Содр, Меч, НЖ, Опыты, Прожектор, Рус магазин, СЗ, Числа.

Гессен Алексей Владимирович [сын правоведа В.М.Гессена] (1900-1925), поэт. Уроженец Петербурга. Участ. Белого движения. В 1919 эм. в Финляндию. Вскоре переехал в Берлин. Ум. в Париже.

Печ в журн: РМ, *газ:* Возр.

Гессен Владимир Иосифович (Осипович) [псевд.: В.Осипов; сын *И.В.Гессена*, сводный брат *С.И.Гессена*] (1901-1982), прозаик, мемуарист. Уроженец Царского Села. В янв. 1919 из Петрограда эм. с отцом в Финляндию. В 1920 поселился в Берлине. С мая 1933 жил в Париже. В годы 2-й мир. войны участ. Сопротивления на юге Франции. В авг. 1946 переехал в США (Нью-Йорк). Ум. в Локарно (Швейцария).

Печ в альм/сб: Мосты, *журн:* Возр, Журн Содр, *газ:* НРС.

Гессен Евгений Сергеевич [сын *С.И.Гессена*] (1910-1942), поэт. В дек. 1921 с отцом эм. в Берлин. С 1924 жил в Праге. С нач. 30-х участ. лит. об-ния «Скит». В 1937 соред. сб. «Скит» (№ 4). В годы 2-й мир. войны арестован нацистами. Погиб в концлагере.

Печ в альм/сб: Ковчег (Н-Й), На Зап, Новь, Скит, *журн:* Журн Содр, СЗ.

Гессен Иосиф (Осип) Владимирович [отчество до 1891: Савельевич (Саулович); также с подп.: И.Г.; отец *В.И.Гессена* и *С.И.Гессена*] (1865-1943), обществ.-полит. деятель, публицист, юрист, мемуарист; член ЦК партии кадетов. Депутат 2-й Гос. думы. В янв. 1919 из Петрограда эм. в Финляндию (Гельсингфорс). В 1920 переехал в Берлин, избран предс. берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Возглав. берлинское изд-во «Слово». Соред. газ. «Руль» (1920-31). В 1921-37 изд. «Архив рус. революции». Предс. Берлинского комитета помощи рус. литераторам и ученым. С 1935 жил в Париже. В 1941 поселился в США. Ум. в Нью-Йорке.

Печ в альм/сб: АРР, П.Н.Милюков. Сб мат-лов, *журн:* Закон и суд, НЖ, Нов град, *газ:* Накануне, Народ, НРС, Общ дело, Руль, Рус жизнь (Г), С.

Гессен Сергей Иосифович (Осипович) [псевд.: Sergius, также с подп.: С.Г.; внебрачный сын *И.В.Гессена*, сводный брат *В.И.Гессена*, отец *Е.С.Гессена*] (1887-1950), философ, публицист, литературовед, педагог. Писал также на нем. яз. Уроженец Усть-Сысольска (Вологодская губ.). Учился в Германии (Гейдельберг, Фрейбург, Марбург). Д-р философии (1910). В 1914-17 доцент Петроградского ун-та. В 1917-21 проф. философии Томского ун-та. В дек. 1921 эм. в Берлин. В 1923-24 проф. Рус. науч. ин-та (Берлин). С 1924 жил в Праге. Проф. Рус. юрид. ф-та, Рус. педагог. бюро (ин-та). Ред. журн. «Рус. школа за рубежом» (1923-29, 1937-39), соред. сб. «Логос» (1925-28). Член Рус. философ. об-ва в Праге. Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. В 1934 переехал в Варшаву. Преп. в Варшавском ун-те. Принял польск. гражд-во. С 1939 проживал в Лодзи. В 1945-50 проф. педагогики в ун-те Лодзи. Ум. в Лодзи.

Печ в альм/сб: Вольная Сибирь, Жизнь и смерть, Зап РНИО, Логос, Науч тр РНУП, Русские в Праге, Сб РИП, Сб ст посв П.Н.Милюкову, *журн:* ВР, Меч, Нов град, НРК, Путь, Рус школа за рубежом, Св путями, СЗ, *газ:* Дни, Молва, Руль, С, Слово.

Гефтер Александр Александрович (1885-1956), прозаик, художник. Оконч. юрид. ф-т Петербургского ун-та. Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. Эм. в Финляндию, затем жил в Дании (Копенгаген). В 20-х поселился в Париже. Участ. Воен.-морского ист. кружка им. адм. Колчака. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: АРР, Встреча, Флаг адмирала, *журн:* Возр, Для вас, Звено, ИР, СЗ, *газ:* Возр, Дни, Руль.

Гингер Александр Самсонович [псевд.: Агния Нагаго; муж *А.Присмановой* (с 1926)] (1897-1965), поэт, прозаик, лит. критик. Уроженец Петербурга. С 1921 жил в Париже. В 1921-22 участ. группы «Палата поэтов», лит.-худож. кружка «Гатарапак». Участ. лит.-худож. группы «Через» (1923-24). С 1925 участ. «Союза молодых поэтов и писателей». Близок к лит. группе «Кочевье». Участ. лит. об-ния «Круг» (1935-39). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. После 2-й мир. войны близок к движению сов. патриотов. В 1946 принял сов. гражд-во, но в СССР не верн. В нач. 60-х перешел в буддизм. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Круг, МДиа, На Зап, Орион, Сб стихов (29), Стихотв, Эстафета, Якорь, *журн:* Благон, ВР, Грани, Звено, НЖ, Новоселье, Опыты, РЗ, Св путями, СЗ, Сполохи, Числа, *газ:* Дни, РМ.

Гиппиус Зинаида Николаевна [в браке Мережковская; псевд.: Антон Кирша, Антон Крайний, Лев Пущин и др.; также с подп.: А.Кр., З., З.Г., З.Г-с, З.Н. и пр.; жена *Д.С.Мережковского* (с 1889)] (1869-1945), поэт, прозаик, драматург, лит. критик, публицист, мемуаристка. В 1918-19 член петроградского Союза деятелей худож. лит-ры (СДХЛ). В конце дек. 1919 через Минск и Гомель нелегально эм. с мужем в Варшаву. Ред. лит. отдела газ. «Свобода». В окт. 1920 переехала в Висбаден, в нояб. поселилась в Париже. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Соучредитель лит. собраний «Воскресения» (1925-40) и «Зеленая лампа» (1927-39). Инициатор журн. «Новый корабль» (1927-28). В сент. 1928 участ. 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград). В 30-х дважды посетила Италию. Соред. сб. «Лит. смотр» (1939). Ум. в Париже, похоронена в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Библиогр: Зинаида Гиппиус: Библиография / Сост. А.Барда. Париж, 1975. 127 с.

Глазенап Пётр Владимирович (1882-1951), ген.-лейтенант (1919). Уроженец Гжатска. Оконч. 1-й кадетский корпус (Москва) и Николаевское кавалерийское училище (Петербург). Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. С апр. 1918 командир 1-го Конного полка, с июня командир Кубанской отдельной бригады, с июля воен. губернатор Ставропольской губ. С лета 1919 ген.-губернатор Сев.-Зап. обл. В нояб. 1919 — янв. 1920 командующий Сев.-Зап. армией, отступившей на терр. Эстонии. Затем переехал в Польшу, командующий 3-й Рус. армией. В 1921 проживал в Будапеште. В 1922 поселился в Германии (Берлин, Кенигсберг). В 1925 обосновался в Данциге. В нач. 30-х один из лидеров «Российского антикоминтерна» (Данциг). После 2-й мир. войны жил в Мюнхене. В 1948 основал и возглав. «Союз Андреевского флага» (САФ). Ум. в Мюнхене.

Глинка Глеб Александрович [сын лит. критика А.С.Глинки-Волжского] (1903-1989), прозаик, поэт, лит. критик, литературовед, мемуарист. Уроженец Москвы. В 1925 оконч. моск. Высш. лит.-худож. ин-т (ВЛХИ). В 1927-32 участ. моск. лит. группы «Перевал». В 1941 добровольцем ушел на фронт, попал в плен. С 1944 жил в Германии, позднее — в Париже. В конце 40-х переехал в США. Ред. сб. мат-лов по истории сов. лит-ры «На перевале» (1954). Принял амер. гражд-во. Ум. в Монпелье (шт. Вермонт).

Печ в альм/сб: Содр, Третья волна, *журн:* Вест РСХД, Время и мы, Континент, НЖ, Соц вест, *газ:* НРС, РМ.

Голенищев-Кутузов Илья Николаевич [псевд.: Андрей Прокшин] (1904-1969), литературовед, лит. критик, поэт, переводчик. Писал также на франц. и сербохорват. яз. Уроженец Саратовской губ. В янв. 1920 с родителями эм. через Софию в Белград. В 1921 оконч. рус.-серб. гимназию. С 1923 участ. лит. кружка

«Гамаюн». В 1925 оконч. философ. ф-т Белградского ун-та. С 1927 участ. лит. об-ния «Книжный кружок». В 1927 и 1928 стажировался в Италии (Флоренция, Рим, Милан). С 1928 участ. белградского филиала поэтич. кружка «Перекресток» (Париж). Член белградского Союза рус. писателей и журналистов. В 1929 принял югослав. гражд-во. В 1929-32 учился в Ecole Pratigue des Hautes Etudes Philologiques et Historiques (Париж). С осени 1932 жил в Далмации (Югославия). Весной 1933 вновь уехал в Париж. Д-р филологии (1933, 1960). В 1934-51 (с перерывами) доцент, затем проф. франц. яз. и лит-ры Белградского ун-та. В окт. 1934 основал кружок «Лит. среда» (Белград). С окт. 1941 участ. антифашистского движения «Народный фронт», вскоре арестован. В 1941-44 содержался в концлагере (Баницы, Болгария). Летом 1945 возвр. в Белград. В авг. 1946 принял сов. гражд-во. В 1951 арестован югослав. властями, в 1953 освобожден из заключения. В 1954-55 проф. рус. яз. Ин-та им. Ленина при Будапештском ун-те (Венгрия). В июле 1955 верн. в СССР, поселился в Москве. С 1955 ст. науч. сотр. Ин-та мир. лит-ры (ИМЛИ). В 1956-58 проф. МГУ. С 1965 член Союза писателей СССР. Ум. в Москве.

Печ в альм/сб: Белгр пушк сб, Гамаюн — птица вещая, Лит среда, Перекресток, Сб стихов (29), Якорь, *журн:* ВР, Журн Содр, Прожектор, РЗ, СЗ, Числа, *газ:* Возр, ПН, РиС, Рус дело.

Головина Алла Сергеевна [урожд. баронесса Штейгер; сестра *А.С.Штейгера*, в 1-м браке жена скульптора А.С.Головина (с 1929), мать писателя С.А.Головина] (1909-1987), поэт, прозаик. Уроженка Киевской губ. В февр. 1920 из Одессы эм. с родителями в Константинополь. С 1921 жила в Чехословакии, училась в рус. гимназии (Моравска-Тшебова). В 1926 поселилась в Праге, участ. об-ния «Скит поэтов» (позднее «Скит»). Совершала частые поездки в Париж, участ. парижской лит. группы «Перекресток». В 1931 оконч. Карлов ун-т (Прага). В 1934 соред. сб. «Скит» (№ 2). Летом 1935 окончательно переехала в Париж. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. В 1939 переселилась в Швейцарию (Берн), как потомок выходцев из Швейцарии имела швейцарское гражд-во (с 1931). В 1955 обосновалась в Бельгии (Брюссель). Летом 1967 посетила СССР. Ум. в Брюсселе.

Печ в альм/сб: Балт альм, Встреча, Ковчег (Н-Й), Круг, МДиа, На Зап, Новь, Скит, Содр, Якорь, *журн:* ВР, Грани, Меч, НЖ, Опыты, РЗ, СЗ, *газ:* Возр, Молва, РиС, РМ, Руль.

Гольдштейн Моисей Леонтьевич (1868-1932), журналист, публицист, юрист, обществ. деятель, мемуарист. В конце 1918 из Киева эм. через Берлин в Париж. В апр. 1920 — февр. 1921 ред. газ. «Последние новости». С 1922 вице-предс. парижского Союза рус. писателей и журналистов. Покончил с собой в Париже.

Печ в журн: ИР, *газ:* Евр трибуна, ПН.

Гомолицкий Лев Николаевич [также с подп.: Л.Г.] (1903-1988), поэт, прозаик, лит. критик, литературовед, переводчик, художник-график. Уроженец Петербурга. До революции уехал с родителями на Волынь, отошедшую к Польше в 1921. Принял польск. гражд-во. В 1924 оконч. гимназию в Остроге. В 1931 поселился в Варшаве. Участ. об-ния «Лит. содружество» (1929-35), кружка «Домик в Коломне» (1934-36). Секр. варшавского Союза рус. писателей и журналистов. С 1945 проживал в Лодзи. Впоследствии писал только на польск. яз. Ум. в Варшаве.

Печ в альм/сб: Ант рус поэзии в Польше, Вертоград небесный, Новь, Сб рус поэтов в Польше, Якорь, *журн:* Журн Содр, Меч, Сполохи, Числа, *газ:* За свободу, Молва, Рус голос (Рв), С.

Гончарова Наталия Сергеевна [жена *М.Ф.Ларионова* (с 1901; брак оформлен в 1955)] (1881-1962), живописец, график, театр. художник. В июне 1915

уехала в Швейцарию, затем жила в Италии, Испании. В 1918 поселилась в Париже. Как сценограф проявила себя в антрепризах С.П.Дягилева. Участ. худож. выставок в Париже, Лондоне, Риме, Дрездене, Брюсселе и пр. В 1939 приняла франц. гражд-во. Ум. в Париже, похоронена в Иври-сюр-Сен близ Парижа.

Горлин Михаил Генрихович [псевд.: А.Мираев, Мышонок; муж *Р.Н.Блох* (с 1935)] (1909-1943?), поэт, лит. критик, литературовед, переводчик. Писал также на англ., нем. и франц. яз. Уроженец Петербурга. В 1919 из Петрограда эм. с родителями через Вильно в Лондон. С 1922 жил в Берлине. Один из орг-ров и секр. берлинского «Кружка поэтов» (1928-33), анонимный ред. сб. кружка: «Новоселье» (1931), «Роща» (1932), «Невод» (1933). Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Оконч. Берлинский ун-т. В 1933 переехал в Париж, работал ассистентом А.Мазона в Ин-те славяноведения. В мае 1941 арестован нацистами. Погиб в концлагере (Силезия).

Печ в альм/сб: МДиа, На Зап, Невод, Новоселье, Новь, Роща, Якорь, *журн:* Встречи, Грани, Мансарда, Новоселье, СЗ, Числа, *газ:* Руль.

Горный Сергей [псевд. — наст. имя: Александр (Александр-Марк) Авдеевич (Авдиевич) Оцуп; др. псевд.: А.Авдеев; брат *Н.А.Оцупа* и *Г.Раевского*] (1882-1949), поэт, прозаик, журналист, лит. критик, мемуарист. Уроженец г. Остров (Псковская губ.). В 1908 оконч. Горный ин-т (Петербург). В 1917 из Петрограда уехал на юг России. С весны 1919 участ. Белого движения. После ранения в февр. 1920 из Новороссийска эвакуир. на Кипр. В нач. 1921 поселился в Берлине. Участ. лит.-худож. об-ния «Веретено». Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. В нач. 30-х переехал в Париж. В годы 2-й мир. войны обосновался в Испании. Ум. в Мадриде.

Печ в альм/сб: Ант СиЮ, Веретено, Живым и гордым, Земля Колумба, Калифорнийский альм, Мед всадник, *журн:* Веретеныш, Вест ГПОГ, Для вас, Ж-пт, Журн Содр, ИР, Наш мир, Наш огонек, НРК, Рубеж, Рус эхо, Сполохи, Театр и музыка, ТиЖ (Б), Числа, *газ:* Возр, Время (Б), За свободу, Либ рус слово, Маяк, Наша речь, НРС, Руль, Рус газ (Р), Рус жизнь (Р), Рус курьер, С, С веч.

Городецкая Надежда Даниловна [дочь журналиста Д.М.Городецкого] (1901-1985), прозаик, литературовед, теолог, журналист, мемуаристка. Писала также на англ. и франц. яз. Уроженка Москвы. В 1919 из Крыма эм. через Константинополь в Хорватию, училась в Загребском ун-те. В 1924 переехала в Париж, участ. Религиозно-философ. академии. Одна из орг-ров Франко-рус. студии (1929-30). В 1934 поселилась в Англии, прослушала курс богословия в College of Ascension (Бирмингем). Участ. «Содружества Св. Албания и преп. Сергия Радонежского». С 1938 жила в Лондоне, защитила диссертацию по богословию в Оксфордском ун-те. В 1941-56 преп. рус. лит-ру в Оксфорде. Д-р философии (1944). Приняла англ. гражд-во. В 1956-68 возглав. рус. отделение Ливерпульского ун-та. Неоднократно посещала СССР. Ум. в Витни близ Оксфорда.

Печ в журн: ВР, ИР, Казачий журн, Прожектор, Сатирикон, *газ:* Возр, Дни, Звено, Нов время, Р (П), РиС, Шанх заря.

Горская Антонина [псевд. — наст. имя: Антонина Алексеевна Гривцова, урожд. Подерни] (1893-1972), поэт, литературовед, лит. критик, мемуаристка. Уроженка Казани. Училась в Петроградской консерватории по классу рояля. С авг. 1917 проживала в Иране (Решт) по дипломатич. визе как жена рус. консула. В апр. 1920 переехала в Энзели (Сев. Иран). С 1922 жила в Париже. С 1938 участ. «Объединения поэтов». С 1955 член правления парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Париже, похоронена в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Лит совр-к, МДиа, Содр, *журн:* Возр, Грани, Для вас, Журн Содр, НЖ, Опыты, *газ:* Возр, РМ.

Горький Максим [псевд. — наст. имя: Алексей Максимович Пешков; муж обществ. деятельницы Е.П.Пешковой (в 1896-1904)] (1868-1936), прозаик, драматург, лит. критик, публицист, мемуарист, обществ. деятель. В сер. окт. 1921 из Петрограда выехал через Гельсингфорс и Стокгольм в Берлин. С нояб. 1921 по нояб. 1923 жил в Германии (Берлин, Санкт-Блазиен, Герингсдорф, Сааров, Гюнтерсталь). Инициатор и соред. берлинского журн. «Беседа» (1923-25). С нояб. 1923 по апр. 1924 находился в Чехословакии (Прага, Мариенбад). В апр. 1924 поселился в Италии (Сорренто, Позилиппо). Четырежды посетил СССР (май-окт. 1928, май-окт. 1929, май-окт. 1931, апр.-окт. 1932). В мае 1933 верн. в СССР. Ум. в Горках близ Москвы.

Печ в альм/сб: Балт альм, Кн о Л.Андрееве, Сб стих инрп, Св песнь, *журн:* Беседа, ВР, Зеленый журн, Летопись революции, Мир, Наш огонек, НЖ, НРК, РК, Соц вест, *газ:* Время (Б), ГР, Дни, За свободу, Накануне, Нар дело, Нов мир (Б), Нов рус жизнь, НРС, Пар вест (25), ПН, Руль, С.

Гофман Модест Людвигович [также с подп.: Г.М.Л., М.Г.] (1887-1959), литературовед, лит. критик, поэт, мемуарист. Писал также на франц. яз. Уроженец Петербурга. В 1910 оконч. ист.-филол. ф-т Петербургского ун-та. С 1917 жил в Чернигове. Весной 1920 возвр. в Петроград, сотр. Пушкинского Дома Российской АН. В июне 1922 командирован во Францию, в сент. поселился в Париже. С 1926 невозвращенец. Преп. на рус. отделении Сорбонны. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Один из орг-ров пушкинской выставки в Париже (1937). Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: На чуж стороне, Наши совр-ки, *журн:* Благон, Возр, Встречи, ГМ на чуж стороне, Грани, ИР, НЖ, Окно, Рус школа за рубежом, СЗ, Юный читатель, *газ:* Возр, Дни, ПН, Пушкин, РМ, Руль, С, Слово.

Гребенщиков Георгий Дмитриевич [псевд.: Сибиряк] (1882-1964), прозаик, драматург, публицист, поэт, переводчик, журналист, мемуарист. Уроженец Томской губ. Участ. 1-й мир. войны. С 1919 находился в Крыму. В сент. 1920 из Крыма эм. в Константинополь, затем через Александрию (Египет) переехал в Берлин. С дек. 1922 жил в Париже. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Осенью 1924 уехал в США. Сотр. с Roerikh Museum (Нью-Йорк). Орг-р Об-ва друзей Сибири. В апр. 1925 основал Скит рус. духовной мысли «Чураевка» (Бриджпорт, шт. Коннектикут). С марта 1927 возглав. изд-во «Alatas». Принял амер. гражд-во. С 1940 преп-ль рус. лит-ры в колледже Лейкленда (шт. Флорида). Ум. в Лейкленде.

Печ в альм/сб: Витязь, Вольная Сибирь, Грани, Калифорнийский альм, Лит совр-к, Пам И.С.Шмелева, *журн:* Вест РСХД, Возр, Для вас, Ж-пт, Зарница, Зарницы, Зеленый журн, Москва, НЖ, Новоселье, Отечество, Перезв, РМ, Родная старина, Рубеж, СЗ, *газ:* Возр, Дни, Звено, Нар дело, НРС, Общ дело, Огни, ПН, РМ, Руль, С, Слово.

Гржебин Зиновий Исаевич (1877-1929), издатель, художник-график. Уроженец Чугуева (Харьковская губ.). Совладелец петербургского изд-ва «Шиповник» (1906-18). В 1919-23 возглав. «Изд-во З.И.Гржебина» (Петроград-Берлин). В июне 1920 уехал через Стокгольм в Германию (Лейпциг, Берлин). Сотр. сов. изд-ва «Международная книга» в Берлине. В 1924 переехал в Париж, сотр. с сов. торгпредством. Ум. в Париже.

Гримм Давид Давидович [сын архитектора Д.И.Гримма, брат *Э.Д.Гримма*, отец правоведа И.Д.Гримма] (1864-1941), обществ.-полит. деятель, правовед, экономист, публицист; член ЦК партии кадетов. В 1891-14 и 1917-19 проф. юрид. ф-та Петербургского ун-та. Д-р права (1900). В 1907-17 член Гос. совета. В апр.-июле 1917 товарищ министра просвещения Временного пр-ва. В сент. 1919 арестован (Петроград), после освобождения эм. в Финляндию (Гельсингфорс). В 1919-20 сотр. редакции газ. «Рус. жизнь» (позднее «Новая рус. жизнь»). С осени 1920 жил в Париже. Впоследствии уехал в Чехословакию,

проф. гражд. права (1922-27) и декан (1924-27) Рус. юрид. ф-та (Прага). С осени 1922 предс. Об-ва правоведения и обществ. знаний. Член Глав. совета Российского центр. об-ния. Затем переехал в Эстонию, в 1927-34 проф. римского права Тартуского ун-та.

Печ в альм/сб: Тр рузг, *журн:* РМ, *газ:* Нов рус жизнь, Рус жизнь (Г).

Гримм Эрвин (Александр) Давидович [сын архитектора Д.И.Гримма, брат *Д.Д.Гримма*] (1870-1940), обществ.-полит. деятель, историк, журналист. Д-р ист. наук (1902). С 1903 проф. всеобщей истории, в 1911-18 ректор Петербургского ун-та. В 1917-18 один из лидеров Республиканской дем. партии (Петроград). В окт. 1918 уехал на юг России. С апр. 1919 пом. управляющего Освагом. В 1920 из Крыма эм. через Константинополь в Софию. Соред. «Рус. сборников» (1920-21). В 1922-23 соред. газ. «Новая Россия» (София). Участ. сменовех. движения. В 1923 верн. в Сов. Россию (Москва). Сотр. Ин-та востоковедения. С 1930 служил в НКИД. Сотр. в журн. «Международная жизнь». В конце 30-х арестован. Погиб в заключении.

Печ в альм/сб: Рус сб-ки, *газ:* Наша жизнь, Нов Россия, Русь, Св речь.

Гринберг Роман Николаевич [псевд.: Эрге] (1893-1969), редактор-издатель. Эм. в 1918. В нач. 20-х поселился в США. В 30-х подолгу жил в Париже. Принял амер. гражд-во. В 1953-54 ред. журн. «Опыты» (№№ 1-3). Ред. альм. «Воздушные пути» (1960-67). Ум. в США.

Печ в альм/сб: ВП, *журн:* НЖ, Опыты.

Гронский Николай Павлович [сын *П.П.Гронского*] (1909-1934), поэт, лит. критик. Уроженец Териоки (близ Петербурга). В 1920 с родителями эм. во Францию. В 1920-27 учился в рус. гимназии (Париж). В 1932 оконч. филол. ф-т Парижского ун-та. С 1933 учился на ф-те философии и лит-ры Брюссельского ун-та. Погиб в Париже в результате несчастного случая, похоронен в Медоне близ Парижа.

Печ в альм/сб: ВП, На Зап, Якорь, *газ:* ПН.

Гронский Павел Павлович [отец *Н.П.Гронского*] (1883-1937), обществ.-полит. деятель, правовед, историк, прозаик; член ЦК партии кадетов. Депутат 4-й Гос. думы. До революции проф. административного права Политехнич. ин-та (Петроград), приват-доцент Петроградского ун-та. С февр. 1917 комиссар по делам телеграфа Временного пр-ва. В конце 1918 уехал на юг России, один из рук-лей «Нац. центра». В 1919 товарищ министра внутр. дел в пр-ве Деникина, в дек. в составе воен. делегации выехал в США. С нач. 1920 жил в Париже, в февр. один из орг-ров Рус. акад. группы во Франции. Преп. на высш. курсах акад. группы (Париж, Брюссель). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Член Комитета помощи рус. писателям и ученым во Франции. В сер. 20-х проф. кафедры всеобщей истории Каунасского ун-та (Литва). Затем преп. историю во Франко-рус. ин-те, рус. гимназии (Париж). Один из орг-ров и 1-й предс. Об-ва друзей рус. книги (ОДРК). Ум. в Медоне близ Парижа.

Печ в альм/сб: Крестьянская Россия, Пам погибших, Сб ст посв П.Н.Милюкову, Тр IV съезда РАОЗ, *журн:* СЗ, *газ:* ГР, Евр трибуна, Общ дело, ПН.

Гукасов Абрам Осипович [наст. фам.: Гукасянц; брат промышленников Ар.О.Гукасова и П.О.Гукасова] (1872-1969), промышленник, обществ. деятель, издатель. Уроженец г. Шуша (Азербайджан). Учился в Лазаревском ин-те вост. языков (Москва), затем в Новороссийском ун-те, позднее в Лейпцигском ун-те. С 1899 жил в Лондоне. В годы 1-й мир. войны возглав. завод «Пелла» (Петроград). Затем эм. в Париж. Основатель и инвестор газ.

«Возрождение» (1925-40), журн. «Возрождение» (1949-74). В 1926 один из инвесторов Рус. заруб. съезда (Париж). С 1926 предс. правления Российского центр. об-ния (с 1937 Российского нац. об-ния). Принял франц. гражд-во. В годы 2-й мир. войны находился в Ницце, затем верн. в Париж. Учредитель Армянского фонда бр. Гукасянц. Ум. в Париже, похоронен в Женеве.

Гуковский Александр Исаевич [псевд.: А.Северов] (1865-1925), обществ.-полит. деятель, юрист, публицист; эсер. В 1917 предс. Череповецкого Земского собрания. В 1918-19 управляющий отделом юстиции Верх. управления Сев. обл. (Архангельск). В конце 1919 из Архангельска эм. в Париж. В 1920-25 соред. журн. «Современные записки». В 1922-23 жил в Берлине. Покончил с собой в Париже.

Печ в журн: СЗ, *газ:* Дни.

Гуль Роман Борисович [псевд.: Эрг, также с подп.: Р.Г., Р.Г-ль] (1896-1986), прозаик, лит. критик, киносценарист, историк, мемуарист. Уроженец Киева. В 1914 поступил на юрид. ф-т Моск. ун-та. С 1916 участ. 1-й мир. войны, затем участ. Белого движения. В дек. 1918 из Киева эвакуир. в Германию (Брауншвейг). С 1920 жил в Берлине. Участ. полит. группы В.Б.Станкевича «Мир и труд», член Рус. студ. союза. В 1921-23 секр. редакции журн. «Рус. книга», затем «Новая рус. книга». Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Участ. кружка «Академия прозы». Участ. сменовех. движения, в июле 1923 — июне 1924 анонимный ред. лит. прил. к газ. «Накануне». Летом 1933 арестован нем. властями, ненадолго заключен в концлагерь Ораниенбург, в нач. сент. переехал в Париж. В 1936 как киносценарист полгода работал в Лондоне. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. С 1939 жил в Вианне, в июле 1945 верн. в Париж. В 1948 орг-р дем. группы «Российское народное движение» (РНД). В 1948-51 изд. и ред. журн. «Народная правда» (Париж, с 1950 Нью-Йорк). В янв. 1950 уехал в США (Нью-Йорк). С 1959 член редколл. «Нового журнала», в 1966-86 его глав. ред. Принял амер. гражд-во. В 60-х глав. ред. нью-йоркского отдела радиостанции «Свобода». Ум. в Нью-Йорке.

Печ в альм/сб: АРР, ЗРАГ, Рус лит-ра в эм, *журн:* Голос эмигранта, Жизнь (Б), Заря, Илл жизнь, ИР, Нар правда, НЖ, НРК, Рус эмигрант, СЗ, Смена вех, Сполохи, *газ:* Время (Б), ГР, Накануне, НРС, ПН, Путь, РМ, С.

Гурвич Георгий Давидович [двоюродный брат меньшевика Ф.Дана (Ф.И.Гурвича)] (1894-1965), социолог. Писал также на нем. и франц. яз. Уроженец Новороссийска. Учился в Петербургском ун-те, в Сорбонне. В 1915-20 преп. в Томском и Петроградском ун-тах. В нач. 1921 эм. в Берлин. Затем переехал в Прагу, в 1922-25 доцент социологии и философии права Рус. юрид. ф-та. С 1925 жил в Париже. Член Рус. философ. об-ва. С 1935 проф. социологии Страсбургского ун-та. Принял франц. гражд-во. Осенью 1940 по приглашению амер. Союза науч. об-в уехал в США. В 1945 верн. в Париж. В 1946 орг-р Междунар. ассоциации социологов франкоязычных стран. С 1948 возглав. кафедру социологии в Сорбонне. В 1948 соучредитель Франц. нац. науч.-исслед. центра. В 1953-56 основатель и президент Социологич. ин-та. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Сб РИП, Тр рузг, *журн:* НЖ, РЗ, СЗ.

Гурко (Ромейко-Гурко) Владимир Иосифович [сын ген.-фельдмаршала И.В.Ромейко-Гурко, брат ген. Вас.И.Гурко] (1863-1927), обществ.-полит. деятель, мемуарист; монархист. С 1906 товарищ министра внутр. дел. С 1912 член Гос. совета. С марта 1918 член моск. «Правого центра», вскоре уехал на юг России, с окт. член Совета гос. объединения России (СГОР). В апр. 1919

из Одессы эм. через Константинополь в Париж. С 1920 член Рус. парламентского комитета. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: АРР, *журн:* Рус летопись, *газ:* РиС, Рус газ в П.

Гусев-Оренбургский С. [псевд. — наст. имя: Сергей Иванович Гусев; во 2-м браке муж поэтессы Г.Галиной (Г.А.Ринкс), в 3-м — муж певицы Е.И.Хатаевой] (1867-1963), прозаик, драматург, публицист, поэт, журналист, мемуарист. В 1918-19 член лит.-худож. секции Союза сов. журналистов (Москва). В 1919 уехал из Москвы в Казань. Затем жил на Украине, в Крыму, Сибири, на Дальнем Востоке. В конце 1921 из Благовещенска эм. в Харбин. Член харбинского Об-ва писателей и журналистов. С июля 1922 возглав. лит. секцию Лит.-артистического кружка, осенью переехал в США (Нью-Йорк). В 1924-25 ред. журн. «Жизнь». В 30-х принял амер. гражд-во. Ум. в Нью-Йорке.

Печ в альм/сб: Рус деревня, *журн:* Жизнь (Н-Й), Зарница, ИР, Нов нива, НРК, *газ:* Евр трибуна, НРС, Рус голос (Н-Й), Рус голос (Х).

Далин Д. [псевд. — наст. имя: Давид Юльевич Левин; также с подп.: Д., Д.Д.] (1889-1962), обществ.-полит. деятель, социолог, публицист, историк рев. движения, мемуарист; член ЦК РСДРП(м). Писал также на англ. и нем. яз. Уроженец Рогачева (Могилевская губ.). Учился на юрид. ф-те Петербургского ун-та, затем в Берлинском и Гейдельбергском ун-тах. Д-р полит. экономии (1913). В марте 1917 верн. в Россию (Москва). В 1921 выслан из Сов. России, жил в Берлине. Один из основателей, с сент. 1923 член редколл. журн. «Социалистический вестник». Совладелец изд-ва «Эпоха» (Берлин). С апр. 1923 член Заграничной делегации РСДРП. Сотр. также в нем. социал-дем. периодике. В 1933 поселился в Польше. В 1939 переехал в Париж. В 1940 обосновался в США (Нью-Йорк). В 1949 один из орг-ров «Лиги борьбы за народную свободу». Принял амер. гражд-во. Ум. в Нью-Йорке.

Печ в альм/сб: Грани, *журн:* Нар правда, НЖ, НРК, Соц вест, *газ:* НРС.

Даманская Августа (Августина) Филипповна [псевд.: Арсений Мерич, также с подп.: А.Д., А.Д-ская, А.М-ч, Арс.М-ич] (1875-1959), прозаик, драматург, журналист, переводчик, лит. критик, мемуаристка. Писала также на нем. и франц. яз. В 1918-19 член петроградского Союза деятелей худож. лит-ры (СДХЛ). Член Всерос. об-ва профессиональных литераторов-переводчиков, сотр. изд-ва «Всемирная лит-ра» (Петроград). Летом 1920 из Пскова нелегально эм. через Таллинн в Берлин. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. С февр. 1923 член правления Профессионального союза рус. переводчиков в Германии, в сент. переехала в Париж. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Сотр. также в нем. и франц. периодике. Ум. в Комей близ Парижа.

Печ в альм/сб: Вольная Сибирь, Грани, Цветень, *журн:* ВР, Ж-пт, Зарница, ИР, Лит-ра и жизнь, Лит совр-к, Наш мир, Наш огонек, Новоселье, Новости лит-ры, Перезв, РЗ, РК, Родное слово, Рубеж, СЗ, Сполохи, Числа, *газ:* ГР, Двинский голос, Дни, За свободу, Звено, Либ рус слово, Нар дело, Нар мысль, НРС, ПН, Руль, С, С веч, Свобода.

Данилов Юрий — см. **Кузьмина-Караваева Е.Ю.**

Демидов Игорь Платонович [также с подп.: И.Д.; внук лексикографа и этнографа В.И.Даля] (1873-1946), обществ.-полит. деятель, журналист, прозаик; член ЦК партии кадетов. Уроженец Нижегородской губ. Оконч. юрид. ф-т Моск. ун-та. Депутат 4-й Гос. думы. С февр. 1917 комиссар Временного пр-ва в министерстве земледелия, с сер. марта комиссар Временного пр-ва на Юго-Зап. фронте. В 1918 уехал на юг России. В 1919 возглав. киевское отделение «Нац. центра», в дек. в составе дипломатич. делегации пр-ва Деникина выехал в Польшу. В 1920 обосновался в Париже. С 1921 участ.

20 994

обществ.-полит. об-ния «Центр действия», член правления парижского Земгора. В 1924 один из орг-ров Республиканско-дем. об-ния (РДО). В 20-х — 30-х зам. ред. газ. «Последние новости». Соред. сб. «П.Н.Милюков. Сб. мат-лов» (1930). В годы 2-й мир. войны жил на юге Франции. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Крестьянская Россия, П.Н.Милюков. Сб мат-лов, *журн:* Звено, Прожектор, Сатирикон, СЗ, Числа, *газ:* ГР, ПН.

Денике Юрий Петрович [также с подп.: Ю.Д.; брат археолога и искусствоведа Б.П.Денике] (1887-1964), публицист, социолог, историк; меньшевик. Писал также на нем. яз. Уроженец Казани. Учился на ист.-филол. ф-те Моск. ун-та, завершил образование в Казанском ун-те. В 1920 преп. на кафедре ист. социологии Моск. ун-та. В 1922 выехал в Берлин в качестве сотр. сов. полпредства, вскоре перешел на положение эмигранта. Член редколл. журн. «Социалистический вестник». Сотр. также в нем. социал-дем. периодике. В 1933 арестован нем. властями, несколько месяцев находился в заключении. С 1933 жил в Париже. В 1941 переехал в США (Нью-Йорк). В 1949 один из орг-ров «Лиги борьбы за народную свободу». В 50-х сотр. радиостанции «Свобода». В 1959-64 член редколл. «Нового журнала». Ум. в Брюсселе.

Печ в журн: Вест РСХД, Возр, Нар правда, НЖ, Соц вест, *газ:* НРС, РМ.

Деникин Антон Иванович (1872-1947), ген.-лейтенант (1915), воен. историк, публицист, мемуарист. Участ. 1-й мир. войны, в июле-авг. 1917 командующий Юго-Зап. фронтом. С дек. 1917 член Донского гражд. совета. Один из орг-ров Добр. армии, с янв. 1918 ее командующий. С янв. 1919 главком Вооруж. силами юга России (ВСЮР). В апр. 1920 передал командование Белой армией *П.Н.Врангелю* и эм. через Константинополь в Англию (Лондон, Певенси, Истборн), в авг. переехал в Брюссель. В июле 1922 переселился в Венгрию (Шопрон, Будапешт, Балатонлелле). С весны 1926 жил во Франции (Фонтенбло, Париж). В мае 1940 поселился в д. Мимизан близ Бордо. В июле 1945 верн. в Париж, в конце нояб. через Англию уехал в США (Нью-Йорк). Ум. в Анн Арборе, похоронен в Джексоне (шт. Нью-Джерси).

Печ в альм/сб: Живым и гордым, *журн:* Борьба за Россию (26), Возр, ГМ на чуж стороне, Грани, ИР, *газ:* Возр, Галлиполи, ПН, С.

Денисов Николай Хрисанфович (? — 1970), предприниматель, обществ. деятель. До революции директор правления Троицкой ж.д. В 1918 эм. в Англию, инвестор лондонского Комитета освобождения России (1919-23). Вскоре переехал в Париж, инвестор журн. «Грядущая Россия» (1920). Позднее возглав. Всерос. торгово-промышленный союз (Торгпром), соучредитель и 1-й предс. Рус. комитета объединенных организаций (Париж). Ум. в Испании.

Деренталь А. [псевд. — наст. имя: Александр Аркадьевич Дикгоф; др. псевд.: А.Дикгоф-Деренталь] (1885-1939), обществ.-полит. деятель, журналист, прозаик, драматург, мемуарист. Уроженец Томска. Учился в Воен.-медицинской академии (Петербург). С 1906 находился в эм., корр. газ. «Рус. ведомости» во Франции и Испании. Участ. 1-й мир. войны, доброволец франц. армии. В 1917 верн. в Россию. В марте-июне 1918 начальник отдела сношений с союзниками моск. Союза защиты родины и свободы, в июле участ. Ярославского восстания. В конце 1918 через Владивосток уехал в Париж. С весны 1920 жил в Варшаве, зам. предс. полит. отдела РПК (Рус. полит. комитета, с янв. 1921 Рус. эвакуац. комитета). В окт. 1921 выслан из Польши, в 1922 поселился в Париже. С апр. 1924 член редколл. варшавской газ. «За свободу». В сер. авг. 1924 вместе с *Б.В.Савинковым* нелегально перешел польск.-сов. границу, арестован в Минске органами ОГПУ. В апр. 1925

освобожден из заключения, обосновался в Москве. В 1925-30 ред. иностр. бюллетеня ВОКС (Всесоюзного об-ва культурной смычки). В 1930 вел иностр. отдел моск. журн. «Революция и культура». В мае 1937 арестован, находился в заключении (Колыма). Расстрелян.

Печ в альм/сб: На чужбине, На чуж стороне, *журн:* Возр, ГрР, ИР, ТиЖ (Б), *газ:* За родину и свободу, За свободу, Свобода.

Дешарт О. [псевд. — наст. имя: Ольга Александровна Шор; племянница пианиста Д.С.Шора] (1894-1978), искусствовед, литературовед. Уроженка Москвы. В 1927 из Москвы эм. в Италию (Рим). Ум. в Риме.

Дикгоф-Деренталь А. — см. **Деренталь А.**

Дикой Б. — см. **Вильде Б.В.**

Диксон Владимир Васильевич (1900-1929), поэт, прозаик. Уроженец Сормова (Нижегородская губ.). В июле 1917 из Подольска эм. с родителями в США. Учился в Massachussets Institute of Technology, завершил образование в Гарвардском ун-те. Принял амер. гражд-во. С 1923 жил в Париже. Ум. в Нёйи-сюр-Сен близ Парижа, похоронен в США.

Печ в журн: Благон, Вест РСХД, ВР.

Дионео [псевд. — наст. имя: Исаак Владимирович (Вульфович) Шкловский] (1865-1935), журналист, публицист, лит. критик, прозаик, поэт, переводчик, этнограф, мемуарист. Писал также на англ. яз. С лета 1896 жил в Англии в качестве лондонского корр. газ. «Рус. ведомости» и журн. «Рус. богатство». Член Союза иностр. прессы в Лондоне. Член лондонского Комитета освобождения России (1919-23). С 1920 член парижского Комитета помощи рус. писателям и ученым во Франции. Член Англо-рус. лит. об-ва Лондонского Королевского ун-та, член-корр. Ин-та славяноведения, сотр. пражского Рус. заграничного ист. архива. Сотр. также в англ. периодике. Ум. в Лондоне.

Печ в альм/сб: Вольная Сибирь, Крестьянская Россия, На чуж стороне, Родная земля, *журн:* ГМ на чуж стороне, ГрР, СЗ, *газ:* Варш слово, ГР, Дни, Евр трибуна, Нар мысль, Общ дело, ПН, С, С веч.

Дмитриевский Сергей Васильевич (1893-1964), публицист. С весны 1918 участ. моск. «Союза возрождения России». Участ. Белого движения. В 1919 перешел на сторону Красной армии, вступил в РКП(б). С конца 20-х советник сов. полпредства в Стокгольме. С 1930 невозвращенец. Жил в Берлине, Париже. В сер. 30-х близок к движению «пореволюционных течений». Впоследствии поселился в Швеции, принял швед. гражд-во. Ум. в Стокгольме.

Печ в журн: Утверждения, *газ:* Руль, С.

Добронравов Леонид Михайлович [псевд.: Берендей, Гайдамович, Ростовский, Л.Фонич и др.] (1887-1926), прозаик, драматург, публицист, журналист, мемуарист. Писал также на румын. яз. В июле 1917 совм. с Г.А.Алексинским изд. петроградский еженедельник «Без лишних слов». В 1918 уехал на юг России. С лета 1920 жил в Кишиневе. Сотр. также в румын. периодике. Имел румын. гражд-во. В сент. 1924 переехал в Париж. В 1925-26 зав. лит. отделом газ. «Родная земля». Ум. в Париже.

Печ в журн: Версты, Наш огонек, НЖ, Норд-Ост, *газ:* Бессарабия, Наша речь, Нов слово (Кишинев), Родная земля.

Довгелло-Ремизова С.П. — см. **Ремизова С.П.**

Долгоруков Павел Дмитриевич, кн. [брат *Петра Д. Долгорукова*] (1866-1927), обществ.-полит. деятель, публицист, мемуарист; член ЦК партии

кадетов. Депутат 2-й Гос. думы. Участ. 1-й мир. войны. С февр. 1918 нелегально жил в Москве, в окт. уехал в Киев. В 1918-19 предс. ЦК партии кадетов, сопредс. «Нац. центра». С 1920 предс. Об-ния обществ. и гос. деятелей в Крыму, в нояб. из Крыма эм. в Константинополь. Член Рус. совета при ген. Врангеле. В 1922 переехал в Белград. С 1923 проживал в Париже. Член президиума Рус. нац. комитета (РНК). В июле 1924 нелегально посетил Сов. Россию. В июне 1926 нелегально перешел румын.-сов. границу, арестован близ Москвы. Расстрелян.

Печ в альм/сб: Живым и гордым, *журн:* РМ, *газ:* Общее дело, Слово.

Долгоруков Пётр Дмитриевич, кн. [брат *Павла Д. Долгорукова*] (1866-1945), обществ.-полит. деятель, публицист; один из основателей партии кадетов. Товарищ предс. 1-й Гос. думы (1905-06). С 1917 жил на юге России (Кисловодск, Сочи). Сотр. Освага. В нояб. 1920 из Алушты эм. в Константинополь. В 1922 переехал в Прагу. Сотр. Рус. педагог. бюро (ин-та). Вице-предс. Об-ния рус. эмигрантских организаций в Чехословакии. В мае 1945 после занятия сов. войсками Праги арестован, депортирован в СССР. Погиб в заключении.

Печ в альм/сб: Дети эм, *журн:* Перезв, Рус школа за рубежом, СЗ, *газ:* РиС.

Долинский Наум Владимирович, публицист, журналист. В эм. жил в Париже. Во 2-й пол. 30-х секр. редакции газ. «Возрождение».

Печ в журн: РМ, СЗ, *газ:* Возр, РиС.

Долинский Семён Григорьевич, прозаик, поэт, журналист. С нач. 20-х жил в Праге. Участ. об-ния «Скит поэтов». Член пражского Союза рус. писателей и журналистов.

Печ в журн: ВР, Иск славян, Св путями.

Дон-Аминадо [псевд. — наст. имя: Аминад (Арнольд-Аминодав) Петрович (Пейсахович) Шполянский; др. псевд.: Д.Аминадо, Дон Аминадо, К.Страшноватенко и пр.] (1888-1957), поэт, прозаик, драматург, журналист, лит. и театр. критик, мемуарист. Уроженец Елизаветграда. В 1910 оконч. юрид. ф-т Киевского ун-та. С 1914 участ. 1-й мир. войны. Весной 1918 уехал из Москвы в Киев, с 1919 жил на юге России. В янв. 1920 из Одессы эм. через Константинополь в Париж. Ред. детского журн. «Зеленая палочка» (1920-21). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Факт. ред. журн. «Сатирикон» (1931). Совершал поездки в страны Зап. Европы и в США. В годы 2-й мир. войны жил на юге Франции (Монпелье, Экс-лё-Бен). После войны поселился в Йер на юге Франции. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Ант СиЮ, На Зап, Чт-декл, Якорь, *журн:* Для вас, ЗП, ИР, Перезв, Прожектор, Рубеж, Сатирикон, СЗ, Сполохи, Ухват, *газ:* Вести дня, Евр трибуна, Либ рус слово, Нов заря, НРС, Общ дело, ПН, Риж курьер, РМ, Руль, С, С пон-к, Св мысли, Шанх заря.

Дроздов Александр Михайлович [также с подп.: А.Д., А.Др.] (1895-1963), прозаик, лит. критик, журналист, переводчик, мемуарист. Уроженец Ярославля. Участ. Белого движения. С 1919 сотр. Освага. В февр. 1920 из Новороссийска эм. через Константинополь в Париж, летом переехал в Берлин. В 1921-23 ред. журн. «Сполохи» (№№ 1-18). Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Соучредитель лит.-худож. об-ния «Веретено» (1922-23). Участ. сменовех. движения. В нач. дек. 1923 верн. в Сов. Россию, жил в Москве. С авг. 1934 член Союза сов. писателей. Ум. в Москве.

Печ в альм/сб: Ант СиЮ, АРР, Веретено, Грани, Молодая Россия, Одиссея, Цветень, *журн:* Веретеныш, Голос эмигранта, Для вас, Жизнь (Б), Ж-пт, ЗП, Искры, Нов нива, НРК, РК, Рус эмигрант, Сполохи, ТиЖ (Б), *газ:* Время (Б), ГР, Накануне, Нов варш слово, ПИ, ПН, Руль, Рус курьер, Рус эхо, С, С пон-к, Св мысли.

Дураков Алексей Петрович (1898-1944), поэт, переводчик. Уроженец Пензенской губ. В 1917 оконч. Сибирский кадетский корпус (Омск), учился в Морском училище (Петроград), с осени в заграничном плавании. Эм. в 1920 из Владивостока, с авг. жил в Хорватии (Дубровник). В 1921 поступил на философ. ф-т Белградского ун-та. Участ. лит. кружка «Гамаюн» (с 1923), белградского филиала парижской лит. группы «Перекресток» (с 1928), кружка «Лит. среда» (с 1934). В 1930 оконч. филиал Белградского ун-та в Скопле (Македония). В 1930-41 преп. в гимназии г. Вране. Член белградского Союза рус. писателей и журналистов. С лета 1941 участ. Сопротивления в Югославии. Несколько раз арестован. Осенью 1943 вывезен на принудительные работы в Германию (Нюрнберг). В апр. 1944 верн. в Белград. Участ. партизанского движения. Погиб в бою под Белградом.

Печ в альм/сб: Гамаюн — птица вещая, Лит среда, Перекресток, Сб стихов (29), *журн:* ВР, Журн Содр, *газ:* Возр, РиС, Рус дело.

Дымов Осип [псевд. — наст. имя: Иосиф Исидорович Перельман; брат популяризатора науки Я.И.Перельмана] (1878-1959), прозаик, драматург, театр. критик, журналист, мемуарист; также евр. писатель. В конце 1900-х — нач. 10-х подолгу жил в Берлине, Вене. В 1913 эм. в США (Нью-Йорк). В 1926 принял амер. гражд-во. Ред. лит. отдела газ. «Новое рус. слово». Ум. в Нью-Йорке.

Печ в журн: Зеленый журн, Нов нива, Новоселье, Числа, *газ:* Либ рус слово, НРС, ПИ, Рус голос (Н-Й), С, Слово, Эхо.

Дьякова Ольга Леонтьевна [жена киевского гор. головы И.Н.Дьякова], издательница. С 1918 занималась изд. деятельностью на Украине. В 1919 из Одессы эм. в Берлин. С нояб. 1920 возглав. книгоизд-скую и торговую фирму «Ольга Дьякова и К°».

Дюшен Борис Вячеславович [псевд.: Д.Никитин; сын ген. В.А.Дюшена] (1886-1949), публицист, журналист; меньшевик. Уроженец Ревеля (Эстония). Участ. 1-й мир. войны. В 1917 комиссар Временного пр-ва в Ярославле, в мае-дек. предс. Ярославской губ. земской управы. В июле 1918 один из рук-лей Ярославского восстания, осенью нелегально эм. в Таллинн. С авг. 1919 зам. глав. ред. газ. «Свободная Россия» (затем «Свобода России»). Предс. рус. соц. блока в Эстонии. Участ. Рус. лит. кружка (Таллинн). В июле 1920 арестован и выслан из Эстонии, через Швецию и Чехословакию переехал в Германию (Берлин). Участ. сменовех. движения. Секр. редакции газ. «Новый мир». Соред. газ. «Накануне» (1922-24). В 1926 верн. в Сов. Россию, жил в Москве. В 1926-28 зав. отделом заочного обучения в Профобре (Управлении по профессиональному образованию населения). Летом 1935 арестован. В марте 1940 освобожден из заключения. Впоследствии глав. инженер спец. лаборатории МГБ. Ум. в Москве.

Печ в журн: РК, *газ:* Накануне, Нов мир (Б).

Евангулов Георгий Сергеевич (Саркисович) (1894-1967), поэт, прозаик. Писал также на франц. яз. В 1921 из Грузии эм. в Париж. В 1921-22 участ. группы «Палата поэтов», лит.-худож. кружка «Гатарапак». Участ. лит.-худож. группы «Через» (1923-24). В конце 20-х — нач. 30-х участ. «Лит. содружества» (Ницца). Ум. в Гамбурге.

Печ в альм/сб: Мосты, *журн:* ВР, Звено, ИР, НЖ, РЗ, СЗ, Совр-к, Сполохи, Ухват, *газ:* Дни, Звено, Либ рус слово, ПН, С.

Елагин Иван [псевд. — наст. имя: Иван Венедиктович Матвеев; сын поэта В.Марта (В.Н.Матвеева), в 1-м браке муж *О.Анстей* (в 1937-50), отец поэтессы Е.И.Матвеевой, двоюродный брат поэтессы Н.Н.Матвеевой] (1918-

1987), поэт, переводчик, литературовед. Уроженец Владивостока. Учился в Киевском медицинском ин-те. Осенью 1943 с оккуп. терр. эм. с женой через Лодзь и Прагу в Берлин. С 1946 жил в Шлесгейме близ Мюнхена. В мае 1950 переехал в США. Учился в Колумбийском ун-те. В сер. 50-х оконч. аспирантуру ун-та шт. Нью-Йорк. Принял амер. гражд-во. Преп. в колледже Миддлбери, ун-те шт. Нью-Йорк. Д-р филологии (1969). Проф. Питтсбургского ун-та (шт. Пенсильвания). Ум. в Питтсбурге.

Печ в альм/сб: ВП, Встречи, Лит Зарубежье, Лит сб, МДиа, Мосты, На Зап, Перекрестки, Содр, Стихи, *журн:* Возр, Грани, Континент, Лит совр-к, НЖ, Совр-к, *газ:* НРС, РМ.

Еленев Николай Артемьевич [также с подп.: Н.Е.; в 1-м браке муж искусствоведа Е.И.Еленевой-Альтшуллер] (1894-1967), искусствовед, историк, прозаик, худож. критик, мемуарист. Писал также на нем. и чеш. яз. Уроженец Екатеринославской губ. Учился на юрид. ф-те Моск. ун-та и одновременно в Археологич. ин-те. Участ. Белого движения. В 1920 поселился в Праге. Участ. лит. кружка «Далиборка» (1924-33). В сер. 20-х оконч. Рус. юрид. ф-т (Прага). Член Рус. ист. об-ва. В 1938 оконч. философ. ф-т Карлова ун-та (Прага). Сотр. Нем. ин-та истории ис-ва (Познань). В 1942 верн. в Прагу. Д-р философии (1943). В 1946 переехал в Париж. Затем преп. рус. яз. в Defence Language Institute (Монтерей, США). Впоследствии жил в Австрии (Вена). Ум. в пути из Неаполя в Нью-Йорк.

Печ в альм/сб: Зап набл, Ковчег (Н-Й), Младорусь, *журн:* Благон, ВР, Грани, Мир и иск, Перезв, Родное слово, Св путями, Сполохи, Центр Европа, *газ:* Возр, Дни, НРС, ПН, Р (П), РиС, РМ, Руль.

Ельяшевич Василий Борисович (1875-1956), правовед, историк. До революции проф. гражд. права Высш. Бестужевских курсов, Политехнич. ин-та и эконом. отделения Петроградского ун-та. Эм. не ранее 1918, жил в Париже. Проф. гражд. права Парижского ун-та. Соред. сб. «Моск. университет» (1930). Впоследствии проживал на юге Франции (департ. Вар, Прованс). Ум. во Франции.

Печ в альм/сб: Эконом вест, *журн:* РМ.

Емельянов Виктор Николаевич [муж поэтессы О.Можайской (О.Н.Емельяновой)] (1899-1963), прозаик. Уроженец Екатеринбурга. Участ. Белого движения. С нач. 20-х жил в Париже. Участ. лит. об-ния «Круг» (1935-39). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Круг, *журн:* Грани, Опыты, *газ:* НРС, РМ.

Журавская Елизавета Михайловна [дочь переводчицы З.Н.Журавской] (1890-1953), поэт, переводчик. В годы 1-й мир. войны сестра милосердия. Участ. Белого движения. В 1920 эм. в Сербию (Белград). Член белградского Союза рус. писателей и журналистов. В 1950 переехала в Триест (Италия). Ум. в Триесте.

Печ в журн: ВР, РМ, *газ:* РиС, Старое время.

Зайцев Борис Константинович (1881-1972), прозаик, публицист, переводчик, литературовед, драматург, мемуарист. В 1921-22 предс. Моск. отделения Всерос. союза писателей (ВСП), член Помгола (Всерос. комитета помощи голодающим). В июне 1922 выехал за границу (Штеттин), с сент. жил в Берлине. Соучредитель берлинского Клуба писателей (1922-23). С марта 1923 вице-предс. берлинского Союза рус. писателей и журналистов, в сент. уехал в Италию. В конце дек. 1923 поселился в Париже. Ред. лит.-худож. отдела рижского журн. «Перезвоны» (1925-29). В сент. 1928 участ. 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград). Совершал поездки в Грецию, Прибалтику, Финляндию, Италию. С 1936 член редколл. журн. «Иллюстри-

рованная Россия». С 1945 предс. парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Библиогр: Борис Константинович Зайцев: Библиография / Сост. Р.Герра. Париж, 1982. 168 с., 4 л. илл.

Зайцев Кирилл Иосифович, архимандрит Константин (1887-1975), богослов, литературовед, историк, лит. критик, публицист. В 1920 эм. во Францию. Затем переехал в Прагу, в 1922-23 приват-доцент Рус. юрид. ф-та. В 1923-34 соред. журн. «Вера и жизнь». Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. Член Рус. ист. об-ва. В сент. 1928 участ. 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград). Член ред. комитета парижской газ. «Россия и славянство» (1928-34). В 1934 уехал в Харбин. В 1936-38 проф. полит. экономии Рус. педагог. ин-та (Харбин). Соред. альбома автотипий «Пушкин и его время» (1938). С конца 30-х жил в Шанхае. В 1941 ред. сб.: «Рус. история в рус. поэзии», «Шедевры лит. критики», «Шедевры рус. поэзии». В 1945 принял священство. В 1948 поселился в США. В 1949 принял монашество. Ред. журн. «Православная Русь». Проф. пастырского богословия и рус. лит-ры в Св.-Троицкой духовной семинарии (Джорданвилль). Ум. в Джорданвилле.

Печ в альм/сб: Зап РНИБ, Россия и Пушкин, Сб ст посв пам Н.В.Гоголя, *журн:* Вера и жизнь, Правосл Русь, РМ, СЗ, Студ годы, *газ:* Возр, НРС, Р (П), РиС, С.

Замятин Евгений Иванович (1884-1937), прозаик, драматург, публицист, лит. критик, киносценарист, мемуарист. В марте 1916 командирован в Англию, в сент. 1917 верн. в Россию (Петроград). В 1918-19 член петроградского Союза деятелей худож. лит-ры (СДХЛ), с 1920 член Всерос. союза писателей (ВСП). В 1920-21 преп. в Политехнич. ин-те. В нояб. 1931 эм. через Ригу в Берлин. С февр. 1932 жил в Париже, сохранив сов. гражд-во. Совершил поездки в Бельгию, Нидерланды. Ум. в Париже, похоронен в Тие близ Парижа.

Печ в альм/сб: Кн о Л.Андрееве, Москва, Мосты, Собачья доля, *журн:* ВР, Грани, НЖ, Новоселье, НРК, СЗ, *газ:* ГР, НРС, ПН, Путь.

Звягинцев Ростислав Евгеньевич [псевд.: Невзгодов] (? — 1987), прозаик, журналист. В эм. жил в Париже. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Париже.

Печ в журн: ВР, *газ:* Дни, РиС, РМ.

Зеелер Владимир Феофилович [также с подп.: Вл.З-р] (1874-1954), обществ.-полит. деятель, журналист, юрист, худож. критик, мемуарист; кадет. В марте-окт. 1917 гор. голова Ростова-на-Дону. В 1919-20 министр внутр. дел в пр-ве Деникина. В 1920 из Новороссийска эм. через Константинополь в Париж. Член комитета парижского Земгора. В 1921 один из орг-ров, затем ген. секр. парижского Союза рус. писателей и журналистов. В сент. 1928 участ. 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград). Соред. сб. «Памяти погибших» (1929). Секр. Союза рус. адвокатов во Франции. В 1935 соучредитель Фонда Репина. Совершал поездки в Германию, Прибалтику, Финляндию, Чехословакию, Югославию. В годы 2-й мир. войны арестован нацистами, недолго содержался в концлагере. С 1947 член редколл. газ. «Рус. мысль». Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Пам И.С.Шмелева, Пам погибших, Рус альм (30), *журн:* Возр, ИР, Соц вест, *газ:* Возр, ВР, НРС, ПН, РМ, С.

Зензинов Владимир Михайлович [также с подп.: В.З.] (1880-1953), обществ.-полит. деятель, публицист, прозаик, мемуарист; член ЦК партии эсеров. Уроженец Москвы. Учился в Германии. В 1905 примкнул к рев. движению. В 1917 член исполкома Петроградского совета. В 1918 входил в Самарский комитет членов Учредительного собрания, с сент. член Всерос.

временного пр-ва (Уфимской директории), в нояб. арестован колчаковцами и выслан в Китай. С янв. 1919 жил в Париже, член Административного центра ВДО (Внепартийно-дем. об-ния; 1920-22). Соред. газ. «Pour la Russie» (1920). В 1920-22 соред. газ., затем журн. «Воля России». С 1920 член редколл. журн. «Современные записки». Член Комитета помощи рус. писателям и ученым во Франции. В 1939 через Финляндию и Швецию уехал в США (Нью-Йорк). Соучредитель и член редколл. журн. «За свободу» (1941-47). В 1949 один из орг-ров «Лиги борьбы за народную свободу». Ум. в Нью-Йорке.

Печ в альм/сб: ВОДРК, Лит смотр, Пам А.О.Фондаминской, П.Н.Милюков. Сб мат-лов, Рус земля, *журн:* Возр, ВР, Для вас, За свободу, Нар правда, НЖ, Новоселье, Нов Россия, РЗ, СЗ, Соц вест, *газ:* ВР, ГР, Дни, Звено, НРС, ПН, С.

Зеньковский Василий Васильевич, протоиерей о. Василий [также с подп.: В.В.З., В.З.] (1881-1962), богослов, историк философии, психолог, публицист, лит. критик, педагог, мемуарист. Уроженец Проскурова (Украина). В 1909 оконч. естеств.-математич. ф-т Киевского ин-та. В 1916-19 доцент философии Киевского ун-та. В 1918 член Укр. церковного собора, с лета министр вероисповеданий в пр-ве Скоропадского, с нояб. жил в Одессе. В янв. 1920 эм. в Белград. В 1920-23 проф. философии и богословия философ. ф-та Белградского ун-та. С 1921 участ. «Белградского православного кружка». В 1923 переехал в Прагу, основал и возглав. (1923-26) Рус. педагог. бюро (ин-т). Один из орг-ров и 1-й предс. (1923-26) РСХД. Ред. сб.: «Православие и культура» (1923), «Дети эмиграции» (1925). В 1926 обосновался в Париже. В 1927-62 проф., позднее и ректор Богословского ин-та. Соред. журн. «Вопросы религиозного воспитания и образования» (1927-29), сб. «Рус. земля» (1928). В 1937-38 ред. журн. «Вестник РСХД». В 1940 арестован нацистами, более года находился в концлагере. В 1942 принял священство. Д-р богословия (1948). Ред. «Сборника памяти С.Л.Франка» (1954). Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Дети эм, Жизнь и смерть, Науч тр РНУП, О Дост, Православие и культура, Правосл мысль, Рус земля, Сб пам С.Л.Франка, Старые — молодым, *журн:* Вест ИИИК, Вест РСХД, Возр, Грани, НЖ, Путь, Рус школа за рубежом, СЗ, *газ:* Возр, Дни, За свободу, НРС, РМ, С.

Зилоти Вера Павловна [урожд. Третьякова; дочь основателя Третьяковской галереи П.М.Третьякова, жена пианиста и композитора А.И.Зилоти (с 1887), мать художника А.А.Зилоти] (1866-1940), мемуаристка. В 1920 эм. с мужем в Германию (Лейпциг). С 1922 жила в США. Приняла амер. гражд-во. Ум. в Нью-Йорке.

Злобин Владимир Ананьевич [также с подп.: В.З.] (1894-1967), поэт, лит. критик, публицист, журналист, мемуарист. Уроженец Петербурга. Учился на ист.-филол. ф-те Петроградского ун-та. В 1918-19 участ. лит. кружка «Арион» (Петроград). С 1919 лит. секр. *З.Н.Гиппиус* и *Д.С.Мережковского*. В конце дек. 1919 через Минск и Гомель нелегально эм. с Мережковскими в Варшаву. С июля 1920 номинальный издатель и ред. газ. «Свобода», с нояб. жил в Париже в доме Мережковских. Секр. лит. собраний «Зеленая лампа» (1927-39). Соред. журн. «Новый корабль» (1927-28). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. В 1939 участ. лит. об-ния «Круг». В 1958-60 член редколл. журн. «Возрождение». Весной 1966 преп. в Канзасском ун-те (США). Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Встреча, Лит смотр, Лит совр-к, МДиа, На Зап, Орион, Рус сб (46), Содр, Царство Антихриста, Якорь, *журн:* Возр, Встречи, Грани, Звено, Меч, НЖ, Нов дом, Нов корабль, Опыты, СЗ, Числа, *газ:* Возр, НРС, Общ дело, РМ, Свобода.

Зноско-Боровский Евгений Александрович [муж актрисы М.В.Филаретовой-Багровой, отец *К.Е.Зноско-Боровского*] (1884-1954), театровед, театр. и лит. критик, драматург, прозаик, шахматист, мемуарист. Уроженец Петербур-

га. Учился на ист.-филол. ф-те Петербургского ун-та. В 1909-12 секр. редакции петербургского журн. «Аполлон». После революции уехал на юг России, сотр. в Осваге. В 1920 эм. в Париж. Ред. шахматного отдела газ. «Последние новости». Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. В годы 2-й мир. войны участ. франц. Сопротивления. Ум. в Блиньи близ Парижа, похоронен в Сен-Женевьев де Буа.

Печ в альм/сб: ВОДРК, Зап набл, Рус альм (30), *журн:* Благон, ВР, ИР, НРК, Перезв, ТиЖ (Б), *газ:* Возр, ГР, Дни, НРС, ПН, С.

Зноско-Боровский Кирилл Евгеньевич [сын *Е.А.Зноско-Боровского*] (1912-1966), прозаик. В эм. жил в Париже. Похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в журн: Встречи, *газ:* РиС.

Зуров Леонид Фёдорович (1902-1971), прозаик, журналист, мемуарист. Уроженец г. Остров (Псковская губ.). С окт. 1918 участ. Белого движения, в конце дек. заболел тифом, эвакуир. в Эстонию. Оконч. гимназию в Риге. С 1922 учился на архитектурном отделении Политехнич. ин-та в Праге. Впоследствии верн. в Ригу, секр. Архивного комитета «Белое дело». В нояб. 1929 уехал во Францию. В 1929-61 (с перерывами) жил в доме *И.А.Бунина* (Париж, Грасс). Участ. лит. об-ния «Круг» (1935-39). Участ. франц. этнографич.-археологич. экспедиций в Прибалтику (1935, 1937-38). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. После 2-й мир. войны близок к движению сов. патриотов. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Белое дело, Встреча, Круг, Новь, Рус сб (46), Студ альм, *журн:* Для вас, Журн Содр, ИР, Меч, НЖ, Новоселье, Перезв, РЗ, Родная старина, СЗ, Шк годы, *газ:* Наша газ (Р), Нов путь, НРС, ПН, РиС, РМ, Рус новости (П), С, Слово, Сов патриот.

Иванников Михаил Дмитриевич [в 1-м браке муж *Л.Алексеевой* (в 1937-49)] (1904-1968), прозаик, журналист. Уроженец Георгиевска (Сев. Кавказ). В 1920 с родителями эм. в Константинополь. В 1922 оконч. рус. гимназию в Чехословакии (Моравска-Тшебова). Учился на сельскохозяйственном ф-те ун-та г. Брно, затем на Рус. юрид. ф-те (Прага). Участ. об-ния «Скит поэтов». С 1926 жил в Белграде. С 1927 участ. лит. об-ния «Книжный кружок». В конце 20-х учился в Богословском ин-те (Париж). В мае 1930 верн. в Белград, в окт. поступил на богословский ф-т Белградского ун-та. С 1934 участ. кружка «Лит. среда». Член белградского Союза рус. писателей и журналистов. С сер. 30-х участ. движения младороссов. Принял югослав. гражд-во. Впоследствии от культурной жизни эм. отошел, работал кинооператором. Ум. в Белграде.

Печ в журн: НЖ, Св путями, СЗ, *газ:* НРС, ПН, Рус дело.

Иванов Всеволод Никанорович (1888-1971), прозаик, поэт, публицист, переводчик, журналист, мемуарист. Уроженец Волковыска (Гродненская губ.). В 1912 оконч. ист.-филол. ф-т Петербургского ун-та. Участ. I-й мир. войны. С февр. 1918 преп. на кафедре философии права Пермского отделения Петроградского ун-та. С июня 1919 сотр. Рус. бюро печати при пр-ве Колчака. С весны 1920 жил в Китае (Харбин). В марте 1921 возвр. в Россию, с мая ред. владивостокской «Вечерней газеты». В окт. 1922 из Владивостока эм. в Корею, с нач. 1923 проживал в Китае (Шанхай). Затем переехал в Харбин, преп. в Рус. педагог. ин-те. Сотр. также в китайск. периодике. С 1926 сотр. ТАСС в Китае. Участ. содружества работников ис-в «Понедельник» (Шанхай). В 1931 принял сов. гражд-во. С лета 1941 сотр. радиостанции «Голос Сов. Союза» (Шанхай). В февр. 1945 верн. в СССР, в авг. поселился в Хабаровске. Ум. в Хабаровске.

Печ в альм/сб: Багульник, Врата, *журн:* Евраз хроника, Рубеж, Рус обозрение, *газ:* Возр, Заря, Руль, Рус голос (Х), Слово.

Иванов Вячеслав Иванович [во 2-м браке муж писательницы Л.Д.Зиновьевой-Аннибал (в 1899-1907)] (1866-1949), поэт, драматург, филолог, теоретик символизма, переводчик, историк. Писал также на латин., итал., нем. и франц. яз. С 1918 член Моск. (затем Всерос.) союза писателей. В авг. 1920 уехал из Москвы в Кисловодск, вскоре переселился в Баку, с сер. нояб. проф. кафедры классич. филологии Бакинского гос. ун-та. Д-р филологии (1921). В нач. июня 1924 приехал в Москву, в авг. выехал через Берлин в Италию (Рим). В 1926-34 проф. новых яз. и лит-р в Collegio Borromeo (Павия), преп-ль рус. яз. в Павийском ун-те. С марта 1926 католик вост. обряда. Совершал поездки в Швейцарию. В 1934-43 преп. в Католическом вост. ин-те и Руссикуме (Ватикан). До 1936 сохранял сов. гражд-во. Ум. в Риме.

Печ в альм/сб: Ант рус поэзии XX столетия, Ант совр поэзии, Жемчужины рпт, МДиа, Москва, Мосты, На Зап, Неопалимая купина, Рус альм (81), Рус лирика (Н-Й), Рус Парнас, Чт-декл, Эротика в рус поэзии, Якорь, *журн:* Вест РХД, Грани, НЖ, СЗ.

Иванов Георгий Владимирович [псевд.: А.Кондратьев, Любитель прекрасного, также с подп.: Г.И.; во 2-м браке муж *И.В.Одоевцевой* (с 1921)] (1894-1958), поэт, лит. критик, переводчик, прозаик, публицист, мемуарист. Уроженец Ковенской губ. Учился во 2-м кадетском корпусе (Петербург). В 1912-14 участ. 1-го петербургского «Цеха поэтов». Возглав. 2-й «Цех поэтов» (1916-17). В 1920-22 участ. 3-го «Цеха поэтов». С 1920 член Петроградского Союза поэтов. В сент. 1922 командирован в Берлин. Член редколл. берлинских альм. «Цех поэтов» (1922-23). С авг. 1923 жил в Париже. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Предс. лит. собраний «Зеленая лампа» (1927-39), участ. лит. об-ния «Круг» (1935-39). В 1932-33 находился в Риге. В 1943 переехал в Огрет близ Биаррица, в 1946 верн. в Париж. С 1955 жил в Йер близ Ниццы в доме для престарелых. Ум. в Йер. В 1963 его прах перезахоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Жемчужины рпт, Из нов поэтов, Круг, Л.Каннегисер, Лит совр-к, МДиа, Мосты, На Зап, Орион, Пб в стих рп, Рус альм (81), Рус сб (46), Цех поэтов, Эротика в рус поэзии, Якорь, *журн:* Благон, Возр, Встречи, Грани, Звено, ИР, Лит совр-к, Молодая Россия, НЖ, Нов дом, Нов корабль, Новоселье, Опыты, Сатирикон, СЗ, Числа, Эпопея, *газ:* Возр, Дни, За родину, Звено, НРС, ПН, РМ, С.

Иванов Фёдор Владимирович [также с подп.: И.] (1892-1923), прозаик, лит. критик, мемуарист. Уроженец Симбирска. Учился на юрид. ф-те Петроградского ун-та. Участ. Белого движения на севере России. С 1920 жил в Берлине. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Берлине.

Печ в альм/сб: Струги, *журн:* Голос эмигранта, Жизнь (Б), НРК, РК, Сполохи, *газ:* Время (Б), ГР, С.

Иванов-Разумник [псевд. — наст. имя: Разумник Васильевич Иванов] (1878-1946), литературовед, лит. критик, публицист, историк, социолог, переводчик, журналист, мемуарист. Один из орг-ров и товарищ предс. петроградской Вольфилы (Вольной философ. ассоциации; 1919-24). С 1920 член Всерос. союза писателей (ВСП). В февр. 1933 арестован, сослан (Новосибирск, затем Саратов). В марте 1936 освобожден из ссылки, с сент. жил в Кашире близ Москвы. В сент. 1937 арестован вторично, в июне 1939 освобожден. Проживал в Загорске, затем в Пушкине. В сент. 1941 оказался на оккуп. терр. (г. Пушкин под Ленинградом). В марте 1942 из Гатчины отправлен в нем. лагерь для перемещенных лиц в Конице близ Данцига. В авг. 1943 освобожден, поселился в Литве. В 1944 верн. в Кониц, с 1945 жил в Рендсбурге (Германия), в 1946 переехал в Мюнхен. Ум. в Мюнхене.

Печ в журн: Знамя, НЖ, Соц вест, *газ:* ГР, За родину, Нов слово (Б).

Иванович Ст. [псевд. — наст. имя: Семён Осипович (Иосифович) Португейс; др. псевд.: В.И.Талин, также с подп.: Ст., Ст.И.] (1880-1944),

журналист, публицист, мемуарист; меньшевик. Уроженец Кишинева. В 1917 сотр. редакции петроградской газ. «День». В 1918-20 сотр. ряда печатных органов на юге России. В 1920 из Одессы нелегально эм. в Кишинев. В 1921 переехал в Берлин. В 1922-25 возглав. меньшевистскую группу «Заря». Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. С сер. 20-х жил в Париже. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. В 1940 уехал в США (Нью-Йорк). Ум. в Нью-Йорке.

Печ в альм/сб: АРР, Крестьянская Россия, На чуж стороне, ПН, П.Н.Милюков. Сб мат-лов, Совр проблемы, *журн:* ВР, Зап социал-демократа, Заря, НЖ, РЗ, СЗ, Соц вест, Числа, *газ:* ГР, Евр трибуна, НРС, ПН.

Иваск Юрий (Георгий) Павлович [псевд.: Б.Афанасьевский, Г.Иссако, Александр Корк, также с подп.: Б.А., Ю.И.; племянник библиографа У.Г.Иваска] (1907-1986), поэт, лит. критик, литературовед, переводчик, мемуарист. Уроженец Москвы. В 1920 из Москвы эм. с родителями в Эстонию (Коппель близ Таллинна). В 1932 оконч. юрид. ф-т Тартуского ун-та. Участ. таллиннского «Цеха поэтов» (1933-35). В 1944 уехал в Германию (Гамбург). В 1949 поселился в США. Сост. ант. «На Западе» (1953). Д-р филологии (1954). В 1955-58 ред. журн. «Опыты» (с № 4). Принял амер. гражд-во. С 1960 преп. в Канзасском, Вашингтонском (Сиэтл), Вандербилтском ун-тах. В 1969-77 проф. ун-та шт. Массачусетс (Амхерст). В июле 1984 посетил СССР. Ум. в Амхерсте.

Печ в альм/сб: ВП, Встречи, ЗРАГ, Ковчег (Н-Й), Лит совр-к, МДиа, Мосты, Новь, Отклики, Перекрестки, Рус альм (81), Рус лит архив, Рус лит-ра в эм, Содр, Якорь, *журн:* Вест ИИИК, Вест РСХД, Возр, Грани, Журн Содр, Меч, НЖ, Нов град, Опыты, Отдых, Посев, Путь, Рус магазин, Совр-к, СЗ, Числа, *газ:* НРС, РМ.

Изгоев А.С. [псевд. — наст. имя: Александр Соломонович Ланде; также с подп.: А., А.И-в] (1872-1935), обществ.-полит. деятель, историк, социолог, публицист, журналист, мемуарист; член ЦК партии кадетов. В 1907-18 член редколл. журн. «Рус. мысль». В мае-июне 1917 соучредитель «Лиги рус. культуры» (Петроград), в нояб. совм. с *А.В.Тырковой* изд. антибольшевистскую газ. «Борьба». В нояб. 1918 отправлен на принудительные работы (Вологда). В янв. 1919 верн. в Петроград, в авг. арестован вторично. В марте 1921 освобожден из заключения. Член петроградского отделения Помгола (Всерос. комитета помощи голодающим). В авг. 1922 арестован, в нояб. выслан из Сов. России. Жил в Берлине, Праге, Париже. В сер. 20-х переехал в Эстонию (Хаапсалу). Ум. в Хаапсалу.

Печ в альм/сб: АРР, Сб ст посв П.Б.Струве, *журн:* РМ, *газ:* Возр, Звено, ПИ, ПН, Пон-к, РиС, Руль, С, С веч.

Ильин Владимир Николаевич [псевд.: П.Сазонович, также с подп.: Т.З.] (1891-1974), философ, богослов, литературовед, лит. критик, публицист, композитор, музыковед. Уроженец Киевской губ. Оконч. физико-математич. и ист.-филол. ф-ты Киевского ун-та, частную консерваторию по классу композиции. В 1918-19 приват-доцент философии Киевского ун-та. В 1919 из Одессы эм. в Константинополь. В 1922 поселился в Берлине. Участ. Религиозно-философ. академии (1922-40). В 1925 оконч. богословский ф-т Берлинского ун-та. В 1927-40 проф. Богословского ин-та (Париж). Член Рус. философ. об-ва. Участ. евраз. движения, соред. «Евразийского сборника» (1929). Член худож. об-ва «Икона». Сотр. РСХД. В годы 2-й мир. войны недолго жил в Германии. С 1949 проф. Рус. консерватории (Париж). Затем проф. философии в Institut St. Denis. Д-р богословия. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Евраз временник, Евраз сб, Лик Пушкина, Россия и латинство, Рус лит-ра в эм,

Тридцатые годы, *журн:* Вест ИИИК, Вест РСХД, Возр, Голос Зарубежья, Грани, Евраз хроника, Зеленый журн, НЖ, Нов град, Путь, *газ:* Возр, Евразия, Нов слово (Б), НРС, Пар вест (42), РМ.

Ильин Иван Александрович [псевд.: Ивер, Ослябя, Пересвет, Старый политик, Юстус и др., также с подп.: И.] (1883-1954), философ, правовед, публицист, культуролог, литературовед, лит. критик. Писал также на нем. яз. Д-р гос. наук (1918). В 1918-22 проф. юрид. ф-та Моск. ун-та, преп. также в Ун-те им. Шанявского (1916-18), Высш. муз.-педагог. ин-те (1919-20), Ритмическом ин-те (1920-22). С 1919 член Моск. (затем Всерос.) союза писателей. С 1921 действ. член Ин-та науч. философии, предс. моск. Психологич. об-ва. В сент. 1922 выслан из Сов. России, поселился в Берлине. Участ. Религиозно-философ. академии. Один из орг-ров, затем проф. Рус. науч. ин-та (1923-31) при Берлинском ун-те. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Член-корр. Слав. ин-та при Лондонском ун-те (1924). Ред. берлинского журн. «Рус. колокол» (1927-30). Совершал поездки в Латвию, Эстонию, Швейцарию, Францию, Бельгию, Сербию, Австрию, Чехословакию. Преп. в Берлинском ун-те, летом 1934 уволен нацистами с запретом преподавания и публикаций. В июле 1938 переехал в Швейцарию, жил в Цолликоне близ Цюриха. Ум. в Цолликоне.

Печ в альм/сб: Пам И.С.Шмелева, Рус вест, Рус лит-ра в эм, Сб ст посв П.Б.Струве, *журн:* Вест РСХД, Возр, Меч, Перезв, Правосл Русь, РМ, Рус колокол, *газ:* Возр, Наша газ (Р), Нов время, Р (Н-Й), Р (П), РиС, РМ, Рус инвалид, С, Слово.

Иоанн, архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский [Дмитрий Алексеевич Шаховской, кн.; псевд.: И.Пантелеев, Священнослужитель, Странник, также с подп.: Д., Д.А., Д.А.Ш., игумен Иоанн, иеромонах Иоанн, о. Иоанн Шаховской, Д.А.Шаховской и др.; брат *З.А.Шаховской*] (1902-1989), церковный и обществ. деятель, духовный писатель, поэт, лит. критик. Уроженец Москвы. С 1915 учился в Александровском лицее. Участ. Белого движения. Эм. в июне 1920, жил на Принцевых о-вах, в Константинополе. В 1921 уехал в Париж, учился в Школе полит. наук. В 1922 поступил на ист. отделение философ.-словесного ф-та Лувенского ун-та (Бельгия). Один из орг-ров лит. об-ния «Единорог» (Брюссель). В сер. 20-х недолго жил в Лондоне. Ред. брюссельского журн. «Благонамеренный» (1926). В июле 1926 уехал в Грецию, в авг. принял монашеский постриг на Афоне. Затем учился в Богословском ин-те (Париж). С 1927 проживал в Бела-Црква (Сербия), в марте принял священство. В 1932-45 настоятель Св.-Владимирской церкви в Берлине. Ред. бюллетеня «За Церковь» (1932-36). С 1935 игумен, с 1937 архимандрит. Ред. журн. «Летопись» (1937-41). Благочинный церквей Западноевропейской епархии в Германии. Летом 1945 выслан во Францию. В янв. 1946 уехал в США, настоятель храма Божией Матери в Лос-Анджелесе. С мая 1947 епископ Бруклинский, декан Св.-Владимирской духовной семинарии (Нью-Йорк). С 1948 многолетний сотр. радиостанции «Голос Америки». С 1950 епископ Сан-Францисский и Зап.-Американский. Деятель экуменич. движения, в 1954-68 член Ген. комитета Всемирного совета церквей. С 1961 архиепископ Сан-Францисский и Зап.-Американский. В мае 1975 удалился от дел. Ум. в Санта-Барбара (Калифорния).

Печ в альм/сб: ЗРАГ, Мосты, Перекрестки, Рус альм (81), Содр, У золотых ворот, *журн:* Благон, Вест РСХД, ВР, За Церковь, Континент, Летопись, НЖ, Перезв, Путь, РМ, Совр-к, Студ годы, *газ:* Возр, Голос народа, Дни, Нов слово (Б), НРС, РМ, Рус эхо, С, С веч.

Ирманцева К. [псевд. — наст. имя: Кристина (Христина) Павловна Кроткова, в браке Франкфурт; также с подп.: К., К.Кроткова, К.Кроткова-Франкфурт, Х.Кроткова, К.Франкфурт, K.Frankfort] (? — 1964), поэт, лит. критик, переводчик. С нач. 20-х жила в Праге. С 1922 участ. об-ния «Скит

поэтов». В 30-х через Париж переехала в Канаду. Впоследствии проживала в США (Нью-Йорк). Ум. в США.

Печ в альм/сб: На Зап, Скит, Эстафета, *журн:* ВР, Годы, НЖ, Новоселье, Перезв, РЗ, Св путями, СЗ.

Кадашев В. — см. **Амфитеатров-Кадашев В.А.**

Кадомцев Борис Петрович (? — 1969), публицист. Жил во Франции. В 30-х участ. движения младороссов. Ум. в Монако.

Печ в журн: РМ, *газ:* Бодрость, РиС.

Калашников Николай Сергеевич (1889-1961), прозаик, журналист, мемуарист; эсер. Писал также на англ. яз. Участ. антибольшевистского движения в Сибири. В 1920 эм. в США. Принял амер. гражд-во. В 1949 один из орг-ров «Лиги борьбы за народную свободу». Соред. сб. «Памяти В.И.Лебедева» (1958). Ум. в Нью-Йорке.

Печ в альм/сб: Пам В.И.Лебедева, *журн:* НЖ, Новоселье, *газ:* НРС.

Калишевич Николай Викторович [псевд.: Р.Словцов, также с подп.: Р.С.] (? — 1941), журналист, лит. критик, мемуарист. Уроженец Каменец-Подольска. Эм. в Софию. В нач. 20-х переехал в Париж. Сотр. редакции газ. «Последние новости». Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Париже.

Печ в журн: Встречи, *газ:* ГР, Евр трибуна, За свободу, ПН, С.

Каменецкий Б. — см. **Айхенвальд Ю.И.**

Каменский Анатолий Павлович [муж актрисы В.А.Костровой] (1876-1941), прозаик, драматург, киносценарист. Летом 1918 уехал на юг России. В 1919 орг-р театр. труппы «Коломбина» (Севастополь). В нояб. 1920 из Крыма эм. в Константинополь. Соучредитель Об-ва им. А.П.Чехова. В 1921 переехал в Берлин. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. В 1924 верн. в Сов. Россию, жил в Москве. Летом 1930 выехал в Берлин, вскоре поселился в Париже. В сент. 1935 возвр. в Москву. В конце 1937 арестован. Ум. в заключении (Коми).

Печ в альм/сб: ЖиИ, *журн:* ИР, Мир и иск, Сатирикон, *газ:* Бодрость, ПН, Руль.

Каминка Август Исаакович [двоюродный брат *Г.А.Ландау*] (1865-1940), обществ.-полит. деятель, публицист, издатель, правовед; член ЦК партии кадетов. В 1904-12 приват-доцент Петербургского ун-та, с 1909 проф. права Высш. Бестужевских курсов. В 1918 из Петрограда нелегально эм. в Финляндию. С 1920 жил в Берлине. Соучредитель изд-ва «Слово». Сотр. редакции газ. «Руль» (1920-31). Один из орг-ров Рус. науч. ин-та в Берлине. Ред. «Трудов рус. ученых за рубежом» (1922-23). Предс. Рус. акад. группы в Берлине.

Печ в альм/сб: Сб ст посв П.Б.Струве, Тр рузг, Эконом вест, *журн:* Закон и суд, *газ:* Возр, Р (П), РиС, Руль, С.

Кантор Михаил Львович [также с подп.: М.К., М.К-р; сын евр. литератора и обществ. деятеля Л.О.Кантора] (1884-1970), поэт, лит. критик, юрист. Уроженец Либавы (Латвия). Оконч. юрид. ф-т Петербургского ун-та. После революции эм. в Берлин, сотр. изд-ва «Библиофил». С 1923 жил в Париже, секр. редакции газ. «Звено» (1923-26). Ред. журн. «Звено» (1927-28), соред. журн. «Встречи» (1934). Сост. совм. с *Г.В.Адамовичем* ант. «Якорь» (1936). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: М.М.Винавер и рус общ-ть, *журн:* ВР, Встречи, Звено, НЖ, Опыты, Числа, *газ:* Звено, РМ.

Карамзина (Гримм) Мария Владимировна [урожд. Максимова; псевд.: Мария Останина; в 1-м браке жена правоведа И.Д.Гримма (в 1921-28)]

(1900-1942), поэт, прозаик, лит. критик, переводчик. Уроженка Петербурга. В 1921 из Петрограда эм. в Прагу. Участ. лит. кружка «Далиборка». В 1927 переехала в Эстонию (Тарту). С 1929 жила в Кивиыли. Приняла эстон. гражд-во. Летом 1940 после аннексии Эстонии оказалась на сов. терр. В июне 1941 сослана в Сибирь. Ум. в ссылке (Томская обл.).

Печ в журн: Для вас.

Карпович Михаил Михайлович (1888-1959), историк, публицист, мемуарист. Писал также на англ. яз. Уроженец Тифлиса. В 1914 оконч. ист.-филол. ф-т Моск. ун-та. Сотр. моск. Ист. музея. С мая 1917 до лета 1922 сотр. рус. посольства в Вашингтоне. С дек. 1918 по июнь 1919 находился в Париже, затем верн. в Вашингтон. С 1923 жил в Нью-Йорке. В 1927-57 преп-ль, впоследствии проф. рус. истории в Гарвардском ун-те, в 1949-54 возглав. отделение слав. яз. и лит-р. Принял амер. гражд-во. С 1943 соред., в 1945-59 глав. ред. «Нового журнала». Соред. сб. «Рус. лит. архив» (1956). Ум. в США.

Печ в журн: ИР, Континет, НЖ, Опыты, *газ:* Дни, НРС, ПН.

Карсавин Лев Платонович [также с подп.: Л.К.; сын балетн. педагога П.К.Карсавина, брат балерины Т.П.Карсавиной] (1882-1952), историк-медиевист, философ, богослов, публицист, поэт. Писал также на итал., литов., нем. и чеш. яз. С 1913 проф. Петербургского ун-та, преп. также на Высш. Бестужевских курсах, в Психоневрологич. ин-те и др. Д-р ист. наук, д-р богословия (1916). Участ. петроградского «Братства Св. Софии» (1918-22, с перерывом). В 1920 преп. в Богословском ин-те (Петроград). В 1921-22 проф. обществ.-педагог. и правового отделений ф-та обществ. наук Петроградского ун-та. Член Философ. об-ва при Петроградском ун-те. В сер. нояб. 1922 выслан из Сов. России, поселился в Берлине. Один из орг-ров, затем сотр. Рус. науч. ин-та в Берлине. Соучредитель изд-ва «Обелиск». В июле 1926 переехал в Кламар близ Парижа. Участ. Религиозно-философ. академии. Один из идеологов евраз. движения, член редколл. газ. «Евразия» (1928-29). В 1928-40 возглав. кафедру всеобщей истории Каунасского ун-та (Литва). Летом 1940 после аннексии Литвы оказался на сов. терр., с осени жил в Вильнюсе, преп. в Вильнюсском ун-те. В 1945-46 преп. историю ис-в в Вильнюсском худож. ин-те, затем директор Худож. музея (Вильнюс). В нач. июля 1949 арестован. В дек. 1950 переведен в лагерь инвалидов в Абези (Коми). Ум. в заключении (Абезь).

Печ в альм/сб: Балт альм, Евраз временник, *журн:* Версты, Вест РХД, Евраз хроника, НРК, Нов град, Путь, СЗ, *газ:* Дни, Евразия, Руль, ПН.

Карташёв Антон Владимирович (1875-1960), обществ.-полит. и церковный деятель, богослов, историк рус. церкви, публицист, мемуарист; член ЦК партии кадетов. В 1906-18 доцент, затем проф. и зав. кафедрой истории религии и церкви Высш. Бестужевских курсов (Петроград). С июля 1917 обер-прокурор Священного синода, в авг.-сент. министр вероисповеданий Временного пр-ва. Один из инициаторов созыва Всерос. Поместного Собора православной церкви (1917-18). Соучредитель петроградского «Братства Св. Софии» (1918-22, с перерывом). В янв. 1919 из Петрограда нелегально эм. в Финляндию (Гельсингфорс), предс. Рус. полит. комитета. В мае-авг. 1919 вице-предс. и министр иностр. дел Полит. совещания при ген. Юдениче. С мая 1920 жил в Париже. Член Комитета помощи рус. писателям и ученым во Франции. С 1924 предс. Рус. нац. комитета (РНК). Участ. Религиозно-философ. академии. В 1925-60 проф. Богословского ин-та (Париж). Соред. журн. «Борьба за Россию» (1926-31). Д-р богословия (1944).

Предс. Рус. акад. группы во Франции. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Живым и гордым, Лик Пушкина, Листья, На путях, Пам И.С.Шмелева, Правосл мысль, Россия и латинство, Сб ст посв П.Б.Струве, *журн:* Борьба за Россию (2б), Вест РСХД, Возр, Меч, Независимая мысль, Независимый голос, Путь, Рос демократ, СЗ, *газ:* Возр, Галлиполи, Евр трибуна, Нов рус жизнь, ПН, РиС, РМ, Рус газ в П.

Кельберин Лазарь Израилевич [также с подп.: К., Л., Л.К.] (1907-1975), поэт, лит. критик. Уроженец Киева. С нач. 20-х жил в Париже. С 1925 участ. «Союза молодых поэтов и писателей». Участ. лит. собраний «Зеленая лампа» (1927-39), лит. об-ния «Круг» (1935-39). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Круг, Лит смотр, На Зап, Сб стихов (29), Якорь, *журн:* Полярная звезда, РЗ, СЗ, Числа, *газ:* Возр, РМ.

Керенский Александр Фёдорович (1881-1970), гос. и полит. деятель, юрист, публицист, мемуарист; эсер (с марта 1917). Депутат 4-й Гос. думы. С марта 1917 в составе Временного пр-ва: министр юстиции (март-май), воен. и морской министр (май-сент.), с июля министр-предс. (премьер), с авг. верх. главнокомандующий. С конца окт. 1917 находился в районе Сев. фронта. С янв. 1918 нелегально жил в Петрограде, с мая — в Москве, в июне под чужой фам. из Архангельска эм. через Англию в Париж. Один из орг-ров и член Административного центра ВДО (Внепартийно-дем. об-ния; 1920-22). В нач. 20-х переехал в Берлин. Ред. газ. «Дни» (1922-32). В 1924 верн. в Париж. Ред. журн. «Новая Россия» (1936-40). В июле 1940 переселился в Испанию, осенью уехал в США (Нью-Йорк). В 1949 один из орг-ров «Лиги борьбы за народную свободу», ред. нью-йоркского журн. «Грядущая Россия». С 1951 возглав. дем. группу «Российское народное движение» (РНД). Ум. в Нью-Йорке, похоронен в Лондоне.

Печ в альм/сб: П.Н.Милюков. Сб мат-лов, *журн:* Возр, ВР, За свободу, НЖ, Нов Россия, РЗ, СЗ, *газ:* Возр, ВР, Дни, Нар дело, НРС, ПН, Руль, С.

Кизеветтер Александр Александрович (1866-1933), обществ.-полит. деятель, историк, публицист, мемуарист; член ЦК партии кадетов. Депутат 2-й Гос. думы. Д-р ист. наук (1909). В 1909-11 и 1917-20 проф. Моск. ун-та. Член-корр. Российской АН (1917). С 1918 член Моск. (затем Всерос.) союза писателей. В сент. 1922 выслан из Сов. России, поселился в Берлине. Один из орг-ров Рус. науч. ин-та. В янв. 1923 переехал в Прагу, преп. на Рус. юрид. ф-те. Участ. лит.-муз. об-ния «Збраславские пятницы» (1923-25). С 1925 возглав. ист.-философ. отделение Рус. народного (свободного) ун-та. Сотр. ряда науч. учреждений в Праге: Рус. ист. об-ва, Рус. науч.-исслед. об-ния, Слав. науч. ин-та. Член учен. совета Рус. заграничного ист. архива (Прага). Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. В 1927-33 проф. рус. истории философ. ф-та Карлова ун-та. В сент. 1928 участ. 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград). Соред. «Сборника статей, посвященных П.Н.Милюкову» (1929), сб. «Московский университет» (1930). Ум. в Праге.

Библиогр: А.А.Кизеветтер: Библиография / Сост. Е.Ф.Максимович // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, 1937. Т. III. С. 165-207, 225-284.

Кирдецов Григорий Львович [наст. фам.: Дворецкий; др. псевд.: И.Э.Фиц-Патрик] (1880-е — 1938?), журналист, мемуарист. С 1910 иностр. корр. газ. «Биржевые ведомости». Эм. из России осенью 1918, проживал в

Дании, Чехословакии. Летом 1919 переехал в Таллинн. Возглав. отдел агитации и печати при пр-ве Юденича. Факт. ред. газ. «Свободная Россия» (авг.-сент. 1919), далее под названием «Свобода России» (сент. 1919 — июль 1920), затем «За свободу России» (авг. 1920 — май 1921). С лета 1921 жил в Берлине. В 1922 примкнул к сменовех. движению. В 1922-23 глав. ред. газ. «Накануне». С 1923 зав. отделом печати при сов. полпредстве в Берлине, с 1924 пресс-атташе сов. полпредства в Риме. В сер. 20-х верн. в СССР (Москва), сотр. НКИД. Летом 1935 арестован, находился в заключении (Туруханский край, затем Средн. Азия). Погиб в заключении.

Печ в газ: Накануне.

Кленовский Дмитрий [псевд. — наст. имя: Дмитрий Иосифович Крачковский; также с подп.: К.; сын художника И.Е.Крачковского] (1892-1976), поэт, лит. критик, мемуарист. До революции печ. под наст. фам. Уроженец Петербурга. В 1913 поступил на юрид. ф-т Петербургского ун-та, затем перевелся на ист.-филол. ф-т. В 1918-20 служил в Красной Армии (Москва). В 1921-22 журналист, с 1922 переводчик Укр. информ. агентства (Харьков). В 1943 с оккуп. терр. эм. через Австрию в Германию. С 1954 жил в Траунштейне (Бавария). Ум. в Траунштейне.

Печ в альм/сб: ВП, Жемчужины рпт, Лит Зарубежье, МДиа, Мосты, На Зап, Перекрестки, У врат, *журн:* Возр, Грани, НЖ, Опыты, Совр-к, *газ:* НРС, РМ.

Клепинин Николай Андреевич [брат обществ. деятеля священника Д.А.Клепинина] (1899-1941), историк, публицист. В 1920 эм. в Сербию, учился в Белградском ун-те. С 1921 участ. «Белградского православного кружка». В 1926 переехал в Париж. Участ. РСХД, сотр. изд-ва «YMCA-Press». Участ. евраз. движения, соред. «Евразийского сборника» (1929). С 1933 сотр. с иностр. отделом ОГПУ. В окт. 1937 под чужой фам. бежал из Франции в СССР. Жил в Болшево близ Москвы, числился на службе НКВД, сотр. вост. отдела ВОКС (Всесоюзного об-ва культурной смычки). В нояб. 1939 арестован. Расстрелян в Москве.

Печ в журн: Вест РСХД, Путь.

Ключников Юрий Вениаминович [также с подп.: Ю.К.; сын издателя В.М.Ключникова] (1888-1938), обществ.-полит. деятель, правовед, драматург; кадет. До 1918 приват-доцент права Моск. ун-та. В апр.-мае 1918 соред. моск. еженедельника «Накануне». В 1918-19 управляющий министерством иностр. дел в пр-ве Колчака (Омск). С 1919 жил в Париже, входил в рус. Совет послов. С февр. 1921 участ. полит. группы «Смена вех». Ред. парижского журн. «Смена вех» (1921-22). В конце 1921 переехал в Берлин. В апр.-мае 1922 один из экспертов сов. делегации на Генуэзской конференции, в авг. посетил Сов. Россию. В 1922 соред. берлинской газ. «Накануне». Участ. кружка «Академия прозы». В авг. 1923 верн. в Россию, поселился в Москве. В 20-е зав. отделом междунар. политики в Комакадемии, занимался также науч.-педагог. и публицист. деятельностью. Во 2-й пол. 30-х арестован. Погиб в заключении.

Печ в альм/сб: Смена вех, *журн:* Смена вех, *газ:* ГР, Накануне.

Кнорринг Ирина Николаевна [псевд.: Ирина Бек; дочь историка и педагога Н.Н.Кнорринга, жена *Ю.Софиева* (с 1928)] (1906-1943), поэт, мемуаристка. Уроженка Самарской губ. До осени 1919 проживала в Харькове, затем в Крыму. В нояб. 1920 из Севастополя эм. с родителями через Константинополь в Тунис (Сфаят, Бизерта). В мае 1925 переехала в Севр близ Парижа. Участ. «Союза молодых поэтов и писателей». В 1927 поселилась в Париже. Училась во Франко-рус. ин-те. В 30-х секр. парижского

Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Париже, похоронена в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: МДиа, На Зап, Сб стихов (29), Якорь, *журн:* Годы, Грани, Звено, НЖ, Перезв, Прожектор, РЗ, Св путями, Студ годы, Эос, *газ:* Горн, НРС, ПН, РиС.

Кнут Довид [псевд. — наст. имя: Давид Миронович Фиксман; во 2-м браке муж поэтессы А.А.Скрябиной (дочери композитора А.Н.Скрябина)] (1900-1955), поэт, прозаик, лит. критик, переводчик. Писал также на франц. яз. Уроженец Огреева (близ Кишинева). В 1918 ред. кишиневского журн. «Молодая мысль». Имел румын. гражд-во. В 1920 уехал из Кишинева во Францию (Канны), вскоре поселился в Париже. В 1921-22 участ. группы «Палата поэтов», лит.-худож. кружка «Гатарапак». Участ. лит. группы «Через» (1923-24). В 1925 один из орг-ров «Союза молодых поэтов и писателей». Соред. журн. «Новый дом» (1926-27). С 1927 участ. лит. собраний «Зеленая лампа», с 1928 участ. лит. группы «Перекресток». Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Принял франц. гражд-во. С осени 1940 участ. франц. Сопротивления. С лета 1942 жил в Швейцарии. В 1945 верн. в Париж. Осенью 1949 переехал в Израиль (Тель-Авив), от лит. жизни эм. отошел. Принял израильское гражд-во. Ум. в Тель-Авиве.

Печ в альм/сб: Круг, МДиа, На Зап, Перекресток, Эстафета, Якорь, *журн:* Благон, ВР, Встречи, Грани, Звено, Нов дом, Нов корабль, Новоселье, Перезв, Прожектор, РЗ, Св путями, СЗ, Числа, *газ:* Дни, ПН.

Кодрянская Наталья Владимировна [урожд. фон Гернгросс] (1901-1983), детская писательница, литературовед, мемуаристка. Уроженка Бессарабии. Оконч. моск. Ин-т благородных девиц. В 1919 эм. в Женеву. В 1927 переехала в Париж. В 1940 через Лиссабон уехала в США, проживала в Нью-Йорке, Беверли-Хиллз. В 1945 приняла амер. гражд-во. После войны подолгу жила во Франции. Ум. в Эланкур близ Парижа.

Печ в альм/сб: Ковчег (Н-Й), *журн:* НЖ, Новоселье, *газ:* НРС, РМ.

Койранский Александр Арнольдович (Ааронович) [также с подп.: А., А.К., А.К-й; брат поэта и журналиста Б.А.Койранского] (1884-1968), поэт, прозаик, переводчик, лит., театр. и худож. критик, художник, музыкант, мемуарист. Писал также на англ. яз. Уроженец Москвы. В 1909 оконч. юрид. ф-т Моск. ун-та. Весной 1918 уехал из Москвы на юг России. В нач. апр. 1919 из Одессы эм. через о. Халки (Греция) в Париж. Весной 1920 переехал в Лондон. В 1921 верн. в Париж, секр. редакции журн. «Современные записки». В 1922 поселился в США. Принял амер. гражд-во. После 2-й мир. войны преп. рус. лит-ру в Боулдере (шт. Колорадо). Ум. в Пало-Альто (Калифорния).

Печ в журн: ЗП, НЖ, СЗ, *газ:* ГР, НРС, Общ дело, ПН.

Коковцов Владимир Николаевич, граф (1853-1943), гос. и полит. деятель, экономист, мемуарист. С 1904 министр финансов, в сент. 1911 — янв. 1914 предс. Совета министров. В нояб. 1918 из Петрограда нелегально эм. в Финляндию (Гельсингфорс), в дек. через Лондон переехал в Париж. В 20-х предс. правления Internationale Bank of Commerce (Париж). Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в журн: ИР, *газ:* Возр, РиС, С.

Кондратьев Александр Алексеевич [псевд.: Каппа, Соратник и др.] (1876-1967), поэт, прозаик, лит. критик, литературовед, переводчик, мемуарист. Уроженец Петербурга. В 1902 оконч. юрид. ф-т Петербургского ун-та. В янв. 1918 уехал из Петрограда на юг России, осенью поселился в с. Дорогобуж Волынской губ. В 1921 после присоединения Волыни к Польше оказался на польск. терр. Принял польск. гражд-во. В нач. 1940 перебрался в Варшаву, вскоре покинул

Польшу. Жил в Австрии, Германии, Югославии, Италии. В 1952 поселился в Швейцарии. В 1957 переехал в США. Ум. в Наяк (шт. Нью-Йорк).

Печ в альм/сб: Ант рус поэзии в Польше, Вертоград небесный, *журн:* Возр, Журн Содр, Меч, НЖ, РМ, *газ:* Возр, Волынское слово, За свободу, Молва, Наша жизнь, ПИ, РиС, РМ, Руль, Свобода, Слово.

Коновалов Сергей Александрович [сын гос. и полит. деятеля А.И.Коновалова] (1899-1982), историк, литературовед. Писал также на англ. яз. Уроженец Москвы. В 1917 эм. в Англию. Оконч. Оксфордский ун-т. В 1929-45 преп. рус. яз. и лит-ру в Бирмингемском ун-те. Принял англ. гражд-во. В 1945-68 проф. кафедры рус. яз. и лит-ры Оксфордского ун-та. Основал и ред. журн. «Oxford Slavonic Papers» (1950-67). В 1958 посетил СССР. Ум. в Оксфорде.

Корвин-Пиотровский Владимир Львович [до 1945 печ. под фам.: Пиотровский, также с подп.: П.] (1891-1966), поэт, драматург. Уроженец Белой Церкви (Киевская губ.). Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. В 1920 эм. через Польшу в Берлин. В 1921-23 ред. отдела поэзии журн. «Сполохи». Участ. лит.-худож. об-ния «Веретено». В нач. 20-х близок к сменовех. движению, сотр. редакции газ. «Накануне». Ред. берлинского изд-ва «Манфред». Ред. сб. «Струги» (1923). Участ. «Кружка друзей рус. лит-ры» (затем Лит. кружка им. проф. Ю.И.Айхенвальда; 1924-31). Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Участ. берлинского «Кружка поэтов» (1928-33). В 1933 переехал в Париж. В годы 2-й мир. войны участ. франц. Сопротивления. В 1944 арестован нацистами, 10 месяцев провел в заключении (Монлюк близ Лиона). После войны близок к движению сов. патриотов. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. В 1953 уехал в США (Лос-Анджелес). Принял амер. гражд-во. Ум. в Лос-Анджелесе.

Печ в альм/сб: Веретено, Встреча, Деревня в рус поэзии, Из нов поэтов, МДиа, Мосты, На Зап, Невод, Новоселье, Роща, Рус сб (46), Содр, Струги, Эстафета, *журн:* Возр, Грани, Ж-пт, Мир и иск, НЖ, Новоселье, НРК, РЗ, СЗ, Сполохи, *газ:* Дни, Накануне, НРС, РМ, Руль.

Коровин Константин Алексеевич [брат художника С.А.Коровина] (1861-1939), живописец, театр. художник, прозаик, мемуарист. В 1901-18 преп. в Моск. училище живописи, ваяния и зодчества. Акад. живописи (1905). В 1910-18 глав. декоратор и худож. консультант моск. императорских театров. В 1918-19 преп. в Гос. свободных худож. мастерских (Москва). С осени 1923 жил в Париже. Член Союза рус. художников во Франции. Как сценограф работал в театрах Парижа, Мюнхена, Турина, Лондона, Нью-Йорка и др. Участ. худож. выставок в Париже, Праге, Риме, Нью-Йорке и пр. В сер. 30-х в связи с ухудшением зрения оставил живопись и обратился к лит. творчеству. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в журн: Возр, Грани, Для вас, Ж-пт, ИР, Мир и иск, Нов нива, Новоселье, НРК, Парус, РЗ, СЗ, Сполохи, *газ:* Возр, Дни, Накануне, РиС, Руль, С, Шанх заря.

Корсак В. [псевд. — наст. имя: Веньямин Валерианович Завадский; также с подп.: В.] (1884-1944), прозаик, поэт, мемуарист. Уроженец г. Калачна-Дону. Оконч. юрид. ф-т Варшавского (Донского) ун-та (Ростов-на-Дону). Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. В 1920 из Одессы эм. в Египет. С 1922 жил в Париже. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Калифорнийский альм, *журн*: ГМ на чуж стороне, *газ:* Дни, ПН, РиС.

Коряков Михаил Михайлович (1911-1977), историк, публицист, лит. критик, журналист, мемуарист. Родом из Сибири. В конце 30-х оконч. МИФЛИ (Моск. ин-т истории, философии и лит-ры). В 1941-45 служил в

Сов. армии. После войны сотр. сов. посольства в Париже. С весны 1946 невозвращенец. Жил в Бразилии. В 1950 переехал в США. Принял амер. гражд-во. Сотр. радиостанции «Свобода». Ум. в Вест-Порт (шт. Коннектикут).

Печ в альм/сб: Лит Зарубежье, Мосты, *журн:* Вест РСХД, Возр, За свободу, Независимая мысль, НЖ, Соц вест, *газ:* НРС, РМ.

Кошеватый Ник. [псевд.?], биолог, публицист, мемуарист. Писал также на англ., нем. и укр. яз. В 1928-41 преп. в сов. вузах, сотр. Укр. АН. В 1943 с оккуп. терр. эм. в Германию. С сер. 50-х жил в США.

Печ в альм/сб: К проблемам интеллигенции СССР, *журн:* Грани.

Кравченко Виктор Андреевич (1905-1966), публицист. Уроженец Екатеринослава. В июне 1943 командирован в Вашингтон в составе сов. закупочной комиссии. С апр. 1944 невозвращенец, жил в Нью-Йорке. Весной 1949 выиграл в Париже полит. судебный процесс против прокоммунистической газ. «Les Lettres françaises» в связи с фактами массовых репрессий в СССР. В 50-х переехал в Перу (Лима). В нач. 60-х верн. в Нью-Йорк. Покончил с собой в Нью-Йорке.

Печ в газ: НРС, РМ.

Крандиевская (Крандиевская-Толстая) Наталия Васильевна [дочь писательницы А.Р.Крандиевской, во 2-м браке жена *А.Н.Толстого* (в 1914-35; брак оформлен в 1917)] (1888-1963), поэт, переводчик, мемуаристка. Уроженка Москвы. В июле 1918 с мужем уехала из Москвы на Украину, затем проживала в Одессе. В апр. 1919 из Одессы эм. на Принцевы о-ва, с июня жила в Париже. Осенью 1921 поселилась в Берлине. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Участ. кружка «Академия прозы». В авг. 1923 верн. в Сов. Россию (Петроград). Ум. в Ленинграде.

Печ в альм/сб: Вечера пзл, Женская лирика, Радуга, Цветень, *журн:* Ж-пт, ЗП, СЗ, Сполохи, Эпопея, *газ:* Св мысли.

Краснов Пётр Николаевич [псевд.: П.Лидин, П.Николаев, П.Чернов, также с подп.: Гр.А.Д.; сын ген. Н.И.Краснова] (1869-1947), ген. от кавалерии (1918), прозаик, публицист, воен. историк, мемуарист. Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. С мая 1918 атаман Всевеликого войска Донского, затем командующий белоказачьей армией. В февр. 1919 подал в отставку, с сент. ведал пропагандой в Сев.-Зап. армии. В янв. 1920 рус. воен. представитель в Эстонии и член ликвидационной комиссии Сев.-Зап. армии. Затем поселился в Берлине. С 1921 член Высш. монархического совета (ВМС). Один из орг-ров «Братства рус. правды» (1921-33). Соред. берлинского журн. «Рус. правда» (1922-33). В конце 20-х переехал во Францию (Даммари-ле-Лис, Сантени). В 1938 верн. в Берлин. С лета 1941 сотр. казачьего отдела министерства вост. терр. германского рейха. В 1942 посетил оккуп. Дон и Сев. Кавказ. С марта 1944 возглав. глав. управление казачьих войск министерства вост. терр. Рук-ль организации «Казачий стан» (Белоруссия, позднее Сев. Италия). Член «Совета рус. армии» при ген. Власове. В 1944-45 находился в Сев. Италии. В нач. мая 1945 сдался англ. командованию в Австрии, вскоре выдан сов. властям. Казнен в Москве.

Печ в альм/сб: АРР, Детинец, Живым и гордым, Историк и современник, Казачий альм, Казачий быт, Мед всадник, *журн:* Для вас, Перезв, Рус журн, Рус колокол, Рус летопись, Рус правда (Б), Сполохи, *газ:* Веч время (П), Возр, Галлиполи, ГР, Либ рус слово, Нов время, Нов слово (Б), НРС, ПИ, Р (Бг), Рус время, Рус эхо, Слово.

Кречетов Сергей [псевд. — наст. имя: Сергей Алексеевич Соколов; в 1-м браке муж писательницы Н.И.Петровской (в 1903-05), во 2-м — муж актрисы Л.Д.Рындиной (с 1907)] (1878-1936), поэт, прозаик, переводчик, лит. и худож. критик, журналист, публицист, издатель, мемуарист. Уроженец Москвы. В 1901 оконч. юрид. ф-т Моск. ун-та. Основал и возглав. моск. изд-во «Гриф» (1903-15).

Участ. 1-й мир. войны, попал в нем. плен. В авг. 1918 верн. в Москву, в окт. уехал на юг России. В 1919-20 ред. лит.-полит. пресс-бюро Добр. армии. Соред. ростовского журн. «Орфей» (1919). В марте 1920 из Новороссийска эм. через Константинополь в Париж. Один из орг-ров «Братства рус. правды» (1921-33). С весны 1922 жил в Берлине. Соред. журн. «Рус. правда» (1922-33). Возглав. изд-во «Медный всадник», ред. альм. «Медный всадник» (1923). Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. После 1933 переехал в Париж. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Живым и гордым, Мед всадник, Рус сб (20), *журн:* Вест ГПОГ, Возр, ЗП, Иск славян, РМ, Рус правда (Б), Русь, Студ годы, *газ:* Возр, Галлиполи, Либ рус слово, Общ дело, Слово.

Кроткова К. — см. **Ирманцева К.**

Крыжановская-Рочестер (Крыжановская) Вера Ивановна [в браке Семёнова; др. псевд.: Рочестер и пр.; дочь ген. И.А.Крыжановского] (1857-1924), прозаик, публицист, переводчик. Писала также на франц. яз. После революции из Петрограда эм. в Эстонию. Ум. в Таллинне.

Печ в газ: Нарвский листок, ПИ, Призыв.

Крымов Владимир Пименович (1878-1968), предприниматель, прозаик, журналист, издатель, мемуарист. В 1913-17 изд. журн. «Столица и усадьба» (Петроград). В апр. 1917 выехал в Японию (Иокогама). В июле 1918 переселился в США (Лос-Анджелес, Нью-Йорк). В 1920 через Центр. Америку и Марокко верн. в Европу (Лондон). В нач. 1921 обосновался в Германии (Берлин, затем Целлендорф). В марте-авг. 1921 ред. газ. «Голос России». В 1933 переехал во Францию, поселился в Шату близ Парижа. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Шату, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Калифорнийский альм, Мосты, *журн:* Молодая Россия, Сполохи, *газ:* Время (Б), ГР, НРС, ПИ, РМ, Руль, Рупор, С.

Кузнецова Галина Николаевна [в браке Петрова; также с подп.: Г.Петрова] (1900-1976), поэт, прозаик, переводчик, мемуаристка. Уроженка Киева. В 1918 оконч. гимназию (Киев). Осенью 1920 из Севастополя эм. в Константинополь. Осенью 1921 переселилась в Чехословакию. Училась во Франц. ин-те (Прага). В 1924 переехала в Париж. В 1927-42 (с перерывами) жила в доме *И.А.Бунина* (Грасс, Париж). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. С апр. 1942 проживала в Каннах на юге Франции, летом поселилась в Германии (Геттинген). В 1949 уехала в США (Нью-Йорк). С 1955 сотр. рус. изд. отдела ООН. В 1956 приняла амер. гражд-во. В 1959-63 сотр. Европейского отдела ООН (Женева). Ум. в Мюнхене.

Печ в альм/сб: ВП, Калифорнийский альм, МДиа, Мосты, На Зап, Пестрые рассказы, Содр, Якорь, *журн:* Благон, Вест РСХД, ВР, Годы, Звено, ИР, Казачий журн, НЖ, Нов дом, Перезв, СЗ, Студ годы, *газ:* Возр, Дни, НРС, ПН, РМ, Руль, С, С веч, Слово.

Кузьмин-Караваев Дмитрий Владимирович [сын правоведа В.Д.Кузьмина-Караваева, муж *Е.Ю.Кузьминой-Караваевой* (в 1910-16)] (1886-1959), юрист, историк, литератор, обществ. деятель. Уроженец Петербурга. Оконч. юрид. ф-т Петербургского ун-та. В 1911-14 участ. 1-го «Цеха поэтов» (Петербург). Участ. 1-й мир. войны. В мае 1920 принял католичество. В 1922 выслан из Сов. России. В 1923-28 учился в семинарии (Рим). Священник католических приходов в Берлине (1928-32), Бельгии (1932-40), Медоне близ Парижа (с 1940). С 1957 преп. рус. лит-ру в Руссикуме (Рим). Ум. в Риме.

Кузьмина-Караваева (Скобцова) Елизавета Юрьевна [урожд. Пиленко; в монашестве: мать Мария; псевд.: Юрий Данилов, также с подп.: Мария,

М.М., монахиня Мария, мон. Мария, Е.Скобцова, Ю., Ю.Д.; в 1-м браке жена *Д.В.Кузьмина-Караваева* (в 1910-16), во 2-м — жена *Д.Е.Скобцова-Кондратьева* (в 1918-32)] (1891-1945), поэт, прозаик, драматург, публицист, обществ. деятель, мемуаристка. Уроженка Риги. В 1906 поселилась в Петербурге. Училась на философ. отделении Высш. Бестужевских курсов. В 1913 уехала из Петербурга в Анапу. С февр. 1918 гор. голова Анапы, в апр.-окт. жила в Москве, затем верн. на Кубань. В марте 1920 эвакуир. из Новороссийска в Тифлис, вскоре эм. через Константинополь в Белград. В нач. 1923 переехала в Париж. Участ. РСХД, с 1930 разъездной секр. РСХД. В марте 1932 приняла монашество. В 30-х сотр. «Лиги православной культуры». Участ. лит. об-ния «Круг» (1935-39). Соучредитель и предс. об-ния «Православное дело» (1935-43). В годы 2-й мир. войны участ. франц. Сопротивления. В нач. февр. 1943 арестована нацистами. Погибла в концлагере (Равенсбрюк).

Библиогр : Шустов А.Н. Библиографический указатель литературных, философских, публицистических и художественных произведений Е.Ю.Кузьминой-Караваевой (матери Марии). Томск: Водолей, 1994. 24 с.

Кулишер Александр Михайлович [псевд.: Юниус; сын литературоведа и этнографа М.И.Кулишера] (1890-1942), историк, социолог, правовед, публицист, журналист; кадет. Уроженец Петербурга. Оконч. юрид. ф-т Петербургского ун-та. Преп. на Высш. Бестужевских курсах (Петроград). В 1921 из Петрограда эм. в Берлин. Сотр. Рус. науч. ин-та. В 1926 член правления берлинского Рус. лит.-худож. кружка. Вскоре поселился в Париже, сотр. редакции газ. «Последние новости». В годы 2-й мир. войны арестован нацистами. Погиб в концлагере.

Печ в альм/сб: ПН, П.Н.Милюков. Сб мат-лов, *журн*: Молодая Россия, СЗ, Числа, *газ:* Евр трибуна, Звено, ПН.

Кульман Николай Карлович (1871-1940), филолог-славист, литературовед, языковед, лит. критик. Писал также на франц. яз. Уроженец Новгородской губ. В 1897 оконч. ист.-филол. ф-т Петербургского ун-та. Проф. Высш. Бестужевских курсов и Женского педагог. ин-та (Петроград). В июне 1918 уехал из Петрограда на юг России. В 1919 из Севастополя эм. в Белград. Проф. рус. лит-ры Белградского и Софийского ун-тов. В 1928 переехал в Париж. Проф., затем и декан рус. отделения при Сорбонне, преп. также во Франко-рус. ин-те. Ред. однодневной газ. «Пушкин» (1937). Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: ВОДРК, Колос, *журн:* РМ, СЗ, *газ:* Возр, Пушкин, Р (П), РиС, Рус инвалид.

Куприн Александр Иванович [псевд.: Али-Хан, также с подп.: Ал.К-рин] (1870-1938), прозаик, лит. критик, публицист, журналист, мемуарист. В 1918-19 член петроградского Союза деятелей худож. лит-ры (СДХЛ). В окт. 1919 из Гатчины эм. в Эстонию, в нояб. из Таллинна уехал в Гельсингфорс (Финляндия). В июне 1920 через Копенгаген переехал в Париж. В февр.-июне 1921 ред. журн. «Отечество» (№№ 1-4). С конца 1921 член правления и вице-предс. парижского Союза рус. писателей и журналистов. В сент. 1928 участ. 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград). В 1931-32 ред. журн. «Иллюстрированная Россия» (№№ 323-374). В конце мая 1937 верн. в СССР (Москва), в дек. поселился в Ленинграде. Ум. в Ленинграде.

Печ в альм/сб: Будущее, Грани, Казачий лит-общ альм, Казачий сб, Колос, Родная земля, Рус земля, Рус сб (20), Скорбь земли рус, Шепоты сумерек, *журн:* Борьба за Россию (26), Веретеныш, Журн Содр, ЗП, ИР, Ллойд-журн, НЖ, Нов нива, Общ путь, Окно, Отечество, Перезв, Рубеж, Сатирикон, СЗ, Студ годы, Часовой, *газ:* Возр, Галлиполи, Звено, Либ рус слово, Маяк, Наше слово, Нов газ, Нов рус жизнь, НРС, Общ дело, Огни, ПИ, ПН, Призыв, Рус время, Рус газ в П, Рус жизнь (Г), Рус курьер, С, Слово, Шанх заря.

Кусевицкий Сергей Александрович [муж скульптора Н.К.Кусевицкой (с 1905)] (1874-1951), дирижер, контрабасист, композитор, муз. деятель. В 1917-20 возглав. Гос. симфонич. оркестр (Петроград). В 1920 эм. в Париж. В 1924 соучредитель Рус. консерватории (Париж). С 1924 жил в США. В 1924-49 рук-ль и глав. дирижер Бостонского симфонич. оркестра. В 1934 один из орг-ров Беркширского муз. центра. В 1941 принял амер. гражд-во. В годы 2-й мир. войны президент муз. секции Нац. совета сов.-амер. дружбы. В 1946 орг-р Амер.-сов. муз. об-ва. Ум. в Бостоне.

Печ в журн: Новоселье.

Кускова Екатерина Дмитриевна [урожд. Есипова, в 1-м браке Ювеналиева; в 3-м браке жена *С.Н.Прокоповича* (с 1895)] (1869-1958), обществ.-полит. деятель, социолог, публицист, издатель, мемуаристка. В 1917-18 ред. моск. газ. «Власть народа». С 1918 член. Моск. (затем Всерос.) союза писателей. С 1919 член Моск. комитета Об-ва полит. Красного креста, одна из рук-лей «Лиги спасения детей». В 1921 одна из рук-лей Помгола (Всерос. комитета помощи голодающим), арестована и сослана в Вологду. С конца янв. 1922 проживала в Кашине (Тверская губ.), в июне выслана из Сов. России, поселилась в Берлине. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Соучредитель берлинского Клуба писателей (1922-23). Предс. рус. Полит. Красного креста. В нач. 1924 переехала в Прагу. Член комитета пражского Земгора. Член совета Рус. заграничного ист. архива (Прага). Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. В 1939 обосновалась в Швейцарии. Ум. в Женеве.

Печ в альм/сб: Крестьянская Россия, На чуж стороне, П.Н.Милюков. Сб мат-лов, *журн:* ВР, НЖ, Нов град, РЗ, СЗ, Соц вест, Утверждения, *газ:* ГР, Дни, Звено, НРС, ПН, Путь, РМ, Рус новости (П), С.

Кутепов Александр Павлович [отец лингвиста П.А.Кутепова] (1882-1930), ген. от инфантерии (1920), мемуарист. Участ. 1-й мир. войны. В 1917 командир лейб-гвардии Преображенского полка. С янв. 1918 начальник гарнизона Таганрога, с авг. черноморский ген.-губернатор (Новороссийск). С янв. 1919 командир 1-го армейского корпуса Кавказской Добр. армии, с мая командир 1-го армейского корпуса Добр. армии. С сент. 1920 командующий 1-й армией, в нояб. из Крыма эм. в Галлиполи (Турция). С конца 1921 жил в Болгарии. В мае 1922 выслан из Болгарии, поселился в Белграде. В нач. 1924 переехал в Париж. С конца апр. 1928 предс. Рус. общевоинского союза (РОВС). Совершал поездки в Сербию, Чехословакию, Польшу, Бельгию. В конце янв. 1930 похищен в Париже агентами иностр. отдела ОГПУ, через Марсель нелегально вывезен из Франции, ум. в пути близ Новороссийска.

Печ в альм/сб: Живым и гордым, *газ:* Возр.

Кшесинская Матильда (Матильда-Мария) Феликсовна [наст. фам.: Кржезинская; с 1921 княг. Красинская, с 1935 светл. княг. Романовская-Красинская; дочь танцовщика Ф.И.Кшесинского, с 1921 морганатическая жена вел. кн. Андрея Владимировича (внука Александра II)] (1872-1971), балерина, балетн. педагог, мемуаристка. Писала также на франц. яз. Уроженка Лигова (близ Петербурга). В 1896-1904 прима-балерина Мариинского театра (Петербург). В июле 1917 уехала из Петрограда в Крым. В февр. 1920 из Новороссийска эм. через Венецию во Францию. В 1920-28 жила в Кап д'Ай близ Канн. В нач. 1929 поселилась в Париже. В 1929 — 1960-х преп. в собственной балетн. студии. Ум. в Париже, похоронена в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Ладинский Антонин Петрович [псевд.: В.Ладин, также с подп.: А.Л., А.Л-кий] (1896-1961), прозаик, поэт, публицист, журналист, переводчик,

мемуарист. Уроженец Псковской губ. Учился на юрид. ф-те Петроградского ун-та. Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. В нач. 1920 из Новороссийска эм. в Египет (Александрия). В 1924 переехал в Париж, учился в Сорбонне. В 1925 один из орг-ров «Союза молодых поэтов и писателей». Близок к лит. группе «Кочевье». Сотр. редакции газ. «Последние новости». Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Совершал поездки в Польшу, Италию, Чехословакию, Сербию, Бельгию, Турцию, Тунис, Египет, Палестину. Участ. лит. об-ния «Круг» (1935-39). С 1944 член Союза рус. патриотов (затем Союза сов. патриотов, позднее Союза сов. граждан). Сотр. редакции газ. «Сов. патриот». В 1946 принял сов. гражд-во. В нач. сент. 1950 выслан из Франции, жил в Дрездене. В марте 1955 верн. в СССР (Москва). С 1960 член Союза писателей СССР. Ум. в Москве.

Печ в альм/сб: Встреча, Казачий лит-общ альм, Казачий сб, Круг, МДиа, На Зап, Новь, Орион, Рус сб (46), Эстафета, Якорь, *журн:* Вольный пахарь, ВР, Грани, Для вас, Журн Содр, Звено, ИР, Меч, Мир и иск, Нов корабль, Новоселье, Перезв, Полярная звезда, Прожектор, РЗ, Рубеж, Сатирикон, Св путями, СЗ, Студ годы, Числа, *газ:* Возр, Дни, Либ рус слово, Нар мысль, Нов газ, ПН, Пон-к, РиС, Рус новости (П), Рус патриот, С, Сов патриот.

Лазарев Егор Егорович (1855-1937), обществ.-полит. деятель, публицист, мемуарист; эсер. Писал также на франц. яз. С 1911 находился в эм. (Швейцария). В 1917 верн. в Петроград. В 1918-19 министр просвещения Самарского пр-ва. Весной 1919 из Владивостока эм. через США в Прагу. В 1920-21 изд. газ. «Воля России». Сотр. пражского Земгора. Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Праге.

Печ в журн: ВР, Рев Россия, Социалист-революционер, *газ:* ВР, Дни, Накануне, ПН, Руль.

Лазаревский Борис Александрович [псевд.: Лазарев; сын историка А.М.Лазаревского] (1871-1936), прозаик, журналист, мемуарист. Писал также на укр. яз. После революции жил в Киеве, затем в Ростове-на-Дону. Сотр. Освага. Летом 1919 переехал в Тифлис. В 1920 эм. в Константинополь, затем проживал в Берлине, Праге. Летом 1923 поселился в Париже. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Цветень, *журн:* Веретеныш, Для вас, ЗП, ИР, Мир и иск, Нов нива, Парус, Сполохи, Студ годы, *газ:* Веч время (П), Возр, Время (Б), Дни, Либ рус слово, Наше слово, Общ дело, ПИ, ПН, РиС, С.

Лазаревский Владимир Александрович (1897-1953), журналист, публицист. Уроженец Киева. Участ. Белого движения. С 1920 жил в Праге. Осенью 1921 нелегально посетил Сов. Россию (Крым). Оконч. Рус. юрид. ф-т (Прага). Впоследствии переехал в Париж. В 1946 ред. непериод. изд. «Свободный голос» (№№ 1-3). В 1947 учредитель, затем член редколл. газ. «Рус. мысль». Ум. в Ницце.

Печ в журн: Св голос, Часовой, *газ:* Возр, РиС, РМ.

Ландау Григорий Адольфович [псевд.: Л.Грандов, также с подп.: Гр.Л.; сын евр. публициста и издателя А.Е.Ландау, двоюродный брат *А.И.Каминки*] (1877-1941), философ, культуролог, публицист, лит. критик. Уроженец Петербурга. В 1902 оконч. юрид. ф-т Петербургского ун-та. После революции преп. теорию права в петроградском Педагог. ин-те. В авг. 1920 из Петрограда нелегально эм. в Финляндию. В нач. 1921 поселился в Берлине. Сотр. редакции газ. «Руль». Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Весной 1938 переехал в Ригу. Летом 1940 после аннексии Латвии оказался на сов. терр. В сер. июня 1941 арестован. Погиб в заключении.

Печ в альм/сб: Живым и гордым, Зап РНИБ, Сб ст посв П.Б.Струве, Тр рузг, *журн:* Борьба за Россию (26), Молодая Россия, Нов нива, РМ, Числа, *газ:* Веч время (Р), Возр, Время (Б), Либ рус слово, Нов рус жизнь, Р (П), РиС, Руль, С.

Ланской Андрей Михайлович, граф (1902-1976), живописец, мозаист, коллажист. Уроженец Москвы. В 1917 оконч. частную гимназию в Петрограде, поступил в Пажеский корпус. В 1918 уехал в Киев. С 1919 участ. Белого движения. В 1920 эм. в Константинополь. С 1921 жил в Париже. Участ. лит.-худож. группы «Через» (1923-24). Член Союза рус. художников во Франции. Участ. худож. выставок в Париже, Лондоне, Брюсселе, Нью-Йорке, Женеве и др. Совершал поездки в страны Зап. Европы и в США. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в журн: НЖ.

Лаппо-Данилевская Надежда Александровна [урожд. Люткевич; также с подп.: Н.Лаппо-Д.; в 1-м браке жена композитора С.С.Лаппо-Данилевского (с 1898)] (1874-1951), прозаик, драматург, переводчик, певица, мемуаристка. Писала также на франц. яз. В дек. 1920 из Петрограда нелегально эм. через Прибалтику в Варшаву. В 1923 совершила поездку в Рим, приняла католичество вост. обряда. С сер. 20-х жила во Франции. Ум. в Шароль (Франция).

Печ в газ: Веч время (Р), ГР, Либ рус слово, ПИ, Свобода.

Лапшин Иван Иванович (1870-1952), философ, историк, литературовед, психолог, музыковед. Писал также на нем., франц. и чеш. яз. Д-р философии (1906). В 1913-22 проф. философии Петроградского ун-та. С 1920 член Всерос. союза писателей (ВСП). В нояб. 1922 выслан из Сов. России, поселился в Берлине. В янв. 1923 переехал в Прагу. Участ. лит.-муз. об-ния «Збраславские пятницы» (1923-25). Проф. Рус. юрид. ф-та, Рус. народного (свободного) ун-та и Карлова ун-та. Сотр. ряда науч. учреждений в Праге: Рус. науч. ин-та, Рус. науч.-исслед. об-ния, Рус. ист. об-ва. Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. Предс. Рус. философ. об-ва в Праге. Ум. в Праге.

Печ в альм/сб: Белгр пушк сб, Жизнь и смерть, Зап РНИБ, Науч тр РНУП, О Дост, Пушкинский сб, Русские в Праге, Сб РИП, Сб ст посв П.Н.Милюкову, *журн:* ВР.

Ларионов Михаил Фёдорович [в 1-м браке муж *Н.С.Гончаровой* (в 1901-62; брак оформлен в 1955)] (1881-1964), живописец, график, театр. художник, худож. критик, мемуарист. Писал также на франц. яз. Участ. 1-й мир. войны, после ранения демобилизован. С конца 1915 жил в Париже. Как сценограф участвовал в антрепризах С.П.Дягилева. Член Союза рус. художников во Франции. Участ. худож. выставок в Лондоне, Риме, Бордо, Дрездене и др. В 1938 принял франц. гражд-во. Ум. в Фонтене-о-Роз близ Парижа, похоронен в Иври-сюр-Сен.

Печ в журн: Новоселье, Числа, *газ:* Рус новости (П).

Лахман Гизелла Сигизмундовна (1895-1969), поэт, переводчик. Уроженка Киева. Эм. в 1919, жила в Берлине. В 20-х поселилась в Швейцарии. С осени 1940 проживала в Португалии (Лиссабон). В 1941 уехала в США (Нью-Йорк). Участ. Кружка рус. поэтов в Америке. Приняла амер. гражд-во. В 1950 переехала в Вашингтон, сотр. Б-ки Конгресса. Ум. в Нью-Йорке.

Печ в альм/сб: Мосты, Содр, Четырнадцать, *журн:* НЖ, *газ:* НРС.

Лебедев Владимир Иванович (1883-1956), обществ.-полит. деятель, публицист, журналист, лит. критик, прозаик; эсер. Писал также на франц. яз. С 1908 находился в эм. (Франция). Участ. 1-й мир. войны, доброволец Иностр. легиона. В нач. апр. 1917 верн. в Россию, в апр.-авг. управляющий морским министерством во Временном пр-ве. В мае 1918 уехал в Поволжье. Участ. Белого движения. В 1919 эм. в Париж. Соред. газ. «Pour la Russie» (1920). В 1920-32 соред. газ., затем журн. «Воля России». В 1921-36 проживал в Праге, Белграде, Париже. Орг-р и директор журн. на сербохорват. яз. «Руски архив»

(1928-39). Один из рук-лей Земгора в Белграде. В 1929 нелегально посетил СССР. В 1936 переехал в США (Чикаго). С 1938 жил в Нью-Йорке, сотр. редакции газ. «Новое рус. слово». Принял амер. гражд-во. Предс. Об-ва приехавших из Европы. Ум. в Нью-Йорке.

Печ в журн: Борьба за Россию (2б), ВР, Новоселье, *газ:* ВР, ГР, Дни, НРС.

Лебедев Вячеслав Михайлович [псевд.: Виктор Ляпин] (1896-1969), поэт, прозаик, переводчик. Писал также на чеш. яз. Уроженец Воронежа. Участ. Белого движения. В нач. 1920 из Крыма эм. в Константинополь. Затем проживал в Болгарии, Сербии (Белград), Австрии (Вена). С 1922 жил в Праге. Близок к об-нию «Скит поэтов» (позднее «Скит»), участ. лит. кружка «Далиборка» (1924-33). В 1932 оконч. Политехнич. ин-т (Прага). В 1933 соред. сб. «Скит» (№ 1). Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. Принял чехословацкое гражд-во. После 2-й мир. войны от лит. деятельности отошел. Ум. в Праге.

Печ в альм/сб: Вечера пзл, Ковчег (Н-Й), Мосты, На Зап, Новь, Скит, Якорь, *журн:* ВР, Годы, Звено, НЖ, Новоселье, Путь, РМ, Рус магазин, Св путями, СЗ, Студ годы, Центр Европа, Эос, *газ:* Возр, Наша газ (Р), Нов газ, Р (П), РиС, РМ, Руль.

Левин Вениамин Михайлович [псевд.: В.Менделеев, В.Мечтатель, В.Печерский; брат поэта и издателя И.М.Левина] (1892-1953), поэт, лит. критик, мемуарист; левый эсер. Уроженец Петербурга. Оконч. реальное училище, учился в Психоневрологич. ин-те. В 10-х участ. рев. движения, арестован. Весной 1917 из ссылки верн. в Петроград, сотр. Чрезвычайной следственной комиссии Временного пр-ва. В 1918 уехал в Саратов, впоследствии жил в Чите. Весной 1922 эм. через Китай в США (Нью-Йорк). Принял амер. гражд-во. Совершал поездки во Францию. Ум. в Нью-Йорке.

Печ в журн: Жизнь (Н-Й), *газ:* НРС, Рус голос (Н-Й).

Левинсон Андрей Яковлевич (1887-1933), лит., театр. и худож. критик, искусствовед, историк балета, журналист, переводчик, мемуарист. Писал также на франц. яз. Уроженец Петербурга. В 1913 оконч. ист.-филол. ф-т Петербургского ун-та. С конца 1918 член редколл. изд-ва «Всемирная лит-ра» (Петроград). Приват-доцент франц. яз. и лит-ры Петроградского ун-та. С 1920 проф. истории нов. балета в Петроградском Ин-те истории ис-в. В конце апр. 1921 командирован в Берлин. Вскоре поселился в Париже. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Преп. на рус. отделении Сорбонны. Сотр. также во франц. периодике. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: АРР, Грани, *журн:* Ж-пт, Звено, РМ, СЗ, Сполохи, Тиж (Б), Числа, *газ:* Дни, Звено, ПН, РиС, Руль.

Ликиардопуло Михаил Фёдорович (1883-1925), журналист, переводчик, лит. критик, драматург. Писал также на англ. яз. Уроженец Неаполя (Италия). С 1894 жил в России. Учился в Высш. технич. училище (Ростов-на-Дону). В 1904 переехал в Москву. С 1915 корр. газ.: «День», «Утро России» и др. Совершил поездки в Данию, Германию, Австрию, Венгрию, Румынию. В мае 1917 выехал из Петрограда в Стокгольм в качестве корр. рус. газет. В 1918-19 зав. отделом печати и пропаганды греч. миссии в Стокгольме. С апр. 1919 проживал в Лондоне. Сотр. в англ. периодике. Принял англ. гражд-во. Ум. в Брайтоне (Англия).

Печ в журн: РК, *газ:* Руль.

Лисицкий Эль (Эл) [псевд. — наст. имя: Лазарь Маркович (Мордухович) Лисицкий] (1890-1941), архитектор, график, плакатист. Писал также на идиш и нем. яз. Уроженец Смоленской губ. В 1914 оконч. архитектурный ф-т Дармштадтской Высш. технич. школы (Германия). В 1919-20 участ. витебской группы

художников УНОВИС («Утвердители нового ис-ва»). В 1921 преп. в моск. ВХУТЕМАСе (Высш. гос. худож.-технич. мастерских). В 1921 уехал в Берлин. Соред. журн. «Вещь» (1922). В 1922-23 один из орг-ров 1-й сов. худож. выставки в Берлине и Амстердаме. В нач. 1924 поселился в Швейцарии (Локарно). В июне 1925 через Берлин верн. в СССР. Жил в Москве, в 1926-30 проф. ВХУТЕМАСа, затем ВХУТЕИНа (Высш. гос. худож.-технич. ин-та). Оформлял сов. павильоны на выставках в Дрездене (1926, 1930), Ганновере (1927), Кельне (1928), Штутгарте (1929), Лейпциге (1930), Париже (1936). Ум. в Москве.

Печ в журн: Вещь.

Лифарь Сергей (Серж) Михайлович (1905-1986), танцовщик, балетмейстер, балетн. педагог, историк танца, художник, прозаик, коллекционер, мемуарист. Писал также на франц. яз. Уроженец Киева. В нач. дек. 1922 из Киева нелегально эм. в Варшаву. В янв. 1923 переехал в Париж. В 1923-29 солист труппы «Рус. балет Дягилева». В 1930-44, 1947-59, 1962-63 и 1977 балетмейстер парижской Гранд Опера́. Один из устроителей пушкинских торжеств в Париже (1937), орг-р парижской выставки «Рус. балеты Дягилева» (1939). В 1945-47 рук-ль труппы «Новый балет» (Монте-Карло). В 1947 орг-р Ин-та хореографии (Париж). Совершал поездки в страны Европы, Америки, Азии, Африки. С 1955 преп. в Сорбонне курс истории и теории танца. В 1961, 1968, 1969 и 1976 посетил СССР. С 1962 предс. Об-ва охранения рус. культурных ценностей за рубежом (Париж). С 1970 член-корр. франц. Академии изящных искусств. В 80-х проживал в Швейцарии (Лозанна). Ум. в Лозанне, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: ВОДРК, Рус альм (81), *журн:* Возр, Для вас, РЗ, СЗ, Числа, *газ:* Возр, НРС, ПН, РМ, С.

Лозинский Григорий Леонидович [также с подп.: Г.Л.; брат поэта и переводчика М.Л.Лозинского] (1889-1942), литературовед, историк, переводчик. Писал также на франц. яз. Уроженец Петербурга. Оконч. юрид. и ист.-филол. ф-ты Петербургского ун-та. Приват-доцент Петроградского ун-та. В 1922 из Петрограда эм. в Париж. Соред. «Временника Об-ва друзей рус. книги» (1925-38). Преп. на рус. отделении Сорбонны, в Collège de France. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: ВОДРК, Тр IV съезда РАОЗ, *журн:* Возр, Встречи, Звено, *газ:* Звено, ПН, Пушкин.

Лоло (Lolo) [псевд. — наст. имя: Леонид Григорьевич Мунштейн; также с подп.: L-o; муж актрисы В.Ильнарской (В.Н.Ильинской)] (1866/67-1947), поэт-сатирик, драматург, журналист, переводчик, мемуарист. В 1909-18 ред. моск. журн. «Рампа и жизнь». Осенью 1918 уехал из Москвы в Киев. С 1919 жил в Одессе, сотр. в газ.: «Наше слово», «Современное слово». В нач. 1920 из Крыма эм. через Константинополь в Париж. Совершал поездки в Германию, Италию. Рук-ль театр. труппы «Маски». С конца 20-х проживал в Ницце. Ум. в Ницце.

Печ в альм/сб: Ант СиЮ, Гримасы кисти и пера, Рус лирика (Н-Й), Св песнь, *журн:* ИР, Сатирикон, ТиЖ (Б), *газ:* Возр, ГР, Заря, Звено, Наша речь, Нов рус жизнь, ПН, Риж курьер, Руль, Рус время, Рус газ в П, Рус голос (Х), Рус эхо, С, Эхо.

Лосский Николай Онуфриевич [отец искусствоведа Б.Н.Лосского и богослова В.Н.Лосского] (1870-1965), философ, публицист, мемуарист. Д-р философии (1907). В 1916-21 проф. философии Петроградского ун-та. В сер. нояб. 1922 выслан из Сов. России, в дек. из Берлина переехал в Чехословакию (Прага, Збраслав). Участ. лит.-муз. об-ния «Збраславские пятницы» (1923-25). В 1925-27 проф. философии Рус. народного ун-та, преп. также на Рус. юрид.

ф-те. Возглав. Рус. философ. об-во (Прага). В 1927 преп. историю и совр. философию в Богословском ин-те (Париж). В 1928 преп. в Рус. науч. ин-те в Белграде. Соред. «Сборника статей, посвященных П.Н.Милюкову» (1929). Летом 1933 преп. в Стенфордском ун-те (США). Соред. сб. «Жизнь и смерть» (1935). Совершал поездки во Францию, Англию, Италию, Польшу, Швейцарию, Болгарию. В апр. 1942 переехал из Праги в Братиславу, возглав. кафедру философии Братиславского ун-та. Летом 1945 уехал в Париж. Весной 1946 поселился в США (Нью-Хэвен). В 1947-50 проф. философии Св.-Владимирской духовной семинарии (Нью-Йорк). С 1950 жил в Лос-Анджелесе. В марте 1952 принял амер. гражд-во. Совершал поездки в Канаду, Англию, Францию. В июле 1961 верн. во Францию. Ум. в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Библиогр: Николай Лосский: Библиография / Сост. Б.Н. и Н.К.Лосские. Париж, 1978. 129 с.

Лот-Бородина Мирра Ивановна [урожд. Бородина; также с подп.: Мирра Бородина, М.Л.-Б.; дочь акад. И.П.Бородина, жена франц. историка Ф.Лота, племянница композитора А.П.Бородина] (1882-1957), историк, богослов, поэт, литературовед, переводчик, журналист. Писала также на франц. яз. Уроженка Петербурга. Училась на Высш. Бестужевских курсах. С 1905 жила за границей, училась в Италии. Затем поселилась в Париже. Д-р филологии (1909). Приняла франц. гражд-во. В февр. 1920 одна из орг-ров, затем член Рус. акад. группы в Париже. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Сотр. также во франц. периодике. Ум. в Париже.

Печ в журн: Вест РСХД, Возр, Путь, РМ, СЗ.

Лубенский Степан — см. **Савицкий П.Н.**

Лукаш Иван Созонтович [псевд.: Ив.Сазонов, также с подп.: В., И.Л., Л.] (1892-1940), прозаик, поэт, драматург, лит. критик, журналист. Уроженец Петербурга. В 1916 оконч. юрид. ф-т Петербургского ун-та. Участ. 1-й мир. войны. В сер. 1918 уехал из Петрограда в Киев. Участ. Белого движения. Сотр. в газ.: «Голос Таврии», «Юг России». В нояб. 1920 из Одессы эм. в Константинополь. Затем проживал в Турции (Галлиполи), Болгарии (Тырново, София), Австрии (Вена), Чехословакии (Прага). В 1922 поселился в Берлине, участ. лит.-худож. об-ния «Веретено». Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. В 1925 переехал в Ригу. Ред. лит. отдела газ. «Слово». С 1927 жил в Париже. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Медоне близ Парижа.

Печ в альм/сб: Веретено, Живым и гордым, Инвалид, Колос, Мед всадник, *журн:* Веретеныш, Вест ГПОГ, Возр, Ж-пт, ИР, Мир и иск, Наука и жизнь, Наш мир, НЖ, Нов неделя, Перезв, РМ, Сполохи, Студ годы, Часовой, Числа, *газ:* Возр, Время (Б), Галлиполи, Либ рус слово, Наше слово, Нов заря, Нов рус жизнь, Общ дело, Р (П), Руль, Рус газ (Р), С, Св речь, Слово, Эхо.

Лукомский Георгий Крескентьевич [также с подп.: Г.Л.; брат искусствоведа В.К.Лукомского] (1884-1952), график, искусствовед, худож. критик, историк архитектуры, мемуарист. Уроженец Калуги. В 1915 оконч. архитектурное отделение Высш. худож. училища при Академии художеств (Петроград). С лета 1917 предс. Царскосельской худож.-ист. комиссии. Член Всерос. коллегии по делам музеев. В нояб. 1918 уехал из Петрограда в Киев. Член Всеукраинского комитета по охране старины, один из орг-ров киевского Музея ис-в. В окт. 1919 переехал в Ялту. В апр. 1920 из Крыма эм. в Константинополь, с июня находился в Италии (Венеция, Равенна), с авг. жил в Париже. С 1921 проживал в Берлине. Ред. худож. отдела журн. «Жар-птица» (1921-23, 1925-26). В 1925 поселился в Париже. В 1940 обосновался в Англии. После войны верн. во Францию. Ум. в Ницце.

Печ в журн: Ж-пт, ЗП, Мир и иск, НРК, РК, Смена вех, Сполохи, ТиЖ (Б), *газ:* Накануне.

Лукьянов Сергей Сергеевич [сын гос. и обществ. деятеля С.М.Лукьянова] (ок. 1888 — 1938?), филолог-классик, историк ис-ва, публицист, переводчик, журналист. Весной 1920 из Петрограда уехал на юг России, осенью эм. в Париж. С февр. 1921 участ. парижской полит. группы «Смена вех». С 1922 жил в Берлине. Член правления берлинского Дома искусств. В 1923-24 соред. газ. «Накануне». Летом 1924 возвр. в Париж. В 1926-27 ред. журн. «Наш Союз». В 1927 выслан из Франции, верн. в СССР. Глав. ред. моск. журн. «Journal de Moscou». Летом 1935 арестован. Погиб в заключении.

Печ в альм/сб: Смена вех, *журн:* Наш Союз, Смена вех, *газ:* Накануне.

Лурье Артур (Артур-Оскар-Винсент) Сергеевич [псевд. — наст. имя: Наум Израилевич Лурья; также с подп.: А.Л.] (1891-1966), композитор, пианист, муз. критик, мемуарист. Писал также на франц. яз. Уроженец Могилевской губ. В 1909-16 учился в Петербургской консерватории по классу рояля и классу композиции. В 1918-20 зав. муз. отделом Наркомпроса. В марте 1922 командирован в Берлин. С 1924 жил в Париже. Участ. евраз. движения, член редколл. газ. «Евразия» (1928-29). В 1940 переехал в Нью-Йорк. В 1946 принял амер. гражд-во. Ум. в Принстоне (США).

Печ в альм/сб: ВП, *журн:* Версты, НЖ, Новоселье, Третий час, Числа, *газ:* Евразия, НРС, РМ.

Лурье Вера Иосифовна (Осиповна) [также с подп.: В., В.Л.] (р. 1901), поэт, лит. критик, мемуаристка. Писала также на нем. яз. Уроженка Петербурга. В 1921 участ. лит. кружка «Звучащая раковина» (Петроград), приняла латв. гражд-во, в окт. эм. через Ригу в Берлин. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. В 1938 арестована нацистами, вскоре освобождена. Приняла нем. гражд-во. Ныне живет в Берлине.

Печ в альм/сб: Балт альм, Невод, Струги, *журн:* ВР, Континент, НРК, Сполохи, *газ:* ГР, Дни, РМ, С.

Лурье Семён Владимирович (1867-1927), публицист, журналист, лит. критик, поэт. Эм. в 1919, вскоре поселился в Париже. Ум. в Руане (Франция).

Печ в журн: ВР, Звено, Св путями, СЗ.

Лутохин Далмат Александрович [также с подп.: Д.Л-н] (1885-1942), экономист, лит. критик, прозаик, мемуарист. В 1922 ред. журн.: «Вестник лит-ры», «Экономист», сб. «Утренники» (Петроград). В нач. февр. 1923 выслан из Сов. России, через Таллинн уехал в Берлин, летом поселился в Горних Мокропсах близ Праги. Участ. лит.-муз. об-ния «Збраславские пятницы» (1923-25). Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. В нач. нояб. 1927 верн. в СССР (Ленинград), работал экономистом. Ум. в блокадном Ленинграде.

Печ в альм/сб: АРР, Крестьянская Россия, Уч зап ИИР, *журн:* ВР, НРК, Слав кн, *газ:* ПН, Руль.

Львов Владимир Николаевич (1872-1934), обществ.-полит. и церковный деятель, публицист; октябрист. Депутат 3-й и 4-й Гос. думы (Львов 2-й). В марте-июле 1917 обер-прокурор Священного синода. После революции жил на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. В янв. 1920 эм. в Японию, вскоре переехал в Париж. В нояб. 1921 примкнул к сменовех. движению. Затем проживал в Берлине. В июне 1922 верн. в Сов. Россию (Москва). В 1923-24 участ. обновленческого движения рус. православной церкви. Сотр. Высш. церковного управления (ВЦУ). В нач. февр. 1927 арестован, в апр. сослан в Томск. В сент. 1929 освобожден из ссылки, поселился в Томске.

Печ в журн: Смена вех.

Львов Лоллий Иванович [также с подп.: Лол.Ив., Lollius] (1888-1967), поэт, прозаик, историк лит-ры, лит. и худож. критик, журналист. Уроженец

Москвы. В 1915 оконч. ист.-филол. ф-т Моск. ун-та. В 1920 эм. в Париж. Член ред. комитета газ. «Россия и славянство» (1928-34). В годы 2-й мир. войны сотр. в пронацистских изданиях, посещал Россию в качестве переводчика. С 1945 жил в Мюнхене. С 50-х сотр. рус. службы радиостанции «Свобода» и Ин-та по изучению истории и культуры СССР. Ум. в Мюнхене.

Печ в журн: Вест ИИИК, Возр, Воля, ИР, Лит совр-к, Мир и иск, На чужбине, Наш мир, Посев, РМ, Рус колокол, Рус эхо, *газ:* Возр, За свободу, Нов рус жизнь, ПИ, Р (П), РиС, Руль, С, Слово.

Львов Николай Николаевич (1867-1944), обществ.-полит. деятель, публицист, журналист, юрист, мемуарист; один из лидеров Партии мирного обновления (1906-12). Депутат 1-й, 3-й и 4-й Гос. думы. В 1917 один из рук-лей Всерос. союза земельных собственников, в нояб. уехал на юг России. В окт. 1918 один из орг-ров Совета гос. объединения России (СГОР). В 1919-20 соред. газ. «Великая Россия» (Ростов-на-Дону, затем Севастополь). В нояб. 1920 из Новороссийска эм. в Париж. В 20-х один из рук-лей Рус. комитета объединенных организаций. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Живым и гордым, Москва, *журн:* Зарницы, РМ, *газ:* Возр, Нов время, Русь.

Ляцкий Евгений Александрович [также с подп.: Е.Л., Евг.Л-ий; в 1-м браке муж В.А.Пыпиной-Ляцкой (дочери акад. А.Н.Пыпина)] (1868-1942), литературовед, лит. критик, этнограф, прозаик, поэт, публицист. Писал также на нем., польск., серб. и чеш. яз. В конце 1917 из Петрограда эм. в Финляндию (Гельсингфорс), соред. газ. «Северная жизнь» (1918-19). Затем переехал в Стокгольм, в 1920-21 возглав. изд-во «Северные огни». С 1922 жил в Праге, проф. кафедры рус. яз. и лит-ры Карлова ун-та. В 1923-26 рук-ль изд-ва «Пламя». Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. Ред. газ. «Огни» (1923-24). С 1925 проф. Рус. народного (свободного) ун-та. В конце 20-х предс. Комитета по улучшению быта рус. писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии. Сотр. также в скандинавской и франц. периодике. Сотр. Рус. ист. об-ва, в 1940-42 его предс. Ум. в Праге.

Печ в альм/сб: АРР, Белгр пушк сб, Младорусь, Науч тр РНУП, Пушкинский сб, Родная земля, Рус заруб кн , Сб РИП, *журн:* ВР, ГМ на чуж стороне, Новости лит-ры, НРК, РК, Рус школа за рубежом, *газ:* Огни, Сев жизнь.

Маклаков Василий Алексеевич [брат гос. деятеля Н.А.Маклакова] (1869-1957), обществ.-полит. деятель, юрист, публицист, мемуарист; член ЦК партии кадетов. Депутат 2-й, 3-й и 4-й Гос. думы. С авг. 1917 член бюро Совета обществ. деятелей (СОД), в сер. окт. выехал в Париж в качестве посла России во Франции (в связи с Окт. переворотом не получил официальн. аккредитации, оставался неаккредитованным послом России до окт. 1924). В 1919 член Рус. полит. совещания. В сент. 1920 приезжал в Россию, находился в расположении Добр. армии (Крым). С февр. 1921 возглав. рус. Совет послов (Париж). С 1924 предс. Рус. эм. комитета при Лиге Наций. С апр. 1927 возглав. Центр. комитет по устройству дней рус. культуры. В годы 2-й мир. войны арестован нацистами, вскоре освобожден. В 1945 близок к движению сов. патриотов. Ум. в Бадене близ Цюриха (Швейцария), похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: М.М.Винавер и рус общ-ть, Моск ун-т, Мосты, *журн:* Возр, ИР, Мир и иск, НЖ, СЗ, *газ:* Возр, НРС, ПН, Руль, Рус новости (П).

Маковский Сергей Константинович [сын художника К.Е.Маковского] (1877-1962), поэт, лит. и худож. критик, издатель, искусствовед, мемуарист. Один из основателей и соред. журн. «Старые годы» (1907-15). Основатель и ред. петербургского журн. «Аполлон» (1909-17). В 1918 уехал из Петрограда в Ялту. В 1920 из Крыма эм. в Прагу. Ред. сб. «Артисты Моск. Худож. театра за рубежом»

(1922), журн. «Искусство славян» (1923-26). Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. В 1924 один из орг-ров лит. кружка «Далиборка». В 1925 соучредитель парижского худож. об-ва «Икона». В 1926 переехал в Париж. В 1926-32 зав. лит.-худож. отделом газ. «Возрождение». Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. В 1939-44 предс. Об-ния рус. писателей в Париже. Предс. редколл. сб. «Встреча» (1945). В 1949-59 предс. редколл. изд-ва «Рифма». Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Артисты МХТ за рубежом, Веретено, Вечера пзл, ВОДРК, Встреча, Грани, Зап набл, Ковчег (Пр), Колос, Лит совр-к, МДиа, Мед всадник, Младорусь, Мосты, На Зап, Рус сб (46), Сб ст инрп, Чт-декл, Эстафета, *журн:* Вест РСХД, Возр, ВР, Грани, Ж-пт, Иск славян, НЖ, Новоселье, Опыты, Перезв, РМ, Сатирикон, СЗ, Сполохи, *газ:* Возр, НРС, Общ дело, РМ, Руль, С.

Максимов Сергей Сергеевич [наст. фам.: Пашин; др. псевд.: Сергей Широков] (1916-1967), прозаик, поэт, драматург, мемуарист. Уроженец Поволжья. С 1923 проживал в Москве. В 1934 поступил в Лит. ин-т им. М.Горького (Москва). В 1936 арестован, до 1941 находился в заключении. С осени 1941 жил на оккуп. терр. (Смоленск). Арестован гестапо, полгода провел в заключении. В 1943 уехал в Германию (Берлин), сотр. Вост. отдела министерства пропаганды германского рейха. В 1945 поселился в Гамбурге, с 1946 соред. журн. «Грани». В июне 1949 переехал в США (Монтерей). Принял амер. гражд-во. Ум. в Лос-Анджелесе.

Печ в альм/сб: Лит Зарубежье, *журн:* Возр, Грани, Нар правда, НЖ, Отдых, Посев, *газ:* Нов слово (Б), НРС.

Мамченко Виктор Андреевич (1901-1982), поэт, журналист. Уроженец Николаева. В 1920 из Крыма эм. в Тунис. С 1923 жил в Париже, учился на филол. ф-те Сорбонны. В 1925 один из орг-ров «Союза молодых поэтов и писателей». Участ. лит. собраний «Зеленая лампа» (1927-39), лит. об-ния «Круг» (1935-39). После войны близок к движению сов. патриотов.. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Шелль близ Парижа.

Печ в альм/сб: Круг, Лит смотр, МДиа, На Зап, Рус сб (46), Сб стихов (29), Содр, Эстафета, Якорь, *журн:* Встречи, Грани, Журн Содр, Звено, Меч, Новоселье, РЗ, СЗ, Совр-к, Числа, *газ:* РМ.

Мандельштам Юрий Владимирович [также с подп.: Ю.М.; брат поэтессы Т.В.Штильман, муж Л.И.Мандельштам (дочери *И.Ф.Стравинского*)] (1908-1943), поэт, лит. критик, переводчик. Писал также на франц. яз. Уроженец Москвы. В 1920 эм. с родителями во Францию. В 1925 оконч. рус. гимназию в Париже. Участ. «Союза молодых поэтов и писателей». С 1928 участ. лит. кружка «Перекресток». В 1929 оконч. филол. ф-т Сорбонны. Участ. лит. собраний «Зеленая лампа», лит. об-ния «Круг» (1935-39). В 1935 принял православие. Сотр. также во франц. периодике. В марте 1942 арестован нацистами. Погиб в нем. концлагере (Явожно близ Кракова).

Печ в альм/сб: Круг, Лит смотр, МДиа, На Зап, Новь, Перекресток, Сб стихов (29), Якорь, *журн:* Возр, Встречи, Грани, Журн Содр, ИР, Меч, Мир и иск, Новоселье, Полярная звезда, Прожектор, РЗ, СЗ, Числа, *газ:* Возр, РиС.

Мансветов Владимир Фёдорович [сын обществ.-полит. деятеля Ф.С.Мансветова, в 1-м браке муж поэтессы М.А.Толстой (внучки Л.Н.Толстого)] (1909-1974), поэт, лит. критик, журналист. Писал также на англ. и чеш. яз. Уроженец Енисейска. В 1920 из Владивостока эм. с родителями в Прагу. В 1929 оконч. рус. гимназию. Участ. об-ния «Скит поэтов» (позднее «Скит»), лит. кружка «Далиборка». В нач. 30-х оконч. Карлов ун-т. Д-р философии (1938). В 1939 через Геную переехал в США. В 1940-43 сотр. редакции газ. «Новое рус. слово» (Нью-Йорк). Сост. сб. «Ковчег» (1942). Ред. сб. «Молодые поэты Сов. России»

(1943). В 1945 принял амер. гражд-во. В 1947-74 сотр. рус. службы радиостанции «Голос Америки». В 1966 посетил СССР. Ум. в Вашингтоне.

Печ в альм/сб: Ковчег (Н-Й), Новь, Перекрестки, Скит, Якорь, *журн:* ВР, Меч, НЖ, Пути, *газ:* Нов время, НРС, Руль, Рус жизнь (С-Ф).

Манухина Т.И. — см. **Таманин Т.**

Манциарли Ирма Владимировна де (? — 1950-е), теософ, журналист. Писала также на франц. яз. Род. в России. В эм. жила в Индии, затем в Париже. В 1930-32 соред. журн. «Числа» (№№ 1-4). В нач. 40-х переехала в Нью-Йорк. Изд. журн. «Третий час» (1946). Впоследствии верн. во Францию. Ум. в Париже.

Печ в журн: Новоселье, Третий час, Числа.

Марголин Юлий Борисович (1900-1971), прозаик, поэт, лит. критик. Писал также на иврите и польск. яз. В нач. 20-х жил в Берлине, близок к сменовех. движению. Оконч. Берлинский ун-т. Затем поселился в Польше (Лодзь). В 1936 уехал в Палестину. С осени 1939 проживал в Вост. Польше (Пинск), после присоединения Зап. Белорусии к СССР оказался на сов. терр. В июне 1940 арестован. В июне 1945 освобожден из заключения, сослан на Алтай. Впоследствии репатриирован в Польшу. В конце 40-х переехал в Израиль, принял израильское гражд-во. Ум. в Тель-Авиве.

Печ в альм/сб: ВП, Лит совр-к, Мосты, *журн:* Вест ИИИК, ВР, Время и мы, Грани, Нар правда, НЖ, Опыты, Соц вест, *газ:* Накануне, НРС, РМ.

Марков Владимир Фёдорович [сын гидролога Ф.А.Маркова, муж актрисы Л.И.Яковлевой (с 1948)] (р. 1920), литературовед, поэт, переводчик, мемуарист. Писал также на англ. яз. Уроженец Петрограда. В 1937 поступил на романо-германское отделение филол. ф-та ЛГУ. В июле 1941 ушел добровольцем на фронт, осенью под Ораниенбаумом близ Ленинграда попал в плен. В 1945 освобожден из плена (Германия), поселился в Регенсбурге. В 1949 переехал в США (Калифорния). В 1950-56 преп. рус. яз. в Defence Language Institute (Монтерей), одновременно учился в аспирантуре Калифорнийского ун-та (Беркли). Сост. ант. сов. поэзии «Приглушенные голоса» (1952). Принял амер. гражд-во. Д-р филологии (1957). В 1957-90 проф. рус. лит-ры Калифорнийского ун-та (Лос-Анджелес). Сост. сб. «Манифесты и программы рус. футуристов» (1967). Ныне живет в Лос-Анджелесе.

Библиогр: Vladimir Markov: Selected Bibliography // Культура русского модернизма: Статьи, эссе и публикации. М., 1993. С. 400-405.

Марков II (2-й) — см. **Марков Н.Е.**

Марков Николай Евгеньевич [сын писателя Е.Л.Маркова] (1866-1945), обществ.-полит. деятель, публицист, мемуарист; монархист. Один из лидеров «Союза рус. народа» (1905-17). Предс. Совета объединенного дворянства (1906-17). Депутат 3-й и 4-й Гос. думы (Марков 2-й). В нач. 1918 из Петрограда эм. в Финляндию, вскоре переехал в Эстонию (Таллинн). Участ. Белого движения. В 1920 поселился в Берлине. Ред. журн. «Двуглавый орел» (1920-21). В 1921-26 предс. Высш. монархического совета (ВМС), ред. журн. «Высший монархический совет» (1921-26). Совершал поездки во Францию, Чехословакию, Сербию, Болгарию, Польшу. С 1936 ред. рус. вып. еженедельника «Мировая служба». Ум. в Висбадене (Германия).

Печ в альм/сб: Живым и гордым, *журн*: Высший монархический совет, Двуглавый орел, Мировая служба, *газ:* Возр.

Матусевич Иосиф Александрович [также с подп.: И.М-вич] (1879 — не ранее 1940), прозаик. В 1917-22 один из орг-ров и ред. моск. изд-ва

«Северные дни». С 1918 член Моск. (затем Всерос.) союза писателей. Осенью 1922 выслан из Сов. России. Жил в Берлине, соучредитель берлинского Клуба писателей (1922-23). Затем переехал в Париж. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. (Последняя публ. по картотеке А.Д.Алексеева: журн. «Рус. записки», 1939.)

Печ в альм/сб: Калифорнийский альм, *журн:* ВР, Ж-пт, Звено, Наш мир, РЗ, Родное слово, Рубеж, СЗ, *газ:* Дни, Звено, Либ рус слово, Нар мысль, ПН, Руль, С.

Мать Мария — см. **Кузьмина-Караваева Е.Ю.**

Мельгунов Сергей Петрович [также с подп.: М., С.М.] (1879/80-1956), обществ.-полит. деятель, историк, публицист, издатель, мемуарист; член ЦК Трудовой народно-соц. партии. В 1918 один из рук-лей моск. «Союза возрождения России». С 1918 член Моск. (затем Всерос.) союза писателей. В 1919 и 1921-22 ред. моск. журн. «Голос минувшего». В авг. 1920 осужден по делу «Тактического центра», вскоре освобожден из заключения. Эм. в окт. 1922, жил в Берлине. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. В 1923-24 ред. сб. «На чужой стороне». В сер. 20-х обосновался в Париже. Соред. журн.: «Голос минувшего на чужой стороне» (1926-28), «Борьба за Россию» (1926-31). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. В сент. 1928 участ. 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград). С нач. 30-х проживал в Шартре, затем в Шампиньи-сюр-Марн близ Парижа. В 1940 возвр. в Париж. В 1946-56 предс. СБСР (Союза борьбы за свободу России). В 1946-57 ред. журн. «Свободный голос» (выходил также под названиями: «Свободная мысль», «Независимое слово» и др.). В 1949-54 ред. журн. «Возрождение». С окт. 1952 предс. КЦАБ (Координационного центра антибольшевистской борьбы). Ум. в Шампиньи.

Печ в альм/сб: На темы рус и общ, На чуж стороне, *журн:* Борьба за Россию (26), Борьба за Россию (48), Возр, ГМ на чуж стороне, За Россию, За свободу России, Независимая мысль, Независимое слово, Независимый голос, НЖ, Рос демократ, Россия и эм, Св голос, Св мысль, Св слово, СЗ, *газ:* Возр, Дни, Звено, НРС, ПН, РМ, Руль, С.

Мельникова-Папоушкова Надежда Фёдоровна (Филаретовна) [урожд. Мельникова; также с подп.: Н.М.П., Н.М.П-к, Папоушек; жена чеш. историка Я.Папоушка (с 1918)] (1891-1978), лит. критик, публицист, прозаик, переводчик; также чеш. писательница. Уроженка Петербурга. В 1914 оконч. Высш. женские курсы (Москва). В 1919 эм. в Прагу. Приняла чехословацкое гражд-во. Сост. «Антологии рус. поэзии XX столетия» (1920). Училась на философ. ф-те Карлова ун-та (Прага). В 1923-25 училась в Ecole de Louvre (Париж). Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Праге.

Печ в альм/сб: Ант рус поэзии XX столетия, *журн*: ВР, Новости лит-ры, СЗ, Центр Европа.

Меньшиков Яков Михайлович [внебрачный сын публициста М.О.Меньшикова] (1888-1953), публицист. Уехал из Петрограда не ранее 1918. В эм. жил в Париже. В 30-х участ. Об-ния пореволюционных течений. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в журн: Путь, Утверждения.

Мережковский Дмитрий Сергеевич [брат биолога К.С.Мережковского, муж *З.Н.Гиппиус* (с 1889)] (1865-1941), прозаик, драматург, поэт, литературовед, публицист, лит. критик, переводчик. В 1918-19 член петроградского Союза деятелей худож. лит-ры (СДХЛ). В конце дек. 1919 через Минск и Гомель нелегально эм. с женой в Варшаву. Соред. газ. «Свобода» (1920-21). В окт. 1920 переехал в Висбаден, с нояб. жил в Париже. Сост. сб. «Царство Антихриста» (1921). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Соучредитель лит. собраний «Воскресения» (1925-40) и «Зеленая лампа»

(1927-39). В сент. 1928 участ. 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград). В 30-х предс. Союза рус. театр. деятелей и киноработников (Париж). Соред. варшавского журн., затем газ. «Меч» (1934-39). Дважды посетил Италию. Соред. сб. «Лит. смотр» (1939). Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Ант рус поэзии XX столетия, Во славу Божию, Жемчужины рпт, Из рус поэтов, Мосты, На Зап, Наши совр-ки, Неопалимая купина, Новь, Пам А.О.Фондаминской, Пб в стих рп, Радуга, Рус лирика (Н-Й), Рус Парнас, Рус сб (20), Сб стих инрп, Царство Антихриста, Чт-декл, Эротика в рус поэзии, Якорь, *журн:* Возр, Встречи, Звено, Златоцвет, ИР, Меч, НЖ, Нов дом, Нов корабль, Окно, Отечество, Перезв, РЗ, РК, СЗ, Числа, *газ:* Возр, Галлиполи, Дни, За свободу, Звено, Нов варш слово, Нов рус жизнь, НРС, Общ дело, Огни, Пар вест (25), Пар вест (42), ПИ, ПН, Рус газ (Р), С, Свобода, Шанх заря.

Меримкин Аркадий [псевд.]. Автор ст. «Осмысление звука» (Современные записки, 1922, № 13) о кн. *К.Д.Бальмонта* «Поэзия как волшебство» [Изд. 2-е. М.: Задруга, 1922] и ст. «Александр Грин» (Последние новости, 1922, 14-18 июля). Не исключено, что это псевд. *В.Ф.Ходасевича.*

Метнер Николай Карлович [брат композитора А.К.Метнера, философа и музыковеда Э.К.Метнера] (1879/80-1951), композитор, пианист, муз. критик, мемуарист. Уроженец Москвы. В 1906 оконч. Моск. консерваторию по классу фортепиано. В 1909-11 и 1915-21 проф. Моск. консерватории. В 1920 принял эстон. гражд-во, в сент. 1921 уехал в Таллинн. В конце 1921 переехал в Берлин. Совершал концертные турне по Германии и Польше (1922-23), Швейцарии, Италии и Франции (1924), США и Канаде (1924-25, 1929-30), СССР (1927), Англии (1928, 1930), Прибалтике (1932) и др. В 1932-35 жил в Бельвю близ Парижа. В нояб. 1935 поселился в Лондоне. Ум. в Лондоне.

Печ в альм/сб: Пам Рахманинова, *журн:* НЖ, *газ:* РиС.

Миллер Евгений Карлович (1867-1939), ген.-лейтенант (1915), мемуарист. Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. С осени 1917 представитель Ставки главковерха при итал. глав. командовании. В 1918-19 ген.-губернатор и главнокомандующий войсками Сев. обл. (Архангельск). В февр. 1920 эм. через Норвегию в Париж. С 1929 зам. предс., с февр. 1930 предс. Рус. общевоинского союза (РОВС). Совершал поездки в Сербию, Чехословакию, Болгарию, Бельгию. В сент. 1937 похищен в Париже агентами НКВД, нелегально вывезен в СССР. Расстрелян в Москве.

Печ в альм/сб: Белое дело, Живым и гордым, *газ:* Возр.

Милюков Павел Николаевич [также с подп.: П.М.] (1859-1943), обществ.-полит. деятель, историк, социолог, публицист, мемуарист; член ЦК партии кадетов. Писал также на англ. яз. Депутат 3-й и 4-й Гос. думы. В марте-мае 1917 министр иностр. дел Временного пр-ва, с авг. член бюро Совета обществ. деятелей (СОД). В дек. 1917 — февр. 1918 член Донского гражд. союза, с июня член моск. «Нац. центра», в сент. один из орг-ров Совета гос. объединения России (СГОР). В нояб. 1918 через Румынию (Яссы) уехал в Лондон. Сотр. в англ. периодике. В февр.-дек. 1920 ред. еженедельник «New Russia» (Лондон). В 1921 поселился в Париже. В 1921-40 ред. газ. «Последние новости». С 1922 предс. парижского Союза рус. писателей и журналистов. Соред. газ. «Звено» (1923-26). В 1924 возглав. Республиканско-дем. об-ние (РДО). С 1925 предс. совета проф. Франко-рус. ин-та. Возглав. Об-ние иностр. журналистов в Париже. Совершал поездки в страны Зап. Европы и в США. Соред. сб. «Памяти погибших» (1929). Предс. Центр. Пушкинского комитета. В 1938-39 ред. журн. «Рус. записки» (с № 4). В 1940 переехал в Монпелье (департ. Эро). В годы 2-й мир. войны арестован нацистами, вскоре

освобожден. Ум. в Экс-лё-Бен (департ. Савойя). После войны его прах перенесен на кладб. Батиньоль (Париж).

Библиогр: Евреинов Б.А. Библиография печатных трудов П.Н.Милюкова // П.Н.Милюков: Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. 1859-1929. Париж, 1930. С. 313-351.

Минор Осип (Иосиф) Соломонович [наст. фам.: Залкинд; сын евр. писателя С.Минора (С.А.Залкинда)] (1861-1932), обществ.-полит. деятель, публицист, журналист, мемуарист; член ЦК партии эсеров. С марта 1917 соред. моск. газ. «Труд», с июля предс. Моск. гор. думы. С сент. 1918 жил в Симбирске, затем в Уфе. Весной 1919 из Владивостока эм. в Париж. Член Административного центра ВДО (Внепартийно-дем. об-ния; 1920-22). В 1920-22 соред. газ. «Воля России». В 1921 переехал в Прагу. Впоследствии возвр. в Париж. Сотр. парижского Земгора. Возглав. Рус. ист. архив в Париже. Ум. в Сюррене близ Парижа.

Печ в журн: ВР, Социалист-революционер, *газ:* ВР, Дни.

Минский Н. [псевд. — наст. имя: Николай Максимович Виленкин; также с подп.: Н., Н.М.; в 1-м браке муж писательницы Ю.И.Безродной (в 1882-86), во 2-м — муж *Л.Н.Вилькиной* (в 1905-20), в 3-м — муж писательницы З.А.Венгеровой (с 1925)] (1855-1937), поэт, драматург, переводчик, лит. критик, публицист, мемуарист. Писал также на франц. яз. С 1906 находился в эм. (Париж). В сент. 1913 верн. в Россию. Осенью 1914 уехал в Париж в качестве воен. корр. В конце 1921 поселился в Берлине. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. В 1922-23 предс. берлинского Дома искусств, соред. журн. «Бюллетени Дома искусств» (1922). С февр. 1923 предс. Профессионального союза рус. переводчиков в Германии. Затем жил в Лондоне, сотр. с сов. полпредством. В 1927 переехал в Париж. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Сотр. также во франц. периодике. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Грани, Жемчужины рпт, Рус лирика (Н-Й), Рус Парнас, Рус сб (20), Сб стих инрп, Совр проблемы, Чт-декл, *журн:* ГрР, Ж-пт, НРК, СЗ, Сполохи, *газ:* ГР, Дни, Евр трибуна, Огни, ПН, Руль, Рус эхо, Св мысли.

Минцлов Сергей Рудольфович [псевд.: Gallais, также с подп.: С.М., С.Р.М.; внук библиографа Р.И.Минцлова, сын писателя Р.Р.Минцлова] (1870-1933), прозаик, библиограф, литературовед, историк, мемуарист. С 1916 находился в Трапезунде (Турция), ред. рус. воен. газ. В конце 1917 возвр. в Петроград. С 1918 жил в Финляндии (близ Выборга), осенью уехал в Сербию. Директор рус. гимназии (Земун, затем Новый Сад). В 1925 поселился в Риге. Владелец изд-ва «Восток» (1928-31). Ум. в Риге.

Печ в альм/сб: ВОДРК, Вольная Сибирь, Грани, Инвалид, На чуж стороне, *журн:* Вест ГПОГ, Для вас, Лит-ра и жизнь, Мир и иск, Мир и тв-во, Наш огонек, Основы, Перезв, РК, РМ, Родная старина, Св путями, СЗ, Сполохи, *газ:* Дни, Либ рус слово, ПИ, ПН, Рус время, Рус газ (Бг), С.

Мирский Д. — см. **Святополк-Мирский Д.П.**

Морковин Вадим Владимирович [сын журналиста Вл.Белгородского (В.В.Морковина)] (1906-1973), поэт, прозаик, литературовед, драматург, мемуарист. Уроженец Москвы. Осенью 1923 из Москвы эм. с матерью в Чехословакию. В 1924-26 учился в рус. гимназии (Моравска-Тшебова). Затем жил во Вшенорах близ Праги. С 1931 участ. об-ния «Скит поэтов» (позднее «Скит»), в 1933-34 соред. сб. «Скит» (№№ 1, 2). В 1933 оконч. инженерно-строительный ф-т Политехнич. ин-та (Прага). Совершал поездки во Францию. В 1939 принял чехословацкое гражд-во. Д-р технич. наук (1953). Изд. писем *М.И.Цветаевой* к А.А.Тесковой (1969). Ум. в Праге.

Печ в альм/сб: Новь, Скит, *журн:* ВР.

Моршен Николай [псевд. — наст. имя: Николай Николаевич Марченко; сын *Н.Нарокова*] (р. 1917), поэт, переводчик. Уроженец Киева. В 1941 оконч. физич. ф-т Киевского ун-та. В нач. войны оказался на оккуп. терр. (Киев). С 1944 жил в Германии, после войны поселился в Гамбурге. В 1950 переехал в США (Монтерей, Калифорния). В 1950-77 преп. рус. яз. в Defence Language Institute (Монтерей). Принял амер. гражд-во. Ныне живет в Монтерей.

Печ в альм/сб: ВП, Встречи, Лит Зарубежье, МДиа, На Зап, Перекрестки, Рус альм (81), Содр, У золотых ворот, *журн:* Возр, Грани, НЖ, Опыты, Отдых, *газ:* НРС.

Мочульский Константин Васильевич [псевд.: К.Версилов, Театрал, CAVE, также с подп.: К.В., К.М. и др.; сын литературоведа В.Н.Мочульского] (1892-1948), литературовед, поэт, прозаик, лит. критик, переводчик, мемуарист. Писал также на франц. яз. Уроженец Одессы. В 1914 оконч. ист.-филол. ф-т Петербургского ун-та. В 1917 приват-доцент кафедры германской филологии Петроградского ун-та. В 1918 приват-доцент Саратовского ун-та. Затем уехал на юг России. В нач. 1920 из Одессы эм. в Болгарию. Преп. в Софийском ун-те. В 1922 переехал в Париж. В 1924-41 преп. на рус. отделении Сорбонны. Участ. лит. собраний «Зеленая лампа» (1927-39), лит. об-ния «Круг» (1935-39). Участ. Религиозно-философ. академии. Участ. РСХД. В 1934-47 преп. в Богословском ин-те (Париж). Соучредитель об-ния «Православное дело» (1935-43). С 1946 жил в Фонтенбло близ Парижа, вскоре поселился в Камбо (Пиренеи). Ум. в Камбо.

Печ в альм/сб: ВОДРК, Встреча, Круг, Правосл дело, *журн:* Благон, Вест РСХД, Звено, НЖ, Нов град, Путь, РЗ, РМ, СЗ, Третий час, Числа, *газ:* Дни, Звено, Нов газ, ПН, РиС, Рус новости (П), С, Св речь.

Муратов Павел Павлович (1881-1950), искусствовед, лит. и худож. критик, историк, драматург, прозаик, публицист, переводчик, журналист. Писал также на англ., итал. и франц. яз. Участ. 1-й мир. войны. В 1918 один из орг-ров моск. Книжной лавки писателей. С 1918 член Моск. (затем Всерос.) союза писателей. С 1921 участ. моск. отделения Вольфилы (Вольной философ. ассоциации), член Помгола (Всерос. комитета помощи голодающим). В сент. 1922 командирован в Берлин. Соучредитель берлинского Клуба писателей (1922-23), сотр. Рус. науч. ин-та. В нояб. 1923 уехал в Рим. В 1925 соучредитель парижского худож. об-ва «Икона». С 1927 жил в Париже. Совершал поездки в Англию, Италию, Нидерланды, Японию, США. Перед 2-й мир. войной переехал в Англию (Лондон), выступал как воен. историк и обозреватель. В 1943 обосновался в Ирландии. Ум. в Витерхирх-Ватерфорде (Ирландия).

Печ в журн: Беседа, ВР, Звено, НРК, Окно, Перезв, РМ, СЗ, Сполохи, Эпопея, *газ:* Возр, Звено, НРС, Огни, ПН, С.

Мыслинская Мария [псевд. — наст. имя: Мария Мечиславовна Крестинская; также с подп.: М.М.] (1903-1990), поэт, прозаик, переводчик, художник. С нач. 20-х жила в Праге, училась на филол. ф-те Карлова ун-та. Участ. об-ния «Скит поэтов» (позднее «Скит»; 1922-39). В конце 40-х поселилась в США (Бостон). Активист Народно-трудового союза (НТС). Приняла амер. гражд-во. Ум. в Бостоне.

Печ в альм/сб: Перекрестки, *журн:* ВР, Посев, Студ годы, Центр Европа, *газ:* НРС.

Мякотин Венедикт Александрович (1867-1937), обществ.-полит. деятель, историк, публицист, литературовед, мемуарист; член ЦК Трудовой народно-соц. партии. С марта 1917 член исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. С апр. 1918 предс. моск. «Союза возрождения России». В авг. 1920 осужден по делу «Тактического центра», в апр. 1921 освобожден

из заключения. В сент. 1922 выслан из Сов. России. Жил в Берлине, сотр. Рус. науч. ин-та. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. В 1923 один из орг-ров берлинского изд-ва «Ватага». Совершал поездки во Францию, Англию. В 1924 переехал в Прагу, сотр. Рус. заграничного ист. архива. Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. В 1924-25 ред. сб. «На чужой стороне». Предс. пражской группы Народно-соц. партии (НСП). Сотр. пражского Земгора. Соред. журн. «Голос минувшего на чужой стороне» (1926-28). Преп. в Рус. народном (свободном) ун-те. Сотр. Рус. ист. об-ва. С 1928 проф. ист.-филол. ф-та Софийского ун-та. Ум. в Праге.

Печ в альм/сб: Вольная Сибирь, На чуж стороне, Науч тр РНУП, П.Н.Милюков. Сб мат-лов, Сб ст посв П.Н.Милюкову, *журн:* ГМ на чуж стороне, Закон и суд, СЗ, *газ:* Дни, ПН, С.

Набоков Владимир Владимирович [псевд.: Валентин Набоков, В.Сирин, Василий Шишков и др.; сын *В.Д.Набокова*, отец переводчика и оперного певца Д.В.Набокова] (1899-1977), прозаик, поэт, литературовед, лит. критик, переводчик, драматург, мемуарист. Писал также на англ. и франц. яз. Уроженец Петербурга. В нач. 1918 уехал с отцом из Петрограда на юг России (Гаспра, Ялта). В сер. апр. 1919 из Севастополя эм. через Константинополь в Англию. В 1919-22 изучал рус. и франц. лит-ру в St. Trinity College (Кембридж). С конца 1922 жил в Берлине, участ. лит.-худож. об-ния «Веретено». Участ. «Кружка друзей рус. лит-ры» (затем Лит. кружка им. проф. Ю.И.Айхенвальда; 1924-31). Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Участ. берлинского «Кружка поэтов» (1928-33). В 1937 переехал во Францию (Канн, Ментона), в сент. 1938 поселился в Париже. Совершал поездки в Англию, Чехословакию, Бельгию. В мае 1940 уехал в США. Летом 1941 читал лекции по рус. лит-ре в Стенфордском ун-те. В 1941-48 сотр. Музея сравнительной зоологии при Гарвардском ун-те. В 1945 принял амер. гражд-во. В 1948-59 преп. рус. и европейские лит-ры в Корнеллском ун-те (шт. Нью-Йорк). Совершал поездки во Францию, Италию, Швейцарию. В нач. окт. 1961 обосновался в Швейцарии (Монтрё). Ум. в Лозанне, похоронен в Монтрё.

Библиогр: Schuman S. Vladimir Nabokov: A Reference Guide. Boston, Mass., 1979. 214 p.; Vladimir Nabokov: A Descriptive Bibliography / Comp. by M.Juliar. New York, 1986. XIII, 780 p.

Набоков Владимир Дмитриевич [сын гос. деятеля Д.Н.Набокова, брат дипломата К.Д.Набокова, отец *В.В.Набокова*] (1869-1922), обществ.-полит. деятель, юрист, публицист, журналист, мемуарист; член ЦК партии кадетов. Депутат 1-й Гос. думы. Участ. 1-й мир. войны. В 1917 управляющий делами Временного пр-ва. В нач. 1918 уехал на юг России (Гаспра, Ялта). В 1918-19 министр юстиции Крымского краевого пр-ва. В сер. апр. 1919 из Севастополя эм. с семьей через Константинополь в Лондон. В 1920 переехал в Париж, с сент. жил в Берлине, с сер. нояб. соред. газ. «Руль». Убит в Берлине монархистами.

Печ в альм/сб: АРР, *журн:* ВР, ТиЖ (Б), *газ:* Евр трибуна, Общ дело, ПН, Руль.

Набоков Николай Дмитриевич [племянник *В.Д.Набокова*] (1903-1978), композитор, муз. критик, мемуарист. Писал также на англ., нем. и франц. яз. Уроженец г. Любоч (Гродненская губ.). В апр. 1919 из Крыма эм. в Берлин. В 1923 секр. редакции журн. «Музыка». Затем переехал в Париж. В 1928 дебютировал как композитор в «Рус. сезонах» С.П.Дягилева. В 1933 уехал в США. Преп-ль Wells College (1936-41) и консерватории Peabody в Балтиморе (1947-52). Принял амер. гражд-во. С 1947 возглав. рус. секцию отдела междунар. вещания при Гос. департаменте США. В 1952 орг-р парижского Фестиваля музыки XX столетия. С 1954 ген. секр. Конгресса свободы куль-

туры. В 60-х — 70-х подолгу жил в Зап. Европе. Ум. в Нью-Йорке, похоронен в Кольбсхайме (Франция).

Печ в журн: Благон, ВР, Музыка, НЖ, НРК, Числа.

Нагродская Евдокия Аполлоновна [урожд. Головачёва; дочь писательницы А.Я.Панаевой] (1866-1930), прозаик, драматург. В 1918 уехала из Петрограда в Киев, затем жила в Одессе. В 1920 эм. в Париж. Ум. в Париже.

Наживин Иван Фёдорович (1874-1940), прозаик, публицист, журналист, мемуарист. В 1918 уехал из Москвы в Одессу. С 1919 сотр. Освага. В 1920 из Новороссийска эм. через Болгарию в Австрию. В 1921 переехал в Берлин. Основал берлинское изд-во «Детинец» (1921-22). С весны 1924 жил в Брюсселе, участ. лит. об-ния «Единорог». Совершал поездки во Францию. Член Клуба рус. писателей в Бельгии. Ум. в Брюсселе.

Печ в альм/сб: Альм возрожденцев, Детинец, Живым и гордым, *журн:* ВР, Двуглавый орел, Зарницы, ЗП, Лит-ра и жизнь, Новости лит-ры, НРК, Перезв, Юный читатель, *газ:* Возр, Галлиполи, Дни, Пар вест (25), Руль, Русь.

Нароков Николай [псевд. — наст. имя: Николай Владимирович Марченко; отец *Н.Моршена*] (1887-1969), прозаик, журналист, литературовед. Уроженец Бессарабии. Учился в Политехнич. ин-те (Киев). Участ. Белого движения, попал в плен, бежал. Затем жил в провинции, работал учителем. В 1932 арестован, недолго находился в заключении. В 1935 поселился в Киеве. В нач. войны оказался на оккуп. терр. (Киев). В 1944 уехал в Германию. Ред. илл. прил. «Отдых» (1947-48) к журн. «Посев». В 1950 переехал в США (Монтерей, Калифорния). Принял амер. гражд-во. Ум. в Монтерей.

Печ в альм/сб: Лит Зарубежье, Мосты, У золотых ворот, *журн:* Возр, Грани, НЖ, Отдых, Посев, *газ:* НРС, РМ.

Немирович-Данченко Василий Иванович [брат театр. деятеля Вл.И.Немировича-Данченко] (1848/49-1936), прозаик, поэт, журналист, мемуарист. В 1918-19 член петроградского Союза деятелей худож. лит-ры (СДХЛ), с 1920 член Всерос. союза писателей (ВСП). В 1921 из Петрограда эм. в Берлин. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. В 1923 переехал в Прагу. Почетный предс. пражского Союза рус. писателей и журналистов. Участ. лит. кружка «Далиборка» (1924-33). В сент. 1928 предс. 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград). Почетный член чеш. об-ния «Худож. беседа». Ум. в Праге.

Печ в альм/сб: Веретено, Историк и современник, Мед всадник, Рус деревня, Сб стих инрп, Чт-декл, *журн:* ВР, Для вас, Ж-пт, ИР, Казачий сполох, Наш огонек, НЖ, НРК, Сполохи, ТиЖ (Б), Эмигрант, *газ:* Веч время (Р), Возр, Дни, Звено, Либ рус слово, НРС, Огни, Пон-к, ПИ, ПН, РиС, Руль, Рус курьер, С, Шанх заря.

Несмелов Арсений [псевд. — наст. имя: Арсений Иванович Митропольский; др. псевд.: Анастигмат, Н.Арсеньев, Гри, Николай Дозоров, Золушка, Н.Рахманов, Тётя Розга, С.Трельский и пр., также с подп.: А.Н., А.Н-ов, Арс.Н-лов] (1889-1945), поэт, прозаик, журналист, мемуарист. Уроженец Моск. губ. Участ. 1-й мир. войны. В 1918 уехал из Москвы в Омск, участ. Белого движения. В июле 1924 из Владивостока нелегально эм. в Китай (Харбин). Участ. лит. об-ния «Молодая Чураевка». С 1931 член Рус. фашистской партии (РФП). Участ. содружества работников ис-в «Понедельник». В авг. 1945 депортирован в СССР. Погиб в заключении (Гродеково близ Владивостока).

Печ в альм/сб: Багульник, Вольная Сибирь, Врата, Вселенское дело, Гумилевский сб, Земля Колумба, Ковчег (Н-Й), Прибой, Сунгарийские вечера, У родных рубежей, Якорь, *журн:* ВР, Луч Азии, Москва, Нация, НЖ, Прожектор, РЗ, Рубеж, Рус обозрение, СЗ, Феникс, *газ:* Дальневосточная трибуна, Дни, Заря, Наш путь, Рупор.

Никитин Василий Петрович [также с подп.: В.П.Н.] (1885-1960), востоковед, публицист, переводчик, мемуарист. Писал также на франц. яз. Уроженец г. Сосновец (Польша). В 1904 поступил в Лазаревский ин-т вост. языков (Москва). С 1915 секр. рус. консульства в Тегеране (Иран). В июле 1919 переехал в Париж. Проф. Школы вост. яз. при Сорбонне. С 1924 член Азиатского об-ва (Париж). Участ. евраз. движения, член редколл. газ. «Евразия» (1928-29). С 1933 иностр. член Польск. ориенталистич. об-ва (Париж). Действ. член Междунар. дипломатич. академии, Междунар. антропологич. ин-та. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Евраз временник, *журн:* Версты, Евраз хроника, Рос демократ, *газ:* Евразия.

Николаевский Борис Иванович [псевд.: Борис Андреев, Г.Голосов и др., также с подп.: Б.Н., Б.Н-ский, Г.Г-ов и пр.] (1887-1966), историк рев. движения, архивист, публицист, журналист, мемуарист; член ЦК РСДРП(м). Писал также на англ. яз. Уроженец г. Белебей (Башкирия). В 1917 член ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. С 1918 сотр. Петроградского Архивного управления. В февр. 1921 арестован, около года находился в заключении. В янв. 1922 выслан из Сов. России, жил в Берлине. Анонимный ред. журн. «Летопись революции» (1923). В 1924-31 официальн. представитель в Берлине моск. Ин-та Маркса-Энгельса. В февр. 1932 лишен сов. гражд-ва. В 1933 обосновался в Париже. Директор парижского отделения Междунар. ин-та социальной истории (Амстердам). В 1940 переехал в США. В 1949 один из орг-ров «Лиги борьбы за народную свободу» (Нью-Йорк). Ум. в Калифорнии, похоронен в Маунтейн близ Стенфорда (США).

Печ в альм/сб: На чуж стороне, *журн:* Вест ИИИК, Возр, ГМ на чуж стороне, Летопись революции, Нар правда, НЖ, НРК, РЗ, СЗ, Соц вест, *газ:* НРС, РМ.

Никольский Юрий Александрович [также с подп.: Н.] (1893-1922), поэт, литературовед, лит. критик. Уроженец Елизаветграда. В 1917 оконч. ист.-филол. ф-т Петроградского ун-та. В 1918 переехал из Петрограда в Нижний Новгород, преп. в ун-те. Зимой 1919/20 проживал в Петрограде, весной уехал на юг России. В нояб. 1920 из Крыма эм. в Константинополь. Затем жил в Чехословакии, Сербии (Белград). В сент. 1921 через Болгарию (Варна) нелегально верн. в Сов. Россию (Крым). Вскоре арестован, ум. от тифа в заключении (Харьков).

Печ в альм/сб: Рус сб-ки, *журн:* РМ, *газ:* Общ дело.

Никонов Михаил Захарович (Смородин С.В.) (ок. 1889 — ?), публицист, мемуарист. Уроженец Татарии. Участ. антибольшевистского движения. В сент. 1933 бежал из мест заключения, нелегально эм. за границу. Автор кн.: «Красная каторга» (София, 1938), «Поземельно-хозяйственное устройство крестьянской России» (София, 1939).

Никонов-Смородин М.З. — см. **Никонов М.З.**

Новгородцев Павел Иванович (1866-1924), обществ.-полит. деятель, правовед, философ, публицист; член ЦК партии кадетов. Д-р права (1902). В 1904-11 проф. права Моск. ун-та. Депутат 1-й Гос. думы. С 1906 проф. и ректор моск. Высш. коммерческого ин-та. В 1918 возглав. моск. «Правый центр», один из рук-лей «Нац. центра». В окт. 1918 уехал на юг России, член Совета гос. объединения России (СГОР). В 1919 руководил кадетскими конференциями (Екатеринослав, Харьков). Летом 1920 эм. в Берлин. Зимой 1921/22 преп. в Ахенской технич. школе. С весны 1922 жил в Праге, в 1922-24 декан основанного им Рус. юрид. ф-та. Учредитель и 1-й предс. пражского

Религиозно-философ. об-ва им. Вл.Соловьева. 1-й предс. Рус. акад. группы в Чехословакии. Ум. в Праге.

Печ в альм/сб: Младорусь, Православие и культура, Тр рузг, *журн:* Путь, РК, РМ, *газ:* РиС, Руль.

Новик Ал. [псевд. — наст. имя: Герман Дмитриевич Хохлов; также с подп.: Г.Х.] (1908-1937?), лит. критик, поэт. Уроженец Саратова. После революции эм. с родителями в Эстонию. Оконч. рус. гимназию в Таллинне. С конца 20-х жил в Праге, учился на философ. ф-те Карлова ун-та, одновременно в Рус. ин-те сельскохозяйственной кооперации. Близок к об-нию «Скит поэтов». С нач. 30-х член Союза возвращения на Родину. В 1934 верн. в СССР. В конце 30-х арестован, погиб в заключении.

Печ в альм/сб: Новь, *журн:* ВР, Рус магазин, СЗ.

Новиков Михаил Михайлович (1876-1965), обществ.-полит. деятель, зоолог, мемуарист; кадет. Д-р зоологии (1911). Депутат 3-й и 4-й Гос. думы. В 1916-20 проф. и ректор Моск. ун-та. Предс. науч. комиссии при науч.-технич. отделе ВСНХ. В сент. 1922 выслан из Сов. России, жил в Берлине. Один из орг-ров Рус. науч. ин-та. В 1923 переехал в Прагу. В 1925-38 проф. и ректор Рус. народного (свободного) ун-та. Член Рус. науч.-исслед. об-ния. Ред. «Научных трудов Рус. народного ун-та» (1928-33), «Записок Рус. научно-исследовательского об-ния» (1934-42, 1945). Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. Соред. сб. «Московский университет» (1930). С 1935 проф. зоологии Карлова ун-та (Прага). С 1939 жил в Братиславе. В 1945 поселился в Германии, в 1946-47 проф. и декан естеств. ф-та ун-та UNRRA (Мюнхен). В 1949 уехал в США (Нью-Йорк). В 1951-65 предс. Рус. акад. группы в США (Нью-Йорк). Принял амер. гражд-во. Ум. в США.

Библиогр. в кн.: М.М.Новиков: Полстолетие научной деятельности. New York, 1956. С. 76-80.

Новосадов Б. [псевд. — наст. имя: Борис Христианович Тагго] (1907-1945), поэт, лит. критик, журналист. Уроженец Петербурга. В эм. жил в Таллинне. Оконч. Тартуский ун-т. Участ. таллиннского «Цеха поэтов» (1933-35). В 1941-43 сотр. в пронацистских изданиях. В 1945 арестован органами НКВД, погиб в заключении.

Печ в альм/сб: На Зап, Новь, *журн:* Журн Содр, Прожектор.

Нольде Борис Эммануилович, барон [брат правоведа А.Э.Нольде] (1876-1948), обществ.-полит. деятель, правовед, дипломат, историк, литературовед, мемуарист; член ЦК партии кадетов. Писал также на франц. яз. С 1905 проф. междунар. права Политехнич. ин-та и Высш. Бестужевских курсов (Петроград). В 1912-17 ред. журн. «Известия министерства иностр. дел». В 1916-17 директор 2-го департ. МИД. В марте-мае 1917 товарищ министра иностр. дел Временного пр-ва. С марта 1918 член моск. «Правого центра». Преп. в Петроградском ун-те и Морской академии. Летом 1919 нелегально эм. в Финляндию, вскоре переехал в Париж. Близок к евраз. движению. Один из орг-ров рус. отделения при Сорбонне, декан Рус. юрид. ф-та при Ин-те славяноведения (Париж). Соред. журн. «Право и хозяйство» (1925). Предс. Глав. управления Российского Красного креста (Париж). В 30-х преп. на Заруб. высш. воен.-науч. курсах в Париже. В годы 2-й мир. войны жил в департ. Сарта. Член Междунар. ин-та права, с 1947 его предс. Ум. в Лозанне (Швейцария).

Печ в альм/сб: АРР, Совр проблемы, Тр рузг, Эконом вест, *журн:* Возр, Право и хозяйство, СЗ, *газ:* Возр, ПН.

Носков А.А., ген., публицист. Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. В нач. 20-х участ. сменовех. движения.

Печ в журн: Для вас, Смена вех.

Оболенский Владимир Андреевич, кн. [также с подп.: В.О.] (1869-1950), обществ.-полит. деятель, публицист, мемуарист; член ЦК партии кадетов. Депутат 1-й Гос. думы. В 1916-17 предс. Петроградского комитета Союза городов. С авг. 1917 ред. газ. «Свободный народ», в сер. дек. из Петрограда уехал в Крым. В 1918-20 предс. Земской управы Таврической губ. В нояб. 1920 из Севастополя эм. через Константинополь в Париж. С 1921 член правления парижского Земгора. Соред. сб.: «Памяти погибших» (1929), «Рус. альманах» (1930). Ум. в Бюсси-ан-От близ Парижа.

Печ в альм/сб: М.М.Винавер и рус общ-ть, На чуж стороне, Пам погибших, П.Н.Милюков. Сб мат-лов, Рус альм (30), Сб ст посв П.Н.Милюкову, *журн:* ГМ на чуж стороне, Независимая мысль, НЖ, Рос демократ, СЗ, *газ:* ПН, Руль.

Одарченко Юрий Павлович [также с подп.: Ю.О.] (1903-1960), поэт, прозаик, лит. критик, художник-график. Родом с Украины. С нач. 20-х жил в Париже, оконч. рус. гимназию. Соред. сб. «Орион» (1947). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Покончил с собой в Париже.

Печ в альм/сб: МДиа, Мосты, На Зап, Орион, *журн:* Возр, Грани, НЖ, Опыты, *газ:* РМ.

Одоевцева Ирина Владимировна [псевд. — наст. имя: Ираида Густавовна Гейнике; др. псевд.: Зинаида Шекаразина; во 2-м браке жена *Г.В.Иванова* (в 1921-58), в 3-м — жена рус.-франц. писателя Я.Н.Горбова (в 1978-82)] (1895-1990), поэт, прозаик, лит. критик, переводчик, мемуаристка. Писала также на франц. яз. Уроженка Риги. В 1920-22 участ. 3-го «Цеха поэтов» (Петроград). Член Петроградского союза поэтов. В июле 1922 приняла латв. гражд-во и уехала в Ригу, в сент. переехала в Берлин. В авг. 1923 обосновалась в Париже. Участ. лит. собраний «Зеленая лампа» (1927-39). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. В 1932-33 находилась в Риге. В 1943 поселилась в Огрет близ Биаррица. В 1946 возвр. в Париж. С 1955 проживала в Йер на юге Франции. В 1958 переехала в Ганьи близ Парижа. В 1978 верн. в Париж. В апр. 1987 уехала в СССР, жила в Ленинграде. С весны 1989 член Союза писателей СССР. Ум. в Ленинграде.

Печ в альм/сб: Зап набл, Из нов поэтов, Круг, Лит совр-к, МДиа, Мосты, На Зап, Орион, Пб в стих рп, Рус альм (81), Рус лит-ра в эм, Рус сб (46), Содр, Цех поэтов, Якорь, *журн*: Благон, Возр, Встречи, Грани, Звено, ИР, Континент, Молодая Россия, НЖ, Нов дом, Опыты, РЗ, Сатирикон, СЗ, Совр-к, Числа, Эпопея, *газ*: Возр, Дни, За свободу, Звено, Либ рус слово, НРС, ПН, Риж курьер, РМ, Рус курьер, С.

Ольденбург Сергей Сергеевич [псевд.: Ансельмус, также с подп.: С.О.; сын акад. С.Ф.Ольденбурга, отец франц. писательницы З.Ольденбург] (1887-1940), историк, публицист; эсер. Уроженец Петербурга. Оконч. юрид. ф-т Петербургского ун-та. Участ. Белого движения. В 1919 секр. редакции газ. «Великая Россия» (Ростов-на-Дону). В 1920 эм. через Турцию в Берлин. В 1922 жил в Праге. В 1923 переехал в Париж. Член ред. комитета газ. «Россия и славянство» (1928-34). Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Сб ст посв П.Б.Струве, *журн:* ВР, РМ, Рус колокол, Рус летопись, *газ:* Возр, Общ дело, ПН, Р (П), РиС.

Осокин С. — см. **Андреев В.Л.**

Осоргин Михаил [псевд. — наст. имя: Михаил Андреевич Ильин; др. псевд.: Адресат, А.Зацепа, Книжник, Обитатель, Оптимист, М.Пермяк, Провинциал, А.Пропо, Старый книгоед, Шекспиренко и пр., также с подп.: М.А.Ильин, М.И., Мих.Андр., Мих.Ильин, Мих.О., Мих.Ос., М.М., М.О., О. и пр.; в 3-м браке муж историка и библиографа Т.А.Осоргиной] (1878-1942), прозаик, журналист, лит. критик, переводчик, публицист, мемуарист; эсер. С нояб. 1906 находился в эм. (Италия), с 1908 корр. моск. газ. «Рус. ведомости».

Летом 1916 возвр. в Россию. В 1918 один из орг-ров моск. Книжной лавки писателей. С 1918 член Моск. (затем Всерос.) союза писателей. В 1921 член Помгола (Всерос. комитета помощи голодающим), в авг. арестован и сослан в Казань. Весной 1922 верн. в Москву, в сент. выслан из Сов. России, поселился в Берлине. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Соучредитель берлинского Клуба писателей (1922-23). Ред. лит. отдела газ. «Дни». С конца 1923 жил в Париже. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Совершал поездки в Италию. Член Об-ва друзей рус. книги (Париж). В 1929-30 орг-р и ред. парижского изд-ва «Новые писатели». До 1937 сохранял сов. гражд-во. В 1940 переехал в Шабри (департ. Эндр). Ум. в Шабри.

Библиогр: Михаил Андреевич Осоргин: Библиография / Сост. Н.В.Бармаш, Д.М.Финес, Т.А.Осоргина. Париж, 1973. XVI, 211 с.

Остроумова Татиана Иосифовна [в браке Ненсберг; также с подп.: Т.] (1901-1969), поэт, переводчик. Эм. в нач. 20-х. Жила в Эстонии, затем во Франции. После 2-й мир. войны поселилась в США. В конце 40-х — сер. 60-х преп. рус. яз. на слав. отделении ун-та шт. Колорадо (Боулдер). Приняла амер. гражд-во. Ум. в Боулдере.

Печ в альм/сб: Ковчег (Н-Й), На Зап, Содр, Эстафета, *журн:* НЖ, Новоселье, Перезв, СЗ, *газ:* НРС, Слово.

Офросимов Ю.В. — см. **Росимов Г.**

Оцуп Николай Авдеевич (Авдиевич) [также с подп.: Н.О., Н.О-ъ, Ник. О-ъ; брат *С.Горного* и *Г.Раевского*] (1894-1958), поэт, лит. критик, прозаик, драматург, литературовед, мемуарист. Писал также на нем. и франц. яз. Уроженец Царского Села. Учился на ист.-филол. ф-те Петербургского ун-та, затем в Сорбонне. Участ. 1-й мир. войны. В 1918-19 участ. петроградского лит. кружка «Арион». С 1920 член Петроградского союза поэтов. В 1920-22 участ. 3-го «Цеха поэтов» (Петроград). В авг. 1922 командирован в Берлин. Член редколл. берлинских альм. «Цех поэтов» (1922-23). С 1923 жил в Париже. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Участ. лит. собраний «Зеленая лампа» (1927-39). Основатель и соред. журн. «Числа» (1930-34). С 1939 доброволец франц. армии. В 1940 арестован в Италии нацистами, заключен в концлагерь. В конце 1942 бежал из заключения, участ. итал. Сопротивления. После войны верн. в Париж. Д-р филологии (1951). Преп. в Ecole Normale Supérieure (Париж). Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Из нов поэтов, Калифорнийский альм, МДиа, На Зап, Цех поэтов, Эстафета, Якорь, *журн:* Беседа, Возр, Встречи, Грани, Ж-пт, Звено, Молодая Россия, НЖ, Нов дом, Нов корабль, Новоселье, НРК, Опыты, СЗ, Сполохи, Числа, Эпопея, *газ:* Дни, Звено, Либ рус слово, НРС, ПН, РМ, С.

Пантелеймонов Борис Григорьевич (1888-1950), прозаик, химик. Родом из Сибири. В нач. 30-х командирован в Палестину. Вскоре перешел на положение невозвращенца. Впоследствии через Ливан (Бейрут) переехал в Париж. После 2-й мир. войны близок к движению сов. патриотов. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Рус сб (46), *журн:* Новоселье, *газ:* НРС, РМ, Рус новости (П), Сов патриот.

Парнах Валентин Яковлевич [наст. фам.: Парнох; брат поэтессы С.Я.Парнок и актрисы Е.Я.Тараховской] (1891-1951), поэт, переводчик, журналист, историк балета, хореограф, муз. деятель. Уроженец Таганрога. В 1913 выехал за границу (Италия, Палестина, Испания, Англия). С 1915 проживал в Париже, близок к авангардистским худож. кругам. Совершал поездки в Италию, Германию. Предс. парижской группы «Палата поэтов» (1921-22). В

июле 1922 верн. в Сов. Россию, в сент. орг-р 1-го сов. джаз-оркестра «Эксцентрический джаз-банд» (Москва). В 1926 вновь уехал во Францию для изучения исп. и португ. поэзии, жил в основном в Париже. В 1931 возвр. в СССР (Москва). Ум. в Москве.

Печ в альм/сб: Стихотв, *журн:* Вещь, ВР.

Пастухов Всеволод Леонидович [также с подп.: В.П.] (1894-1967), пианист, поэт, прозаик, муз., лит. и худож. критик, муз. педагог, мемуарист. В 1921 из Петрограда эм. в Латвию. В 1921-39 проживал в Елгаве близ Риги. Затем жил в Польше, Германии. В конце 40-х переехал в США (Нью-Йорк). В 1953-54 соред. журн. «Опыты» (№№ 1-3). Принял амер. гражд-во. В 1957 обосновался в Дугластоне близ Нью-Йорка. Ум. в Дугластоне.

Печ в альм/сб: На Зап, *журн:* Лит-ра и жизнь, НЖ, Опыты, *газ:* НРС, Рус газ (Р), С, С веч.

Первухин Михаил Константинович [псевд.: Староверов и др., также с подп.: М.П.; брат художника К.К.Первухина] (1870-1928), журналист, прозаик, переводчик, мемуарист. Писал также на итал. яз. С 1907 находился за границей в качестве корр. газ.: «Биржевые ведомости», «Речь», журн. «Рус. мысль» и др. Жил в Италии (Рим). Сотр. также в итал. периодике. Ум. в Риме.

Печ в альм/сб: Живым и гордым, *журн:* Ж-пт, Златоцвет, ЗП, Искры, Лит-ра и жизнь, Нов неделя, РК, Сполохи, ТиЖ (Б), *газ:* Возр, Галлиполи, ГР, Либ рус слово, Накануне, Нов рус жизнь, Общ дело, ПН, Пон-к, Руль, Рус газ в П, С, С веч, Св мысли, Слово.

Перелешин Валерий [псевд. — наст. имя: Валерий Францевич Салатко-Петрище; др. псевд.: В.Каюрин, Ренэ, Сигма, также с подп.: монах Герман; сын журналистки Е.А.Сентяниной, брат поэта В.Ветлугина (Викт.Ф.Салатко-Петрище)] (1913-1992), поэт, переводчик, лит. критик, мемуарист. Писал также на китайск. и португ. яз. Уроженец Иркутска. В 1920 из Читы эм. с матерью в Харбин. В 1930 оконч. рус. гимназию (Харбин). С нач. 30-х участ. лит. об-ния «Молодая Чураевка». В 1935 оконч. юрид. ф-т Харбинского ун-та. Ред. ант. «Излучины» (1935). В 1938 принял постриг (с именем Герман) в Казанско-Богородицком монастыре (Китай). С осени 1939 жил в Пекине. В 1943 оконч. теологич. ф-т Пекинского ун-та, принял священство, в нояб. поселился в Шанхае. В 1945 сложил с себя сан. Переводчик в шанхайском корпункте ТАСС. Принял сов. гражд-во. С 1950 жил в Тяньцзине. В конце 1952 переехал в Бразилию (Рио-де-Жанейро). В 1957-68 сотр. б-ки British Council. В янв. 1958 принял бразильское гражд-во. В 1986 и 1989 по приглашению Лейденского ун-та посетил Нидерланды. Ум. в Рио-де-Жанейро.

Печ в альм/сб: Встречи, Гумилевский сб, Излучины, Мосты, Неопалимая купина, Остров, Отклики, Перекрестки, Прибой, Рус альм (81), У родных рубежей, Якорь, *журн:* Возр, Грани, Континент, НЖ, Парус, Рубеж, Совр-к, *газ:* Молодая Чураевка, Наша страна, НРС, РМ, Рупор, Рус жизнь (С-Ф).

Перельман О.И. — см. **Дымов О.**

Песков Георгий [псевд. — наст. имя: Елена Альбертовна Дейша, урожд. Репман] (1885-1977), прозаик. Писала также на франц. яз. Уроженка Москвы. Оконч. Высш. женские курсы (Москва). В 1924 командирована за границу, через Прибалтику уехала во Францию. Жила близ Парижа. Ум. в предместье Парижа. (Псевд. писательницы возник от названия родового имения Песочин в Харьковской губ., а не является «переводом имени Жорж Санд», как считал Г.П.Струве.)

Печ в альм/сб: Калифорнийский альм, Пестрые рассказы, Рус женщина в эм, *журн:* Звено, ИР, НЖ, Нов дом, Перезв, Прожектор, Рубеж, СЗ, *газ:* Дни, Звено, Либ рус слово, НРС, ПИ, ПН.

Пикельный Роберт [также с подп.: Р.П.] (ок. 1900 — не ранее 1976), художник-график, худож. критик, прозаик. Уроженец Москвы. Учился в

Моск. училище живописи, ваяния и зодчества (затем Гос. свободных худож. мастерских). В нач. 20-х из Москвы эм. в Париж. Совершал поездки в Испанию, Италию, Грецию, страны Юго-Вост. Азии. Принял франц. гражд-во. Ум. в Париже.

Печ в журн: Версты, Встречи, Новоселье, Сатирикон, Св путями, Числа.

Пиленко Софья Борисовна [урожд. Делоне; мать *Е.Ю.Кузьминой-Караваевой*] (1862-1962), мемуаристка. В 1906 из Ялты переехала в Петербург. В 1913 поселилась в Анапе. В марте 1920 с семьей дочери эвакуир. в Тифлис, вскоре эм. через Константинополь в Белград. С нач. 1923 жила в Париже. Ум. в Париже, похоронена в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Пильский Пётр Мосеевич [псевд.: Г.Вельский, П.Вельский, Р.Вельский, Гр.Девиер, Книголюб, В.Кондаков, Лентяй, Петров, Пётр Петроков, Петроний, Петрополитанус, Писатель, Роланд, Стило, Ф.Стогов, П.Трубников, П.Хрущёв, Читатель, П.Шуйский и др., также с подп.: Гр.Дев., П., Петр-й, П-ий, П.П., П.П-ий, П.П-ский, П-ский, П.Тр., П.ТРБ, П.Тр-в, Р., Р.В., Р.В-ий, Р.В-кий, Р.В-ский, Т., ТР, Ф.С., Ф.Ст. и пр.; муж актрисы Е.С.Кузнецовой] (1879-1941), журналист, лит. критик, прозаик, публицист, мемуарист. Писал также на франц. яз. Уроженец Орла. Участ. 1-й мир. войны. В 1917 один из орг-ров 1-й Всерос. школы журнализма (Петроград), изд. журн. «Эшафот». В 1918 уехал в Киев, изд. журн. «Чертова перечница». С весны 1919 жил в Одессе, сотр. в период. изданиях юга России. В авг. 1920 эм. в Кишинев. В окт. 1921 переселился в Ригу. Вскоре переехал в Таллинн, сотр. редакции газ. «Последние известия». В 1926 верн. в Ригу, возглав. лит. отдел газ. «Сегодня». Сотр. изд-ва «Литература». Ред. журн. «Лит-ра и жизнь» (1928). Ум. в Риге.

Печ в альм/сб: Балт альм, ВОДРК, Гримасы кисти и пера, *журн:* Для вас, Зарницы, ИР, Искры, Лит-ра и жизнь, СЗ, ТиЖ (Б), Числа, *газ:* Дни, Либ рус слово, Наша речь, Нов путь, НРС, ПИ, Пон-к, Родная земля, С, С веч.

Пиотровский В. — см. **Корвин-Пиотровский В.Л.**

Плетнёв Ростислав Владимирович [псевд.: Даниэль, также с подп.: Р.П.; сын правоведа В.Д.Плетнёва] (1903-1985), литературовед, лит. критик. Писал также на англ., нем., франц., чеш. и сербохорват. яз. Уроженец Петербурга. В нояб. 1920 из Крыма эм. с родителями на Принцевы о-ва. Вскоре поселился в Сербии, в 1923 оконч. рус.-серб. гимназию (Белград). В 1928 оконч. философ. ф-т Карлова ун-та (Прага), затем преп. в том же ун-те. С 1935 преп-ль гимназии в Валево (Сербия). Участ. белградского кружка «Лит. среда». В 1951 переехал в Канаду (Монреаль). Изд. журн. «Рус. слово в Канаде» (1951-72). С 1956 преп. слав. филологию в Монреальском, позднее в Оттавском ун-тах. В 1960-75 проф. Монреальского ун-та. Сотр. также в амер. и канад. периодике. Ум. в Монреале.

Печ в альм/сб: ЗРАГ, О Дост, Рус лит-ра в эм, *журн:* Вест РСХД, Вольная мысль, Грани, НЖ, Путь, Рус слово в Канаде, *газ:* НРС, РиС, РМ.

Поволоцкий Яков Евгеньевич (1882-1945), издатель, книготорговец. С 1918 жил в Париже, в 20-х — 30-х владелец кн. магазина и изд-ва «Я.Е.Поволоцкий и К°». Погиб в Париже в результате несчастного случая.

Погодин Александр Львович [отец поэта М.А.Погодина] (1872-1947), историк, филолог-славист, литературовед. Писал также на сербохорват. яз. В 1910-20 проф. Харьковского ун-та. С янв. 1918 ред. харьковской газ. «Жизнь». Весной 1920 эм. в Сербию. В 1920-44 проф. кафедры рус. и слав. лит-р философ. ф-та Белградского ун-та. Предс. Рус. археологич. об-ва, предс.

отделения рус. яз. и лит-ры Рус. науч. ин-та в Белграде. В сент. 1928 участ. 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград). Член белградского Союза рус. писателей и журналистов. В 30-х участ. «Союза ревнителей чистоты рус. языка». Ум. в Белграде.

Печ в альм/сб: Живым и гордым, Зап РНИБ, Православие и культура, Сб рус археол об-ва, Тр рузг, Тр IV съезда РАОЗ, *журн:* Путь, РМ, *газ:* Нов время, Рус газ (Бг).

Познер Владимир Соломонович [сын *С.В.Познера*, брат ориенталиста Г.С.Познера] (1905-1992), поэт, прозаик, журналист, лит. критик, публицист, киносценарист, переводчик, мемуарист; также франц. писатель. Род. в Париже. С февр. 1921 участ. лит. группы «Серапионовы братья» (Петроград). В мае 1921 эм. с семьей в Литву (Каунас), в сент. поселился в Париже. Участ. лит.-худож. кружка «Гатарапак» (1921-22). В 1922 недолго жил в Берлине. Участ. парижской лит. группы «Через» (1923-24). Оконч. Сорбонну. Принял франц. гражд-во. Участ. лит. группы «Кочевье». С 1933 член франц. Компартии. Неоднократно посещал СССР. В годы 2-й мир. войны находился в США (Бостон), затем верн. во Францию. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Из нов поэтов, Стихотв, Цех поэтов, *журн:* ВР, Звено, Новоселье, СЗ, Эпопея, *газ:* ГР, Дни, Звено, НРС, ПН, РМ, Рус новости (П).

Познер Соломон Владимирович [также с подп.: С.П., С.П-р; отец *В.С.Познера* и ориенталиста Г.С.Познера] (1876-1946), обществ. деятель, журналист, прозаик, историк, мемуарист. Писал также на франц. яз. В 1918-20 секр. Евр. ист.-этнографич. об-ва (Петроград). В мае 1921 из Петрограда эм. с семьей в Литву (Каунас), в сент. переехал в Париж. В 20-х секр. парижского Союза рус. писателей и журналистов. В 1924-33 секр. Комитета помощи рус. писателям и ученым во Франции. Член парижского Об-ва друзей евр. культуры. В годы 2-й мир. войны жил на юге Франции. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: М.М.Винавер и рус общ-ть, *журн:* СЗ, *газ:* Дни, Евр трибуна, Нар мысль, Руль, ПН, С.

Полнер Тихон Иванович (1864-1935), журналист, публицист, историк, статистик, литературовед, издатель, мемуарист. В 1919 эм. в Париж. В 1920 основал и возглав. изд-во «Рус. земля». Член Комитета помощи рус. писателям и ученым во Франции. Соред. журн.: «Голос минувшего на чужой стороне» (1926-28), «Борьба за Россию» (1926-31). Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: На чуж стороне, *журн:* Борьба за Россию (26), ГМ на чуж стороне, ГрР, Звено, СЗ.

Поляков Александр Абрамович (1879-1971), журналист. В 1918 уехал из Петрограда в Киев. С 1919 жил в Севастополе, ред. газ. «Юг» («Юг России»). В нояб. 1920 из Крыма эм. в Константинополь. В 1922 поселился в Париже. С сер. 20-х по 1940 секр. редакции, затем зам. глав. ред. газ. «Последние новости». С 1942 проживал в США, сотр. редакции газ. «Новое рус. слово». Принял амер. гражд-во. Ум. в Нью-Йорке.

Печ в журн: Рус школа за рубежом, *газ:* ГР, НРС, ПН.

Поляков Соломон Львович [псевд.: С.Литовцев, С.Л.Поляков-Литовцев, также с подп.: С.Л.] (1875-1945), журналист, публицист, прозаик, поэт, драматург, переводчик, мемуарист. Писал также на идиш. В 10-х поселился в Париже. В нач. 20-х жил в Берлине. С авг. 1921 по нач. 1922 соред. берлинской газ. «Голос России». В 1923 верн. в Париж. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. В 40-х проживал в США (Нью-Йорк). Ум. в Нью-Йорке.

Печ в альм/сб: П.Н.Милюков. Сб мат-лов, *журн:* Ж-пт, ЗП, ИР, НЖ, Новоселье, РЗ, СЗ, ТиЖ (Б), *газ:* ГР, Дни, Евр трибуна, НРС, ПН, С, Св мысли.

Поляков-Литовцев С.Л. — см. **Поляков С.Л.**

Полянский Василий Васильевич (1890-1955), журналист. Уроженец Череповца. Участ. Белого движения. С нач. 20-х жил в Париже. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. С 1947 член редколл. газ. «Рус. мысль». Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в газ: РМ.

Поплавский Борис Юлианович [псевд.: Аполлон Безобразов, также с подп.: А.Б., Борис П., Б.П.; сын промышленника и музыканта Ю.И.Поплавского, брат поэтессы Н.Ю.Поплавской] (1903-1935), поэт, прозаик, лит. критик, публицист. Уроженец Москвы. В 1918 с отцом уехал из Москвы на юг России (Ялта). В 1919 четыре месяца прожил в Константинополе, затем верн. в Новороссийск. В нояб. 1920 эм. в Константинополь. Один из орг-ров «Царьградского Цеха поэтов». В конце мая 1921 переехал в Париж. Участ. лит.-худож. кружка «Гатарапак». В 1922 недолго жил в Берлине, занимался живописью, осенью возвр. в Париж. Участ. лит.-худож. группы «Через» (1923-24). Учился на филол. ф-те Сорбонны. Участ. «Союза молодых поэтов и писателей», лит. собраний «Зеленая лампа», близок к лит. группе «Кочевье». Трагически погиб в Париже, похоронен в Иври. В 1948 его прах перезахоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Круг, МДиа, Мосты, На Зап, Новь, Сб стихов (29), Стихотв, Якорь, *журн:* Возр, ВР, Встречи, Грани, Звено, Ллойд-журн, НЖ, Опыты, Прожектор, Рус магазин, СЗ, Утверждения, Числа, *газ:* Нов газ, ПН.

Португейс С.О. — см. **Иванович Ст.**

Постников Сергей Порфирьевич [также с подп.: П., С.П., С.П-ов] (1883-1965), историк, библиограф, журналист, лит. критик, мемуарист; эсер. Уроженец Архангельска. Член редколл. петербургского журн. «Заветы» (1912-14). Соред. газ. «Дело народа» (1917-19). В 1921 нелегально эм. из Сов. России, жил в Берлине. В 1921-27 член редколл. журн. «Революционная Россия». В 1923 переехал в Прагу. Один из орг-ров Рус. заграничного ист. архива (Прага), с 1924 возглав. отдел печатных источников. Ред. сб.: «Рус. заруб. книга» (1924), «Русские в Праге» (1928). Соред. парижского журн. «Социалист-революционер» (1927-32). В мае 1945 после занятия сов. войсками Праги арестован, депортирован в СССР. В 1950 освобожден из заключения, поселился в Никополе. В нач. 60-х верн. в Прагу. Ум. в Праге.

Печ в альм/сб: Рус заруб кн, *журн:* ВР, Рев Россия, СЗ, Социалист-революционер, *газ:* Дни.

Потёмкин Пётр Петрович [также с подп.: П., П.П-н, П.П.П.; брат акад. В.П.Потёмкина, в 1-м браке муж актрисы Е.А.Хованской] (1886-1926), поэт, драматург, прозаик, переводчик, мемуарист. Уроженец Орла. Учился на ист.-филол. ф-те Петербургского ун-та. В 1918 уехал из Петрограда в Одессу. В нояб. 1920 из Одессы эм. в Кишинев. С 1921 жил в Праге. Совершал поездки в Италию. Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. В 1924 переехал в Париж. Член правления парижского Союза рус. писателей и журналистов. С 1925 сотр. театра «Евр. зеркало». Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Ант СиЮ, Зап набл, Москва, Пб в стих рп, Радуга, Чт-декл, Южный крест, *журн:* ВР, Ж-пт, ИР, Иск славян, Наш огонек, Новости лит-ры, *газ:* Дни, За свободу, Либ рус слово, Огни, ПН, Риж курьер, Руль, С, С веч.

Потехин Юрий Николаевич [сын писателя и драматурга Н.А.Потехина, племянник писателя А.А.Потехина] (1890 — не ранее 1938), публицист, журналист, драматург, прозаик; кадет. В апр.-мае 1918 сотр. моск. еженедельника «Накануне». Участ. Белого движения. В 1920 эм. в Париж, с февр. 1921

участ. полит. группы «Смена вех». С 1922 жил в Берлине, в авг. посетил Сов. Россию. В 1922-23 член редколл. берлинской газ. «Накануне». В 1923 верн. в Сов. Россию (Москва). Возглав. моск. изд-ва: «Новые вехи» (1923-24), «Новый век» (1925-26). В 1927-28 член редколл. журн. «Сов. строительство». В нач. 30-х зав. финансовой частью Моск. отделения Драмсоюза (ленинградского Союза драм. и муз. писателей). В сер. 30-х арестован. Погиб в заключении.

Печ в альм/сб: Смена вех, *журн:* Смена вех, *газ:* Накануне.

Прегель София Юльевна (1894-1972), поэт, прозаик, лит. критик, переводчик, издатель, обществ. деятель, мемуаристка. Уроженка Одессы. Училась в Петроградской консерватории. После революции возвр. в Одессу. В 1922 из Одессы эм. в Париж. Вскоре переехала в Берлин. Участ. берлинского «Кружка поэтов» (1928-33). В 1932 поселилась в Париже. С 1942 жила в США (Нью-Йорк). Изд. и ред. журн. «Новоселье» (1942-50). Приняла амер. гражд-во. В 1948 верн. в Париж. В 1957-72 возглав. изд-во «Рифма». Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Круг, МДиа, Мосты, На Зап, Невод, Новоселье, Роща, Рус сб (46), Содр, Эстафета, Якорь, *журн:* Грани, Журн Содр, НЖ, Новоселье, Опыты, РЗ, СЗ, Совр-к, Числа, *газ:* НРС, РМ, Руль, С.

Присманова Анна [псевд. — наст. имя: Анна Семёновна (Симоновна) Присман, в браке Гингер; жена *А.С.Гингера* (с 1926)] (1892-1960), поэт, прозаик. Писала также на франц. яз. Уроженка Либавы (Латвия). С 1919 участ. моск. об-ния «Лит. особняк». С 1921 член Петроградского союза поэтов. В 1922 приняла латв. гражд-во, через Латвию уехала в Берлин. Участ. лит. группы «Четыре плюс один» (1923-24). Весной 1924 поселилась в Париже. С 1925 участ. «Союза молодых поэтов и писателей». Близка к лит. группе «Кочевье». Участ. лит. об-ния «Круг» (1935-39). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. После войны близка к движению сов. патриотов. В 1946 приняла сов. гражд-во, но в СССР не верн. Ум. в Тьер близ Парижа.

Печ в альм/сб: Встреча, Круг, МДиа, Мост на ветру, Мосты, На Зап, Рус сб (46), Сб стихов (29), Стихотв, Эстафета, Якорь, *журн:* ВР, Встречи, Грани, НЖ, Новоселье, Опыты, РЗ, СЗ, Эпопея, *газ:* Накануне, РМ, Рус новости (П).

Прокопович Сергей Николаевич [муж *Е.Д.Кусковой* (с 1895)] (1871-1955), обществ.-полит. деятель, экономист, публицист; член ЦК партии кадетов. Д-р философии (1913). В 1914-17 сотр. Моск. воен.-промышленного комитета. В 1917 министр торговли и промышленности (июль-авг.), министр продовольствия (сент.-окт.) Временного пр-ва. С весны 1918 участ. «Союза возрождения России». Директор Эконом. ин-та, в 1919-20 декан юрид. ф-та Моск. ун-та, преп. также в Кооперативном ин-те, Тимирязевской сельскохозяйственной академии. В 1921 один из рук-лей Помгола (Всерос. комитета помощи голодающим), арестован и сослан в Вологду. С конца янв. 1922 проживал в Кашине (Тверская губ.), в июне выслан из Сов. России, поселился в Берлине. В конце 1922 орг-р, затем рук-ль Рус. эконом. кабинета (Берлин, с 1924 Прага). Один из орг-ров Рус. науч. ин-та в Берлине, в 1923-24 декан эконом. отделения. Ред. сб. «Эконом. вестник» (1923-24). В нач. 1924 переехал в Прагу. Ред. «Бюллетеня Эконом. кабинета» (1924-38), «Рус. эконом. сборника» (1925-28). Рук-ль Рус. эконом. комитета, член «Комитета помощи российским гражданам за границей» пражского Земгора. В 1928 орг-р Ин-та по изучению народного хозяйства СССР (Прага). С 1929 член Слав. ин-та в Праге. В 1939 обосновался в Швейцарии. В 1940 посетил США. Ум. в Женеве.

Печ в альм/сб: Крестьянская Россия, Рус эконом сб, Эконом вест, *журн:* Бюллетень эконом кабинета, Возр, Слав кн, Соц вест, *газ:* Дни, НРС, ПН.

Раевский Георгий [псевд. — наст. имя: Георгий Авдеевич (Авдиевич) Оцуп; также с подп.: Г.Р., Г.Р-ий; брат *С.Горного* и *Н.А.Оцупа*] (1897/98-1963), поэт, мемуарист. Писал также на нем. яз. Уроженец Царского Села. В нач. 20-х эм. в Берлин. Оконч. Берлинский ун-т. В 1924 поселился в Париже. С 1928 участ. лит. группы «Перекресток». Участ. лит. об-ния «Круг» (1935-39). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. После войны жил в Орли близ Парижа. С 50-х сотр. также в нем. и швейцарской периодике. Ум. в Штутгарте, похоронен в Париже.

Печ в альм/сб: Встреча, Круг, МДиа, Мосты, На Зап, Невод, Орион, Перекресток, Рус сб (46), Эстафета, Якорь, *журн:* Грани, Журн Содр, Звено, Меч, Мир и иск, НЖ, Нов корабль, Новоселье, Полярная звезда, РЗ, Рус эхо, СЗ, Совр-к, Числа, *газ:* Возр, Дни, НРС, ПН, РиС, РМ, Руль.

Раппопорт Семён Исаакович [также с подп.: С.И.Р.] (1858 — ?), журналист. К 1917 находился за границей в качестве корр. рус. газет. В 20-х жил в Лондоне.

Печ в журн: ВР, Слав кн, *газ:* ГР, Дни.

Ратгауз Даниил Максимович [отец *Т.Д.Ратгауз*] (1868-1937), поэт, драматург, переводчик. В 1918 с семьей переехал из Москвы в Киев, зав. сектором иностр. прессы в Укр. РОСТА. В 1921 эм. в Берлин. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. С конца 1923 жил в Праге. Участ. лит. кружка «Далиборка» (1924-33). Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Праге.

Печ в альм/сб: Рус лирика (Н-Й), Сб стих инрп, *журн:* Для вас, Мир и иск, Рус эхо, *газ:* Возр, Двинский голос, Дни, Либ рус слово, Нов время, Руль, Рус газ в П, С, С веч, Свобода, Слово.

Ратгауз (Клименко-Ратгауз) Татьяна (Татьяна-София-Екатерина) Даниловна [дочь *Д.М.Ратгауза*, в 1-м браке Асеева, во 2-м — жена актера В.В.Клименко (с 1936)] (1909-1993), поэт, прозаик, драм. актриса, мемуаристка. Уроженка Киева. В 1921 эм. с отцом в Берлин. В конце 1923 поселилась в Праге. С конца 20-х участ. об-ния «Скит поэтов», лит. кружка «Далиборка». В 1935 переехала в Ригу. В 1936-41 и 1944-46 актриса рижского Театра рус. драмы. Ум. в Риге.

Печ в альм/сб: Новь, Скит, Якорь, *журн:* Годы, Для вас, Меч, РЗ, СЗ, Студ годы, *газ:* Возр, Голос, ПН, РиС, Руль, С.

Рафалович Сергей Львович [во 2-м браке муж С.Н.Андрониковой] (1875-1944), поэт, драматург, прозаик, переводчик, лит. и театр. критик. Писал также на франц. яз. В 1905-17 подолгу жил в Париже в качестве сотр. агентства рус. министерства финансов. В 1918 находился в Баку, в конце окт. переехал в Тифлис. В 1918-21 участ. «Тифлисского Цеха поэтов», орг-р изд-ва «Кавказский посредник». Соред. журн. «Орион» (1919). С февр. 1921 предс. Союза рус. писателей в Грузии. В нач. 1922 из Тифлиса эм. в Константинополь, участ. «Царьградского Цеха поэтов». Вскоре через Париж уехал в Берлин. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Позднее верн. в Париж. Ум. в Бро (департ. Орн).

Печ в альм/сб: Москва, Чт-декл, *журн*: Возр, ВР, Ж-пт, Перезв, Сатирикон, *газ:* НРС, Руль.

Рафальский Сергей Милич (Милиевич) [псевд.: Сергей Волынский, Сергей Раганов, Рафаил, М.Сергеев, также с подп.: ...Ский] (1896-1981), поэт, прозаик, публицист, журналист, мемуарист. Уроженец Волынской губ. С осени 1914 учился на юрид. ф-те Петроградского ун-та, весной 1917 перевелся в Киевский ун-т. Участ. Белого движения. С 1920 жил в Остроге на Волыни. В 1921 после присоединения Волыни к Польше оказался на польск. терр. Принял польск. гражд-во. В 1922 переехал в Прагу, участ. кружка «Мастерская слова», один из орг-ров об-ния «Скит поэтов». Возглав. оргкомитет клуба «Рус. беседа» (1922). Близок к сменовех. движению. В 1924 оконч. Рус. юрид.

ф-т. Сотр. Ин-та по изучению России. В 1927 поселился в Остроге (Польша). В 1929 обосновался в Париже. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: МДиа, *журн:* Борьба, Возр, ВР, Грани, Континент, НЖ, Перезв, Посев, Св путями, Сполохи, Студ годы, *газ:* Возр, За свободу, НРС, РМ.

Рахманинов Сергей Васильевич (1873-1943), композитор, пианист, дирижер. В нояб. 1917 из Москвы уехал в Петроград, в конце дек. эм. через Стокгольм в Данию, поселился близ Копенгагена. В нояб. 1918 из Христиании (Норвегия) выехал в США. Жил в основном в Нью-Йорке. В 1924-39 летние месяцы проводил в Зап. Европе (Германия, Франция, Швейцария). В 1924 один из основателей Рус. консерватории в Париже. Как пианист часто концертировал в странах Зап. Европы и Америки. Ум. в Беверли-Хиллз (Калифорния), похоронен в Валхалле близ Нью-Йорка.

Печ в журн: Для вас, НЖ, *газ:* ПН.

Ремизов Алексей Михайлович [псевд.: Василий Куковников, Семён Судак и др.; муж *С.П.Ремизовой* (с 1903)] (1877-1957), прозаик, драматург, лит. критик, публицист, переводчик, мемуарист. В 1918-19 член петроградского Союза деятелей худож. лит-ры (СДХЛ). С 1920 член Всерос. союза писателей (ВСП). В авг. 1921 из Петрограда эм. через Таллинн в Берлин. Один из орг-ров и вице-предс. берлинского Дома искусств (1921-23), член Клуба писателей (1922-23). Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Соред. журн. «Бюллетени Дома искусств» (1922). В нояб. 1923 переехал в Париж. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. В 20-х близок к евраз. движению. Совершал поездки в Бельгию. Член Центр. Пушкинского комитета (1937). В 1948 принял сов. гражд-во. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Библиогр: Алексей Михайлович Ремизов: Библиография / Сост. Э.Синани. Париж, 1978. 255 с. См. также: Lampl H. Bemerkungen und Ergänzungen zur Bibliographie A.M.Remizovs // Wiener Slawistischer Almanach. 1978. Bd. 2. S. 301-326.

Ремизова (Ремизова-Довгелло) Серафима Павловна [урожд. Довгелло (Довкгело); псевд.: В.Н.Скоропадский; жена *А.М.Ремизова* (с 1903)] (1875-1943), палеограф. В авг. 1921 из Петрограда эм. с мужем в Берлин. С нояб. 1923 жила в Париже. В 1924-39 преп. слав.-рус. палеографию в Школе вост. яз. при Сорбонне. Участ. парижского Об-ва друзей рус. книги (ОДРК). Совершала поездки в Бельгию. Ум. в Париже, похоронена в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Ренников А. [псевд. — наст. имя: Андрей Митрофанович Селитренников; др. псевд.: Антар] (1882-1957), журналист, прозаик, драматург, мемуарист. Уроженец Краснодарского края. Оконч. физико-математич. и ист.-филол. ф-ты Новороссийского ун-та. С 1912 проживал в Петербурге. В дек. 1917 уехал на юг России. В 1919 ред. газ. «Заря России» и юморист. журн. «Фараон» (Ростов-на-Дону). В марте 1920 из Новороссийска эм. через Болгарию (Варна) в Сербию, жил в Белграде. В 1921 вместе с *М.А.Сувориным* основал газ. «Новое время». В 1922 вице-предс. Рус. лит.-худож. об-ва. Член белградского Союза рус. писателей и журналистов. В 1926 поселился в Париже. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. В годы 2-й мир. войны находился в Греции. После войны обосновался в Ницце. Ум. в Ницце.

Печ в альм/сб: Живым и гордым, *журн:* Вест ГПОГ, Возр, Для вас, *газ:* Веч время (Р), Возр, Галлиполи, Заря, Либ рус слово, Нов время, Пар вест (25), Рус эхо, Слово, Шанх заря.

Рерих (Рёрих) Николай Константинович [муж поэтессы и переводчицы Е.И.Рерих (с 1901), отец художника С.Н.Рериха и востоковеда Ю.Н.Рериха]

(1874-1947), живописец, театр. художник, прозаик, поэт, археолог, публицист, мемуарист. В 1906-18 директор школы Об-ва поощрения художеств (Петербург). Акад. живописи (1909). С сент. 1918 жил в Финляндии (Выборг). С марта 1919 проживал в Копенгагене, осенью через Христианию (Норвегия) переехал в Лондон. В дек. 1920 поселился в США. В 1923 учредил Roerikh Museum (Нью-Йорк). В 1923-28 совершал путешествия по Индии и Центр. Азии. В 1926 посетил СССР. В 1928 основал и возглав. Гималайский ин-т науч. исследований «Урусвати» (Кулу, Индия). В 1930 обосновался в Кулу. Ум. в Нагар (долина Кулу, шт. Пенджаб).

Печ в альм/сб: Вольная Сибирь, Врата, Земля Колумба, Родная земля, *журн:* Зарница, Новоселье, Утверждения, *газ:* НРС, ПН, С, Слово.

Ржевский Леонид [псевд. — наст. имя: Леонид Денисович Суражевский (до 1969); др. псевд.: Л.Тан, Н.Тан, также с подп.: Л.Р-ский; во 2-м браке муж *А.Шишковой* (с 1943)] (1905-1986), прозаик, драматург, лит. критик, литературовед, языковед, мемуарист. Писал также на англ. и нем. яз. Уроженец Москвы. В 1930 оконч. лит.-лингвистич. отделение педагог. ф-та 2-го МГУ. В 1938 оконч. аспирантуру моск. Педагог. ин-та им. Ленина. Преп. в вузах Москвы, Орехово, Тулы. Канд. филол. наук (1941). С июля 1941 находился на фронте, в нач. окт. попал в плен. Летом 1943 освобожден из плена. В 1944 уехал в Германию. С февр. 1945 жил в Дрездене, вскоре поселился близ Мюнхена. В нач. 1950 переехал в Лимбург-на-Лане, затем проживал близ Франкфурта-на-Майне. В 1952-55 глав. ред. журн. «Грани». В 1953-61 (с перерывами) преп. в Лундском ун-те (Швеция). В 1956 глав. ред. рус. отдела радиостанции «Освобождение». Сост. сб. «Лит. Зарубежье» (1958). Совм. с Г.Андреевым (Г.А.Хомяковым) и *Ф.А.Степуном* основал изд-во «Товарищество заруб. писателей» (1959-70) при Центр. об-нии полит. эмигрантов (ЦОПЭ). Осенью 1963 переехал в США. В 1963-64 преп. рус. яз. и лит-ру в Оклахомском ун-те (Норман, шт. Оклахома). В 1964-73 проф. слав. лит-р в ун-те шт. Нью-Йорк, затем проф. Рус. школы Норвичского ун-та (шт. Вермонт). Принял амер. гражд-во. В 1975-76 член редколл. «Нового журнала». Член амер. ПЕН-клуба. Ум. в Нью-Йорке.

Печ в альм/сб: ВП, Встречи, ЗРАГ, Лит Зарубежье, Лит совр-к, Мосты, Рус лит-ра в эм, Сб ст посв тв-ву Б.Л.Пастернака, *журн:* Вест ИИИК, Возр, Грани, Континент, Лит совр-к, НЖ, Опыты, Посев, *газ:* НРС, РМ.

Родичев Фёдор Измайлович (1852-1933), обществ.-полит. деятель, юрист, публицист, мемуарист; член ЦК партии кадетов. Депутат 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Гос. думы. В марте-мае 1917 комиссар Временного пр-ва по делам Финляндии. Летом 1918 уехал из Москвы на юг России, с осени член Совета гос. объединения России (СГОР). В 1918-19 выполнял в Сербии ряд дипломатич. поручений ген. Деникина. С 1919 жил в Греции, с 1920 в Польше (Варшава). Вскоре через Париж переехал в Швейцарию (Лозанна). Ум. в Лозанне.

Печ в альм/сб: Пам погибших, *журн:* Возр, СЗ, *газ:* Евр трибуна, Общ дело, ПН, С, Свобода.

Розенберг Владимир Александрович (1860-1932), обществ.-полит. деятель, экономист, журналист, литературовед, библиограф. После революции жил на юге России. В 1921 ред. «Известий Крымского отделения Центросоюза» (Симферополь). Затем верн. в Москву. В сент. 1922 выслан из Сов. России, поселился в Берлине. В 1923 переехал в Прагу. Сотр. Рус. заграничного ист. архива, Рус. эконом. кабинета. Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Праге.

Печ в альм/сб: ВОДРК, Зап РНИБ, На чуж стороне, Пам погибших, П.Н.Милюков. Сб мат-лов, Рус заруб кн, Эконом вест, *журн:* ГМ на чуж стороне, Родное слово, Св Россия, Слав кн, *газ:* Дни, Огни, ПН.

Росимов Г. [псевд. — наст. имя: Юрий (Георгий) Викторович Офросимов; др. псевд.: Ю.Росимов, также с подп.: Г., Г.Р., О., Р., Ю.О.] (1894-1967), поэт, лит. и театр. критик, журналист, мемуарист. Уроженец Москвы. Оконч. моск. Николаевский лицей. Участ. Белого движения. В 1920 из Прибалтики переехал в Берлин. Участ. полит. группы В.Б.Станкевича «Мир и труд». Ред. берлинского детского журн. «Ванька-Встанька» (1924). Член редколл. белградской газ. «Россия» (1926-27). Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. В 1933 обосновался в Белграде. Член белградского Союза рус. писателей и журналистов. С 1934 участ. кружка «Лит. среда». В конце 30-х переселился в Швейцарию. В годы 2-й мир. войны арестован нацистами, заключен в концлагерь. После войны жил в Лугано (Швейцария). Ум. в Палермо (Италия), похоронен в Лугано.

Печ в альм/сб: Веретено, Вечера пзл, Струги, Чт-декл, *журн:* Ванька-Встанька, Голос эмигранта, Жизнь (Б), Ж-пт, Звено, Молодая Россия, НЖ, НРК, Рус эмигрант, Рус эхо, Сполохи, ТиЖ (Б), *газ:* Возр, Время (Б), ГР, НРС, Р (Бг), Руль, С.

Ростовцев Михаил Иванович (1870-1952), историк античности, филолог-классик, археолог, искусствовед. Писал также на англ. яз. В 1901-18 проф. древн. истории Петербургского ун-та. Акад. Российской АН (1916). Летом 1918 командирован в Англию (Оксфорд). С нач. 1919 рук-ль лондонского Комитета освобождения России. С лета 1919 проживал во Франции, преп. в ряде франц. вузов. В февр. 1920 один из орг-ров Рус. акад. группы в Париже, с весны преп. в Collège de France (Париж), летом уехал в США. В 1920-25 проф. кафедры древн. истории Висконсинского ун-та (Мадисон, шт. Висконсин). В 1925-39 проф. древн. истории и классич. филологии Йельского ун-та. Принял амер. гражд-во. Рук-ль археологич. раскопок на Ближнем Востоке. Совершал поездки в страны Зап. Европы. Ум. в Нью-Хэвене (США).

Библиогр: Brandfort W.C. Bibliography of M.Rostovtzeff // Historia (Baden-Baden). 1956. Bd. 5. S. 358-381.

Рощин Николай [псевд. — наст. имя: Николай Яковлевич Фёдоров; др. псевд.: Днепров] (1892-1956), прозаик, лит. критик, журналист. Уроженец Смоленска. Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. В янв. 1920 эм. в Сербию, затем переехал во Францию (Ницца). В 20-х — 40-х (с перерывами) жил в доме *И.А.Бунина* (Париж, Грасс). С 1942 участ. франц. Сопротивления. С 1944 член франц. Компартии, член Союза рус. патриотов (затем Союза сов. патриотов). После войны один из лидеров движения сов. патриотов. В июне 1946 принял сов. гражд-во, в нач. дек. верн. в СССР (Москва). Ум. в Москве.

Печ в альм/сб: Колос, Рус сб (46), *журн:* ИР, Мир и иск, Нов дом, Парус, Перезв, Прожектор, Сатирикон, СЗ, *газ:* Возр, Дни, ПН, Р (П), Руль, Рус новости (П), Рус патриот, С, Сов патриот, Шанх заря.

Руднёв Вадим Викторович [также с подп.: В.Р.] (1879-1940), обществ.-полит. деятель, публицист, журналист, издатель; член ЦК партии эсеров. Участ. 1-й мир. войны. С июня 1917 гор. голова Москвы. С марта 1918 член моск. «Союза возрождения России», затем уехал в Киев, с дек. жил в Одессе, возглав. Совет земств и городов юга России. В нач. апр. 1919 из Одессы эм. через Константинополь в Париж. Секр. редакции еженедельника «Еврейская трибуна» (1920-24). Член Административного центра ВДО (Внепартийно-дем. об-ния; 1920-22). Один из основателей, соред. и секр. редакции (с 1936) журн. «Современные записки» (1920-40). С нач. 1921 ген. секр. и член исполкома парижского Земгора. В сент. 1928 участ. 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград). После оккупации нем. войсками Парижа переехал на юг Франции. Ум. в По (Франция).

Печ в альм/сб: Дети эм, *журн:* ВР, РЗ, Рус школа за рубежом, СЗ, *газ:* Веч время (П), Возр, Дни, Евр трибуна.

Рысс Пётр Яковлевич [брат публициста С.Я.Рысса] (1870-1948), журналист, публицист, социолог, прозаик, мемуарист; кадет. В 1918 уехал из Петрограда в Киев, затем жил в Одессе. Сотр. в Осваге. В 1919 эм. в Берлин. В 1920 поселился в Париже. Член Комитета помощи рус. писателям и ученым во Франции. Соред. журн. «Борьба за Россию» (1926-31). Ум. в Париже.

Печ в журн: Борьба за Россию (26), ГМ на чуж стороне, ИР, Независимая мысль, Независимый голос, Новоселье, *газ:* Возр, ГР, Евр трибуна, За свободу, Нар мысль, Общ дело, ПН, РиС, С пон-к.

Савельев А., лит. критик.

Печ в журн: Нов град, РЗ, СЗ, *газ:* Руль.

Савин И. [псевд. — наст. имя: Иван Иванович Саволайнен (Саволаин); др. псевд.: С.А.Мальгасов, также с подп.: И.Сав., Sav.] (1899-1927), поэт, прозаик, драматург, публицист, журналист, мемуарист. Уроженец Одессы. С осени 1919 участ. Белого движения на юге России. Попал в плен (Джанкой), вскоре освобожден. С окт. 1921 жил в Петрограде. В апр. 1922 эм. в Финляндию, поселился в Хельсинки. Принял фин. гражд-во. Ум. в Хельсинки.

Печ в альм/сб: АРР, На Зап, Пестрые рассказы, *журн:* Вест ГПОГ, Грань, Дни нашей жизни, Жизнь (Б), ИР, Мир, Наш огонек, Опыты, Перезв, Студ годы, *газ:* Возр, Либ рус слово, Нарвский листок, Нов время, Риж курьер, Руль, Рус газ в П, Рус жизнь (Р), Рус курьер, С, Слово.

Савинков Борис Викторович [псевд.: В.Ропшин и др.; сын писательницы С.Шевиль (С.А.Савинковой), брат художника В.В.Савинкова, племянник художника Н.А.Ярошенко, в 1-м браке муж В.Г.Савинковой-Успенской (дочери писателя Г.И.Успенского), отец писателя Л.Б.Савинкова] (1879-1925), обществ.-полит. деятель, публицист, прозаик, поэт, мемуарист; член ЦК партии эсеров (до окт. 1917). С 1911 находился в эм. (Италия, Франция). Участ. 1-й мир. войны, доброволец франц. армии. В нач. апр. 1917 верн. в Россию, комиссар Временного пр-ва при Ставке главковерха, с июня комиссар Юго-Зап. фронта, в июле-авг. управляющий воен. министерством, осенью уехал на Дон. В дек. 1917 — февр. 1918 член Донского гражд. союза, с февр. проживал в Москве, в марте орг-р моск. Союза защиты родины и свободы, в июле один из рук-лей Ярославского восстания, в окт. через Шанхай уехал в Париж в качестве представителя Всерос. временного пр-ва (Уфимской директории). Член парижского Рус. полит. совещания. В конце 1919 поселился в Варшаве, предс. РПК (Рус. полит. комитета, с янв. 1921 Рус. эвакуац. комитета). Ред. газ. «За родину и свободу» (1920). С июня 1921 орг-р и предс. Народного союза защиты родины и свободы, в окт. уехал в Прагу, затем жил в Лондоне. В нач. 1922 обосновался в Париже. Сотр. также во франц. периодике. Совершал поездки в Италию, Швейцарию, Чехословакию, Польшу. С апр. 1924 член редколл. варшавской газ. «За свободу», в сер. авг. нелегально перешел польск.-сов. границу, арестован в Минске органами ОГПУ. Погиб в заключении (Москва).

Печ в альм/сб: Былое, ВП, *журн:* ГрР, ИР, НЖ, *газ:* Евр трибуна, За родину и свободу, За свободу, Нар мысль, Общ дело, ПИ, Пар вест (25), ПН, Руль, Свобода.

Савицкий Пётр Николаевич [псевд.: П.Востоков, П.В.Логовиков, Степан Лубенский, Петроник; отец социолога и историка И.П.Савицкого] (1895-1968), историк, экономист, географ, публицист, поэт, литературовед, переводчик, мемуарист. Уроженец Черниговской губ. Оконч. эконом. ф-т Политехнич. ин-та (Петроград). В 1916-17 секр.-посланник при Российской миссии в Христиании (Норвегия). С 1918 жил на юге России, участ. Белого движения. В нояб. 1920 из Крыма эм. в Галлиполи. В нач. 1921 поселился в Софии, сотр. редакции журн. «Рус. мысль». В конце 1921 переехал в Прагу.

В 1922-29 приват-доцент кафедры экономики и статистики Рус. юрид. ф-та. Один из лидеров евраз. движения, соред. сб. «Евразийский временник» (1923-27), журн. «Евразийская хроника» (1925-28, 1935-37), «Евразийского сборника» (1929). Сотр. Рус. ист. об-ва, Рус. науч.-исслед. об-ния, Рус. заграничного ист. архива (Прага). Зимой 1927 нелегально посетил СССР (Москва). Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. С 1928 зав. кафедрой эконом. и сельскохозяйственной географии Рус. ин-та сельскохозяйственной кооперации. Соред. «Науч. трудов Рус. народного университета в Праге» (1928-33). В 1929-33 предс. обществоведческого отдела Рус. народного (свободного) ун-та. В 30-х предс. Евраз. комитета. Соред. парижской газ. «Свершения» (1934). В 1935-41 преп. рус. и укр. яз. и россиеведение в Нем. ун-те (Прага). В 1940-44 педагог. директор рус. гимназии. В мае 1945 после занятия сов. войсками Праги арестован, депортирован в СССР. Находился в заключении (Коми, Мордовия). В 1954 освобожден из заключения, проживал в Подмосковье, с 1956 в Москве. В 1956 верн. в Прагу. В 1961 арестован чехословацкими властями за публикацию в Германии мемуаров, в 1962 освобожден. Ум. в Праге.

Печ в альм/сб: Евраз временник, Зап РНИО, Исход к Востоку, На путях, Науч тр РНУП, Нов эпоха, Россия и латинство, Сб ст посв П.Б.Струве, Тридцатые годы, Тр рузг, Эконом вест, *журн:* Борьба за Россию (2б), Версты, Вест РСХД, Грани, Евраз тетради, Евраз хроника, Нов град, Путь, РМ, Родное слово, Слав кн, *газ:* Евразия, НРС, РМ, Свершения.

Савич Овадий Герцович [псевд.: Ренэ Каду] (1896-1967), прозаик, поэт, переводчик, журналист. Уроженец Варшавы. Учился на юрид. ф-те Моск. ун-та. В 1917-23 актер моск. театров. В 1924 эм. в Германию (Тюрингия, позднее Берлин). С 1929 жил в Париже. В 1932-36 парижский корр. моск. газ. «Комсомольская правда». С 1937 в качестве корр. ТАСС участвовал в гражд. войне в Испании. В 1939 верн. в СССР (Москва). Ум. в Москве.

Печ в альм/сб: Одиссея, *журн:* Нов нива, Сполохи, *газ:* Время (Б).

Савченко Илья Григорьевич [также с подп.: И.С.] (1889-1962), прозаик, лит. критик, мемуарист. Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. В 20-х жил в Праге, участ. лит. кружка «Далиборка». В сер. 20-х переехал в Париж. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Вольная Сибирь, *журн:* Борьба за Россию (2б), Вест РСХД, ГМ на чуж стороне, Годы, ИР, РМ, Студ годы, *газ:* Возр, Либ рус слово, ПН, РМ.

Садовский Яков Дмитриевич (1893-1925), экономист, мемуарист. Уроженец Курской губ. Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. С конца 1920 жил в Сербии (Бечкерек). В 1921 переехал в Прагу, преп. финансовое право на Рус. юрид. ф-те. Участ. евраз. движения. Ум. в Праге.

Печ в альм/сб: Евраз временник, *журн:* РМ.

Сазонова-Слонимская (Сазонова) Юлия Леонидовна [урожд. Слонимская; также с подп.: Ю.С., Ю.Сазонова; дочь журналиста Л.З.Слонимского, сестра литературоведа А.Л.Слонимского, писателя М.Л.Слонимского и музыковеда Н.Л.Слонимского, жена актера П.П.Сазонова, племянница литературоведов З.А.Венгеровой и С.А.Венгерова] (1887-1957), прозаик, поэт, лит. и театр. критик, публицист, историк театра, режиссер кукольного театра. Писала также на франц. яз. Уроженка Петербурга. Училась на Высш. Бестужевских курсах (Петербург). С марта 1917 жила в Крыму. В окт. 1920 из Севастополя эм. в Константинополь. В 1921-24 проживала в Болгарии (София), Италии. Весной 1924 поселилась в Париже. Рук-ль Театра марионеток. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Сотр. во франц. периодике. В нач. 2-й мир. войны уехала в США. В 1942-55 преп. в

Колумбийском ун-те. Д-р филологии. Приняла амер. гражд-во. В 1955 возвр. в Париж. Ум. в Нёйи-сюр-Сен близ Парижа, похоронена в Сен-Женевьев де Буа.

Печ в журн: Вест РСХД, Встречи, Лит совр-к, НЖ, Новоселье, Путь, РМ, СЗ, Совр-к, Числа, *газ:* Звено, НРС, ПН, РМ.

Самсонов Валентин, автор рассказа «Сказочная принцесса» (Числа, 1933, № 9).

Святополк-Мирский Дмитрий Петрович, кн. [псевд.: Д.Мирский, Д.С.Мирский, также с подп.: Д.С.М., М., С.; сын гос. деятеля П.Д.Святополка-Мирского] (1890-1939), литературовед, лит. критик, публицист, поэт, переводчик. Писал также на англ. и франц. яз. Уроженец Харьковской губ. В мае 1914 экстерном оконч. классич. отделение ист.-филол. ф-та Петербургского ун-та. Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. В февр. 1920 эвакуир. в Польшу, в июне через Австрию переехал в Грецию (Афины). С весны 1921 жил в Англии. В 1922-31 доцент рус. лит-ры King's College Лондонского ун-та и Школы славистич. исследований. В 1922 примкнул к евраз. движению. Учредитель и соред. журн. «Версты» (1926-28), член редколл. газ. «Евразия» (1928-29). Совершал поездки во Францию, Чехословакию, Италию. Сотр. в англ. и франц. периодике. В конце 1931 вступил в Компартию Великобритании. Принял сов. гражд-во, в сент. 1932 верн. в СССР (Москва). С авг. 1934 член Союза сов. писателей. В июне 1937 арестован. Погиб в заключении (Магадан).

Библиогр: Дмитрий Святополк-Мирский: Критический и библиографический очерк / Сост. Н.Лаврухина, Л.Н.Чертков. Париж, 1980. 109 с., 4 л. илл.

Северянин Игорь [псевд. — наст. имя: Игорь Васильевич Лотарёв] (1887-1941), поэт, переводчик, лит. критик, мемуарист. В марте 1918 эм. в Эстонию, жил в пос. Эст-Тойла. В 1921 принял эстон. гражд-во. Совершал поездки в Латвию, Литву, Германию, Чехословакию, Румынию, Финляндию, Францию, Сербию, Болгарию, Польшу. В 1935 переехал в Таллинн. С 1938 проживал в д. Сааркюля, весной 1939 поселился в Нарве-Йыэссу. В 1941 верн. в Таллинн. Ум. в Таллинне.

Печ в альм/сб: Ант рус поэзии XX столетия, Балт альм, Вечера пзл, Жемчужины рпт, Из рус лирики, На Зап, Пб в стих рп, Рус лирика (Н-Й), Рус Парнас, Сб стих инрп, Чт-декл, Эротика в рус поэзии, Якорь, Via sacra, *журн:* Для вас, Жизнь (Б), Зарница, ЗП, ИР, НЖ, Рубеж, Рус эмигрант, Рус эхо, Числа, *газ:* Вести дня, Возр, Время (Б), ГР, Двинский голос, За свободу, Либ рус слово, Накануне, Нарвский листок, Наша газ (Р), НРС, ПИ, ПН, Пон-к, Руль, Рус курьер, С, С веч, С пон-к, Св мысли, Св слово, Эхо.

Сеземан Василий Эмильевич (1884-1963), философ, юрист. Уроженец Выборга. В 1909 оконч. ист.-филол. ф-т Петербургского ун-та. В 1909-11 учился в Марбургском, затем в Берлинском ун-тах. В 1914-17 приват-доцент кафедры философии Петроградского ун-та. С осени 1918 преп. в Вятке, в 1919-21 доцент Саратовского ун-та. В 1921 возвр. в Петроград, действ. член Философ. об-ва при Петроградском ун-те. Вскоре эм. в Хельсинки. В 1922 переехал в Берлин, в 1923 преп. философию в Рус. науч. ин-те. Участ. Религиозно-философ. академии. В 1923-40 проф. кафедры философии Каунасского ун-та. Один из рук-лей евраз. группы в Литве. Летом 1940 после аннексии Литвы оказался на сов. терр., с осени жил в Вильнюсе, преп. в Вильнюсском ун-те. В 1949 арестован, в сер. 50-х освобожден из заключения. Верн. в Вильнюс, преп. в Вильнюсском ун-те. Ум. в Вильнюсе.

Печ в журн: Беседа, Версты, Евраз временник, Путь, *газ:* Евразия.

Семёнов Юлий Фёдорович (1873-1947), обществ.-полит. деятель, журналист, мемуарист; кадет. До революции подолгу жил в Париже. После революции проживал в Грузии, в 1918-19 предс. Рус. нац. совета (Тифлис). Участ.

Белого движения. В 1920 эм. в Париж. С 1924 ген. секр. Рус. нац. комитета (РНК). Предс. Рус. заруб. съезда в Париже (1926). В 1927-40 ред. газ. «Возрождение». С 1937 вице-предс. парижского Нац. об-ния рус. писателей и журналистов. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в журн: Возр, *газ:* Возр, ПН.

Семёнов-Тян-Шанский Александр Дмитриевич, епископ Александр Зилонский [также с подп.: А.С.-Т.-Ш., С.; внук географа П.П.Семёнова-Тян-Шанского] (1890-1979), церковный деятель, богослов, публицист, поэт, мемуарист. Уроженец Петербурга. В 1914 оконч. юрид. ф-т Петербургского ун-та. Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. С нач. 20-х жил в Берлине. В 1925 переехал в Париж. В 1942 оконч. Богословский ин-т (Париж). В 1943 принял священство. С 1956 протоиерей Знаменского прихода в Париже. Деятель экуменич. движения. Участ. «Содружества Св. Албания и преп. Сергия Радонежского». С 1971 епископ. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в журн: Вест РСХД, Возр, Перезв, РМ, СЗ, *газ:* ПН, РиС, Руль.

Сирин В. — см. **Набоков В.В.**

Скобцов Д.Е. — см. **Скобцов-Кондратьев Д.Е.**

Скобцов-Кондратьев (Скобцов) Даниил Ермолаевич [псевд.: Д.Кондратьев; муж *Е.Ю.Кузьминой-Караваевой* (в 1918-32)] (1885-1969), обществ.-полит. деятель, публицист, прозаик, мемуарист. Родом с Кубани. Оконч. ист.-филол. ф-т Моск. ун-та. Участ. 1-й мир. войны. В 1918 возглав. ведомство земледелия в Кубанском краевом пр-ве. В нояб. 1919 — янв. 1920 предс. Кубанской краевой Рады. В марте 1920 из Новороссийска с семьей эвакуир. в Тифлис, вскоре эм. через Константинополь в Белград. С нач. 1923 жил в Париже. Ум. в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Казачий лит-общ альм, Казачий сб, *журн:* ГМ на чуж стороне, Казачий журн, СЗ, *газ:* ПН.

Словцов Р. — см. **Калишевич Н.В.**

Слоним Марк Львович [псевд.: Борис Аратов, М.Шварц, также с подп.: Б.А., Б.Ар., М.С., М.Сл., С.; племянник *Ю.И.Айхенвальда*] (1894-1976), обществ.-полит. деятель, лит. критик, литературовед, публицист, переводчик, журналист, мемуарист; эсер. Писал также на англ., итал. и франц. яз. Уроженец Новгорода-Северского (Черниговская губ.). Оконч. ист.-филол. ф-т Петроградского ун-та. В апр.-авг. 1918 ред. киевской газ. «Народное дело». Затем эм. в Италию, учился в Ин-те высш. наук (Флоренция). Сотр. в итал. периодике. С 1920 член парижского Административного центра ВДО (Внепартийно-дем. об-ния). В конце 1920 переехал в Прагу. Член комитета пражского Земгора. Ред. журн. «Новости лит-ры» (1922), соред. журн. «Воля России» (1922-32). Член правления пражского Союза рус. писателей и журналистов. Член совета Рус. народного (свободного) ун-та (Прага). В 1926 совершил поездку в США. С 1927 подолгу жил в Париже. Соред. парижского журн. «Социалист-революционер» (1927-32). В 1928 орг-р, затем предс. лит. группы «Кочевье» (Париж). Ред. «Новой газеты» (1931). В 1932 окончательно переселился в Париж. Возглав. агентство «Европейское лит. бюро» (Париж). В 1941 уехал в США (Нью-Йорк). После 2-й мир. войны лидер просоветской группы «утвержденцев». Преп-ль рус. лит-ры ряда амер. ун-тов. Соред. сб. «Памяти В.И.Лебедева» (1958). Впоследствии проживал в Швейцарии (Женева). Ум. в Болье-сюр-Мер близ Ниццы (Франция).

Печ в альм/сб: Вольная Сибирь, Дело Пастернака, Евр мир, Пам В.И.Лебедева, Рус заруб кн,

Рус лит-ра в эм, *журн:* Брюссель вест, ВР, Грани, НЖ, Новоселье, Новости лит-ры, Св путями, СЗ, Социалист-революционер, Числа, *газ:* ВР, ГР, Дни, Нов газ, НРС, Огни, РМ, Руль.

Смоленский Владимир Алексеевич [также с подп.: В.С.] (1901-1961), поэт, лит. критик, переводчик, мемуарист. Уроженец Луганска. Участ. Белого движения. В нояб. 1920 из Крыма эм. через Турцию в Тунис. С 1923 жил в Париже, оконч. рус. гимназию, затем учился в Сорбонне, Высш. коммерческой школе. Участ. «Союза молодых поэтов и писателей», лит. группы «Перекресток». В нач. 2-й мир. войны проживал в Аррасе (департ. Па-де-Кале). Соред. альм. «Орион» (1947). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Круг, МДиа, Мосты, На Зап, Орион, Перекресток, Рус сб (46), Сб стихов (29), Якорь, *журн:* Вест РСХД, Возр, Грани, Меч, НЖ, Опыты, Полярная звезда, Прожектор, РЗ, СЗ, Числа, *газ:* Возр, РМ.

Соболев Дмитрий Николаевич, протоиерей о. Дмитрий (1887-1961), прозаик. В эм. жил в Париже. Принял священство. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в журн: Благон.

Соколов-Кречетов С.А. — см. **Кречетов С.**

Соколов-Микитов Иван Сергеевич [наст. фам.: Соколов] (1892-1975), прозаик, лит. критик, мемуарист. Участ. 1-й мир. войны. В 1918-19 учительствовал в Калужской губ. В мае 1920 из Крыма эм. в Константинополь, затем недолго жил в Англии. В мае 1921 поселился в Берлине. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Близок к сменовех. движению. В июне 1922 верн. в Сов. Россию. Ум. в Москве.

Печ в альм/сб: Грани, Собачья доля, Цветень, *журн:* Ж-пт, Молодая Россия, Нов нива, НРК, Сполохи, СЗ, *газ:* Варш слово, ГР, Накануне, Пар вест (25), ПН, Руль, Шанх заря.

Солоневич Иван Лукьянович [брат публициста Б.Л.Солоневича] (1891-1953), публицист, журналист, прозаик, обществ. деятель, мемуарист. Уроженец Гродненской губ. В 1916 оконч. юрид. ф-т Петроградского ун-та. Участ. Белого движения на юге России. Впоследствии жил в Салтыковке близ Москвы. В 1928-30 зам. предс. Всесоюзного бюро физич. культуры (Москва). В 1933 арестован при попытке нелегального перехода границы. В авг. 1934 вместе с сыном бежал из мест заключения (Карелия) в Финляндию (Хельсинки). В 1935 переехал в Париж. Летом 1936 поселился в Софии. Изд. газ. «Голос России» (1936-38). Совершал поездки во Францию, Югославию. В авг. 1938 переехал в Берлин. Изд. «Нашу газету» (1938-41). Осенью 1941 арестован, сослан в провинцию под надзор гестапо. После войны оказался в англ. оккуп. зоне. В 1947 обосновался в Аргентине (Буэнос-Айрес), с 1948 изд. газ. «Наша страна». В нач. 50-х недолго проживал в Уругвае. Ум. в Буэнос-Айресе.

Печ в журн: СЗ, *газ:* Голос России (С), Двинский вест, Наша газ (Б), Наша страна, НРС, ПН.

Сомов Константин Андреевич [сын искусствоведа А.И.Сомова] (1869-1939), живописец, график. С 1918 проф. Петербургской Академии художеств. В дек. 1923 командирован в США, в Сов. Россию не верн. В мае 1925 переехал во Францию (Гранвиль). С 1928 жил в Париже. Член Союза рус. художников во Франции. Участ. худож. выставок в Брюсселе, Копенгагене, Париже, Белграде и др. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Сорокин Питирим Александрович [муж ботаника-цитолога Е.П.Сорокиной (с 1917)] (1889-1968), социолог, культуролог, публицист, мемуарист; эсер. Писал также на англ. яз. С июля 1917 секр. премьер-министра (*А.Ф.Керенского*) по вопросам науки. В 1919-21 проф. социологии Петроградского ун-та и

др. вузов. Сотр. Социобиблиографич. ин-та (Инсобил), Социологич. об-ва им. М.М.Ковалевского. Д-р социологии (1922). В сент. 1922 выслан из Сов. России, через Берлин уехал в Чехословакию. Поселился в Черношицах близ Праги. Участ. эсеровской группы «Крестьянская Россия», соред. сб. «Крестьянская Россия» (№№ 4-5/6). В 1923 предс. пражского Союза рус. писателей и журналистов, преп. в Карловом ун-те, в окт. переехал в США (Нью-Йорк). В 1924 преп. в Иллинойском (Урбану), Висконсинском (Мадисон) и др. амер. ун-тах. В 1924-30 проф. социологии Миннесотского ун-та. В 1930-59 проф. социологии Гарвардского ун-та. В 1930 принял амер. гражд-во. С февр. 1932 жил в Уинчестере (шт. Виргиния). В 1936-37 президент Междунар. ин-та социологии. В февр. 1949 основал при Гарвардском ун-те Центр изучения созидательного альтруизма. Совершал поездки в страны Зап. Европы. Президент Амер. социологич. ассоциации. Ум. в Уинчестере.

Печ в альм/сб: Крестьянская Россия, На путях, На темы рус и общ, *журн:* ВР, Грани, НЖ, НРК, СЗ, *газ:* Возр, Дни, НРС.

Сосинский Б. — см. **Сосинский В.**

Сосинский Владимир (Бронислав) [псевд. — наст. имя: Бронислав (Бронислав-Владимир-Рейнгольд) Брониславович Сосинский-Семихат; др. псевд.: Олег Авдеев, Вл.Семихат, Вл.Сенников, Вл.Серышев, Б.Сосинский, также с подп.: Б.С., В.С., С. и пр.] (1900-1987), лит. критик, прозаик, поэт, переводчик, журналист, художник, мемуарист. Уроженец Луганска. Участ. Белого движения. В авг. 1920 из Севастополя эм. в Константинополь. Учился в Рус. лицее, затем в рус. гимназии (Константинополь). С февр. 1922 в связи с переводом гимназии проживал в Шумене (Болгария). В 1923 оконч. рус. гимназию (Шумен), поступил в Софийский ун-т. Осенью 1923 уехал в Германию, учился в Берлинском ун-те. Участ. берлинской лит. группы «Четыре плюс один» (1923-24). В марте 1924 поселился во Франции (Париж, Кламар). Учился в Сорбонне. В 1924-26 сотр. изд. отдела сов. торгпредства в Париже. С 1928 участ. лит. группы «Кочевье». Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. С 1939 доброволец франц. армии. В 1940 попал в нем. плен, впоследствии бежал из плена. С нояб. 1943 участ. франц. Сопротивления. С 1944 член Союза рус. патриотов (затем Союза сов. патриотов). В июне 1946 принял сов. гражд-во. С марта 1947 по март 1960 сотр. стенографич. отдела аппарата ООН (Нью-Йорк). В 1955 и 1957 приезжал в СССР. В авг. 1960 верн. в СССР (Москва). В 1972 и 1976 выезжал за рубеж (Париж, Женева, Вена). Ум. в Москве.

Печ в альм/сб: Мост на ветру, Стихотв, *журн:* Благон, ВР, Новоселье, РЗ, Св путями, Числа, *газ:* Возр, Звено, Нов газ, Рус новости (П), Сов патриот.

Софиев Юрий [псевд. — наст. имя: Юрий Борисович Бек-Софиев; муж *И.Н.Кнорринг* (с 1928)] (1900-1975), поэт. Уроженец г. Беле (Польша). Участ. Белого движения. С нач. 20-х жил в Белграде. Участ. «Белградского православного кружка» (с 1921), лит. кружка «Гамаюн» (с 1923). В 1927 переехал в Париж. Участ. «Союза молодых поэтов и писателей», лит. об-ния «Круг» (1935-39). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. В годы 2-й мир. войны вывезен на принудительные работы в Германию, затем верн. в Париж. С 1945 член Союза сов. патриотов (позднее Союза сов. граждан). В 1946 принял сов. гражд-во. С 1948 жил в Вост. Германии. В 1955 верн. в СССР, поселился в Казахстане (Алма-Ата), сотр. Зоологич. ин-та АН Казахской ССР. Ум. в Алма-Ате.

Печ в альм/сб: Гамаюн — птица вещая, Ковчег (Н-Й), Круг, МДиа, На Зап, Орион, Рус сб (46), Сб стихов (29), Эстафета, Якорь, *журн:* Грани, Звено, Новоселье, НЖ, РЗ, СЗ, Числа, *газ:* ПН, РиС, Рус новости (П), Сов патриот.

Спекторский Евгений Васильевич (1875-1951), правовед, историк, литературовед, публицист. С 1914 проф. юрид. ф-та Киевского ун-та. Д-р права (1917). В 1918-19 ректор Киевского ун-та. В конце янв. 1920 из Одессы эм. в Белград. В 1920-24 проф. Белградского ун-та. В 1924-27 проживал в Праге, проф. Рус. юрид. ф-та. В 1925-27 предс. Рус. акад. группы в Чехословакии. Член Рус. ист. об-ва (Прага). В 1927 возвр. в Белград, в 1927-30 проф. Белградского ун-та. В 1928-30 возглав. Рус. науч. ин-т в Белграде. В 1930-44 проф. Люблянского ун-та (Словения). Совм. с В.Х.Даватцем сост. два вып. «Материалов для библиографии рус. науч. трудов за рубежом» (Белград, 1931, 1941). С 1945 жил в Италии. В 1947 переехал в США. Проф. Св.-Владимирской духовной семинарии (Нью-Йорк). В 1948-51 предс. Рус. акад. группы в США. Ум. в предместье Нью-Йорка.

Печ в альм/сб: Зап РИО, Зап РНИБ, ЗРАГ, Пушкинский сб, Рус сб-ки, Сб РИП, Тр IV съезда РАОЗ, *журн:* Возр, Путь, РМ, *газ:* Возр, Нов время, Р (Бг), РиС.

Ставров Перикл Ставрович (1895-1955), поэт, прозаик, переводчик, мемуарист. Писал также на франц. яз. Уроженец Одессы. В 1920 из Одессы эм. в Грецию. Принял греч. гражд-во. В 1926 переехал в Париж. Участ. лит. об-ния «Круг» (1935-39). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. В 1939-44 предс. Об-ния рус. писателей и поэтов во Франции. С 1949 член редколл. парижского изд-ва «Рифма». Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Встреча, Круг, Лит совр-к, МДиа, На Зап, Рус сб (46), Эстафета, Якорь, *журн:* Встречи, Грани, Журн Содр, Меч, Новоселье, РЗ, СЗ, Числа, *газ:* НРС, РМ.

Сталинский Евсей Александрович (1880-1953), публицист, прозаик, лит. критик; эсер. С 1908 находился в эм. (Франция), парижский корр. журн. «Рус. богатство». Весной 1917 верн. в Россию. В 1917-18 соред. петроградской газ. «Воля земли» (затем: «Воля народа», «Воля», «Воля страны»). В 1919 эм. в Париж. В 1919-20 соред. газ. «Pour la Russie» (Париж). Член Административного центра ВДО (Внепартийно-дем. об-ния; 1920-22). В 20-х подолгу жил в Праге. В 1924-32 соред. журн. «Воля России». Соред. парижского журн. «Социалист-революционер» (1927-32). В нач. 2-й мир. войны переехал в США (Нью-Йорк). Близок к Народно-трудовому союзу (НТС). Ум. в Нью-Йорке.

Печ в журн: ВР, Социалист-революционер, *газ:* ГР, НРС.

Степанов Иван Владимирович (1890?-1933), публицист, юрист. Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. С 20-х жил в Брюсселе, возглав. брюссельскую группу евразийцев. Один из основателей парижского журн. «Утверждения» (1931-32). Покончил с собой в Брюсселе в ночь на 1 янв. 1934.

Печ в журн: Евраз хроника, Утверждения.

Степун (Степпун) Фёдор Августович [псевд.: Н.Лугин] (1884-1965), философ, социолог, литературовед, историк, публицист, прозаик, лит. и театр. критик, обществ. деятель, мемуарист. Писал также на нем. яз. Д-р философии (1910). Участ. 1-й мир. войны. В 1917 возглав. культурно-просветительный отдел полит. управления воен. министерства Временного пр-ва. Участ. моск. Вольной академии духовной культуры (ВАДК; 1918-22). С 1919 член Моск. (затем Всерос.) союза писателей. В 1919-20 зав. лит. отделом моск. 1-го Гос. Показательного театра. Ред. сб. «Шиповник» (1922). В сент. 1922 эм. из Сов. России, жил в Германии (Берлин, Дрезден). Участ. Религиозно-философ. академии. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Соред. сб. «Логос» (1925-28). В 1926-37 проф. кафедры социологии Дрезденского ун-та. Совершал поездки во Францию, Австрию, Чехословакию. Соред. журн. «Новый град» (1931-39). Сотр. также в нем. периодике. В 1937 уволен

нацистами из Дрезденского ун-та с запретом преподавания и публикаций. В 1947-65 проф. кафедры истории рус. культуры Мюнхенского ун-та. Совм. с Г.Андреевым (Г.А.Хомяковым) и *Л.Ржевским* основал изд-во «Товарищество заруб. писателей» (1959-70) при Центр. об-нии полит. эмигрантов (ЦОПЭ). Ум. в Мюнхене.

Печ в альм/сб: ВП, Лит совр-к, Логос, Мосты, На темы рус и общ, Пам А.О.Фондаминской, Сб ст посв тв-ву Б.Л.Пастернака, Старые — молодым, *журн:* Благон, Вест ИИИК, Вест РСХД, Возр, Грани, Лит совр-к, НЖ, Нов град, Нов корабль, Опыты, Путь, Св путями, СЗ, Утверждения, *газ:* Возр, Дни, НРС, ПН, РМ, Руль.

Столица Любовь Никитична [урожд. Ершова; сестра художника и писателя А.Н.Ершова] (1884-1934), поэт, драматург, лит. критик. В конце 1918 уехала из Москвы на юг России (Ростов-на-Дону, Ялта). В 1920 из Крыма эм. в Салоники (Греция). В 1921 переехала в Сербию. В нач. 1922 поселилась в Софии. Ум. в Софии.

Печ в альм/сб: Ант рус поэзии XX столетия, Женская лирика, Мед всадник, Рус лирика (Н-Й), Рус Парнас, Чт-декл, *журн:* Возр, Для вас, Перезв, РМ, Сполохи, *газ:* Возр, РиС, Русь, Слово.

Стравинский Игорь Фёдорович [сын певца Ф.Игн.Стравинского, отец пианиста С.И.Стравинского и художника Ф.Иг.Стравинского] (1882-1971), композитор, дирижер, мемуарист. Писал также на англ. и франц. яз. С 1910 жил попеременно во Франции, Щвейцарии, России. В 1914 обосновался в Швейцарии. В 1920 переехал в Париж. В 1939 поселился в США. В 1945 принял амер. гражд-во. Как дирижер концертировал в странах Европы, Азии, Америки. В 1962 посетил СССР. Ум. в Нью-Йорке, похоронен в Венеции (Италия).

Странник — см. **Иоанн**, архиепископ.

Струве Алексей Петрович [сын *П.Б.Струве*, брат *Г.П.Струве* и *Л.П.Струве*, отец литературоведа Н.А.Струве] (1899-1976), библиограф, антиквар. Уроженец Петербурга. В 1919 из Севастополя эм. через Мальту во Францию. Учился в Гренобльском ун-те. С нач. 20-х жил в Париже. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа.

Струве Глеб Петрович [псевд.: Осведомитель, Присутствовавший, Георгий Стуков, Участник, ANGO, Reviewer и др., также с подп.: Г.С., XYZ и пр.; сын *П.Б.Струве*, брат *А.П.Струве* и *Л.П.Струве*] (1898-1985), литературовед, лит. критик, публицист, поэт, переводчик, мемуарист. Писал также на англ. и франц. яз. О нем см. вступ. ст. к наст. изданию.

Библиогр: Hughes R.P. Gleb Struve: A Bibliography // California Slavic Studies. 1980. Vol. XI. P. 269-317.

Струве Лев Петрович [сын *П.Б.Струве*, брат *А.П.Струве* и *Г.П.Струве*] (1902-1929), прозаик. Уроженец Петербурга. В дек. 1918 из Петрограда эм. с отцом в Финляндию (Гельсингфорс). В нач. 20-х учился в Высш. торговой школе (Берлин). С 1925 жил в Париже. Ум. в Давосе (Швейцария).

Посмертная публ. в журн: Время и мы.

Струве Михаил Александрович [племянник *П.Б.Струве*] (1890-1949), поэт, прозаик, лит. критик. Уроженец Петербурга. Оконч. Петроградский ун-т. В 1916-17 участ. 2-го «Цеха поэтов» (Петроград). В 1918 уехал в Крым, затем жил в Баку, Тифлисе. В 1920 эм. во Францию, проживал в Манд (департ. Сена). В 1921 поселился в Париже. Участ. лит.-худож. кружка «Гатарапак» (1921-22), лит.-худож. группы «Через» (1923-24). Близок к лит. группе «Кочевье». Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. С 1942 участ.

франц. Сопротивления. После войны близок к движению сов. патриотов. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Пб в стих рп, Рус сб (46), Эстафета, Якорь, *журн:* Версты, ВР, Звено, ЗП, ИР, Мир и иск, Прожектор, РЗ, РМ, СЗ, Сполохи, Числа, *газ:* Возр, Дни, Звено, ПН, РиС, С.

Струве Пётр Бернгардович [псевд.: С.Лунин, Наблюдатель и др., также с подп.: П.С., S. и пр.; внук акад. В.Я.Струве, сын гос. деятеля Б.В.Струве, отец *А.П.Струве*, *Г.П.Струве* и *Л.П.Струве*] (1870-1944), обществ.-полит. деятель, экономист, историк, социолог, публицист, лит. критик, мемуарист. В 1906-17 преп. полит. экономию в петербургском Политехнич. ин-те. В 1906-18 ред. журн. «Рус. мысль» (Петербург). Депутат 2-й Гос. думы. Д-р эконом. наук (1916). Акад. Российской АН по отделу полит. экономии (1917). В мае 1917 соучредитель «Лиги рус. культуры» (Петроград), с авг. член бюро Совета обществ. деятелей (СОД). В дек. 1917 — февр. 1918 член Донского гражд. союза, с марта член моск. «Правого центра». В дек. 1918 из Петрограда эм. с семьей в Финляндию (Гельсингфорс). С янв. 1919 вице-предс. Нац. рус. комитета (НРК), в февр. в качестве представителя ген. Юденича уехал в Лондон, затем в Париж. В сент. 1919 верн. в Россию (Киев), член Совета гос. объединения России (СГОР). Сотр. в Осваге, ред. газ. «Великая Россия». С апр. 1920 возглав. управление внешних сношений в пр-ве Врангеля, в нояб. из Крыма эвакуир. в Константинополь. Вскоре переехал в Софию. Ред. журн. «Рус. мысль» (София, 1921; Прага, 1921-23; Париж, 1927). С 1921 член президиума Рус. нац. комитета (РНК) в Париже. В 1922-25 проф. полит. экономии Рус. юрид. ф-та в Праге. В 1922-25 предс. Рус. акад. группы в Чехословакии. Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. Член Рус. ист. об-ва (Прага). С мая 1925 жил в Париже. В 1925-27 ред. газ. «Возрождение». Ред. газ.: «Россия» (1927-28), «Россия и славянство» (1928-34). В сент. 1928 участ. 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград). В 1928-40 проф. Рус. науч. ин-та в Белграде. Член белградского Союза рус. писателей и журналистов. В апр. 1941 арестован нацистами, вывезен в Грац (Австрия), вскоре освобожден. В июле 1942 из Белграда переехал в Париж. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Библиогр: Bibliography of the Published Writings of P.B.Struve / Ed. by R.Pipes. Ann Arbor, 1980. 220 p. (См. дополнения в ст.: Кондакова И.А. Он не был бунтарем // Советская библиография, 1991, № 6. С. 85-107.)

Ступницкий Арсений Фёдорович (1893-1951), журналист, юрист. Уроженец Минска. Оконч. юрид. ф-т Петроградского ун-та. Участ. Белого движения. С нач. 20-х жил в Париже. Соред. сб. «П.Н.Милюков. Сб. мат-лов» (1930). Принял франц. гражд-во. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. После 2-й мир. войны близок к движению сов. патриотов. В 1945-51 ред. парижской газ. «Рус. новости». Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: ПН, П.Н.Милюков. Сб мат-лов, Рус альм (30), *газ:* ПН, Рус новости (П), Сов патриот.

Суворин Борис Алексеевич [сын издателя А.С.Суворина, брат журналиста А.А.Суворина и *М.А.Суворина*] (1879-1940), журналист, публицист, прозаик, издатель, мемуарист. В 1911-17 изд. газ. «Вечернее время» (Петроград). Предс. правления Об-ва издателей период. печати в Петрограде. В 1918 уехал из Петрограда на юг России. Сотр. в Осваге, в 1918-20 изд. и ред. газ.: «Время», «Вечернее время» (Новочеркасск, Ростов-на-Дону, Феодосия). В 1920 эм. в Париж. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ред. газ. «Вечернее время» (1924-25), соред. газ. «Рус. время» (1925-29). В 1928-29 ред.

газ. «Шанхайская заря», в 1929-32 ред. шанхайской газ. «Время». Весной 1938 выслан из Франции. Ум. в Панчево (Югославия).

Печ в журн: Для вас, Нов неделя, Рубеж, *газ:* Веч время (П), Возр, Время (Ш), Голос России (С), Нов время, ПИ, Рус время, Слово, Шанх заря.

Суворин Михаил Алексеевич [сын издателя А.С.Суворина, брат журналиста А.А.Суворина и *Б.А.Суворина*] (1860-1936), журналист, драматург, прозаик, издатель. В 1914-17 изд. журн. «Лукоморье» (Петроград). С 1918 жил на юге России (Гагра, Ростов-на-Дону). В янв. 1920 эм. в Болгарию. Затем переехал в Белград. Ред. газ. «Новое время» (1921-30). В 1922 предс. Лит.-худож. об-ва. Член белградского Союза рус. писателей и журналистов. В сент. 1928 участ. 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград). Ум. в Белграде.

Печ в альм/сб: Живым и гордым, *газ:* Веч время (П), Время (Ш), Нов время, Рус время, Шаих заря.

Сувчинский (Шелига-Сувчинский) Пётр Петрович [также с подп.: Z.; в 1-м браке муж В.А.Сувчинской-Гучковой (дочери гос. и полит. деятеля А.И.Гучкова), во 2-м — муж М.Л.Сувчинской-Карсавиной (дочери *Л.П.Карсавина*)] (1892-1985), публицист, музыковед, муз. и лит. критик, эстетик, педагог, издатель. Писал также на франц. яз. Уроженец Петербурга. Учился в Петроградской консерватории. В 1917 совм. с Б.В.Астафьевым изд. сб. «Мелос» (Петроград). Затем уехал на юг России. В 1920 эм. в Софию, директор Российско-болг. изд-ва. С 1921 жил в Берлине. В 1922-23 член правления берлинского Дома искусств. Один из основателей евраз. движения. В 1922-28 возглав. изд-во «Евразия» (Берлин, затем Париж). Соред. сб. «Евразийский временник» (1923-27). В 1925 переехал в Кламар близ Парижа. Соред. журн. «Версты» (1926-28), член редколл. газ. «Евразия» (1928-29). В нач. 30-х отошел от полит. деятельности. Принял франц. гражд-во. Сотр. во франц. периодике. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Евраз временник, Исход к Востоку, На путях, Россия и латинство, *журн:* Версты, Вещь, Евраз хроника, Путь, Эпопея, *газ:* Евразия.

Сургучёв Илья Дмитриевич [псевд.: Феникс, также с подп.: И.С.] (1881-1956), прозаик, драматург, публицист, лит. критик, мемуарист. Уроженец Ставрополя. В 1907 оконч. ф-т вост. яз. Петербургского ун-та. В 1918-19 сотр. Освага. В апр. 1920 из Крыма эм. в Константинополь. Соучредитель об-ва им. А.П.Чехова. В 1921 поселился в Праге, член правления Рус. камерного театра, в конце лета переехал в Париж. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. В годы 2-й мир. войны сотр. в пронацистских изданиях. Орг-р и рук-ль парижского «Театра без занавеса» (1942-44). Ум. в Божон близ Парижа, похоронен в Сен-Женевьев де Буа.

Печ в альм/сб: ЖиИ, Лит совр-к, *журн:* Веретеныш, Возр, Грани, Грань, Для вас, Ж-пт, Зарницы, Златоцвет, ИР, Мир и иск, Перезв, РМ, СЗ, Сполохи, Студ годы, Ухват, *газ:* Возр, Время (Б), Нов слово (Б), Общ дело, Пар вест (42), ПИ, Р (П), РиС, С, Шанх заря.

Сухомлин Василий Васильевич [псевд.: Леонид Белкин, Европеец и др.; сын народовольца В.И.Сухомлина] (1885-1963), обществ.-полит. деятель, публицист, журналист, переводчик, мемуарист; член ЦК партии эсеров. Писал также на итал. и франц. яз. Уроженец Петербурга. С 1907 находился в эм. (Франция, Италия). В 1912 оконч. ун-т в Монпелье (Франция). В июле 1917 верн. в Россию (Петроград). В марте 1918 выехал в Стокгольм и Лондон на междунар. соц. конференцию. Затем поселился в Риме, сотр. в итал. соц. периодике. С нач. 20-х жил в Праге. Член исполкома Соц. Интернационала. В 1922-30 соред. журн. «Воля России». Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. В 1927 переехал в Париж. Соред. журн. «Социалист-револю-

ционер» (1927-32). Сотр. также во франц. соц. периодике. В 1941 уехал в Нью-Йорк. В 1945 возвр. в Париж. В 1947 принял сов. гражд-во. Летом 1951 переселился в Чехословакию. В 1954 верн. в СССР. Проживал в Москве, корр. франц. газ. «Libération». С 1962 член Союза писателей СССР. Ум. в Москве.

Печ в журн: Вест РСХД, ВР, Новоселье, Рев Россия, Социалист-революционер, Центр Европа, *газ:* Варш слово, ВР, ГР, Дни, НРС, Рус голос (Н-Й), Рус новости (П).

Талин В.И. — см. **Иванович Ст.**

Талов Марк (Марк-Мария-Людовик) Владимирович (1892-1969), поэт, переводчик. Писал также на франц. яз. Уроженец Одессы. Осенью 1913 через Бессарабию нелегально эм. в Париж. В 1914 недолго жил в провинции (Турень), принял католичество. Участ. парижской группы «Палата поэтов» (1921-22). В 1922 через Берлин верн. в Сов. Россию. Ум. в Москве.

Таманин Т. [псевд. — наст. имя: Татьяна Ивановна Манухина, урожд. Крундышева; жена обществ. деятеля врача И.И.Манухина] (1886-1962), журналист, прозаик, лит. критик, мемуаристка. Уроженка Петербурга. В 1913 оконч. Педагог. ин-т (Петербург). Весной 1921 из Петрограда эм. с мужем через Латвию (Рига) и Англию (Лондон) во Францию (Париж). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Совершала поездки в страны Зап. Европы. Ум. в Париже, похоронена в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в журн: Вест РСХД, НЖ, РЗ, *газ:* ПН, РМ.

Татаринов Владимир Евгеньевич [также с подп.: В.Е.Т., В.Т., Т.] (1892-1961), прозаик, лит. критик, журналист. Участ. 1-й мир. войны. С конца 1919 возглав. телеграфный отдел Крымского пресс-бюро. В нояб. 1920 из Севастополя эм. в Константинополь. Вскоре через Вену переехал в Берлин. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. В 1922 участ. лит.-худож. об-ния «Веретено». Сотр. редакции газ. «Руль». В нач. 30-х поселился в Париже. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. После 2-й мир. войны близок к движению сов. патриотов. С 1945 сотр. редакции парижской газ. «Рус. новости». Похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Живым и гордым, *журн:* Голос эмигранта, Москва, Св путями, Числа, *газ:* Возр, Время (Б), НРС, Руль, Рус новости (П), С, Сов патриот, Шанх заря.

Татищев Николай Дмитриевич, граф [также с подп.: Н.Т.] (1902-1980), поэт, прозаик, лит. критик, мемуарист. Уроженец Петербурга. В нач. 1919 под чужой фам. вступил в Красную армию, на фронте перешел на сторону Белой армии. В нояб. 1920 из Крыма эм. в Константинополь. В нач. 20-х поселился близ Парижа. Участ. лит. об-ния «Круг» (1935-39). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Принял франц. гражд-во. В 1973 посетил СССР. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Круг, Лит совр-к, Мосты, *журн:* Возр, Грани, Евраз хроника, НЖ, Опыты, Совр-к, Числа, *газ:* Дни, РМ.

Таубер Екатерина Леонидовна [в браке Старова; дочь правоведа Л.Я.Таубера] (1903-1987), поэт, прозаик, лит. критик, переводчик, мемуаристка. Уроженка Харькова. В 1920 с родителями эм. в Белград, в 1922 оконч. рус. гимназию. С сер. 20-х участ. Лит. кружка им. М.Ю.Лермонтова, рус.-серб. лит. группы «Ступени». С 1928 участ. белградского филиала лит. группы «Перекресток» (Париж). В 1928 оконч. франц. отделение философ. ф-та Белградского ун-та. Член белградского Союза рус. писателей и журналистов. С 1934 участ. кружка «Лит. среда». В 1936 переехала во Францию, поселилась

в Мужен близ Канн. В 1949 приняла франц. гражд-во. В 1955-71 преп. рус. яз. в Каннском лицее. Ум. в Мужен.

Печ в альм/сб: Встречи, Зодчий, Лит среда, МДиа, Мосты, На Зап, Перекрестки, Перекресток, Рус альм (81), Сб стихов (29), Содр, Якорь, *журн:* Возр, ВР, Встречи, Грани, Журн Содр, НЖ, Новоселье, Опыты, Прожектор, РЗ, СЗ, Совр-к, *газ:* Возр, НРС, РиС, РМ.

Темирязев Б. — см. **Анненков Ю.П.**

Терапиано Юрий Константинович [также с подп.: Ю.Т.] (1892-1980), поэт, прозаик, лит. критик, переводчик, мемуарист. Уроженец Керчи. В 1916 оконч. юрид. ф-т Киевского ун-та. Участ. 1-й мир. войны, с конца лета 1919 участ. Белого движения. В 1920 из Крыма эм. в Константинополь. С 1922 жил в Париже. В 1925 один из орг-ров и 1-й предс. «Союза молодых поэтов и писателей». Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Соред. журн.: «Новый дом» (1926-27), «Новый корабль» (1927-28). Участ. лит. собраний «Зеленая лампа» (1927-39). В 1928 орг-р лит. группы «Перекресток» (Париж-Белград). Участ. лит. об-ния «Круг» (1935-39). Соред. сб. «Эстафета» (1948). В 1955-78 вел лит.-крит. отдел газ. «Рус. мысль». Ред. ант. «Муза Диаспоры» (1960). Ум. в Ганьи близ Парижа.

Печ в альм/сб: Встреча, Ковчег (Н-Й), Круг, Лит смотр, Лит совр-к, МДиа, Мосты, На Зап, Новь, Перекресток, Рус сб (46), Содр, Эстафета, Якорь, *журн:* Брюссель вест, Возр, ВР, Встречи, Грани, Журн Содр, Звено, Лит совр-к, Меч, НЖ, Нов дом, Нов корабль, Новоселье, Опыты, Прожектор, РЗ, Рубеж, Св путями, СЗ, Совр-к, Числа, *газ:* Дни, Единение, Молва, Нов газ, Нов Россия, НРС, ПН, РиС, РМ.

Терешкович Константин Андреевич (1902-1978), живописец, график, театр. художник. Уроженец Подмосковья. Осенью 1917 учился в Моск. училище живописи, ваяния и зодчества. В нач. 1918 уехал из Москвы, проживал в Сибири, на Украине, в Азербайджане (Баку). В конце 1919 из Батуми эм. в Константинополь. В 1920 переехал во Францию (Марсель), вскоре поселился в Париже. С сент. 1922 жил в Берлине. В 1923 верн. в Париж, участ. лит.-худож. группы «Через» (1923-24). Как сценограф сотр. с труппами «Рус. балет Монте-Карло» (1932-36), «Рус. балет полковника Базиля» (1936-47). В 1939 вступил во франц. армию, позднее участ. франц. Сопротивления. В 1942 принял франц. гражд-во. Участ. худож. выставок в Париже, Женеве, Нью-Йорке, Цюрихе, Хельсинки, Лондоне, Токио и др. Ум. в Кап-Мартен на юге Франции, похоронен в Париже.

Печ в альм/сб: Чаплин, *журн:* Удар, Числа.

Тимашев Николай Сергеевич [также с подп.: Н.Т.; сын гос. деятеля С.И.Тимашева, муж поэтессы Т.Н.Тимашевой (с 1921)] (1886-1970), правовед, социолог, экономист, историк, публицист, обществ. деятель, мемуарист. Писал также на англ. яз. Уроженец Петербурга. Оконч. юрид. ф-т Петербургского ун-та. С 1916 доцент, в 1918-21 проф. права эконом. отделения Политехнич. ин-та (Петроград). Д-р права (1917). В авг. 1921 нелегально эм. в Финляндию. Вскоре переехал в Берлин, сотр. Рус. науч. ин-та. С 1923 жил в Праге. Преп-ль, затем проф. Рус. юрид. ф-та. Сотр. Рус. эконом. кабинета. Участ. лит.-муз. об-ния «Збраславские пятницы» (1923-25). В 1927 поселился в Париже, преп. во Франко-рус. ин-те. В 1928-36 пом. ред. газ. «Возрождение». Сотр. Ин-та славяноведения Сорбонны. В сент. 1936 уехал в Нью-Йорк. С 1936 преп. в Гарвардском ун-те. В 1940-57 проф. социологии Фордемского ун-та, преп. также в др. амер. ун-тах. Принял амер. гражд-во. В 1959-66 член редколл. «Нового журнала». В 1960-61 предс. Объединенного комитета по ознаменованию 100-летия Великих Реформ (Нью-Йорк). Участ. Об-ва друзей рус. культуры, парижского Об-ва друзей Св.-Сергиевской духовной академии

и др. обществ. организаций. Член совета директоров Рус. Православного Богословского фонда. Ум. в Нью-Йорке.

Печ в альм/сб: ЗРАГ, Крестьянская Россия, Рус эконом сб, Сб ст посв П.Б.Струве, Старые — молодым, Тр рузг, Эконом вест, *журн:* Борьба за Россию (26), Возр, Инженер, НЖ, Путь, РМ, Рос демократ, Св путями, Св Россия, СЗ, Утверждения, *газ:* Возр, НРС, РМ, Руль.

Толстой Алексей Николаевич, граф [сын писательницы А.Л.Тургеневой-Толстой, во 2-м браке муж художницы С.И.Дымшиц-Толстой (в 1907-14), в 3-м — муж *Н.В.Крандиевской* (в 1914-35; брак оформлен в 1917)] (1882/83-1945), прозаик, драматург, поэт, публицист, обществ. деятель. В июле 1918 уехал из Москвы через Украину в Одессу. Сотр. в Осваге. В апр. 1919 из Одессы эм. с семьей на Принцевы о-ва, в июне поселился в Париже. Соред. журн. «Грядущая Россия» (1920). Член Комитета помощи рус. писателям и ученым во Франции. В окт. 1921 переехал в Германию, жил в основном в Берлине. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. С февр. 1922 ред. лит. отдела изд-ва «Рус. творчество». В 1922-23 член правления берлинского Дома искусств. Примкнул к сменовех. движению, в апр. 1922 — июле 1923 соред. «Лит. приложения» к газ. «Накануне». Ред. альм. «Молодая Россия» (1923). Участ. кружка «Академия прозы». В мае 1923 приезжал в Москву, в авг. окончательно верн. в Сов. Россию (Петроград). С 1932 неоднократно выезжал за рубеж (Германия, Франция, Италия, Нидерланды, Англия, Испания). Ум. в Москве.

Печ в альм/сб: Ант рус поэзии XX столетия, Вечера пзл, Деревня в рус поэзии, Одиссея, Рус сб (20), Скорбь земли рус, Струги, Чт-декл, *журн:* ГрР, Ж-пт, ЗП, НЖ, НРК, РМ, СЗ, Сполохи, Эпопея, *газ:* Газ для всех, ГР, Луч, Накануне, Народ, Общ дело, ПИ, ПН, Рус время, Рус голос (Рв), Рус сила, С, Св мысли.

Трубецкой Григорий Николаевич, кн. [брат философов Е.Н.Трубецкого и С.Н.Трубецкого] (1874-1930), обществ.-полит. деятель, дипломат, журналист, мемуарист; кадет. В июле 1914 — февр. 1917 чрезвычайный посланник России в Сербии. Член Всерос. Поместного Собора православной церкви (1917-18). В дек. 1917 — февр. 1918 член Донского гражд. союза, в марте один из орг-ров моск. «Правого центра». С янв. 1919 член Особого совещания при ген. Деникине, возглав. управление вероисповеданий в пр-ве Деникина. В февр. 1920 из Крыма эм. в Сербию, затем жил в Австрии. В 1923 переехал в Париж. Близок к евраз. движению. Сотр. РСХД. Ум. в Кламаре близ Парижа.

Печ в журн: Вест РСХД, РМ, Путь, *газ:* Возр, РиС.

Трубецкой Николай Сергеевич, кн. [также с подп.: И.Р.; сын философа С.Н.Трубецкого] (1890-1938), лингвист, филолог-славист, этнограф, литературовед. Писал также на нем. и франц. яз. Уроженец Москвы. В 1913 оконч. ист.-филол. ф-т Моск. ун-та. С 1915 приват-доцент Моск. ун-та. С сер. 10-х участ. Моск. лингвистич. кружка (МЛК). В 1918 уехал из Москвы на юг России, преп. в Донском ун-те (Ростове-на-Дону). В конце 1919 эм. в Болгарию. В 1920-22 доцент филол. ф-та Софийского ун-та. В 1922-38 проф. слав. филологии Венского ун-та. Деятель евраз. движения, соред. сб. «Евразийский временник» (1923-27). С марта 1924 участ. «Братства Св. Софии». В 1926 один из основателей Пражского лингвистич. кружка. С 1930 член Венской АН. Ум. в Вене.

Библиогр: Travaux du Cercle linguistique de Prague. Prague, 1939. № 8. P. 335-342.

Трубецкой Юрий [псевд. — наст. имя: Юрий Павлович Нольден; также с подп.: Ю.Т.] (1902-1974), поэт, прозаик, лит. критик, мемуарист. Уроженец Риги. Оконч. гимназию в Петрограде. После революции жил на Украине. В

30-х арестован, находился в заключении. В годы 2-й мир. войны с оккуп. терр. эм. в Берлин. После войны поселился в Баварии. Ум. в Дорнштадте близ Ульма.

Печ в альм/сб: Лит совр-к, МДиа, Мосты, На Зап, Содр, *журн*: Возр, Грани, Лит совр-к, НЖ, Обозрение, Посев, Совр-к, *газ*: Голос народа, НРС, РМ.

Туринцев Александр Александрович, протоиерей о. Александр [также с подп.: А.Т.] (1896-1984), поэт, лит. критик, обществ. деятель. Эм. в Варшаву, участ. кружка «Таверна поэтов». Затем жил в Праге, в 1922 один из орг-ров группы «Скит поэтов». В 30-х переехал в Париж. Принял священство. Настоятель Патриаршего Трехсвятительского подворья (Париж). Ум. в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Зап набл, *журн:* Версты, ВР, Годы, Св путями, Студ годы, *газ:* Дни, За свободу, ПН, Свобода.

Туроверов Николай Николаевич (1899-1972), поэт, обществ. деятель. Родом с Дона. Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. Осенью 1920 из Крыма эм. в Болгарию, вскоре переехал в Сербию. С сер. 20-х жил в Париже. Участ. парижского Кружка казаков-литераторов. Учился в Сорбонне. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Орг-р выставок на воен.-ист. темы. Член редколл. «Казачьего альманаха» (1939). В годы 2-й мир. войны доброволец франц. Иностр. легиона. С 1947 предс. парижского Казачьего союза. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: ВОДРК, Инвалид, Казачий альм, Казачий быт, Казачий лит-общ альм, Казачий сб, МДиа, На Зап, Орион, Содр, *журн:* Возр, Грани, Грань, Казачий журн, Казачий сполох, НЖ, Перезв, Родимый край, Совр-к, *газ:* Возр, Казачьи думы, Нов время,НРС, Р (П), РиС, РМ.

Тхоржевский Иван Иванович [внук писателя А.И.Пальма, сын поэтов-переводчиков А.А.Тхоржевской и И.Ф.Тхоржевского] (1878-1951), литературовед, лит. критик, поэт, переводчик, обществ. деятель, мемуарист. В 1913-16 управляющий канцелярией Министерства земледелия (Петроград). В 1918 участ. «Правого центра». В 1919 нелегально эм. в Финляндию (Гельсингфорс). В 1920 возвр. в Россию (Крым), начальник канцелярии пр-ва Врангеля, в нояб. эвакуир. в Константинополь. В нач. 20-х переехал в Париж. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. С 1937 предс. парижского Нац. об-ния рус. писателей и журналистов. В 1949 ред. журн. «Возрождение». Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в журн: Борьба за Россию (2б), Возр, Прожектор, РМ, СЗ, *газ:* Возр, Газ для всех, Нов рус жизнь, Р (П), РиС, РМ, Рус жизнь (Г), Шанх заря.

Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна [также с подп.: Ар.Т.-В.; урожд. Тыркова, в 1-м браке Борман, во 2-м — жена англ. журналиста Г.Вильямса (с 1906), сестра народовольца А.В.Тыркова] (1869-1962), обществ.-полит. деятель, публицист, прозаик, литературовед, журналист, мемуаристка; член ЦК партии кадетов. Писала также на англ. яз. В нояб. 1917 совм. с *А.С.Изгоевым* изд. антибольшевистскую газ. «Борьба» (Петроград). В марте 1918 через Мурманск выехала с мужем в Англию. Приняла англ. гражд-во. С нач. 1919 член лондонского Комитета освобождения России, в июле верн. в Россию (Крым, Ростов-на-Дону), возглав. Отдел заруб. пропаганды при пр-ве Деникина. В февр. 1920 через Константинополь уехала в Париж, вскоре возвр. в Лондон. Ред. журн. «Russian Life» (1921-22). Основала и возглав. лондонское Об-во помощи рус. беженцам. Сотр. также в англ. периодике. С дек. 1939 жила во Франции (Медон, По, Гренобль). В марте 1951 переехала в США (Нью-Йорк, Вашингтон). Вице-предс. Рус. полит. комитета (Нью-Йорк). Ум. в Вашингтоне.

Печ в альм/сб: Живым и гордым, *журн:* Вест РСХД, Возр, Грани, Независимая мысль, Независимый голос, НЖ, РМ, Рос демократ, *газ:* Возр, Галлиполи, НРС, Общ дело, РиС, РМ, Руль, С, Слово.

Тэффи Н. [псевд. — наст. имя: Надежда Александровна Бучинская, урожд. Лохвицкая; дочь правоведа А.В.Лохвицкого, сестра поэтессы М.А.Лохвицкой и ген. Н.А.Лохвицкого] (1872-1952), прозаик, поэт, лит. критик, драматург, журналист, мемуаристка. В 1918 уехала в Киев, затем жила в Одессе, Севастополе. В конце 1919 из Новороссийска эм. через Константинополь в Париж. Участ. лит. собраний «Зеленая лампа» (1927-39). Член Союза рус. театр. деятелей и киноработников. Совершала поездки в Англию, Бельгию, Германию. В годы 2-й мир. войны проживала в Биаррице. С 1946 член правления парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Париже, похоронена в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Ант СиЮ, ВП, Из нов поэтов, Кн смеха, Колос, На Зап, Наши совр-ки, Орион, Родная земля, Рус сб (20), Рус сб (46), Сб стих инрп, Якорь, *журн:* Веретеныш, Возр, Грани, ГрР, Дело, Ж-пт, Звено, ИР, Искры, Мир, На чужбине, НЖ, Новоселье, Окно, Отечество, Перезв, Сатирикон, СЗ, Ухват, Числа, *газ:* Возр, Двинский вест, За свободу, Звено, Либ рус слово, Нов варш слово, Нов путь, Нов рус жизнь, НРС, Общ дело, Огни, ПИ, ПН, Пон-к, Риж день, РМ, Руль, Рус жизнь (Р), С, Св мысли, Слово, Шанх заря.

Ульянов Николай Иванович [псевд.: Н.Бурназельский, Н.Казабланский, Н.Шварц-Омонский] (1904/05-1985), историк, литературовед, лит. критик, прозаик, публицист, мемуарист. Уроженец Петербурга. В 1927 оконч. ист.-филол. ф-т Ленинградского ун-та. В 1927-30 аспирант РАНИОН (Российской ассоциации науч.-исслед. ин-тов обществ. наук). В 1930-33 преп. в Архангельском педагог. ин-те. В 1933-36 ст. науч. сотр. Постоянной ист.-археологич. комиссии при АН СССР (Ленинград). В 1934 доцент, с 1935 проф. ЛИФЛИ (Ленинградского ин-та истории, философии и лит-ры). Канд. ист. наук (1935). В нач. июня 1936 арестован, находился в заключении (Соловки, Норильск). В июне 1941 освобожден из заключения, поселился в Ульяновске, в сент. мобилизован на окопные работы под Вязьмой, попал в плен, бежал. Осенью 1943 с оккуп. терр. отправлен в Германию в рабочие лагеря. После войны жил близ Мюнхена. В 1947 переехал в Марокко (Касабланка). Участ. парижского СБСР (Союза борьбы за свободу России; 1946-61). В 1953 поселился в Канаде, преп. в Монреальском ун-те. В 1955 обосновался в США (Нью-Хэвен). В 1956-72 преп. рус. историю в Йельском ун-те. Принял амер. гражд-во. Совершал поездки в страны Зап. Европы. Ум. в Нью-Хэвене.

Библиогр: Список печатных трудов Н.И.Ульянова / Сост. Н.Н.Ульяновой // Отклики: Сборник статей памяти Н.И.Ульянова (1904-1985) / Ред. В.М.Сечкарёв. Нью-Хэвен, 1986. С. 65-70.

Устрялов Николай Васильевич [псевд.: П.Сурмин] (1890-1937), обществ.-полит. деятель, публицист, правовед, мемуарист; кадет. Уроженец Петербурга. В 1913 оконч. юрид. ф-т Моск. ун-та. С 1916 приват-доцент Моск. ун-та. С конца 1917 предс. Калужского губ. комитета партии кадетов. В апр.-мае 1918 соред. моск. еженедельника «Накануне», в сер. сент. уехал в Пермь, проф. гос. права Пермского ун-та, с дек. жил в Омске. Ред. омской газ. «Рус. дело». С февр. 1919 возглав. Пресс-бюро отдела печати при пр-ве Колчака, с окт. предс. вост. бюро партии кадетов, в нояб. переехал в Иркутск. В янв. 1920 эм. в Харбин. В 1920-34 проф. гос. права Рус. юрид. ин-та (Харбин). Один из идеологов сменовех. движения. Соред. альм. «Рус. жизнь» (1922-23). Летом 1925 посетил СССР. С 1928 директор Центр. б-ки КВЖД (Китайско-Вост. ж.д.). Ред. «Библиографического сборника» (1932). В 1935 верн. в СССР. Проф. эконом. географии Моск. ин-та инженеров транспорта им. Сталина. В июне 1937 арестован. Расстрелян в Москве.

Печ в альм/сб: Вселенское дело, Рус жизнь, Смена вех, Сунгарийские вечера, *журн:* Вест Маньчжурии, НЖ, Смена вех, Утверждения, *газ:* Евразия, Накануне, Новости жизни, Поворот, Руль.

24 994

Фёдоров Александр Митрофанович (1868-1949), прозаик, поэт, драматург, переводчик, художник, мемуарист. С 1896 жил в Одессе. В конце 1919 из Одессы эм. в Болгарию (София). Преп. в рус. мужской гимназии. Сост. «Антологию болг. поэзии» (1924). Предс. Союза рус. писателей и журналистов в Болгарии. Принял болг. гражд-во. Ум. в Софии.

Печ в альм/сб: Вечера пзл, Рус деревня, Рус лирика (С), Сб стих инрп, Чт-декл, *журн:* Зарницы, Казачий сполох, Лит-ра и жизнь, Мир и иск, Перезв, РЗ, РМ, Рубеж, Рус эмигрант, Сполохи, *газ:* Веч время (Р), Либ рус слово, Наша речь, Общ дело, Пон-к, ПИ, Руль, Рус газ (Варна), Русь, С, С веч.

Фёдоров Василий Георгиевич (1895-1959), прозаик, поэт, публицист, актер. Писал также на чеш. яз. Уроженец Херсона. В апр. 1921 из Одессы эм. в Бессарабию (Бендеры, Кишинев), осенью переехал в Бухарест. Летом 1922 поселился в Чехословакии (Копшице-Прага, Ржичины). С 1922 участ. об-ния «Скит поэтов». В 1922-27 учился на Рус. юрид. ф-те (Прага). Участ. лит. кружка «Далиборка» (1924-33). Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. Принял чехословацкое гражд-во. В сент. 1928 участ. 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград). Участ. Кружка по изучению совр. рус. лит-ры при Рус. свободном ун-те. С 1932 жил в Ужгороде. В 1938 уехал в Румынию (Хуст). В 1940 верн. в Прагу. В годы 2-й мир. войны несколько раз арестован нацистами. Ум. в Праге.

Печ в журн: Будильник, ВР, Годы, Лит совр-к, Меч, Родное слово, Рубеж, СЗ, *газ:* Дни, ПН, РиС, С.

Федотов Георгий Петрович [псевд.: Е.Богданов, также с подп.: Г.Ф., Г.Ф-ов] (1886-1951), философ, богослов, историк, публицист, лит. критик, переводчик. Писал также на англ. яз. Уроженец Саратова. Учился в Технологич. ин-те (Петербург), Берлинском и Йенском ун-тах (Германия), завершил образование на ист.-филол. ф-те Петербургского ун-та. В 1914-19 приват-доцент кафедры истории средн. веков Петроградского ун-та. В 1916-20 также сотр. Публичной б-ки. Инициатор и ред. журн. «Свободные голоса» (1918). В 1920-22 зав. кафедрой истории средн. веков Саратовского ун-та, член Саратовского философ.-ист. об-ва. В 1923 верн. в Петроград. В сент. 1925 эм. через Берлин в Париж. В 1926-39 преп. в Богословском ин-те. Участ. Религиозно-философ. академии, «Содружества Св. Албания и преп. Сергия Радонежского». С лета 1927 активный деятель РСХД, в 1930-31 соред. журн. «Вестник РСХД». С 1930 участ. «Лиги православной культуры». Соред. журн. «Новый град» (1931-39). С 1935 участ. об-ния «Православное дело» и лит. об-ния «Круг». Деятель экуменич. движения. В 1941 уехал на юг Франции, с сент. жил в США (Нью-Хэвен). В 1943-51 проф. истории Св.-Владимирской духовной семинарии (Нью-Йорк). В 1949 один из орг-ров «Лиги борьбы за народную свободу». Ум. в Бэконе (шт. Нью-Джерси).

Библиогр: Библиография трудов Г.П.Федотова (1886-1951) / Сост.Е.Н.Федотовой. Париж, [1956]. 15 с.; Библиография трудов Г.П.Федотова // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии рус. истории и культуры. Т. 2. СПб.: София, 1992. С. 338-348.

Фельзен Юрий [псевд. — наст. имя: Николай Бернгардович (Бернардович) Фрейденштейн; также с подп.: Н.Ф., ФЭН, Ю.Ф.] (1894-1943), прозаик, лит. критик, переводчик. Уроженец Петербурга. В 1916 оконч. юрид. ф-т Петроградского ун-та. В окт. 1918 эм. в Ригу. В конце 1921 переехал в Берлин. В 1924 обосновался в Париже. Участ. «Союза молодых поэтов и писателей» (с 1925), лит. собраний «Зеленая лампа» (1927-39). Секр. редакции журн. «Числа» (1930-34). Участ. лит. об-ния «Круг» (1935-39). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. В 1942 арестован нацистами. Погиб в концлагере (Освенцим).

Печ в альм/сб: Встреча, Калифорнийский альм, Круг, Лит смотр, *журн:* Встречи, Звено, Мансарда, Меч, Нов корабль, Прожектор, СЗ, Числа, *газ:* Дни, Нов газ, С, С веч, Слово.

Филиппов Борис [псевд. — наст. имя: Борис Андреевич **Филистинский**; др. псевд.: Ф.Борисов, Фабий Зверев, Георгий Петров; в 1-м браке муж поэтессы И.Н.Бушман, во 2-м — муж *О.Анстей* (в 1951-54; развод оформлен в 1965), в 3-м — муж литературоведа Е.В.Жиглевич] (1905-1991), литературовед, лит. критик, прозаик, поэт, публицист, библиограф, мемуарист. Уроженец Ставрополя. В 1928 оконч. Ин-т вост. яз. (Ленинград). В 1936 оконч. Ленинградский вечерний ин-т промышленного строительства, в том же году арестован, находился в заключении (Коми). В 1941 освобожден из заключения, поселился в Новгороде. В годы войны сотр. в пронацистских изданиях. В 1944 с оккуп. терр. уехал в Латвию, вскоре переселился в Германию. Жил близ Касселя под Мюнхеном. В 1950 переехал в США (Нью-Йорк). С 1954 проживал в Вашингтоне. Принял амер. гражд-во. Сотр. радиостанции «Голос Америки». Ред. сб. «Сов. потаенная муза» (1961). Преп. рус. лит-ру в ряде амер. ун-тов. Ум. в Вашингтоне.

Печ в альм/сб: ВП, Встречи, ЗРАГ, Лит Зарубежье, Лит совр-к, МДиа, Мосты, Отклики, Перекрестки, Пестрые рассказы, Рус альм (81), Рус лит-ра в эм, Содр, *журн:* Вест РСХД, Возр, Дело, Грани, Для всех, Континент, НЖ, Отдых, Посев, *газ:* Двинский вест, Доброволец, Единение, НРС, РМ.

Филиппов-Филистинский Б.А. — см. **Филиппов Б.**

Философов Дмитрий Владимирович [также с подп.: Д.Ф.; сын гос. деятеля В.Д.Философова, двоюродный брат театр. деятеля С.П.Дягилева] (1872-1940), публицист, худож. и лит. критик, журналист, обществ. деятель. Один из орг-ров и вице-предс., затем предс. петербургского Религиозно-философ. об-ва (РФО; 1907-17). С окт. 1918 сотр. Публичной б-ки (Петроград). В нач. янв. 1920 через Минск и Гомель нелегально эм. в Варшаву. Предс. полит. отдела и вице-предс. Рус. полит. комитета (с янв. 1921 Рус. эвакуац. комитета). С июня 1921 член ЦК Народного союза защиты родины и свободы. Член варшавского Союза рус. писателей и журналистов. Почетный предс. «Лит. содружества» (1929-35). Соред. газ. «Молва» (1932-34) и журн., затем газ. «Меч» (1934-39). Основал и возглав. лит. кружок «Домик в Коломне» (1934-36). Ум. в Отвоцке близ Кракова.

Печ в альм/сб: На чуж стороне, Царство Антихриста, *журн:* Меч, РМ, *газ:* За свободу, Молва, Общ дело, ПИ, ПН, Свобода, Слово.

Фишер Владимир Михайлович (1885-1941?), литературовед, поэт, переводчик, публицист, мемуарист. Уроженец Киева. В 1920 эм. в Польшу, жил в Пултуске близ Варшавы. Член варшавского Союза рус. писателей и журналистов. Сотр. также в польск. периодике. В годы 2-й мир. войны арестован нацистами. Погиб в концлагере.

Печ в альм/сб: На чуж стороне, *журн:* ГМ на чуж стороне, РМ, Родное слово, *газ:* Руль.

Флоровский Георгий Васильевич, протоиерей о. Георгий [также с подп.: Г.В.Ф., Г.Ф.; брат историка А.В.Флоровского] (1893-1979), богослов, историк, литературовед, лит. критик, публицист, обществ. деятель. Писал также на англ. и нем. яз. Уроженец Елизаветграда. В 1916 оконч. ист.-филол. ф-т Одесского ун-та. С окт. 1919 приват-доцент Новороссийского ун-та. В янв. 1920 из Новороссийска эм. в Софию. В дек. 1921 обосновался в Праге. Участ. евраз. движения. С осени 1922 преп. в Высш. коммерческом ин-те. С 1923 приват-доцент кафедры истории философии права Рус. юрид. ф-та. Участ. лит.-муз. об-ния «Збраславские пятницы» (1923-25). С 1925 член Рус. ист. об-ва. В сент. 1926 переехал во Францию (Медон, Париж). В 1926-39 проф. кафедры патрологии Богословского ин-та (Париж). Сотр. РСХД. Участ. Религиозно-философ. академии, «Содружества Св. Албания и преп. Сергия Радонежского». В 1932 принял священство. В 30-х одновременно преп. в

ун-тах Англии и Ирландии. Осенью 1939 поселился в Югославии (Бела-Црква, Белград). Сотр. Рус. науч. ин-та в Белграде. С нояб. 1944 проживал в Праге. В дек. 1945 возвр. в Париж. С весны 1946 проф. Богословского ин-та. В сент. 1948 уехал в США (Нью-Йорк). В 1948-61 член Ген. комитета Всемирного совета церквей. В 1950-54 декан и проф. догматического богословия Св.-Владимирской духовной семинарии (Нью-Йорк). Одновременно преп. в Гарвардском и Принстонском ун-тах. В 1954 принял амер. гражд-во. Деятель экуменич. движения. Совершал поездки в страны Зап. Европы. Ум. в Принстоне, похоронен в Трентоне (шт. Нью-Джерси).

Библиогр. в кн.: Георгий Флоровский: Священнослужитель, богослов, философ / Общ. ред. Ю.П.Сенокосова. М.: Прогресс, 1995. С. 367-410.

Фондаминский (Фундаминский) Илья Исидорович [псевд.: И.Бунаков, также с подп.: И., И.Б.] (1880-1942), обществ.-полит. деятель, публицист, историк, издатель; член ЦК партии эсеров. С 1906 находился в эм. (Париж). В апр. 1917 возвр. в Россию, вице-предс. бюро исполкома Всерос. совета крестьянских депутатов (Петроград), затем комиссар Временного пр-ва на Черноморском флоте. В марте 1918 один из орг-ров моск. «Союза возрождения России». В апр. 1919 из Одессы эм. через Константинополь в Париж. Соред. журн. «Современные записки» (1920-40). Член Комитета помощи рус. писателям и ученым во Франции. Участ. лит. собраний «Зеленая лампа» (1927-39). Деятель РСХД. В 1930 один из орг-ров «Лиги православной культуры». Соред. журн. «Новый град» (1931-39). С 1935 участ. об-ния «Православное дело». Орг-р лит. об-ния «Круг» (1935-39). Летом 1940 уехал на юг Франции, осенью верн. в Париж. В 1941 арестован нацистами. В заключении принял православие. Погиб в концлагере (Освенцим).

Печ в журн: ГрР, Нов град, Нов корабль, РЗ, СЗ, *газ:* Дни.

Фотинский Алексей В., поэт. В 20-х жил в Праге. С 1922 участ. об-ния «Скит поэтов».

Печ в журн: ВР, Годы, Перезв, Св путями, *газ:* Огни.

Фохт Всеволод Борисович [сын философа Б.А.Фохта и пианистки Р.М.Сударской-Фохт] (1895-1941), поэт, прозаик, журналист. Писал также на франц. яз. В 20-х — нач. 30-х жил в Париже. Соред. журн. «Новый дом» (1926-27). С 1927 участ. лит. собраний «Зеленая лампа», с 1928 участ. лит. группы «Кочевье». Один из орг-ров Франко-рус. студии (1929-30). В 1932-34 находился в Дамаске, принял католичество.

Печ в журн: ИР, Казачий журн, Нов дом, Рус эхо, *газ:* Р (П), РиС, Рус время.

Франк Семён Людвигович [псевд.: Друг Италии, также с подп.: Н.К., Н.-Ч., С.Ф., Ф.С.; сводный брат художника и поэта Л.В.Зака] (1877-1950), философ, психолог, экономист, литературовед, эстетик, публицист. Писал также на голланд. и нем. яз. В 1912-17 приват-доцент кафедры философии Петербургского ун-та. В 1917-21 проф. философии и декан ист.-филол. ф-та Саратовского ун-та. В 1920-21 предс. Саратовского философ.-ист. об-ва. В 1921-22 проф. философии Моск. ун-та, участ. Вольной академии духовной культуры (ВАДК). В сент. 1922 выслан из Сов. России, поселился в Берлине. Участ. Религиозно-философ. академии. С 1923 проф., в 1931-32 ректор Рус. науч. ин-та в Берлине. В 1924 один из орг-ров «Братства Св. Софии». В 1930-37 преп. историю рус. мысли и лит-ры в Берлинском ун-те. С 1937 жил в Фонтене-о-Роз близ Парижа. В годы 2-й мир. войны проживал на юге Франции. В сент. 1945 поселился в Англии. Ум. в предместье Лондона.

Библиогр: Семён Франк: Библиография / Сост. В.С.Франк. Париж, 1980. 105 с.

Францев Владимир Андреевич (1867-1942), филолог-славист, лингвист, историк, философ. Писал также на чеш. яз. Д-р филологии. Проф. Донского ун-та (Ростов-на-Дону). Акад. Российской АН (1921). В нояб. 1921 эм. через Варшаву в Прагу. С 1922 проф. слав. филологии Карлова ун-та. С 1925 член Рус. ист. об-ва. Акад.-корр. Болгарской АН (1926), иностр. член Чешской Академии наук и искусств. В 1927 принял чеш. гражд-во. С 1927 предс. Рус. акад. группы в Чехословакии. В 30-х последний предс. Рус. ин-та в Праге. Член Чешского королевского об-ва наук. Ум. в Праге.

Библиогр: Syllaba Th. V.A.Francev: Bibliografický soupis vědeckých prácí s přehledem jeho činnosti. Praha, 1977. S. 57-110.

Халафов Константин Константинович (1902-1969), поэт, пианист, орнитолог. Писал также на англ. яз. Уроженец Москвы. Участ. Белого движения. В 1920 эм. через Константинополь в Белград. Оконч. Белградский ун-т. С 1928 участ. белградского филиала лит. группы «Перекресток» (Париж). С 1934 участ. кружка «Лит. среда». Осенью 1944 через Австрию уехал в Германию (Кассель). С 1949 жил в Австралии. Ум. в Глен-Веверли (шт. Виктория).

Печ в альм/сб: Мосты, Перекресток, Сб стихов (29), Содр, Якорь, *журн:* Возр, Грани, *газ:* Возр.

Хара-Даван Эренжен Даваевич (1883-1942), калмыцкий обществ. деятель, историк-монголовед. Уроженец Калмыкии. В 1908-10 учился на медицинском ф-те Юрьевского ун-та (Тарту), затем перевелся в Петербургскую Воен.-медицинскую академию. Впоследствии работал врачом в Калмыкии. В 1918 предс. калмыцкой секции исполкома Астраханского губ. совета. Участ. Белого движения. В 1920 эм. в Прагу. Член Калмыцкой миссии культурных работников (Прага-Строжнице). Участ. евраз. движения. В 1929 переехал в Белград. Ум. в Югославии.

Печ в альм/сб: Тридцатые годы, *журн:* Евраз хроника, Утверждения.

Харитон Борис Осипович (Иосифович) [также с подп.: Б.Х.; отец акад. Ю.Б.Харитона] (1876-1941?), журналист, лит. критик, мемуарист. Один из орг-ров петроградского Дома литераторов (1918-22). С 1920 член Всерос. союза писателей (ВСП). В нояб. 1922 выслан из Сов. России, поселился в Берлине. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. В 1923 соред. журн. «Сполохи» (№№ 19-21). В 1924 переехал в Ригу. В 1924-40 ред. газ. «Сегодня вечером», в 1925-40 соред. газ. «Сегодня». Сотр. изд-ва «Жизнь и культура». Летом 1940 после аннексии Латвии оказался на сов. терр., осенью арестован. Погиб в заключении.

Печ в газ: Дни, Нар мысль, Пон-к, Риж день, Руль, С, С веч.

Херасков Иван Михайлович [также с подп.: Ив.Х., И.Х.] (1878-1963), публицист, лит. критик. Оконч. ист.-филол. ф-т Моск. ун-та. С 1921 жил в Париже. Преп. во Франко-рус. ин-те. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Париже, похоронен в Нёйи-сюр-Сен близ Парижа.

Печ в альм/сб: Моск ун-т, На чуж стороне, *журн:* Возр, ГМ на чуж стороне, Независимая мысль, НЖ, Нов град, Рос демократ, СЗ, *газ:* Дни, НРС, РМ.

Ходасевич Владислав (Владислав-Фелициан) Фелицианович [псевд.: Гулливер (совм. с *Н.Н.Берберовой*), Л.Боровиковский, Ф.Маслов, также с подп.: В.Х., Г.Р., И., М., Ф.М.; в гражд. браке муж *Н.Н.Берберовой* (в 1922-32)] (1886-1939), поэт, лит. критик, литературовед, переводчик, публицист, мемуарист. В 1918 один из орг-ров моск. Книжной лавки писателей. Член Моск. (затем Всерос.) союза писателей. В 1918-20 возглав. моск. отделение изд-ва «Всемирная лит-ра». В нояб. 1920 уехал в Петроград. Член Петроградского союза поэтов. В июне 1922 вместе с *Н.Н.Берберовой* эм. через Ригу в Германию

(Берлин, Сааров). Член правления берлинского Дома искусств, соучредитель Клуба писателей (1922-23). Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Член редколл. журн. «Беседа» (1923-25). С нояб. 1923 по март 1924 находился в Чехословакии (Прага, Мариенбад). Затем посетил Италию, Францию, Англию, Ирландию. С окт. 1924 жил в доме *М.Горького* в Сорренто. До марта 1925 сохранял сов. гражд-во. В апр. 1925 поселился в Париже, в авг.-сент. совм. с *М.Алдановым* возглав. лит. отдел газ. «Дни». Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. С 1927 участ. лит. собраний «Зеленая лампа». В 1927-39 возглав. лит.-крит. отдел газ. «Возрождение». Ум. в Париже, похоронен в Биянкур близ Парижа.

Печ в альм/сб: Балт альм, Белг пушк сб, ВП, Жемчужины рпт, Из нов поэтов, Круг, МДиа, Мосты, На Зап, Орион, Струги, Эротика в рус поэзии, Якорь, *журн:* Беседа, Благон, Вест РСХД, Возр, ВР, Грани, Ж-пт, ИР, Меч, Нар правда, НЖ, Нов дом, Нов корабль, Нов нива, НРК, Опыты, Перезв, Сатирикон, Св путями, СЗ, Сполохи, Эпопея, *газ:* Возр, ГР, Дни, Евр трибуна, Звено, Нов газ, НРС, Огни, ПН, Руль, С, С веч.

Холчев Алексей Л., поэт. Участ. Белого движения. В 20-х — 30-х жил в Париже.

Печ в журн: Числа.

Цветаева (Цветаева-Эфрон) Марина Ивановна [дочь историка И.В.Цветаева, жена *С.Я.Эфрона* (с 1912), мать переводчицы А.С.Эфрон] (1892-1941), поэт, драматург, прозаик, лит. критик, переводчик, мемуаристка. Писала также на нем. и франц. яз. С 1918 член Моск. (затем Всерос.) союза писателей и Всерос. союза поэтов. В сер. мая 1922 из Москвы эм. в Берлин, в авг. переехала в Чехословакию. Проживала в пригородах Праги (Мокропсы, Иловище, Вшеноры). Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. В конце окт. 1925 уехала во Францию, жила близ Парижа (Бельвю, Кламар, Ванв). Соред. сб. «Ковчег» (1926). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Совершила поездки в Англию, Швейцарию, Бельгию. В конце 1937 восстановила сов. гражд-во. С сент. 1938 проживала в Париже. В сер. июня 1939 верн. в СССР, поселилась под Москвой (Болшево, Голицыно). С апр. 1940 жила в Москве. В нач. авг. 1941 эвакуир. в Татарию. Покончила с собой в Елабуге.

Библиогр: Марина Цветаева: Библиография / Сост. Т.Л.Гладкова, Л.А.Мнухин. Париж, 1982. 360 с., 1 л. порт.; Марина Цветаева: Библиогр. указ. лит-ры о жизни и деятельности 1910-1941 гг. и 1942-1962 гг. / Сост. Л.А.Мнухин. Wien, 1989. 152 с.

Цебриков Георгий Владимирович, прозаик, публицист. В 20-х жил в Бельгии. В 1-й пол. 20-х участ. брюссельской лит. группы «Единорог». В 1925 принял священство. Впоследствии проживал в Вене, Париже.

Печ в журн: Благон, Вест РСХД, Путь, *газ:* Возр.

Цетлин (Цетлина) Мария Самойловна [урожд. Тумаркина; в 1-м браке жена *Н.Д.Авксентьева* (в 1906-09), во 2-м — жена *М.О.Цетлина* (с 1910), мать художницы А.Н.Прегель] (1882-1976), издатель, обществ. деятель. С 1907 находилась в эм. (Франция). Летом 1917 верн. в Россию (Москва). В июле 1918 с мужем уехала из Москвы на юг России. В апр. 1919 из Одессы эм. в Париж. Член Комитета помощи рус. писателям и ученым во Франции. Соред. журн. «Окно» (1923). В нояб. 1940 переехала в США (Нью-Йорк). В мае 1946 приняла амер. гражд-во. Ум. в Нью-Йорке.

Цетлин Михаил Осипович [псевд.: Амари, также с подп.: М.Ц.; муж *М.С.Цетлин* (с 1910)] (1882-1945), поэт, лит. критик, прозаик, переводчик, журналист, издатель, мемуарист. Уроженец Москвы. С 1910 находился в эм. (Франция). Летом 1917 верн. в Россию (Москва). В июле 1918 с женой уехал

из Москвы на юг России. В апр. 1919 из Одессы эм. в Париж. В 1920-40 ред. отдела поэзии журн. «Современные записки». Член Комитета помощи рус. писателям и ученым во Франции. Соред. журн. «Окно» (1923). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Участ. лит. собраний «Зеленая лампа» (1927-39). В нояб. 1940 переехал в США (Нью-Йорк). В 1942-45 ред. «Нового журнала». Ум. в Нью-Йорке.

Печ в альм/сб: Ковчег (Н-Й), На Зап, Наши совр-ки, Пам А.О.Фондаминской, Пб в стих рп, Рус сб (20), Якорь, *журн:* ГрР, ЗП, НЖ, Нов дом, Новоселье, Новости лит-ры, Окно, СЗ, Числа, *газ:* ГР, Дни, НРС, ПН.

Цетлина М.С. — см. **Цетлин М.С.**

Цуриков Николай Александрович [псевд.: Иван Беленихин] (1886-1957), публицист, литературовед, прозаик, обществ. деятель, мемуарист. Уроженец Орловского уезда (Тульская губ.). Оконч. юрид. ф-т Моск. ун-та. Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. В окт. 1920 из Крыма эм. в Константинополь. С марта 1923 жил в Праге, сотр. Рус. педагог. бюро (ин-та). Сост. пражских сб. «День рус. культуры» (1925-29). Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. В сент. 1928 участ. 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград). Член ред. комитета парижской газ. «Россия и славянство» (1928-34). В 30-х один из идеологов антибольшевистского течения «активизм». В годы 2-й мир. войны арестован нацистами, находился в заключении. Весной 1945 поселился в Германии (Шлесгейм, затем Мюнхен). С конца 40-х возглав. германский отдел СБСР (Союза борьбы за свободу России). Ум. в Нью-Йорке.

Печ в альм/сб: Дети эм, Мосты, *журн:* Борьба за Россию (26), Вест ГПОГ, Возр, Годы, Грани, Казачий сполох, Меч, РМ, Рос демократ, Рус колокол, Рус сокольский вест, Сполохи, Студ годы, Часовой, *газ:* Возр, За свободу, Нов время, Р (П), РиС, Руль, Рус голос (Рв).

Чайковский Николай Васильевич (1850/51-1926), обществ.-полит. деятель, публицист, журналист, мемуарист; член ЦК Объединенной трудовой и народно-соц. партии. С 1914 один из рук-лей Всерос. союза городов. С марта 1917 член исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, в мае один из орг-ров 1-го Всерос. съезда крестьянских депутатов, с сент. член президиума Временного совета Российской республики (Предпарламента). В марте 1918 один из основателей моск. «Союза возрождения России», с сент. предс. и министр иностр. дел Временного пр-ва Сев. обл. (Архангельск). В янв. 1919 уехал в Париж, член Рус. полит. совещания. В февр.-марте 1920 входил в состав пр-ва Деникина, в апр. верн. в Париж. Член редколл. журн. «Грядущая Россия» (1920). В 1920-26 предс. парижского Комитета помощи рус. писателям и ученым. В 1921 орг-р обществ.-полит. об-ния «Центр действия». Ум. в Лондоне.

Печ в журн: ГМ на чуж стороне, ГрР, *газ:* Дни, Общ дело, ПИ, ПН.

Чахотин Сергей Степанович [сын дипломата С.И.Чахотина] (1883-1974), обществ.-полит. деятель, публицист, физиолог, генетик; кадет. Уроженец Одессы. В нач. 1900-х участ. рев. движения. Затем учился в Германии. Д-р естеств. наук Гейдельбергского ун-та. В нач. 10-х верн. в Россию, с 1912 ассистент акад. И.П.Павлова (Петербург). Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. В 1918-19 возглав. Осваг. В 1919 эм. в Хорватию, преп. на медицинском ф-те Загребского ун-та. В 1920 обосновался в Берлине. С февр. 1921 участ. парижской полит. группы «Смена вех». В 1923-24 соред. берлинской газ. «Накануне». Сотр. сов. торгпредства в Берлине. В 20-х — нач. 30-х занимался науч.-исслед. работой. В 1933 переехал через Данию во Францию. Один из рук-лей соц. движения «Железный фронт против Гитлера». В годы

2-й мир. войны участ. франц. Сопротивления. С 1944 член Союза рус. патриотов (затем Союза сов. патриотов, позднее Союза сов. граждан). Принял сов. гражд-во. Весной 1958 возвр. в СССР, ст. науч. сотр. Ин-та цитологии АН СССР (Ленинград). Впоследствии жил в Москве, ст. науч. сотр. Ин-та биофизики АН СССР. Ум. в Москве.

Печ в альм/сб: Смена вех, *газ:* Накануне.

Чебышёв Николай Николаевич [псевд.: Энче, также с подп.: Н.Ч.] (1865-1937), обществ.-полит. деятель, публицист, лит. критик, журналист, мемуарист. С осени 1918 член «Нац. центра» и Совета гос. объединения России (СГОР). В 1919 начальник управления внутр. дел Особого совещания при ген. Деникине. Изд. газ. «Великая Россия» (1919-20). Весной 1920 из Крыма эм. в Константинополь. В 1920-21 возглав. Рус. бюро печати. Соред. журн. «Зарницы» (1921). С 1922 жил в Берлине, в 1924 переехал в Париж. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Живым и гордым, *журн:* Зарницы, ИР, РМ, *газ:* Возр, Нов время, ПН, Шанх заря.

Чегринцева Эмилия Кирилловна [урожд. Цегоева] (1904-1989), поэт. Уроженка Екатеринбурга. В нач. 20-х из Кишинева переехала в Прагу, училась на философ. ф-те Карлова ун-та. Участ. об-ния «Скит поэтов». Приняла чехословацкое гражд-во. В 1934 и 1937 соред. сб. «Скит» (№№ 2, 4). Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. Участ. Кружка по изучению совр. рус. лит-ры при Рус. свободном ун-те. После 2-й мир. войны сотр. пражского Союза сов. граждан. Ум. в Праге.

Печ в альм/сб: Новь, Скит, Якорь, *журн:* Журн Содр, Меч, РЗ, СЗ, *газ:* ПН, Руль, С.

Челищев Павел Фёдорович (1898-1957), живописец, график, театр. художник. Уроженец Калуги. В 1918 уехал из Москвы в Киев, учился в худож. мастерской А.А.Экстер. С авг. 1919 участ. Белого движения. В 1920 эм. в Константинополь. С 1921 жил в Берлине, сотр. театра «Синяя птица». В 1923 переехал в Париж. Совершал поездки в страны Зап. Европы и в США. В 1934 поселился в Нью-Йорке. В 1942 принял амер. гражд-во. Участ. худож. выставок в Париже, Лондоне, Нью-Йорке, Брюсселе, Риме и др. В 1950 обосновался в Италии. Ум. во Фраскати близ Рима.

Печ в журн: Возр.

Червинская Лидия Давидовна [также с подп.: Л.Ч., Л.Чер.] (1906-1988), поэт, прозаик, лит. критик. В 1920 эм. с родителями в Константинополь. С 1922 жила в Париже. Участ. «Союза молодых поэтов и писателей», лит. собраний «Зеленая лампа», лит. об-ния «Круг» (1935-39). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Монморанси близ Парижа.

Печ в альм/сб: Круг, Лит смотр, МДиа, На Зап, Рус сб (46), Сб стихов (29), Якорь, *журн:* Брюссель вест, Грани, НЖ, Новоселье, Опыты, РЗ, СЗ, Числа, *газ:* НРС, ПН, РМ.

Чернавин Владимир Вячеславович [муж *Т.В.Чернавиной*] (1887-1949), ихтиолог, публицист, мемуарист. В нач. 30-х работал на строительстве Беломорско-Балтийского канала (Карелия). В 1932 с семьей нелегально эм. в Финляндию. Затем переехал в Англию (Лондон). Ум. в Англии.

Чернавина Татьяна Васильевна [также с подп.: Т.Ч.; жена *В.В.Чернавина*], историк ис-ва, мемуаристка. В 1932 с мужем нелегально эм. в Финляндию. Затем поселилась в Англии (Лондон).

Печ в журн: СЗ, *газ:* ПН, С.

Чернов Виктор Михайлович [во 2-м браке муж писательницы О.Е.Колбасиной-Черновой] (1873-1952), обществ.-полит. деятель, публицист, социо-

лог, мемуарист; член ЦК партии эсеров. С 1908 находился в эм. (Франция). В нач. апр. 1917 верн. в Россию, с апр. член бюро и вице-предс. президиума исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, в мае-авг. министр земледелия Временного пр-ва. Участ. Комитета спасения родины и революции, «Союза защиты Учредительного собрания». В янв. 1918 предс. Учредительного собрания (Петроград), с сент. входил в Комитет членов Учредительного собрания (Комуч; Уфа). С 1919 нелегально жил в Москве, Саратове. В 1920 под чужой фам. эм. в Эстонию (Таллинн). Совм. с *С.П.Постниковым* изд. журн. «Революционная Россия» (1920-31). В 20-х жил в Праге. В 1931 поселился в Париже. В годы 2-й мир. войны участ. франц. Сопротивления. После войны переехал в Нью-Йорк, член редколл. журн. «За свободу». В 1949 один из орг-ров «Лиги борьбы за народную свободу». Ум. в Нью-Йорке.

Печ в журн: ВР, За свободу, Летопись революции, НЖ, Рев Россия, Соц вест, Социалист-революционер, *газ:* ВР, ГР, Нар дело, НРС, Рус газ (Р), С.

Чёрный А. — см. **Чёрный Саша.**

Чёрный Саша [псевд. — наст. имя: Александр Михайлович Гликберг; др. псевд.: Сандро, А.Чёрный, Sandro, также с подп.: А.М., А.Ч., А.Ч-й, —й, С-а Ч., С-а Ч-й, Ч., S., S-o, S...o] (1880-1932), поэт, прозаик, драматург, лит. критик, детский писатель, переводчик, журналист. Участ. 1-й мир. войны. Осенью 1918 эм. в Вильно. С нач. 1920 проживал в Каунасе, в марте переехал в Берлин. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. В 1921-23 ред. лит. отдела журн. «Жар-птица». Сост. детского сб. «Радуга» (1922), ред. альм. «Грани» (1922-23). В июне 1923 уехал в Рим. В марте 1924 поселился в Париже. Соред. альм. «Рус. земля» (1928). Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. С лета 1932 жил в Провансе (Ла-Фавьер, департ. Вар). Ум. в Ла-Фавьер, похоронен в Лаванду (Прованс).

Печ в альм/сб: Ант СиЮ, Грани, Инвалид, Кн смеха, Мед всадник, Музыка слов, На чужбине, Пб в стих рп, Радуга, Рус земля, Рус сб (20), Сб стих инрп, Цветень, Чт-декл, *журн:* ВР, Ж-пт, Златоцвет, ЗП, ИР, На чужбине, Новости лит-ры, Перезв, Рубеж, Рус эмигрант, Сатирикон, Сполохи, *газ:* Варш слово, Веч время (П), Возр, Галлиполи, ГР, За свободу, Либ рус слово, Нов заря, НРС, ПН, Р (П), Руль, Рус газ (Р), Рус эхо, С, Св мысли, Слово, Шанх заря.

Чижевский Дмитрий (Дмитро) Иванович [псевд.: Андрей Карпов, П.Прокофьев, также с подп.: Д.Ч., П.П.; отец слависта Т.Д.Чижевской] (1894-1977), филолог-славист, литературовед, историк, лингвист, лит. критик. Писал также на укр., нем. и чеш. яз. Уроженец Херсонской губ. В 1918 оконч. ист.-филол. ф-т Киевского ун-та. В 1920 доцент кафедры общ. языкознания Киевского частного женского ин-та. Весной 1921 нелегально эм. в Польшу, с мая жил в Германии (Гейдельберг, Фрейбург). В 1924 переехал в Прагу. Преп-ль философии, с 1925 доцент, с 1926 проф. Укр. педагог. ин-та им. М.П.Драгоманова (Прага). Участ. Укр. ист.-филол. об-ва, Рус. философ. об-ва. С 1926 участ. Пражского лингвистич. кружка. С 1931 член Нем. об-ва славистич. исследований, с 1932 член Слав. ин-та в Праге. В 1932 верн. в Германию. В 1932-45 преп. рус. яз. в Галльском ун-те. Д-р философии (1933). В 1945-49 преп. слав. филологию в Марбургском ун-те. В 1949-56 преп. в Гарвардском ун-те (США). Соред. сб. «Рус. лит. архив» (1956). В 1956-64 возглав. кафедру славистики Гейдельбергского ун-та. С 1962 действ. член Гейдельбергской АН. С 1964 ред. науч. серии «Slavische Propyläen». С 1968 преп. в Кельнском и Гейдельбергском ун-тах. Ум. в Гейдельберге.

Библиогр. в кн.: Festschrift für D.Čiževskij zum 60. Geburtstag / Hrsg. von M.Vasmer. Berlin, 1954. S. 1-33; Orbis Scriptus D.Tschižewskij zum 70. Geburtstag / Hrsg. von D.Gerhard et al. München, 1966. S. 35-48.

Чиннов Игорь Владимирович (р. 1909), поэт, прозаик, лит. критик, переводчик, мемуарист. Писал также на латыш. яз. Уроженец Туккума (Латвия). С 1914 жил в России. В 1922 верн. с родителями в Ригу. Имел латв. гражд-во. Участ. рижской лит. группы «На струге слов» (1929-31). В 1939 оконч. юрид. ф-т Рижского ун-та. В 1944 уехал в Германию (Рейнская обл.). В 1947 поселился во Франции (Нанси, Реймс, Париж). Оконч. Сорбонну. С 1953 проживал в Мюнхене, сотр. радиостанции «Свобода». В 1962 переехал в США. В 1962-77 преп. славистику в Канзасском, Питтсбургском и др. амер. ун-тах. Принял амер. гражд-во. Ныне живет в Дайтона-Бич (шт. Флорида).

Печ в альм/сб: ВП, Встречи, ЗРАГ, Лит совр-к, МДиа, Мосты, На Зап, Отклики, Перекрестки, Рус альм (81), Содр, Эстафета, *журн:* Возр, Грани, Континент, Мансарда, НЖ, Новоселье, Опыты, Совр-к, Числа, Шк годы, Шк нива, *газ:* НРС, РМ, Слово.

Чириков Евгений Николаевич [псевд.: Евгений Валин; муж актрисы В.Иолшиной (В.Г.Чириковой), отец художницы Л.Е.Чириковой-Шнитниковой] (1864-1932), прозаик, драматург, публицист, поэт, журналист, мемуарист. Весной 1918 уехал из Москвы в Крым. В 1919 сотр. в Осваге. В сер. нояб. 1920 из Севастополя эм. в Константинополь. В нач. 1921 поселился в Софии, в окт. переехал в Прагу. Предс. правления «Артистическо-лит.-муз.-худож. федерации» (Прага). В 1922-25 жил во Вшенорах близ Праги. Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. Участ. лит.-муз. об-ния «Збраславские пятницы» (1923-25). Участ. лит. кружка «Далиборка». 1-й предс. Комитета по улучшению быта рус. писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии. В сент. 1928 участ. 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград). Ум. в Праге.

Печ в альм/сб: Артисты МХТ за рубежом, Ковчег (Пр), Колос, Мед всадник, Младорусь, Родная земля, Рус сб-ки, Св песнь, Скорбь земли рус, *журн:* Борьба за Россию (26), Вест ГПОГ, Для вас, Ж-пт, Зарницы, Златоцвет, ИР, Казачий сполох, НЖ, Перезв, РМ, Родное слово, Св путями, СЗ, Сполохи, Студ годы, *газ:* Возр, Дни, За свободу, Либ рус слово, Маяк, Нар мысль, Общ дело, ПИ, ПН, Русь, С, С веч, Св речь.

Чхеидзе Константин Александрович, кн. [также с подп.: К.Ч.] (1897-1974), публицист, прозаик, философ. Писал также на чеш. яз. Уроженец Моздока (Сев. Кавказ). Участ. Белого движения. Эм. в 1920. С 1923 жил в Праге. Участ. лит. кружка «Далиборка» (1924-33). Оконч. Рус. юрид. ф-т. Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. Член Рус. ист. об-ва. Участ. евраз. движения, соред. «Евразийского сборника» (1929), предс. редколл. журн. «Евразийские тетради» (1934-36). Член совета Рус. народного (свободного) ун-та. В 1936-37 рук-ль Кружка по изучению совр. рус. лит-ры. Принял чехословацкое гражд-во. Ум. в Праге.

Печ в альм/сб: Вселенское дело, Евраз сб, Нов эпоха, Поток Евразии, Тридцатые годы, *журн:* Годы, Евраз тетради, Евраз хроника, Казачий сполох, Св путями, *газ:* Евразия, РиС.

Шавельский Георгий Иванович, протопресвитер о. Георгий [отец обществ. деятельницы М.Г.Новицкой] (1871-1951), церковный деятель, богослов, мемуарист. Писал также на болг. яз. Уроженец Витебской губ. В 1902 оконч. Духовную академию (Петербург). С 1910 проф. богословия Ист.-филол. ин-та (Петербург). С 1911 протопресвитер воен. и морского духовенства Российской империи. В 1915-17 член Священного синода. После революции уехал в Витебск. В окт. 1918 переехал в Крым, с дек. протопресвитер Добр. армии. С янв. 1919 протопресвитер Вооруж. сил юга России (ВСЮР), с мая член Временного высш. церковного управления (ВВЦУ) на юге России. В апр. 1920 из Крыма эм. в Болгарию. Священник одного из рус. приходов

в Софии, директор рус. гимназии. Позднее преп. на богословском ф-те Софийского ун-та. Ум. в Софии.

Печ в журн: РЗ, РМ, НЖ, *газ:* Голос России (С), Русь, Св речь.

Шагал Марк Захарович (1887-1985), живописец, график, театр. художник, мозаист, поэт, прозаик, мемуарист. Писал также на идиш и франц. яз. В 1918 орг-р и предс. витебской «Академии художеств». В конце 1919 возвр. в Москву. В 1922 эм. через Каунас в Берлин. В конце 1923 переехал в Париж. Участ. худож. выставок в Париже, Нью-Йорке, Базеле, Чикаго и др. В 1937 принял франц. гражд-во. С 1939 жил на юге Франции. В мае 1941 уехал в США (Нью-Йорк). В 1947 верн. во Францию, в 1950 поселился в Вансе (Прованс). Совершал поездки в страны Зап. Европы, Азии и Америки. В 1966 обосновался в Сен-Поль де Ванс. В 1969 основал Музей Шагала (Ницца). Летом 1973 посетил СССР. Ум. в Сен-Поль де Ванс.

Шаляпин Фёдор Иванович [в 1-м браке муж балерины И.Торнаги (с 1898), отец художника Б.Ф.Шаляпина и киноактера Ф.Ф.Шаляпина] (1873-1938), певец, мемуарист. В 1918 почетный предс. Совета гос. оперы. С марта 1919 член директории Мариинского театра, с апр. член директории Большого театра, затем член Большого худож. совета при петроградском отделе театров и зрелищ Наркомпроса. С авг. 1921 по март 1922 гастролировал в Латвии, Финляндии, Дании, Англии, США. В июне 1922 выехал из Сов. России на гастроли в Прибалтику, Германию, Швецию, Англию, США. В июле 1923 поселился в Париже. В последующие годы часто гастролировал. Ум. в Париже. В окт. 1984 его прах перезахоронен на Новодевичьем кладб. в Москве.

Печ в альм/сб: Пам Рахманинова, *журн:* Для вас, ИР, СЗ, *газ:* Дни, Пар вест (25), ПН, Руль, С.

Шаршун Сергей Иванович (1888-1975), живописец, график, поэт, прозаик, композитор. Писал также на франц. яз. Уроженец Бугуруслана. С 1910 проживал в Москве. В 1912 уехал в Париж. Участ. 1-й мир. войны. В 1916-17 находился в Испании (Барселона), затем возвр. в Париж. В 1921-22 участ. группы «Палата поэтов», лит.-худож. кружка «Гатарапак». С 1922 жил в Берлине, в 1923 верн. в Париж. Участ. лит.-худож. группы «Через» (1923-24), лит. собраний «Зеленая лампа» (1927-39). С 1928 участ. лит. группы «Кочевье». В 30-х член антропософского кружка Н.А.Тургеневой. Участ. лит. об-ния «Круг» (1935-39). Принял франц. гражд-во. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Участ. худож. выставок в Париже, Праге, Монреале, Копенгагене, Нью-Йорке, Милане и др. Ум. в Вильнёв-Сен-Жорж близ Парижа, похоронен в Сен-Женевьев де Буа.

Печ в альм/сб: ВП, Круг, *журн:* Брюссель вест, Журн Содр, Меч, НЖ, Полярная звезда, Ухват, Числа.

Шах Евгений Владимирович (1905 — ?), поэт. В 20-х — 30-х жил в Париже. Участ. лит. группы «Перекресток».

Печ в альм/сб: Перекресток, Якорь, *журн:* Звено, СЗ.

Шахматов Мстислав Вячеславович [племянник акад. А.А.Шахматова] (1888-1943), историк, правовед. Уроженец Петербурга. Оконч. юрид. ф-т Петербургского ун-та. Преп. на юрид. ф-те Петроградского ун-та. В 1920 эм. в Сербию (Белград). С 1922 жил в Праге. Приват-доцент, с 1927 проф. Рус. юрид. ф-та. Участ. лит.-муз. об-ния «Збраславские пятницы» (1923-25). Участ. евраз. движения. С 1925 член Рус. ист. об-ва (Прага). Ум. в Праге.

Печ в альм/сб: Евраз временник, Зап РНИБ, Зап РНИО, Науч тр РНУП, Тр IV съезда РАОЗ, *журн:* Родная старина, Рус колокол, Хозяин, *газ:* Возр, Слово.

Шаховская Зинаида Алексеевна, княжна [в браке Малевская-Малевич; псевд.: З.Сарана и др., также с подп.: З.Ш.; сестра архиепископа *Иоанна*, жена дипломата С.С.Малевского-Малевича (с 1926)] (р. 1906), поэт, прозаик, лит. критик, переводчик, журналист, мемуаристка. Писала также на франц. яз. Уроженка Москвы. В февр. 1920 из Новороссийска эм. с родителями в Константинополь. В 1921-23 училась в амер. колледже (Арнаут-Кей, Турция). В 1923-26 училась в Брюсселе (католический монастырь Берлеймон), Париже (Протестантская школа социального обеспечения и Collège de France). С конца 1926 жила в Экваториальной Африке (Бельгийское Конго). В 1928-32 участ. евраз. движения. В нач. 30-х обосновалась в Брюсселе, часто приезжала в Париж. Участ. Лит.-худож.-артистического об-ва (Брюссель), «Союза молодых поэтов и писателей» (Париж). Совершала поездки в Германию, Польшу, Прибалтику, Чехословакию. В 1935 ред. лит. отдела журн. «Брюссельский вестник». С 1940 служила в санитарных частях франц. армии, затем участ. франц. Сопротивления. В янв. 1942 уехала в Лондон, ред. FIA (Франц. информ. агентства). В 1945-48 воен. корр. в Германии, Австрии, Греции, Италии. В 1949 поселилась в Париже. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. В 1951-52 сотр. Междунар. федерации киноархивов (Париж). В 1956-57 проживала в Москве по дипломатич. визе. В 1961-64 сотр. глав. редакции франц. радиовещания, в 1964-68 сотр. рус. секции франц. радио и телевидения. В 1968-78 глав. ред. газ. «Рус. мысль». Сост. совм. с Р.Герра и Е.С.Терновским «Рус. альманах» (1981). Член Об-ва литераторов Франции, член франц. ПЕН-клуба. Ныне живет в Париже.

Печ в альм/сб: Встречи, Новь, Рус альм (81), Якорь, *журн:* Брюссель вест, Вест РСХД, Возр, Голос Зарубежья, Журн Содр, Континент, НЖ, Полярная звезда, РЗ, СЗ, *газ:* Возр, НРС, РМ, С.

Шаховской Д.А. — см. **Иоанн**, архиепископ.

Шестов Лев [псевд. — наст. имя: Лев (Иегуда Лейб) Исаакович Шварцман] (1866-1938), философ, литературовед, лит. критик. В нач. июля 1918 уехал из Москвы в Киев, преп. историю философии в Народном ун-те. Член Моск. союза писателей. В нояб. 1919 переехал в Ялту, приват-доцент Таврического ун-та. В янв. 1920 из Севастополя эм. через Константинополь и Геную в Париж. С июня 1921 член Рус. акад. группы в Париже, с июня 1922 проф. Ин-та славяноведения. В 1921-30 посещал с лекциями Берлин. В 1922 почетный предс. берлинского отделения Вольфилы (Вольной философ. ассоциации). В 1928-33 преп. на рус. отделении Сорбонны. С 1930 жил в предместье Парижа. В 1936 посетил с лекциями Иерусалим и Тель-Авив. Ум. в Париже.

Библиогр: Лев Шестов: Библиография / Сост. Н.Л.Баранова-Шестова. Париж, 1975. 96 с.; Библиография литературы о Льве Шестове / Сост. Н.Л.Баранова-Шестова. Париж, 1978. 64 (5) с.

Шиманская Аглаида Сергеевна [урожд. Левицкая; сестра одного из орг-ров франц. Сопротивления А.С.Левицкого] (р. 1903), поэт, прозаик, лит. критик. Уроженка Москвы. В конце 1900-х с матерью выехала в Швейцарию (Лозанна). В 1939 поселилась во Франции (Париж). Ныне живет в предместье Парижа.

Печ в альм/сб: МДиа, Сб стихов (47), Содр, Эстафета, *журн:* Возр, Грани, НЖ, Новоселье, Совр-к, *газ:* Единение, НРС, РМ.

Ширинский-Шихматов Юрий (Георгий) Алексеевич, кн. [также с подп.: Ю.Ш.; сын гос. деятеля А.А.Ширинского-Шихматова] (1890-1942), публицист, юрист. Уроженец Петербурга. В 1911 оконч. Императорское училище правоведения. Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. С нач. 20-х жил в Париже. Лидер движения «национал-максимализм». Изд. журн. «Утверждения» (1931-32). В июле 1933 один из орг-ров 1-го съезда представителей «пореволюционных течений» (Париж), затем один из рук-лей Об-ния поре-

волюционных течений. Орг-р парижского Пореволюционного клуба. В 1941 арестован нацистами. Погиб в концлагере (Освенцим).

Печ в альм/сб: Евраз сб, *журн:* Завтра, Утверждения.

Ширяев Борис Николаевич [псевд.: А.Алымов] (1889-1959), прозаик, публицист, лит. критик, литературовед, журналист, мемуарист. Уроженец Москвы. Оконч. ист.-филол. ф-т Моск. ун-та. Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. В 1920 арестован органами ГПУ, находился в заключении (Соловки). В 1929 освобожден, сослан в Средн. Азию. В 1932 поселился в Москве, вскоре вторично арестован, сослан в Ставрополь. С 1942 сотр. в пронацистских изданиях. В 1944 эм. через Берлин в Белград. С февр. 1945 жил в Италии. Принял католичество. Ум. в Сан-Ремо.

Печ в альм/сб: К проблемам интеллигенции СССР, Лит Зарубежье, *журн:* Вест ИИИК, Возр, Воля, Грани, Часовой.

Шишкова Аглая [псевд. — наст. имя: Агния Сергеевна Ржевская, урожд. Шишкова; жена *Л.Ржевского* (с 1943)] (р. 1923), поэт, литературовед, лит. критик. Уроженка Рославля (Смоленская губ.). Осенью 1941 оказалась на оккуп. терр. В 1944 эм. с мужем в Германию. В февр. 1945 поселилась в Дрездене, затем жила близ Мюнхена. С нач. 1950 проживала в Лимбурге-на-Лане, позднее близ Франкфурта-на-Майне. В 1955-60 училась в Лундском ун-те (Швеция). В 1963 переехала в США (Нью-Йорк). Приняла амер. гражд-во. В 1969 оконч. ун-т шт. Нью-Йорк, впоследствии преп. в том же ун-те. Ныне живет в Нью-Йорке.

Печ в альм/сб: Лит Зарубежье, Лит совр-к, МДиа, Мосты, На Зап, Содр, Стихи, *журн:* Грани, Лит совр-к, НЖ, Посев, *газ:* НРС, РМ.

Шишмарёв Сергей Романович (1882-1954), прозаик. С 1921 жил во Франции (Париж). Ум. во Франции.

Печ в журн: Возр, *газ:* Возр.

Шкловский Виктор Борисович [племянник И.В.Шкловского (см. *Дионео*), брат литературоведа Вл.Б.Шкловского] (1893-1984), прозаик, литературовед, лит. критик, сценарист, мемуарист. Уроженец Петербурга. Учился на ист.-филол. ф-те Петербургского ун-та. Участ. 1-й мир. войны. В 1917 пом. комиссара Временного пр-ва в Иране, в янв. 1918 верн. в Петроград. Примкнул к правым эсерам, возглав. броневой отдел Воен. комиссии при ЦК партии эсеров. С авг. 1918 жил в Поволжье, с окт. в Киеве. В нач. 1919 отошел от полит. деятельности, поселился в Петрограде. Один из орг-ров ОПОЯЗ (Об-во изучения поэтич. языка), участ. МЛК (Моск. лингвистич. кружка). Преп. в Ин-те истории искусств (Петроград). Член Всерос. союза писателей (ВСП). В марте 1922 нелегально эм. в Финляндию (Райвола), в июне переехал в Берлин, в авг. посетил Прагу, с осени член правления берлинского Дома искусств. Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. Ред. сб. «Чаплин» (1923). В сент. 1923 верн. в Сов. Россию, обосновался в Москве. Ум. в Москве.

Печ в альм/сб: Чаплин, *журн:* Беседа, Вещь, ВР, Новости лит-ры, Эпопея, *газ:* ГР, Дни.

Шкловский-Дионео И.В. — см. **Дионео**.

Шлёцер Борис Фёдорович (Фердинандович) [также с подп.: Б.Ш.; племянник пианиста П.Ю.Шлёцера] (1884-1969), муз. и лит. критик, философ, переводчик, журналист. Писал также на нем. и франц. яз. Уроженец Витебска. Оконч. Брюссельскую и Парижскую консерватории. В 1918 уехал из Москвы в Киев. Осенью 1920 из Крыма эм. в Париж. Сотр. также в иностр. муз. периодике. Читал лекции во Франции, Швейцарии. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Зап набл, *журн:* Возр, Встречи, Звено, Окно, СЗ, *газ:* Звено, ПН.

Шмелёв Иван Сергеевич (1873-1950), прозаик, публицист, литературовед, мемуарист. В 1918 уехал из Москвы в Крым (Алушта). В апр. 1922 верн. в Москву, в нояб. эм. в Берлин. В нач. 1923 переехал в Париж. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. В сент. 1928 участ. 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград). Член Центр. Пушкинского комитета (1937). В годы 2-й мир. войны сотр. в пронацистских изданиях. Ум. в Бюсси-ан-От близ Парижа, похоронен в Сен-Женевьев де Буа.

Библиогр: Иван Сергеевич Шмелев: Библиография / Сост. Д.Н.Шаховской. Париж, 1980. 128 с.

Штейгер Анатолий Сергеевич, барон [брат *А.С.Головиной*] (1907-1944), поэт, прозаик, публицист, мемуарист. Уроженец Киевской губ. В февр. 1920 из Одессы эм. с родителями в Константинополь, учился в рус. гимназии. В 1921 в связи с переводом гимназии переехал в Чехословакию (Моравска-Тшебова). После окончания гимназии недолго жил в Праге, вскоре поселился во Франции (Париж, Ницца). Как потомок выходцев из Швейцарии имел швейцарское гражд-во (с 1931). Совершал поездки в Германию, Бельгию, Италию, Сербию, Чехословакию, Албанию, Грецию, Турцию, на Принцевы о-ва. С 1935 проживал в Швейцарии (Берн). В конце 1936 уехал во Францию. Участ. парижского лит. об-ния «Круг». Близок к движению младороссов. В годы 2-й мир. войны находился в Швейцарии. Ум. в Лезен (Швейцария), похоронен в Берне.

Печ в альм/сб: Ковчег (Н-Й), Круг, МДиа, На Зап, Якорь, *журн:* Встречи, Грани, НЖ, Нов корабль, РЗ, РМ, СЗ, Числа, *газ:* Возр.

Штейнберг Аарон Захарович [брат эсера И.З.Штейнберга] (1891-1975), обществ.-полит. деятель, публицист, переводчик, юрист, мемуарист; левый эсер. Уроженец Двинска. Оконч. Гейдельбергский ун-т (Германия). В 1919 один из орг-ров петроградской Вольфилы (Вольной философ. ассоциации). В нач. 1923 эм. в Берлин. В 1934 поселился в Лондоне. С 1941 возглав. культурный отдел Всемирного евр. конгресса. В годы 2-й мир. войны один из орг-ров Исслед. центра по проблемам геноцида, репараций и лиц без гражд-ва. Ум. в Англии.

Печ в журн: Версты, Знамя.

Шульгин Василий Витальевич [сын историка В.Я.Шульгина, сводный брат поэта и журналиста П.Д.Пихно, в 1-м браке муж актрисы и литератора Е.Г.Шульгиной (с 1899)] (1878-1976), обществ.-полит. деятель, публицист, прозаик, мемуарист; монархист. Депутат 2-й, 3-й и 4-й Гос. думы. Участ. 1-й мир. войны. С мая 1917 участ. «Лиги рус. культуры» (Петроград), с авг. член Совета обществ. деятелей (СОД), в сент. уехал на юг России. В конце 1917 — нач. 1918 один из орг-ров Добр. армии. В 1918-19 соред. газ. «Россия» («Великая Россия»). С янв. 1919 возглав. Комиссию по нац. делам Особого совещания при ген. Деникине. В нояб. 1920 из Крыма эм. в Константинополь. С 1921 жил в Белграде, в сент. нелегально посетил Сов. Россию (Крым). Совершал поездки в Болгарию, Францию, Румынию, Польшу. В дек. 1925 — февр. 1926 вторично нелегально посетил Сов. Россию. Член редколл. белградской газ. «Россия» (1926-27). Член белградского Союза рус. писателей и журналистов. В 1937 поселился в Сремских Карловцах, от полит. деятельности отошел. В дек. 1944 после освобождения сов. войсками Югославии арестован, в янв. 1945 депортирован в СССР. В сент. 1956 освобожден из заключения. Проживал в Гороховце, позднее переехал во Владимир. Ум. во Владимире.

Печ в альм/сб: Белое дело, *журн:* Грани, Зарницы, НЖ, РМ, *газ:* Возр, Голос России (С), ГрР, Нов время, НРС, Общ дело, ПИ, Р (Бг), РиС, Рус газ в П, Рус голос (Н-Й), Русь, С, Св речь, Слово.

Щёголев Николай Александрович [псевд.: Николай Зерцалов, также с подп.: Н.Щ., Н.Щ-ев] (1910-1975), поэт, прозаик, журналист. Уроженец Харбина. Оконч. Коммерческое училище (Харбин). С конца 20-х участ. лит. об-ния «Молодая Чураевка». Участ. движения младороссов. В сер. 40-х ред. газ. «Родина». В 1947 уехал в СССР. Жил в Свердловске, преп. историю рус. лит-ры в консерватории. Ум. в Свердловске.

Печ в альм/сб: Багульник, Излучины, Остров, Семеро, Якорь, *журн:* Парус, Рубеж, Феникс, Числа, *газ:* Молодая Чураевка, Нов жизнь, Родина.

Щербаков Михаил Васильевич [также с подп.: М.Щ.] (1891?-1956), поэт, прозаик, лит. критик, журналист, мемуарист. Ред. владивостокской газ. «Рус. край». С 1922 жил в Харбине. В 30-х предс. содружества работников ис-в «Понедельник». С дек. 1933 член правления лит.-худож. об-ния «Восток» (Шанхай). В нач. 50-х переехал во Францию. Покончил с собой в Париже.

Печ в альм/сб: АРР, Багульник, Балт альм, Врата, Дымный след, Китай, *журн:* Парус, Прожектор, Рус обозрение, СЗ, Феникс, *газ:* Молодая Чураевка, Руль.

Щербинский Б.Н. [псевд. — наст. имя: Борис Никандрович Беляев] (1880-1956), прозаик. В эм. жил в Париже. Похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в журн: Числа.

Эйснер Алексей Владимирович [также с подп.: А.Э.; сын архитектора В.В.Эйснера] (1905-1984), поэт, прозаик, драматург, лит. критик, мемуарист. Уроженец Киева. В марте 1920 из Новороссийска эм. с отчимом в Константинополь, затем проживал на Принцевых о-вах, в Болгарии. Вскоре поселился в Сербии. В 1925 оконч. Рус. кадетский корпус (Сараево). С лета 1925 жил в Праге. Учился на философ. ф-те Карлова ун-та. Участ. об-ния «Скит поэтов», лит. кружка «Далиборка». Лауреат лит. конкурса журн. «Воля России» (1929). В 1931 переехал в Париж. Участ. «Союза молодых поэтов и писателей», лит. группы «Кочевье». С сер. 30-х активист Союза возвращения на Родину, член франц. Компартии. С окт. 1936 участ. гражд. войны в Испании. В 1937 принял сов. гражд-во, в июле участ. Междунар. конгресса писателей в защиту культуры (Валенсия). В янв. 1940 верн. в СССР, в апр. арестован. В 1948 освобожден из заключения (Воркута), сослан в Казахстан. Летом 1956 поселился в Москве. Ум. в Москве.

Печ в альм/сб: На Зап, Новь, Стихотв, Якорь, *журн:* ВР, Годы, Новоселье, Св путями, СЗ, Студ годы, Центр Европа.

Энгельгардт Лев Евгеньевич, барон (1895-1944), поэт. С 20-х жил в Париже. Соред. журн. «Новый корабль» (1927-28). Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в журн: Нов корабль.

Эренбург Илья Григорьевич [псевд.: Поль Жослен, Жан Сало, также с подп.: И.Э.; во 2-м браке муж художницы Л.М.Козинцевой-Эренбург (с 1919)] (1891-1967), поэт, прозаик, драматург, переводчик, публицист, журналист, обществ. деятель, мемуарист. Уроженец Киева. С дек. 1908 находился в эм. (Париж), с 1915 корр. газ.: «Биржевые ведомости», «Утро России». В июле 1917 верн. в Россию. В сент. 1918 уехал из Москвы в Киев, впоследствии проживал в Харькове, Ростове, Крыму, Грузии. Сотр. в период. изданиях юга России. Осенью 1920 возвр. в Москву. Член Всерос. союза писателей (ВСП). В марте 1921 командирован за границу (Рига), с мая жил в Париже, вскоре выслан из Франции в Бельгию, осенью переехал в Берлин. Соред. журн. «Вещь» (1922), ред. ант. «Поэзия рев. Москвы» (1922). Член правления берлинского Дома искусств. В янв. 1924 верн. в Москву, вскоре выехал в

Италию, с мая обосновался в Париже, сохранив сов. гражд-во. Неоднократно посещал СССР (1926, 1932, 1934 и т.д.). Совершал поездки в Польшу, Англию, Бельгию, Норвегию, Данию, Швецию, Австрию, Германию, Швейцарию, Чехословакию, Италию, Румынию, Югославию. В 1932-40 парижский корр. моск. газ. «Известия». С 1934 член Союза сов. писателей. В 1936-39 как журналист участвовал в гражд. войне в Испании. В июле 1940 эвакуир. из Парижа с сов. посольством, поселился в Москве. После войны совершал поездки в страны Европы, Азии, Америки. Ум. в Москве.

Печ в альм/сб: Вечера пзл, Из нов поэтов, Пб в стих рп, Струги, Чт-декл, *журн:* Вещь, НРК, РК, *газ:* Дни, Накануне, Нар мысль, Пар вест (25), Руль, С.

Эфрон Сергей Яковлевич [также с подп.: С., С.Э., С.Э-н, С.Я., С.Я.Э-н, Эсъ и др.; муж *М.И.Цветаевой* (с 1912), отец переводчицы А.С.Эфрон] (1893-1941), журналист, лит. критик, прозаик, кинокритик. Уроженец Москвы. С 1913 учился на ист.-филол. ф-те Моск. ун-та. Участ. 1-й мир. войны и Белого движения. В нояб. 1920 из Крыма эм. в Галлиполи (Турция). С весны 1921 проживал в Константинополе, осенью переехал в Прагу. Один из орг-ров Дем. союза рус. студентов. Соред. журн. «Своими путями» (1924-26). Член пражского Союза рус. писателей и журналистов. В 1925 оконч. философ. ф-т Карлова ун-та, в конце дек. обосновался в Париже. Соред. журн. «Версты» (1926-28). С 1927 участ. евраз. движения, предс. парижского Евраз. клуба, член редколл. газ. «Евразия» (1928-29). С лета 1931 сотр. с иностр. отделом ОГПУ. С 1934 ген. секр. парижского Союза возвращения на Родину. В окт. 1937 под чужой фам. бежал из Франции в СССР. Жил в Болшево близ Москвы, числился на службе НКВД. В окт. 1939 арестован. Расстрелян в Москве.

Печ в альм/сб: АРР, Ковчег (Пр), На чуж стороне, *журн:* Благон, Версты, ВР, Св путями, СЗ, *газ:* Евразия, Нов газ.

Юденич Николай Николаевич (1862-1933), ген. от инфантерии (1915). Участ. 1-й мир. войны, в марте-апр. 1917 главнокомандующий войсками Кавказского фронта. В 1917-18 нелегально проживал в Петрограде. Осенью 1918 эм. в Финляндию, вскоре переехал в Эстонию. С мая 1919 предс. Полит. совещания (Хельсинки-Таллинн), с июня главком Сев.-Зап. армии, с авг. воен. министр и глава Сев.-Зап. пр-ва. С дек. 1919 жил в Эстонии. В 1920 уехал в Англию. Впоследствии поселился во Франции. Ум. в Сен-Лоран-дю-Вар близ Канн (Франция).

Печ в журн: ВР, ИР, Нов нива.

Юшкевич Семён Соломонович [брат философа П.С.Юшкевича] (1869-1927), прозаик, драматург, журналист. После революции жил в Одессе, сотр. в «Одесском листке». Ред. кишиневского «Южного альманаха» (1918). Осенью 1920 уехал из Кишинева в Париж. В 1921 совершил поездку в США. С весны 1922 проживал в Германии (Эмс). В 1923 возвр. в Париж. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Париже.

Печ в журн: ВР, ИР, Нов нива, НРК, Перезв, СЗ, *газ:* Дни, Евр трибуна, Звено, Нар мысль, ПН, Руль, С, Эхо.

Яблоновский (Снадзский) Александр Александрович (1870-1934), журналист, прозаик, лит. критик, мемуарист. С 1918 жил в Ростове, сотр. в период. изданиях юга России. В 1919 из Новороссийска эм. в Египет, затем жил в Берлине. В дек. 1920 обосновался в Париже. В сент. 1928 участ. 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград). С 1928 предс. совета объединенного Заруб. союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Париже.

Печ в альм/сб: Рус земля, Скорбь земли рус, *журн:* Возр, ЗП, ИР, Рус эхо, *газ:* Возр, ГР, Дни, Заря, Либ рус слово, Нов рус жизнь, Общ дело, ПИ, ПН, Руль, Рус курьер, Русь, С, Шанх заря.

Яблоновский С. [псевд. — наст. имя: Сергей Викторович Потресов; др. псевд.: Свет и тень, Удостоившийся присутствия и пр., также с подп.: С.П., С.Я-ский] (1870-1953), журналист, лит. и театр. критик, поэт, переводчик, мемуарист. В 1901-17 сотр. редакции моск. газ. «Рус. слово». Затем жил на юге России. В февр. 1920 из Новороссийска эм. в Египет (Тель-Эль-Кебире). Вскоре переехал в Париж. Член парижского Союза рус. писателей и журналистов. Ум. в Париже, похоронен в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

Печ в альм/сб: Живым и гордым, На чуж стороне, Пам И.С.Шмелева, *журн:* Борьба за Россию (26), Возр, ГМ на чуж стороне, ИР, НЖ, РЗ, РМ, *газ:* Возр, Галлиполи, Евр трибуна, Наша речь, Общ дело, ПИ, ПН, РиС, РМ, Руль, Рус эхо, С, Слово.

Якобсон Роман Осипович [псевд.: Олаф Янсен] (1896-1982), лингвист, литературовед, мемуарист. Писал также на англ., нем. и франц. яз. Уроженец Москвы. В 1914 оконч. Лазаревский ин-т вост. яз. (Москва). В 1915-21 член Моск. лингвистич. кружка (МЛК). В 1917 оконч. ист.-филол. ф-т Моск. ун-та. С конца 10-х участ. ОПОЯЗ (Об-ва изучения поэтич. языка). В 1919 несколько месяцев жил в Риге, затем возвр. в Москву. В 1920 совершил поездку в Прагу. В 1921 выехал в Прагу в качестве переводчика сов. полпредства, впоследствии в Сов. Россию не верн. В 1926 один из основателей Пражского лингвистич. кружка. Д-р философии (1930). Принял чехословацкое гражд-во. В 1933-39 преп. в ун-те г. Брно. В апр. 1939 через Берлин уехал в Данию (Копенгаген), с авг. проживал в Норвегии (Осло). В апр. 1940 поселился в Швеции (Упсала, Лидинге близ Стокгольма). В июне 1941 переехал в Нью-Йорк, преп. в Вольной школе высш. исследований. В 1946-49 проф. слав. яз. и лит-р и общ. лингвистики в Колумбийском ун-те. Принял амер. гражд-во. В 1949-67 проф. Гарвардского ун-та, с 1957 преп. также в Massachussets School of Technology. В 1956-79 неоднократно посещал СССР. Ум. в Кембридже (шт. Массачусетс).

Библиогр: Roman Jakobson: A Bibliography of his Writings. Paris, 1971. 60 p.; Øyvind Tranøy. Ein bibliografi over Roman Jacobsons skrifter: 1971-1981 // Skriftserien blir glitt ut av Institutt for fonetikk og lingvistikk ved Universitetet i Bergen. № 7, serie B. Bergen, 1991. 61 s.

Яковлев Александр Евгеньевич (1887-1938), живописец, график, театр. художник. Уроженец Петербурга. В 1913 оконч. Высш. худож. училище при Академии художеств (Петербург). В 1913-18 совершал поездки в Италию, Монголию, Японию, Китай. В 1919 из Петрограда эм. в Париж. Участ. худож. выставок в странах Европы, Америки, Азии. В 1924-25 участ. франц. экспедиций в Африку. В 1928-29 находился в Италии. В 1931-32 участ. экспедиции на Дальний Восток через Иран, Афганистан, Тибет. В 1934 уехал в США, преп. в Худож. школе при Бостонском музее. Совершал поездки в Грецию, Сев. Африку. Ум. в Париже.

Яконовский Евгений Михайлович [также с подп.: Е.Я.] (1903-1974), прозаик, поэт. С нач. 20-х жил во Франции. Ум. в Монтабон (Франция).

Печ в журн: Возр, Грани.

Яновский Василий Семёнович [псевд.: В. Мирный, также с подп.: В.С.Я., В.Я-ский] (1906-1989), прозаик, лит. критик, публицист, мемуарист. Писал также на англ. яз. Уроженец Полтавы. В 1922 нелегально эм. с семьей в Польшу. В 1926 переехал в Париж. В конце 20-х — 30-х участ. «Союза молодых поэтов и писателей», лит. собраний «Зеленая лампа», лит. об-ния «Круг». Участ. евраз. движения. В 1937 оконч. медицинский ф-т Сорбонны. В конце 30-х вел крит. отдел журн. «Иллюстрированная Россия». В июне 1940 поселился на юге Франции (Монпелье). В июне 1942 через Марокко уехал в США (Нью-Йорк). В 1947 принял амер. гражд-во. Ум. в Нью-Йорке.

Печ в альм/сб: ВП, Круг, Мосты, Пестрые рассказы, Сб стихов (29), *журн:* Вест РСХД, Возр,

Время и мы, Грани, ИР, Нар правда, НЖ, Нов град, Новоселье, Опыты, РЗ, СЗ, Третий час, Числа, *газ:* За свободу, НРС, ПН, РМ.

Ярцев Пётр Михайлович (1871-1930), режиссер, драматург, театр. и лит. критик. С 1918 член Моск. союза писателей. В 1919 уехал на юг России, сотр. в Осваге. Затем эм. в Болгарию. В 1922-24 глав. режиссер Пловдивского театра. С 1924 режиссер и преп-ль Народного театра (София). Ум. в Софии.

Печ в журн: РМ, *газ:* Руль, Рус газ (Варна), Св речь.

Яссен Ирина [псевд. — наст. имя: Рахиль Самойловна Чеквер; жена обществ. деятеля Л.И.Чеквера] (1893-1957), поэт, издатель. Уроженка г.Ромны (Полтавская губ.). Оконч. Высш. Бестужевские курсы (Петроград). Затем жила на Украине. В 1923 эм. в США (Нью-Йорк). Приняла амер. гражд-во. Совершала поездки в страны Зап. Европы. Соред. сб. «Эстафета» (1948). В 1949-57 инвестор и рук-ль парижского изд-ва «Рифма». Ум. в Нью-Йорке.

Печ в альм/сб: Лит совр-к, МДиа, На Зап, Эстафета, *журн:* Грани, НЖ, Новоселье, Опыты, *газ:* НРС, РМ.

Ященко Александр Семёнович [также с подп.: А.С., А.Я.] (1877-1934), правовед, лит. критик, библиограф, издатель. Писал также на чеш. яз. Уроженец Ставрополя. В 1900 оконч. юрид. ф-т Моск. ун-та. С янв. 1909 приват-доцент, с сент. проф. кафедры энциклопедии и философии права Юрьевского ун-та (Эстония). Д-р права (1913). С 1913 проф. права Петербургского ун-та. В 1917-18 проф. права Пермского ун-та. Весной 1918 в качестве эксперта при сов. делегации выехал в Берлин, в Сов. Россию не верн. С 1920 участ. полит. группы В.Б.Станкевича «Мир и труд». Один из орг-ров и член правления берлинского Дома искусств (1921-23). Ред. журн.: «Рус. книга» (1921), «Вестник рус. книжного рынка» (1921-23), «Новая рус. книга» (1922-23), «Научная жизнь» (1923), прил. «Иностранная жизнь» (1924) к газ. «Накануне». Соред. журн. «Вестник самообразования» (1922-24). Член берлинского Союза рус. писателей и журналистов. С осени 1924 жил в Литве, проф. и зав. кафедрой междунар. права юрид. ф-та Каунасского ун-та. В нач. 30-х возвр. в Берлин. Ум. в Берлине.

Печ в журн: Жизнь (Б), НРК, РК, Рус эмигрант, *газ:* ГР, Накануне, Руль, Рус эхо.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЗДАНИЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Перечень содержит краткие справочные сведения о периодических и непериодических эмигрантских изданиях, упоминаемых в труде Г.П.Струве и Словаре[1]. Список разделен на три рубрики: а) альманахи и коллективные сборники, б) журналы, в) газеты; при этом необходимо иметь в виду, что некоторые наименования отнесены нами к той или иной рубрике условно, — чаще всего это издания, не имевшие в подзаголовках конкретного указания на их принадлежность к журнальной или газетной продукции (еженедельник, трехмесячник и т.п.).

Некомплектность фондов эмигрантской литературы в отечественных библиотеках не позволяет освидетельствовать de visu многие издания. Эта часть изданий описана нами по библиографическим справочникам (с дополнениями и исправлением замеченных ошибок и опечаток); в подобных случаях описание завершается ссылкой на основной источник информации:

(*А.*) — Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии. 1917-1944 гг.: Биобиблиографический справочник. Ч. 1-4. Stanford, 1990-1991.

(*Дж.*) — Ђурић О. Руска литерарна Србија. 1920-1941 (Писци, кружоци и издања) = Джурич О. Русская литературная Сербия. 1920-1941 (Писатели, кружки и издания). Горњ и Милановец; Београд, 1990.

(*М.*) — Материалы к сводному каталогу периодических и продолжающихся изданий российского Зарубежья в библиотеках Москвы (1917-1990 гг.) / ГПИБ; ГБЛ. М., 1991.

(*Рэ 1*) — Русская эмиграция в Европе: Сводный каталог периодических изданий = L'émigration russe en Europe: Catalogue collectif des périodiques en langue russe. Paris, 1976-1981.

(*Рэ 2*) — Русская эмиграция: Журналы и сборники на русском языке. 1920-1980: Сводный указатель статей / Сост. под ред. Т.Гладковой, Т.Осоргиной = L'émigration russe: Revues et recueils. 1920-1980: Index général des articles / Sous la dir. de T.Gladcova, T.Ossorguine. Paris, 1988.

(*Ф.*) — Библиография русской зарубежной литературы. 1918-1968 / Сост. Л.А.Фостер = Bibliography of Russian Emigré Literature. 1918-1968 / Comp. by L.A.Foster. Vol. 1-2. Boston, Mass., 1970.

(*Ш.*) — Schatoff M. Half a Century of Russian Serials. 1917-1968: Cumulative Index of Serials Published outside the USSR. Vol. 1-4. New York, 1970-1972.

---

[1] Из упоминаемых в настоящем издании Перечень не охватывает эмигрантские сборники, материалы которых не затрагивают истории собственно русского Зарубежья: двухтомная «Хрестоматия по истории русской литературы» (П., 1931-1932), «Молодые поэты советской России» (Н-Й., 1943), «Народные жемчужины» (С-Ф., 1951) «Советская потаенная муза» (Мюнхен, 1961), «Манифесты и программы русских футуристов» (Мюнхен, 1967) и т.п. Попутно отметим, что не удалось выявить библиографические данные единичных эмигрантских изданий (еженедельник «Мировая служба», кишиневский журнал «Молодая мысль», пражские сборники «День русской культуры»).

(*Шт.*) — Штейн Э. Поэзия русского рассеяния. 1920-1977. Ашфорд, 1978.

При выверке библиографической информации нами также использовалась рукопись следующего справочника, подготовленного в Российской национальной библиотеке:

Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917-1992 гг.) / Сост. Э.Е.Алексеева, Г.Б.Киселёва, Л.К.Киселёва, Е.Б.Летенкова; Ред. Г.В.Михеева; Науч. ред. Л.А.Шилов. СПб., 1993.

В единичных случаях Перечень включает информацию об изданиях, библиографического описания которых не удалось найти, — она почерпнута нами из авторитетных биографических источников или из текста книги Г.П.Струве; описание этих изданий имеет соответственно пометы: *(Биогр. ист.)* или *(Ст.)*.

В описании изданий сохранена, за исключением заголовков, система сокращений, принятых в Словаре (см. «Список основных условных сокращений»). Дополнительный список сокращений касается лишь места выпуска в свет:

Б. — Берлин
Бг. — Белград
В. — Варшава
Г. — Гельсингфорс
М. — Москва
Н-Й. — Нью-Йорк
П. — Париж
Пб. — Петербург
Пг. — Петроград
Пр. — Прага
Р. — Рига
Рв. — Ревель
С. — София
С-Ф. — Сан-Франциско
Т. — Таллинн
Х. — Харбин
Ш. — Шанхай

Перечень включает краткое описание 529 эмигрантских изданий.

АЛЬМАНАХИ И СБОРНИКИ

Альманах возрожденцев. [Кн. 1-2] / Ред. А.А.Фаринич; Изд. Об-ва карпаторусских студентов «Возрождение». Пр., 1933-1936. (*Рэ I*). Кн. 2 вышла под названием «Альманах общества к[арпаторусских] с[тудентов] “Возрождение”».

[Кн. 1]. 1933. 100 с.
[Кн. 2]. 1936. 96 с.

Антология русской поэзии в Польше / Изд. Союза рус. писателей и журналистов в Польше. В., 1937. 30 с. (*Шт.*).

Антология русской поэзии XX столетия. Т. 1-2 / Сост. Н.Ф.Мельникова-Папоушкова. Пр.: Наша речь, 1920.

Т. 1. 72 с.
Т. 2. 124 с.

Антология сатиры и юмора. Б.: Мысль, 1922. 128 с. (Книга для всех, № 90/91).

Антология современной поэзии. Б.: Мысль, 1921. 128 с. (Книга для всех, № 50/51).

Аргус — см. **Балтийский альманах.**

Артисты Московского Художественного театра за рубежом / Ред. С.К.Маковский. Пр.: Наша речь, 1922. 62 с.

Архив русской революции, издаваемый И.В.Гессеном. № 1-22. Б.: Слово, 1921-1937.

Багульник: Лит.-худож. сб. Кн. 1 / Ред. Ф.Ф.Даниленко. Х., 1931. 196 с.

Балтийский альманах: Ежемесячник лит-ры, ис-ва и экономики / Глав. ред. Е.Л.Шкляр [с 1928 также и изд.]; Изд. А.С.Рискин. Каунас, 1923-24 (№ 1-3); Р., 1924 (№ 4) [выпущен под названием «Балтийский альманах “Аргус”»]; Р., 1928 (№ 1-3); 1929 (№ 1-4); 1937 (№ 1-5). (*А.*).

Белградский пушкинский сборник / Ред. Е.В.Аничков; Предисл. акад. А.Белича; Изд. Рус. Пушкинского комитета в Югославии. Бг., 1937. VII, 412 с. (*Ф.*).

Белое дело: Летопись белой борьбы: Мат-лы, собранные и разработанные бароном П.Н.Врангелем, герцогом Г.Н.Лейхтенбергским и светл. кн. А.П.Ливеном. Т. I-VII / Под ред. А.А. фон Лампе. Б.: Медный всадник, 1926-1933.

Т. I. [1926]. 206, 34 с.
Т. II. [1927]. 240 с.
Т. III. [1927]. 240 с.
Т. IV. [1928]. 228, 12 с.
Т. V. [1928]. 316 с.
Т. VI. [1928]. 272 с.
Т. VII. [1933]. 210 с.

Библиографический сборник: Обзор лит-ры по китаеведению. Т. I-II / Ред. директор [Центр.] б-ки [КВЖД] проф. Н.В.Устрялов. Х., 1932. Ранее (в 1927-30) носил название «Библиографический бюллетень Центр. б-ки КВЖД» и публиковался на страницах журн. «Вестник Маньчжурии» (см.).

Т. I (IV). 316 с.
Т. II (V). 276 с.

Будущее: Сб. ст. на злобу дня. № 1 / Ред.-изд. В.Л.Бурцев. П., 1922. (*Рэ 1*).

Былое (Нов. серия): Сб. по новейшей рус. истории. Т. 1-2 / Ред. В.Л.Бурцев. П., 1933. (Б-ка «Илл. России», кн. 46-47; Прил. к «Илл. России» на 1933 г.).

[Т.] 1. (... Кн. 46). 144 с.
[Т.] 2. (... Кн. 47). 128 с.

В плену небоскрёбов: Альм. кружка пролетарских писателей в Сев. Америке. Отдел Всерос. союза крестьянских писателей. Н-Й., 1924. 46 с. (*Ф.*).

В тени небоскрёбов: Сб. поэзии и прозы / Изд. Кружка пролетарских писателей и поэтов в Сев. Америке. Н-Й., 1922. 46 с. (*Шт.*).

Веретено: Лит.-худож. альм. Кн. 1. Б.: О.Кирхнер и К°, 1922. 248 с.

Вертоград небесный: Сб. стихов. В.: Священная лира, 1937. (*Шт.*).

Вечера под зелёной лампой: Лит.-худ. сб. / Ред. А.А.Волошин. Б.: Лит-ра, [1923]. 136 с.

Винавер — см. **М.М.Винавер...**

Витязь: Сб. Нац. организации витязей. № 1-[14] / Ред. Н.Ф.Фёдоров. П., 1937-1960, 1966-[?]. (*Рэ 1*).

Владимирский сборник: В память 950-летия Крещения Руси (988-1938). Бг., 1938. 220 с.

Во славу Божию: Сб. рус. стихотворений / Ред. О.И.Пантюхов. Н-Й., 1945. 32 с. (*Ф.*).

Воздушные пути: Альм. Вып. 1-5 / Ред.-изд. Р.Н.Гринберг. Н-Й., 1960-1967.

[Вып. 1]. 1960. 288 с.
Вып. 2. 1961. 268 с.
Вып. 3. 1963. 300 с.
Вып. 4. 1965. 304 с.
Вып. 5. 1967. 314. с.

Вольная Сибирь: Обществ.-эконом. сб. Т. 1-IX / Под общ. ред. И.А.Яку-

шева; Изд. Об-ва сибиряков в Чехословацкой республике и Сибирского отдела при Ин-те изучения России в Праге. Пр., 1927-1930.

Т. I. 1927. 212 с.	Т. V. 1929. 136 с.
Т. II. 1927. 214 с.	Т. VI/VII. 1929. 176 с.
Т. III. 1928. 200 с.	Т. VIII. 1930. 176 с.
Т. IV. 1928. 176 с.	Т. IX. 1930. 176 с.

Врата: Дальневосточные сб. Кн. 1-2 / Изд. «Врата» при лит.-худож. об-нии «Восток». Ш., 1934-1935.

Кн. 1. 1934. 206 с.
Кн. 2. 1935. 260 с.

Временник Общества друзей русской книги. I-IV / Ред. Г.Л.Лозинский, Я.Б.Полонский. П.: [Я.Поволоцкий и К°], 1925-1938.

I. 1925. 100 с.	III. 1932. 180 с.
II. 1928. 118 с.	IV. 1938. 294 с.

Вселенское дело. Сб. 1-2 / Ред. Р.К.Мановский. Р.: Oriens, 1925-1934. (*Биогр. ист.).*

[Сб. 1]. 1925.
Сб. 2. 1934. 208 с.

Встреча: Сб. об-ния рус. писателей во Франции. Сб. 1-2 / [Предс. редколл. С.К.Маковский]. П., 1945. (*М.*).

[Сб. 1]. 32 с.
Сб. 2. 32 с.

Встречи: Альм. Ежегодник / Ред. В.А.Синкевич. Филадельфия, 1983 — . [Без №]. Изд. продолжается. Ранее альм. «Перекрёстки» (см.).

Гамаюн — птица вещая: Стихи. Сб. 1 / Изд. кружка «Гамаюн». Бг., 1924. 68 с.

Гефтер А.А., Лукин А.П., Седергольм Б.Л. и Политковский С.С. Флаг Адмирала / Сост. В.А.Вреде; Изд. М.М.Дидковский. Р., [1930]. 240 с.

Грани: Лит. и худож. альм. Кн. 1-2 / Под ред. А.Чёрного. Б.: Грани, 1922-1923.

Кн. 1. 1922. 252 с.
Кн. 2. 1923. 262 с.

Гримасы кисти и пера: Сб. рус. юмористов — писателей и художников / Собрал В.В.Гадалин. Р.: Лит-ра, [1928]. 336 с. (Наша б-ка, XLV/XLVI).

Гумилёвский сборник: Поэты Харбина в память кровавой даты умерщвления большевиками Н.С.Гумилёва / Изд. Н.Г.Мызников. Х., 1937. 50 с. (*Биогр. ист.*).

Дело Пастернака: Сб. ст. Мюнхен: Изд-во ЦОПЭ, 1958. 112 с. (*Ф.*).

Деревня в русской поэзии: Сб. стихов / Сост. Г.В.Алексеев. Б., 1922. 96 с. (*Ф.*).

Дети эмиграции: Сб. ст. / Ред. проф. В.В.Зеньковский. Пр., 1925. 252 с.

Детинец. Сб. I. Б.: Детинец, 1922. 216 с.

Дымный след: Сб. лит.-худож. кружка. Вып. 1. С-Ф., 1925. 136 с.

Евразийский временник / Ред. П.Н.Савицкий, П.П.Сувчинский, кн. Н.С.Трубецкой. Б.: Евраз. кн. изд-во, 1923. 174 с. (Утверждение евразийцев. Кн. 3). См. также сб.: **Исход к Востоку, На путях, Тридцатые годы**.

Евразийский временник / Ред. П.Н.Савицкий, П.П.Сувчинский, кн. Н.С.Трубецкой. Б.: Евраз. кн. изд-во, 1925. 446 с. (Утверждение евразийцев. Кн. 4).

Евразийский временник / Ред. П.Н.Савицкий, П.П.Сувчинский, кн. Н.С.Трубецкой. П.: Евраз. кн. изд-во, 1927. 308 с. (Утверждение евразийцев. Кн. 5).

Евразийский сборник: Политика, философия, россиеведение / Ред. Н.Н.Алексеев, В.Н.Ильин, Н.А.Клепинин, П.Н.Савицкий и К.А.Чхеидзе. Пр., 1929. 80 с. (Утверждение евразийцев. Кн. 6).

Еврейский мир: Ежегодник. [Сб. 1-2] / Изд. Об-ния рус.-евр. интеллигенции (1939); Изд. Союза рус. евреев (1944). П.; Н-Й., 1939-1944. (*Рэ I*).

[Сб. 1]. П., 1939. 386 с.

[Сб. 2]. Н-Й., 1944. 474 с.

Жемчужины русского поэтического творчества: Хрестоматия / Сост. Т.А.Березний; Изд. Об-ва друзей рус. культуры. Н-Й., 1964. 350 с. (*Шт.*).

Женская лирика. Б.: Мысль, 1923. 64 с. (Книга для всех, № 98).

Живым и гордым / Изд. Об-ва галлиполийцев. Бг., [1923]. 40 с.

Жизнь и искусство: Альм. ис-в. Константинополь, 1921. (*М.*).

Жизнь и смерть: Сб. памяти д-ра Н.Е.Осипова. Т. 1-2 / Под ред. А.Л.Бема, Ф.Н.Досужкова и Н.О.Лосского. Пр., 1935-1936.

[Т. 1]. 1935. 138 с.

Т. 2. 1936. 152 с.

Записки наблюдателя: Лит. сб. Кн. 1 / [Ред. Д.Н.Крачковский и А.А.Несси]. Пр.: Чеш.-рус. изд-во, 1924. 256 с.

Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. I-III. Пр., 1927-1937.

Кн. I. 1927. 172 с.

Кн. II. 1930. 194 с.

Кн. III. Прага-Нарва, 1937 [*На обл.:* 1938]. 348 с.

Записки Русского научного института в Белграде. Т. 1-16/17. Бг., 1930-1941. (*М.*).

Записки Русского научно-исследовательского объединения в Праге. Т. 1-88, 1-5 / Ред. М.М.Новиков. Пр., 1934-1942, 1945. (*М.).*

Записки Русской академической группы в США. Т. 1 — . Н-Й., 1967 — . Изд. продолжается.

Земля Колумба: Сб. лит-ры и ис-ва. Кн. 1-2 / Под ред. Б.Миклашевского [П.П.Балакшина]. New York; San Francisco; Los Angeles, 1936.

Кн. 1. 136 с.

Кн. 2. 132 с.

Зодчий: Стихи / Изд. «Книжного кружка». Бг., 1927. 78 с.

Из новых поэтов: Сб. стихов / Сост. Б.Бродский. Б.: Мысль, 1923. 128 с. (Книга для всех, № 101/102).

Из русских поэтов: К.Бальмонт, В.Брюсов, А.Блок, Ф.Сологуб, Д.Мережковский. Б.: Мысль, 1921. 64 с. (Книга для всех, № 1).

Из русской лирики: М.Лохвицкая, И.Северянин, З.Гиппиус, С. Городецкий. Б.: Мысль, 1921. 64 с. (Книга для всех, № 17).

Излучины (Чураевцы и С.Сергин): Сб. молодых поэтов / Ред. В.Перелешин. Х., 1935. 48 с. (*Шт.*).

Инвалид: Лит. сб. / Под ред. А.Андреева. П., 1934. 32 с.

Историк и современник: Ист.-лит. сб. Кн. I-V / Ред. И.П.Петрушевский. Б.: О.Дьякова и К°, 1922-1924.

Кн. I. 1922. 336 с.
Кн. II. 1922. 288 с.
Кн. III. 1922. 304 с.
Кн. IV. 1923. 288 с.
Кн. V. 1924. 240 с.

Исход к Востоку: Предчувствия и свершения / Ст. П.Н.Савицкого, П.П.Сувчинского, кн. Н.С.Трубецкого, Г.В.Флоровского. С.: Российско-болг. кн. изд-во, 1921. VII, 126 с. (Утверждение евразийцев. [Кн. 1]). См. также сб.: **Евразийский временник**, **Евразийский сборник**, **На путях**, **Тридцатые годы**.

К проблемам интеллигенции СССР — см. **Ширяев Б., Кошеватый Н. ...**

Казачий альманах. № 1 / Ред. колл.: П.В.Гусев, В.С.Крюков, Н.Н.Туроверов; Изд. Кружка казаков-литераторов. П., 1939. 134 с.

Казачий быт: Лит. сб. / Изд. Об-ва взаимопомощи студентов донских казаков во Франции. П., 1925. 110 с.

Казачий литературно-общественный альманах / При участии А.Куприна, А.Ладинского и др. П., [1930]. 142 с.

Казачий сборник / Изд. Казачьего союза. П., 1930. 144 с. Переиздано (без предисловия) под названием «Казачий литературно-общественный альманах» (см.).

Калифорнийский альманах / [Редколл.: Н.Л.Лаврова, Е.А.Малозёмова, В.И.Шнеерова и П.П.Балакшин]; Изд. Рус. лит.-худож. кружка г. Сан-Франциско. Х., 1934. 176 с.

Китай: Лит.-худож. альм. / Ред. Э.Е.Магарам. Ш.: Желтый лик, 1923. 120 с.

Книга о Леониде Андрееве: Восп. М.Горького, К.Чуковского, А.Блока, Георгия Чулкова, Бор.Зайцева, Н.Телешова, Евг.Замятина, Андрея Белого. 2-е изд., доп. Б.; Пб.; М.: Изд-во З.И.Гржебина, 1922. 196 с. [Изд. 1-е: Пб.; Б.: Изд-во З.И.Гржебина, 1922. 112 с.].

Книга о русском еврействе: [Сб. 2] / Ред. Я.Г.Фрумкин, Г.Я.Аронсон, А.А.Гольденвейзер; Изд. Союза рус. евреев. Н-Й., 1968. (*Биогр. ист.*).

Книга смеха: Юморист. сб. Кн. 1-2. Н-Й., 1918/19-1920. (*Ф.*).

Кн. 1. 1918/19. 126 с.
Кн. 2. 1920.

Ковчег: Сб. Союза рус. писателей в Чехословакии. 1 / Под ред. В.Ф.Булгакова, С.В.Завадского, М.И.Цветаевой. Пр.: Пламя, 1926. 248 с. [Выпущен в дек. 1925].

Ковчег: Сб. рус. заруб. лит-ры / [Сост. В.Ф.Мансветов]. Н-Й., 1942. 258 с.

Колос: Рус. писатели рус. юношеству / Изд. Общежития для рус. мальчиков в Шавиле. [Париж], 1928. 136 с.

Красная стрела: Сб.-ант. Посв. светлой памяти В.В.Маяковского. Н-Й.: Изд-во М.Н.Бурлюк, 1932. 20 с.

Крестьянская Россия: Сб. ст. по вопросам обществ.-полит. и эконом. Т. I-VIII/IX / Ред. А.А.Аргунов, А.Л.Бем, С.С.Маслов, П.А.Сорокин (т. IV-V/VI). Пр., 1922-1924.

Т. I. 1922. 126 с.
Т. II/III. 1923. 260 с.
Т. IV. 1923. 208 с.
Т. V/VI. 1923. 256 с.
Т. VII. 1924. 224 с.
Т. VIII/IX. 1924. 280 с.

Круг: Альм. Кн. [1]-3. Б.; П., [1936]-1938.

[Кн. 1]. [Б.]: Парабола, [1936]. 192 с.
Кн. 2. Б.: Парабола, [1936]. 176 с.
Кн. 3. П.: Дом книги, 1938. 186 с.

Леонид Каннегисер: Ст. Г.Адамовича, М.А.Алданова, Г.Иванова. Из посмертных стихов Л.Каннегисера. П., 1928. 88 с.

Лик Пушкина: Речи, читанные на торжественном заседании Богословского ин-та в Париже / Изд. журн. «Путь жизни». [Эстония], 1938. 48 с. (Серия 1-я: Зодчие культуры, № 3).

Листья: Лит. сб. Константинополь: Пресса, 1921. 64 с. (*Ф.*).

Литературная среда. [Сб.] 1. Бг., 1935. 48 с. (*Шт.*).

Литературное Зарубежье: Сб.-ант. / [Сост. Л.Ржевский]. Мюнхен: Изд-во ЦОПЭ, 1958. 354 с.

Литературный сборник. [Кн.] 1 / Ред. Р.Менский. Регенсбург: Эхо, 1948. 92 с.

Литературный смотр: Свободный сб. / Ред. З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковский. П., 1939. 164 с.

Литературный современник: Альм. Проза, стихи, критика. 1954. Мюнхен, [1955]. 304 с. Ранее журн. «Литературный современник» (см.).

Логос: Междунар. ежегодник по философии культуры. № 1-[4] / Ред. С.И.Гессен, Ф.А.Степун, Б.В.Яковенко. Пр., 1925-1928. (*М.*). Ранее изд. в Москве (1910-14).

Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Вып. 1-2 / [Сост. Е.В.Спекторский и В.Х.Даватц]; Изд. Рус. науч. ин-та в Белграде. Бг., 1931-1941.

Вып. 1: 1920-1930. 1931. 394 с.

Вып. 2. Ч. 1: 1930-1940. 1941. 384 с.

Медный всадник: Альм. Кн. 1. Б.: Медный всадник, 1923. 304 с.

Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н., Философов Д.В., Злобин В.А. Царство Антихриста. Мюнхен: Drei Masken, 1922. 256 с.

Милюков — см. **П.Н.Милюков...**

Младорусь: Период. лит.-худож. сб. Кн. 1-2 / Под ред. В.И.Ильинского. Пр.: Слав. изд-во в Праге, 1922.

Кн. 1. 114 с.

Кн. 2. 110 с.

М.М.Винавер и русская общественность начала XX века: Сб. ст. П.Н.Милюкова, В.А.Маклакова, кн. В.А.Оболенского, П.П.Юренева, Н.Н.Самойлова, С.В.Познера, З.Н.Гиппиус, Г.В.Адамовича и М.Л.Кантора. П., 1937. 222 с.

Молодая Россия: Альм. / Ред. А.Н.Толстой. Б.: Кн. изд-во писателей в Берлине, 1923. 332 с. Ранее журн. «Молодая Россия» (см.).

Москва: Лит.-худож. альм. / Под ред. Н.Г.Бережанского. Б.: О.Дьякова и К°, 1926. 134 с.

Московский университет. 1755-1930: Юбилейный сб. / Под ред. проф. В.Б.Ельяшевича, А.А.Кизеветтера и М.М.Новикова; Изд. Парижского и Пражского комитетов по ознаменованию 175-летия Моск. ун-та. П.: Современные записки, 1930. 466 с.

Мост на ветру: 4 + 1. Б., 1924. 36 с.

Мосты: Лит.-худож. и обществ.-полит. альм. № 1-15 / Ред. Г.Андреев (Г.А.Хомяков). Мюнхен: Изд-во ЦОПЭ, 1958-1970.

Муза Диаспоры: Избранные стихи заруб. поэтов. 1920-1960 / Под ред. Ю.К.Терапиано. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1960. 360 с.

Музыка слов: Сб. стихов рус. поэтов. Ч. 1 / Сост. В.Ф.Налётова. Н-Й., 1966. 40 с. (*Ф.*).

На Западе: Ант. рус. заруб. поэзии / Сост. Ю.П.Иваск. Н-Й.: Изд-во им. Чехова, 1953. 398 с.

На путях: Ст. П.Н.Савицкого, А.В.Карташёва, П.П.Сувчинского, кн. Н.С.Трубецкого, Г.В.Флоровского, П.М.Бицилли. Б.: Геликон, 1922. 356 с. (Утверждение евразийцев. Кн. 2). См. также сб.: **Евразийский временник, Евразийский сборник, Исход к Востоку, Тридцатые годы**.

На темы русские и общие: Сб. ст. и мат-лов в честь проф. Н.С.Тимашева / Под почетной ред. проф. П.А.Сорокина; Ред. проф. Н.П.Полторацкий; Изд. Об-ва друзей рус. культуры. Н-Й., 1965. 430 с.

На чужбине: Журн.-альм. Вып. 1 / Ред. И.Д.Беляев. Рв.: На чужбине, 1921. 28 с.

На чужой стороне: Ист.-лит. сб. № 1-13 / Ред. С.П.Мельгунов [*затем* В.А.Мякотин]. Б.; Пр., 1923-1925. Далее журн. «Голос минувшего на чужой стороне» (см.).

Научные труды Русского народного университета в Праге. Т. I-V / Ред. М.М.Новиков, П.Н.Савицкий. Пр., 1928-1933.

Наши современники: Лит. сб. Вып. 1-2. П., [1924].

Вып. 1. 362 с.

Вып. 2. 390 с.

Невод: Третий сб. стихов берлинских поэтов / [Ред. М.Г.Горлин]. Б.: Слово, 1933. 62 с. (*Ф.*). См. также сб.: **Новоселье, Роща**.

Неопалимая купина: Евр. сюжеты в рус. поэзии: Ант. / Сост. А.Донат. Н-Й.: Изд-во Нью-Йоркского ун-та, 1973. 480 с. (*Шт.*).

Новая эпоха: Идеократия. Политика. Экономика: Обзоры / Ред. В.А.Пейль; Изд. евразийцев. Нарва, 1933. 48 с.

Новоселье: Сб. берлинских поэтов / [Ред. М.Г.Горлин]. Б.: Петрополис, 1931. 58 с. См. также сб.: **Невод, Роща**.

Новь. Сб. 1-8 / Ред. Н.Е.Андреев (сб. 1-3), П.М.Иртель (сб. 7-8); Изд. Комиссии по организации «Дня рус. культуры», со сб. 2 Комитета «Дней рус. культуры», со сб. 7 Изд. «Нови». Рв., 1928-1935.

Сб. [1]. 1928. 4 с.

Сб. 2. 1929. 10 с.

Сб. 3. 1930. 14 с.

Сб. 4. 1932. 8 с.

Сб. 5. 1933. 26 с.

Сб. 6. 1934. 76 с.

Сб. 7. 1934. 108 с.

Сб. 8. 1935. 208 с.

О Достоевском: Сб. ст. Ч. 1-3 / Под ред. А.Л.Бема. Пр.; Б., 1929-1936.

Ч. 1. Пр., 1929. 280 с.

Ч. 2. Пр., 1933. 124, VIII, 92 с.

Ч. 3. Б.: Петрополис, 1936. 216 с.

Одиссея: Заруб. сб. Кн. 1. Б.: Кн. изд-во писателей в Берлине, 1923. 136 с.

Одна или две русских литературы? Междунар. симпозиум... (Женева, 13-15 апр. 1978) / Ред. Ж.Нива. Lausanne: L'Age d'Homme, 1981. 256 с.

Орион: Лит. альм. / Ред. Ю.П.Одарченко, В.А.Смоленский, А.А.Шайкевич. П., 1947. 162 с.

Остров: Сб. стихотворений / Предисл. Н.А.Щёголева; Изд. Шанхайской студии поэтов «Остров». Ш., 1946. 252 с. (*Шт.*).

Отклики: Сб. ст. памяти Н.И.Ульянова (1904-1985) / Ред. В.М.Сечкарёв. Нью-Хэвен, 1986. 248 с.

Памяти Амалии Осиповны Фондаминской. П., 1937. 112 с. (*Ф.*).

Памяти В.И.Лебедева: Сб. / Ред. Г.Я.Аронсон, М.Е.Вейнбаум, Н.С.Калашников и М.Л.Слоним. Н-Й., 1958. (*Биогр. ист.)*.

Памяти И.С.Шмелёва: Сб. ст. и восп. / Ред. В.А.Маевский. [Мюнхен], 1956. 128 с. (*Ф.*).

Памяти погибших / Ред. Н.И.Астров, В.Ф.Зеелер, П.Н.Милюков, кн. В.А.Оболенский, С.А.Смирнов и Л.Е.Эльяшев. П., 1929. 232 с.

Памяти Рахманинова: Сб. восп. / Ред. и худож. оформление М.В.Добужинского; Изд. С.А.Сатиной. Н-Й., 1946. XXI, 182 с.

Перекрёстки: Альм. № 1-5 / Ред. колл.: И.А.Буркин, С.Л.Голлербах, И.И.Лёгкая, Б.С.Пушкарёв, В.А.Синкевич, В.М.Шаталов. Н-Й.; Филадельфия; С-Ф., 1977-1981. Далее альм. «Встречи» (см.).

№ 1. 1977. 68 с.
№ 2. 1978. 70 с.
№ 3. 1979. 70 с.
№ 4. 1980. 70 с.
№ 5. 1981. 68 с.

Перекрёсток. Вып. 1-2. П.: Я.Поволоцкий и К°, 1930.

[Вып. 1]. 64 с.
[Вып. 2]. 64 с.

Пёстрые рассказы: Сб. эмигрантской прозы / Под ред. В.Александровой. Н-Й.: Изд-во им. Чехова, 1953. 412 с.

Петербург в стихотворениях русских поэтов / Под ред. Г.В.Алексеева. Б.: Север, 1923. 116 с. (*Ф.*).

П.Н.Милюков: Сб. мат-лов по чествованию его семидесятилетия (1859-1929) / Ред. С.А.Смирнов, Н.Д.Авксентьев, М.А.Алданов, И.П.Демидов, Г.Б.Слиозберг, А.Ф.Ступницкий. П., [1930]. 358 с.

«Последние новости»: 27 апр. 1920-1930 гг. П., [1930]. 64, XXX с. (*На обл.:* Юбилейный сб. газ. «Последние новости»: 1920-1930).

Поток Евразии. Кн. 1. Т., 1938. 112 с. (*Биогр. ист.*).

Православие и культура: Сб. религиозно-философ. ст. / Под ред. В.В.Зеньковского. Б.: Рус. книга, 1923. 236 с.

Православная мысль: Труды Православного Богословского ин-та в Париже. № 1-[14]. П.: YMCA-Press, 1928-[1971].

Православное дело. Сб. 1. П., 1939. 96 с.

Прибой. № 1-2. Х.: Нация, 1941. *(Шт.*).

Пушкинский сборник / Изд. Рус. ин-та в Праге. Пр., 1929. 304 с.

Радуга: Рус. поэты для детей / Сост. Саша Чёрный. Б.: Слово, 1922. 418 с.

Родная земля. Сб. 1-2. Н-Й.: Книгоизд-во «Народоправство», 1920-1921.

Сб. 1. 1920. 64 с.
Сб. 2. 1921. 64 с.

Россия и латинство: Ст. П.М.Бицилли, Г.В.Вернадского, В.Н.Ильина, А.В.Карташёва, П.Н.Савицкого, П.П.Сувчинского, кн. Н.С.Трубецкого и Г.В.Флоровского. Б., 1923. 220 с.

Россия и Пушкин: Сб. ст. (1837-1937) / Ред. Н.И.Никифоров; Изд. Рус. акад. группы. Х., [1938]. VIII, 140 с.

Роща: Второй сб. берлинских поэтов / [Ред. М.Г.Горлин]. Б.: Слово, 1932. 64 с. См. также сб.: **Невод, Новоселье**.

Русская деревня: Лит.-худож. альм. / Под ред. Н.Г.Бережанского. Б.: О.Дьякова и К°, 1924. 118 с.

Русская женщина в эмиграции. 1922-1970 / Изд. Лит.-худож. кружка в Сан-Франциско и в Беркли. Вашингтон, 1970. 248 с.

Русская жизнь: Альм. (Непериод. изд., посв. вопросам обществ., эконом. и культурным). Вып. 1-4 / [Ред. Н.В.Устрялов, Г.Н.Дикий]; Изд. «Рус. жизни». X., 1922-1923. (*Ш.*).

Вып. 1. 1922. 32 с.
Вып. 2. 1922. 54 с.
Вып. 3. 1922. 74 с.
Вып. 4. 1923.

Русская зарубежная книга. В 2-х ч. / Ред. С.П.Постников; Изд. Комитета рус. книги. Пр.: Пламя, 1924.

Ч. 1: Библиогр. обзоры. 142 с.
Ч. 2: Библиогр. указ. (1918-1924). 162 с.

Русская земля: Альм. для юношества (Ко Дню рус. культуры) / Под ред. А.М.Чёрного, В.В.Зеньковского; Изд. Религиозно-педагог. кабинета. П.: [YMCA-Press], 1928. 104 с.

Русская история в русской поэзии. Т. 1: Рюриковичи / Сост. П.А.Казаков; Ред. К.И.Зайцев; Изд. Центр. Пушкинский комитет. X., 1941. 346 с. (*Ф.*).

Русская лирика: Стихи. Ч. 1: Современные поэты / Сост. Б.Божнев, К.К.Парчевский.; Изд. Рус. трудовой артели. С., 1920. 72 с.

Русская лирика от Жуковского до Бунина: Избранные стихотворения / Сост. А.А.Боголепов. Н-Й.: Изд-во им. Чехова, 1952. 414 с.

Русская литература в эмирации: Сб. ст. / Под ред. Н.П.Полторацкого = Russian Emigré Literature: A Collection of Articles in Russian with English Resumés. Питтсбург: Отдел слав. яз. и лит-р Питтсбургского ун-та, 1972. 414 с.

Русские в Праге. 1918-1928 гг. / Ред.-изд. С.П.Постников; Изд. журн. «Воля России». Пр., 1928. 354 с.

Русские сборники. Кн. 1-2 / Под ред. проф. Э.Д.Гримма и К.Н.Соколова. С.: Российско-болг. кн. изд-во, 1920-1921.

Кн. 1. 1920. XII, 112 с.
Кн. 2. 1921. 112 с.

Русский альманах: Справочник / Под ред. В.А.Оболенского, Б.М.Сарача; Изд. Б.М.Сарач. П., 1930-1931.

1930. 288 с.
1931. 464 с.

Русский альманах / Сост. З.А.Шаховская, Р.Герра, Е.С.Терновский. П., 1981. 490 с.

Русский вестник: Лит.-худож. и воен. сб. Кн. 1 / Ред. С.И.Орем; Изд. Аргентинского отделения Рус. общевоинского союза. Буэнос-Айрес, 1951. 120 с.

Русский литературный архив / Ред. М.М.Карпович и Д.И.Чижевский. Н-Й., 1956. 238 с.

Русский Парнас / Сост. А. и Д.Элиасберг. Лейпциг: Insel-Verlag, 1922. 332 с. [Изд. 2-е: 1926].

Русский сборник / Изд. Комитета помощи рус. литераторам и ученым. П., 1920. 188 с.

Русский сборник: Посв. творчеству И.Бунина и А.Бенуа. Кн. 1. П.: Подорожник, 1946. 204 с.

Русский экономический сборник. Т. I-XII / Под ред. С.Н.Прокоповича; Изд. Эконом. кабинета проф. С.Н.Прокоповича при культурно-просветительном отделе Земгора. Пр., 1925-1928.

Сборник памяти С.Л.Франка / Под ред. протоиерея о. Василия Зеньковского, при участии Н.С.Арсеньева и др.; Предисл. Т.С.Франк. Мюнхен, 1954. III, 192 с.

Сборник русских поэтов в Польше. 1. Львиград: Четки, 1930. 80 с.

Сборник Русского археологического общества. Т. I-III. Бг., 1927-1940. (*Дж.)*.

Т. I. 1927. 178 с.

Т. II. 1936. 202 с.

Т. III. 1940. 244 с.

Сборник Русского института в Праге. Т. I-II. Пр., 1929-1932.

Т. I. 1929. 484 с.

Т. II. 1932. 192 с.

Сборник статей, посвященных П.Н.Милюкову. 1859-1929 / Ред. комитет: Б.А.Евреинов, А.А.Кизеветтер, Н.О.Лосский, Я.Славик, Е.Ф.Шмурло. Пр., 1929. XV, 548 с.

Сборник статей, посвященных памяти Н.В.Гоголя. 1852-1952 / Изд. Комитета российской колонии в Аргентине. Буэнос-Айрес, 1952. 208 с. (*Ф.*).

Сборник статей, посвященных П.Б.Струве (Ко дню 35-летия его науч.-публицист. деятельности. 1890 — 30 янв. 1925). Пр., 1925. 500 с.

Сборник статей, посвященных творчеству Б.Л.Пастернака. Мюнхен, 1962. 252 с. (Ин-т по изучению истории и культуры СССР. Исследования и мат-лы. Серия 1-я, вып. 65).

Сборник стихов. Вып. I-V / Изд. Союза молодых поэтов и писателей в Париже. П., 1929-1931. Вып. V вышел под названием «Сборник Союза молодых поэтов и писателей в Париже».

Вып. I. 1929. 32 с.

Вып. II. [1929]. 32 с.

Вып. III. 1930. 32 с.

Вып. IV. 1930. 32 с.

Вып. V. 1931. 64 с.

Сборник стихов поэтов «Объединения молодых деятелей русского искусства и науки» / Под ред. Е.Щербакова. П., 1947. 58 с.

Сборник стихотворений известных и новейших русских поэтов / Сост. Е.М.Салькова. Пр.: Слав. изд-во «Кремль», 1921. 506 с.

Свирель собвея: Проза, стихи, картины. 1-й кооперативный сб. Н-Й., 1924. 32 с.

Свободная песнь: Сб. рев. песен и стихотворений / Изд. Кн. магазина М.Н.Майзеля. Н-Й., 1919. 160 с. (*Ф.*).

Сегодня русской поэзии / Ред. В.Г.Воронцовский. Н-Й.: Китоврас, 1924. 32 с. (Б-ка «Китоврас», № 1).

Семеро: Сб. стихотворений кружка «Молодая Чураевка» / Изд. Христианского Союза молодых людей. Х., [1931]. 74 с. (*Ф.*).

Скит 1 / [Ред. В.М.Лебедев, В.В.Морковин, под общ. рук-вом А.Л.Бема]. Пр., 1933. 18 с.

Скит 2 / [Ред. А.С.Головина, В.В.Морковин, Э.К.Чегринцева, под общ. рук-вом А.Л.Бема]. Пр., 1934. 14 с.

Скит 3 / [Ред. Н.Е.Андреев, Т.В.Тукалевская, под общ. рук-вом А.Л.Бема]. Пр., 1935. 22 с.

Скит 4 / [Ред. Е.С.Гессен, Э.К.Чегринцева, под общ. рук-вом А.Л.Бема]. Пр., 1937. 22 с.

Скорбь земли родной — см. **Скорбь земли русской**.

Скорбь земли русской: Сб. ст. 1920 г. / Изд. инициативной группы «Народной газеты». Н-Й., 1920. 62 с. (*На обл.:* Скорбь земли родной: Сб. ст. 1919 г.).

Смена вех: Сб. ст. Ю.В.Ключникова, Н.В.Устрялова, С.С.Лукьянова, А.В.Бобрищева-Пушкина, С.С.Чахотина и Ю.Н.Потехина. Июль 1921. Пр., 1921. 154 с., XII [*Переиздано:* Смоленск, 1922. 160 с.]; 2-е изд. Пр., 1922.

Собачья доля: Петербургский сб. рассказов А.Ремизова, Е.Замятина, И.Соколова-Микитова, В.Ирецкого, В.Шишкова. [Б.]: Слово, 1922. 72 с.

Современные проблемы: Сб. ст. М.А.Алданова, М.В.Вишняка и др. П.: Рус. кн. изд-во Я.Поволоцкого и К°, [1922]. 214 с.

Содружество: Из совр. поэзии рус. Зарубежья / Сост. Т.П.Фесенко; Изд. Рус. кн. дела в США. Вашингтон: V.Kamkin, 1966. 560 с.

Старые — молодым. Мюнхен: Изд-во ЦОПЭ, 1960. 108 с.

Стихи: Сб. Мюнхен, 1947. 94 с. (*Шт.*).

Стихотворение: Поэзия и поэтич. критика. Вып. 1-2 / Ред. Б.Божнев. П., 1928. (*Ф.*).

Вып. 1. 1928. 16 с.

Вып. 2. 1928. 16 с.

Струги: Лит. альм. Кн. 1 / [Ред. В.Пиотровский]. Б.: Манфред, 1923. 208 с.

Студенческий альманах. Р., 1925. (*А.*).

Сунгарийские вечера. Тетрадь 1 / Ред. колл.: М.Э.Гильчер, В.Я.Ротт, С.Скиталец [С.Г.Петров]; Изд. Лит.-худож. кружка при Харбинском коммерческом собрании. Х., 1923. 66 с. *(Биогр. ист.).*

Третья волна: Альм. лит-ры и ис-ва. № 1-[19] / Глав. ред. А.Д.Глезер. П.; Н-Й., 1976-[1986].

Тридцатые годы. [П.]: Евраз. кн. изд-во, 1931. 318 с. (Утверждение евразийцев. Кн. 7). См. также сб.: **Евразийский временник**, **Евразийский сборник**, **Исход к Востоку**, **На путях**.

Труды русских ученых за границей: Сб. Рус. акад. группы в Берлине. Т. I-IV / Ред. А.И.Каминка; Изд. Рус. акад. группы. Б.: Слово, 1922-1923.

Т. I. 1922. 280 с.

Т. II. 1922. 346 с.

Т. III. 1923. 158 с.

Т. IV. 1923. 440 с.

Труды IV съезда русских академических организаций за границей. Т. 1-2 / Изд. Рус. науч. ин-та. Бг., 1929. (*Ф.*).

Труды V съезда русских академических организаций за границей. 14-21 сент. 1930 г. Т. 1-2 / Изд. акад. организаций. С., 1932. (*Ф.*).

У врат: Лит.-худож. и обществ.-полит. сб. Вып. 1 / Под ред. А.И.Михайловского. Мюнхен; Шлейсхайм: Златоуст, 1947. (*Ф.*).

У золотых ворот: Сб. / Изд. Лит.-худож. кружка в Сан-Франциско. [С-Ф., 1957]. 196 с.

У родных рубежей. № 1-2. Х., 1941-1942. (*Шт.*).

Флаг Адмирала — см. **Гефтер А.А. ...**

Царство Антихриста — см. **Мережковский Д.С. ...**

Цветень: Непериод. сб. для детей. Кн. 1. Б.: Грани, 1922. (*Ф.*).

Цех поэтов. Кн. 1-4. Б., 1922-1923.

[Кн.] 1. Б.: Изд-во С.Ефрон, [1922]. 92 с. [*Включает мат-лы сб.:* Дракон: Альм. стихов. Вып. 1. Пб., 1921].

[Кн.] 2/3. Б.: Изд-во С.Ефрон, [1923]. 104 с. [*Включает мат-лы сб.:* Альманах Цеха поэтов. Кн. 2. Пг., 1921; Цех поэтов. Кн. 3. Пг., 1922].

Кн. 4. Б.: Трирема, 1923. 80 с.

Чаплин: Сб. ст. / Ред. В.Б.Шкловский; Изд. журн. «Кино». Б., 1923. 128 с. (*Ф.*).

Четырнадцать: Кружок рус. поэтов в Америке. Н-Й., 1949. 140 с.

Чтец-декламатор: Сб. рус. поэзии. Б.: Изд-во И.П.Ладыжникова, 1922. 462 с.

Шедевры литературной критики / Ред. К.И.Зайцев. Х., 1941. (*Ф.*).

Шедевры русской поэзии / Ред. К.И.Зайцев. Х., 1941. (*Ф.*).

Шёпоты сумерек: [Сб. рассказов]. Р., 1922. (*Ф.*).

Ширяев Б., Кошеватый Н. К проблемам интеллигенции СССР. Мюнхен, 1955. (Ин-т по изучению истории и культуры СССР. Исследования и мат-лы. Серия II [ротаторные изд.]). (*Ст.*, с. 260).

Экономический вестник. Кн. I-III / Ред. С.Н.Прокопович. Б., 1923-1924.

Кн. I. 1923. 240 с.

Кн. II. 1923. 296 с.

Кн. III (I). 1924. 272 с.

Эротика в русской поэзии: Сб. стихов / Ред. и авт. примеч. Б.Бродский. Б.: Рус. универсальное изд-во, 1922. 192 с.

Эстафета: Сб. стихов рус. заруб. поэтов / Ред. И.Яссен, В.Л.Андреев, Ю.К.Терапиано. П.; Н-Й.: Дом книги, [1948]. 182 с.

Юбилейный сборник... — см. **«Последние новости»...**

Южный крест: Лит.-худож. сб. группы рус. писателей и журналистов в Аргентине. I / Ред. Н.И.Фёдоров. Буэнос-Айрес, 1951. 192 с.

Якорь: Ант. заруб. поэзии / Сост. Г.В.Адамович и М.Л.Кантор. [Б.]: Петрополис, 1936. 242 с.

Via sacra: Альм. / Изд. В.Э.Бергман. Юрьев-Tartu, 1922. 92 с.

ЖУРНАЛЫ

Беседа: Журн. лит-ры и науки / Изд. при ближайшем участии Б.Ф.Адлера, А.Белого, Ф.А.Брауна, М.Горького, В.Ф.Ходасевича. Б., 1923-1925. № 1-6/7.

Бич: Еженед. журн. полит. сатиры / Ред. М.С.Линский. П., 1920. № 1-[11]. (*М.*).

Благонамеренный: Журн. рус. лит. культуры / Ред. кн. Д.А.Шаховской; Изд. Фонет. ин-та языков. Брюссель, 1926. № 1-2.

Борьба / Ред. Г.З.Беседовский. П., 1929, 15 апр. — 1932, 1 марта. № 1-22. (*Рэ I*).

Борьба за Россию: Еженед. изд. / Ред. В.Л.Бурцев, А.В.Карташёв, С.П.Мельгунов, Т.И.Полнер, П.Я.Рысс, М.М.Фёдоров; с № 122/123 (1929) Под ред. М.М.Фёдорова. П., 1926. № 1-5; 1927-1931. № 1-239. (*М.*).

Борьба за Россию [1948] — см. **Свободный голос**.

Брюссельский вестник: Орган, посв. лит-ре, ис-ву и быту / Ред. А.Бураковский. Брюссель, 1932-[?]. № 1-[4]. (*Рэ I*).

Будильник: Еженед. юморист. журн. / Отв. ред. И.Дымпер. Р., 1928. № 1-21. (*А.*).

Бюллетени Дома искусств / Ред. Н.Минский, А.М.Ремизов, С.Г.Каплун (Сумский). Б.: Геликон, 1922. № 1/2-3.

Бюллетень Экономического кабинета С.Н.Прокоповича при культурно-просветительном отделе Земгора / [*затем* Изд. при содействии Слав. ин-та в Праге]. Пр., 1924-1938. № 1-140. (*М.*).

Ванька-Встанька: Ежемес. журн. для детей / Ред.-изд. Г.Росимов. Б., 1924. № 1. (*Рэ I*).

Вера и жизнь: Духовный ежемес. журн. / Ред. К.И.Зайцев (до 1934) и Ф.Буцен (до 1932), Н.Перехвальский (с 1934). Р., 1923-1940. (*А.*).

Веретёныш: Вест. крит. мысли и сатиры / Изд. Содружества писателей и художников «Веретено». Б.: О.Кирхнер и К°, 1922. № 1-3.

Вёрсты / Ред. Д.П.Святополк-Мирский, П.П.Сувчинский, С.Я.Эфрон, при ближайшем участии А.Ремизова, М.Цветаевой и Л.Шестова. П., 1926-1928. № 1-3.

Вестник Института по изучению истории и культуры СССР. Мюнхен, 1951-1960. № 1-[35]. (*М.*).

Вестник Маньчжурии / Изд. Управления КВЖД. Х., 1923-1934. (*М.*). Ранее газ. «Вестник Маньчжурии» (1918-20).

Вестник Правления [*затем* Главного правления] **Общества галлиполийцев.** Бг., 1923-1926. (*Рэ I*).

Вестник русского книжного рынка: [Ежемес. журн.] / [Ред. А.С.Ященко]; Изд. кн. магазина «Москва» в Берлине. Б., 1922-1923. № 1-7. (*М.*).

Вестник русского христианского движения / Ред. И.А.Лаговской и Н.М.Зёрнов (П., 1925-29), Г.П.Федотов и И.А.Лаговской (1930-31), И.А.Лаговской (1932-33), В.В.Зеньковский (1937-38), Л.Н.Липеровский (1939), А.Н.Киселёв, затем Г.М.Бенигсен (Мюнхен, 1949), И.В.Морозов (П., 1949-50), И.В.Морозов и Н.А.Струве (1952-69), Н.А.Струве по наст. время. П.; Н-Й.; М., 1925 — . (*М.*). *Журн. выходил под разными названиями:* в 1925-27 **Вестник рус. студенческого христианского движения в Зап. Европе**; в 1928-29 **Вестник. Орган рус. студенческого христианского движения**; в 1930-36 **Вестник рус. студенческого христианского движения**; в 1937-39 **Вестник. Орган церковно-обществ. жизни**; в 1945-47 **Вестник церковной жизни**; в 1949 **Вестник. Орган рус. студенческого христианского движения в Германии** [выходил в Германии]; в 1950-90 **Вестник рус. студенческого христианского движения во Франции**, затем **Вестник рус. христианского движения**.

Вестник самообразования: Ежемес. педагог. журн. / Ред. Н.Н.Алексеев, П.Андерсон, А.А.Боголепов, А.С.Ященко; Изд. Рус. курсов заочного преподавания при American YMCA. Б., 1922-[1924]. № 1-[10].

Вещь: Междунар. обозрение совр. ис-ва / Под ред. Эл Лисицкого и И.Эренбурга. Б.: Скифы, 1922. № 1/2-3.

Возрождение: Лит.-полит. тетради / Ред. И.И.Тхоржевский (1949, № 1-4), С.П.Мельгунов (1949-54, № 5-31), ред. колл. (1954-60), С.С.Оболенский и Я.Н.Горбов. П., 1949-1974. № 1-243. В 1949-54 выходили 6 раз в год, с 1955 ежемесячно. (*М.*). Ранее газ. «Возрождение» (см.).

Вольная мысль / Ред. В.М.Байдалаков; Изд. Рус. нац.-трудового союза. Мюнхен, 1957-1968. № 1-4. (*М.*).

Вольный пахарь: Ежемес. журн. / Ред. А.Г.Каракатенко. Р., 1943-1944. (*Ф.*).

Воля: Ежемесячник Союза бывших полит. заключенных из СССР / Ред. В.В.Поздняков. Мюнхен, 1952-[1955]. (*Рэ I*).

Воля России: Еженедельник [1922, № 1-28; с сент. 1922 Ежемес. журн. политики и культуры] / Ред. В.И.Лебедев, М.Л.Слоним, Е.А.Сталинский

(с 1924), В.В.Сухомлин; Изд. Е.Е.Лазарев. Пр., 1922-1932. (*Рэ I*). Ранее газ. «Воля России» (см.).

Вопросы религиозного воспитания и образования / Ред. В.В.Зеньковский, И.А.Лаговской; Изд. религиозно-педагог. кабинета при Православном Богословском ин-те в Париже. П., 1927-1929. (*Ш.*).

Воскресное чтение: Еженед. церковно-народный илл. журн. / Ред.-изд. П.Земцов. В., 1924-1936. (*М.*).

Время и мы: Междунар. дем. журн. лит-ры и обществ. проблем / Изд. и глав. ред. В.Б.Перельман. Тель-Авив; Н-Й., 1975 — . Изд. продолжается.

Встречи: Ежемес. журн. / Ред. Г.В.Адамович и М.Л.Кантор. П., 1934. № 1-6.

Высший монархический совет: Еженедельник / [Ред. Н.Е.Марков]. Б., 1921-1926. № 1-[176]. (*М.*).

Годы: Илл. лит.-публицист. информ. двухмес. журн. / Ред. В.И.Власьев, А.А.Валентинов-Ланге, М.С.Ильяшевич, Г.Е.Флоринский, И.А.Черкесов. Пр., 1926-1928. № 1(23)-6(28). (*М.*). Ранее журн. «Студенческие годы» (см.).

Голос Зарубежья / Ред. А.Курченко, И.Мусман, В.А.Пирожкова. Мюнхен; Сан-Франциско, 1976 — . Изд. продолжается.

Голос минувшего на чужой стороне: Журн. истории и истории лит-ры / Под ред. С.П.Мельгунова (№ 1-6), В.А.Мякотина (№ 1-3), Т.И.Полнера (№ 1-6); Изд. Н.Н.Карбасников. П., 1926-1928. № 1-6. Ранее сб. «На чужой стороне» (см.).

Голос эмигранта: Двухнед. журн., посв. защите культурных, правовых и эконом. интересов рус. эмиграции / [Ред. Б.С.Оречкин; Ред.-изд. Г.М.Бейленсон]. Б., 1920-1922. № 1-13/14. (*М.*).

Грани: Журн. лит-ры, ис-ва, науки и обществ.-полит. мысли / Основан Е.Р.Романовым; Ред. Е.Р.Романов, С.С.Максимов, Б.В.Серафимов (1946); Е.Р.Романов (1947-52, 1955-61); Л.Д.Ржевский (1952-55); Н.Б.Тарасова (1962-82); Р.Н.Редлих, Н.Рутыч (1982-83); Г.Н.Владимов (1984-86); Е.А.Брейтбарт-Самсонова (с 1987). Мюнхен; Лимбург; Франкфурт-на-Майне: Посев, 1946 — . С 1991 печ. в Москве. Изд. продолжается.

Грань: Отклики совр. жизни и мысли / Ред. С.В.Иегулов, И.Я.Савич. П., 1939. № 1-3.

Грядущая Россия: Ежемес. лит.-полит. и науч. журн. / Ред. Н.В.Чайковский, В.А.Анри, М.А.Ландау-Алданов, А.Н.Толстой. П., 1920. Кн. 1-2.

Двуглавый орел: Двухнед. журн.: Орган монархической мысли [*затем* Вест. Высш. монархического совета] / [Ред. Н.Е.Марков]. Б.; П., 1920-1922. Вып. 1-31; 1926-1931. Вып. 1-42. (*М.*).

Дело: Лит.-худож. ежемесячник / Ред.-изд. М.Н.Иваницкий. С-Ф., 1951. № 1-4.

Для вас: Еженед. илл. журн. / Ред. А.В.Коссович [факт. ред. А.К.Перов]; Отв. ред. и изд. Р.Г.Рубинштейн. Р., 1933-1940. № 1-[270]. (*М.*).

Для всех: Лит. журн. Р., 1944. № 1-7. (*А.*).

Дни нашей жизни: Ежемес. журн. / Ред. В.Э.Бергман; Изд. Кружка рус. молодежи в Финляндии. Г., 1923. № 1-[5]. (*Ш.*).

Евразийская хроника / Ред. П.Н.Савицкий (с вып. 6). Пр., 1925-1926. Вып. 1-4; П., 1926-1928. Вып. 5-10; Б., 1935-1937. Вып. 11-12.

Евразийские тетради / Редколл.: А.П.Антипов, А.В.Усачёв, К.А.Чхеидзе (предс.), А.А.Шаповалов. П., 1934-1936. Вып. 1-6.

26–994

Жар-птица: Ежемес. лит.-худож. илл. журн. / Ред.-изд. А.Э.Коган; Лит. ред. А.Чёрный; Худож. ред. Г.К.Лукомский. Б., 1921-1923; П., 1925-1926. № 1-14.

Жизнь: Вест. мира и труда: Двухнедельник / Ред. В.В.Голубцов и В.Б.Станкевич. Б., 1920. № 1-[12]. (*Рэ 1*).

Жизнь: Журн. для всех / Ред. С.Гусев-Оренбургский. Н-Й., 1924-1925. № 1-9. (*Ф.*).

Журнал Содружества: Лит.-обществ. ежемесячник / Отв. ред. Ф.В.Упёров (1933-36), И.В.Упёров (1936-38); Изд. Об-ва «Содружество»... Выборг, 1933-1938. № 1-72.

За Россию — см. **Свободный голос**.

За рубежом. П., 1929. № 1. (*М.*).

За свободу / Ред. В.М.Зензинов; Изд. Группы партии социалистов-революционеров. Н-Й., 1941-1947. № 1-18. (*Ф.*).

За свободу России — см. **Свободный голос**.

За Церковь: Борьба [*затем* Бюллетень борьбы] за православное духовное восстановление / Ред. о. Иоанн Шаховской. Б., 1932-1936. № 1-20. (*Рэ 1*).

Заатлантический кумач: Еженед. журн. Кружка пролетарских писателей и художников в Сев. Америке. Н-Й., 1925. № 1-[?]. (*Ф.*).

Завтра: Ежемесячник утвержденцев / Ред. колл.: В.Л.Андреев, И.И.Ильинская, Л.Б.Савинков, А.И.Ярмидзе; При ближайшем участии Ю.А.Ширинского-Шихматова. П., 1933-1935. № 1-7. (*М.*).

Закон и суд: Вест. Рус. юрид. об-ва / Ред. О.О.Грузенберг, П.М.Минц, И.С.Шабловский и П.Н.Якоби. Р., 1929-1938. № 1-90. (*М.*).

Записки социал-демократа, издаваемые А.Н.Потресовым. П., 1931-1934. № 1-23. (*М.*).

Зарница: Ежемес. лит. и науч.-популярный журн. Н-Й., 1925-[1927]. № 1-[18].

Зарницы: [№ 1-2 Альм.; № 3-7 Еженед. полит.-обществ. журн.; № 8-26 Рус. нац. еженедельник] / Ред. А.Т.Аверченко, Н.Н.Чебышёв, В.М.Левицкий; Ред.-изд. И.М.Каллиников. Константинополь; *затем* С., 1921. № 1-26.

Заря: Орган социал-дем. мысли: [Двухмесячник] / Отв. ред. А.Хомский. Б., 1922-1925. № 1-34. (*М.*).

Звено: Ежемес. журн. лит-ры и ис-ва / Основан М.М.Винавером и П.Н.Милюковым; Ред. М.Л.Кантор. П., 1927-1928. № 1-[12]. Ранее газ. «Звено» (см.).

Зелёная палочка: Двухнед. илл. журн. для детей / Ред. А.П.Шполянский. П.: Север, 1920-1921. № 1-8.

Зелёный журнал: Илл. ежемесячник / Ред.-изд. Л.М.Камышников. Н-Й., 1924. № 1-2.

Златоцвет: Журн. худож. и лит. / Ред. Н.Г.Бережанский. Б.: О.Дьякова и К°, 1924. № 1-2.

Знамя: Временник лит-ры и политики / Ред. А.А.Шрейдер. Б., 1921. № 1-2.

Иллюстрированная жизнь: [Еженед. журн.]. П., 1934. № 1-30. (*М.*).

Иллюстрированная Россия: Еженед. [*затем* Двухнед.] лит.-илл. журн. / Ред. М.П.Миронов (1924-30, № 1-322), А.И.Куприн (1930-31, № 323-374). П., 1924-1939. № 1-746. (*М.*).

Инженер: Орган Союза рус. инженеров в Королевстве С.Х.С. / Под ред. Л.А.Сопоцько. Бг., 1927-1937. № 2-39. (*Дж.*). [№ 1 вышел в 1923 под ред. Г.Н.Пио-Ульского].

Искры: Еженед. илл. журн. / Ред.-изд. Д.А.Цымлов. Р., 1924-1925. № 1-5. (*А.*).

Искусство славян / Ред. С.К.Маковский, при ближайшем участии Ф.Таборского; Чеш. лит. отдел под ред. Ф.Шальда. Пр.; Братислава, 1923-1926. № 1-6. (*Биогр. ист.*).

Казачий журнал / Ред. Е.Д.Коновалов. П., 1929. № 1-8. (*Рэ I*).

Казачий сполох: Илл. лит.-науч.-публицист. журн. / Ред. В.Д.Белый, Н.В.Вазагов и М.Т.Гребенников; Изд. Общеказачьей студ. станицы. Пр., 1924-1931. № 1-22. (*М.*).

Китоврас: Амер. ЛЕФ / Ред. Д.Д.Бурлюк (с № 3). Н-Й., 1924. № 1-4/5. (*Ф.*).

Континент: Лит., обществ.-полит. и религиозный журн. / Ред. В.Е.Максимов (1974-92), И.И.Виноградов (с 1992, № 72). Мюнхен; П.; П.-М.; М., 1974 — . С № 71 печ. в Москве. Изд. продолжается.

Летопись: Орган православной культуры / Ред. игумен Иоанн (Д.А.Шаховской). Б., 1937-[1941]. № 1-2.

Летопись революции: [Ист. журн.] / [Ред. Б.И.Николаевский]. Б.; Пб.; М.: Изд-во З.И.Гржебина, 1923. Кн. 1.

Литература и жизнь: Ежемес. журн. о рус. писателях и рус. книге за рубежом и в СССР / Ред. П.М.Пильский, при ближайшем участии В.В.Васильева-Гадалина. Р., 1928. № 1-2/3. (*А.*).

Литературный современник: Журн. лит-ры и критики / Ред. Б.Яковлев [Н.А.Троицкий]; Ред. колл.: В.Завалишин, В.Рудольф, Б.Яковлев; с № 3 Ред. колл.: А.Гаев [А.Г.Каракатенко], Б.Ротова, М.Соколов, Б.Яковлев. Мюнхен, 1951-1952. № 1-4. (*Ф.*). Далее альм. «Литературный современник» (см.).

Ллойд-журнал = Lloyd Journal / Ред. А.В.Поздняков. П.; Б., 1931-1932. № 1-3.

Луч Азии: Двухнед. [*затем* Ежемес.] лит.-худож., науч.-популярный и обществ.-полит. журн. / Ред. А.Краснов, *затем* С.Корнилов. Х., 1932 или 1934-1945. № 1-[142]. (*М.*).

Мансарда: Лит.-худож. ежемесячник. Р., 1930-1931. № 1-6. (*Рэ I*).

Меч: Еженедельник [с № 21 Еженед. газ.] / Ред. Д.В.Философов и Д.С.Мережковский. В., 1934-1939. № 1/2-272. (*М.*). Ранее газ. «Молва» (см.).

Мир: Илл. худож.-лит. журн. Р., 1923-1924. № 1-[7/8]. (*Ф.*).

Мир и искусство: Двухнед. [*затем* Ежемес.] илл. журн. / Ред. А.А.Вершховский. П., 1930-1931. № 1-[30].

Мир и творчество [*затем* Мир творчества] / Ред. А.А.Вершховский; Изд. Б.В.Домбровский, И.С.Зон. П., 1931. № 1-2.

Молодая Россия: Лит.-обществ. журн. / Изд. Культурно-просветительной секции Рус. студ. союза в Германии. Б., 1922. Вып. 1. (*Рэ I*). Далее альм. «Молодая Россия» (см.).

Москва: Ежемес. лит. и науч.-популярный журн. / Ред. Л.Г.Перцов; Изд. Рус. центра в Чикаго. Чикаго, 1929-1931. № 1-[22]. (*М.*).

Музыка: Ежемес. журн. / Ред.-изд. А.Р.Гурвич. Б., 1923. № 1. (*Рэ I*).

Мысль: Философ.-полит. журн. / Изд. НТС. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1953-1955. № 1-6/7.

На рубеже: Илл. лит.-публицист. и информ. двухмес. журн.: Орган рус. студенчества в Польше. В., 1928-[?]. (*Ф.*).

На чужбине: Ежемес. лит.-худож. журн. / Ред. Е.Семчевская, П.Карелин. Ш., 1920-1921. № 1-5.

Народная правда: Орган рус. народного движения / Ред. Р.Б.Гуль. П., 1948-1949; Н-Й., 1950-1951. № 1-16. (*Ф.*).

Наука и жизнь: Ежемес. журн. / Изд. Об-ва взаимопомощи «Наука». Н-Й., 1923-1924. № 1-16. (*М.*).

Нация: Ежемес. рус. обществ.-полит. журн. / Ред. О.В.Константинов; Изд. Верх. совета Всерос. фашистской партии. Ш.; Х., 1932-1943. (*Ш.*).

Наш мир: Илл. воскрес. прил. к газ. «Руль». Б., 1924-1925. (*М.*).

Наш огонек: Еженед. лит.-худож. журн. / Ред. В.В.Васильев (Гадалин). Р., 1923-1928. (*Рэ 1*).

Наш Союз: Еженед. обществ.-полит. и лит.-худож. илл. журн.: Орган обществ. организаций граждан СССР во Франции / Ред. С.С.Лукьянов (1926-27). П., 1926, 23 мая — 1928, 19 авг. № 1-[111]. *(Рэ 1).*

Наше слово: Орган Республиканско-дем. об-ния. П., 1934-1939. № 1-10. (*Рэ 1*).

Независимая мысль — см. **Свободный голос**.

Независимое слово — см. **Свободный голос**.

Независимый голос — см. **Свободный голос**.

Новая жизнь: Илл. еженед. журн. / Ред. В.М.Деспотули. Б., 1941. № 1-17/18. (*М.*).

Новая неделя: Еженед. илл. журн. / Ред. Н.И.Мишеев; Изд. Ф.В.Федосов. Р., 1924-1927. № 1-46. (*А.*).

Новая нива: Илл. журн. лит-ры, политики и совр. жизни / Отв. ред.-изд. О.Д.Строк. Р., 1926-1927. (*А.*).

Новая Россия: Двухнед. журн. / Ред. А.Ф.Керенский. П., 1936-1940. № 1-84. (*М.*).

Новая русская книга: Ежемес. крит.-библиогр. журн. / Ред. А.С.Ященко. Б.: Изд-во И.П.Ладыжникова, 1922. № 1-11/12; 1923. № 1-5/6. Ранее журн. «Русская книга» (см.).

Новоселье: Ежемес. лит.-худож. журн. / Ред. С.Ю.Прегель. Н-Й.; П., 1942. № 1-8; 1943-1950. № 1-42/44. (*М.*).

Новости литературы: Крит.-библиогр. журн. / Ред. М.Л.Слоним. Б.: Грани, 1922. № 1-2. (*М.*).

Новые вехи: Орган свободной рус. мысли. Пр., 1943-1944. (*Ш.*).

Новый град: Философ., религиозный и культурный обзор / Ред. И.Бунаков (№ 1-14), Ф.А.Степун (№ 1-10), Г.П.Федотов (№ 1-14). П., 1931-1939. № 1-14.

Новый дом: Лит. журн. / Ред. колл.: Н.Н.Берберова (№ 1), Д.Кнут, Ю.К.Терапиано, В.Б.Фохт. П., 1926-1927. № 1-3. (*М.*).

Новый журнал: Лит.-полит. изд.: [Ежеквартальный журн.] / Основали М.Алданов и М.О.Цетлин; Ред. М.М.Карпович (1946-59); Р.Б.Гуль, Ю.П.Денике, Н.С.Тимашев (1959-66); Р.Б.Гуль (1966-75); Г.Андреев (Г.А.Хомяков), Р.Б.Гуль (глав. ред.), Л.Ржевский (1975-76); Г.Андреев, Р.Б.Гуль (1977-78); Р.Б.Гуль (1979-81); Р.Б.Гуль, Е.Л.Магеровский (1981-83); Г.Андреев, Р.Б.Гуль, Ю.Д.Кашкаров, Е.Л.Магеровский (1984-86); Глав. ред. Ю.Д.Кашкаров (с 1990). Н-Й., 1942 — . Изд. продолжается.

Новый корабль: Лит. журн. / Ред. В.А.Злобин, Ю.К.Терапиано, Л.Е.Энгельгардт. П., 1927-1928. № 1-4.

Норд-Ост: Ежемесячник лит-ры и ис-ва / Отв. ред. А.Магильницкий. Р., 1931-1932. № 1-[9]. (*А.*).

Обозрение. Б.м. [Амер. зона оккупации Германии], 1947. № 1-14. (*М.*).

Общий путь: Полит. и лит. журн.: Орган объединенной монархической мысли. П., 1925. № 1-8. (*М.*).

Окно: Трехмесячник лит-ры / Ред.-изд. М.О. и М.С.Цетлин. П.: Я.Поволоцкий и К°, 1923. № 1-3.

Опыты: Лит. журн. / Ред. Р.Н.Гринберг и В.Л.Пастухов (№ 1-3), Ю.П.Иваск (с № 4); Изд. М.Э.Цетлина. Н-Й., 1953-1958. № 1-9.

Основы: Журн. лит-ры, ис-ва и обществ. жизни / Ред. В.В.Третьяков; Изд. М.М.Дидковский. Р., 1934. № 1-4. (*А.*).

Отдых: Двухнед. илл. лит.-худож. журн.: Прил. к газ. «Посев» / Ред. Н.Нароков. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1947-1948. № 1-5. (*Ф.*).

Отечество: Еженед. лит.-худож. илл. журн. / Отв. ред. А.И.Куприн (№ 1-4); Изд. Н.Н.Набиркин. П., 1921-1923. № 1-6. (*М.*).

Парус: Лит.-худож. и полит. журн. / Ред. Л.Д.Густов. Ш., 1933-1936. № 1-23. (*Ф.*).

Перезвоны: Еженед. лит.-худож. журн. / Ред. Б.К.Зайцев, Н.И.Мишеев, М.Н.Бурнашёв, С.А.Белоцветов (отв. ред.). Р.: Саламандра, 1925-1929. № 1-43.

Полярная звезда / Ред. А.В.Алфёров, Г.Н.Беликов; Изд. Рус. лит.-худож. кружка в Брюсселе. П., 1935. № 1. (*Ф.*).

Посев: Еженедельник обществ.-полит. мысли: Орган российского рев. движения [*затем* Ежемес. обществ.-полит. журн.] / Ред. в наст. время Я.А.Трушнович. Лимбург; Кассель; Франкфурт-на-Майне, 1945 — . (*М.*). С 1991 печ. в Москве. Изд. продолжается.

Право и хозяйство: Ежемес. журн. / Ред. Б.Э.Нольде и Б.Е.Шацкий. П., 1925. № 1-3. (*М.*).

Православная Русь: Церковно-обществ. орган, основанный «Братством преп. Иова Почаевского» в 1928 г. во Владимировой на Карпатах / Ред. архимандрит Константин (Зайцев) [с 1950]. Ладомирова на Карпатах, 1928-1944; Джорданвилль, 1947 — . (*Ш.*). Изд. продолжается.

Прожектор: Еженед. лит.-худож. илл. журн. / Ред. В.Валь [В.С.Присяжников]; Изд. А.И.Мелик-Вартаньянц. Ш., 1932-[1937]. (*Ф.*).

Пути: Ежемесячник политики и культуры. Н-Й., 1933. № 1. (*М.*).

Путь: Орган рус. религиозной мысли / Ред. Н.А.Бердяев, при участии Б.П.Вышеславцева (с № 19); Изд. Религиозно-философ. академии. П., 1925-1940. № 1-61.

Революционная Россия: Центр. орган партии социалистов-революционеров / Основан В.М.Черновым. Рв., 1920-1921. № 1-15; Б., 1922-1923. № 16-32; Пр., 1924-1929, 1931. № 33-78. (*Биогр. ист.*).

Родимый край: Бюллетень: Орган общеказачьей мысли / Изд. Донского войскового об-ния. П., 1954-[1976]. № 1-[101]. (*М.*).

Родная старина: Журн., посв. вопросам религиозно-нравственного и нац. просвещения / Отв. ред. А.Р.Смейльс [факт. ред. И.Н.Заволоко]; Изд. Староверческого кружка ревнителей старины при об-ве «Гребенщиковское училище». Р., 1928-1933. № 1-[13].

Родное слово: Еженед. [*затем* Двухнед.] журн. для всех [*затем* рус. меньшинства в Эстонии, Латвии, Литве, Польше и Чехословакии] / [Ред. Б.А.Евреинов, *затем* В.В.Португалов]. В., 1926-1936. (*М.*).

Российский демократ — см. **Свободный голос**.

Россия и эмиграция — см. **Свободный голос**.

Рубеж: Еженед. лит.-худож. журн. / Ред. М.Рокотов [М.С.Бибинов]; Изд. Е.С.Кауфман. Х.; Ш., [1927-1946]. № 1-[825]. (*Биогр. ист., М.*).

Русская книга: Ежемес. крит.-библиогр. журн. / Ред. А.С.Ященко. Б.: Рус. кн. магазин «Москва», 1921. № 1-9. Далее журн. «Новая русская книга» (см.).

Русская летопись / Изд. Рус. очага в Париже. П., 1921-1925. № 1-7.

Русская мысль: Ежемес. лит.-полит. изд. / Ред. П.Б.Струве. С.; Пр.; Б., 1921-1923. Кн. I-X/XII; П., 1927. Кн. I. Ранее изд. в Москве (1880-1918).

Русская правда: Голос свободной рус. мысли [*затем* вольной рус. нац. мысли] / [Ред. С.Кречетов и П.Н.Краснов]. Б., 1922-1933. (*Рэ 1*).

Русская правда: Независимый нац.-полит. и информ. орган / Ред. Н.Т.Павлович; Изд. А.В.Ланин. Бг., 1923-1935. № 1-[73]. (*Дж.*).

Русская школа за рубежом / Ред. С.И.Гессен, С.И.Карцевский, В.А.Риган; Изд. культурно-просветительного отдела Земгора. Пр.: Пламя, 1923-1929. № 1-34; 1937-1939. № 1-21.

Русские записки: Обществ.-полит. и лит. журн. / При ближайшем участии Н.Д.Авксентьева, И.И.Бунакова, М.В.Вишняка, В.В.Руднёва; [*затем* Ежемес. журн. / Ред. П.Н.Милюков (с 1938, № 4)]. П.; Ш., 1937-1939. № 1-20/21.

Русский журнал: Илл. лит.-худож. и обществ. журн. / Глав. ред. Н.И.Мазуркевич. Пр., 1925. № 1. (*Ш.*).

Русский колокол: Журн. волевой идеи / Ред.-изд. И.А.Ильин. Б., 1927-1930. № 1-9.

Русский магазин: Лит.-худож. журн. [Рв.], 1930-[?]. № 1-[?]. (*Рэ 1*).

Русский сокольский вестник: Орган Союза рус. сокольства за границей и гимнастического об-ва «Рус. сокол в Праге». Пр., 1927-1941. (*М.*).

Русский эмигрант: Журн. / Ред. Б.С.Оречкин; Изд. кооператива «Рус. колония». Б., 1920-1921. № 1-7. (*М.*).

Русское обозрение: Ежемес. лит., науч. и полит. журн. / Ред.-изд. Г.К.Гинс. Пекин; Х.: Т-во «Вост. просвещение», 1920-1921. № 1-10.

Русское слово в Канаде: Орган Рус. культурно-просветительного об-ва в Торонто. Торонто, 1951-[1972]. № 1-[198]. (*М.*).

Русское эхо: Илл. еженедельник / Ред. Б.С.Оречкин. Б., [нач. 1920-х — 1925]. (*Рэ 1*).

Русь: Ежемес. лит.-илл. журн. / Ред. А.Сумский [А.И.Маляревский]; Изд. Е.Я.Архипова. Б., 1920. № 1-2. (*М.*).

Сатирикон: Еженед. изд. / Ред. М.Г.Корнфельд. П., 1931. № 1-28. (*М.*).

Свобода: Период. журн. / Изд. Парижской организации партии социалистов-революционеров. П., 1933-1936. № 1-5. (*М.*).

Свободная мысль — см. **Свободный голос**.

Свободная Россия: Республиканско-дем. орган. Пр.; Б., 1924-1926. № 1-9.

Свободное слово — см. **Свободный голос**.

Свободный голос / Ред. В.А.Лазаревский. П., 1946. № 1-3. *Далее изд. С.П.Мельгуновым под названием:* **Свободное слово**. 1946. № 4; **Независимое слово**. 1946. № 5; **Свободная мысль**. 1946. № 6; **Независимая мысль**. 1947. № 7; **Независимый голос**. 1947. № 8-9; **Свободная мысль**. 1947. № 10; **Россия и эмиграция**. 1947. № 11; **За Россию**. 1947. № 12; **За свободу России**. 1948. № 13; **Борьба за Россию**. 1948. № 14; **Российский демократ**. 1948-1957. № 15-27. (*Рэ 1*).

Своими путями: Лит.-худож. и обществ.-полит. илл. журн. / Под ред. А.К.Рудина (№ 1/2-6/7), А.И.Фёдорова (№ 1/2), С.Я.Эфрона (№ 1/2-12/13),

Н.А.Антипова (№ 3/4-12/13), А.А.Воеводина (№ 3/4-10/11), П.М.Вжесинского (№ 10/11), Д.И.Мейснера (№ 12/13), Е.Л.Недзельского (№ 12/13), Б.К.Семёнова (№ 12/13); Изд. Рус. дем. студ. союза в Чехословацкой республике. Пр., 1924-1926. № 1/2-12/13.

Славянская книга: Месячник слав. библиографии / Ред. Ф.С.Мансветов. Пр., 1925-1926. № 9-12; 1926. № 1-4/5. [№ 1-8 за 1925 г. под загл. «Кн. указатель» печ. в журн. «Воля России» (см.)].

Смена вех: Еженед. журн. / Ред. Ю.В.Ключников. П., 1921, 29 окт. — 1922, 25 марта. № 1-20.

Современник: Журн. рус. культуры и нац. мысли / Основан Л.И.Страховским; Ред. В.Л.Савин (№ 8-26/27). Торонто, 1960-1980. № 1-47/48.

Современные записки: Ежемес. обществ.-полит. и лит. журн. / Ред. колл.: Н.Д.Авксентьев, И.И.Бунаков, М.В.Вишняк (1920-39), А.И.Гуковский (1920-25), В.В.Руднёв. П., 1920-1940. № 1-70.

София: Проблемы духовной культуры и религиозной философии / Ред. Н.А.Бердяев. Б., 1923. № 1. (*Рэ 1*).

Социалистический вестник: Центр. орган Заграничной делегации РСДРП / Основан Л.Мартовым; Ред. Р.Абрамович, Д.Далин, Ф.Дан, Л.Мартов. Б.; *затем* П.; *затем* Н-Й., 1921-1965. № 1-784. (*М.*).

Социалист-революционер / Под ред. членов Заграничной делегации партии социалистов-революционеров С.П.Постникова, М.Л.Слонима, Е.А.Сталинского, В.В.Сухомлина. П., 1927-1932. № 1-6.

Сполохи: Лит.-худож. и обществ. ежемес. журн. / Ред. А.М.Дроздов (№ 1-18), В.Я.Ирецкий и Б.О.Харитон (№ 19-21). Б.: Е.А.Гутнов, 1921-1923. № 1-21.

Студенческие годы: Ежемес. лит.-худож. и науч.-публицист. журн. / Ред. колл.: С.А.Водов, М.С.Ильяшевич, К.К.Цегоев; Глав. ред. К.К.Цегоев; Отв. ред. А.Фринта; Изд. Союза рус. студентов в Чехословакии. Пр., 1922-1925. № 1-21. (*М.*). Далее журн. «Годы» (см.).

Театр и жизнь: [Двухнед. журн.] / Ред. Т.Эйдус; Изд. Г.Урмахер. Р., 1920-1921. № 1-12. (*А.*).

Театр и жизнь: Двухнед. журн., посв. пропаганде рус. сценического ис-ва за границей [с № 11 — Театр: Илл. журн.] / Ред.-изд. Е.Ю.Грюнберг. Б., 1921-1923. № 1-17. (*М.*).

Театр и музыка: Еженед. журн. / Ред. Б.И.Витвицкая, с № 14 Л.С.Остроухов. Р., 1922-1923. № 1-32. (*Рэ 1*).

Третий час / [Ред. Е.А.Извольская, А.С.Лурье, И.В. де Манциарли, В.С.Яновский]. Н-Й., 1946-1954. № 1-6. (*Ф.*).

Третья Россия: Орган пореволюционного синтеза [*затем* осуществления нового синтеза] / Ред. П.С.Боранецкий (Группа Третьей России). П., 1932-1939. № 1-9. (*М.*).

Удар: Худож.-лит. хроника / Ред. С.М.Ромов. П., 1922-1923. № 1-4.

Утверждения: Орган Об-ния пореволюционных течений. П., 1931-1932. № 1-3. (*М.*).

Ухват: Сатирический журн. / Ред. Д.Ю.Кобяков и А.Шем [А.П.Шеметов]. П.: Птицелов, 1926. № 1-6. (*Рэ 1*).

Феникс: Илл. еженедельник / Ред. С.Г.Шахматов; Изд. Лит.-худож. об-ния «Восток». Ш., [1935-1936]. № 1-[29]. (*Биогр. ист.*).

Хозяин: Еженед. журн., посв. интересам рус. земледельцев / Отв. ред. Я.Прокеш. Пр., 1924-[1938]. (*М.*).

Центральная Европа: Еженедельник [*затем* Ежемесячник, *затем* Двухмесячник] / Отв. ред. Я.Папоушек. Пр.: АО «Орбис». 1927-1938. (*М.*).

Часовой: Илл. воен. [двухмес.] журн.-памятка [*затем* воен. и морской журн.-памятка]: Орган связи рус. воинства за рубежом [*затем* Орган связи российского и нац. меньшинства] / Основан В.В.Ореховым, Е.Тарусским [Е.В.Рышковым], С.К.Терещенко; Ред. В.В.Орехов. П.; Брюссель, 1929-[1987]. № 1-[668]. (*Рэ 1*).

Числа: Сб. / Ред. И.В. де Манциарли (№ 1-4), Н.А.Оцуп (№ 1-10). П., 1930, февр. — 1934, июнь. № 1-10.

Школьная нива: Обществ. рус. ученический лит. журн. / Ред. А.А.Иллюкевич, А.Н.Буюмин, Б.Жуков. Р., [?] — [1927]. № 1-[3]. (*А.*).

Школьные годы: Ученический журн. культурно-просветительного кружка рус. учащихся Рижской гор. рус. средн. школы (б. Ломоносовская гимназия) / Ред. [последовательно] Н.Истомин, М.Годлевская, Б.Плюханов, Г.Ашман, Я.Серафимов. Р., 1922-1930. № 1-[12]. (*А.*).

Эмигрант: Лит.-худож., обществ. журн., освещающий экономику, культуру и правовое положение эмигрантов. Х., 1922. № 1-[4]. (*М.*).

Эос: Двухмесячник юной рус. мысли / Ред.-изд. Л.Гончаров. Самоков [Болгария], 1924-1926. № 1-4. (*М.*).

Эпопея: Лит. ежемесячник [№ 4 Лит. сб.] / Ред. А.Белый. М.; Б.: Геликон, 1922-1923. № 1-4.

Юный читатель: Журн. для семьи и юношества / Ред. Л.Кормчий [Л.Ю.Пирагис]; Отв. ред. Е.Н.Андрусова. Р.: Саламандра, 1925-1926. № 1-24.

Явь и быль: Ежемес. журн. / Ред. В.Н.Ордовский-Танаевский. Мюнхен, 1947-[1948]. № 1-[4]. (*Рэ 1*).

Color and Rhyme / Ред. Д.Д.Бурлюк; Изд. М.Н.Бурлюк. Н-Й.: Гамптон, 1930-1970. № 1-[66]. (*Ф.*).

ГАЗЕТЫ

Бессарабия: Ежеднев. газ. / Ред. С.Богданович; Изд. Г.Пыштга (Пынтя). Кишинев, 1919, 17 марта — 1923. (*Рэ 1*).

Бодрость! Еженед. газ. младороссов. П., 1934, 4 нояб. — 1940. № 1-259. (*Рэ 1*).

Варшавское слово: Орган дем. мысли. В., 1920. № 1-219. (*Рэ 1*). Далее газ. «Новое варшавское слово» (см.).

Вести дня: Ежеднев. газ. / Ред. А.Э.Шульц. Рв., 1925 — 1940, июль. (*Рэ 1*).

Вечернее время / Ред. Б.А.Суворин. П., 1924, 20 апр. — 1925, 24 мая. № 1-328. (*Рэ 1*). В июне 1925 газ. «Вечернее время» и «Русская газета в Париже» (см.) слились в одно издание — газ. «Русское время» (см.).

Вечернее время: Газ. / Ред. Л.Кормчий [Л.Ю.Пирагис]. Р., 1925, март — 1926. (*Рэ 1*).

Возрождение: Ежеднев. [с 1936 Еженед.] газ.: Орган рус. нац. мысли / Ред. П.Б.Струве (1925-27), Ю.Ф.Семёнов (с авг. 1927). П., 1925, 3 июня — 1940, 7 июня. № 1-4239. (*Рэ 1*). Далее журн. «Возрождение» (см.).

Волынское слово: Ежеднев. обществ., эконом. и лит. газ. / Ред.-изд. И.А.Мухин. Ровно, 1921-[1930]. № 1-[1580]. (*Рэ 1*).

Воля России: Ежеднев. газ. / Ред. И.Давид; При ближайшем участии В.М.Зензинова, В.И.Лебедева, О.С.Минора; Изд. Е.Е.Лазарев. Пр., 1920, 12 сент. — 1921, 9 окт. № 1-327. (*Рэ 1*). Далее журн. «Воля России» (см.).

Время: Еженед. газ.: Независимый орган сближения народов / Ред. А.Е.Зубков, *затем* Г.Н.Брейтман. Б., 1919-1925. № 1-[353]. (*Рэ 1*).

Время: [Еженед. газ.] / Ред. Б.А.Суворин. Ш., 1929-1932. (*Ш.*).

Газета для всех: Воскрес. газ. для города и деревни / Ред.-изд. Ю.С.Ржевский. Р., 1936-1940. (*А.*).

Галлиполи / Изд. Об-ва галлиполийцев. Бг., 1923, 15 февр. — 8 апр. № 1-2. (*Дж.*).

Голос / Ред.-изд. Г.Ф.Волошин; Отв. ред. З.Ахтарджиев. С., 1928, дек. — 1932, сент. № 1-[409]. (*Рэ 1*).

Голос народа: Еженед. газ.: Орган дем. мысли / Ред. В.Калюжный; Изд. Союза борьбы за освобождение народов России и Союза воинов освободительного движения. Мюнхен, 1950, 12 нояб. — [1957]. № 1-[166]. (*Рэ 1*).

Голос России: Ежеднев. орган независимой рус. полит. дем. мысли [*затем* Орган рус. дем. мысли] / Ред. С.Я.Шклявер; с 12 марта 1921 Под ред. В.П.Крымова; с 5 авг. 1921 При ближайшем участии П.Н.Милюкова, под ред. С.Л.Полякова-Литовцева и Л.М.Неманова; с нач. 1922 При ближайшем участии В.М.Зензинова, С.П.Постникова, В.М.Чернова, Н.С.Русанова, М.Л.Слонима, В.В.Сухомлина, В.И.Лебедева и др.; с 14 апр. 1922 Под ред. Н.Н.Мартьянова. Б., 1919, февр. — 1922, 15 окт. № 1-1085. (*Рэ 1*). Далее газ. «Дни» (см.).

Голос России: Еженед. обществ.-нац. газ. / Ред. Н.И.Плавинский; Изд. И.Л.Солоневич. С., 1936, 18 июня — 1938, 9 авг. № 1-[111]. (*Рэ 1*).

Горн: Еженед. газ. / Ред. Н.Ветлугин (Тензоров); Изд. В.Скородумов. Регенсбург, 1948, 18 февр. № 1. (*Ш.*).

Грядущая Россия: Орган рус. народной мысли / Ред. Е.А.Ефимовский. Б., 1921, 1 сент. — 1922. № 1-[22]. (*Рэ 1*).

Дальневосточная трибуна: [Ежеднев. газ.]. Владивосток; *затем* Х., 1922-1927. (*Биогр. ист.*).

Двинский вестник: Рус. еженед. газ. для Латгаллии. Двинск; Р., 1942-1943. (*А.*).

Двинский голос: Беспартийная лит.-эконом. газ. / Отв. ред. А.В.Луцикович, Н.К.Савков (с 1929, № 11), Л.Б.Якубович (с 1930, № 78); Изд. Л.Б.Якубович. Двинск, 1925-1933. (*А.*).

Дни: Ежеднев. газ. [с сент. 1928 Еженедельник] / Под ред. А.Ф.Керенского. Б., 1922, 29 окт. — 1925, 28 июня. № 1-801; П., 1925, 16 сент. — 1927, 2 янв. № 802-1200; 1927, 9 окт. — 1928, 30 июня. № 1201-1465; 1928, 9 сент. — 1933, 4 июня. № 1-173. (*Рэ 1*). Ранее берлинская газ. «Голос России» (см.).

Доброволец: Орган внутр. связи кадров РОА. Мюнхен, 1953-[1957]. № 1-[54]. (*Рэ 1*).

Евразия: Еженедельник по вопросам культуры и политики / Ред. колл.: П.С.Арапов, Л.П.Карсавин, А.С.Лурье, П.Н.Малевский-Малевич, В.П.Никитин, Д.П.Святополк-Мирский, П.П.Сувчинский и С.Я.Эфрон. Clamart, 1928-1929. № 1-35.

Еврейская трибуна: Еженедельник, посв. интересам рус. евреев, выходящий в Париже на рус. и франц. яз. / [Ред. М.М.Винавер]. П., 1920-1924. № 1-194. (*М.*).

Единение: Информ. газ. Комитета взаимопомощи ди-пи российского происхождения / Ред. Н.Иванов. Брюссель, 1948, окт. — 1949, окт. № 1-[15]. (*Рэ 1*).

За народное дело — см. **Народное дело**.

За родину: Рус. ежеднев. газ. / Ред. А.Стенрос [А.К.Петров], Ф.Т.Лебедев. Р., 1941-1944. № 1-[539]. (*Рэ 1*).

За родину и свободу: Рус. дем. газ. / Ред.-изд. Б.В.Савинков. В., 1920, 18 авг. — [?]. № 1-[?]. (*Рэ 1*).

За свободу! Газ. полит., лит. и обществ. / Ред.-изд. Н.Э.Фендлер, *затем* Е.С.Шевченко [факт. ред. В.В.Португалов (нояб. 1921 — дек. 1923)]; в 1924-25 ред. колл., отв. ред. М.П.Арцыбашев. В., 1921, 4 нояб. — 1932, 5 апр. (*Рэ 1*). Ранее газ. «Свобода» (см.); далее газ. «Молва» (см.).

Заря: Ежеднев. дем. газ. / Ред. [последовательно] М.С.Лембич, Н.П.Кобцов, Г.Н.Шипков. Х., 1920-1939. (*Ш.*).

Звено: Еженед. лит.-полит. газ. / Ред. М.М.Винавер, П.Н.Милюков. П., 1923, 5 февр. — 1926, 19 июня. № 1-229. (*Рэ 1*). Далее журн. «Звено» (см.).

Иностранная жизнь: [Прил. к газ. «Накануне»] / Ред. А.С.Ященко. Б., 1924, 25 янв. — 13 июня. № 1-9. (*Рэ 1*).

Казачьи думы: Общеказачий внепартийный орган. С., 1922, 26 февр. — 1924, 27 апр. № 1-207. (*Рэ 1*).

Либавское русское слово: Ежеднев. беспартийная независимая газ. / Ред. В.И.Тасьман; Изд. Н.Ф.Смирнов, В.И.Тасьман. Либава, 1919, янв. — 1934. (*А.*).

Луч: Беспартийный дем. еженедельник / Ред. Н.А.Палчевский, А.И.Рогожин и К.В.Сафонов; Изд. Амер. христианского об-ва молодых людей. П., 1920, 4 мая — 1921, 4 янв. № 1-32. (*Рэ 1*).

Маяк: Рус. внепартийная газ.: [Орган Нац.-дем. союза] / Ред. Н.Н.Бордонос; Изд. П.Г.Рубисов. Р., 1922, 25 июня — 1923. № 1-[89]. (*А.*).

Молва: Ежеднев. газ. / Ред. комитет: Д.В.Философов (предс.), В.В.Бранд, Е.С.Вебер-Хирьякова, Г.Г.Соколов. В., 1932, 6 апр. — 1934. (*Рэ 1*). Ранее газ. «За свободу!» (см.); далее еженедельник «Меч» (см.).

Молодая Чураевка: Газ. для юношества / [Ред. А.Ачаир]; Изд. Кружка при Христианском союзе молодых людей в Харбине. Х., 1932, 3 июля — 6 авг. № 1-6. [Еженед. прил. к газ. «Харбинские ежеднев. новости»]. (*Биогр. ист.*). Далее газ. «Чураевка» (1932-34).

Накануне: Ежеднев. газ. / Ред. Ю.В.Ключников, Г.Л.Кирдецов, при ближайшем участии С.С.Лукьянова, Б.В.Дюшена, Ю.Н.Потехина; с № 144 (1922) Б.В.Дюшен, Г.Л.Кирдецов (глав. ред.), при ближайшем участии С.С.Лукьянова, П.А.Садыкера, С.С.Чахотина; с № 450 (1923) Б.В.Дюшен,

С.С.Лукьянов, П.А.Садыкер, С.С.Чахотин. Б., 1922, 26 марта — 1924, 15 июня. № 1-651.

Накануне: Лит. прил. к газ. «Накануне» / Ред. А.Н.Толстой, Ю.В.Ключников, Г.Л.Кирдецов. Б., 1922, 30 авг. — 1923, 22 июля. № 1-62.

Нарвский листок / Ред. О.Г.Нилендер; Изд. Б.И.Грюнталь. Нарва, 1925, сент. — 1940, авг. (*Рэ 1*).

Народ: Независимая дем. газ. / Ред. Я.И.Брамс. Р., 1919, авг.-сент. № 1-[16]. (*А.*).

Народная мысль: Орган дем. еврейства Латвии / Ред.-изд. М.Б.Розовский. Р., 1922-1926. (*А.*).

Народное дело [с 15 марта 1921 За народное дело]: Ежеднев. газ.: Орган Комитета группы социалистов-революционеров Сев.-Зап. обл. / Отв. ред. Г.П.Вахт; Изд. Н.П.Епифанов. Юрьев; Рв., 1920, 7 июля — 1921, 28 мая. № 1-180. (*Рэ 1*).

Научная жизнь: [Прил. к газ. «Накануне»]. Б., 1923, янв.-апр. (*Биогр. ист.).*

Наш путь: Ежеднев. орган рус. нац. мысли за рубежом / Ред. К.В.Родзаевский; Изд. В.Н.Василенко. Х., 1932-1941; Ш., 1941-1943. (*Биогр. ист.).*

Наша газета: Орган рус. молодежи Зарубежья / Отв. ред.-изд. Ф.В.Федосов; Ред. А.А.Иллюкевич. Р., 1932-1933. № 1-10. (*А.*).

Наша газета / Ред.-изд. И.Л.Солоневич. Б., 1938-1941. (*Биогр. ист.).*

Наша жизнь. С., 1931-1933. № 1-59. (*Ш.*).

Наша речь: Ежеднев. внепартийная, обществ.-лит. и эконом. газ. / Ред. С.М.Газиев; Изд. А.Хельфант. Бухарест, 1922, дек. — 1938, 21 мая. (*Рэ 1*).

Наша страна: Орган Народного монархического движения / Ред. И.Л.Солоневич, *затем* В.Дубровский; Изд. М.В.Киреев. Буэнос-Айрес, 1948, 18 сент. — . (*Ш.*). Изд. продолжается.

Новая газета: Двухнедельник лит-ры и ис-ва / Ред. М.Л.Слоним. П., 1931, 1 марта — 1 мая. № 1-5. (*Рэ 1*).

Новая жизнь: [Ежеднев. газ.] / Ред.-изд. М.Н.Кулеш. Ш., 1941-1948. № 1-2873. (*Ш.*).

Новая заря: [Ежеднев. газ.] / Ред.-изд. [последовательно] П.П.Васильев, Г.Т.Сухов. С-Ф., 1926-[1957]. № 1-2500. (*Ш.*).

Новая Россия / Ред. А.М.Агеев, *затем* М.П.Адамович, А.П.Булацель и Э.Д.Гримм. С., 1922 — 1923, июль. (*Рэ 1*).

Новая русская жизнь: Орган рус. освободительной нац.-гос. мысли. [*затем* Ежеднев. газ.] / Ред.-изд. Ю.А.Григорков. Г., 1919, 5 дек. — 1922, 31 мая. (*Рэ 1*). Ранее газ. «Русская жизнь» (см.); далее газ. «Русские вести» (1922-23).

Новое варшавское слово: Орган дем. мысли / Ред.-изд. В.А.Горвиц-Самойлов. В., 1920, 29 сент. — 1921, 29 янв. (*Рэ 1*). Ранее газ. «Варшавское слово» (см.).

Новое время: Ежеднев. газ. / Ред.-изд. М.А.Суворин. Бг., 1921, 22 апр. — 1930, 26 окт. № 1-2853. (*Дж.*). Ранее изд. в Петербурге (1868-1917).

Новое русское слово: Ежеднев. газ. / Глав. ред. [последовательно] А.Я.Кречмар, М.Е.Вейнбаум (1922-73), А.Седых [Я.М.Цвибак] (с 1973). Н-Й., 1920 — . (*Рэ 1*). Изд. продолжается. Ранее газ. «Русское слово» (см.).

Новое слово: Ежеднев. обществ.-полит. и лит. газ.: Орган Бессарабской Народной лиги и объединенной оппозиции в Бессарабии / Ред. Н.Н.Александри. Кишинев, 1920, 7 марта — 1923, 30 марта. (*Рэ 1*).

Новое слово: Рус. нац. [*затем* Еженед.] газ. / Ред. Е.Кумминг, с 1935 В.М.Деспотули. Б., 1933, июль — 1944, июль. № 1-600. (*Рэ 1*).

Новости жизни: Ежеднев. полит., обществ., лит., торгово-промышленная газ. / Ред. З.Г.Клиорон, С.Р.Чернявский. Х., 1907-1929. (*Ш.*).

Новые русские вести: Ежеднев. газ. / Ред.-изд. В.И.Воутилайнен (Воутилейнен). Хельсинки, 1923, дек. — 1926, июнь. № 1-747. (*Рэ 1*). Ранее газ. «Русские вести» (1922-23).

Новый мир: Ежеднев. рус. рабочая газ. / Изд. Группы политэмигрантов из России. Н-Й., 1916-1935. (*Рэ 1*).

Новый мир: Ежеднев. полит., лит. и эконом. газ. / Отв. ред. К.Керстен. Б., 1921. № 1-281; 1922. № 1-79. (*Рэ 1*).

Новый путь: Ежеднев. газ. / Ред.-изд. И.Э.Дрейфельд, с 26 июля 1921 И.А.Ковальский, с 23 февр. 1922 Г.И.Винокур. Р., 1921, 1 февр. — 1922, 24 марта. № 1-[322]. (*А.*).

Общее дело: [Ежеднев. газ.] / Ред.-изд. В.Л.Бурцев. П., 1918, 17 сент. — 1922, 23 июня. № 24-565; 1928, 10 нояб. — 1933, 26 окт. № 1-10. (*Рэ 1*). Ранее изд. в Париже (1909-10) и Петрограде (1917, № 1-23).

Огни: Еженед. газ. науки, ис-ва и лит-ры / Ред. Е.А.Ляцкий; Ред.-изд. Ф.В.Рихтер. Пр., 1923-1924. № 1-22. (*Рэ 1*).

Отечество / Изд. рус. заруб. патриотического об-ния. П., 1926, июнь-окт. № 1-17; 1927, янв. — 1929, июль. № 1-13. (*Рэ 1*).

Парижский вестник: Ежеднев. газ. П., 1925, 5 мая — 1926, 31 марта. № 1-274. (*Рэ 1*).

Парижский вестник: Еженед. рус. газ. / Ред. П.Н.Богданович; Изд. Управления делами эмиграции во Франции. П., 1942, 14 июня — 1944, 12 авг. № 1-[112]. (*Рэ 1*).

Поворот: Молодежная газ. / Отв. ред. Б.В.Дубовский. Р., 1932. № 1. (*А.*).

Понедельник: Еженед. утренняя газ. / Ред.-изд. Л.М.Ротаст. Р., 1925, 1 июня — 30 сент. (*Рэ 1*). С № 28 понедельничные вып. газ. «Сегодня» (см.).

Последние известия: Ежеднев. газ. / Ред. [последовательно] М.Г.Ратке, Р.С.Ляхницкий, А.В.Чернявский, О.А.Гюдженова; Изд. Р.С.Ляхницкий. Рв., 1920-1927. (*Рэ 1*).

Последние новости: Ежеднев. газ. / Ред. М.Л.Гольдштейн (1920-21), П.Н.Милюков (с марта 1921). П., 1920, 27 апр. — 1940, 11 июня. № 1-7015. (*Рэ 1*).

Призыв: Беспартийная рус. газ. / Ред. С.Золотницкий, с 1920 П.И.Попов. Б., 1919-1920. (*Рэ 1*).

Путь: Беспартийная ежеднев. газ. / Ред.-изд. П.И.Леонтиев, с апр. 1921 К.И.Шарин. Г., 1921, 1 февр. — 1922, 8 янв. № 1-267. (*Рэ 1*).

Пушкин: Одноднев. газ., изданная к 100-летию со дня смерти поэта / Ред. Н.К.Кульман. П., 1937. (*Рэ 1*).

Рижский день: Независимая дем. газ. / Ред. Б.В.Правдин; Изд. Я.И.Брамс. Р., 1920. № 1-6. (*А.*).

Рижский курьер: Ежеднев. газ.: Орган дем. мысли / Ред.-изд. Д.И.Заборовский. Р., 1920, 25 дек. — 1924. № 1-[996]. (*Рэ 1*).

Родина. Ш., [1940-е]. (*Биогр. ист!*).

Родная земля: Еженед. обществ.-полит. и лит. газ. / Ред. Г.А.Алексинский. П., 1925, июнь — 1928. (*Рэ 1*).

Россия: Еженед. беспартийная газ. / Ред. колл.: В.Х.Даватц, Е.А.Жуков, А.И.Ксюнин, Ю.В.Офросимов, Н.З.Рыбинский, В.В.Шульгин; Изд. Союза

рус. писателей и журналистов в королевстве С.Х.С. Бг., 1926, сент. — 1927, 3 апр. № 1-30. (*Дж.*).

Россия: Еженед. газ.: Орган нац. и освободительной борьбы / Ред. П.Б.Струве. П., 1927, 28 авг. — 1928, 10 марта. № 1-37. (*Рэ I*). Далее газ. «Россия и славянство» (см.).

Россия: Еженед. [с 1935 Ежеднев.] газ.: Орган Центр. правления объединенных рус. и нац. организаций / Ред. Н.П.Рыбаков, *затем* Г.Александровский. Н-Й., 1932-[1956]. (*Ш.*).

Россия и славянство: Орган нац.-освободительной борьбы и слав. взаимности: Еженед. газ. при ближайшем участии П.Б.Струве / Ред. комитет: К.И.Зайцев, Л.И.Львов, С.С.Ольденбург, Г.П.Струве, Н.А.Цуриков. П., 1928, 1 дек. — 1934. (*Рэ I*). Ранее парижская газ. «Россия» (см.).

Руль: [Ежеднев. газ.] / При ближайшем участии И.В.Гессена, А.И.Каминки, В.Д.Набокова (до марта 1922). Б., 1920, 16 нояб. — 1931, 14 окт. № 1-3309. (*Рэ I*).

Рупор: Ежеднев. вечерняя дем. газ. / Ред. И.Л.Миллер; Изд. Е.С.Кауфман. Х., 1921-1930. (*Ш.*).

Русская газета / Ред. П.М.Богаевский, *затем* И.Низов. Варна, 1920. № 1-192. (*Рэ I*).

Русская газета: Орган независимой мысли / Отв. ред. Д.Антич; Ред. А.Г.Йоль-де-Монклар. Бг., 1920, 6 мая — 16 нояб. № 1-147. (*Дж.*).

Русская газета / Ред. Ю.С.Ржевский. Р., 1940. № 1-5. (*А.*). Ранее газ. «Сегодня» (см.).

Русская газета в Париже: [Еженед. газ.] / Ред.-изд. Е.А.Ефимовский и А.И.Филиппов. П., 1923, 12 нояб. — 1925, 10 июня. № 1-344. (*Рэ I*). В июне 1925 «Русская газета в Париже» и парижская газ. «Вечернее время» (см.) слились в одно издание — газ. «Русское время» (см.).

Русская жизнь: Ежеднев. газ. / Ред.-изд. П.И.Леонтиев. Г., 1919, 2 марта — дек. (*Рэ I*). Издание возникло в результате слияния гельсингфорсских газ. «Русский листок» (1918-19) и «Северная жизнь» (см.). Далее газ. «Новая русская жизнь» (см.).

Русская жизнь: Ежеднев. обществ.-полит. газ. / Ред.-изд. Е.К.Блашук. Р., 1920. № 1-65. (*А.*).

Русская жизнь: Ежеднев. газ. / Ред. П.П.Балакшин (1935-37), А.И.Делианич (1955-75). С-Ф., 1921 — . (*Ш.*). Изд. продолжается.

Русская мысль: Орган рус. секций франц. конфедераций дружинников-христиан [с 1968 Еженедельник] / Ред. колл.: С.А.Водов, В.Ф.Зеелер, В.А.Лазаревский, В.В.Полянский; Глав. ред. С.А.Водов (1954-68), З.А.Шаховская (1968-78), И.А.Иловайская-Альберти (с 1979). П., 1947, 19 апр. — . (*Рэ I*). Изд. продолжается.

Русская сила: Дем. орган рус. эмиграции, посв. вопросам практической работы рус. сил за границей / Отв. ред. Г.Ярошевский [факт. ред. Н.Н.Иванов]. Б., 1921, 25 дек. — 1922, 12 апр. № 1-14. (*Рэ I*).

Русские новости / Ред. П.П.Балакшин. С-Ф., 1937-1938. (*Ш.*).

Русские новости / Ред. А.Ф.Ступницкий (1945-51), М.Бесноватый (1952-70). П., 1945, 18 мая — 1970, 13 нояб. № 1-1288. (*Рэ I*).

Русский голос: Ежеднев. газ. / Ред. И.К.Окунцов, с 1920 А.Я.Браиловский. Н-Й., 1917, февр. — . (*Ш.*). Изд. продолжается.

Русский голос: Ежеднев. газ. / Ред.-изд. С.В.Востротин. Х., 1920, 1 июля — 1926, 30 янв. № 1-[1616]. (*Ш.*).

Русский голос / Отв. ред. Г.Соловьев. Рв., 1923, дек. — 1924. (*Рэ I*).

Русский день: Ежеднев. газ. военнопленных в Польше. [Б.м.], 1921. (*Рэ 1*).

Русский инвалид: Однодневный выпуск [*затем* Ежемес. воен.-науч. и лит. газ.] / Глав. ред. Н.Н.Баратов. П., 1925 — 1929, 22 мая. № 1-5; 1930, 22 февр. — 1940, 5 мая. № 1-151. (*Рэ 1*).

Русский курьер: Ежеднев. газ.: Орган дем. мысли / Ред.-изд. Д.И.Заборовский. Р., 1921-1924. (*А.*).

Русский патриот: Орган Союза рус. патриотов во Франции. П., 1943-1944. № 1-13; 1944, окт. — 1945, 17 марта. № 1-21. (*Рэ 1*). Далее газ. «Советский патриот» (см.).

Русское время: Ежеднев. [*затем* Нац.-беспартийная илл.] газ. / Ред. Б.А.Суворин, А.И.Филиппов [*затем* А.И.Филиппов и М.Ф.Полежаев]. П., 1925, 10 июня — 1929, 6 янв. № 1-[608]. (*Рэ 1*). Издание возникло в результате слияния парижской газ. «Вечернее время» (см.) и «Русской газеты в Париже» (см.).

Русское дело: К Молодой России / Отв. ред. А.Грейц. Бг., 1936-1938. № 1-45. (*Дж.*).

Русское обозрение: Еженед. газ. Чикаго, 1926-[1957]. (*Ш.*).

Русское слово: Народно-обществ. газ. / Ред. Л.П.Пазвольский. Н-Й., 1910-1920. (*Биогр. ист.*). Далее газ. «Новое русское слово» (см.).

Русское эхо: Ежеднев. [с июля 1922 Еженед.] антибольшевицкая обществ.-полит., промышленная и лит. газ.: Орган защиты рус. интересов в Китае / Ред.-изд. И.Н.Шендриков. Ш., 1920-1922. № 1-[602]. (*Ш.*).

Русь: Ежеднев. газ. / Основал И.М.Каллиников; Ред. С.С.Чазов. С., 1922. № 1-51; 1923-1928. № 1-[1704]. (*Рэ 1*).

Свершения: Орган пореволюционной мысли и пореволюционного действия: Ежемес. газ. / Ред. П.С.Боранецкий, Д.К.Даниленко, П.Н.Савицкий и Б.Г.Шварц. П., 1934, 8 авг. № 1. (*Рэ 1*).

Свобода: Газ. полит., лит. и обществ. / Ред. [последовательно] В.А.Злобин, В.Н.Рымер, И.И.Мацеевский [факт. ред. А.И.Гзовский (июль-дек. 1920), В.В.Португалов (дек. 1920 — нояб. 1921)]. В., 1920, 17 июля — 1921, 3 нояб. № 1-260. (*Рэ 1*). Далее газ. «За свободу!» (см.).

Свободная мысль: Орган дем. мысли / Ред. С.М.Розов. Р., 1920. № 1-10. (*А.*).

Свободная речь: Обществ.-полит. и лит. газ. / Ред. К.К.Парчевский. С., 1921, 22 нояб. — 1922, май. (*Рэ 1*).

Свободные мысли: Обществ.-полит. и лит. газ. / Ред. И.М.Василевский (Не-Буква). П., 1920, 20 сент. — 1921. № 1-12. (*Рэ 1*).

Северная жизнь: Еженед. [*затем* Ежеднев.] газ. рус. населения в Финляндии / Ред. А.В.Игельстром, Е.А.Ляцкий, Т.Ф.Странберг. Г., 1918, 22 нояб. — 1919, 28 февр. № 1-[47]. (*Рэ 1*). В марте 1919 «Северная жизнь» и гельсингфорсская газ. «Русский листок» (1918-19) слились в одно издание — гельсингфорсскую газ. «Русская жизнь» (см.).

Сегодня: Независимая дем. газ. / Ред. Н.Г.Бережанский, М.И.Ганфман (1922-34), Б.О.Харитон (с 1925), М.С.Мильруд. Р.: Изд-во «Народ», 1919, 17 авг. — 1940, 21 июня. (*А.*). Далее рижская «Русская газета» (см.).

Сегодня вечером: Ежеднев. газ. / Отв. ред. Б.О.Харитон. Р., 1923 — 1940, 15 июля. (*Рэ 1*).

Сегодня понедельник: Понедельничные вып. газ. «Сегодня». Р.: Изд. т-во «Сегодня», 1920, авг. — 1921, янв. № 1-25. (*А.*).

Слово: Большая рус. нац.-дем. газ. / Отв. ред. А.А.Образцов; Изд. а/о «Саламандра». Р., 1925, 11 нояб. — 1928, авг. № 1-1035. (*А.*).

Советский патриот: Орган сов. патриотов [*затем* Орган Центр. правления Союза сов. граждан] во Франции / Ред. Д.М.Одинец. П., 1945, 24 марта — 1948, 16 янв. № 22-169. (*Рэ 1*). Ранее газ. «Русский патриот» (см.).

Старое время: Еженед. газ.: Орган рус. нац.-гос. мысли / Отв. ред. Дж.Станкович. Бг., 1923, 7 окт. — 1924, 28 сент. № 1-78. (*Дж.*).

Шанхайская заря: Ежеднев. газ. / Глав. ред. Б.А.Суворин (1928-29); Ред. Л.В.Арнольдов; Изд. М.С.Лембич. Ш., 1924-1940. № 1-[4820]. (*Рэ 1*).

Эхо [*затем* Эхо Литвы]: Ежеднев. лит.-полит. газ. / Ред. А.С.Бухов. Ковно, 1920, нояб. — 1925. (*Рэ 1*).

СПИСОК ПОСЛЕДНИХ ПУБЛИКАЦИЙ[1]

Русское зарубежье. 1917-1991: Каталог изданий из фонда библиотеки-архива / Сост. Г.А.Толстых. М., 1992.

Евреи в культуре русского Зарубежья: Сб. ст., публикаций, мемуаров и эссе. Вып. 1-2 / Сост. М.А.Пархомовский. Иерусалим, 1992-1993 [Изд. продолжается].

Алексеев А.Д. Литература русского Зарубежья. Книги 1917-1940: Мат-лы к библиографии / Отв. ред. К.Д.Муратова. СПб., 1993.

Булгаков В.Ф. Словарь русских зарубежных писателей / Ред. Г.В.Ванечкова. New York, 1993.

Международная научная конференция «Культурное наследие российской эмиграции. 1917 — 1940-е годы»: Сб. мат-лов / Сост. А.В.Лупырёв, А.С.Федотов. М., 1993.[2]

Писатели русского Зарубежья (1918-1940): Справочник / Глав. ред. А.Н.Николюкин. Ч. I: А-И. М., 1993; Ч. II: К-С. М., 1994 [Изд. продолжается].

Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1918-1945: Библиография из каталога библиотеки Р.З.И. Архива / Сост. С.П.Постников; Под ред. С.Г.Блинова; Introd. by E.Kasinec, R.H.Davis. Т. 1-2. New York, 1993.

Политические деятели России. 1917: Биогр. словарь / Глав. ред. П.В.Волобуев. М., 1993.

Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917-1992 гг.) / Сост. Э.Е.Алексеева, Г.Б.Киселёва, Л.К.Киселёва, Е.Б.Летенкова; Ред. Г.В.Михеева; Науч. ред. Л.А.Шилов. СПб., 1993.

Философы России XIX-XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 1993.

---

[1] Список в хронологическом порядке включает книги, содержащие сведения по истории эмиграции и вышедшие в свет после того, как работа над данным изданием в целом была завершена.

[2] Публикацию отдельных статей, написанных на основе докладов этой конференции, см.: *Российский литературоведческий журнал,* 1994, № 4. Культуре эмиграции посвящен также обширный раздел другого журнала: *Записки Русской академической группы в США,* 1994, т. XXVI.

Штейн Э. Русская печать лагерей «ди-пи». [Orange]: Antiquary, 1993.

Шулепова Э.А. Русский некрополь под Парижем. М., 1993.

Dodenhoeft B. Laßt mich nach Russland heim: Russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945. Frankfurt a/M.; Berlin; Bern u. a., 1993.

Russian Emigré Literature: A Bibliography of Titles Held by the University of California, Berkeley Library / Comp. by A.Urbanic. Berkeley, [1993].

Богомолов Н.А. Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. 1900-1937. Т. 1. М., 1994 [Изд. продолжается].

Вронская Дж., Чугуев В. Кто есть кто в России и бывшем СССР: Выдающиеся личности бывшего Советского Союза, России и эмиграции. М., 1994.

Краткий путеводитель по бывшему спецхрану РГАЛИ (По состоянию на 1 окт. 1993) / Ред.-сост. С.В.Шумихин. М.; П., 1994.

Российская еврейская энциклопедия. Изд. 2-е, исправ. и доп. Т. I: А-К. М., 1994 [Изд. продолжается].

Русские писатели. 1800-1917: Биогр. словарь / Глав. ред. П.А.Николаев. Т. 3: К-М. М., 1994 [Изд. продолжается].

Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции (1917-1941): Биогр. словарь. Пб., 1994.

Der große Exodus: Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941 / Hrsg. von K.Schlögel. München, 1994.

Dictionary of Russian Women Writers / Ed. by M.Ledkovsky, Ch.Rosenthal, M.Zirin. Westport; London, 1994.

Literary Exile in the Twentieth Century: An Analysis and Biographical Dictionary / Ed. by M.Tuker. New York; Westport, 1994.

ОБЩИЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ПСЕВДОНИМОВ*

* Инициальные криптонимы эмигрантских авторов см. в соответствующих статьях Словаря. Страницы биографических статей выделены в указателе курсивом.

28 994

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛЕБ СТРУВЕ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИЗГНАНИИ

ЧАСТЬ I

СТАНОВЛЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(1920—1924)

ЧАСТЬ II

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА САМООПРЕДЕЛЯЕТСЯ
(1925—1939)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ВОЙНА И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Р.И.ВИЛЬДАНОВА
В.Б.КУДРЯВЦЕВ
К.Ю.ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Струве Г.П.

С-87 Русская литература в изгнании / Глеб Струве. — 3-е изд., испр. и доп. Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Р.И.Вильданова, В.Б.Кудрявцев, К.Ю.Лаппо-Данилевский. Вступ. ст. К.Ю.Лаппо-Данилевского. — Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. — 448 с.

ISBN 5-85887-012-0

Книга является одной из первых попыток целостного подхода к изучению литературы русского Зарубежья 1920-х — 1930-х годов. Издание включает в себя ставший классическим труд Г.П.Струве «Русская литература в изгнании» (в России публикуется впервые) и «Краткий биографический словарь русского Зарубежья», составленный петербуржцами Р.И.Вильдановой, В.Б.Кудрявцевым и К.Ю.Лаппо-Данилевским. Оба исследования объединены общим кругом эмигрантских имен и изданий. Монография Г.П.Струве посвящена становлению и расцвету довоенной эмигрантской литературы. Словарь и примыкающий к нему «Перечень изданий русского Зарубежья» содержат обширную биобиблиографическую информацию, источником которой зачастую служили малодоступные или ранее неизвестные материалы.

Адресовано читателям, интересующимся историей русской эмиграции.

ББК 83.3Р

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИЗГНАНИИ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Зав. редакцией *Т.Л.Белкина*
Корректор *М.М.Уразова*
Технический редактор *Л.А.Фирсова*

ЛР № 040399 от 17.03.1992 г.
Подписано в печать 12.12.95.
Формат 70 × 100/16. Тираж 3000 экз. Печ. л. 28.

СП «Русский путь»
109004, Москва, Нижняя Радищевская, д. 2, стр. 1.
Тел. (095) 915-10-47

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, Можайск, ул. Мира, 93
Зак. № 994